

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2019

№ 58

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); **Киришин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского государственного университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекебай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории; **Воробьева Вероника Сергеевна**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, проф. кафедры музеологии, природного и культурного наследия, **Троицкий Евгений Флорентьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики; **Фоминых Сергей Федорович**, д-р ист. наук, проф. кафедры современной отечественной истории; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History; **Vorobyeva Veronica S.**, Executive Editor, PhD (History), Assistant of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor of the Department of Modern Russian History; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Андреев С.Н. Колхозно-совхозная система СССР в 1946–1964 гг. в современной отечественной историографии	5
Бадмаева Е.Н. Местные финансовые органы государственного управления в 1917–1921 гг.	12
Зориктуев Б.Р. Названия <i>старые баргуты</i> и <i>новые баргуты</i> как отражение перипетий истории двух байкальских этносов в XVII – первой трети XVIII в.	21
Кончаковская Н.Б. Девичество горожанок Перми и Екатеринбурга в конце XIX – начале XX века (в контексте повседневности)	32
Костерев А.Г. Феномен советского технократизма: к постановке проблемы (политико-идеологическое и социально-культурное измерения)	41
Лыкова А.А. Региональные отделения политических партий Республики Алтай в избирательных кампаниях 2014 г.: степень политической конкуренции	48
Скоробогач Н.И. Роль общественных объединений этнического характера в политической системе Республики Хакасия	54
Фоминих С.Ф., Дунбинский И.А., Некрылов С.А. К истории комплектования книжных фондов Научной библиотеки Томского университета	60
Цинцадзе Н.С. Временное правительство и экологические проблемы российской провинции в 1917 г.: попытки решения на транзите между «царизмом» и «большевизмом»	65
Шестопалова А.С. «Национальный вопрос» в российской армии (по материалам отечественной публицистики)	78

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ахмедов Т.А. Многоходовая операция в судьбе западного (сирийского) Курдистана в рамках большой ближневосточной игры в 2011–2018 гг.	82
Данков А.Г. Образовательное партнерство Китая с Россией, Украиной и Республикой Беларусь (1992–2018 гг.)	86
Красильщикова Т.В. Обсуждение законов о бюджете в Конгрессе США 106-го созыва	91
Сизова А.А. «Смешанные» дела с участием подданных России и Китая в Монголии во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы следствия и судопроизводства	94

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ
И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Климова О.Г. Вклад профессора В.П. Бойко в изучение отечественного предпринимательства и истории сибирского купечества	106
Непомнящий А.А. «Многие теперь прячутся...»: Б.Д. Греков и кримоведение 30-х гг. XX в.	112
Сыров В.Н. К вопросу о моральной составляющей исторической культуры	117
Шмидт В.В., Ризов Ш.Х. Власть: к проблеме дефиниции	125

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Andreenkov S.N. The USSR collective farm and state farm system of 1946–1964 in the modern national historiography	5
Badmaeva E.N. Local financial bodies of state administration in 1917–1921	12
Zoriktuev B.R. The names <i>old barguts</i> and <i>new barguts</i> as reflections of events in the history of two Baikal area ethnicities in the 17th and the first third of the 18th century	21
Konchakovskaya N.B. The girlhood among townswomen of the Perm province at the end of XIX – the beginning of the XX-th century (in the context of daily occurrence)	32
Kosterev A.G. The phenomenon of soviet technocratism: to the formulation of the problem (political-ideological and socio-cultural dimensions)	41
Lykova A.A. Regional offices of political parties of Altai Republic in election campaigns of 2014: extent of the political competition	48
Skorobogach N.I. The role of ethnic associations in the state system of the Republic Khakassia	54
Fominykh S.F., Dunbinskiy I.A., Nekrylov S.A. The history of acquisition of book funds of the Scientific Library of Tomsk University	60
Tsintsadze N.S. Provisional government and environmental problems of Russian province in 1917: attempts to solve on the transit between «tsarism» and «bolshevism»	65
Shestopalova A.S. «National issue» in the Russian army (based on domestic journalism materials)	78

PROBLEMS OF WORLD HISTORY
AND INTERNATIONAL RELATION

Akhmedov T.A. Complicated political operation in the Western (Syrian) Kurdistan within the great game in the Middle East in 2011–2018	82
Dankov A.G. The educational partnership between China and Russia, Ukraine and Belarus (1992–2018)	86
Krasilshchikova T.V. The discussion on budget questions in the 106 th U.S. Congress	91
Sizova A.A. «Mixed» cases involving the Russian and Chinese subjects in Mongolia in the second half of the 19 th – the early 20 th century: the issues of investigation and legal proceedings	94

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY
AND METODOLOGY OF HISTORY

Klimova O.G. The contribution of the professor V.P. Boiko in the study of the entrepreneurship and the history of Siberian merchants	106
Nepomnyashchy A.A. «Many are now hiding ...»: B.D. Grekov and crimean local history 30s of XX century	112
Syrov V.N. About the moral component of historical culture	117
Schmidt W.V., Rizoov Sh.Kh. Power: on the issue of defining it	125

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Абсаямова Ю.А., Исламова Р.Х. Объекты сакрального ландшафта башкир в материалах фототеки отдела этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (от 1960-х до 2010-х гг.)	131
Ван Гохун. Ценности культурных миров в русских и китайских сказках	137
Карлова К.Ф. О некоторых аспектах почитания Сета в оазисах (на примере «Малой стелы из Дахлы»)	145
Пермиловская А.Б. Строительные традиции и обрядность северного деревянного зодчества	150
Русланова Р.Р., Русланов Е.В., Белявская (Крапачева) О.С. Металлические изделия и относительная хронология средневекового городища Уфа-II в Лесостепном Приуралье	159
Шерстова Л.И. Движение русских за Урал: этнокультурные трансформации этноса в XVII–XIX вв.	170

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Крайнева И.А., Некрылов С.А. О педагогическом наследии А.А. Ляпунова	178
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Косых Е.Н. Рецензия: Бойко В.П., Ситникова Е.В., Богданова О.В., Шагов Н.В. Формирование архитектурного облика городов Западной Сибири в XVII – начале XX в. и местное купечество (Тобольск, Тюмень, Томск, Тара, Омск, Каинск). Томск : Изд-во ТГАСУ, 2017. 324 с.	185
Матханова Н.П. Рецензия: Клевакин Е.П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае : сборник документов : в 2 т. / изд. подгот. П.А. Афанасьев. Барнаул : АлтГПУ, 2017. Т. 1. 420 с.; Т. 2. 458 с.	188
Шерстова Л.И. Рецензия: Кимеев В.М., Копытов А.И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки : монография. Кемерово : Примула, 2018. 600, 24 с.	191

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рогачев В.И., Шубин С.И. Арктические университеты России и Норвегии расширяют сотрудничество в Баренцевом евро-арктическом регионе	194
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	197
----------------------------------	-----

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Absalyamova Y.A., Islamova R.H. Objects of the sacred landscape of the Bashkirs in the materials of the photographic library of the department of ethnology of the Institute of history, language and literature, Ufa scientific centre Russian Academy of Sciences (from the 1960-s to the 2010-s)	131
Wang Guohong. Values of cultural worlds in Russian and Chinese tales	137
Karlova K.F. On some aspects of the veneration of Seth in the oases (on the example of the Smaller Dâkhla stela)	145
Permilovskaya A.B. Construction traditions and ritual of the northern wooden architecture	150
Ruslanova R.R., Ruslanov E.V., Beljavskaja (Krapacheva) O.S. Metal products and relative chronology of the medieval settlement Ufa-II in the Forest-Steppe Urals	159
Lyudmila I. Sherstova. Russian movement beyond the Urals: ethno-cultural transformations of the ethnos in the XVII–XIX centuries	170

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIQUE

Krayneva I.A., Nekrylov S.A. On A.A. Lyapunov's pedagogical heritage	178
---	-----

REVIEW

Kosykh E.N. Review: Boyko V.P., Sitnikova E.V., Bogdanova O.V., Shagov N.V. Formation of the architectural appearance of the cities of Western Siberia in the XVII – early XX century and the local merchants (Tobolsk, Tyumen, Tomsk, Tara, Omsk, Kainsk). Tomsk : Izdatelstvo TGASU, 2017. 324 p.	185
Matkhanova N.P. Review: Klevakin E.P. Notes of the provincial official of the second half of the 19 th century: Memoirs and stories about life and service in the Urals and Altai: collection of documents: in 2 v. / the edition is prepared by P.A. Afanasyev. Barnaul : Altai pedagogical university, 2017. Vol. 1. 420 p.; Vol. 2. 458 p.	188
Lyudmila I. Sherstova. Review: Kimeev V.M., Kopytov A.I. Mountain Shoria: history and modernity. Historical-ethnographic essays. Kemerovo : Primula, 2018. 600, 24 p.	191

LIFE OF SCIENCE

Rogachev I.V., Shubin S.I. Arctic universities of Russia and Norway expand cooperation in the Barents Euro-Arctic region	194
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	197
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47)''1946/1964''(093)

DOI: 10.17223/19988613/58/1

С.Н. Андреенков

КОЛХОЗНО-СОВХОЗНАЯ СИСТЕМА СССР В 1946–1964 гг. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализируются взгляды современных исследователей на развитие и функционирование колхозно-совхозной системы СССР в годы послевоенного сталинизма и «хрущевского» десятилетия. Выявлены направления анализа, степень изученности и перспективы исследования темы, а также факторы, влияющие на мнения исследователей, сходства и различия в их оценках и выводах, полемика. Сделан вывод, что в 1990-е гг. в историографии доминировала точка зрения, согласно которой колхозно-совхозная система – средство угнетения крестьянства, раскрестьянивания традиционной деревни. Альтернативой коллективным хозяйствам считались фермерские. С конца 1990-х гг. нигилистические оценки советского аграрного строя разбавляются более взвешенными представлениями о том, что колхозно-совхозная система – в первую очередь инструмент модернизации сельского хозяйства.

Ключевые слова: историография; колхозно-совхозная система; машинно-тракторные станции; личные подсобные хозяйства; крестьянство; аграрный строй; сельское хозяйство.

Созданная в 1930-е гг. в СССР колхозно-совхозная система, элементами которой, помимо соответственно коллективных (де-юре кооперативных) и советских (государственных) сельхозпредприятий, являлись государственные машинно-тракторные станции (МТС), подсобные хозяйства организаций и личные подсобные хозяйства (ЛПХ) населения, – один из базовых социально-экономических институтов советского социалистического строя. Важные перемены в функционировании этой системы произошли во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х гг. Развитие колхозно-совхозной системы в годы послевоенного двадцатилетия представляет собой значимую научно-историческую проблему.

В 1960–1980-е гг. деятельность колхозов, совхозов и других организационных форм в указанный период анализировалась широким кругом ученых, которые ввели в научный оборот значительный объем конкретно-исторической информации. Однако для полного и объективного отображения анализируемых процессов предоставленным исследователям данных было недостаточно. Созданию достоверной картины развития колхозно-совхозной системы мешала необходимость учитывать доктринальные установки и мнение верховной власти. До середины 1980-х гг. на первый план в публикациях ставились достижения крупных социалистических сельхозпредприятий, а направленность и жесткость критики недостатков в их работе и функционировании аграрной системы в целом зависели от текущей политической конъюнктуры. В годы перестройки, наоборот, с подачи руководства страны отрицательные стороны существующего аграрного строя исследователи выпячивали, а о положительных предпочитали не говорить. Сталинская коллективизация была объявлена бессмысленным актом насилия над крестьянством, а порожденная ею колхозно-совхозная

система – неэффективным и людоедским механизмом, имевшим альтернативу. Коллективным формам хозяйствования противопоставлялось индивидуальное (фермерское) хозяйство, которое должно было способствовать возрождению отечественного аграрного производства (см., напр.: [1. С. 16–17]).

В конце 1980-х гг. исследователи получили широкий доступ к архивным материалам, полную свободу мнений и, соответственно, все шансы дать объективную оценку развитию советской колхозно-совхозной системы. Насколько актуальной оказалась эта тема в 1990–2010-е гг. и какие выводы сделали историки при ее изучении в постсоветский период? На эти вопросы мы попытаемся ответить в настоящей статье.

Методологические подходы, заданные в конце 1980-х – начале 1990-х гг., оказывали влияние на выбор проблематики научно-исторического исследования. Большое количество работ, касающихся истории аграрного сектора советской экономики послевоенного периода, посвящено крестьянству. Вопросы развития колхозного двора и семьи были проанализированы М.А. Безниным [2], О.М. Вербицкой [3] и коллективом авторов под руководством В.А. Ильных [4] и др. Личные подворья колхозников рассмотрены не как личное подсобное хозяйство работников сельскохозяйственных предприятий, а как особый социально-экономический феномен. Наиболее интенсивно и плодотворно разрабатывались проблемы налогового обложения села (см., напр.: [5]), репрессивной политики государства и сопротивления ей крестьянства (см., напр.: [6]), раскрестьянивания советской деревни в целом (см., напр.: [7]). Данные проблемы анализировались на материалах национальных районов страны (см., напр.: [8]). Колхозы, МТС, совхозы представлялись в основном как механизм угнетения крестьян.

В начале XXI в. значительная часть ученых стала по-иному смотреть на развитие и функционирование колхозно-совхозной системы, чему во многом способствовал ряд объективных и очевидных явлений в современной аграрной экономике России. В 1990-е гг. крестьянско-фермерские хозяйства производили почти половину всей сельхозпродукции (чисто фермерские – около 3%), при этом доля продуктов, поставлявшаяся ими на рынок, оказалась намного ниже прогнозируемой. Основными производителями товарной продукции оказались крупные сельхозпредприятия, организованные на базе советских колхозов и совхозов. Эксперты пытаются объяснить это явление. Так, американские аналитики из университета Ньюкасла И.В. Давыдова и Дж. Франкс полагают, что доминирование агрохолдингов над фермерами обусловлено как российской спецификой: «(1) культурными детерминантами поведения, сложившимися в царское и советское время и препятствующими индивидуализации сельскохозяйственного производства, (2) тяготением к агрохолдингам со стороны местных органов власти и (3) “захватом земли” в качестве движущего мотива создания мегаферм», так и влиянием «всемирного рывка в сторону крупномасштабного сельскохозяйственного производства» [9]. По мнению О.В. Шлыковой, в настоящее время большинство ученых полагают, что в аграрном секторе экономики России по критерию потенциальной эффективности «коллективные хозяйства» сохраняют лидирующие позиции. За развитие крупных хозяйств выступает и большинство селян. «В связи с этим в условиях возрождения национального сельского хозяйства изучение опыта организации колхозного производства в период поддержки их активного развития в 1953–1964 гг. значимо не только в научно-теоретическом, но и в практико-политическом отношении» [10].

Возрождению интереса к колхозно-совхозной тематике способствовало также появление во второй половине 1990-х – 2000-е гг. ряда публикаций, в том числе крупных монографий (И.Е. Зеленин) [11], раскрывавших особенности аграрной политики государства во второй половине 1940-х – первой половине 1960-х гг. Их авторы попытались осмыслить мотивы и логику решений И.В. Сталина и Н.С. Хрущева, касающихся колхозно-совхозного строительства, развеять мифы, сложившиеся вокруг этих личностей, их дел и аграрного строя страны в целом. В научный оборот введен значительный объем новой конкретно-исторической информации, хотя выводы авторов, проанализировавших вопросы аграрного реформирования середины XX в., в основном отражали базовые черты парадигмы, сложившейся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Для И.Е. Зеленина главным достижением политики Н.С. Хрущева была «ликвидация крайних проявлений тоталитарного режима». Но его аграрные преобразования представляли собой всего лишь моделирование «социалистической системы сельского хозяйства» в ее «ленинско-сталинской интерпретации». Альтернативные колхозам и совхозам формы организации производства, например крестьянско-фермерские хозяйства, не предусматривались [11. С. 282–283].

Новый взгляд на колхозно-совхозную систему стал закрепляться в научной литературе в связи с увеличением среди исследователей числа сторонников мнения о том, что сталинская коллективизация – насильственная, но необходимая мера, без которой были невозможны индустриализация, укрепление обороны страны, победа в Великой Отечественной войне, а также быстрое восстановление народного хозяйства и достижение военно-стратегического паритета с США в послевоенные годы. Колхозно-совхозная система в этом плане представляется как несовершенный, но востребованный и своевременный социально-экономический институт, позволивший стране ответить на важнейшие исторические вызовы, модернизировать сельское хозяйство. Подобные взгляды смогли укорениться в историографии во многом благодаря работам таких авторов, как А.Г. Вишневский [12], В.А. Бондарев [13] и др.

Большая часть авторов, придерживающихся данной парадигмы, посвящает свои работы истории колхозов. В публикациях на эту тему предпринята попытка выявить новые грани старых научных проблем. В центре внимания стоят вопросы, связанные с отношениями между колхозами и государством, с организацией, оплатой и использованием труда колхозников, уровнем доходности хозяйств и их работников, развитием трудовых ресурсов и производством сельскохозяйственной продукции.

При анализе развития колхозной системы в период послевоенного сталинизма исследователи в первую очередь акцентируют внимание на низкой оплате труда колхозников, отсутствии у них материальной заинтересованности в работе на общественных полях и фермах (см., напр.: [14]). Отмечается превалирование моральных стимулов к труду. Некоторые авторы полагают, что в практике их использования было немало положительных моментов. По мнению С.В. Ковригиной, проведение социалистического соревнования, вручение правительственных наград, переходящих знамен и другие виды морального поощрения в определенной мере влияли на формирование нравственных ценностей, удовлетворяли честолюбие людей, задавали нормы жизни и требования к каждому человеку [15].

Историки анализируют причины, ход и последствия укрупнения колхозов в начале 1950-х гг. и делают вывод о том, что данное мероприятие к каким-либо очевидным позитивным результатам не привело и только породило много новых проблем (см., напр.: [16]). Изучаются структура, изменение объема и порядок использования трудовых ресурсов колхозов, причины их сокращения в послевоенные годы (см., напр.: [17]). Многие авторы рассматривают проблемы, которые были поставлены, но не раскрыты в полной мере в советское время. Так, В.Н. Томилин проанализировал особенности землеустройства и введения севооборотов в сельхозартелях [18], И.В. Кометчиков – «черные кассы» колхозов и борьбу с ними властей [19], Л.В. Изюмова – жизнь колхозного социума в условиях модернизации [20].

Исследователи, изучающие вопросы развития колхозов в период «хрущевского» десятилетия, в первую очередь обращают внимание на изменение порядка и

рост уровня оплаты труда колхозников. М.А. Безнин и Т.М. Димони обосновывают тезис о том, что в середине 1950-х гг. произошел переход от внеэкономических к экономическим («зарплатным») способам эксплуатации. Основными траекториями движения трудовых стимулов стали монетизация жизненных притязаний и интерес к премиально-стимулирующей деятельности сельскохозяйственной администрации [21]. В то же время многие историки, обоснованно констатируя повышение доходности колхозов в постсталинский период, делают вывод, что заработок колхозников от работы в общественном производстве по-прежнему не был основным источником их доходов и вообще фактором, определяющим материальную заинтересованность в результатах труда (см., напр.: [22]).

Дискуссионным остается вопрос о том, могла ли «аграрная либерализация» середины 1950-х гг., одним из символов которой стало решение правительства расширить полномочия хозяйств в производственном планировании (1955), превратить колхозы в самостоятельные жизнеспособные хозяйственные организации. В литературе можно встретить мнение, что основания для перехода сельхозартелей в такой формат существования были. Ю.В. Кузнецов утверждает, что среди колхозных председателей (даже тридцатитысячников) встречались руководители, выступавшие за хозяйственную самостоятельность сельхозпредприятий [23]. О.Ю. Ельчанинова акцентировала внимание на том, что по действовавшим правовым нормам колхозы имели широкие полномочия и возможности для относительно независимого хозяйствования [24]. Причины отказа от подлинной либерализации колхозной системы данные исследователи увидели в склонности власти решать социально-экономические проблемы с помощью административно-командных средств. По нашему мнению, диктат являлся и тормозом, и одновременно мотором развития аграрной экономики. Его ослабление часто сопровождалось снижением дисциплины труда колхозников и производственных показателей хозяйств. Поэтому верховная власть не могла отказаться от жесткого администрирования, но качество его было низким [25].

Еще одна научно-историческая проблема, интересующая современных исследователей колхозной системы, – массовое преобразование колхозов в совхозы. Историки в целом считают данную акцию весьма сомнительным начинанием, хотя и признают, что в первые послевоенные годы она была едва ли не единственным способом решения социальных проблем деревни. Реорганизация сельхозартелей в государственные хозяйства в середине 1950-х – первой половине 1960-х гг. в современной литературе представлена в первую очередь как неудавшаяся попытка Н.С. Хрущева претворить в жизнь доктринальные установки [26]. Существует также мнение, что рассматриваемая акция была больше порождением прагматических соображений чиновников, стремившихся через огосударствление колхозов упростить управление сельхозпроизводством [27].

Важным направлением изучения истории колхозно-совхозной системы является анализ развития ма-

шинно-тракторных станций. Почти все авторы, исследующие эти вопросы, обоснованно говорят о крайне слабой обеспеченности МТС кадрами и материально-техническими ресурсами во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. и о позитивных сдвигах в развитии станций в первые постсталинские годы при сохранении ряда проблем в их деятельности (низкое качество и высокая себестоимость работ, медленное развитие механизации животноводства и др.) [28].

По мнению В.Н. Томилина, автора монографии по этой теме, причины трудностей в развитии МТС коренились не столько в самой системе МТС, сколько в ошибочных шагах Н.С. Хрущева: сокращении финансирования МТС в связи с увеличением капиталовложений в совхозный сектор, распылении людских и технических ресурсов во время целинной кампании вместо их концентрации в МТС и др. Таким образом, у МТС был большой потенциал, их ликвидация являлась непродуманной мерой, осуществление которой, в частности, загнало колхозы в долги [29]. С В.Н. Томилиным полемизирует экономист Д.Б. Эпштейн, популяризирующий теоретическое наследие В.Г. Венжера. По мнению Д.Б. Эпштейна, продажа техники МТС колхозам была необходима, и упор на тезис о том, что она разорила колхозы, делают сталинисты. Автор приводит данные, которые, как он полагает, доказывают, что разорения колхозов не было [30]. Наш вклад в изучение проблемы состоит в выявлении сведений о существовании в середине 1950-х гг. альтернативного проекта реорганизации МТС, предусматривавшего объединение станций и колхозов для образования нового типа сельхозпредприятий – соцхозов или госкоопхозов [31].

Совхозная тематика также представлена в научно-исторической литературе. Как и в советский период, ученые уделяют ей меньше внимания, чем анализу колхозов и МТС. Одним из основных направлений исследования темы является выявление особенностей массового строительства совхозов («совхозизации») [32, 33]. Важными представляются данные и выводы о процессе «совхозообразования» и жизни совхозного социума в условиях модернизации [34].

Государственные сельхозпредприятия показаны как двигатели аграрной модернизации, очаги городской культуры и городского образа жизни в деревне. В то же время отмечаются многие недостатки в функционировании совхозной системы, тормозившие ее развитие. В.Я. Романченко, например, среди них в первую очередь выделяет доминирование директивных методов управления [32].

В новой историографии колхозно-совхозной системы нашлось место и исследованиям, посвященным развитию личных подсобных хозяйств (ЛПХ) населения как значимой составляющей аграрного строя. Предметом анализа является политика государства по отношению к индивидуальным подворьям селян [35]. Внимание историков приковано в основном к ЛПХ колхозников, хотя появляются и публикации о политике государства по отношению к хозяйствам рабочих и служащих (см., напр.: [36]) – в настоящее время наименее изученной теме.

Авторы акцентируют внимание на разнице в отношении правительства к ЛПХ в годы послевоенного сталинизма и в период «хрущевского» десятилетия. Сделан вывод, что в 1940-е – начале 1950-х гг. ЛПХ выступали в качестве компенсации колхозникам за почти бесплатную работу в общественном хозяйстве и являлись дополнительным источником ресурсов для государства. При Н.С. Хрущеве ЛПХ уже не считались вспомогательным поставщиком сельхозпродукции и денежных средств, но оказались препятствием на пути к коммунизму. Гонения на ЛПХ обоснованно признаются ошибкой Н.С. Хрущева [35].

Современные научно-исторические публикации, раскрывающие проблемы развития колхозно-совхозной системы, безусловно, представляют собой источник новых ценных и востребованных знаний. В то же время не хватает монографических работ по анализируемой проблематике, в том числе обобщающих. Больше внимания следует уделить изучению проектов реформирования колхозно-совхозной системы, к реализации которых так и не приступили. Анализ последних позволит просчитать возможные альтернативные траектории эволюции хозяйственных форм. Важно понять, какой вклад в развитие аграрного производства внес каждый тип хозяйств, какова была их доля в общих производственных мощностях и валовом производстве. К сожалению, незначительным остается число публикаций, подготовленных на материалах Сибири.

Современную историографию рассматриваемой темы составляют также работы, в которых в более широких проблемно-хронологических рамках осуществляется поиск новых методологических подходов к исследованию аграрного строя страны в русле теории модернизации.

Г.Е. Корнилов использует термин «агропереход», под которым понимает отход от традиционного сельского хозяйства к современному. На его первой фазе (конец XIX – середина XX в.) носителями модернизационных изменений являлись зажиточные крестьяне, а после их уничтожения в ходе коллективизации – механизаторы. При этом колхозники не были активной модернизационной силой. На второй фазе «агроперехода» (1950–1980-е гг.) носителями прогрессивных тенденций в деревне выступали специалисты, номенклатура, включавшая руководителей сельхозпредприятий, партийных и советских функционеров [37].

М.А. Безнин, Т.М. Димони выдвинули концепцию государственной капитализации сельского хозяйства как особого российского способа аграрной модернизации. По их мнению, в 1930-е гг. сформировалось три новых хозяйственных уклада: колхозы, совхозы и личные хозяйства населения. Государственный капитал

проникал в аграрную сферу экономики через совхозную систему. Но ведущие позиции в валовом производстве сельхозпродукции занимали колхозы. К началу 1950-х гг. повинностные механизмы эксплуатации деревни, реализовывавшиеся посредством колхозного уклада, полностью себя исчерпали. К этому времени уже был накоплен потенциал перехода к ускоренной капитализации. В 1950–1960-е гг. в деревню пришел зрелый госкапитализм. Ведущим укладом стали совхозы. К ним постепенно подтягивались и колхозы, в дальнейшем оказавшиеся почти неотличимыми от совхозов. Капитализация аграрного производства сопровождалась классовым переструктурированием сельского социума: появлением в деревне протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, пролетариата [38].

Если Г.Е. Корнилов и М.А. Безнин пытаются понять сущность аграрных явлений, используя методы рационализма, то В.А. Ильиних делает выводы, опираясь на эмпирический подход. Он обоснованно утверждает, что отечественный исторический процесс в целом и развитие аграрной сферы экономики России в частности представляли собой не линейную поступательную эволюцию, а серию дискретных скачков (этапов), на каждом из которых существовала особая модель функционирования аграрного строя, имевшая не только количественные, но и принципиальные качественные отличия. В XX в. в России сменилось несколько таких моделей. Период с осени 1953 г. до середины 1960-х гг. включительно рассматривается как переходный этап, в рамках которого произошел отказ от базовых механизмов сталинской хозяйственной системы. Характерными чертами становления и функционирования новой (постсталинской) модели аграрного строя были укрупнение производственных структур (особенно в Сибири), индустриализация сельскохозяйственного производства и труда. Организационно-производственной основой сельского хозяйства стали крупные государственные сельхозпредприятия, в которые были превращены и колхозы [39].

Таким образом, в настоящее время интерес к вопросам развития и функционирования колхозно-совхозной системы в годы послевоенного десятилетия возрастает. Ставится много новых важных проблем, которые анализируются в основном на региональном материале. Нигилистические оценки советского аграрного строя, заданные в период перестройки, с конца 1990-х гг. разбавляются более взвешенными представлениями о том, что колхозно-совхозная система – не только механизм угнетения крестьянства, но и инструмент модернизации сельского хозяйства, хотя и очень несовершенный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллективизация: истоки, сущность, последствия : беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 3–62.
2. Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М. ; Вологда, 1991. 253 с.
3. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х гг. М. : Наука, 1992. 224 с.
4. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е гг. / Т.М. Бадалян, В.А. Ильиних, И.Б. Карпунина, А.П. Мелентьева. Новосибирск : Изд-во ИДМИ, 2001. 188 с.
5. Ильиних В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск : ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.

6. Стрельцова Т.П. Внеэкономическое принуждение и социальный протест амурского крестьянства в первые послевоенные годы (1946–1953) // Вестник Амурского государственного университета. 2002. Вып. 16. С. 41–48;
7. Ильиных В.А. Тенденции и этапы процесса раскрестьянивания в Сибири в советский период (к постановке вопроса) // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 42–49.
8. Ахмадиева Н.В. Колхозное крестьянство Башкирской АССР в 1945–1965 гг. Уфа : Гилем, 2008. 176 с.
9. Давыдова И.В., Франкс Д. Возрождение крупных хозяйств в России: почему агрохолдинги доминируют в российском аграрном секторе // Мир России : социология, этнология. 2015. Т. 24, № 3. С. 133–159.
10. Шлыкова О.В. Место и роль колхозов в сельскохозяйственном производстве в 1950–2000-х гг. (краткий историографический анализ) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, № 2-2. С. 51.
11. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М. : ИРИ РАН, 2001. 305 с.
12. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998. 432 с.
13. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х гг. XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 580 с.
14. Васильев М.С. Доходы колхозов и колхозников Тамбовской области в начале 1950-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8-3. С. 53–55.
15. Ковригина С.В. Внеэкономические формы стимулирования крестьянства Приангарья в послевоенный период // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 208–214.
16. Томилин В.Н. Реформа 1950 г. по укрупнению колхозов и ее последствия // Власть и общество: практики взаимодействия и конфликты: Материалы Девятой региональной научной конференции. Воронеж, 2015. С. 179–183.
17. Миронов Р.Б. Состояние рабочей силы в колхозах Прибайкалья на рубеже 1940–1950-х гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2008. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. С. 212–218.
18. Томилин В.Н. Землеустройство колхозов Центрального Черноземья и их укрупнение во второй половине 1940-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 4 (60). С. 52–56.
19. Кометчиков И.В. «Черные кассы» колхозов Центрального Нечерноземья и борьба с ними в середине 1940-х – начале 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014: Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. / отв. Е.Н. Швейковская. Самара, 2014. № 1. С. 406–414.
20. Изюмова Л.В. Государственная политика в контексте социальной модернизации колхозной деревни в 1930–1960-е гг. // Государственная аграрная политика в России XX века в контексте модернизационного процесса. Вологда : Русь, 2006. С. 78–101.
21. Безнин М.А., Димони Т.М. Становление «зарплатного» способа эксплуатации труда в российской деревне 1930–1980-х гг. // Проблемы развития территории. 2013. № 4 (66). С. 102–109.
22. Полх П.П. Стоимость трудодня в колхозах Калининградской области: источники и проблема достоверности // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования : материалы XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Е.Н. Швейковская. Рязань, 2012. С. 355–363.
23. Кузнецов Ю.В. Сельская «элита»: председательский корпус орловских колхозов в период аграрных реформ Н.С. Хрущева // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок : материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел : Орловская правда, 2006. С. 491–498.
24. Ельчанинова О.Ю. Правовое регулирование колхозных правоотношений: анализ советского законодательства 1950–1970-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-3. С. 56–61.
25. Андреенков С.Н. Влияние аграрной «либерализации» середины 1950-х гг. на внутриколхозные отношения в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 90–94.
26. Шлыкова О.В. Преобразование колхозов в совхозы в 1950–1960-е гг. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 3. С. 152–154.
27. Верхогляд Д.А. Преобразование колхозов в совхозы в 1960–1970-х гг.: причины и влияние изменения статуса хозяйствующего субъекта на реализацию права землепользования // Юристы – Правовед. 2013. № 6 (61). С. 116–119.
28. Шульбаев О.Н. МТС Восточной Сибири в 1946–1957 гг.: основные направления и результаты производственной деятельности // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. С. 305–312.
29. Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М. : АИРО-XXI, 2009. 400 с.
30. Эпштейн Д.Б. Разорила ли колхозы продажа им тракторов в 1958 г. // Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель / под ред. Т.Е. Кузнецовой, Л.В. Никифорова. М. : ИЭ РАН, 2015. С. 235–245.
31. Андреенков С.Н. Причины и альтернативы реорганизации машинно-тракторных станций 1958 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 42–46.
32. Романченко В.Я. Типология и особенности эволюции совхозной системы России в условиях аграрной модернизации 1950-х – 1980-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. / отв. Е.Н. Швейковская. М. ; Брянск : РИО Брянского ун-та, 2012. № 1. С. 510–520.
33. Андреенков С.Н. Совхозное строительство в годы «хрущевского десятилетия»: предпосылки, ход, результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 84–89.
34. Трофимова А.И. Процесс экономической модернизации в совхозах РСФСР в 1930–1950-е гг. (на материалах европейского севера России) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4 (20). С. 42–45.
35. Коньшев Д.Н. Государственная политика ограничения личного подсобного хозяйства (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Российская история. 2011. № 3. С. 102–111;
36. Яхновская С.В. «Очень много развелось скота у рабочих...». Из опыта государственного регулирования ЛПХ // Родина. 2012. № 3. С. 157–160.
37. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. / отв. Е.Н. Швейковская. М. ; Брянск : РИО Брянского ун-та, 2012. № 1. С. 607–620.
38. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х гг. М. : ЛЕНАНД, 2014. 608 с.
39. Ильиных В.А. Аграрный строй Сибири в XX в.: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012: Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. / отв. Е.Н. Швейковская. М. ; Брянск : РИО Брянского ун-та, 2012. № 1. С. 620–629.

Andreenkov Sergey N. Institute of history of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: andreenkov_sn@mail.ru

THE USSR COLLECTIVE FARM AND STATE FARM SYSTEM OF 1946-1964 IN THE MODERN NATIONAL HISTORIOGRAPHY

Keywords: historiography; collective farm and state farm system; machine-tractor stations; personal subsidiary farms; peasantry.

The objective of the research is to analyze modern historians' views on developing and functioning of the collective-farm system in the post-war 20-year period. The task was to reveal main directions of the analysis, the topic degree of knowledge and research prospects, as well as factors influencing the opinion of scholars, similarities and differences in their assessments and conclusions, polemical judgments. At the Soviet stage of historiography, the objective reflection of the development of the collective farm system in the years of post-war Stalinism and the Khrushchev decade was hampered by the need to take into account the doctrinal and political attitudes of power and the restrictions on access to archival materials. The nihilistic assessments of the Soviet agrarian system made during the Perestroika period became the methodological foundation for post-Soviet studies. The author concentrated on studying the life and work of the peasantry in collective farms, machine-tractor stations and state farms, which are mainly portrayed as a mechanism to oppress the rural population and its number reduction. Farming was considered as an alternative to collective farms. Since the late 1990s ideas on the collective farm and state farm system as a "prison" for the peasantry began to be diluted by the conclusions that it was a special social-economic phenomenon, a means (albeit imperfect) of modernizing agriculture. A number of objective factors contributed to the revival of interest to the history of collective farms, machine-tractor stations, state farms, and private subsidiary farms of the population, in particular the dominance of small-scale production of agricultural products over large organizational-production forms. Farms, for which the reformers of the early 1990s laid so many hopes, played a secondary role in agrarian production. Most authors, who believe that the collective farm and state farm system was a peculiar means of agrarian modernization, devote their work to the history of the collective farms. Their publications attempted to reveal new facets of old scientific problems, to answer the questions that were posed, but not fully disclosed in the Soviet era. Various aspects of the activity of machine-tractor stations, state farms, and personal subsidiary farms of the population are analyzed as well. The modern historiography of developing the collective farm system includes works, which search new methodological approaches to analyze the country's agrarian system within the framework of modernization theory in broad problem-chronological frames.

REFERENCES

1. Moshkov, Yu.A. et al. (1989) Kollektivizatsiya: istoki, sushchnost', posledstviya. Beseda za "kruglym stolom" [Collectivization: origins, essence, consequences. A discussion at the "round table"]. *Istoriya SSSR*. 3. pp. 3–62.
2. Beznin, M.A. (1991) *Krest'yanskiy dvor v Rossiyskom Nechernozem'e 1950–1965 gg.* [The peasant household in the Russian Non-Black Soil Zone, 1950–1965]. Moscow, Vologda: Pedinstitut.
3. Verbitskaya, O.M. (1992) *Rossiyskoe krest'yanstvo: ot Stalina k Khrushchevu. Seredina 40-kh – nachalo 60-kh gg.* [The Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev. The mid 1940s – early 1960s]. Moscow: Nauka.
4. Badalyan, T.M., Ilyin, V.A., Karpunina, I.B. & Melent'eva, A.P. (2001) *Ocherki istorii krest'yanskogo dvora i sem'i v Zapadnoi Sibiri. Konets 1920-kh – 1980-e gg.* [Essays on the history of the peasant household and family in West Siberia. The late 1920 – 1980s]. Novosibirsk: IDMI.
5. Ilinykh, V.A. (2004) *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Taxation of the Siberian village. The late 1920s – early 1950s]. Novosibirsk: SB RAS.
6. Streltsova, T.P. (2002) Vneekonomicheskoe prinuzhdenie i sotsial'nyy protest amurskogo krest'yanstva v pervye poslevoennyye gody (1946–1953) [Non-economic coercion and social protest of Amur regional peasantry in the first post-war years (1946–1953)]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 16. pp. 41–48.
7. Ilinykh, V.A. (1998) Tendentsii i etapy protsessa raskrest'yanivaniya v Sibiri v sovetskiy period (k postanovke voprosa) [Tendencies and stages of the process of peasantry leaving villages in Siberia in the Soviet period (on the issue formulation)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 2. pp. 42–49.
8. Akhmadieva, N.V. (2008) *Kolkhoznoe krest'yanstvo Bashkirskoy ASSR v 1945–1965 gg.* [The collective farm peasantry in the Bashkir ASSR in 1945–1965]. Ufa: Gilem.
9. Davydova, I.V. & Franks, J.R. (2015) The Rise and Rise of Large Farms: Why Agroholdings Dominate Russia's Agricultural Sector. *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya – Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 24(3). pp. 133–159. (In Russian).
10. Shlykova, O.V. (2011) Mesto i rol' kolkhozov v sel'skokhozyaystvennom proizvodstve v 1950–2000-kh gg. (kratkiy istoriograficheskiy analiz) [The place and role of collective farms in agricultural production in the 1950–2000s (a brief historiographic analysis)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*. 11(2-2). pp. 49–51.
11. Zelenin, I.E. (2001) *Agrarnaya politika N.S. Khrushcheva i sel'skoe khozyaistvo* [N.S. Khrushchev's agrarian policy and agriculture]. Moscow: IRI RAS.
12. Vishnevsky, A.G. (1998) *Serp i rubl': konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and rouble: conservative modernization in the USSR]. Moscow: OGI.
13. Bondarev, V.A. (2005) *Fragmentarnaya modernizatsiya postoktyabr'skoy derevni: istoriya preobrazovaniy v sel'skom khozyaistve i evolyutsiya krest'yanstva v kontse 20-kh – nachale 50-kh gg. XX veka na primere zernovykh raionov Dona, Kubani i Stavropol'ya* [Fragmentary modernization of the post-October village: the history of agricultural transformations and peasantry evolution in the late 1920s – early 1950s in grain areas of the Don, Kuban and Stavropol']. Rostov-on-Don: SKNC VS.
14. Vasiliev, M.S. (2011) Collective farms and collective farmers' income within Tambov district at the beginning of the 1950s. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 8(3). pp. 53–55. (In Russian).
15. Kovrigina, S.V. (2014) Vneekonomicheskie formy stimulirovaniya krest'yanstva Priangar'ya v poslevoenny period [Non-economic forms of stimulating peasantry in Priangaria in the post-war period]. In: Levchenko, V.M., Tsykunov, G.A., Shalak, A.V. & Maydachevskiy, D.Ya. (eds) *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskyy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2014]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law. pp. 208–214.
16. Tomilin, V.N. (2015) [Reform of 1950 to consolidate the collective farms and its consequences]. *Vlast' i obshchestvo: praktiki vzaimodeystviya i konflikty* [Power and Society: Practices of Interaction and Conflicts]. Proc. of the Ninth Regional Conference. Voronezh. pp. 179–183. (In Russian).
17. Mironov, R.B. (2008) Sostoyaniye rabochey sily v kolkhozakh Priбайkal'ya na rubezhe 1940–1950-kh gg. [The labor force in collective farms in Baikal at the turn of the 1940-50s]. In: Levchenko, V.M., Tsykunov, G.A., Shalak, A.V. & Maydachevskiy, D.Ya. (eds) *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskyy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2014]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law. pp. 212–218.
18. Tomilin, V.N. (2008) Zemleustroystvo kolkhozov Tsentral'nogo Chernozem'ya i ikh ukрупnenie vo vtoroi polovine 1940-kh gg. [Land management of collective farms in the Central Chernozem region and their enlargement in the second half of the 1940s]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*. 4. pp. 52–56.
19. Kometchikov, I.V. (2014) "Chernye kassy" kolkhozov Tsentral'nogo Nechernozem'ya i bor'ba s nimi v seredine 1940-kh – nachale 1950-kh gg. [The "black cashiers" of the collective farms in the Central Nechernozemye and the fight against them in the mid 1940s – early 1950s].

- In: Shveikovskaya, E.N. (ed.) *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy*. 2014 [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 2014]. Samara: Samara State University. pp. 406–414.
20. Izyumova, L.V. (2006) Gosudarstvennaya politika v kontekste sotsial'noy modernizatsii kolkhoznoy derevni v 1930–1960-e gg. [State policy in the context of the social modernization of the collective farm village in the 1930–60s]. In: *Gosudarstvennaya agrarnaya politika v Rossii XX veka v kontekste modernizatsionnogo protsesssa* [State agrarian policy in Russia in the 20th century during modernization]. Vologda: Rus'. pp. 78–101
 21. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2013) Establishment of the “payroll” method of labour exploitation in the Russian village in the 1930s – 1980s. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*. 4. pp. 102–109. (In Russian).
 22. Polkh, P.P. (2012) [The cost of a workday in collective farms of Kaliningrad region: sources and reliability. *Aktual'nye problemy agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy: istochniki i metody issledovaniya* [Topical Problems of the Agrarian History of Eastern Europe: Sources and Research Methods]. Proc. of the 32nd Session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe. Ryazan. pp. 355–363. (In Russian).
 23. Kuznetsov, Yu.V. (2006) [Rural “elite”: the chair of the Orel collective farms during the N.S. Khrushchev's agrarian reforms]. *Dinamika i tempy agrarnogo razvitiya Rossii: infrastruktura i ryno* [Dynamics and rates of Russia's agrarian development: infrastructure and market]. Proc. of the 29th Session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe. Orel: Orel Pravda. pp. 491–498. (In Russian).
 24. Elchaninova, O.Yu. (2012) Legal regulation of collective farms legal relations: analysis of Soviet legislation of the 1950–1970s. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 7(3). pp. 56–61. (In Russian).
 25. Andreenkov, S.N. (2014) Vliyaniye agrarnoy “liberalizatsii” serediny 1950-kh gg. na vnutrikolkhoznnye otnosheniya v Zapadnoi Sibiri [The influence of agrarian “liberalization” of the mid-1950s on intra-collective farm relations in West Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 2. pp. 90–94.
 26. Shlykova, O.V. (2008) Preobrazovanie kolkhozov v sovkhozy v 1950–1960-ye gg. [The transformation of collective farms into state farms in the 1950–1960s]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta – Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. 3. pp. 152–154.
 27. Verkhoglyad, D.A. (2013) Conversion of collective farms into state farms in the 1960–1970s: cause and effect of changes in status as an economic entity on the implementation of land use rights. *Yurist-Pravoved – Jurist-Pravoved*. 6. pp. 116–119. (In Russian).
 28. Shulbaev, O.N. (2013) MTS Vostochnoi Sibiri v 1946–1957 gg.: osnovnye napravleniya i rezul'taty proizvodstvennoy deyatel'nosti [East Siberian MTS in 1946–1957: main directions and results of production activity]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2013* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2013]. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law. pp. 305–312.
 29. Tomilin, V.N. (2009) *Nasha krepost'. Mashinno-traktornye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoenny period: 1946–1958 gg.* [Our fortress. Machine-tractor stations of the Russian Chernozem centre in the post-war period: 1946–1958]. Moscow: AIRO-XXI.
 30. Epstein, D.B. (2015) Razorila li kolkhozy prodazha im traktorov v 1958 g. [Were the collective farms disrupted through buying in 1958]. In: Kuznetsova, T.E. & Nikiforov, L.V. (eds) *Vladimir Grigorievich Venzher: myslitel', issledovatel', uchitel'* [Vladimir Grigorievich Venzher: thinker, researcher, teacher]. Moscow: IE RAS. pp. 235–245.
 31. Andreenkov, S.N. (2013) Reasons and Alternatives for Reorganization of the Machine and Tractor Stations in 1958. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 4. pp. 42–46. (In Russian).
 32. Romanchenko, V.Ya. (2012) Tipologiya i osobennosti evolyutsii sovkhoznoy sistemy Rossii v usloviyakh agrarnoy modernizatsii 1950-kh – 1980-kh gg. [Typology and features of the Russian state farm system evolution in conditions of agrarian modernization of the 1950–80s]. In: Shveikovskaya, E.N. (ed.) *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* 2012 [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 2012]. Moscow, Bryansk: RAS. pp. 510–520.
 33. Andreenkov, S.N. (2016) State-farm construction during the Khrushchev Decade: prerequisites, progress, results. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 1. pp. 84–89. (In Russian).
 34. Trofimova, A.I. (2013) The process of economic modernization in state farms of the RSFSR in the 1930–1950s (based on the materials of the European North of Russia). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social Educational Ideas*. 4. pp. 42–45. (In Russian).
 35. Konyshchev, D.N. (2011) Gosudarstvennaya politika ogranicheniya lichnogo podsobnogo khozyaystva (konets 1950-kh – nachalo 1960-kh gg.) [State policy of limiting personal subsidiary farming (the late 1950s – early 1960s)]. *Rossiyskaya istoriya*. 3. pp. 102–111.
 36. Yakhnovskaya, S.V. (2012) “Ochen' mnogo razvelos' skota u rabochikh...”. Iz opyta gosudarstvennogo regulirovaniya LPKh [“There are a lot of cattle and workers ...”. The state regulation of private households]. *Rodina*. 3. pp. 157–160.
 37. Kornilov, G.E. (2012) Agrarnaya modernizatsiya Rossii v XX v. [Russian agrarian modernization in the 20th century]. In: Shveikovskaya, E.N. (ed.) *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* 2012 [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 2012]. Moscow, Bryansk: RAS. pp. 607–620.
 38. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2014) *Agrarnyi stroi Rossii 1930–1980-kh gg.* [The Agrarian System of Russia in the 1930–80s]. Moscow: LENAND.
 39. Ilinykh, V.A. (2012) Agrarnyi stroi Sibiri v XX v.: etapy transformatsii [Siberian agrarian system in the 20th century: stages of transformation]. In: Shveikovskaya, E.N. (ed.) *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* 2012 [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 2012]. Moscow, Bryansk: RAS. pp. 620–629.

УДК 94(47).084.5
DOI: 10.17223/19988613/58/2

Е.Н. Бадмаева

МЕСТНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В 1917–1921 гг.

Рассматривается процесс становления системы местных финансовых органов в первые послевоенные годы. Подробно анализируются особенности конструирования, структурирования и кадрового обеспечения финансовых органов Калмыкии и других регионов страны. Сделан вывод о том, что становление новых финансовых учреждений советского государства шло в сложных условиях. Гиперинфляция, отсутствие возможности финансовых заимствований, нехватка профессиональных кадров чуть было не привели к полному коллапсу финансовой системы.

Ключевые слова: Калмыцкая степь; финансовые органы; регионы; бюджет; налоги.

Изучение истории местных финансовых органов РСФСР в первые послереволюционные годы представляет особый интерес для отечественных исследователей. В калмыцкой региональной историографии нет специальных работ, посвященных изучению истории и деятельности советских финансовых органов Калмыкии в период их зарождения и становления. Некоторое исключение составляет издание научно-популярного характера «Калмыкия и ее финансы (1918–1998)» [1], в котором авторы дают документально-хронологическое обозрение истории финансов Калмыкии за длительное время, в том числе за рассматриваемый нами период. Цель настоящей статьи – охарактеризовать и проанализировать организационные основы деятельности, особенности конструирования, структурирования, кадрового обеспечения финансовых органов Калмыкии в годы так называемого «военного коммунизма». Предмет изучения – деятельность и структура финансовых органов Калмыкии в 1917–1921 гг. в историко-сопоставительном плане с некоторыми *губернскими и уездными* финансовыми органами Советской России. Такое исследование, как нам представляется, позволит выявить общее и особенное в организации практической работы местных финансовых органов на этапе формирования и становления в свете важнейших общественно-политических задач, стоявших перед Наркоматом финансов РСФСР и его местными подразделениями. Актуальность данного исследования обусловлена интересом современного общества к ценному опыту прошлых лет по организации и управлению финансами и кредитованием в стране. Этот опыт, безусловно, должен быть творчески использован (в настоящее время, как нам представляется, он используется в неполной мере) государственными структурами постсоветской России для обеспечения финансовой стабильности государства, эффективного развития экономики страны и, в конечном счете, для улучшения качества жизни многонационального российского народа.

Большевики, как известно, в своих дореволюционных и в первых послереволюционных программных документах без всяких оснований заявляли о грядущем отмирании денег. Это была чистой воды утопия,

поскольку финансы как универсальное средство учета труда, соизмерения его затрат и результатов, распределения предметов потребления имеют решающее значение для жизнедеятельности любого государства. Экономическая политика большевиков после завоевания власти велась с опорой на печатный станок, в результате чего росла гиперинфляция, ведущая к полному обесцениванию денег. В стране возродился натуральный обмен. Ряд особо ценных товаров народного потребления, таких как хлеб, соль, керосин, спички, ситец, занял положение эквивалента при обмене. Последовательно отменялась денежная оплата разных категорий товаров и услуг, стал осуществляться переход к государственной системе заготовки и распределения продуктов питания и потребительских товаров. В.И. Ленин, столкнувшись с финансово-экономическими реалиями, понял, что в ближайшей перспективе товарно-денежные отношения в социалистическом государстве не могут быть отменены. Весной 1918 г. он и его соратники разработали план хозяйственного развития страны, предусматривающий использование денег, кредита, финансов в целом, преобразование денежной и оживление финансовой систем и т.п. Руководству советского государства стало также очевидно, что возрождение экономики страны невозможно без масштабной перестройки финансовых органов на местах.

Органы партийно-государственной власти РСФСР сразу после Октябрьской революции стали активно проводить работу по созданию местных финансовых органов. К III Всероссийскому съезду Советов (январь 1918 г.) из 317 местных Советов, представленных на нем, большинство уже имели свои финансовые отделы [2. С. 24]. Финансовые отделы создавались губернскими и уездными властями и именовались соответственно губернскими и уездными финансовыми отделами. В некоторых российских регионах, например в Рязанской губернии, финансовые органы вначале организовывались как губернские комиссариаты финансов, а затем реорганизовывались в губернские финансовые отделы. Финансовый орган Бурятии имел двойное название, отражавшее главную сущность его деятельности — Народный комиссариат финансов и продовольствия. Централизация управления была признана

основным средством обеспечения развития экономики и социальной сферы страны. Губернские, областные, уездные финотделы в ведомственном порядке подчинялись Наркомфину РСФСР, входили в общую финансовую систему советской республики, но одновременно осуществляли свою деятельность под руководством своих исполкомов. Принцип «двойного подчинения» был заложен в Обращении Наркомата внутренних дел РСФСР ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов об организации местного управления от 24 декабря 1917 г.: «Вся страна должна покрыться сетью советских организаций, которые являются вполне автономными в вопросах местного характера, но должны руководствоваться в своей деятельности декретами и постановлениями центральной власти» [3. С. 190–191].

В первые годы после Октябрьской революции в некоторых губерниях отмечается параллельное сосуществование органов Советов и прежних учреждений местного самоуправления, имевших свои финансовые структуры. Там, где Советы достаточно окрепли, они сумели подчинить себе органы самоуправления. Что касается нижеволжских регионов, то в них, как отмечает исследователь Н.И. Волосухина, «после недолгого параллельного существования старых и новых местных учреждений усилиями местных большевиков в течение ноября 1917 – начала 1918 г. были ликвидированы старые учреждения местного управления и образованы новые органы власти – губернские, уездные и волостные съезды Советов, их исполнительные комитеты, городские и сельские Советы... Правда, в некоторых местностях местные представительные органы, как, например, Царицынская и Астраханская городские думы, функционировали параллельно с Советом рабочих и солдатских депутатов вплоть до мая 1918 г., по сути, осуществляя те же функции по решению местных социальных и хозяйственных вопросов» [4. С. 349].

Советское правительство, ВЦИК мыслили организацию губернских и уездных финансовых органов моделью республики Советов как центр финансово-экономического управления на местах. Эта идея была четко проведена в решениях и резолюциях II Всероссийского съезда Советов и I Всероссийского съезда финансовых работников. 31 октября 1918 г. Совнарком РСФСР утвердил Положение об организации финансовых отделов губернских и уездных исполкомов [3. С. 1119–1123]. В § 1 разд. I Положения определено: «В целях объединения и единообразного направления на местах налогового, сметного, кассового и финансового дела общее руководство им в соответствии с декретами Совета Народных Комиссаров и инструкциями и распоряжениями Народного Комиссариата по Финансовым Делах возлагается в пределах каждой губернии на Губернский Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов (Губернский Исполком или Губисполком)». Основными принципами Положения было объединение на местах как общегосударственного, так и местного налогового и сметного дела, единство кассы и т.д. В § 2 сказано: «Ближайшее заведывание указанным

в § 1 кругом дел возлагается на Финансовый Отдел Губернского Исполкома». В § 3 и 4 определена структура губфинотделов: «Во главе Финансового отдела стоит Заведующий, его Заместитель и Коллегия Финансового отдела». Согласно Положению губернские финансовые отделы должны были иметь следующие подотделы: 1) сметно-кассовый; 2) прямых налогов и пошлин; 3) косвенных налогов. В § 5 Положения специально оговаривалось, что «Губернским Исполнительным Комитетом с согласия Народного Комиссариата по Финансовым делам и Государственного Контроля могут быть образуемы в составе Финансового отдела Губисполкома и другие подотделы». 13 декабря 1918 г. в финансовые отделы губисполкомов был направлен циркуляр Наркомата финансов РСФСР, где давалась подробная инструкция об организации местного финансового дела [5. Оп. 1. Д. 19. Л. 43–44 об].

Калмыцкая степь после Октябрьской революции входила в состав Астраханской губернии на правах особой административно-территориальной единицы со своими институтами политической власти, формируемыми самим населением Калмыкии. До организации новых советских органов управления властные функции на территории Калмыцкой степи находились в руках временного центрального органа Калмыцкой степи – Калмыцкой секции исполнительного комитета Астраханского губернского совета. В связи с организацией данного органа власти сотрудников бывшего Войскового правительства привлекли к работе по приведению в порядок «дел, документов и имущества, оказавшихся частью уничтоженными, а частью приведенными в полный хаос... Всеми уцелевшему к 10 апреля были составлены описи. Приняв по этим описям имущество и делопроизводство, калмыцкая секция своим постановлением от 18 апреля многих служащих калмыцкого Управления уволила с оставлением за штатом» [Там же. Д. 10. Л. 12]. Часть уволенных сотрудников приняли в штат Калмыцкой секции исполнительного комитета Астраханского губернского совета, но большинство из них осталось без работы по причине отсутствия вакантных мест. Те, кому предлагалась должность в органе власти, не имели права отказаться от сделанного им предложения. В отношении финансовых работников действовал специальный циркуляр Департамента сборов при Наркомфине РСФСР, в котором говорилось: «...в случае получения кем-либо из них (податных инспекторов. – Е.Б.) того или иного назначения отказы от таковых по различного рода причинам личного и семейного характера приниматься не будут. Не подчиняющимся распоряжениям Советской власти будет предложено подать в отставку» [Там же. Л. 15].

В марте 1918 г. завершается процесс установления Советской власти во всей еще разделенной тогда на части Калмыкии – в восьми улусах Астраханской губернии, в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии и в ряде калмыцких станиц Области Войска Донского. Конструирование и структурирование исполнительных органов власти национальных образований, входивших в ту или иную губернию, в основном являлись прерогативой общенациональных съездов. В начале июля 1918 г. состоялся I съезд Советов

депутатов трудового калмыцкого народа, он вынес решение об упразднении старых, буржуазных органов управления и переходе всей полноты власти в руки Советов. Съезд сформировал Калмыцкий исполком Совета депутатов калмыцкого трудового народа и образовал отделы, в том числе финансовый, на правах уездных. Финотдел Калмыцкого исполкома, являясь органом отраслевого управления экономикой и финансами в Калмыцкой степи, был подотчетен местному Совету и одновременно финансовому отделу Астраханского губисполкома. О взаимодействии, характере взаимоотношений губернского (Астраханского) и уездного (Калмыцкой степи) финансовых отделов мы скажем несколько ниже. Несколько подробнее остановимся на конструировании и структурировании губернских финансовых отделов (далее – губфинотделы), являвшихся центральным звеном финансового управления на местах. Рассмотрим, каким образом местные Советы на практике пользовались правом на структурные преобразования финотделов, предоставленным им § 5 Положения об организации финансовых отделов губернских и уездных исполкомов.

В первые послереволюционные годы губернские финансовые отделы создавались решениями губернских Советов на основании инструкции ВЦИК от 24 ноября 1917 г. о правах и обязанностях местных Советов. Губернские финотделы курировали уездные, волостные (на национальных территориях они имели специфические наименования) финотделы. В уже упомянутой нами Царицынской губернии решением исполкома Царицынского Совета рабочих и красноармейских депутатов от 26 марта 1918 г. за № 23 был образован финансовый отдел, с апреля 1918 г. он стал называться комиссариатом финансов. Губернский комиссариат финансов находился в подчинении губернского Совета и в то же время должен был неукоснительно исполнять инструкции, приказы, распоряжения Наркомата финансов РСФСР. Финансовый комиссариат имел секретариат и два управления: сметно-расчетное и налоговое. На него возлагалось непосредственное заведование финансовым делом губернии – сметным, кассовым, налоговым и общефинансового характера. Комиссариат финансов руководил работой местных финорганов – уездных и окружных финотделов, являлся модератором губернских совещаний по экономическим вопросам, проводил совещания финансовых работников о состоянии финансово-налоговой работы в губернии и мерах по ее улучшению, составлял планы и отчеты о своей работе, направлял докладные записки о перспективах развития местного бюджета [6. Оп. 1. Д. 59. Л. 10 об]. 16 мая 1920 г. на I Губернском съезде Советов было принято решение о слиянии городского и губернского исполкомов в единый орган – Губернский исполнительный комитет. В его составе был образован Губернский финансовый отдел.

Несколько другой по функционалу была структура Губфинотдела при Казанском губернном исполкоме. Так же, как и Царицынский губернский финансовый отдел, он имел секретариат, но в его составе были объединенный сметно-кассовый подотдел (в Царицынском губернном финотделе – сметно-расчетное

управление), подотделы по прямым налогам и по косвенным налогам (в Царицынском губернном финотделе – налоговое управление). Финотдел оказывал помощь в организации уездных финансовых органов. Губернские и уездные финработники решали сложные задачи по восстановлению разрушенной экономики региона и переходу на новые социалистические принципы хозяйствования. Губернский финансовый отдел ликвидирован в сентябре 1920 г. с передачей функций Наркомату финансов ТАССР [7. С. 10].

С учетом задач, поставленных советской властью, и местных условий были выстроены структура и функции Воронежского и Ярославского губфинотделов. В Воронежской губернии губфинотдел был создан в декабре 1917 г. В первое время ему не были подчинены, но продолжали функционировать под непосредственным руководством центра, местные конторы и отделения Народного банка, казначейства и казенные палаты. Финансовый отдел исполнительного комитета Воронежского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов был создан на основе Положения об организации финансовых отделов губернских и уездных исполкомов от 31 октября 1918 г. «в целях, намечаемых исполнительным комитетом и проводимых в жизнь через другие специальные отделы... имеет также суждение о тех частях Государственного бюджета, которые имеют отношение к жизненным интересам губернии» [8. С. 48]. Казенные палаты, а также еще существовавшие тогда старые губернские акцизные управления и финансовые органы местных самоуправлений упразднялись и фактически были поглощены и растворялись в соответствующих подотделах губернского финотдела. Кассовые функции казначейств по постановлению о слиянии Казначейства с учреждениями Народного банка отошли к местным отделениям последнего. Воронежский губфинотдел первоначально имел следующую структуру: 1) секретариат; 2) сметно-кассовый подотдел; 3) подотдел прямых налогов и пошлин; 4) подотдел косвенных налогов; 5) контрольно-сметный подотдел; 6) счетно-контрольный подотдел; 7) административный подотдел. В 1919 г. добавился сметно-контрольный подотдел, расширил свои функции административный подотдел, выделив отдел и подотдел по кредитной части. Губфинотделу в ведомственном порядке подчинялись уездные финансовые отделы.

В Ярославской губернии «при переходе власти Совету рабочих и солдатских депутатов 27 октября 1917 г. особого финансового аппарата выделено не было. Всю работу (в большинстве счетную) выполняла контора Совета с казначеем Совета и членом исполкома» [9. С. 275]. В губернии первоначально действовал Ярославский губернский комиссариат финансов, работа которого ограничивалась кредитной частью: банки, денежное обращение, выдача с текущих счетов денег фабрикам и заводам, аннулирование старых займов, проверка сейфов и т.д. Губернский комиссариат финансов провел большую работу по ликвидации частных и общественных банков. 25 июня 1918 г. съездом уездных комиссаров финансов вместо Ярославского губернского комиссариата финансов был образован

Ярославский губернский финансовый отдел. В нем имелось 6 подотделов: налогово-сметный; по взиманию прямых и косвенных налогов; банковско-кредитный; контрольно-хозяйственный; инструкторско-информационный; общий. Ведению налогово-сметного подотдела подлежали: 1) изыскание местных средств на покрытие местных нужд и дефицита по сметам Советов; 2) установление принципа обложения налогами и сборами; 3) разработка порядка взыскания налогов; 4) рассмотрение смет губисполкома и его отделов, составление общей сметы по губернии; 5) ведение бюджетной статистики. В функциональные обязанности работников подотдела по взиманию прямых и косвенных налогов входили: 1) наблюдение и контроль за проведением в жизнь всех декретов и распоряжений по прямым и косвенным налогам и различного рода монополий; 2) контроль за своевременным поступлением налогов; 3) принятие мер по взысканию недоимок. В ведении кредитно-банковского подотдела находились: 1) национализация бывших частных банков; 2) регулирование деятельности банков в связи с местными условиями и мерами, проводимыми центром; 3) высший и непосредственный контроль над операциями всех кредитных учреждений губернии; 4) наблюдение за проведением в жизнь декретов и распоряжений о денежном обращении, аннулировании займов, ревизии сейфов, о золоте и пр.; 5) наблюдение за правильностью выдач по текущим счетам и принятие мер к приему вкладов в банки; 6) снабжение денежными знаками кредитных учреждений губернии; 7) наблюдение за разрешением выдач ссуд в смысле их целесообразности и регистрации этих ссуд; 8) выяснение необходимости и целесообразности открытия новых отделений народного банка в губернии. Контрольно-хозяйственный подотдел курировал разрешение выдач сверх установленных норм с текущих счетов по книжкам сберегательных касс и прочих учреждений как наличными, так и перечислением текущего счета, проводил инструктирование фабрично-заводских комитетов по финансовому контролю предприятий и финансовый контроль над предприятиями. Инструкторско-информационный подотдел осуществлял сбор информации уездных и волостных Советов обо всех вновь проводимых мероприятиях, выезд инструкторов на места, снабжение Советов литературой и необходимыми данными. В компетенции общего подотдела находились направление работ подотделов и общая финансовая политика. В 1920 г. структура губфинотдела выглядела следующим образом: 1) банковский подотдел; 2) контрольный подотдел; 3) общий подотдел; 4) сметно-кассовый подотдел. В 1922 г. структура губфинотдела изменилась и включала: 1) управление делами; 2) сметно-бухгалтерское отделение; 3) расчетно-кассовый подотдел; 4) налоговое управление (прямых налогов); 5) подотдел косвенных налогов; 6) инспекцию. В 1921 г. в составе Ярославского губфинотдела был организован подотдел косвенных налогов, состоявший из административно-судебного отделения, бухгалтерского, инспекции косвенных налогов [9. С. 299].

В 1917–1920-х гг. в Ярославской и Воронежской губерниях, как и во многих регионах страны, наблю-

далась полнейшая хозяйственная разруха, вызванная Гражданской войной и политикой «военного коммунизма». В 1919 г. производство промышленной продукции в Ярославской губернии снизилось по сравнению с 1913 г. в 6 раз, количество рабочих на предприятиях губернии сократилось с 37 до 26 тыс. На треть уменьшились посевные площади в деревне, практически ликвидированы были такие важнейшие для края отрасли сельского хозяйства, как льноводство и животноводство. Не лучше положение было в Воронежской губернии, которая находилась в зоне военных действий. Промышленное производство постоянно сокращалось. Если в 1918 г. прекратили работу 228 промышленных предприятий, то в 1919 г. остановились еще 606, что составляло 49% общего числа предприятий губернии. Разрушение промышленного производства в целом привело к резкому сокращению объема валовой промышленной продукции. Значительно уменьшились посевные площади, прежде всего озимой пшеницы, ржи, свеклы. Остро стояла проблема продовольствия, в особенности нехватка продуктов наблюдалась в городах. Главнейшим питательным продуктом для населения в это время стало просо (пшено). Жители городов Воронежской губернии так оценивали продовольственное положение: «Наши базары представляют собой сейчас пустыню. Нет на них даже продуктов первой необходимости: молока, селедок, масла, картофеля» [10. С. 105].

Органам власти Ярославской и Воронежской губерний, в том числе финансовым отделам, приходилось в первые послереволюционные годы решать множество сложных вопросов по возрождению промышленности и сельского хозяйства регионов. Ярославский и Воронежский губфинотделы занимались рассмотрением и утверждением смет доходов и расходов органов власти в губерниях, финансированием как из госбюджета, так и из местных источников, разрабатывали налоговые мероприятия, руководили проведением кредитных операций и т.д. В финансовых отделах губернских и уездных исполкомов Ярославской и Воронежской губерний для заведования и направления всей деятельности губернских финотделов были избраны коллеги, во главе которых стояли заведующие (комиссары), назначаемые губернскими исполкомами. Губернским финотделам подчинялись в административном отношении все учреждения Наркомфина, находившиеся на территории губерний. Губернские финансовые отделы должны были неукоснительно исполнять решения центральных и местных партийно-государственных органов власти, Наркомата финансов РСФСР. Об этом, например, прямо сказано в резолюции съезда бухгалтеров и представителей финансовых отделов уездных исполкомов Воронежской губернии, проходившего с 31 декабря 1918 г. по 2 января 1919 г. в Воронеже, где указано, что финансовые отделы в уездах «должны следить, чтобы все декреты советской власти в области финансовых реформ и мероприятий исполнялись на местах точно и аккуратно» [8. С. 29].

Взаимоотношения финансовых органов на уровне «губерния–уезд» в первые послереволюционные годы можно проследить на примере Астраханского губер-

ского финансового отдела и финотдела Калмыцкого исполкома Совета депутатов калмыцкого трудового народа, действовавшего на правах уездного. Финотдел Калмисполкома до образования Калмыцкой автономной области не имел прямого выхода на Наркомат финансов РСФСР. Все циркуляры, распоряжения, письма Наркомата финансов РСФСР и его отделов, других центральных органов власти проходили через финансовый отдел Астраханского губисполкома, визировались им и только после этого направлялись для ознакомления в исполком Совета депутатов трудового калмыцкого народа, который и направлял их для исполнения в финотдел. Астраханский губернский финансовый орган наделялся правом упразднять те или иные должности и производить кадровые назначения на ответственные посты в финансовом ведомстве Калмыкии. Вот один из примеров. На основании положения Народного комиссариата финансов РСФСР о местных налоговых органах Астраханский губфинотдел постановил упразднить должность податного инспектора Калмыцкого податного участка и учредить должность податного инспектора при налоговом подотделе исполнительного комитета Калмыцкой степи. На должность податного инспектора циркулярным письмом Астраханского губфинотдела от 20 декабря 1919 г. в Калмыцкий исполком был назначен товарищ Вейзе [5. Оп. 1. Д. 159. Л. 5].

Распоряжения самого финансового отдела Астраханского губисполкома подлежали обязательному исполнению органами власти Калмыцкой степи. Так, например, губернский финансовый отдел, согласно Постановлению Астраханской губернской комиссии по чрезвычайному революционному налогу, произвел разверстку между городами, уездами и волостями губернии и выставил Требование от 2 декабря 1918 г. о взыскании чрезвычайного революционного налога с Калмыцкой степи в сумме 8 млн руб. В данном документе предлагалось «немедленно разверстать эту сумму между волостями уезда» в связи с тем, что доход от налога уже был включен в государственную роспись (бюджет) на вторую половину 1918 г., взыскание произведет до 15 декабря 1918 г. [11. С. 74].

Революционный налог имел ярко выраженную классовую направленность и был обращен в основном против зажиточных крестьян, а также городских жителей, на которых и легла вся его тяжесть. Как объяснял Нарком финансов РСФСР Н.Н. Крестинский, «чрезвычайным налогом советская власть вбивает клин между середняком и кулаком, чтобы расслоить те враждебные силы, которые до сих пор были связаны общими, хотя и ложно понятыми интересами в деревне» [12. С. 20]. Калмыцкий исполком на основании распоряжения губернских властей 4 декабря 1918 г. принял постановление, утвердившее раскладку по революционному налогу со всей Калмыцкой степи в размере 8 млн руб. Кроме того, с Элистинского уезда причиталось 10 млн руб.

Надо сказать, что исполнение распоряжений и указаний вышестоящих органов власти о взимании революционного налога в Калмыцкой степи было сопряжено с огромными трудностями. В первую очередь это связано с малочисленностью штата финансового отде-

ла Калмисполкома. В конце 1918 – начале 1919 г. он состоял из заведующего отделом, трех финансистов и секретаря-делопроизводителя [5. Оп. 1. Д. 10. Л. 161]. Ситуация со сбором налогов усугублялась еще и тем, что новая власть не имела отлаженного налогового аппарата на местах. Улусные исполкомы, кроме Багацохуровского, не исполнили постановление Калмыцкого исполкома о создании улусных и аймачных налоговых комиссий. В докладе заведующего финансовым отделом Рязова причинами неисполнения распоряжения Калмыцкого исполкома от 20 декабря 1918 г. об образовании налоговых комиссий на местах названы «полное расстройство всей административной деятельности в улусах Калмыцкой степи ввиду занятия большей части ее белогвардейцами, отсутствие правильного почтового сообщения, а также экономическое разорение налетами различных банд» [Там же. Д. 2. Л. 5].

Тем не менее Калмыцкий финотдел в сложных условиях проводил работу по взысканию налогов, в основном с крестьянского населения, так как в Калмыцкой степи не было промышленных предприятий и коллективных сельских хозяйств. Силами работников финотдела был взыскан революционный налог: с Калмыцкого базара – 150 тыс. руб.; Багацохуровского улуса – 816 706 руб.; Эркетеневского улуса – 170 тыс. руб.; Яндыко-Мочажного улуса – 173 885 руб. Всего 1 310 591 руб. [Там же. Д. 35. Л. 16]. Кроме взыскания налогов финансовый отдел рассматривал и утверждал сметы по расходам на содержание центрального Калмыцкого исполкома и его отделов, улусных и волостных (аймачных) исполкомов, улусной милиции и подводных пунктов в Калмыцкой степи. Астраханские губернские власти недостаточно финансировали губфинотдел, нижестоящие финансовые отделы и управления, объясняя это отсутствием необходимых средств в губернском бюджете, несмотря на постановления Народного комиссариата финансов РСФСР об обязательном финансировании финансовых органов. В частности, они перекладывали обязанности по финансированию финотделов Калмыцкой степи на исполнительный орган власти региона, у которого у самого не хватало финансовых средств. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других регионах Нижнего Поволжья, в которых заведующие финотделами, «чтобы исполнять присылаемые из центра задания... вынуждены были идти на некоторые хитрости... например, при составлении смет вместо фактически работающих сотрудников указывалось число по твердым, установленным штатам, как правило, в два раза превосходящим имеющийся, а разница выплачивалась как оплата за сверхурочные работы и премии» [13. С. 34].

Низкая оплата труда работников исполкомов являлась одной из основной причин большой текучести кадров в регионах. Руководители финансового отдела Калмыцкого исполкома постоянно менялись. Так, Г.М. Манкиров и А.В. Решетников проработали заведующими финансовыми отделами короткое время: первый – 9 дней, второй – несколько месяцев. Только в 1921 г. поменялись три заведующих финансовым отделом (Сайков, Манцин, Кожиев). Смена руководства была связана с разными причинами – отсутствием

«политических и деловых» качеств, переводом на другую работу и т.д.

Еще одним бичом для исполнительных органов российских регионов в 1920-е гг. стал недостаток квалифицированных финансовых работников. Сотрудниками губернских и уездных финотделов становились люди, далекие от финансового дела. Например, в докладе о деятельности Челябинского губернского финотдела II Губернскому съезду Советов отмечалось: «...с приездом нескольких товарищей из Центра был сконструирован губфинотдел, штат которого состоял из 2–3 ответственных товарищей-организаторов и 2–3 барышень из гимназии, абсолютно незнакомых ни с какой работой, не говоря уже о финансовой». В октябре 1920 г. штатное расписание Губфинотдела включало 225 сотрудников, хотя реальное число работающих специалистов составляло всего 89 человек [14]. Из-за профессиональной неподготовленности части специалистов в работе финотделов допускались серьезные ошибки. Заведующий финансовым отделом Калмыцкого исполкома Вейзе, докладывая о работе отдела в 1919 г., отмечал: «...из-за отсутствия на местах опытных финансовых работников часто допускаются неправильности и упущения при составлении смет и отчетности, а также и при доставлении разнообразных сведений по обложению плательщиков общегосударственными налогами» [5. Оп. 1. Д. 1. Л. 8].

Сбор различного рода налогов – важнейшая составляющая работы советских финансовых органов на территориях РСФСР – постоянно проваливался как из-за отсутствия квалифицированных налоговых работников, так и из-за нежелания населения, в особенности крестьянского, уплачивать налоги ввиду разных причин, в частности трудного экономического положения. Кстати, с этой проблемой сталкивались и регионы, где у власти находились небольшевистские правительства, например районы Сибири. Как отмечает Д.С. Козлова, «сбор налогов был затруднен в условиях общей натурализации экономики и в ситуации, когда власть была не в состоянии качественно выполнять свои прямые социальные функции – обеспечение населения продовольствием и другими товарами первой необходимости, забота о социально неблагополучных категориях и т.д., а население переставало признавать многие права этой власти, в том числе и фискальные» [15. С. 107].

В июне 1920 г. было решено ввести общегосударственные прямые денежные налоги, взимаемые исключительно с состоятельных частных хозяйств вместо разнообразных государственных и местных денежных налогов, пошлин и сборов. Использовалась прежняя налоговая система, просто дополненная новыми формами обложения. Все эти мероприятия были последовательно направлены на усиленное обложение капиталистических элементов города и деревни. Деревенская беднота полностью освобождалась от налогов, а при обложении середняцких хозяйств максимально учитывалась их платежеспособность. Эти меры налогово-финансовых органов способствовали частичной наполняемости местных бюджетов. В Калмыцкой степи местные доходы вкупе с централизованной помощью Наркомата финансов РСФСР содействовали

решению некоторых общегосударственных и местных задач.

В июле 1920 г. из частей Астраханской и Ставропольской губерний, Донской и Терской областей была образована Калмыцкая автономная область. Это была новая территориальная единица, выделявшаяся по национальному принципу из территорий проживания калмыков. Вначале предполагалось создание автономной республики, однако реальным шагом стало образование Калмыцкой автономной области (далее КАО), наиболее полно отражавшей требования большевистской партии и отчасти удовлетворявшей чаяниям калмыцкого народа. Как отмечает профессор К.Н. Максимов, «...Калмыцкая автономная область стала самоуправляющейся административно-государственной единицей в составе РСФСР и наделялась всеми правами соответствующего государственного образования» [16. С. 266]. Калмыцкий ЦИК, образованный съездом, был подотчетен съезду Советов области, ВЦИК и СНК РСФСР. 17 января 1922 г. коллегия областного финотдела создала комиссию для проведения технического выделения областного финотдела от Астраханского губернского финотдела и утвердила штат в 97 человек. В феврале 1922 г. областной финотдел Калмыцкого ЦИКа реорганизовался в учреждение, автономное от Астраханского губфинотдела. Его руководителем стал уполномоченный Наркомфина РСФСР В.П. Анисимов.

Областной финотдел КалмЦИКа представлял собой учреждение с полномочиями независимого в кассовом отношении финансового органа. Структура его была следующей: 1) общий отдел; 2) отдел облфинотдела с отделениями: а) главная канцелярия; б) хозяйственная часть; отделение охраны; информационно-инструкторское. Улусных финотделов в области не было, имелась одна расчетная касса в с. Ремонтном, обслуживавшая ближайшие улусы и Ремонтненский уезд. Областной финотдел находился в непосредственном подчинении Наркомфина РСФСР.

Сходные процессы размежевания финотделов происходили в губерниях и автономных областях РСФСР, созданных в 1920–1922 гг. Так, в Бурят-Монгольской автономной области РСФСР организационный период конструирования органов власти автономии и размежевания с губернским финотделом проходил в течение февраля – начала марта 1922 г. Центральные органы власти автономной области были представлены Революционным комитетом БМАО, при котором функционировали областное экономическое совещание, комиссии по оказанию помощи голодающим, по изъятию церковных ценностей, по оказанию помощи Красной армии, областная плановая комиссия. Аналогичные перечисленным выше структуры действовали и в Калмыкии, но они были созданы при областном исполкоме. Глава ЦИК КАО А.Ч. Чапчаев подписал приказ № 6 от 27 января 1921 г. об образовании областной экономической комиссии (ЭКОСО), состоящей из представителей хозяйственных отделов местных исполкомов, основной задачей которой было согласование отдельных отраслей местной хозяйственной жизни: «На основании постановления 8-го Всероссийского съезда Советов в целях объединения и укрепления

хозяйственной деятельности всего местного аппарата Советской власти и привлечения его к исполнению как местных, так и общегосударственных задач при ЦИК Автономной области Калмыцкого народа организована областная экономическая комиссия, на которую возложено согласование деятельности местных экономических органов... и финансового отдела» [16. С. 272]. ЭКОСО была создана под руководством Председателя Областного калмыцкого исполкома, в состав которого вошел по вопросам финансов заведующий облфинотделом. Особенно активно в связи с постигшим КАО голодом работала областная комиссия помощи голодающим (облкомпомгол) [17. С. 61]. Помощь голодающему населению автономной области оказывалась не только продовольствием, промтоварами, медикаментами и т.п., но и финансовыми средствами, направлявшимися на счета облкомпомгола и Калмисполкома, которые использовали их для финансирования закупок продуктов питания, производства оплаты за хранение и транспортировку продовольственных грузов и т.п. Финотдел КалмЦИК в связи с тяжелым финансовым положением зачастую не мог произвести оплату за выполненную работу, в частности выплату жалования в сумме 1 млн руб. сотрудникам столовых международной организации АРА, кормивших голодное население в Яндыко-Мочажном и Эркетеневском улусах. Исполком Калмобласти отказался выплачивать денежное довольствие ввиду отсутствия требуемой суммы [21. Оп. 2. Д. 298. Л. 89, 91]. Изъятые у духовенства церковные ценности, пожертвования в виде драгоценных вещей активировались и передавались в фонд помощи голодающим или на ответственное хранение в облфинотдел, иногда без учета и взвешивания [18. Оп. 2. Д. 280. Л. 204], затем направлялись в Наркомфин РСФСР для последующей реализации. Сегодня стало известно о том, что часть изъятых ценностей и пожертвований попросту разворовывалась и не доходила до фонда помощи голодающим, а огромные средства, полученные от реализации золота, серебра, драгоценных камней, произведений искусства шли не только на приобретение хлеба за границей, но и на другие государственные нужды. Но справедливости ради надо сказать, что за счет этих средств проводилось финансирование отраслей народного хозяйства и социальной сферы, не давшее экономике страны скатиться на самое дно. В КАО из-за разрушительных последствий Гражданской войны и голодного бедствия 1921 г. восстановление народного хозяйства и экономики началось позднее, чем в некоторых других российских регионах.

В заключение следует сказать, что становление новых финансовых учреждений советского государства шло в очень сложных условиях. Гиперинфляция, отсутствие возможности финансовых заимствований, нехватка профессиональных кадров, проблема нелояльности к новой власти чуть было не привели к полному коллапсу финансовой системы. В годы «военного коммунизма» в условиях падения денежного знака, утраты деньгами своих экономических функций, вытеснения их из оборота натуральными формами хозяйства произошло некоторое ослабление значения финансового аппарата. Местные финансовые органы, созданные для руководства сметным, кассовым и налоговым делом, в обстановке гражданской войны стали учетным аппаратом по распределению ресурсов. Их задача главным образом заключалась в сборе чрезвычайных революционных налогов и контрибуций с буржуазии. Продразверстка и продналог ухудшили продовольственную обстановку в стране. Отсутствие денежных поступлений из столицы, слабая доходность местных бюджетов, невозможность исполнения финансовых выплат, социальных обязательств, проведения хозяйственных и торговых операций подтолкнули некоторые регионы к выпуску местных денег (в Астраханской губернии – «временные кредитные билеты астраханского казначейства»; в Царицынской – «временные кредитные билеты Царицынского городского самоуправления» и облигации «Займа Свободы»). На региональном уровне предпринимались и другие меры, обеспечивавшие решение некоторых злободневных задач и проблем. В целом построение социализма методами «военного коммунизма» оказалось неудачным. «Военный коммунизм» помог большевистскому режиму выжить в условиях Гражданской войны, но его итогом стал глубочайший кризис, охвативший всю страну. Для вывода ее из кризиса требовалось срочное принятие решительных мер. X съезд РКП (б) (март 1921 г.) принял принципиальное решение об изменении курса внутренней политики. Новый курс заключался в смене «военно-коммунистических» методов командования народным хозяйством экономическими рычагами руководства. Он был назван «новой экономической политикой». В ее основе – развитие и укрепление частного предпринимательства, товарно-денежных отношений. Финансовым органам на местах в связи с переходом от политики «военного коммунизма» к НЭПу необходимо было уйти от составления бюджетов путем «гадания» ее параметров и перейти к выработке новых концептуальных подходов к формированию, отдельно от общегосударственных, бюджетов своих регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорджеев А.В., Иванова Л.Н., Бюрчиев Н.А. Калмыкия и ее финансы (1918–1998) : документально-справочное обозрение. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1998. 601 с.
2. История социалистической экономики СССР : в 7 т. М. : Наука 1976. Т.1: Советская экономика в 1917–1920 гг. 448 с.
3. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с.
4. Волосухина Н.И. Становление и трансформация регионального финансового аппарата в первые годы Советской власти (на материалах Нижнего Поволжья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 348–352.
5. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. Р-82.
6. Государственный архив Волгоградский архив (ГАВО). Оп. 1. Д. 59. Л. 10 об.
7. Гаффаров И.З. Финансово-бюджетная система Казанской губернии в революционные месяцы 1917–1918 гг. // Наука. Мысль. 2017. № 1-2. С. 9–12.

8. Загоровский В.П. Воронеж: историческая хроника. Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1989. 255 с.
9. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / под ред. А.М. Селиванова. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 1999. 368 с.
10. Ямпольская Г.А. Продовольственная политика военно-хозяйственных органов советской власти в Центральном Черноземье в 1918 г. (по материалам Воронежской области) // Научные ведомости. 2009. № 1(56). С. 99–106.
11. Бадмаева Е.Н. Деятельность финансовых органов Калмыцкой автономной области (1920–1935 гг.). // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 1. С. 71–85.
12. Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами : пленарные заседания. М. : Ред.-изд. коллегия, 1919. 144 с.
13. Волосухина Н.И. Денежная реформа 1922–1924 гг.: проблема формирования бюджета (на материалах губерний Нижнего Поволжья) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 33–36.
14. Голубцова В. 90 лет на службе Отечеству // Бюджет. 2009. № 10, октябрь. URL: <http://bujet.ru/magazine/2009/10/> (дата обращения 15.05.2017).
15. Козлова Д.С. Налоговая политика в контексте революции и гражданской войны (на примере Томской губернии, февраль 1917 – декабрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 101–109.
16. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М. : Наука, 2002. 524 с.
17. Бадмаева Е.Н. Калмыкия в начале 1920-х годов: голод и преодоление его последствий. Элиста : Джангар, 2006. 182 с.
18. НАРК. Ф. Р-3.

Badmaeva Ekaterina N. Kalmyk State University (Elista, Russia). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

LOCAL FINANCIAL BODIES OF STATE ADMINISTRATION IN 1917–1921

Keywords: Kalmyk steppe; financial bodies; regions; budget; taxes.

The uninterrupted interest of modern society to the valuable experience of the past years in the organization and management of finances in the country determines the relevance of the study. The purpose of this article is to analyze the main trends in the formation and development of the system of local financial bodies in 1917–1921 in the general context of the activities of the financial management authorities of the RSFSR. To solve this problem, the activity of the financial bodies of Kalmykia and some provincial and district financial bodies was studied. The methodological basis of the study is the principle of historicism and systematic approach. The principle of historicism made it possible to study the experience of the financial policy of the Soviet state, to characterize the activities of local financial bodies, taking into account the historical situation. The principle of systematic approach made it possible to single out monetary and financial policy from the broadest scope of economic policy and to examine in more detail the activities of the Soviet government in the field of finance. The sources for the article were the normative legal documents of the highest authorities, in particular, the Appeal of the People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR to all Soviets of Workers, Soldiers, Peasants and Laborers Deputies on the organization of local government, dated December 24, 1917, "Regulations on the organization of financial departments of provincial and uyezd executive committees" of the Council of People's Commissars of the RSFSR of October 31, 1918. An important source is the record keeping documentation of the Central and local government bodies, stored in the collections of the National Archives of the Republic of Kalmykia and the State Archive of Volgograd region. The author also relied on the published works of Russian and Kalmyk scholars on the history of financial bodies in the regions of the RSFSR.

During the conducted research the author came to the conclusion that the crisis of "war communism" had not led to sustainable development of the country. The financial bodies, established for the local management of the cash and taxes, essentially became the accounting units for the distribution of resources in their regions. The financial organs of the executive committees of the Soviets had to radically reorganize their work in accordance with the decisions of the Tenth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks) (1921) and in connection with a change in the course of the internal policy of the Soviet state.

The historical experience of the Soviet state in the sphere of finance in the crucial years of 1917–1921 is important for the sustainable and systematic development of modern Russia, it should be in demand by current politicians involved in solving the country's economic and financial problems.

REFERENCES

1. Dorzhdeev, A.V., Ivanova, L.N. & Byurchiev, N.A. (1998) *Kalmykiya i ee finansy (1918–1998). Dokumental'no-spravochnoe obozrenie* [Kalmykia and its finances (1918–1998). Documentary-informational review]. Elista: Kalm. kn. izd-vo.
2. Gladkov, I.A. (ed.) (1976) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR* [History of the Socialist Economy of the USSR]. Vol.1. Moscow: Nauk.
3. USSR. (1942) *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917–1918 gg.* [The Collection of Law and Orders of the government in 1917–1918]. Moscow: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR.
4. Volosukhina, N.I. (2012) Stanovleniye i transformatsiya regional'nogo finansovogo apparata v pervyye gody Sovetskoy vlasti (na materialakh Nizhnego Povolzh'ya) [The formation and transformation of the regional financial apparatus in the first Soviet years (a case study of the Lower Volga region)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura – The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2. pp. 348–352.
5. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-82.
6. The State Archive of Volgograd Region (GAVO). List 1. File 59.
7. Gaffarov, I.Z. (2017) Finansovo-byudzhnaya sistema Kazanskoy gubernii v revolyutsionnye mesyatsy 1917–1918 gg. [The financial and budgetary system of the Kazan province in the revolutionary months of 1917–1918]. *Nauka, Mysl'*. 1-2. pp. 9–12.
8. Zagorovskiy, V.P. (1989) *Voronezh: istoricheskaya khronika* [Voronezh: a historical chronicle]. Voronezh: Tsentr.-Chernozemnoe kn. izd-vo.
9. Selivanov, A.M. (1999) *Istoriya Yaroslavskogo kraya s drevneyshikh vremen do kontsa 20-kh gg. XX veka* [History of Yaroslavl region from ancient times to the end of the 1920s]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
10. Yampolskaya, G.A. (2009) Prodovol'stvennaya politika voenno-khozyaystvennykh organov sovetskoy vlasti v Tsentral'nom Chernozem'e v 1918 g. (Po materialam Voronezhskoy oblasti) [Food policy of the Soviet military-economic bodies in the Central Black Earth Zone in 1918 (a case study of Voronezh region)]. *Nauchnye vedomosti*. 1 (56). pp. 99–106.
11. Badmaeva, E.N. (2016) Deyatel'nost' finansovykh organov Kalmytskoy avtonomnoy oblasti (1920–1935 gg.) [The activities of the financial authorities in the Kalmyk Autonomous Region (1920–1935)]. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 1. pp. 71–85.
12. Russia. (1919) *Trudy Vserossiyskogo s'ezda zaveduyushchikh finotdelami: plenarnye zasedaniya* [Proceedings of the All-Russian Congress of Heads of Financial Departments: plenary sessions]. Moscow: Red.-izd. kollegiya.
13. Volosukhina, N.I. (2011) Denezhnaya reforma 1922–1924 gg.: problema formirovaniya byudzheta (na materialakh guberniy Nizhnego Povolzh'ya) [Monetary reform of 1922–1924: the problem of budgeting (a case study of the Lower Volga region)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN – Oriental Studies (Vestnik KIH RAS)*. 2. pp. 33–36.
14. Golubtsova, V. (2009) 90 let na sluzhbe Otechestvu [90 years in the service of the Fatherland]. *Byudzhnet*. 10. [Online] Available from: <http://bujet.ru/magazine/2009/10/>. (Accessed: 15th May 2017).

15. Kozlova, D.S. (2017) Fiscal policy in the context of the Revolution and the Civil War (Tomsk Province, February 1917 - December 1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 101–109. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/13
16. Maksimov, K.N. (2002) *Kalmykiya v natsional'noy politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII – XX vv.)* [Kalmykia in the Russian national policy, government and administration (the 17th – 20th centuries)]. Moscow: Nauka.
17. Badmaeva, E.N. (2006) *Kalmykiya v nachale 1920-kh godov: golod i preodolenie ego posledstviy* [Kalmykia in the early 1920s: hunger and addressing its consequences]. Elista: Dzhangar.
19. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-3.

УДК 391/393(510)
DOI: 10.17223/19988613/58/3

Б.Р. Зориктуев

НАЗВАНИЯ *СТАРЫЕ* *БАРГУТЫ* И *НОВЫЕ* *БАРГУТЫ* КАК ОТРАЖЕНИЕ ПЕРИПЕТИЙ ИСТОРИИ ДВУХ БАЙКАЛЬСКИХ ЭТНОСОВ В XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Исследована малоизвестная история двух монголоязычных этносов Северо-Восточного Китая – старых баргутов и новых баргутов – в XVII – первой трети XVIII вв. Основное внимание уделено анализу слов *старые* и *новые* в названиях обеих групп, которые были получены от маньчжуров после вступления в знаменитые войска. В них сфокусированы важнейшие эпизоды истории этнических общностей баргут и хори в период Цинской империи в Восточной Халхе и в Маньчжурии после исхода из Баргуджин-Токума.

Ключевые слова: Цэцэн-хан; маньчжурская экспансия; война Якса; знаменитое войско.

В Северо-Восточном Китае, в городском округе Хулун-Буир (адм. центр – г. Хайлар) Автономного района Внутренняя Монголия, в обширной хулун-буирской степи между р. Аргунь и Большим Хинганским хребтом компактно обитают два монголоязычных этноса с несколько перекликающимися по звучанию названиями. В восточной части Хулун-Буира, в Старобаргутском хошуне (Хуушан Барга хошуун, адм. центр – пос. Баян-Хүрээ), живут старые баргуты (самоназв. – *барга*, числ. – около 10 тыс. чел.). Первоначальная их родина находилась на восточном берегу Байкала, в Средневековье представлявшего собой левое крыло области Баргуджин-Токум по обе стороны водоема. Отдаленными предками была тюрко-телеская общность байырку, более близкими – известное по монгольским событиям XIII в. племя баргут [1]. Местообитание баргутов локализовалось той же территорией, где произошло становление байырку, – долиной р. Баргузин в Забайкалье.

Западную часть Хулун-Буира занимают новые баргуты (самоназв. – *шинэ барга*, числ. – около 20 тыс. чел.). Они живут в Новобаргутском Восточном (Шинэ Барга Зүүн хошуун, адм. центр – пос. Амгалан) и Новобаргутском Западном хошунах (Шинэ Барга Баруун хошуун, адм. центр – пос. Алтан Эмээл). Новые баргуты также помнят имя своей прежней родины – Баргуджин-Токум. До ухода в Китай они были частью племенной группы хори, этногенез которой прослеживается до сопредельных районов Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии. Оттуда хоринцы перешли на западную сторону Байкала, после через о. Ольхон стали постепенно выбираться в Забайкалье [2. С. 155–158]. Там в середине XVII в. они активно осваивали правобережье низовья Селенги, долину Уды и верхнее течение Хилка. На местах нынешнего расселения к востоку от Байкала хоринцы закрепились в 40-х гг. XVIII в.

То, что хулун-буирские баргуты состоят из двух разных по происхождению этносов, необходимо знать и учитывать в своей работе исследователям. Однако на практике это важнейшее требование по существу не выдерживается. Работ об истории китайских баргутов не так много. В числе основных можно назвать труды

Баранова [3. С. 14–17; 4. С. 200–204], В.А. Кормазова [5], С. Сундуй [6], Д.Д. Нимаева [7], Галзута Тубшинимы [8], Д. Буяндэлгэра [9], А. Очира и Ж. Гэрэлбадраха [10], Х. Мешига [11]. Не раскрывая здесь содержание каждой работы, отмечу только, что в них постулируется ошибочный тезис об изначальном существовании единого баргутского этноса, сложившегося в районе Байкала и распавшегося не то в Халхе в середине XVII в., не то в районе Большого Хингана в начале XVIII в. на две группы старых и новых баргутов. Авторы вводят в заблуждение имеющееся в названиях обеих групп слово *баргут*. Ошибки можно было бы избежать, если бы ими был проведен целенаправленный разбор терминов *старые* и *новые*. Однако исследования ограничивались простой констатацией факта существования баргутских этносов с такими компонентами в названиях, что ощутимо снижает их научную ценность. Между тем изучение немногочисленных публикаций, в которых в той или иной степени рассмотрено происхождение слов *старые* и *новые* в названиях некоторых групп маньчжуров и монголов [12. С. 8–12, 367–375; 13. С. 154–162], показывает, что в них заключена важнейшая информация об истории данных народов в период Цинской империи. Если с этой позиции подойти к проблеме актуальности изучения первых частей названий *старые* и *новые баргуты*, то не вызывает сомнений, что их анализ тоже позволил бы получить результаты, подтверждающие существование двух самостоятельных баргутских этносов, которые в эпоху маньчжурского господства во Внутренней Азии разными и сложными путями пришли в Хулун-Буир, и каждый из них обладал только ему присущими этническими признаками, чем они отличались друг от друга. Однако подобное исследование до настоящего времени не то, что не проведено, а даже не было ни единой попытки его реализации.

Имеющийся пробел в некоторой степени призвана восполнить настоящая статья. В ней поставлена цель раскрыть генезис компонентов *старые* и *новые* в наименованиях *старые баргуты* и *новые баргуты* и на этой основе реконструировать историю этносов баргут и хори в период Цинской империи в Восточной

Халхе и Маньчжурии после ухода из Байкальского региона в XVII – первой трети XVIII в.

Обозначенная цель обусловила решение следующих задач: выяснить приблизительное время ухода баргутов с Байкала на Амур; установить, когда и где произошла на Амуре война Якса, в ходе которой баргуты были уведены маньчжурами в более южные районы Китая; определить район, где баргуты были включены в маньчжурское знаменное войско и получили название *старые баргуты*; дать общую характеристику межплеменных отношений в районе Байкала в начале XVII в.; определить социальный статус племенной общности хори по отношению к халхасскому Цэцэн-хану; установить время зачисления хоринцев в монгольское знаменное войско; выявить, какими внешними факторами было обусловлено появление у хоринцев второго названия *баргуты*, которое с полученным от маньчжуров наименованием *новые* стало их самоназванием в Хулун-Буире.

При написании статьи использованы неопубликованные и опубликованные архивные источники, существующая литература, полевой экспедиционный материал, собранный автором в разные годы в местах расселения изучаемых этносов на северо-востоке КНР в Хулун-Буире и у отдельных выходцев из этого района в середине 80-х гг. прошлого века в г. Улан-Баторе. Ценность полевого материала особенно высока, потому что он приоткрывает некоторые страницы истории двух баргутских этносов, о которых нет сведений в письменных источниках.

Начну с истории баргутов, позже на северо-востоке Китая ставших известными как *старые баргуты*. Хотелось бы подчеркнуть, что за все время полевой работы в Хулун-Буире мне от наиболее авторитетных знатоков старобаргутской старины всегда приходилось слышать, что их предки – народ баргут – до прихода русских (по русским архивным источникам время появления первых русских на западной стороне Байкала датируется 1629 г. – Б.З.) по неизвестным причинам все до единого покинули свою родину около Байкала и ушли на восток. Раньше, в конце 70–80-х гг. прошлого века такую же информацию мне доводилось записывать от баргузинских старожилов Бурятии. По их словам, баргуты поголовно покинули Баргузин тогда, когда там стало расти белое дерево и стал водиться зверек с черными кончиками ушей. В фольклоре некоторых сибирских народов появление невиданных деревьев является сигналом надвигающейся беды. Но что или кто мог стать для баргутов олицетворением этой беды, неясно. Очевидно лишь, что они действительно ушли от Байкала до прихода русских¹. Выйдя из Баргуджин-Токума, сообщают китайские информаторы, баргуты дошли до Амура и стали жить в долине р. Уды. Во время войны Якса (Ягсаа дайн) они были уведены маньчжурами на юг вглубь китайской территории к Цицикару, а потом оттуда в 1732 г. были переброшены в Хулун-Буир для охраны границы между Китаем и Россией. Там от маньчжуров ими было получено название *старые баргуты*².

Получилось так, что история баргутов почти с самого их прихода на северо-восток Китая оказалась

тесно переплетена с историей маньчжуров. В частности, с ними связано появление в их названии дополнительного слова *старые*, в котором сфокусировалась вся их история в новом регионе. Почему баргуты были названы маньчжурами *старыми*?

Как известно, в конце XVI в. началось возвышение маньчжуров во Внутренней Азии, их государство проводило крайне агрессивную политику по отношению к другим народам. Ее осуществлению максимально способствовала выстроенная система знамен, сочетавшая в себе функции военного и гражданского управления. Для реализации своих далеко идущих экспансионистских планов маньчжуры в первой половине XVII в. придавали большое значение привлечению на свою сторону родственных северо-восточных тунгусских племен (варка, хурха, воцзи и др.) и пополнения за их счет армии, созданной в форме восьмизнаменных корпусов. Вначале этот вопрос решался путем насильственного сгона населения в Мукден (старая, священная для маньчжуров столица их государства. – Б.З.) или Нингуту (крайний форпост Маньчжурского государства на северо-востоке. – Б.З.), позже маньчжуры стали прибегать к мирному переезду родов в эти места. После принятия маньчжурского подданства, получения значительных материальных вознаграждений и зачисления в знамена эти племена получали наименование *старые маньчжуры* и *новые маньчжуры*. Важно подчеркнуть, что старым маньчжурам предоставлялась такая большая привилегия, как уравнивание в правах с коренными маньчжурами [14. С. 34, 37, 121–124].

Основное различие старых и новых маньчжуров видно из диалога, который состоялся в начале XVIII в. в ставке калмыцкого Аюки-хана с китайским посланником Тулишеном. Аюка-хан спросил: «Почему у вас называются Манжуры старые и Манжуры новые?», – на что Тулишен дал ответ: «Старые те, коих деда и отцы при первых наших государях Тайдзуе и Тайдзуне служили и с их Величествами в Мукдене жили, а новые, кои при нынешнем Государе в Пекин взяты с границ Мукденских» [15. С. 116].

Другие различия выявлены А.В. Рудаковым, который, опираясь исключительно на китайские источники, наиболее полно исследовал вопрос о старых и новых маньчжурах. Он подчеркнул, что большое значение для получения имен *старые* и *новые* имело время вступления племен в ряды знаменных войск. «К староманьчжурам, – указано им, – отнесены потомки тех маньчжуров, кои были приписаны к восьми знаменам до воцарения дайцинской династии на престоле Китая и оказали... видные заслуги на бранном поле первым основателям маньчжурского дома, Тай-цзу и Тай-цзуну» [12. С. 9, 12].

«К ново-маньчжурам, – продолжил А.В. Рудаков, – были отнесены: 1) второстепенные роды, не игравшие выдающейся роли в утверждении маньчжурского могущества... ново-маньчжуры существовали уже в период, предшествовавший перенесению столицы в Пекин (т.е. до 1644 г. – Б.З.); 2) приглашаемое и подчиняемое... маньчжуро-китайскому влиянию в эпохи Шунь-чжи и Кань-си взрослое население некоторых племен... [Там же. С. 9, 10].

С периода Шуньчжи новые маньчжуры рассматривались цинами как важная со стратегической точки зрения сила, с использованием которой предполагалась эффективная реализация стоявших перед государством задач. В 1692 г. было принято решение сформировать в Бодунэ 80 нюру (низшая ячейка знамени, условно рота. – Б.З.) с последующим их включением в знамена высшей группы. Эти знамена, по цвету боевого штандарта называвшиеся «желтое с каймою», «желтое простое» и «белое простое», входили в число привилегированных в маньчжурской армии. Из таких знамен, как пишет А.В. Рудаков, набиралась богдыханская, т.е. императорская, лейб-гвардия [12. С. 367, 368, 374].

В 1620 г. в гиринской провинции на западе Маньчжурии было создано первое монгольское знамя. А.В. Рудаков отмечает, что в четвертый год Тяньмин монголы аймаков сибо и гуалэча, находившихся южнее Нонни и Улы, говорившие на языке, схожем с языком корцинских монголов, признали подданство маньчжуров и рано были вписаны в знамя. Между ними существовало деление на *старых монголов* и *новых монголов* [Там же. С. 11].

Почти одновременно знамена стали создаваться на завоеванных землях Южной Монголии. Здесь самое раннее упоминание о монгольских нюру относится к 1621 г. [13. С. 155]. Первые более или менее полные сведения датируются серединой 30-х гг. А.В. Рудаков отметил, что после смерти чахарского Лигдан-хана монголы окончательно признали власть маньчжуров. Они стали вводиться в знамена. Из них все те, которые остались жить на прежних местах, получили наименование *вписавшиеся в знамена* и стали прозываться *старомонголами*. Другие, внесенные в знамена позже (после 1636 г.), стали называться *новомонголами* [12. С. 11].

В 1635 г. из «внутренних и внешних харачинских монголов» было сформировано 11 знамен. Восемь из них, различавшиеся, как и у маньчжуров, по цвету штандарта, были составлены из старых монголов, т.е. из тех, кто числился ранее в монгольских нюру в составе восьми маньчжурских знамен. Три знамени были составлены из новых монголов. О них источник сообщил лишь имена монгольских владетелей [13. С. 156].

Процесс создания знамен в Южной Монголии шел быстро. В 1638 г. там было 30 знамен, несколько позже – 49. Делами знамен ведало специальное учреждение в маньчжурском правительстве, называвшееся Монгольский ямынь. В 1638 г. оно было преобразовано в Лифаньюань (Палата по делам зависимых земель) [Там же. С. 157].

Кроме маньчжуров и монголов, насколько удалось выяснить в литературе, названия *старые* и *новые* были у китайцев, тунгусоязычных солонов и монголоязычных олетов [12. С. 12; 16. С. 327; 17. С. 144, 147].

Изложенный материал, несмотря на свою скудость, позволяет сделать некоторые выводы. Его анализ показывает, что слова *старые* и *новые*, прибавлявшиеся маньчжурами к названиям вошедших в знамена этносов в комплексе с различными видами материального стимулирования, можно рассматривать как особые формы поощрения за вклад в дело укрепления маньчжурского государства и его армии. Этническая при-

надлежность этносов при пожаловании данными почетными наименованиями значения не имела. Для вознаграждения ими решающее значение имело время вступления этносов или их частей в знаменное войско. Если этнос был зачислен в него раньше, то ему присваивалось название *старые*, если позже – *новые*. Они не давались в зависимости от того, какая этническая общность раньше или позже прибыла на место своего постоянного расселения, как принято сейчас думать. Быть пожалованным словом *старые* считалось более престижным по сравнению со словом *новые*, хотя цины после 1644 г. стали придавать большое значение привлечению в знамена новых маньчжуров, рассматривая их как важный стратегический резерв. Знамен, в составе которых были этносы со словами *старые* и *новые* в названиях, видимо, было немного. Выставляемые ими войска относились к числу элитных у маньчжуров.

Последний тезис можно проиллюстрировать характеристикой боевых качеств знаменных корпусов Хулун-Буира, из которых один целиком, другой частично были укомплектованы прибывшими туда старыми и новыми баргутами в начале второй трети XVIII в. Но прежде хотелось бы подчеркнуть, что войска трех новобаргутских знамен – желтого с каймой, желтого простого и белого простого – входили в число особо привилегированных или, как выразился информатор Хуасай Дугаржаб, лучших (монг. *жардын цэрэг*. – Б.З.) в маньчжурской армии³. Разумеется, они сыграли не последнюю роль в том, что войсковые подразделения баргутов Хулун-Буира, включая старобаргутские, обладали блестящими боевыми качествами, как о том писал исследователь региона, член Русского географического общества Ф. Боржимский. Приведу его текст: «Войска Хулунбуира, или, как их принято называть в виду их свирепости в разговоре, баргутские войска, до последнего времени считались наилучшими из провинциальных войск Китая и несли по указаниям Пекинского правительства тяжелую службу в походах в Центральной Азии для подавления мятежей... Выдающиеся боевые качества хулунбуирские войска приобрели благодаря постоянному пребыванию под знаменами и участию в ежегодных общих смотрах в Хайларе, где они тренировались и представлялись в лучшем виде; они существовали далеко не номинально, не на бумаге, как это целыми столетиями наблюдалось в провинциях Китая, в Монголии и в особенности в Халхе, а были и в действительности закаленными солдатами, с одним лишь недостатком – отсутствием современного оружия» [18. С. 18–19].

В 1630-х гг. маньчжуры совершили первые завоевательные походы на северо-запад [14. С. 73]. Цель этих походов заключалась в захвате аборигенных племен и их массовом угоне (в отличие от северо-востока, где было много случаев мирного переселения) на контролируемые территории. Мужчины зачислялись в войска, женщины и дети пополняли общую численность населения знамен.

В апреле 1640 г. маньчжурские войска на Среднем Амуре провели крупные операции по овладению солонскими городками Якса, Дочэнь, Асацзинь и До-

цинзнь. После упорных сражений они взяли Яксу, которая была центром солонской земли на Амуре. Пленные солонны были уведены на р. Нонни и включены в знаменные войска [19. С. 57, 58, 188].

В начале статьи, где приведены некоторые сведения об истории баргутов до прихода в Хулун-Буир, отмечено, что у них сохранились воспоминания о том периоде, когда их предки, уйдя от Байкала и достигнув Амура, стали жить на р. Уды. Во время разразившейся войны Ягсаа дайн (война Якса) они были уведены маньчжурами на юг, вглубь Китая.

В сообщениях информаторов обращают на себя внимание два названия: войны *Ягсаа дайн* и р. *Уды*. Оба они, что весьма примечательно, имеют прямое отношение к Среднему Амuru. В контексте Яксаких событий более чем очевидно, что *Ягсаа дайн* является названием прочно врезавшейся в историческую память баргутов войны за городок Яксу, а Уды была той самой р. *Уды*, на которой они жили до своего угона на юг от Амура. Эта река берет начало недалеко от Яксы, течет на северо-восток и впадает в Охотское море. Верхнее течение Уды до 70-х гг. XVII в. рассматривалось маньчжурами как зона их непосредственного влияния. В 1671 г. обитавшие по Уды тунгусы жаловались русским казакам, что приезжают «богдойского де царя люди... и ясак с них емлют». Они просили донести до русского царя, чтобы он «пожаловал их, тунгусов, велел от богдойских людей оборонить» [20. С. 281, 282].

Городок Якса был крайней точкой, которой достигли маньчжуры в ходе походов на северо-запад [19. С. 59]. Начиная с 1640 г. топоним Якса начисто исчез из цинских источников и вновь, после внушительного перерыва, появился в них в 1682 г. без предъявления абсолютно никаких доказательств как название отстроенного русскими в 1651 г. бывшего даурского городка Албазина. Причину этой фальсификации отечественные историки усматривают в осуществлении цинскими властями тонко рассчитанной тактики, применявшейся при выдвижении ими территориальных претензий к соседним государствам [14. С. 73, 201].

Со своей стороны, полностью признавая справедливость точки зрения российских ученых, считаю необходимым особо подчеркнуть, что если бы Албазин и вправду был городком Якса, то вблизи него протекала бы Уды. Но реки с таким названием на Верхнем Амуре нет. Поэтому исследование старобаргутской истории вносит дополнительную ясность в этот вопрос и показывает, что все связанные с подлинным городком Якса события происходили на Среднем Амуре.

Об этом же говорит один яркий этнографический факт. До настоящего времени старые баргуты зимой живут в войлочных юртах монгольского типа, а летом производят замену покрытия жилища. Крыша покрывается вырезанными по особому покрою камышовыми циновками, боковые стены закрываются полотнищами из крепко сшитых между собой тонких тальниковых прутьев. Другими монгольскими народами такой материал для покрытия жилища никогда не применялся. Его не знали и народы байкальского региона. Обычай замены войлочной крыши юрты камышовой свиде-

тельствует о том, что старые баргуты кроме жилища для постоянного проживания некогда имели несложное по конструкции сезонное жилище, использовавшееся при выполнении некоторых хозяйственных работ. В близлежащих регионах похожий тип жилища, воздвигаемый в местах рыбной ловли, где по берегам рек под руками всегда имелся в изобилии необходимый для его изготовления материал в виде камыша и тальника, был распространен на Нижнем и Среднем Амуре. В начале XX в. подобное жилище бытовало у живших в среднем течении Амура эвенков манегров и бираров [21. С. 111]. Важно отметить, что сейчас в Хулун-Буире юрта с такой же камышовой крышей, как у старых баргутов, имеется у тунгусоязычных солоннов. У них также сохранился обычай с наступлением тепла производить смену покрытия жилища. Если учесть тот факт, что предки старых баргутов, покинув Баргуджин-Токум и дойдя до Среднего Амура, жили недалеко от солоннов на р. Уды, то это говорит о том, что жилище с камышовым покрытием было заимствовано ими в этом регионе и в начале XVIII в. принесено с собой в Хулун-Буир.

Таким образом, рассмотрение материала, связанного с топонимом *Якса*, гидронимом *Уды*, названием битвы *Ягсаа дайн* убедительно доказывает факт пребывания баргутов на Среднем Амуре после исхода из Баргуджин-Токума и одновременно служит надежным основанием для определения даты их угона в южные районы Китая в ходе Яксакой войны.

Старые баргуты говорят, что их предки с Уды были переселены на юг к Цицикару, хотя, на мой взгляд, они могли быть уведены дальше, в те районы, где прошла линия границы Цинской империи на северо-востоке, получившая название Ивовый Палисад. Ведь маньчжурами поход на Амур был предпринят исключительно для того, чтобы захватить пленных и привести их на свою твердо контролируемую территорию для зачисления в знаменные войска. Таковыми и были районы, прилегающие к Ивовому Палисаду. Там баргуты, надо полагать, после принятия китайского подданства были включены в маньчжурское знамя и удостоены почетного названия *старые баргуты*. Получение его, как теперь становится понятным, произошло не в Хулун-Буире и не в 1732 г., как утверждают информаторы и ошибочно полагают исследователи [9. С. 2; 10. С. 359], а между 1640 и 1670 гг. В 1640 г. состоялся разгром солонского городка Яксы и увод живших там баргутов на юг, где они были зачислены в знаменное войско; на 1670 г. приходится, отмечу, забегая немного вперед, первое упоминание в источниках названия другой баргутской группы в Монголии и Хулун-Буире – *новые баргуты*. Поэтому название *старые баргуты* не могло возникнуть позднее этого второго наименования, т.е. после 1670 г.

При изучении вопроса, почему возникновение названия *старые баргуты* стало относиться к Хулун-Буиру, складывается следующая картина. Выше отмечалось, что маньчжуры при вознаграждении этносов наименованиями *старые* или *новые* помимо заслуг перед государством руководствовались таким критерием, как время их вступления в знаменные войска.

После прихода в начале 30-х гг. XVIII в. двух баргутских групп к Аргуни, что стало важнейшим этапом в их истории, произошел пересмотр, что вполне допустимо, содержания этих слов. Это было обусловлено, как мне представляется, желанием связать происхождение названий *старые баргуты* и *новые баргуты* с Хулун-Буиром, ставшим для их обладателей новой родиной. Смысл данных наименований, интерпретированных в духе народной этимологии, стал пониматься так. Когда в 1732 и 1734 гг. в Хулун-Буир пришли две баргутские группы, то маньчжуры, чтобы отличать их друг от друга, дали им новые названия. Группу, пришедшую туда первой, они назвали *старые баргуты*, пришедшую двумя годами позже – *новые баргуты* [8. С. 92; 22. С. 38].

Поскольку смысл заново истолкованных слов *старые* и *новые*, что видно из приведенного текста, не имеет ничего общего с семантикой тех компонентов, которые присоединялись маньчжурами к названиям этносов при зачислении в знаменные войска, то это может означать только то, что наименование *старые баргуты* появилось после Яксы в районе южнее Цицикара между 1640 и 1670 гг. Отнесение его к Хулун-Буиру и к 1732 г. ошибочно и заведомо обрекает исследователей на неверные подходы к изучению старобаргутской истории. Важно уяснить, что к этому времени старые баргуты, как и новые баргуты в 1734 г., давно числились в регулярной армии. Обе группы задолго до Хулун-Буира назывались *старыми* и *новыми*.

Что касается Цицикара, то по источникам известно, что от него баргуты в 1732 г. по указу Цинского императора Канси были посланы к Аргуни для постоянной службы на границе. Поэтому название резиденции хэйлунцзянского цзянцзюня, заслонив собой более ранние топонимы, отложилось в памяти баргутов как то место, куда они были приведены маньчжурами с Амура.

Высказывалось мнение, что в конце XVII в. император Канси издал указ о приобщении живших вблизи Цицикара старобаргутов к земледелию. Но те не захотели расставаться с привычным укладом жизни и в знак протеста стали заниматься грабежом оседлого маньчжурского и китайского населения. Это вынудило цинские власти выселить старых баргутов за Хинган на пустующие земли Хулун-Буира [3. С. 14–16].

Однако истинные мотивы переселения старобаргутов были другими. Они возникли в связи с тем, что Цинское правительство возложило на монголов (в широком смысле) несение караульной службы на северных рубежах империи [23. С. 215]. Поэтому в 1732 г. два знамени старых баргутов из находившейся под Цицикаром местности Будха были направлены в Хулун-Буир, где с шестью солонскими знаменами образовали одну восьмизнаменную военно-административную единицу [24. С. 34–35]. Что касается предположения, что старобаргуты пришли в Хулун-Буир в середине XVII в. из Халхи [3. С. 16; 7. С. 45], то оно своего подтверждения не находит.

Теперь об истории новых баргутов. Ее раскрытие следует начать с конца 20-х гг. XVII в., когда благодаря русским появились первые сведения о населении

около Байкала. Общая обстановка в регионе характеризовалась сложными межэтническими отношениями, ее стержневую линию составляли прочно сложившиеся между племенами отношения господства и подчинения. В таких условиях интересы каждого этноса заключались в приобретении более сильного повелителя, способного стабилизировать жизненные условия своих подданных и надежно защищать их от нападения извне [25. С. 15, 17].

Ситуация отягчалась тем, что коренное население находилось в зависимом положении от живших южнее монголов и подвергалось их постоянным набегам по сбору дани. Вся его территория была поделена на сферы влияния между халхаскими Тушету и Цэцэн-ханами, владельцами крупных уделов на Селенге Турухай-табуном (в источниках его властитель упоминается по искаженно написанному титулу *тавнан*, что со словом *турухай* означает «его высочество ханский зять»). Он приходился зятем Цэцэн-хану. Подлинное имя неизвестно. – Б.З.) и Кунтацзиным (искаженное написание титула *хун-тайджэ*, истинное имя его обладателя также неизвестно. – Б.З.).

В отечественной науке данничество у монголов как способ эксплуатации лесного населения к северу от Халхи не изучено. Однако важно указать, что зависимые от монголов племена по западную сторону Байкала (Предбайкалье) сами имели данников, или кыштымов, в лице приенисейских «кетских» (асаны, арины и др.) и ангаро-ленских тунгусских племен, формы принуждения и зависимости между которыми были изучены такими крупными специалистами по истории Сибири, в том числе Байкальского региона, как А.П. Окладников, С.А. Токарев и Е.М. Залкинд.

По мнению А.П. Окладникова, зависимость кыштымов от их владельцев выражалась в сложной совокупности отношений от регулярного сбора дани до отработок, когда кыштымы семьями уводились на определенный срок в улусы для выполнения разных, главным образом земледельческих, работ [26. С. 319–328].

С.А. Токарев усомнился в наличии отработочной ренты как не подтверждаемой источниками. Изучив обширный материал, он пришел к заключению, что существовали две формы зависимости кыштымов: уплата дани, игравшая основную роль, и выставление ополчения, нередко выполнявшего самостоятельные задачи [27. С. 144–146, 154, 155].

Е.М. Залкинд согласился с тем, что существовали две формы повинности кыштымов. Обязательства между ними и их повелителями были взаимными: первые платили ясак и выставляли вспомогательное войско, вторые заботились об охране кыштымов и поддержании мира на их территории [25. С. 16].

Что касается Забайкалья, то жившее там и частично на западной стороне Байкала единственное автохтонное монголоязычное племя хори своих кыштымов не имело. Оно находилось в сильной и к тому же двойной даннической зависимости от монголов: упоминавшихся Турухай-табуна и Цэцэн-хана. Какие формы эксплуатации практиковались Турухай-табуном по отношению к хоринцам? Енисейский воевода Пашков в 1655 г. сообщил в Сибирский приказ, что на Хилке группа

казаков, которая везла с Шилки государеву соболиную казну, подверглась нападению. «...Приходили, – писал он, – братские немирные мужики улусные люди Турукая Табуна те ж, которые, государь, в прошлом во 159 г. (1650 г. – Б.З.) побили твоево государева посланника... Ярафея Заблоцково... На том бою они служилые люди... братских немирных мужиков многих людей побили и твою государеву соболиную казну отстояли» [28. С. 204].

В отписке воеводы говорится о «братских немирных мужиках» Турухай-табуна. Поскольку эти «мужики» названы «немирными» и к тому же «братскими», то речь идет о данниках Турухай-табуна и созданном из них вспомогательном воинском отряде. Этот отряд, подобно тем, которые выставлялись кыштымами на западной стороне Байкала, выполнял данные повелителем задания. Таковыми были нападение на царскую соболиную казну, а годом раньше – покушение на Байкале на ехавшего, между прочим, к монгольскому Цэцэн-хану русского посла Заблоцкого.

По источникам убийство царского посланника совершили хоринцы [29. С. 328]. Этот факт однозначно свидетельствует о том, что они были иноплеменными данниками Турухай-табуна и в этом качестве составляли его вспомогательное войско. Другая форма зависимости – прямая выплата дани натурой – в источниках не выявляется. Но это не говорит о том, что ее не было вовсе. Труд жен и детей, вместе с мужьями отправлявшихся во вспомогательное войско, широко использовался в хозяйстве Турухай-табуна: пастыбе скота, выделке кожи, изготовлении войлока, шитье одежды и т.д. Эта форма повинности была тесно сросшейся с первой, и вычленив ее отдельно невозможно.

Таким образом, Турухай-табуном и, как будет видно дальше, Цэцэн-ханом в отношении хоринцев практиковались те же формы подчинения и принуждения, какие применялись бурятскими князьями к кыштымам на западной стороне Байкала. Это говорит о том, что монгольское данничество и предбайкальское кыштымство в основных чертах повторяли друг друга. Этому сходству не следует удивляться, так как речь идет фактически об одном явлении, бытовавшем на смежных территориях. Поэтому надо признать, что две формы зависимости приенисейских и тунгусских кыштымов от бурятских властителей были хорошо известны монголам и успешно воспроизводились ими на населении у Байкала.

В Забайкалье вся тяжесть монгольского данничества тяжелым бременем лежала на хоринцах. Близкое соседство с Халхой, чего нельзя сказать о племенах западнее Байкала, обусловило то, что они были дводанцами монголов. При покушении на царского посланника Заблоцкого хоринцы выступали как данники Турухай-табуна. Физически устранив посла, они, вероятно, опасаясь мести со стороны русских, ушли на восток Монголии [Там же], под защиту другого своего повелителя Цэцэн-хана, потому что главной обязанностью получателей дани по отношению к данникам, как установил Е.М. Залкинд, было покровительство в случае грозившей им опасности. В этом плане Цэцэн-хан, конечно, был понадежнее Турухай-табуна.

По источникам достаточно отчетливо прослеживается, что у Цэцэн-хана хоринцы отбывали ту же повинность, что и у Турухай-табуна, – выставляли вспомогательное войско, местом постоянной дислокации которого, вероятно, было левобережье верхнего течения Хилка, расположенное приблизительно на одинаковом расстоянии от Турухай-табуна и Цэцэн-хана. Там, между прочим, находились хоринцы перед атакой на соболиную казну московского царя. Надобность в этом войске в XVII в. у Цэцэн-хана в связи с начавшимися завоевательными войнами маньчжуров против монголов была высока.

В 1630-е гг. маньчжуры подчинили княжества Южной Монголии, что сильно встревожило халхаских Тушету-хана Гомбодоржа и Цэцэн-хана Шолоя. В 1646 г. в Халху бежал от маньчжуров сунитский князь Тенгис. Погоня во главе с военачальником Додо настигла его и учинила разгром. Гомбодорж и Шолой с целью предотвращения поголовного истребления сунитов выдвинули свои войска. Состоявшиеся осенью 1646 г. сражения вблизи горы Джагучи-ондур в местности Джаджи-булак нашли отражение в датированном тем же годом документе Лифаньюаня. Их описание приведено в статье упоминавшегося Д. Буяндэлгэра. Вначале Додо разбил двадцатитысячное войско Тушету-хана, а затем такое же по численности войско Цэцэн-хана, укомплектованное воинами из аймаков абаганар, баргу, хатагин и урянхан. Додо долго преследовал обоих ханов, но, узнав от пленных, что они достигли Селенги, прекратил погоню [9. С. 27–30].

В документе сказано, что в войске Цэцэн-хана были бойцы из аймака Баргу, т.е. баргуты. Думается, здесь под словом *аймак* имеется в виду *хошун* – низовая единица административного деления в составе аймака у монголов в доманьчжурский период. Поскольку подобной единицы *хошун* в первой половине XVII в. около Байкала не было, то документ дает понять, что в нем речь идет о баргутах из хошуна аймака Цэцэн-хана. Этими баргутами, как будет видно далее, были хоринцы, потому что из населения байкальского региона тесно связанными с монгольским ханом были именно они. Будучи даннически зависимыми от него людьми, хоринцы подолгу находились на востоке Халхи и даже в других ее районах, участвуя или самостоятельно выполняя поставленные повелителем задачи. Наглядным примером является соучастие хоринцев в 1646 г. в неудачно сложившейся битве с маньчжурами в Джаджи-булаке. Эта местность находилась, считает И.С. Ермаченко, в Центральной Халхе, западнее р. Толы [13. С. 80].

Но если в битве с Додо на стороне Цэцэн-хана сражались хоринцы, то почему они в документе цинского Лифаньюаня названы *баргутами*? Это слово имеет давнюю историю. В XIII в. степные монголы все племена Баргуджин-Токума называли *баргут*. Рашид-ад-дин этот феномен раскрывает так: «Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находятся] на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» [30. С. 121]. В процитированном тексте «Сборника летописей», что

крайне важно уяснить, слово *баргут* использовано не как этноним одного баргутского племени Забайкалья, а как *коллективное прозвище* (курсив мой. – Б.З.) всего населения по обе стороны Байкала, данное ему по наименованию той территории, какую оно занимало, – Барга или Баргуджин-Токум. Если семантика самоназвания *баргут*, несомненно полученного от степняков юга, – «грубый, некультурный, неотесанный» [31. С. 1108], то значение идентично звучавшего прозвища иное – «жители Барги или Баргуджин-Токума».

Что касается бытующего мнения, что в отрывке из «Сборника летописей» слово *баргут* является этнонимом и параллельно названием племенного союза, якобы существовавшего в XIII в. по обе стороны Байкала и возглавлявшегося баргутами [32. С. 7, 14], то оно безосновательно. В указанное время никаких реальных предпосылок для объединения племен Баргуджин-Токума, входивших в состав Монгольского государства, в союз, охватывающий к тому же оба берега Байкала, не было. Не случайно в источниках каких-либо свидетельств, подтверждающих данную точку зрения, отыскать невозможно.

Понятно, что если монголы прозвище *баргут* прилагали ко всему населению Баргуджин-Токума, то они называли этим словом и отдельные этнические группы региона. Оно чаще всего использовалось по отношению к хоринскому племени, которое, будучи зависимым от Цэцэн-хана, подолгу находилось в Восточной Халхе. По материалам Б.О. Долгих, во второй половине XVII в. до 40% хоринцев обычно оставались в пределах этой части Монголии, входя в состав населения знамен, созданных по распоряжению цинских сюзеренов Цэцэн-хана. Цифра немалая, если учесть, что, например, в 1687 г. численность всего хоринского населения по обе стороны границы округленно составляла 5 800 человек (рассчитано по: [29. С. 331, 334]). Поэтому вполне закономерно, что придуманное монголами прозвище *баргут* наиболее прочно прикрепились именно к хоринцам.

В XVII в. вслед за монголами *баргутами* стали называть хоринцев маньчжуры, что видно из документа Лифаньюаня от 1646 г. То, что монголы и маньчжуры прозывали хоринцев *баргутами*, в том числе и в письменных источниках, не проходило бесследно для последних. В русских архивных документах середины XVII в. выходившие из Монголии хоринцы изредка проходят под именем *баргут* [Там же. С. 327]. Вероятно, так называла себя некоторая часть молодых хоринцев, у которых после частого и долгого пребывания в Халхе происходили подвижки в сторону смены этнического самосознания. Однако в то время отдельные подобные проявления на общую картину не повлияли. Хоринцы в России в многочисленных источниках конца XVII – начала XVIII в., несмотря на частые уходы и выходы из Монголии, постоянно упоминаются под исконным именем *хори*. В целом ситуация скорее всего выглядела таким образом, что в Халхе хоринцы в общении с монголами и маньчжурами называли себя *баргутами*, а в разговорах между собой, что вполне естественно, – своим настоящим именем *хори*. Поэтому сообщения тех информаторов, которые утвержда-

ют, что прибывшие в 1734 г. из Цэцэн-ханского аймака в Хулун-Буир хоринцы называли себя *новыми баргутами*, близко к истине⁴. К этому времени прозвище *баргут* со словом *новые* ощутимо придвинулось к той черте, за которой оно становилось самоназванием.

Положение хоринцев, которые навсегда остались в Китае (в 1730–1732 гг. из 13 700 хоринцев 63% были подданными России, 37% – подданными Китая [Там же. С. 332]), резко поменялось после 1727 г. Установление государственной границы, закрывшее им доступ в Россию, долгое проживание в условиях тотальной зависимости от маньчжуров, плотное иноэтническое окружение, полный отрыв от материнского этноса – племенной общности хори – и, как следствие всего этого, резкое сокращение и нивелирование основных этнических признаков привели к тому, что у этих хоринцев после переселения в 1734 г. из Халхи в Хулун-Буир произошла коренная смена этнического самосознания и самоназвания. Прозвище *баргут* со словом *новые* приобрело у них этническую окраску и стало пониматься как этноним, а себя они стали осознавать отдельной от забайкальского племени хори этнической единицей, называющейся *шинэ барга*. Завершение процесса перемены этнической принадлежности и окончательное сложение новобаргутского этноса относятся к концу XIX в. В это время в культуре новых баргутов, исключая в некоторой степени язык, исчезли последние черты, связывавшие ее с предыдущей хоринской⁵. Нынешние новобаргуты единодушны в том, что не имеют ничего общего с живущими около Байкала бурятами-хоринцами и что их прямые предки пришли в Хулун-Буир из соседней Халхи⁶.

В 1655 г. маньчжуры приступили к организации знаменной системы в Халхе, позволявшей держать правителей и все ее население, как ранее в Южной Монголии, под постоянным и жестким контролем. Делами знамен ведал Лифаньюань. В Халхе восемь первых знамен были созданы в Тушету и Цэцэн-ханском аймаках и крупных княжествах. В аймаке Цэцэн-хана дзасаком единственного знамени был назначен сын Цэцэн-хана Бабу. В него, помимо халхасов, были включены называвшиеся *баргутами* хоринцы. Так как это знамя, как все халхаские, подразделялось на правое и левое крыло [33. С. 54–55, 87], то можно предположить, что одно крыло составляли хоринцы, другое – халхасы.

Семь следующих знамен в Цэцэн-ханском аймаке возникли в 1689 г. После Долоннорского съезда (1691), когда Северная Монголия была присоединена к Цинской империи, было создано еще четыре знамени. В 1713 г. в аймаке было 21 знамя. Разумеется, хоринцы в это время были сосредоточены не в одном знамени, как в 1655 г., а распределены по нескольким знаменам [33. С. 55, 86–89; 34. С. 161–162].

В 1675 г. в Пекин для обсуждения с Цинским правительством вопросов двусторонних отношений было направлено русское посольство во главе с Н. Спафарием. Путь посольства пролегал через Маньчжурию и в точности повторил маршрут ездившего в Пекин в 1670 г. другого русского посланника И. Милованова [35. С. 173]. Материалы И. Милованова в виде своеобразной па-

мятки для лучшей ориентации в незнакомой Сибири до поездки были доставлены Н. Спафарию, а потом в форме отдельных выписок включены издателями в книгу о его путешествии в Пекин. Из этих выписок видно, что после перехода Аргуни, на китайской стороне, И. Миловановым была сделана такая запись: «А от Аргуни до Гана и до Кайлара реки; а меж теми реками кочуют Мугальские царя Чеченкановы люди Баргуты» [36. С. 156]. Если учесть, что Чеченкан – это халхаский Цэцэн-хан, то данный факт, несомненно, говорит о том, что в записи И. Милованова под фразой «Чеченкановы люди Баргуты» имеются в виду хоринцы.

Здесь хотелось бы сделать небольшую ремарку о восточной границе аймака Цэцэн-хана. Встреча И. Милованова с баргутами между реками Ган (совр. Гэньхэ) и Хайлар состоялась на восточной стороне оз. Хулун, которая во владения Цэцэн-хана никогда не входила. При выделении родоначальником халхаских ханов Гэрэсэндзэ уделов своим сыновьям четвертому сыну Амин-дуралу достались земли на востоке Халхи. Здесь Амин-дурал по обоим берегам Керулена основал свои кочевья, где в конце XVI в. возник аймак Цэцэн-хана. Восточнее озер Хулун и Буир территория аймака не распространялась [37. С. 157]. Однако баргуты (хоринцы) в 70-х гг. XVIII в., надо полагать, совершали частые кочевки с низовья Керулена или с р. Халха на восточный берег Хулуна в поисках хороших пастбищ. На этой территории и произошла встреча с ними И. Милованова.

Запись русского посланника лишней раз подтверждает тот факт, что в Халхе хоринцев прозывали *баргутами*. Но выясняется, что баргуты, с которыми встречался И. Милованов, были не просто *баргутами*, а *новыми баргутами*. Конкретизируя свои наблюдения за Аргунью, он заметил: «А от Аргуни реки до Гана реки ехать Мугальского царя Чеченка новыми людьми Баргуты два днища; а те де Баргуты кочевные... От Гана до Кайлару же реки ехали три днища... А меж теми Ганом и Кайларом реками кочуют те ж Баргуты» [36. С. 157].

Ценность процитированного сообщения И. Милованова в том, что в нем впервые упомянуто полное название хоринцев в Монголии – *новые баргуты*. Автор примечаний к дорожному дневнику Н. Спафария Ю.В. Арсеньев, касаясь записи И. Милованова, заметил, что «выражение “новые люди”, употребленное Миловановым, как будто указывает на недавнее тогда появление Баргутов в речной области Аргуни» [Там же. С. 197]. Здесь сказалось явное незнание материала о баргутах Ю.В. Арсеньевым. Он не понял, что слово *новые* является частью сложного названия *новые баргуты*. А ведь примечания были написаны им в 1880 г., когда о баргутах уже были накоплены сравнительно неплохие для того времени знания. Если бы он был достаточно осведомлен в истории баргутов, в частности знал об их делении на *старых* и *новых*, то в своем примечании дал бы необходимое пояснение о новых баргутах хотя бы на уровне известных ему на тот момент сведений. Однако этого не было им сделано.

Но как бы ни было, теперь имеются все основания утверждать, что благодаря записям русского послан-

ника в Пекин И. Милованова стали известны две основные опорные даты, которые позволяют безошибочно определить, что слово *новые* как компонент прозвища *баргуты* появилось у хоринцев между 1655 и 1670 гг. в Восточной Халхе, и за счет этого внести существенные коррективы в новобаргутскую историю. Первая дата, 1655 г., основана на том, что тогда хоринцы, напомним, были зачислены в знаменное войско. Ко времени встречи с И. Миловановым в 1670 г. они уже назывались *новыми баргутами*. Получение наименования *новые* имело для хоринцев огромное положительное значение. Оно явилось отражением произошедшего в середине 50-х – 60-х гг. важнейшего изменения в социальном статусе хоринцев: они из даннически зависимых людей, составлявших вспомогательное войско и отбывавших в такой форме повинность Цэцэн-хану, превратились в бойцов регулярной армии, подчинявшихся маньчжурскому императору.

Отмеченная перемена в незначительной степени была облегчена тем, что хоринцы до 1670 г. принимали подданство Цэцэн-хана. На это косвенно указывают записи И. Милованова, это же, раскрывая внутреннее и внешнее положение племен иноверцев Иркутской губернии в обозримом прошлом, недвусмысленно дал понять надворный советник при Иркутском генерал-губернаторе Франц Ланганс. В 1789 г. он писал: «По вернейшим известиям названия родов их (российских монголов. – Б.З.) следующие: Цонгол, Сартол, Табангот, Хатагин, Езен, Подгородный, Хоринцы. До вступления в Российское подданство... последние (т.е. хоринцы. – Б.З.) были в подданстве у монгольского же Цецен-хана» [38. Л. 48].

Точное установление временного диапазона, в границах которого возникло название *новые баргуты*, согласуется с сообщениями источников, что непосредственные предки новобаргутов хоринцы пришли к Аргуни из Восточной Халхи, где они входили в знаменные войска и назывались халхасами и маньчжурами *новыми баргутами*. В то же время, хотелось бы подчеркнуть особо, оно говорит об ошибочности бытующего мнения, что наименование *новые баргуты* возникло в 1734 г. в Хулун-Буире, а в его основу положен факт более позднего прибытия новобаргутской общности в данный район по сравнению со старобаргутской [8. С. 92; 10. С. 361]. От всех известных к настоящему времени публикаций выгодно отличается работа монгольского исследователя Б. Нацагдоржа, в которой с совершенно новых позиций исследована новобаргутская история на примере одного яркого и в то же время во многом трагического эпизода – истории неудачной попытки побега в 1730 г. крупной группы новых баргутов из Восточной Халхи в Россию. Автор на основе новых монгольских архивных источников конца XVII – первой половины XVIII в., дополненных материалами русских архивов, установил, что та группа, которая стала известна в Цэцэн-ханском аймаке Халхи как *новые баргуты*, была пришедшими от Байкала хоринцами. Их роды объединялись общим названием *новые баргуты* и входили в состав знаменных войск. Слово *барга*, резонно пишет Б. Нацагдорж, не следует рассматривать как конкретный этноним.

Оно было наименованием всех этнических групп около Байкала. Поэтому в цинских документах хоринцы назывались *баргутами*, в русских – *братскими*. Это была, справедливо подытоживает автор, одна и та же хоринская группа, по-разному называвшаяся по обе стороны государственной границы [39. С. 101–117].

Выше говорилось, что во второй половине XVII в. до 40% хоринцев постоянно находились в Восточной Халхе, составляя население созданных маньчжурами знамен. Было отмечено, что в 1730–1732 гг., накануне переселения в Хулун-Буир, из 13 700 человек всего хоринского населения 37% являлись подданными Китая. Они были ближайшими и непосредственными предками нынешних новых баргутов. В этом пятитысячном населении был представлен весь спектр этнического состава хоринцев в виде как 11 основных родов, так и их боковых ответвлений кукуров, о чем свидетельствуют известные ныне полные списки новобаргутских родов [22. С. 14; 40. С. 120–134].

Служба в знамени была непростой. Помимо чисто ратных дел она включала отбывание почтовой повинности, службу пастухами при казенных табунах, несение охранной службы на границе с Россией и др. [41. С. 48–49]. Тяготы службы, непомерный рост налогов и других податей в связи с войнами цинов против Джунгарского ханства вынудили весной 1730 г. большую группу новобаргутов и халхасов из Цэцэн-ханского аймака решиться на побег в Россию. Требование остановиться и вернуться в войска было проигнорировано. О численности бежавших в монгольских источниках приводятся такие данные: население четырех сомонов из 12 полностью, из остальных сомонов – по 2 или 3 бошиг (младший командный чин в роте, унтер-офицер. – Б.З.) со своими людьми [39. С. 108].

Данные о новобаргутском побеге попали в русские источники. В них говорится, что в 1730 г. 2 132 юрты (2 261 «боец») вышли на Онон в пределы России. Среди бежавших 1 010 человек были хоринцы. Их, как подданных Китая, в соответствии с условиями Кяхтинского договора 1727 г. задержали на границе с целью обратной высылки в Халху. 1 443 юрты были высланы в том же 1730 г., остальные – год спустя «движением на них войск», т.е. нерчинских служилых людей и тунгусов [29. С. 330]. Некоторая часть выходцев, 37 юрт,

отказалась возвращаться в Халху. К ним была применена суровая мера. Они были связаны, отвезены на границу и там сданы монгольским караульным [42. С. 113]. Один из них, дзангин галзутского рода Шилдэй, был маньчжурами казнен [43. С. 99].

Важнейшим рубежом в истории новых баргутов стал 1734 г. В связи с доукомплектацией войск на аргунском участке границы они были переселены в Хулун-Буир. Прибыли 2 984 лиц мужского пола, из которых 2 400 человек были направлены в войска. Из них сформировали восемь знамен, которые в военном отношении представляли корпус [8. С. 93]. Три знамени, как отмечено выше, входили в число лучших в маньчжурской армии.

Подводя итоги исследования, отмечу следующее. Термины *старые* и *новые* в названиях *старые баргуты* и *новые баргуты* нельзя рассматривать как ничего не значившие по своей сути слова, полученные от маньчжуров только за то, что один этнос прибыл на место постоянного проживания в Хулун-Буире раньше, а другой – позже. Это были почетные наименования, которыми группы старых и новых баргутов были вознаграждены после вхождения в знаменные войска (старые баргуты – между 1640 и 1670 гг., новые баргуты – между 1655 и 1670 гг.) за определенный вклад в дело укрепления маньчжурского государства и его армии. Поэтому в них нашли отражение основные вехи истории двух байкальских этносов в Восточной Халхе и Маньчжурии в XVII – первой трети XVIII в. Носителями наименований *старые баргуты* и *новые баргуты* были баргуджин-токумовские баргуты и хоринцы, из которых последние с XIII в. степными монголами прозывались *баргутами*. Войска, укомплектованные подразделениями из этих этносов, относились к числу элитных у маньчжуров. Три новобаргутских знаменных войска входили в состав особо привилегированных в маньчжурской армии. В 1732 и 1734 гг. обе баргутские группы были переселены к Аргуни для несения пограничной службы. Хулун-Буир стал их новой родиной. На этой территории в результате окончательного отрыва хоринцев от материнской племенной общности хоры и утраты ими основных этнических признаков сложился новый этнос в этнической структуре монголов Китая, называющийся *новые баргуты* – *шинэ барга*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полевые записи автора (далее – ПЗА). Республики Бурятия, Баргузинский р-н, с. Элэсун, с. Баянгол. 1978, 1979 гг. (Информаторы: Дашина Будаев, 1898 г.р.; Жамбал Упанов, 1900 г.р.).

² ПЗА. Старобаргутский хошун, пос. Баян-Хурээ, г. Хайлар. 1998–2000, 2001, 2004–2006, 2008, 2015–2017 гг. (Информаторы: Хурлат Бямбаа, 1928 г.р.; Дулгачин Бямбаа, 1931 г.р.; Бодонгут Абида, 1915 г.р.; Хандсурен, 1941 г.р.; Монхша, 1947 г.р.; Буяндэлгэр, 1947 г.р.; Будагэрэл, 1948 г.р.; Худэр-Шулун, 1956 г.р.; Уинтэй, 1932 г.р.; Билигсүрэн, 1939 г.р.; Баяр-Далай, 1957 г.р.).

³ ПЗА. г. Хайлар. 1998–2000 гг. (Информатор: Хуасай Дугаржаб, 1910 г.р.).

⁴ ПЗА. г. Хайлар, г. Улан-Батор. 1985, 1998, 2000, 2001 гг. (Информаторы: Я. Шарийбуу, 1910 г.р.; Хуасай Дугаржаб, 1910 г.р.; Бодонгут Абида, 1915 г.р.).

⁵ ПЗА. г. Хайлар, г. Улан-Батор. 1985, 1998, 1999 г. (Информаторы: Я. Шарийбуу, 1910 г.р.; Ж. Олзий, 1918 г.р.; Ц. Пурэв, 1927 г.р.; Ц. Норжин, 1933 г.р.).

⁶ ПЗА. Новобаргутский Западный и Восточный хошуны, пос. Алтан Эмээл и Амгалан. 2015–2017 гг. (Информаторы: Сурэнжав, 1931 г.р.; Базарбийвээ, 1953 г.р.; Бабасан, 1944 г.р.; Гениндарма, 1943 г.р.; Морон, 1973 г.р.; Эрхэм, 1971 г.р.).

ЛИТЕРАТУРА

- Зориктуев Б.Р. К вопросу об этнической принадлежности общности байырку // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 64–71.
- Зориктуев Б.Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит. РАН, 2011. 278 с.

3. Словарь монгольских терминов / сост. Заамур. окр. ротмистр Баранов. Харбин : Русско-Кит. тип. «Юань-дун-бао», 1907. А–Н. С. 1–138.
4. Словарь монгольских терминов / сост. Заамур. окр. подполк. Баранов. Харбин : тип. штаба Заамур. Окр. отд. корп. погран. стражи, 1911. О–Ф. С. 139–266.
5. Кормазов В.А. Барга. Харбин : Эконом. бюро КВЖД, 1928. 281 с.
6. Sundui. Erten-u baryu yasutan. Tongliao : Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2005. 233 t.
7. Нимаев Д.Д. Барга и баргуты // Материалы науч. конф. «Цыбиковские чтения-7». Улан-Удэ : Изд. БНЦ СО РАН, 1998. С. 44–46.
8. Tubšinnima Galjud. Baryučud-un teiken irelte. Kökeqota : Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 152 t.
9. Buyandelger Jiyačidai. Qalq-a baryu-yin egüsül irel // Mongγol arkivs. Kökeqota : Öbür Mongγol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2002. 1–38 t.
10. Очир А., Гэрэлбадрах Ж. Халхын Засагт хан аймгийн түүх. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг ХХК, 2003. 462 т.
11. Mesige Qurlad. Baryu-yin tobči teüke. Tongliao : Öbür Mongγol-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2009. 252 t.
12. Рудаков А. Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции (1644–1902 гг.). Владивосток, 1903. Т. 1: Перевод Цзи-линь-тун-чжи с дополнениями по новейшим китайским официальным данным. 574 с.
13. Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1974. 192 с.
14. Мелихов Г.В. Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1974. 245 с.
15. Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке хану, с описанием земель и обычаев российских / пер. с маньчжурского на русский язык коллегии Иностр. дел Надворный Советник Алексей Леонтиев. СПб. : при Импер. Академии наук, 1782. 166 с.
16. Федоров Д.Я. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент : Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1903. 327 с.
17. Цыбенев Б.Д. Олеты Хулун-Буира: миграции и родовой состав // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Улан-Удэ : Изд. БНЦ СО РАН, 2017. С. 143–157.
18. Боржковский Ф. Краткое историко-географическое и статистическое описание Хулунбуирской области // Изв. Вост.-Сиб. отдела имп. Русского геогр. о-ва. Иркутск : Тип. Т-ва Печатного дела, 1915. Т. XLIV: 1915 год. С. 1–38.
19. История Северо-Восточного Китая. XVII–XX вв. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1987. 421 с.
20. Русско-китайские отношения в XVII в. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1969. Т. 1: 1608–1683. 612 с.
21. Василевич Г.М. Эвенки : историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л. : Наука, 303 с.
22. Öljei J. Baryu Mongγul-un teüke. Tongliao : Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2013. 415 t.
23. История Монгольской Народной Республики. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1983. 661 с.
24. Buyandelger J. Eligen qayiratu qayučin baryu. Tongliao : Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1999. 279 t.
25. Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. С. 46–60.
26. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937.
27. Токарев С.А. Буряты и их кыштымы в XVII в. / Зап. Бурят-Монг. научно-исслед. ин-т языка, лит-ры и истории. Улан-Удэ : Бурят-Монг. гос. изд-во, 1940. Вып. 2. С. 136–155.
28. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. Г.Н. Румянцев и С.Б. Окунь. Улан-Удэ : Тип. Мин-ва культуры БурАССР, 1960. 493 с.
29. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
30. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 1. 221 с.
31. Монгольско-русско-французский словарь, составленный проф. О.Ковалевским. Т. 2. Казань, 1846.
32. Коновалов П.Б. Баргуджин-Тукум и этническая генеалогия бурят // Баргуты: история и современность : сб. науч. статей. Иркутск : Отгис, 2016. С. 3–15.
33. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / пер. с кит. П.С. Попова. СПб., 1895. 487 с. + 92 с. указ.
34. Dugarjab Quvasai. Baryu kübegetü sir-a qosiyun-u oyilaly-a. 1734–1948. Qayilar : Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 1995. 243 t.
35. Мясников В.С. Империя Цини и русское государство в XVII в. Хабаровск : Кн. изд-во, 1987. 511 с.
36. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введ. и прим. Ю.В.Арсеньева. СПб., 1882.
37. Позднеев А.М. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрхэ» с пояснениями, заключающими в себе материалы по истории Халхи с 1636 г. по 1736 г. СПб., 1883.
38. Государственный архив Красноярского края. Ф. 805. Ед. хр. 1. Д. 78.
39. Нацагдорж Б. Шинэ баргын орост босч очсон тухай өгүүлэх нь // «Баргын түүх, соёлын судалгаа». Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурал. Улаанбаатар : Тоонотпринт ХХК, 2011 он. Т. 101–116.
40. Дууяржав Со. Baryu obuy-un irel egüsel. Tongliao : Öbür Mongγul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a, 2014. 135 t.
41. Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX в.). М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1980. 131 с.
42. Сычевский Е.И. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савскаго пограничного правления Сычевским в 1846 году / сообщает В.Н. Баснин. М. : в Универ. типографии (Катков и К), на Страстном бульваре, 1875. 292 с.
43. Бурядайд түүхэ бэшэгүүд. Улаан-Удэ : Бурядайд номой хэблэл, 1992. 240 х.

Zoriktuev Bulat R. Institute of Mongolian studies, Buddhology and Tibetology, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). E-mail: enhe_z@mail.ru

THE NAMES OLD BARGUTS AND NEW BARGUTS AS REFLECTIONS OF EVENTS IN THE HISTORY OF TWO BAIKAL AREA ETHNICITIES IN THE 17TH AND THE FIRST THIRD OF THE 18TH CENTURY

Keywords: Tsetsen-Khan; Manchurian expansion; the Yaksa war; the Banner troops.

Barguts were part of the tribe of Khori named Barguts by Mongols and later by Manchu because of the inhabiting in Bargujin-Tokum. The aim of research is to reveal the origin of the words *old* and *new* in the names of Barguts ethnic groups which reflect the most important events of their history under Qing dynasty in Eastern Khalkha and Manchuria.

Objectives: to determine the meaning of names *old* and *new* given by Manchu to ethnic groups joined in with them; to reveal when and where the New war of Yaksa on mid-Amur region took place whereby Manchu carried Barguts deep into China; to study the background of appellation of Khori people by the name Bargut and to determine where and when this people was enrolled in banner troops.

The subject of the research is the little-known history of Old Barguts and New Barguts, two Mongolian ethnic groups of the north-east of China (Hulunbuir), of 17 – first third of 18 centuries. Ancestor of Old Barguts was the well-known in the Innermost Asia tribe of Barguts.

Source of information: existing literature, archive and field material collected by the author in Hulunbuir and beyond its limits. The exclusive importance of the field material is that it fills in the gaps in information on the ethnic groups in documents. The author used special methods of field work (mapping, mass personal inquiry of tradition bearers).

Conclusion. Names *old* and *new*, given by Manchu to ethnic groups which joined their colors, were kind of award for the consolidation of the state and the army. Barguts leaved the Baikal region and settled the mid-Amur region short of the Solon town Yaksa. In 1640 in the war for Yaksa Barguts were resettled to the border of the Manchu state and joined its colors. Between 1640 and 1670 this group was named Old Barguts. Khori were tributary of Tsetsen-khan and stayed long in his possession. Between 1655 and 1670 Khori being soldiers of regular Manchu army were named New Barguts. In Hulunbuir, Khori lost their ethnic identity and they accepted the name *Bargut*

with the adjective *new* as an ethnonym. The formation of the community New Barguts (Shine Barga) independent from previous maternal ethnos Khori dates from 19 century. In 1732 Old Barguts from Qiqihar and in 1734 New Barguts from Eastern Khalkha were sent for continuous service to the border of Hulunbuir.

REFERENCES

- Zoriktuev, B.R. (2016) The ethnicity of the Bayirqu population revisited. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN – Oriental Studies (Vestnik KIH RAS)*. 3. pp. 64–71. (In Russian). DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-55-62
- Zoriktuev, B.R. (2011) *Aktual'nye problemy etnicheskoy istorii mongolov i buryat* [Topical problems of the ethnic history of the Mongols and Buryats]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Baranov. (1907) *Slovar' mongol'skikh terminov* [Dictionary of Mongolian Terms]. Kharbin: Yuan'-dun-bao. pp. 1–138.
- Baranov. (1911) *Slovar' mongol'skikh terminov* [Dictionary of Mongolian Terms]. Kharbin: tip. shtaba Zaamur. Okr. otd. korp. pogram. Strazhi. pp. 139–266.
- Kormazov, V.A. (1928) *Barga* [Barga]. Kharbin: Ekonom. byuro KVZhD.
- Sundui. (2005) *Erten-u baryu yasutan*. Tongliao: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a.
- Nimaev, D.D. (1998) [Barga and Barguts]. *Tsybikovskie chteniya – 7* [The Tsybikov Readings – 7]. Proc. of the Conference. Ulan-Ude: SB RAS. pp. 44–46.
- Tubšinnima Galjud. (1985) *Barjučud-un teüken irelte*. Kökeqota: Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a.
- Buyandelger Jiyačidai. (2002) *Qalq-a baryu-yin egüsil irel*. *Mongyol arkivs*. Kökeqota: Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a.
- Ochir, A. & Gerelbadrakh, Zh. (2003) *Khalkhyn Zasagt khan aymgiyn trykh*. Ulaanbaatar: Soembo printing XXX.
- Mesige Qurlad. (2009) *Barju-yin tobči teüke*. Tongliao: Öbür Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a.
- Rudakov, A. (1903) *Materialy po istorii kitayskoy kul'tury v Girin'skoy provintsii (1644 – 1902 gg.)* [Materials on the history of Chinese culture in the Jilin province (1644–1902)]. Vol. 1. Vladivostok: [s.n.].
- Ermachenko, I.S. (1974) *Politika man'chzhurskoy dinastii Tsin v Yuzhnoy i Severnoy Mongolii v XVII v.* [Politics of the Manchu Qing Dynasty in Southern and Northern Mongolia in the 17th Century]. Moscow: Nauka.
- Melikhov, G.V. (1974) *Man'chzhury na severo-vostoke (XVII v.)* [Manchus in the northeast (17th century)]. Moscow: Nauka.
- Anon. (1782) *Puteshestvie kitayskogo poslannika k kalmytskomu Ayukeye khanu, s opisaniem zemel' i obycheev Rossiyskikh* [Journey of the Chinese envoy to Kalmyk Ayuk Khan, with a description of Russian lands and customs]. Translated from Manchu into Russian by A. Leontiev. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
- Fedorov, D.Ya. (1903) *Opyt voenno-statisticheskogo opisaniya Iliyskogo kraya* [Experience of military-statistical description of the Ili region]. Tashkent: Tip. Shtaba Turkestanskogo voennogo okruga.
- Tsybenov, B.D. (2017) Olety Khulun-Buira: migratsii i rodovoy sostav [Olety Khulun-Buira: migrations and tribal composition]. In: Baldano, M.N., Varnavsky, P.K. & Nanzatov, B.Z. (eds) *Transgraničnye migratsii v prostranstve mongol'skogo mira: istoriya i sovremennost'* [Transboundary Migrations in Mongolia: History and Modernity]. Ulan-Ude: BNC SB RAS. pp.143–157.
- Borzhimsky, F. (1915) *Kratkoe istoriko-geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Khulunbuirskey oblasti* [Brief historical, geographical and statistical description of the Hulunbuir region]. Irkutsk: Tip. T-va Pechatnogo dela. pp. 1–38.
- Krushanov, A.I. (ed.) (1987) *Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya. XVII-XX vv.* [History of Northeast China. 17th – 20th centuries]. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo.
- Demidova, N.F. & Myasnikov, V.S. (1969) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVII v.* [Russian-Chinese relations in the 17th century]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- Vasilevich, G.M. (1969) *Evenki. Istoriko-etnograficheskiy ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [The Evenks. Historical and Ethnographic Essays (the 18th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
- Öljei, J. (2013) *Barju Mongyul-un teüke*. Tongliao: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a.
- Matveeva, L.V. (ed.) (1983) *Istoriya Mongol'skoy Narodnoy Respubliki* [History of the Mongolian People's Republic]. Moscow: Nauka.
- Buyandelger, J. (1999) *Eligen qayiratu qayučin barju*. Tongliao: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a.
- Zalkind, E.M. (1958) *Prisoedinenie Buryatii k Rossii* [Buryatia Joining Russia]. Ulan-Ude: Bur. kn. izd-vo. pp. 46–60.
- Okladnikov, A.P. (1937) *Ocherki iz istorii zapadnykh buryat-mongolov (XVII – XVIII vv.)* [Essays from the history of Western Buryat Mongols (the 17th – 18th centuries)]. Leningrad: Sotsekgiz.
- Tokarev, S.A. (1940) Buryaty i ikh kyshtymy v XVII v. [Buryats and their Kyshtyms in the 17th century]. *Zap. Buryat-Mong. nauchno-issl. in-ta yazyka, lit-ry i istorii*. 2. pp. 136–155.
- Rumyantsev, G.N. & Okun, S.B. (1960) *Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek* [Collection of documents on the history of Buryatia. 17th century]. Ulan-Ude: Buryatia Ministry of Culture.
- Dolgikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemennyy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Tribal composition of Siberian peoples in the 17th century]. Moscow: USSR AS.
- Rashid-ad-din. (1952) *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Vol. 1(1). Moscow; Leningrad: USSR AS.
- Kovalevsky, O. (1846) *Mongol'sko-russko-frantsuzskiy slovar'* [Mongolian-Russian-French Dictionary]. Vol. 2. Kazan: [s.n.].
- Konovalov, P.B. (2016) Bargudzhin-Tukum i etnicheskaya genealogiya buryat [Bargudzhin-Tukum and Buryat ethnic genealogy]. Bazarov, B.V. (ed.) *Barguty: istoriya i sovremennost'* [Barguts: history and modernity]. Irkutsk: Ottisk. pp. 3–15.
- Meng-woo-hoo-chi. (1895) *Zapiski o mongol'skikh kochev'yakh* [Notes on the Mongolian Nomads]. Translated from Chinese by P.S. Popov. St. Petersburg: [s.n.].
- Dugarjab Quvasai. (1995) *Barju kübegetü sir-a qostyün-u oyilaly-a. 1734–1948*. Qayilar: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a.
- Myasnikov, V.S. (1987) *Imperiya Tsinn i russkoe gosudarstvo v XVII v.* [The Qing dynasty Russia in the 17th century]. Khabarovsk: Kn. izd-vo, 1987. 511 s.
- Spafari, N. (1882) *Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 g.* [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675]. St. Petersburg: [s.n.].
- Pozdneev, A.M. (1883) *Mongol'skaya letopis' "Erdeniy erikhe" s poyasneniyami, zaklyuchayushchimi v sebe materialy po istorii Khalkhi s 1636 g. po 1736 g.* [The Mongolian Chronicle "Erdeniy Erich" with explanations containing materials on the history of Khalkha from 1636 to 1736]. St. Petersburg: [s.n.].
- The State Archive of the Krasnoyarsk Territory. Fund 805. Item 1. File 78.
- Natsagdorzh, B. (2011) Shine bargyn orost bosch ochson tukhay ögvylekh n'. In: *"Bargyn trykh, soelyn sudalгаа". Olon ulsyn erdem shinzhilgeenyi бага хурал*. Ulaanbaatar: Toonotprint XXX. pp. 101–116.
- Dugarjab, Co. (2014) *Barju obuy-un irel egüsel*. Tongliao: Öbür Mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a.
- Gorokhova, G.S. (1980) *Ocherki po istorii Mongolii v epokhu man'chzhurskogo gospodstva (konets XVII-nachalo XX v.)* [Essays on the history of Mongolia under Manchu domination (the late 17th – early 20th centuries)]. Moscow: Nauka.
- Sychevsky, E.I. (1875) *Istoricheskaya zapiska o kitayskoy granitse, sostavlenneya sovetnikom Troitsko-Savskago pograničnogo pravleniya Sychevskim v 1846 godu. Soobshchaet V.N. Basnin* [Historical note on the Chinese border, compiled by an adviser to the Trinity-Savsky border administration Sychevsky in 1846. Reported by V.N. Basnin]. Moscow: Katkov i K.
- Anon. (1992) *Buryaaday trykhe beshegyvd*. Ulaan-Ude: Buryaaday nomoy kheblel.

УДК 94(47).083
DOI: 10.17223/19988613/58/4

Н.Б. Кончаковская

ДЕВИЧЕСТВО ГОРОЖАНОК ПЕРМИ И ЕКАТЕРИНБУРГА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ)

Рассмотрены особенности повседневности в период девичества среди горожанок Перми и Екатеринбурга в процессе урбанизации в конце XIX – начале XX в. Проанализированы изменения в процессе социализации юных горожанок в городской среде, их участие в общественной, профессиональной деятельности. Обращено внимание на трансформации межполовых отношений среди городской молодежи, на особенности воспитания, образования, проведения досуга, представлений о замужестве юных горожанок Перми и Екатеринбурга.

Ключевые слова: девичество; повседневность; горожанка; Пермь; Екатеринбург.

В конце XIX – начале XX в. в Перми и Екатеринбурге как крупных административных, торгово-промышленных центрах Пермской губернии полным ходом шли модернизационные процессы, с развитием капиталистических отношений происходила урбанизация, демократизировались межличностные отношения, наблюдалась смена мировоззренческих моделей. Данные явления были взаимосвязаны с изменением положения женщины в обществе.

Период девичества в жизни женщины, согласно определению словаря гендерных терминов, охватывал в прошлом возраст девушки примерно с возраста 10–12 лет до времени вступления в брак (с 16 лет по закону) и играл большую роль в формировании женской идентичности, когда «девушка получала необходимое образование, навыки семейной жизни, овладевала ведением хозяйства и нередко получала навыки сексуального воспитания» [1]. В данной статье рассмотрены такие сферы повседневности юных горожанок, как получение образования, участие в профессиональной деятельности, проведение досуга, взаимоотношения с противоположным полом и отношение к замужеству. Изучение повседневности юных горожанок Перми и Екатеринбурга конца XIX – начала XX в. важно для понимания особенностей социализации, их участия в разных сферах городской жизни, а также для более объективной оценки влияния модернизации на жизнь горожан, их менталитет.

Среди современных исследователей, занимающихся изучением положения российской женщины в обществе, особенностями женского воспитания и образования конца XIX – начала XX в., можно выделить Н.Л. Пушкареву, Р. Стайтса, Т.Б. Котлову, О.Б. Вахромееву, В.В. Пономареву, Л.Б. Хорошилову [2–6]. По словам Н.Л. Пушкаревой, главными элементами «новой» женской идентичности в России являлись самостоятельность, образованность и активность [2]. Английский исследователь Ричард Стайтс связывает процессы женской эмансипации в России с европейскими источниками; согласно его выводам эмансипация вначале коснулась представительниц аристократии столичных городов, в дальнейшем она стала распространяться и на низшие слои российского общества [3]. Важными для

понимания женской повседневности являются исследования культуры провинциальных городов, менталитета горожан Пермской губернии в эпоху модернизации, среди них наибольшую значимость для нашей работы представляют исследования О.Н. Яхно, А.В. Бушмакова, В.П. Микитюка [7–9]. В работах А.В. Архангельской раскрыты особенности женского образования, уровня грамотности в рассматриваемый период в Пермской губернии, в том числе и в городах [10, 11]. М.В. Егорова охарактеризовала повседневную жизнь учащихся средних школ Урала в рассматриваемый период [12].

Понятие повседневности подразумевает под собой как бытовые условия жизни, так и ценностные установки, модели поведения, жизненные стратегии, поэтому важно изучить не только «собственно жизнь», какой она была, но и представления о ней конкретных женщин и отношение к ним со стороны городских обывателей и общественности. Исследование строится на теоретико-методологической базе истории повседневности, успешно интерпретированной и развитой российским историком Н.Л. Пушкаревой [13]. Для исследования актуальны историко-компаративный, гендерный, психоаналитический и другие подходы. В работе использованы различные виды источников, включая законодательные акты, сведения статистики, документы городских управ, материалы местной периодической печати, произведения художественной литературы; особое значение имеют источники личного происхождения – переписка, мемуары, дневники, девичьи альбомы.

Основой женского воспитания в дореволюционное время в российском обществе являлась подготовка девочки к будущей семейной жизни, материнству. По отношению к детям обоего пола согласно российским законам власть родителей была неограниченной до их совершеннолетия. Она ограничивалась поступлением ребенка в общественные училища, выходом дочери замуж [5. С. 122]. Современные исследователи отмечают гуманизацию в сфере семейно-брачных отношений в России во второй половине XIX – начале XX в. [6]. Показателем трансформации в сфере девичьего воспитания в Пермской губернии являлась существенно

возросшая в конце XIX века ценность образования, в первую очередь в Перми и Екатеринбурге. Обучение в учебных заведениях становилось новой и серьезной составляющей для горожанок в период девичества и было напрямую связано с формированием новой женской идентичности. Необходимость получения образования понимали городские власти и общественность, оказывая помощь в устройстве новых школ для девочек, производя оплату обучения за учениц из бедных семей. Нацеленность на женское образование становилась заметной особенностью не только в среде высших слоев горожан; в составе учениц женских гимназий, прогимназий было много выходцев из среды крестьян, мещан, купцов, разночинцев. К первому десятилетию XX в. сеть женских образовательных учреждений в городах Пермской губернии существенно выросла [10, 11]. В Перми к 1913 г. возможность получить начальное образование имело все женское население школьного возраста, сложнее с женскими образовательными заведениями было в Екатеринбурге [11]. Однако не все родители желали определить своих дочерей на учебу, в большей степени это касалось бедных слоев городского населения. Как известно из доклада Екатеринбургской городской думы, напечатанного в 1896 г. в «Екатеринбургской неделе», были нередкими случаи, когда родители не отпускали своих дочерей в школу не только по бедности, но и пользуясь их трудом в семье. Случалось, что отцы наказывали детей за посещение школы [14. 1896. № 19].

Посещение учебных заведений вносило изменения в повседневность учениц, распорядок их дня. Школьный день для учащихся обычно начинался в 9 утра, заканчивались уроки, как правило, в 2–3 часа дня. В прогимназиях, училищах занятия могли начинаться с 8 часов утра, но раньше заканчиваться – часов в 12. В обязанности православных учащихся гимназий, епархиальных училищ, церковно-приходских школ входило посещение церкви по выходным и праздникам. Судя по материалам переписки, дневникам, юные горожанки и их окружение периодически посещали церковь, и минимум раз в год по закону православные, достигшие возраста семи лет, должны были приходиться к исповеди и причастию. Определенную часть времени вне стен школы ученицы проводили за приготовлением домашнего задания. По сведениям Оренбургского учебного округа, на домашнее задание учеников младших классов гимназии уходило около 2,5 часов в день, у старшеклассников – по 3–4 часа в день [12]. Такая большая нагрузка детей вызывала серьезную обеспокоенность среди общественности, врачей Пермской губернии, родителей школьников.

Получение образования влияло на выбор жизненных стратегий юных горожанок. Все более актуальным становилось обучение профессии, напрямую связанное с возможностью девушки в будущем иметь собственный заработок. Гимназистки, учась в последних классах, могли получить диплом домашней учительницы [10]. В Перми и Екатеринбурге со временем стали функционировать педагогические, медицинские, сельскохозяйственные курсы, при больницах девушки могли

обучаться профессиям акушерок, повивальных бабок, медсестер. Для выпускниц средних учебных заведений постепенно расширялись возможности получения высшего образования. В последние десятилетия XIX в. российские женщины могли продолжать образование на высших женских курсах (особо престижные – Бестужевские, в Петербурге), также их допускали учиться в некоторые институты. В начале XX в. в России женщинам было разрешено поступать в качестве вольнослушательниц в университеты [6].

Часть девушек-жительниц крупных городов – Перми и Екатеринбурга – стремилась к получению высшего образования. Такую тенденцию можно проследить по материалам личной переписки, воспоминаниям. Например, пермская горожанка Е.П. Сигова, дочь чиновника, в 1914 г. училась на Бестужевских курсах [15. Ф. 926. Оп. 1. Д. 173. Л. 18]. Н.С. Сигова из семьи екатеринбургских зажиточных мещан в 1907 г. поступила на Политехнические курсы в Санкт-Петербурге [15. Ф. 926. Оп. 1. Д. 181. Л. 25]. Большинство девушек из окружения семьи екатеринбургского нотариуса Батманова учились на высших женских курсах, в институтах Петербурга или Казани [16. Ф. Р-95. Д. 117. Л. 23–52 об.]. Получение высшего и профессионального образования являлось затратной статьей семейных расходов горожан, и далеко не все семьи могли это позволить. К примеру, в начале XX в. Л.В. Боголепова, дочь священника и ученица последнего класса Екатеринбургского епархиального училища, мечтала об учебе в университете, но семья не могла обеспечить материально ее учебу [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2527. Л. 26 об.]. Однако девушка, поработав несколько лет сельской учительницей, накопила деньги на учебу и поступила вначале на женские курсы при Казанском университете, а затем поехала учиться в Москву [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 3492. Л. 11]. Стоимость годового обучения, например, на Бестужевских курсах составляла 50 руб., вдобавок к этой сумме необходимы были средства для проживания. В 1894 г. одна горожанка подала прошение в Екатеринбургскую городскую думу о материальной помощи в оплате за обучение на женских курсах в Петербурге, однако дума отказала ей в предоставлении необходимых средств [14. 1894. № 5]. Городские думы имели весьма ограниченные бюджеты на оказание материальной помощи студентам; известно, что в Перми женщина-врач Е.П. Серебrenникова занималась сбором средств в пользу Общества для доставления средств обучавшимся на высших женских курсах [14. 1893. № 19]. В целом, согласно выводам историков, нацеленность на образование и саморазвитие в конце XIX – начале XX в. составляла культурную ценность в среде российских гимназисток [4, 6].

Многие закончившие средние учебные заведения девушки шли работать в педагогическую сферу – учительницами, гувернантками, классными наставницами, воспитательницами, школьными надзирательницами, в том числе в сельскую местность, на заводы. С одной стороны, это давало возможность иметь постоянный заработок. По сообщениям местной прессы, молодым учительницам из бедных семей, получавшим небольшие деньги – от 15 руб. в месяц, нередко приходилось

содержать своих братьев и сестер. С другой стороны, кроме возможности самостоятельно зарабатывать, выбор профессии учителя мог диктоваться желанием девушек нести просвещение в массы. Также более доступной становилась работа в медицинской сфере – как низшим медицинским персоналом, фельдшерами, так и врачами.

Стремление работать на благо общества, как отмечает Н.Л. Пушкарева, было присуще «новым женщинам» в России второй половины XIX – начала XX в. [2]. Вначале процесс формирования новой женской идентичности, ориентированной на демократические идеи по переустройству общества, затронул столичные города и представительниц высших сословий, затем проникал в массы. Идеалы девушки, выбравшей демократические идеалы в жизни, были показаны писателями демократического направления; среди уральских писателей-современников можно выделить Д.Н. Мамину-Сибиряка и Ф.М. Решетникова [17, 18]. Героиня романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» – образованная, честная, желавшая нести просвещение в народ девушка Надя, работавшая сельской учительницей. В рассказе «Свой хлеб» Ф.М. Решетникова девушка Дарья Яковлева также стремилась к самостоятельности и независимости, зарабатывала собственным трудом, и в 21 год поехала учиться на курсы в Петербург, чтобы стать в будущем акушеркой. Как писала в 1907 г. ученица последнего класса Екатеринбургского епархиального училища, Л.В. Боголепова, большим было желание учиться, чтобы затем «поработать для народа» [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2527. Л. 83 об.]. Героиня рассказа, напечатанного в издаваемом екатеринбургскими гимназистками журнале «Общими силами», планировала в дальнейшем выучиться на врача, чтобы помогать людям [19].

Следует также отметить, что в качестве дополнительного заработка для образованных девушек актуальным являлось репетиторство, спрос и предложение на рынке данного вида услуг был достаточно высок, судя по объявлениям в местных газетах, особенно в начале XX в. [20. 1908. № 1–15; 21. 1909 № 1–25]. Работа же гувернанткой, по словам уральского писателя и журналиста П. Галина, была связана для девушки с унижением, незаслуженными оскорблениями, постоянными замечаниями «мамаш» детей и «амурными покушениями папаш» [14. 1891. № 23].

К началу XX в. расширился круг профессий, на которые принимали девушек со средним образованием – юные горожанки могли устроиться работать телеграфистками, телефонистками, низшими канцелярскими служащими, библиотекарями, счетоводами. В ряд государственных учреждений женский персонал принимали только по вольному найму, без права последующего чиновничьего производства. Кроме этого, по закону разрешалось работать бухгалтерами в учебных заведениях ведомства учреждений Императрицы Марии [22]. В местной прессе встречались также объявления о поиске работы приказчицей или экономкой [21. 1910. № 1]. В Екатеринбурге, к примеру, представительницы обедневших купеческих, чиновничьих семей шли работать приказчицами, конторщицами в торгово-промышленные

заведения [9. С. 77]. У девушек, занимавшихся театральным и вокальным искусством на любительском уровне, была возможность стать профессиональными артистками. Например, екатеринбурженка М.И. Маклецкая, дочь И.А. Маклецкого, выбрала профессию оперной певицы. Также юные горожанки пробовали себя на литературном поприще [19].

Примерами низкоквалифицированного труда для женского населения Перми и Екатеринбурга, как коренных горожанок, так и обосновавшихся в городе женщин из сельской местности, заводов, являлась работа в качестве прислуги, няньками, работницами на фабрично-заводских предприятиях. Самое большое количество девочек и девушек в возрасте до 18 лет работало в Пермской губернии прислужкой [23]. В изучаемый период по закону 1882 г. детям разрешено было работать на фабриках и заводах с 12 лет, было установлено ограничение рабочего дня для малолетних рабочих с 12 до 15 лет до 8 часов, запрет работы в ночное время, в праздники и выходные, нельзя было использовать труд малолетних и подростков (с 15 до 17 лет) на вредных и опасных работах, в 1885 г. подросткам также стала запрещена ночная работа на ряде производств. Предприниматели были обязаны обеспечивать малолетним, не имевшим начального образования, посещение учебных заведений, производить выплаты в случае несчастных случаев на производстве. В 1890 г. по закону ночное время работы в определенных случаях было сокращено до промежутка с 10 часов вечера до 4 часов утра. В 1897 г. рабочий день взрослых рабочих на фабриках и заводах Европейской России был ограничен 11,5 часами [24].

Труд малолетних девочек (12–15 лет) и девочек-подростков (15–17 лет) использовался на многих производствах Перми и Екатеринбурга. В качестве наглядного примера могут служить списки предприятий Пермской губернии за 1903 г. [15. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1515. Л. 3–105 об.]. Так, в 1903 г. в Перми в спичечном заведении Ф.С. Гневышева работали 7 девочек-подростков, в типографии – 3 девочки-подростка, на пивоваренном производстве наследников Чердынцева – 4 малолетних девочки, даже в кирпичном производстве А.В. Синакевича работали 7 девочек-подростков. В Екатеринбурге на конфетном производстве Т.А. Афонинной были задействованы 10 девочек-подростков, на пивоварне Э.Ф. Филитц – 3 девочки-подростка, на спичечной фабрике Воронцова – 8 малолетних девочек, на белошвейном производстве Г.Б. Перетца работали 44 девочки-подростка, на суконной фабрике братьев Злоказовых широко использовался детский труд – там трудились 30 девочек-подростков. На екатеринбургской спичечной фабрике товарищества «Виноградов» и Логинов» работали 36 малолетних девочек, на картонной фабрике – 4 девочки, на льнопрядильной фабрике Макаровых – 40 девочек-подростков. К сожалению, списки не дают сведений о том, коренные горожанки работали на производствах или нет. Условия труда юных работниц, как правило, были тяжелым, по оценкам врачей Пермской губернии, например Н.А. Русских [14. 1880. № 6]. В целом в России начала XX в., по сведениям фабричных инспекторов, пред-

приниматели по возможности стремились заменить мужской труд на женский, поскольку женский персонал был низкооплачиваемым, спокойным и послушным элементом [25. С. 012]. Впрочем, по мнению историков, вплоть до 1917 г. работа женщин по найму рассматривалась большинством населения провинциальных городов, особенно в мещанско-ремесленной среде, как «вынужденная крайность» в силу бедственного положения семьи [8]. Работа прислугой, например, могла означать для коренных горожанок понижение социального статуса.

Говоря о девичестве в городах Пермской губернии, необходимо затронуть такую сферу повседневности юных горожанок, как досуг. В конце XIX – начале XX в. в Перми и Екатеринбурге изменения в формах проведения свободного времени горожан получили динамичное развитие, интенсивно развивался общественный досуг [7, 9]. В рассматриваемый период большую роль в саморазвитии, творческой реализации юных горожанок играло их участие в культурно-массовой сфере жизни городов. Распространенным явлением в это время стало участие учащих в культурно-просветительных мероприятиях, проводимых учебными заведениями. Литературные, музыкальные вечера, торжественные акты, проводившиеся обычно совместно женскими и мужскими средними учебными заведениями, в свою программу включали чтение стихов, спектакли, танцы [12. С. 95]. По сведениям историка В.Н. Трапезникова, жившего в конце XIX в. в Перми, пермские гимназистки входили также в кружки самообразования, достаточно популярные в конце 1880-х – начале 1890-х гг. в средних учебных заведениях [15. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 61. Л. 25]. В Екатеринбурге в 1915–1916 гг. ученицы Первой женской гимназии издавали журнал «Общими силами», где затрагивали такие волновавшие их темы, как война, отношения с противоположным полом, учеба, планы на будущее. В журнале публиковались научно-популярные статьи-рефераты, отрывки из дневников девушек, письма, стихотворения, ребусы, шарады [19].

Следует отметить, что за поведением девушек, учившихся в средних школах, следили представители учебных заведений. Вне школы ученицы должны были вести себя скромно, ходить в школьной форме и не появляться на улице после 7 часов вечера во время школьных занятий, летом – после 10 часов вечера; были запрещены стрижки, украшения, распитие спиртного, курение. Кроме того, учащимся нельзя было посещать разные клубы, маскарады, бильярдные, пивные. Учениц Екатеринбургского епархиального училища в начале XX в., например, на улице практически не пускали, но церковь они посещали, даже всенощные службы [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2527. Л. 14]. Под надзором школьного начальства находилась и переписка учащих девушек. Так, Лариса Боголепова, жившая в начале 1900-х гг. в пансионе при Екатеринбургском епархиальном училище, сообщала своему адресату Владимиру Бирюкову, что переписка учениц попадала вначале к начальнице заведения. Поэтому, чтобы избежать надзора, ученицы просили отправлять им письма на адрес сокурсницы из местных [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2527. Л. 18].

В целом в рассматриваемый период в среде городской молодежи Перми и Екатеринбурга шла демократизация нравов. И если в 1860-х гг. общение между полами в российских провинциальных городах осуществлялось в большей степени под присмотром старших, в рамках традиционных «гуляний», то в конце XIX в. общение молодежи становилось все более свободным [8]. Местами встреч и общения городской молодежи являлись совместные прогулки. Как писали корреспонденты местной прессы, в теплое время года молодежь гуляла в городских садах [21. 1912. № 5]. В источниках личного происхождения также часто встречаются упоминания о совместных прогулках с друзьями. Например, Александра Лихачева, пермская гимназистка, постоянно гуляла с ребятами, учившимися в разных учебных заведениях [26]. Познакомиться с молодыми людьми девушки могли и по дороге на церковные службы в выходные дни [26]. Популярными видами отдыха зимой среди горожан являлось катание на санках с горок, на коньках, летом – катание на лодках, в начале XX в. распространялось катание на велосипедах [7, 9]. Зимой в Перми, по воспоминаниям бывшего семинариста А.А. Игнатьева, в начале XX в. местом свиданий молодых людей был каток между магазином Харитоновой и банком. На катке играла музыка, было весело. Также местом встреч был скверик возле городского театра [15. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 374. Л. 18]. Катки заливались и в Екатеринбурге; на городском пруду, например, в 1910-е гг. устраивались даже карнавалы [21. 1910. № 4]. Девушки из привилегированных, полупривилегированных слоев городского населения и интеллигенции усваивали уроки «высшей житейской деликатности», учились «строить глазки при людях» при посещении балов, вечеров, проводившихся в Благородных и Общественных собраниях; также они участвовали в любительских спектаклях и концертах. По воспоминаниям екатеринбурженки Н. Нестеровой-Анфиногеновой, в начале XX в. в Благородном собрании зимой по субботам проводились танцевальные вечера для молодежи, в Общественном собрании – балы [26]. В честь Нового года, на Рождество, Масленицу, Пасху устраивались городские гуляния, «елки», балы, вечера. Одними из любимых мест проведения свободного времени и общения городской молодежи Перми и Екатеринбурга являлись театр и кинематограф [8, 10].

Судя по источникам личного происхождения, в молодежной среде Перми и Екатеринбурга имели место походы к друзьям в гости на праздники, в выходные дни. К примеру, как писала в своем дневнике пермская гимназистка Александра Лихачева, по выходным она ходила в гости к кому-нибудь из друзей, где устраивались игры, танцы. Популярной среди ребят была игра в фанты – одна из старинных игр [27]. В 1916 г. домой к юной пермской гимназистке Шуре Крапивинной, происходившей из семьи технической интеллигенции, приходили друзья, в том числе поклонники. Также, по воспоминаниям дочери екатеринбургского городского головы И.И. Симанова Зинаиды, ее тоже периодически посещали друзья [28]. Популярными у девушек являлись совместные вечера с традиционными святочными гаданиями [27, 28].

Российская общественность, Министерство народного просвещения после революции 1905 г. констатировали падение уровня духовного развития молодежи, потерю интереса к нормальной жизни, погоню за сомнительными, пагубными удовольствиями, в особенности в крупных городах. Свою обеспокоенность нравами учащейся молодежи в Перми выражала в 1908 г. начальница мужской гимназии О.А. Циммерман в письме к Л.Н. Толстому, которому она сообщала о якобы существовавшем в городе обществе «огарчества» [29]. Как было замечено в «Отрывке из дневника», напечатанном в журнале пермских гимназистов «Наши думы», кавалеры только и говорили о барышнях, а барышни – о кавалерах [8]. В 1908 г. в сообщении начальника Пермского охранного отделения было упомянуто о том, что пермские гимназистки с гимназистами посещали номера и бани [12]. Можно предположить, что такого рода поведение девушек являлось скорее исключением, хотя действительно расширение сферы городского досуга способствовало более свободному, демократичному общению молодежи. Доля правды, очевидно, могла присутствовать в одном из фельетонов «Екатеринбургской недели» о «падении нравов» городского общества, особенно его женской половины. В качестве доказательства автором было приведено объявление в местной прессе девушки, самой искавшей корреспондента по переписке [14. 1886. № 29]. Как отмечают исследователи, тенденции «падения нравов» в молодежной среде были характерны в данный период как для России, так и для Европы [3].

Сведения об отношении юных горожанок к любви, мужскому полу можно получить из девичьих дневников и альбомов, популярных в конце XIX – начале XX в. среди российских девушек разных социальных слоев. Среди записей сохранившихся девичьих альбомов горожанок имеют место стихи, предостерегающие от несчастной любви, повествующие о правильном выборе спутника жизни. К примеру, в альбоме екатеринбургенки Шуры Блиновой, начатом в 1916 г., были такие строки:

«Люби лишь того,
Кто любит тебя.
И верь лишь тому,
В ком не видишь сомнения.
Надейся всегда лишь
Одна на себя –
Вот три современных ученья».

О мужской любви в альбоме написаны такие строки:

«Любит тот горячо, кто ревнует.
Любит тот горячо, кто молчит.
А не тот, кто безумно целует
И о пылкой любви говорит.» [30. Л. 20, 24].

Тема взаимоотношений с противоположным полом поднималась и в журнале екатеринбургских гимназисток «Общими силами». Так, в отрывке из дневника, помещенном в журнале за 1915 г., описан пример «высоких отношений» между девушкой и молодым человеком, основанных на демократических идеалах. Как замечала автор публикации, «...наша любовь – это не пошлое ухаживание кавалера за барышней, это то светлое, яркое чувство... Каждый вечер я его жду... входит он... и начинаются разговоры – бесконечные,

полные самых светлых надежд на будущее... Говорим о нашей жизни, когда я буду вместе с ним – поеду на курсы... Он говорит о совместной работе на пользу общества, пользу ближних, страждущих и угнетенных» [19. С. 5].

Между девушками и юношами могла завязаться переписка. Примером такого общения может служить переписка ученицы екатеринбургского епархиального училища Ларисы Боголеповой и семинариста Владимира Бирюкова. Переписка началась в начале 1900-х гг., когда Лариса училась в пятом классе, а Владимир – в шестом. В своих ранних письмах Лариса расспрашивала про разных мальчиков, учившихся вместе с Владимиром, – ее одноклассники интересовались этими мальчиками, узнавали, какие у них увлечения, не встречаются ли с девушками [16. Ф. Р-2266. Д. 2527. Л. 14]. Некоторые девушки, судя по письмам Ларисы, также вели переписку с юношами. Достаточно просто и откровенно Лариса говорила в письмах о любви, о семье, о своих жизненных планах. Она поведала Владимиру о своих переживаниях, страданиях первой любви к одному юноше [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2527. Л. 99]. Участвовали в переписке с мальчиками и гимназистки Пермской женской гимназии, где в начале XX в. училась Александра Лихачева [27].

Неотъемлемой составляющей ценностных ориентаций юной горожанки Пермской губернии было замужество, а выход замуж являлся нормой для горожанки из «приличной семьи». Важность замужества в российском обществе являлась для женщин в дореволюционное время значительной. Выходить замуж девушки могли по церковному праву не раньше 16 лет. Главной ролью женщины в рассматриваемый период в российском обществе считалось материнство, однако в процессе женской эмансипации постепенно внедрялась новая модель реализации для женщины – быть женой и матерью и вместе с этим иметь моральную свободу и материальную независимость, возможность заниматься общественно-полезной деятельностью [6. С. 251]. Согласно выводам отечественной исследовательницы Т.Б. Котловой, российские горожанки в конце XIX – начале XX в. все чаще сочетали ориентацию на создание семьи с целями получения образования, реализации в профессии и творчестве [4]. На отношение девушек к замужеству, в особенности в среде образованных горожан, влияли публицистика, литературные произведения.

Значительный общественный резонанс в вопросе об отношениях в семье в конце XIX в. получила точка зрения Л.Н. Толстого, который раскритиковал нацеленность в воспитании девушек на замужество [31]. Такой своеобразный вызов стал предметом дискуссий среди российских общественных деятелей. Другой взгляд на женскую идентичность имела супруга Л.Н. Толстого С.А. Толстая. Идеалом женственности она видела заботливость, материнские чувства, умение вести домашнее хозяйство, высокие моральные качества, заключающиеся в проявлении любви и верности в разных обстоятельствах [32]. Императрица Александра Федоровна придерживалась аналогичных взглядов на предназначение женщины [33]. Большую

роль в формировании представлений о семейно-брачном союзе среди демократически настроенной молодежи сыграл роман Н. К. Чернышевского «Что делать», где писатель показал новый тип отношений между супругами, основанный на равноправии, доверии, уважении, свободе каждого супруга.

Демократических идеалов в отношениях супругов придерживались и представительницы женского движения. Тема отношений между супругами была поднята еще в начале пореформенного времени уральской писательницей и общественным деятелем Е.А. Словцовой-Камской. В статье «О женщине в семье и обществе» она выражала недовольство по поводу нравов в семейной сфере. Неправильное понимание русскими людьми европейских идей свободы, как она считала, привело к необузданному разврату и негативным последствиям в семейно-брачных отношениях [34]. В произведении «Любовь и дружба» Е.А. Словцова-Камская обозначила проблему вступления девушек в брак. Выходить замуж без любви, по ее мнению, являлось большим грехом и превращало женщину в «рабу» [35]. По свидетельствам местной печати, в конце XIX в. среди окружения чуть ли не каждого горожанина трудно было найти два или три относительно счастливых супружества, в городах было много разведенных «открыто» и «не открыто» [14. 1892. № 42]. Российские законы в сфере семейно-брачных отношений в рассматриваемый период оставались прежними, и брак можно было прекратить в исключительных случаях.

Современные российские исследователи отмечают, что в конце XIX – начале XX в. в ходе гуманизации семейно-брачных отношений в российских провинциальных городах заключение брака все чаще основывалось на личной привязанности, хотя материальное и социальное положение будущего супруга среди горожан тоже бралось во внимание [8]. О расчетливости женихов в конце XIX в. писали разные российские издания. К примеру, в 1897 г. автор народного лечебника «Друг семьи» сокрушался по поводу того, что «такая святая обязанность человека, как вступление в брак, обратилась в предмет холодного и даже... гнусного расчета...», когда молодые люди женились в расчете сделать через жену карьеру или «раздобыть денег путем приданого» [36. С. 25]. Такой выбор невесты был нормой в среде чиновничества Пермской губернии в более раннее время – на рубеже 1860- гг., по словам уральского писателя Ф.М. Решетникова [18]. Однако и в последние десятилетия XIX в. местная печать также писала о расчетливости женихов в выборе невест. В фельетоне, помещенном в газете «Екатеринбургская неделя» и повествовавшем о любви к купеческой дочке, отмечалось, что милей всего жениху ее «дом чудесный, и с бриллиантами булавки, и магазин, всем известный, и с товаром разным лавки» [14. 1879. № 7]. В местных изданиях печатались и анекдоты о значении приданого для женихов при выборе невесты [14. 1889. № 50; 20. 1902. № 10]. Уральская журналистка и писательница Н.В. Остроумова-Сигова отмечала, что, к сожалению, тип мужчин-«приспособленцев», имевших целью жениться на богатой невесте, не был редкостью [14. 1890. № 45]. Встречалась и такая ситуация,

когда родители для своей дочери «покупали» дорогой ценой мужа, и в начале вроде все ладно, и дочь довольна, и зять ничего себе – ездит, а потом на душе у всех был «ад крошечный». Бывало, что бедные родители отдавали свою молоденькую, красивую дочь в жены пожилому богачу [14. 1892. № 42]. Н.Н. Лухманова, автор очерка «О положении незамужней дочери в семье», отмечала, что в малообеспеченных семьях дочерям могла внушаться мысль о том, что от их брака зависит материальное положение семьи, и в результате девушка старалась найти «подходящего», побогаче жениха [37].

В дореволюционной России, согласно выводам демографов и историков, господствовала практически безраздельно ранняя и всеобщая брачность, в отличие от более позднего вступления в брак в странах Европы [38. С. 42]. Сведения статистики, характеризующие вступление в брак в городах Пермской губернии по возрастам, взятые для сравнения за 1887, 1897, 1901, 1910 гг., позволяют выяснить, что большинство горожанок на протяжении рассматриваемого периода выходили замуж в 20 лет и младше. В целом с 1887 по 1910 г. в Перми и Екатеринбурге число девиц, вступавших в брак в возрасте 20 лет и младше, в процентном отношении к общему числу браков было меньшим, чем в уездах [39]. В Перми и Екатеринбурге этот показатель ниже, чем в остальных городах Пермской губернии, посчитанных в статистике суммарно. В Перми на протяжении всего рассматриваемого периода доля девушек, вышедших замуж в 20 лет и младше, ниже, чем в Екатеринбурге, и в обоих городах к 1910 г. число девиц, вступавших в брак в 20 лет и моложе, по отношению к общему количеству браков снизилось на несколько процентов, соответственно увеличилась доля девиц (в общем количестве браков), вступавших в брак в возрасте 21–25 лет. Следует отметить, что в «прочих городах» (кроме Перми и Екатеринбурга) в совокупности в начале XX в. наблюдалось, наоборот, некоторое повышение числа девушек, вступивших в брак в 20 лет и младше, по отношению к общему количеству браков, такая же тенденция была более ярко выражена в уездах.

Как отмечали современники, в конце XIX – начале XX в. в городском обществе на Урале были принята негласная установка для девушек – выходить замуж в 18–19 лет [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 409. Л. 5]. Однако можно отметить, что профессиональная деятельность влияла на возраст вступления девушек в брак. В среде городского учительства этот возраст в большинстве случаев был старше 20 лет, к тому же среди данной социальной общности был высоким процент одиноких женщин [40]. Ограничения на выбор жениха могла накладывать работа девушек почтово-телеграфными чиновниками – им разрешалось по закону выходить замуж только за мужчин, работавших в данном ведомстве [22]. Девушку «на возрасте» старались «показать», познакомить с кавалерами на праздничных торжествах, балах, спектаклях, концертах. Например, рождественские балы в городах традиционно были «показом невест» [26. С. 186; 28].

Судя по источникам личного происхождения, часть юных горожанок размышляла о замужестве в русле

«передовых взглядов». Так, в начале 1910-х гг. Л.Н. Боголепова, выпускница екатеринбургского епархиального училища, в письме к жениху Владимиру Бирюкову описала свои представления о семейной жизни. Лариса мечтала быть для мужа не только женщиной, но и подругой, поддерживающей мужа в трудную минуту, верившей в него. Она также думала по поводу планирования детей. Хотя дети являлись для девушки очень важной целью семейной жизни, но их появление было трудно совместить с учебой Владимира в Казанском университете и планами Ларисы по продолжению обучения [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2757. Л. 122 об.]. Существенным вопросом для Ларисы являлось сохранение собственной свободы после свадьбы – жених обещал не стеснять ее ни в чем. «Конечно, придется часто уступать, но уступать взаимно... иначе выйдет подчиненность, – писала Лариса, – не может быть, чтобы мнения, взгляды... одного были абсолютно правильными. Но будем всегда взвешивать каждое мнение, высказанное одним из нас». [16. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2757. Л. 124, 124 об.]. Замужняя сестра Ларисы говорила ей, что «все мужчины до свадьбы... говорят, что не будут стеснять свободу, а потом на деле оказывается совсем иное». Другая девушка, Н.П. Нестерова, молодая екатеринбурженка из чиновничьей семьи, в своем письме рассуждала об одиночестве в семье, когда родным людям нечего друг другу сказать. Ее страшило то, что «со временем в семье между мужем и женой, привыкшими долгие годы молчать, не общаться друг с другом, возникает пустота...» [16. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 68. Л. 19 об.]. Еще одна юная горожанка – 15-летняя пермская гимназистка Александра Лихачева из достаточно обеспеченной семьи – своей целью видела вступление в брак с состоятельным молодым человеком, чтобы «получить богатство посредством замужества». Правда, Саша боялась и сомневалась, «хватит ли... в погоне за богатством... сил закабалить себя и сделать еще человека несчастным... А что будет, – размышляла девушка, – если я этого добьюсь, да не выдержит моя натура...» [27. Л. 70]. Как замечала уральская журналистка, печатавшая заметки в местную прессу под именем Веры Фау, вначале девушки, начитавшись романов французского пошиба, считали, что на первом месте любовь, и никак не могли понять, почему их старшие сестры находят удовольствие проводить время среди «чахленьких», ничуть не интересных «кавалеришковых», но со временем слово «любовь» заменялось фразой «выйти замуж», и приходилось входить в прозаичную колею жизни [14. 1893. № 32].

Таким образом, можно заключить, что девичество играло важную роль в жизни горожанок Пермской губернии. В ходе модернизации в разных сферах жизни российского общества, урбанизации в таких крупных городах Пермской губернии, как Пермь и Екатеринбург, шли трансформации воспитания, образования девочек, изменения происходили и в сфере досуга, отношений с противоположным полом, отражавшиеся на повседневности юных горожанок. Расширялась сеть образовательных заведений для девочек. В свою очередь, получение образования, главным образом среднего, влияло на выбор жизненных стратегий юных горожанок, новые возможности общественной деятельности, эмансипацию женской личности в целом. В изучаемый период юные горожанки Перми и Екатеринбурга имели возможность работать учителями, медицинским персоналом, расширялся спектр «женских» профессий. Наиболее востребован был низкоквалифицированный труд прислужкой, работницами на заводах и фабриках. Можно говорить о том, что развитие капиталистических отношений приводило к большей включенности женского элемента в профессиональную деятельность. Детский и подростковый труд использовался на многих предприятиях Перми и Екатеринбурга.

Демократизация отношений в среде городской молодежи Перми и Екатеринбурга способствовала более свободному общению юных горожанок с противоположным полом, выбору избранника для будущего брака. С другой стороны, «простота» общения в сфере межполовых отношений волновала общественность и трактовалась как «падение нравов», особенно после революции 1905 г. Изменение в специфике городского досуга, распространение театров, кинематографа оказывали существенное влияние на повседневность горожанок в период девичества.

Главной сферой жизненных планов девушек оставалось замужество. В Перми и Екатеринбурге, как и в России в целом, наблюдалась ранняя брачность – большинство девушек выходили замуж в 20 лет и младше. На отношение девушек к семейной жизни могли оказывать влияние публицистика, художественная литература, пропагандировавшие демократичные отношения между супругами. Можно говорить о формировании нового типа женской идентичности среди юных горожанок Перми и Екатеринбурга, в рамках которого кроме реализации роли жены и матери важными являлись получение образования, участие в профессиональной, общественной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь гендерных терминов. М., 2002.
2. Пушкарева Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801–1905 гг.: формы социальной активности) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 52–66.
3. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М., 2004.
4. Коглова Т.Б. Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX–XX веков. Иваново, 2003.
5. Вахромеева О.Б. Женщина и семья Европейской России. СПб., 2008.
6. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX в. М., 2008.
7. Яхно О.Н. Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.
8. Яхно О.Н., Микитюк В.П. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков : очерки городского быта. Екатеринбург, 2014.
9. Бушмаков А.В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006.

10. Архангельская Л.В. Становление женского гимназического образования в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 4 (31). С. 95–102.
11. Архангельская Л.В. Светское женское начальное образование в Пермской губернии в второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Пермского университета. 2017. Вып. 4 (30). С. 15–22.
12. Егорова М.В. Повседневная жизнь учителей и учащихся Урала в XIX – начале XX веков. М., 2008.
13. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
14. Екатеринбургская неделя. Екатеринбург, 1887–1896.
15. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
16. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
17. Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. Екатеринбург, 1980.
18. Решетников Ф.М. Свой хлеб // Решетников Ф.М. Полное собрание сочинений. СПб., 1904. Т. 1.
19. Общими силами. 1915. № 1–4.
20. Пермские губернские ведомости. Пермь.
21. Уральская жизнь. Екатеринбург, 1900–1910.
22. Полянский А. Русская женщина на государственной и общественной службе. М., 1901.
23. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897. СПб., 1904. Т. XXXL: Пермская губерния.
24. Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. М., 1904.
25. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 год. СПб., 1909.
26. Нестерова-Анфиногенова Н. Воспоминания // Уральская старина. Екатеринбург, 2000. Вып. 4. С. 186–188.
27. Пермский краеведческий музей. Дневник Александры Лихачевой. НВ 6351/4.
28. Пешкова И. Отец и дочь // Урал. Екатеринбург, 2003. № 8.
29. Отто Б. Провинция и гимназия (об одном скандале в Перми) // Уральская новь. 2000. № 8. С. 156–158.
30. Музей истории Екатеринбурга. Альбом «девичий» для записи стихов Саши Блиновой. МИЕ 6259. Д. 1.
31. Толстой Л.Н. Послесловие к «Крейцеровой сонате» // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 50 т. М., 1936. Т. 27: Произведения 1889–1890 гг. С. 75–84.
32. Толстая С.А. Чья вина? (по поводу «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого) // Октябрь. 1994. № 10. С. 3–59.
33. Государыня императрица Александра Федоровна Романова. О браке и семейной жизни. М., 1998.
34. Словцова-Камская Е.А. О женщине в семье и обществе // Исторический вестник. СПб., 1881. № 5. С. 95–97.
35. Словцова-Камская Е.А. Любовь или дружба. Отрывок из воспоминаний моей знакомой // Русский вестник. СПб., 1859. № 8. С. 114–125.
36. Вакулович В.М. Друг семьи. Народный лечебник. М., 1897.
37. Лухманова Н.Н. О положении незамужней дочери в семье. СПб., 1896.
38. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.
39. Статистика Российской империи. Движение населения Европейской России. СПб., 1889, 1902, 1904, 1910.
40. Уколова О.С. Социально-профессиональный облик городского учительства Пермской губернии в конце XIX – начале XX веков : дис. ... канд. исторических наук. Екатеринбург, 2013.

Konchakovskaya Natalya B. Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia). E-mail: natalia_konchak@mail.ru

THE GIRLHOOD AMONG TOWNSWOMEN OF THE PERM PROVINCE AT THE END OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (IN THE CONTEXT OF DAILY OCCURRENCE)

Keywords: girlhood; daily occurrence; townswomen; Perm; Yekaterinburg.

The purpose of this article is to examine the main changes in the culture of the female girlhood in the big centers of modernization and urbanization of the Perm province – Perm and Yekaterinburg of the end of XIX – the beginning of the XX centuries. The author has analysed such spheres of everyday life of young townswomen as education, participation in professional activity, carrying out leisure, communication with an opposite sex. Norms and their changes in the vital strategy of girls were considered. The research is based on methods of history of everyday life. In the article different types of sources, including state acts, statistics, documents of town councils, materials of local periodicals, the fiction were used; sources of personal origin – correspondence, memoirs, diaries, albums of girls were of very importance.

The girlhood period in Russia covered in the past age of the girl approximately from 10–12 years before her marriage (under the law marriage was allowed from 16 years). The girlhood was an important stage in life of townswomen of Perm and Yekaterinburg. During this period young townswomen had an opportunity to receive skills for future family life, communication with an opposite sex. In the period of the girlhood there took place a socialization of girls in the urban environment. At the end of XIX – the beginning of the XX century in Perm and Yekaterinburg the network of women's educational institutions extended. More and more parents and city public understood the need of receiving education by girls. Education promoted expansion of the choice of vital strategy for townswomen, their emancipation.

Development of the capitalist relations in Perm and Yekaterinburg resulted in bigger inclusiveness of women in professional activity. The range of low-skilled professions for the girls was a work as servants, nurses, workers at factories and the plants. This labour usually was heavy and low-paid.

At the end of XIX – the beginning of the XX century the sphere of leisure of young townswomen in connection with the growing popularity of theaters and cinema had changed. Popular among city youth were driving on a skating rink, participation in cultural events, campaigns to each other on a visit. Democratization of relations between the sexes promoted more free communication of young townswomen with an opposite sex. But at the same time “falling” of customs among youth at the beginning of the XX century, in particular in the studying environment, concerned the public including the cities.

The marriage during the considered period remained the main component of life of women in Russia and in the cities of the Perm province. The marriage also was important point of the vital plan of most young townswomen. In the cities the part of the girls marrying in 20 years and younger in relation to total of marriages was lower, than in counties. Proceeding from statistics materials, in Perm and Yekaterinburg at the beginning of the XX century the early brachnost prevailed – townswomen married most often at the age of 20 years and younger. Among a part of young townswomen ideas of a marriage were transformed. Except motherhood the importance of self realization in the public sphere received greater value for women. Views of the democratic relations in marriage were formed under the influence of publicism, literary works both in Russia, and in the cities of the Perm province. It is possible to speak about formation of new type of female identity among young townswomen of Perm and Yekaterinburg in which except realization of a role of the wife and mother education, participation in professional, public activity was important.

REFERENCES

1. Denisova, A.A. (2002) *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of Gender Terms]. Moscow: Informatsiya XXI vek.
2. Pushkareva, N.L. (2002) "Derzkie i bespokoynye" ("Zhenskaya istoriya" Rossii 1801–1905 gg.: formy sotsial'noy aktivnosti) ["Impudent and uneasy" ("Female history" of Russia 1801–1905: forms of social activity)]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 52–66.
3. Stites, R. (2004) *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nihilizm i bol'shevizm. 1860–1930* [The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930]. Translated from English by I. Shkolnikov, O. Shnyrova. Moscow: ROSSPEN.
4. Kotlova, T.B. (2003) *Rossiyskaya zhenshchina v provintsial'nom gorode na rubezhe XIX–XX vekov* [The Russian woman in a provincial town at the turn of the 20th century]. Ivanovo: Ivanovo State University.
5. Vakhromeeva, O.B. (2008) *Zhenshchina i sem'ya Evropeyskoy Rossii* [The Woman and Family of the European Russia]. St. Petersburg: Znamenitnye universanty.
6. Ponomareva, V.V. & Khoroshilova, L.B. (2008) *Mir russkoy zhenshchiny: vospitanie, obrazovanie, sud'ba. XVIII – nachalo XXv.* [The World of the Russian Woman: Education and Destiny. The 18th – early 20th centuries]. Moscow: Lomonosov".
7. Yakhno, O.N. (2002) *Izmeneniya v bytu gorozhan Permskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vv.* [Changes in the life of citizens in Perm province in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. History Cand. Diss. Ekaterinburg.
8. Yakhno, O.N. & Mikityuk, V.P. (2014) *Povsednevnyaya zhizn' Ekaterinburga na rubezhe XIX – XX vekov: Ocherki gorodskogo byta* [The everyday life in Ekaterinburg at the turn of the 20th centuries]. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS.
9. Bushmakov, A.V. (2006) *Izmeneniya mental'nosti gorodskogo naseleniya rossiyskoy provintsii v kontse XIX – nachale XX veka* [Changes in mentality of urban population in the Russian province in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Perm.
10. Arkhangelskaya, L.V. (2015) Establishment of girls' upper secondary education in Perm province (the second half of the 19th – early 20th centuries). *Vestnik Permskogo universiteta – Perm University Herald. History*. 4(31). pp. 95–102. (In Russian).
11. Arkhangelskaya, L.V. (2017) Girls' primary secular education in Perm province in the second half of the 19th and early 20th centuries. *Vestnik Permskogo universiteta – Perm University Herald. History*. 4(39). pp. 15–22. (In Russian). DOI: 10.17072/2219-3111-2017-4-15-23
12. Egorova, M.V. (2008) *Povsednevnyaya zhizn' uchiteley i uchashchikhsya Urala v XIX – nachale XX vekov.* [Everyday life of teachers and schoolers of the Urals in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
13. Pushkareva, N.L. (2004) The scope and methods of the study of everyday life history. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 5. pp. 3–9. (In Russian).
14. *Ekaterinburgskaya nedelya*. (1887–1896).
15. The State Arhive of Perm Territory (GAPK).
16. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO).
17. Mamin-Sibiryak, D.N. (1980) *Privalovskie milliony* [The Privalov Fortune]. Sverdlovsk: Sredne-uralskoe knizhnoe izdatelstvo.
18. Reshetnikov, F.M. (1904) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collection]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.].
19. *Obshchimi silami*. (1915). 1-4.
20. *Permskie gubernskie vedomosti*.
21. *Ural'skaya zhizn'*. (1900–1910).
22. Polyansky, A. (1901) *Russkaya zhenshchina na gosudarstvennoy i obshchestvennoy sluzhbe* [The Russian woman in the state and public service]. Moscow: Trud.
23. Russia. (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii, 1897* [The First General Population Census of the Russian Empire, 1897]. Vol. XXXL. St. Petersburg: [s.n.].
24. Litvinov-Falinsky, V.P. (1904) *Fabrichnoe zakonodatel'stvo i fabrichnaya inspektsiya v Rossii* [The factory legislation and factory inspection in Russia]. Moscow: A.S. Suborin.
25. Russia. (1909) *Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1908 god* [Corpus of reports of factory inspectors for 1908]. St. Petersburg: [s.n.].
26. Nesterova-Anfinogenova, N. (2000) *Vospominaniya* [Memoirs]. *Ural'skaya starina*. 4. pp. 186–188.
27. Likhacheva, A. (n.d.) *Dnevnik Aleksandry Likhachevoy* [Aleksandra Likhacheva's Diary]. Perm Museum of Local Lore. NV 6351/4.
28. Peshkova, I. (2003) *Otets i doch'* [Father and daughter]. *Ural*. 8.
29. Otto, B. (2000) *Provintsiya i gimnaziya (ob odnom skandale v Permi)* [Province and Gymnasium (on one scandal in Perm)]. *Ural'skaya nov'*. 8. pp.156–158.
30. Blinova, S. (n.d.) *Al'bom "devichiy" dlya zapisi stikhov Sashi Blinovoy* [Sasha Blinova's "maiden's album for poems"]. The Ekaterinburg Museum of History. MIE 6259. File 1.
31. Tolstoy, L.N. (1936) *Polnoe sobranie sochineniy v 50 t.* [Complete Works in 50 vols]. Vol. 27. Moscow: [s.n.]. pp. 75–84.
32. Tolstaya, S.A. (1994) *Ch'ya vina? (Po povodu "Kreytserovoy sonaty" L'va Tolstogo)* [Whose fault? (Concerning L. Tolstoy's "The Kreutzer Sonata")]. *Oktyabr'*. 10. pp. 3–59.
33. Monarchess Empress Aleksandra Fiodorovna Romanova. (1998) *O brake i semeynoy zhizni* [On marriage and family life]. Moscow: Russkiy palomnik.
34. Slovtsova-Kamskaya, E.A. (1881) *O zhenshchine v sem'e i obshchestve* [On the woman in family and society]. *Istoricheskiy vestnik*. 5. pp. 95–97.
35. Slovtsova-Kamskaya, E.A. (1859) *Lyubov' ili druzhba. Otryvok iz vospominaniy moey znakomoy* [Love or friendship. A fragment from my acquaintance's memoirs]. *Russkiy vestnik*. 8. pp. 114–125.
36. Vakulovich, V.M. (1897) *Drug sem'i. Narodnyy lechebnik* [Family Friend. National Medicine Book]. Moscow: [s.n.].
37. Lukhmanova, N.N. (1896) *O polozhenii nezamuzhney docheri v sem'e* [An unmarried daughter in the family]. St. Petersburg: B.M. Wolf.
38. Vishnevsky, A. (ed.) (2006) *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow: Novoe izdatel'stvo
39. The Central Committee of Statistics. (1889, 1902, 1904, 1910) *Statistika Rossiyskoy imperii. Dvizhenie naseleniya Evropeyskoy Rossii* [Statistics of the Russian Empire. The movement of the population of the European Russia]. St. Petersburg: [s.n.].
40. Ukolova, O.S. (2013) *Sotsioprofessional'nyy oblik gorodskogo uchitel'stva Permskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vekov* [Socioprofessional image of city teachers in Perm province in the late 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Ekaterinburg.

А.Г. Костерев

**ФЕНОМЕН СОВЕТСКОГО ТЕХНОКРАТИЗМА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ
(ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ)**

С новых позиций актуализируется проблема советского технократизма. Рассматривается вопрос применимости понятия технократизма к советской системе управления. Анализируются культурно-исторические истоки и особенности советского способа управления социально-экономическим и научно-техническим развитием. Очерчиваются социальные границы и рамки действия советской техноструктуры. Историческая судьба отечественной технократии иллюстрируется рядом биографических примеров. Формулируются перспективные проблемы исследований механизмов взаимосвязей власти, науки и техники в советском государстве.

Ключевые слова: советское государство; технократия; социальная история науки и техники; советская наука.

Последние десятилетия российское общественно-политическое пространство демонстрирует нам целый ряд сколь симптоматичных, столь и закономерных тенденций, тесным образом связанных между собою. Во-первых, очевиден перманентный кризис управления, в состоянии которого отечественная государственность пребывает вот уже треть века. Во-вторых, на фоне этого кризиса в современном политическом дискурсе и медийном пространстве муссируется тема неких «технократов» как части представителей управленческой элиты, что позволяет предположить актуализацию самого понятия технократизма в сфере властных отношений и государственного управления. Отчасти подтверждением этому могут служить периодически встречающиеся в блогосфере упоминания так называемых методологов («игротехников») – занимающих ключевые посты и должности последователей философско-управленческого учения, разработанного в середине XX в. А.А. Зиновьевым, Э.В. Ильенковым, Г.П. Щедровицким и М.К. Мамардашвили. Наконец, сам объект управления – современное российское общество (причем сегодня становится все более понятным, что именованное его «постсоветским» указывает не на хронологические, а на ценностно-смысловые координаты) – продолжает переживать окончание советской эпохи, что, с одной стороны, в известном смысле блокирует механизмы социальной рефлексии и адаптации к изменившимся реалиям, с другой же – порождает в его сознании соответствующие мифологемы, становящиеся факторами текущих социально-экономических и политических процессов и используемые властью в рамках социального управления. Диалектический же характер взаимодействия субъекта и объекта управления неизбежно приводит к тому, что советское прошлое, все еще являясь фактом общественного сознания, не теряет своей актуальности и для современных государственных управленцев, оборотной стороной чего становится мифологизация советского опыта в коллективном сознании правящих кругов, в частности – советского управленческого опыта.

В свете всего этого видится целесообразным вновь обратиться к проблеме советского технократизма как исходной аксиологической позиции государства и

стилевой черте его управленческих практик. В перспективе это позволит перевести вопрос в практическую плоскость относительно того, насколько применим советский опыт социального управления в современных условиях.

При множественности толкований самого термина «технократизм», а также контекстов его употребления, в качестве отправной точки для анализа советского его варианта остановимся на представлении о технократизме как элементе механизма взаимосвязи политики, науки и техники в условиях техногенной цивилизации. Данный подход был в общих чертах заявлен С.А. Зубковым [1] и, несмотря на неоднозначность сделанных в итоге выводов, представляется достаточно продуктивным, прежде всего применительно к развитым индустриальным обществам, к числу которых относилось и советское.

Следует добавить, что в данном контексте своеобразным «приводным ремнем» указанного механизма являлся, пожалуй, главный кадровый ресурс советской технологической модернизации – слой инженерно-технических работников (шире – научно-техническая интеллигенция). Именно эту социальную группу в контексте ее взаимоотношений с советской партгосноменклатурой и вовлеченности в процессы социального управления и предполагается расположить в фокусе исследования, призванного в конечном счете выявить социально-политическую сущность и степень технократизма советской управленческой системы.

Принято считать, что в обществоведческий оборот термин «технократия» был введен американским инженером У.Г. Смитом в 1919 г. Особую же роль научно-технических специалистов в индустриальном обществе, потенциально претендующих на управление не только технологическими, но и социально-экономическими и даже политическими процессами, впервые отметил американский футуролог Т.Б. Веблен в 1921 г. [2].

В нашем случае важно не путать технократию с экспертократией (современной тенденцией к засилью в различных сферах разного рода экспертов) и пресловутым «технологическим императивом» (вырастающей из евро-американских футуристических утопий ориентацией на практическое воплощение всего тех-

нически возможного). Первая в советских реалиях как таковая практически отсутствовала, второй имел достаточно серьезные организационные и технологические ограничения. Иными словами, говоря о советском технократизме, мы будем иметь в виду не только и не столько форму власти, сколько характеристику ментальных и социокультурных процессов (если угодно – некий агрегированный показатель уровня рефлексии при принятии управленческих решений). В этом ракурсе предстоит разделить и сфокусироваться на двух вещах: мировоззрении и самоощущении (целях) советской технократической прослойки, с одной стороны, и содержании и механизмах реальных процессов принятия решений с той или иной долей ее участия (средствах) – с другой.

Также следует различать условных советских «технократов» (часть научного и инженерного сообществ, интегрированную во власть) и «технобюрократов» (профессиональных чиновников среднего уровня, имевших то или иное отношение к социально значимым технологиям). Социально-функциональная роль технократизма в отечественном хронотопе заключается в том, что его социальная база – слой научно-технических кадров, возникший в результате модернизационных попыток XIX–XX вв., – использовался высшей политической властью для формирования технобюрократии, деятельность которой контролировалась и направлялась этой властью. С другой стороны, технократизм как «идеология» соответствующих социальных групп объективно отражал их притязания на доступ к политической власти.

Кроме того, отдельной строкой следует упомянуть и такую категорию, как региональные технократы, являвшуюся частью региональной элиты. В контексте властной стратификации советской системы региональную элиту можно определить как слой управленческих кадров, занимавший промежуточное положение между партийно-государственной элитой и массами. В первом приближении региональную технократическую элиту можно считать частью правящей элиты, являвшуюся при этом самостоятельной социальной группой, главной особенностью которой было наличие относительно четко структурированных представлений о своей роли (миссии) в обществе и соответствующих определенным образом выраженных корпоративных интересов. Что их объединяло и отличало от других групп советского социума? Высшее техническое или естественное образование и занятие управленческой деятельностью в самом широком понимании (иногда – занятие государственных или партийных должностей). Необходимо иметь в виду, что значительная часть советских региональных технократов занималась изучением, освоением и управлением местными производственными силами (в первую очередь это касается Сибири). При этом эффективное управление ресурсами – ахиллесова пята отечественной государственности. Можно предположить, что в том числе и здесь кроются корни позднесоветского внутриэлитного противостояния ведомственной и местной бюрократии (этот разлом не мог не затронуть и инкорпорированную в нее прослойку технократов).

Задаваясь вопросом о том, насколько применимы категории «технократия» и «технократизм» для описания советской системы принятия управленческих решений, нужно принимать во внимание весь разброс мнений относительно этой проблемы, вызванный во многом тем, что каждый из высказывающихся понимает данные дефиниции по-своему. Наиболее распространенные трактовки сводятся к уже упоминавшимся выше двум позициям: «чистый» технократизм как возможность / необходимость доступа к принятию экономических и политических решений ученых и инженеров и технократизм в более широком смысле, подразумевающий под технократией власть технобюрократии («хозяйственников», «красных директоров»). Подобного рода политологические и социологические подходы практически не проливают свет на логику действий самого советского руководства, обладая малым объяснительным потенциалом. Гораздо предпочтительнее здесь выглядит социально-исторический подход, с помощью которого, возможно, получится приблизиться к пониманию того, как носившиеся в интеллектуальной атмосфере первой половины – середины XX столетия технократические конструкты взаимодействовали со складывавшейся и уже сложившейся в СССР системой управления (критически важны здесь научно-техническая политика и управление социальной прослойкой самих носителей идейного заряда технократизма), меняли ли они ее либо же сами менялись под ее воздействием.

При этом следует помнить, что в самом советском дискурсе технократизм третируется как одно из направлений «буржуазной философии». Причины этого можно усмотреть и в опасениях правящей партии за свою монополию на политическую власть, и в противопоставлении официальной идеологией гуманистической составляющей социализма неизбывно свойственному западному капитализму отчуждению, и, наконец, во вполне отчетливо осознаваемом собственном технологическом отставании от глобального идеологического же конкурента (ведь одним из критериев идейного превосходства как раз и было технологическое первенство).

В перестройку по понятным причинам был сформулирован тезис: «Псевдо-технократизм советского общества – это идеологическое прикрытия для административно-командной системы» [3. С. 52]. О самих же потенциальных технократах тот же исследователь говорит: «Что касается инженерно-технического персонала, ученых, других работников умственного труда, то административно-командная система намеренно препятствовала их полноценному социальному развитию, не желая, чтобы эта “технократическая элита” заняла подобающее ее знаниям, профессиональной компетенции место в системе социального управления» [Там же. С. 53]. Отсюда делается вывод о том, что ложная технократизация советского общества в 1950–1970-е гг., проходившая за счет расширения сети политехнических вузов и НИИ, а следовательно, и численного роста ИТР, «превратила управленческие кадры в полупрофессионалов-полубюрократов, не умеющих по-деловому руководить и не знающих экономики» [3. С. 53], что, в свою очередь, и обусло-

вило крах всей советской управленческой системы. Здесь возникает вполне закономерный вопрос: была ли способна псевдотехнократическая система сформировать потенциально опасный для нее слой пускай даже столь же потенциальной технократической контрэлиты?

Современные исследования технократизма при всем своем многообразии в целом не отрицают наличия в недрах советского социума и властных структур элементов технократии. Тем не менее наиболее конструктивные из них опять-таки склонны привязывать их к конкретным (и, что самое главное, разным) социальным стратам: инженерно-технической интеллигенции (советским «белым воротничкам») [4] и все тем же технобюрократам-хозяйственникам [5]. Это ни в коей мере не умаляет вклада их авторов в воссоздание социально-психологического и социально-исторического портретов советской технократии соответственно, но не дает общей ее картины.

В конечном итоге, исходя из разницы означенных двух посылов, специалисты в массе своей склонны приходить к двум полярным, по сути, выводам: либо советская система последовательно давила ростки технократизма, облекаясь при этом в ложные его формы, либо же наоборот – сама постепенно пропитывалась им, что впоследствии во многом способствовало ее перестроенному демонтажу. Последний вариант наиболее емко выражен в очерке А.Н. Николаева [Там же]. Интуиция (не столько, впрочем, научная, сколько обыденная) подсказывает, что истина расположена где-то посередине. В любом случае это предстоит выяснить в ходе дальнейших изысканий.

Приступая к поиску и выявлению сущности отечественной технократии, для начала стоит задаться вопросом о потенциальных истоках ее генезиса. Во-первых, это, конечно же, условный «технократизм» большевиков-революционеров, вооруженных марксистским учением, экономико-технологический детерминизм которого явно перекликался с базовыми основаниями технократических идей. Во-вторых, сюда же следует отнести имманентный технократизм советских ученых-администраторов, участвовавших в создании советской «большой науки» в период 1930–1950-х гг. и в ходе этого процесса объективно становившихся частью советской элиты [6]. В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов и определенный интуитивный технократизм советских управленцев среднего и нижнего звена (тех самых технобюрократов), формировавшийся у них в результате шедших параллельным курсом процессов технизации управления.

Если же посмотреть еще глубже, то можно заметить, что присущие технократическому видению мира идеи глобального проектирования (помимо идеологов большевизма) исповедовали К.Э. Циолковский и В.И. Вернадский, что в каком-то смысле позволяет считать русский космизм своего рода предтечей советского технократизма. Уже в 1920-е гг. к нему добавились крайне популярные в то время идеи социальной инженерии, пришедшие из Америки, бывшей, к слову сказать, для В.И. Ленина образцом прогресса (главным образом, технического и организационного).

Отсюда и будут видны примерные контуры социальной базы искомого советского технократизма, включавшей в себя одновременно (что критически важно) и часть верхушки партноменклатуры, и администраторов от науки, и «красных директоров». Всех вместе их можно рассматривать в качестве «техноструктуры» (по Дж. Гэлбрэйту) по отношению к советскому государству как условной корпорации.

Примерные рамки существования советской техноструктуры: середина 1930-х – середина 1980-х гг. Они обусловлены становлением и расцветом в СССР «большой науки», основанной на принципах централизованного планирования исследований, осуществлявшихся на базе сети специализированных институтов. Это, с одной стороны, формировало запрос на рост числа носителей высшего политехнического образования (ядра техноструктуры), с другой – стимулировало их выдвижение на руководящие должности, что и задавало необходимый минимум объективных условий для появления возможности складывания технократии как управленческого феномена. Тем самым неизбежно менялись ценностные ориентации правящего номенклатурного сословия в сторону постепенной его деидеологизации. В то же самое время инкорпорация ведущих научных кадров в советскую систему (прежде всего в систему руководства и управления наукой) делала их не только советскими учеными, но и в какой-то степени администраторами-чиновниками, расширяя круг возможностей и одновременно накладывая свой отпечаток на образ мышления и принятие управленческих решений [7]. Это, кстати, напрямую выводит на достаточно интересную и перспективную проблему социальной идентичности научно-административной элиты 1930–1950-х гг., ковавшей советскую «большую науку» и таким образом становившейся частью советской техноструктуры. Сохраняла ли она, будучи родом из Российской империи, старую интеллигентскую идентичность или же по ходу структурирования системы советского социума постепенно приобретала некую новую («технократическую»)?

Рождение советской системы управления – первая половина XX в. – время беспрецедентных экономических, социальных и политических катаклизмов. Нормативно-ценностные конструкты модерна сгорели в горниле двух мировых войн. Безоглядная вера в поступательный прогресс и будущее как последовательно улучшающееся настоящее уступала место фрустрации, обесценивавшей настоящее и обесценивавшей будущее. Реакцией модерна на симптомы распада своей культурной матрицы стал ответ на футурофобию взрывом социального утопизма, носившего на этот раз героическо-мессианский характер (от ретрофутуристичных итальянского фашизма и Эрец Исраэль до экстремальных Земшарной советской республики и Третьего рейха) и ориентированного на радикальный прорыв в будущее. В наследство же от распадающегося модерна осталась сформировавшаяся еще на рубеже XIX–XX вв. установка на научное управление техническим и социальным прогрессом, неизбежно приводившая к самоценности *управляемости* социальной системы. Все это объективно давало исключительно благодатную почву

для привития и укоренения технократических идей на ниве социального управления в большевистском государстве.

Советский проект как таковой был предельно футуристичен по содержанию и технократичен по форме. Являвшаяся его основным «средством доставки» плановая модель социально-экономического развития – зона ответственности советских технократов – часто критиковалась и критикуется с позиций так называемого «калькуляционного аргумента» (невозможности рационального распределения ресурсов в плановой экономике). Но в данном случае следует иметь в виду, что он был прежде всего проектом глобальным, т.е. являлся некой новой универсальной культурной платформой, задающей поле возможностей для реализации проектов более низкого уровня, к которым уже применима критика с подобных позиций («Колумбова проблема») [8].

И, как ни странно, теоретически эта проблема могла быть решена в рамках идеи о создании системы автоматизированного управления экономикой, изначально предложенной пионером советской кибернетики А.И. Китовым (проект создания Единой государственной сети вычислительных центров) и продолженной академиком В.М. Глушковым в виде разработки проекта Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС). Во всяком случае научная технократия как минимум предложила это решение. Другое дело, что она последовательно проиграла в межведомственной схватке за него сначала руководству Минобороны, а затем своей «единокровной сестре» – технобюрократии из Центрального статистического управления [9]. Это, по всей вероятности, можно считать одной из причин того, что Советский Союз, худо-бедно вписавшийся в первую волну НТР, не вошел в крутой поворот второй ее волны.

Со схожей судьбой сюда же вплотную примыкала и разработанная под руководством академика Н.П. Федоренко коллективом Центрального экономико-математического института АН СССР Система оптимального функционирования экономики (СОФЭ), основанная на математическом моделировании и прогнозировании экономических процессов. Более того, сотрудник ЦЭМИ Б.Н. Михалевский разработал прогноз развития советской экономики на 1970–1980-е гг., предрекавший ей скорую стагнацию и кризис. Донести подготовленный доклад до председателя Госплана, зампреда Совмина СССР Н.К. Байбакова попытался Н.П. Федоренко, но потерпел неудачу и был вынужден уничтожить документ как противоречащий принятой программе партии, предусматривавшей построение коммунизма к 1980 г. [10].

Еще один пример – жизнь и судьба дважды репрессированного П.Г. Кузнецова. Идеальный наследник русского космизма и сам «космический коммунист», занимавшийся социальной метафизикой советского строя, разрабатывал основы физической экономики [11]. Непосредственное практическое отражение его идеи научного прогнозирования и планирования нашли в работах хозрасчетного Сектора сетевого планирования и управления при Научно-исследовательском секторе

МГПИ (преобразованном позднее в Лабораторию систем управления разработками систем). В 1970 г. лаборатория была закрыта, а сам П.Г. Кузнецов репрессирован во второй раз (весьма характерно – помещен в психиатрический институт им. Сербского), что, в принципе, можно считать условным началом конца советского мегапроекта – точкой разрыва с футуристическим наследием русского космизма и раннесоветской эпохи, окончательного отрешения от поиска новых форм идейного содержания, самозамыкания в этих формах и, наконец, примата формы над содержанием. Это примерно совпало и с отказом от дальнейших попыток реформирования советской экономической системы. Знаковым в контексте личной и научной судьбы этого ярчайшего представителя советской техноструктуры было и само его имя – Побиск (Поколение Октября, Борцов И Строителей Коммунизма).

Из этого следует принципиально важный вывод о том, что ключевой особенностью советской технократии была ее вторичность – служебно-подчиненное положение по отношению к советскому мегапроекту (как минимум до исчерпания его футуристического заряда), попытка воплощения которого собственно и вызвала ее к жизни. Иными словами, не советские технократы определяли целевые и инструментальные параметры управления социально-экономической системой, но она сама посредством специфического идеологизированного дискурса формировала комплементарный ей тип технократии, качественные характеристики которого обуславливались соответствующими системными ограничениями. Отсюда подспудно и проистекала управляемость самой технократии по отношению к партийно-государственной системе (что, в частности, проявилось в феномене «управляемой науки»). Это определило следующие сущностные черты советской техноструктуры: этатизм, жесткую увязку социального прогресса с прогрессом научно-технологическим, лояльность к идеям сверхцентрализации систем управления обществом и распределения ресурсов. Поэтому и неудивительно, что и третья попытка (две первые были адресованы Н.С. Хрущеву) А.И. Китова достучаться с идеей ОГАС до руководства страны, предпринятая уже в перестройку, не возымела должного действия [12].

В этом ключе весьма показательна участь одного из первых советских «технократов» (по духу), крупного организатора науки, инициатора создания и руководителя Научно-технического отдела ВСНХ академика Н.П. Горбунова, расстрелянного по «делу альпинистов» несмотря на всю свою предельную лояльность системе. По злой иронии судьбы с альпинизмом связана гибель и последнего крупнейшего организатора советской науки, «отца» нелинейной оптики – академика Р.В. Хохлова, которого не удалось спасти во многом из-за вмешательства в процесс его лечения Политбюро. Глубоко же символичным здесь представляется тот факт, что в обоих случаях фигурировала высочайшая вершина страны Советов – пик Коммунизма. Высота была открыта экспедицией под руководством Н.П. Горбунова, в дальнейшем неудачно участвовавшего в ее покорении; Р.В. Хохлов также

пытался штурмовать ее, но, как и Н.П. Горбунов, не шел нескольких сот метров до вершины, и эта попытка стала для него роковой.

Со всем этим связан еще один момент – проблема социальной и политической ответственности советской технократии (при несомненном наличии примеров научного и гражданского мужества ее представителей) в самом широком смысле этого слова. Естественнорациональный материализм вкупе с марксистским диалектизмом порождал иррациональную по своей сути веру в некий «объективный» ход вещей, задававшую не активно-деятельностную, но пассивно-созерцательную позицию по отношению к социальной реальности и ограничивавшую общегражданскую ответственность отдельно взятого советского технократа рамками конкретного участка его работы. Там он мог вполне упорно и самоотверженно работать, но все, что выходило за пределы его прямой и непосредственной компетенции, его мало интересовало, а если и интересовало, то мотивация что-то всерьез менять была недостаточно высока для приложения сколько-нибудь серьезных усилий. Данный парадокс значительно снижал уровень технократизма управленческих кадров, обесценивая саму идею рационалистического подхода к управлению. Это во многом объясняет позднестойкую спячку советской технократии, очнувшейся только уже по ходу перестройки. Предположительно, истоки указанного явления кроются за пределами собственно сферы взаимоотношений советской власти и научно-технической сферы (памятуя русский космизм как идейную предпосылку зарождения советского технократизма), уходя в глубинные основания отечественной культуры, что, конечно же, требует отдельного исследования, общие контуры которого, впрочем, уже намечены [13].

Оборотной стороной данного свойства советской «технократической» культуры стал закономерный паттерн – подгонять объективную реальность под представления о ее должном состоянии. Вообще разрыв и конфликт между должным и сущим выражал собой главное конструктивное напряжение всей советской системы. Вероятно, это и стало важнейшей причиной краха самого проекта (как говорит культуролог В.В. Штепа, «если утопии не сбываются, то сбываются антиутопии»). Отсюда вытекает и то, что любая неудача в реализации мегапроекта воспринимается как ошибка проектировщиков, происки врагов, формажорные обстоятельства внешнего характера. Адекватность же самого мегапроекта под сомнение если и ставится, то в самую последнюю очередь. Ярким тому подтверждением может служить репрессивная практика советского государства по отношению к собственной технократии (особенно первого призыва – Шахтинское дело, дело Промпартии). Схема детально разобранной оппозиционной диалектики должного и сущего, апробированная на отечественном историко-культурном материале И.Г. Яковенко [14], может плодотворно применяться и для реконструкции истории советской техноструктуры.

Настоящий *modus operandi* и обусловил грани технологичности советской системы управления. Формировавшаяся ею социальная реальность – продукт соци-

альных технологий, невиданных доселе как по масштабу, так и по своему качественному содержанию. Но очередной парадокс в том, что любая технология имплицитно подразумевает максимальную возможность контроля над процессами, протекающими в системе. Тем самым технократизм социальных управленцев бессознательно склонен к созданию ситуации искусственной стагнации социума. В особенной степени это проявилось в ходе попытки осуществления советского мегапроекта. Несмотря на то, что цель здесь зачастую оправдывала средства (технократизм, как правило, предусматривает принятие принципиально новой этики), сам набор этих средств и границы их применения всегда жестко определялись параметрами текущего идеологизированного политического дискурса. Поэтому все проблемы советской системы (даже сугубо технические) упирались в конце концов в идеологию, ограничения которой усугубляли обрисованные свойства советской технократии. Фактически отказывая себе в возможностях полного использования технократического ресурса, система вырисовывала порочный замкнутый круг проблем, не имевших приемлемого решения в ее масштабах, загоняя, таким образом, сам проект и его идеологическую составляющую в тупик (парадокс Лефора). Очевидным это стало именно в эпоху «развитого социализма», когда численность советской техноструктуры и доля ее присутствия в высших сферах управления достигли своего пика.

На фоне всего этого впервые об «инновациях» в Советском Союзе заговорили еще в начале 1980-х гг. в стенах Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований [15]. Характерно, что антиинновационность советской социально-экономической системы тесно соседствовала и неплохо уживалась с фетишизацией «научно-технического прогресса» и даже с верой в то, что им можно управлять (в 1972 г. была разработана первая Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий). Иначе говоря, советские технократы, будучи по идейному складу своему поздними детьми XIX в., верили в некую «прогрессивность» XX столетия самого по себе (можно предположить, что косвенно это произрастало из марксистского тезиса о технологическом прогрессе как одним из факторов наступления коммунизма), в то время как по сути своей НТР – это и есть комплекс целенаправленных мер, в совокупности составляющий инновационную политику, одной из главных черт которой является отказ от жестких иерархических структур. При этом своеобразный псевдокульт «науки и техники» исповедовался при явном приоритете техники: сама по себе «чистая» наука не поощрялась – любые занятия научной деятельностью (показательно, что для этого был даже введен специальный термин – «научные работники») целью своей должны были иметь непосредственную техническую отдачу.

Одна из причин тому – все та же идеологическая (всепобеждающее учение Маркса–Ленина и вера в прямое управление всей социально-экономической системой), непосредственно выразившаяся в телеологическом подходе патриарха советского планирования

С.Г. Струмилина. Отсюда и такое же «машинное», механистическое отношение к обществу, характерное для советских социальных инженеров. Хотя справедливости ради стоит признать, что советская система управления породила и программно-целевой метод, разработанный В.А. Базаровым-Рудневым. В этой связи примечательно, что планирование научной деятельности на заре советского государства стартовало одновременно с планированием социально-экономическим (помимо Особого временного комитета науки при СНК РСФСР этим вопросом занимался также и Госплан).

Другую причину можно обозначить как организационно-технологическую: количество в ущерб качеству (в надежде на то, что по законам диалектики первое рано или поздно перейдет во второе). Бытийный смысл этой стратегии раскрывается крылатой фразой все того же С.Г. Струмилина: «Лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие». Как результат – реализация коммунистического мегапроекта советской техноструктурой превратилась в попытки прорваться в постиндустриальное социально-экономическое пространство, измеряемое традиционными индустриальными категориями, что и было, в частности, отражено в принятой в 1961 г. на XXII съезде КПСС третьей программе партии. В принципе, это было обусловлено известным редукционизмом как одной из сущностных черт технократизма вообще: свести сложное к простому путем отделения главного от второстепенного, что выражалось в конечном итоге в том, что все многообразие социальной реальности сводилось к набору ограниченного числа контролируемых параметров (плановых показателей). На практике же это выливалось в то, что директивный план сам по себе становился самодовлеющим элементом социального управления: в случаях и научного планирования экономики, и планирования научной деятельности усилия по выполнению (и составлению отчетности) плана затмевали собой и подменяли реальный инновационный менеджмент.

Такого рода подмена цели средством не могла не привести к ситуации, в которой средство якобы демонстрировало свою эффективность (что автоматически нашло свое отражение в коллективном сознании и социальной памяти прежде всего правящего слоя и отчасти управляемых), но цель все-таки не была достигнута. В итоге же дискредитированным оказалось не средство, а цель.

Исходя из этого, можно сделать промежуточный вывод, заключающийся в том, что социально-политическая система, сформировавшаяся в результате прежде всего индустриально-технологического рывка, безусловно, породила собственную техноструктуру, что было вполне закономерным явлением. Эта техноструктура, состоявшая из нескольких уровней, столь же объективно порождала, в свой черед, определенные элементы технократии как формы мировосприятия и установки социального управления. При этом сама советская техноструктура так и не стала самостоятельным политическим субъектом (или же, вероятно, не успела им стать), регулярно проигрывая номенклатуре в столкновениях по тем или иным проблемам управления. Это позволяет говорить о своего рода «гибридном» характере советской системы управления социально-экономическим и научно-техническим развитием: наличие общих черт планомерного научного подхода соседствовало с догматически-механистичным прочтением реальности, обращавшим технократию в прислугу идеократии, а технократические практики – в ритуально-симулирующие компоненты карго-культулы прогресса, науки и техники.

Определяя направления дальнейших исследований, стоит остановиться на двух, представляющих наиболее перспективными: историко-культурные корни и основания данного феномена, а также характер и степень его влияния на постсоветскую систему социального управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубков С.А. Взаимосвязь политики, науки и техники в условиях техногенной цивилизации (социально-философские аспекты) : автореф. ... д-ра филос. наук. М., 2006.
2. Веблен Т.Б. Инженеры и ценовая система / пер. с англ. И. Кошкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. 112 с.
3. Титаренко Л.Г. Псевдотехнократизм в советском обществе: социально-философский анализ // Социс. 1991. № 7. С. 48–54.
4. Абрамов Р.Н. Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР // Социология науки и технологий. 2017. № 2. С. 63–79.
5. Николаев А.Н. Становление и трансформация советской технократической элиты // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 2. С. 83–95. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.2.07.
6. Костерев А.Г., Литвинов А.В. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы в контексте советской модернизации // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 69–78. DOI: 10.17223/15617793/403/12.
7. Земцов Б.Н. Советский технократизм в 1917 – 1930-е годы XX века // Гуманитарный вестник (МГТУ им. Н.Э. Баумана) : электронный журнал. 2014. № 3 (17). URL: <http://hmbul.ru/articles/187/187.pdf>
8. Касавин И.Т. Мегапроекты и глобальные проекты: наука между утопизмом и технократизмом // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 40–57.
9. Кутейников А.В. Академик В.М. Глушков и проект создания принципиально новой (автоматизированной) системы управления советской экономикой в 1963–1965 гг. // Экономическая история. Обзор. М., 2011. Вып. 15. С. 139–156.
10. Петраков Н.Я. Размышления над новой книгой. Академик Федоренко о жизни и о себе // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69, № 9. С. 840–842.
11. Дёмин А.Н. Методологические и мировоззренческие уроки Побиска Георгиевича Кузнецова (к 85-летию со дня рождения) // Человек. Социальное. Управление. 2009. № 2. С. 32–41.
12. Кутейников А.В., Шиллов В.В. Последняя попытка реанимировать проект общегосударственной автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС). Письмо А.И. Китова М.С. Горбачёву, 1985 // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 2. С. 100–109.
13. Музыкантский А.И., Яковенко И.Г. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М., 2011. 320 с.
14. Яковенко И.Г. Должное и сущее как категории культурно-исторического процесса (на материале России) : автореф. ... канд. культурол. наук. М., 1999.
15. Структура инновационного процесса : труды конференции. М. : ВНИИСИ, 1981.

Kosterev Anton G. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia). E-mail: antonkosterev@rambler.ru

THE PHENOMENON OF SOVIET TECHNOCRATISM: TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM (POLITICAL-IDEOLOGICAL AND SOCIO-CULTURAL DIMENSIONS).

Keywords: Soviet state; technocracy; social history of science and technology; Soviet science.

In the article, the problem of Soviet technocracy is again actualized from a new perspective. The question of the applicability of the concept of technocracy to the Soviet system of governance is being considered. Summarizing a certain result of research in this area, there is a variety of existing research positions in relation to this phenomenon. The cultural-historical origins and features of the Soviet way of managing socio-economic and scientific-technical development are analyzed, which makes it possible to speak about it as part of an unrealized socio-utopian megaproject. On the basis of the socio-historical approach, the roots and prerequisites for the formation of elements of technocracy in the Soviet system are revealed. As part of this, it is proposed to consider the Soviet political and economic system as a corporation, and the layer of scientists-administrators and “red directors” integrated into power - as its technostucture. Outlines the social boundaries and scope of the Soviet technostucture, thereby removing the false opposition of the scientific-technical intelligentsia and techno-bureaucracy as its constituent parts. Special attention is paid to analyzing the problems of the practice of Soviet socio-economic planning and attempts to solve them by the Soviet technostucture. In this regard, the historical fate of the national technocracy is illustrated by the most striking examples of the personal and scientific destinies of its major representatives. This allowed us to conclude that the key feature of the Soviet technocracy was its secondary nature — its subordinate supercentralization of the systems of social management and resource allocation. Directly indicated features appeared in inherited from the XIX century objectivist attitudes regarding scientific and technological progress, which had a decisive influence on managerial decision-making in the fields of scientific planning and scientific planning. Based on the indicated range of questions, a theoretically significant conclusion is drawn about the hybrid nature of the Soviet system of governance, which contained certain elements of technocracy, the reconstruction of the social meanings of from this, the prospective problems of researching the mechanisms of interrelations of power, science and technology in the Soviet evolution and whose actions have a positive cognitive potential only in the deep historical context of the national culture. Proceeding state formulated position in relation to the Soviet megaproject. This also results in the main features of the Soviet technostucture: statism, a rigid linkage of social progress with scientific and technological progress, loyalty to the ideas of socialism.

REFERENCES

1. Zubkov, S.A. (2006) *Vzaimosvyaz' politiki, nauki i tekhniki v usloviyakh tekhnogennoy tsivilizatsii (sotsial'no-filosofskie aspekty)* [The relationship of politics, science and technology in terms of technological civilization (socio-philosophical aspects)]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Moscow.
2. Veblen, T.B. (2018) *Inzheneriy i tsenovaya sistema* [The Engineers and the Price System]. Translated from English by I. Koshkin. Moscow: HSE.
3. Titarenko, L.G. (1991) *Pseudotekhnokratizm v sovetskom obshchestve: sotsial'no-filosofskiy analiz* [Pseudo-techcratism in Soviet society: a socio-philosophical analysis]. *Sotsis – Sociological Studies*. 7. pp. 48–54.
4. Abramov, R.N. (2017) Soviet Technocratic Mythologies Myth as the Form of Lost Chance Theory: on the Case of the History of the Cybernetics in the USSR. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii – Sociology of Science and Technology*. 2. pp. 63–79. (In Russian).
5. Nikolaev, A.N. (2018) Stanovlenie i transformatsiya sovetskoy tekhnokraticheskoy elity [Formation and transformation of the Soviet technocratic elite]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. 2. pp. 83–95. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.2.07
6. Kosterev, A.G. & Litvinov, A.V. (2016) The professorial corps of the higher school in the context of Soviet modernization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 403. pp. 69–78. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/403/12
7. Zemtsov, B.N. (2014) The Soviet tehnokratizm in 1917–1930s. *Gumanitarnyy vestnik (MGTU im. N.E.Baumana) – Humanities Bulletin of BMSTU*. 3(17). (In Russian). DOI: 10.18698/2306-8477-2014-3-187
8. Kasavin, I.T. (2015) Megaproekty i global'nye proekty: nauka mezhdutopizmom i tekhnokratizmom [Megaprojects and global projects: the science between utopianism and technocracy]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 40–57.
9. Kuteynikov, A.V. (2011) Akademik V.M. Glushkov i proekt sozdaniya printsipial'no novoy (avtomatizirovannoy) sistemy upravleniya sovetskoy ekonomikoy v 1963–1965 gg. [Academician V.M. Glushkov and the project of creating a fundamentally new (automated) control system for the Soviet economy in 1963–1965]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. 15. pp. 139–156.
10. Petrakov, N.Ya. (1999) Razmyshleniya nad novoy knigoy. Akademik Fedorenko o zhizni i o sebe [Reflections on a new book. Academician Fedorenko about life and about himself]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 69(9). pp. 840–842.
11. Demin, A.N. (2009) Methodological and ideological lessons by Pobisk Georgievich Kouznetsov (on the 85th Anniversary). *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – Human. Community. Management*. 2. pp. 32–41. (In Russian).
12. Kuteynikov, A.V. & Shilov, V.V. (2013) The last attempt to rehabilitate the project of the National System of Automatic Control of the Economy (OGAS): A. I. Kitov's 1985 letter to M.S. Gorbachev. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 2. pp. 100–109. (In Russian).
13. Muzykantsky, A.I. & Yakovenko, I.G. (2011) *Manikheystvo i gnostitsizm: kul'turnye kody russkoy tsivilizatsii* [Manichaeism and Gnosticism: cultural codes of Russian civilization]. Moscow: Russkiy put'.
14. Yakovenko, I.G. (1999) *Dolzhnoe i sushchee kak kategorii kul'turno-istoricheskogo protsessa (na materiale Rossii)* [Due and being as a category of cultural and historical process (a case study of Russia)]. Abstract of Culture Studies Cand. Diss. Moscow.
15. *Struktura innovatsionnogo protsessa. Trudy konferentsii* [The structure of the innovation process. Conference proceedings]. Moscow: VNIISI.

УДК 329.8

DOI: 10.17223/19988613/58/6

А.А. Лыкова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ 2014 г.: СТЕПЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Исследуются особенности избирательных кампаний 2014 г. в Республике Алтай. На основе анализа электоральной статистики, экспертных интервью, контент-анализа республиканской периодической печати раскрыты причины низкой конкурентной борьбы на выборах региональных органов власти. Приведена характеристика использованных в политической борьбе приемов и методов, представлены рекомендации по активизации политического процесса.

Ключевые слова: политические партии; региональные отделения; Республика Алтай.

В современной России политическое многообразие, многопартийность признаются одной из основ конституционного строя. Федеральный закон «О политических партиях» устанавливает: «Политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления» [1].

Политическая партия обязана иметь региональные отделения. Под региональным отделением политической партии понимается структурное подразделение политической партии, созданное по решению ее уполномоченного руководящего органа и осуществляющее свою деятельность на территории субъекта Российской Федерации. При этом в субъекте федерации может быть создано только одно региональное отделение данной политической партии [Там же].

Республика Алтай является полноправным субъектом Российской Федерации. В 2014 г. Центр региональных исследований признал Республику Алтай одним из немногих регионов России, где выборы в республиканские органы государственной власти прошли по действительно конкурентному сценарию [2]. В этом контексте исследование регионального политического опыта конкурентных выборов представляется весьма актуальным. Особенно интересным представляется изучение регионального политического опыта конкурентных выборов. При условии, что успешный опыт участия в выборах будет перенят другими субъектами Российской Федерации, активная политическая борьба может стать общепринятой нормой.

Основная цель исследования – выявление особенностей политической активности региональных отделений партий Республики Алтай. Задачи, решенные в ходе исследования: анализ деятельности подразделений политических партий в регионе; изучение партийной и избирательной систем региона; рассмотрение роли периодической печати в избирательном процессе; выяснение мнения местных экспертов.

О разработанности вопроса говорить сложно. На сегодняшний день существуют работы, объектом исследования которых являются политические партии в Западной Сибири, – это исследования Е.А. Осташевой, Ю.И. Головичева. Кроме того, существует несколько работ, авторы которых – Л.Т. Тулебаева, Ю.В. Табаков, Л.В. Кыпчакова, А.В. Шарапов – рассмотрели политические партии Республики Алтай. Однако можно говорить о том, что степень изученности вопроса недостаточно высока.

В ходе исследования был проведен первичный анализ данных о деятельности политических партий в регионе, изучено избирательное законодательство, регулирующее проведение выборов в республике, проведен сбор электоральной статистики по избирательным кампаниям. Для выявления приоритетных направлений деятельности политических партий был проведен контент-анализ региональных периодических изданий «Звезда Алтая» [3] и «Алтайдын Чолмоны» [4]. Интервьюирование региональных экспертов по проблемам общественно-политической жизни позволило выявить важные аспекты деятельности региональных отделений политических партий [5].

Для участия в выборах депутатов Эл-Курултая республики Алтай в 2014 г. были зарегистрированы списки кандидатов от двенадцати региональных отделений политических партий: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Патриоты России», «Родина», «Яблоко», «Зеленые», Коммунистическая партия социальной справедливости, «Гражданская инициатива», «За справедливость!», «Парнас», которые претендовали на 21 мандат в законодательном (представительном) органе республики [6].

Следует отметить, что только четыре региональных отделения политических партий имели в республике разветвленную сеть местных отделений. Как и в большинстве регионов страны, лидерами являлись «Единая Россия» [7] и КПРФ [8], они располагали местными отделениями во всех районах республики (10 административных районов и отдельная административная единица г. Горно-Алтайск). В активе ЛДПР [9] и «Справедливой России» [10] насчитывалось по девять местных отделений.

Региональное отделение «Единой России» – крупнейшее в республике – вело работу с населением постоянно, а не только в электоральный период. Об этом свидетельствуют многочисленные встречи представителей партии с гражданами, участие в дискуссионных площадках, реализация партийных проектов, например в сфере развития культуры в сельской местности «Местный дом культуры» и «Театр малых городов» [11]. В выборный период региональное отделение «Единой России» проводило встречи с избирателями, праймериз, распространяло партийные средства массовой информации, использовало билборды, широко освещало деятельность членов партии, занимавших государственные должности, применяло административный ресурс. Партия постоянно подчеркивала, что она является «партией Президента», учитывая высокий уровень доверия населения к Президенту России в Республике Алтай [12].

На выборах в республиканский парламент в 2014 г. региональное отделение «Единой России» получило 30 мест (из 41) [13]: по партийным спискам – 13, по одномандатным избирательным округам – 17. «Единая Россия» сегодня единственная партия в регионе, которая по-настоящему влияет на электоральный процесс в силу административных, организационных и финансовых ресурсов. Партия ориентирована на бюджетников, государственных и муниципальных служащих, отчасти на интеллигенцию и пенсионеров. Фактически она представляет исполнительную власть, тесно связана с представителями бизнес-сообщества. Источниками финансирования выступают собственные средства партии, а также поддержка структур бизнеса. Отделение «Единой России» полностью поддерживает главу республики А.В. Бердникова.

Вместе с тем самостоятельность регионального отделения политической партии невысока. Все передвижения в партийной структуре («партийные лифты») определяются «сверху» [5]. Слабо видна специфика деятельности отделения в решении сложных и острых проблем в самобытном регионе, каковым является республика Алтай.

Электоральный потенциал регионального отделения «Единой России» на следующих выборах в законодательное собрание Эл-Курултай, подсчитанный на основе опроса популярности партий в республике Алтай, составил 44%.

Региональное отделение КПРФ является традиционно популярным в республике. Отделение постоянно занимало второе место в рейтинге политических партий региона [14], вело развернутую деятельность: проведение опросов общественного мнения, спонсирование и участие в проведении различных мероприятий, оказание юридической, а то и финансовой помощи населению в решении бытовых вопросов [15]. Основной проблемой отделения партии является недостаток финансовых средств, а также отсутствие в регионе крупного бизнеса, который мог бы выступить спонсором [5]. Выборы 2014 г. показали, что голоса избирателей у КПРФ отнимали так называемые «новые партии» типа Коммунистической партия социальной справедливости и «Коммунистов России» [16]. Невы-

сокий уровень политического образования приводил к путанице в политическом спектре региона, граждане голосовали не так, как они первоначально хотели.

Региональное отделение КПРФ располагает газетой «Правда Горного Алтая». В структуре партии существует молодежная организация «Комсомол», хотя, на наш взгляд, партия недостаточно активно выдвигала молодых кандидатов на выборы в органы власти, что подтверждается статистическими данными [17]. Лидером регионального отделения КПРФ является широко известным населению В.В. Ромашкин. Он был депутатом всех созывов Эл-Курултая республики, дважды баллотировался на пост главы республики Алтай [18].

В период между выборами основная деятельность регионального отделения КПРФ была направлена на проведение митингов и акций по различным вопросам общественно-политической жизни страны и республики, работали общественные приемные, относительная активность отмечена на сайте отделения. Известно, что партия ориентирована на представителей рабочих специальностей, пенсионеров, интеллигенцию [5]. На последних выборах партии удалось получить 5 мест в законодательном органе региона [13]. Электоральный потенциал регионального отделения КПРФ в республике Алтай составляет около 22%.

Региональное отделение ЛДПР по популярности среди населения накануне выборов 2014 г. удерживало третью позицию, однако после выборной кампании уступило место «Справедливой России». По результатам выборов в Эл-Курултай отделение ЛДПР получило два места в парламенте, оба кандидата прошли по партийному списку [Там же]. Конечно, первым номером в партийном списке выступал В.В. Жириновский, который, как известно, возглавлял не один региональный партийный список. Такой ход, как правило, делали все региональные отделения, которые считали нужной поддержку своего лидера на выборах в субъектах федерации. Имидж этой партии напрямую связан с ее руководителем. В Республике Алтай это означало, что региональное отделение не имело своего достаточно сильного лидера.

В рейтинге оппозиционности власти региональное отделение ЛДПР находилось между КПРФ и «Справедливой Россией». Фракция ЛДПР в Эл-Курултае нередко критиковала политику региональных властей, однако в периодическом издании «ЛДПР в Республике Алтай» воздерживалась от критических замечаний. Республиканское отделение ЛДПР отличалось жесткой дисциплиной, заданной лидером и центральными органами партии и не проявляло региональной самостоятельности [5]. Накануне выборов отделение этой партии серьезное внимание уделяло работе с молодежью, выдвигая молодых кандидатов в органы власти [17].

В предвыборных установках и деятельности регионального отделения ЛДПР не наблюдалось ориентации на конкретные социальные группы населения. Имела место ситуативная погоня за электоратом. Потенциал наращивания количества голосов избирателей связывался с привлечением электората, недовольного властью. Модель политического участия отделения ЛДПР в республике представляется таковой: в выборный пе-

риод – заметное повышение активности, встречи с избирателями, митинги и другие политические акции, распространение печатной продукции; между выборами – низкая политическая активность, участие в отдельных мероприятиях и на интернет-площадках. Электоральный потенциал ЛДПР составляет в регионе около 12%.

Республиканскому отделению «Справедливой России» удалось усилить свои позиции по сравнению с предыдущими выборами и занять три места в Эл-Курултае [13]. Отделение «Справедливой России» в республике заявляло себя как оппозиционное, но не против Президента России. В рейтинге лояльности партий к местным властям отделение «Справедливой России» оказалось между ЛДПР и «Патриотами России». Деятельность регионального отделения была активной, пожалуй, только в предвыборный период. В остальное время не проводилось сколько-нибудь заметных акций и мероприятий, приостанавливался выпуск партийной газеты и сайта, новостные ленты не обновлялись. По мнению экспертов, в настоящее время региональное отделение «Справедливой России» начинает терять популярность среди жителей республики из-за отсутствия понятных гражданам позиций партии по насущным проблемам жизни региона. Экспертное сообщество высказывает мнение, что, возможно, на следующих выборах в Эл-Курултай у регионального отделения не будет фракции в парламенте республики [5]. Отделение «Справедливой России» предпринимает попытки найти опору в среде малого бизнеса, части интеллигенции. Электоральный потенциал «Справедливой России» в регионе пока составляет до 10%.

На выборах в законодательный (представительный) орган республики Алтай в 2014 г. одно место получило региональное отделение политической партии «Патриоты России» [13]. Отделение этой партии сыграло на национальном компоненте. Оно удачно выбрало фигуры влияния (Ю.В. Антарадонов и Г.П. Сумин), которые пользовались широкой популярностью среди алтайского населения [19]. «Патриоты России» умело использовали фактор уникальности региона. В предвыборной кампании они выступали против вырубки кедрача, сдачи земель в аренду, за сокращение туристического потока и др. По уровню лояльности относительно региональной власти «Патриоты России» являлись самой лояльной среди других политических партий [5]. Алтайские этнические элиты и национальное население оказали серьезную поддержку партии. Электоральный потенциал регионального отделения «Патриоты России» составляет примерно 3%.

Региональные отделения остальных политических партий, принимавших участие в выборах республиканского парламента, никак себя не проявили и не прошли в состав Эл-Курултая.

В 2014 г. в республике Алтай состоялись не только выборы в Эл-Курултай, но и выборы главы исполнительной власти региона. Выборы показали, что периодическая печать по-прежнему занимает ведущее место среди средств массовой агитации в формировании общественного мнения вокруг имени кандидата на пост главы региона. Конечно, наиболее ярко в печати была представлена деятельность кандидата от регионального

отделения «Единой России» А.В. Бердникова. В этой связи для исследования деятельности регионального отделения «Единой России» по выдвижению кандидата был выбран метод тематического контент-анализа выпусков газет «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны», издающихся в Республике Алтай соответственно на русском и алтайском языках. Это самые массовые газеты региона, освещающие общественно-политические аспекты жизни республики.

Для исследования были взяты издания августа и сентября 2014 г., на которые пришелся пик предвыборной агитации. Всего было изучено 311 статей. Количество статей, в которых упоминалось имя главы региона, составило 92. За единицу счета в исследовании была принята частота выступлений главы региона с конкретными тематиками, отражавшими важнейшие стороны развития республики.

Тезаурус исследования: А.В. Бердников; временно исполняющий обязанности главы республики Алтай; Председатель правительства республики Алтай.

Тематики были разделены по основным сферам жизни региона: социальная, экономическая, политическая и духовная.

В социальной сфере основными лексическими маркерами были выбраны здравоохранение, детские сады, спорт, дороги и транспорт, строительство социальных объектов, экология, ЖКЖ, заработная плата, люди с ограниченными возможностями.

Количество упоминаний социальных маркеров в тексте: здравоохранение – 28 (30%), детские сады – 21 (22,8%), спорт – 26 (28%), дороги и транспорт – 38 (41%), строительство социальных объектов – 44 (48%), экология – 12 (13%), ЖКЖ – 13 (14%), заработная плата, люди с ограниченными возможностями – 6 (6,5%).

Так как в одной статье может встречаться несколько тематик, сумма долей превышает 100%.

Понятно, что результаты деятельности кандидата на пост главы республики в социальной сфере являлись наиболее значимыми для потенциальных избирателей. Из анализа полученных данных видно, что приоритетным направлением выступало строительство социальных объектов. Это было связано, во-первых, с паводком и сильнейшим градом, случившимися в республике в августе 2014 г. Во-вторых, многие объекты социальной сферы, строительство которых ранее было приостановлено, как-то «неожиданно» получили финансирование из бюджета региона непосредственно перед выборами. Естественно, чем чаще фиксировалась активность в области здравоохранения, экологии, ЖКЖ и др., тем более положительно выглядел кандидат в глазах избирателей.

В экономической сфере лексическими маркерами были избраны энергетика, туризм, сельское хозяйство, предпринимательская деятельность, сфера услуг, инвестиции, развитие государственных предприятий.

В этой сфере частота упоминаний кандидата на пост главы региона представилась следующим образом: энергетика – 20 (21,7%), туризм и предпринимательская деятельность – по 22 (24%), сельское хозяйство – 18 (19,6%), сфера услуг – 5 (5%), развитие государственных предприятий – 2 (2%), инвестиции – 4 (4%).

Экономические аспекты развития республики затрагивались не так часто. Экономика региона развита слабо, собственного производства практически нет, живет республика в основном на федеральные дотации. Туризм, малый и средний бизнес могли бы стать приоритетными направлениями развития экономики. Сельское хозяйство находится на стадии развития, упоминания о нем связаны с выделением средств на эту отрасль. Сфера услуг встречается в материалах газет лишь в контексте необходимости повышения качества услуг населению. Упоминание инвестиций связано прежде всего с развитием в Республике Алтай особой экономической зоны «Алтайская долина». О развитии государственных предприятий в предвыборной программе А.В. Бердникова было только упомянуто, однако никаких действий в этом направлении не предпринято.

Тематиками политической сферы были определены политическая ситуация в республике и деятельность региональных отделений политических партий, законодательство, сотрудничество с другими регионами и федеральным центром, Президент, рабочие поездки, власти региона, одобрение населением.

В этой сфере лексические маркеры: политическая ситуация, партии – 6 (6,5%), сотрудничество с другими регионами и федеральными органами власти – 30 (33%), законодательство – 10 (11%), Президент – 25 (27%), рабочие поездки – 29 (31,5%), одобрение людей – 8 (9%), власти региона – 3 (3%).

Политическая сфера являлась крайне важной в ситуации предстоящих выборов. Высокие показатели тем «сотрудничество» и «рабочие поездки» были связаны с формированием имиджа А.В. Бердникова как активного руководителя, способного поддерживать конструктивные отношения с региональными лидерами и центральными властями. Значительному показателю темы «Президент» способствовало посещение В.В. Путиным Республики Алтай 6 августа 2014 г. В каждой такой статье можно найти положительный отзыв Президента о деятельности временно исполняющего обязанности главы республики. Многие эксперты полагают, что А.В. Бердников смог победить на выборах во многом благодаря этому визиту.

К духовной сфере были отнесены образование, культура, наука, мероприятия (выступления главы региона на официальных мероприятиях) и религия. Частота упоминания: мероприятия – 37 (40%), образование – 35 (38%), культура – 32 (35%), наука – 4 (4%), религия – 3 (3%). Высокий показатель темы «культура» связан с самобытной алтайской культурой. Тема «образование» подразумевала строительство школ и других образовательных учреждений, сооружение которых было утверждено (или открытие состоялось) при непосредственном участии А.В. Бердникова в августе–сентябре 2014 г. Редкие упоминания темы «наука» связаны с проводившимися в регионе научными конференциями.

Проведенное исследование показывает, что республиканские газеты являлись мощным агитаторским ресурсом в политической конкурентной борьбе. Имя А.В. Бердникова упоминалось рядом со всеми важными сферами жизни человека, и, несомненно, в сознании избирателей формировался положительный образ кандидата на пост главы региона. Следует отметить, что имена других участников политической гонки встречались в газетах крайне редко, они значительно уступали лидеру по популярности.

Для исследования выборных кампаний 2014 г., кроме анализа официальных документов, статистики и периодической печати, был проведен ряд полуформализованных интервью. Основным критерием отбора респондентов был профессиональный статус. Первую группу опрошенных составили лидеры региональных отделений политических партий Республики Алтай. Ко второй группе были отнесены эксперты, которые ранее занимались партийной деятельностью, но позднее отошли от нее и сегодня не состоят ни в одной политической партии. Для полного и всестороннего раскрытия проблемы конкурентной политической борьбы в регионе были подготовлены вопросы, объединенные в тематические блоки: побудительные мотивы партийной деятельности; система ценностей и приоритетов; перспективы партийного строительства в регионе и др. Каждый блок включал в себя от трех до шести вопросов. Следует отметить, что обработанные ответы респондентов, касающиеся в целом партийной системы республики, оказались созвучными, что позволяет сделать вывод о достоверности полученных результатов.

В целом анализ политической борьбы в республике Алтай на выборах 2014 г. показал, что особенностей в деятельности региональных отделений политических партий выявлено не было. Только отделение «Единой России» реально влияло на региональный политический процесс. Отделениям других политических партий, если они стремятся стать настоящей политической силой в регионе, следует сделать выводы и обратить внимание на поиски дополнительных финансовых средств, использование различных форм и методов работы с электоратом не только в период избирательной кампании, но и в повседневной жизни, необходимость иметь конкретную и реальную программу деятельности в республике с учетом ее самобытных особенностей, а также на ориентацию на определенные группы населения с целью формирования стабильного состава избирателей.

Каждый электоральный цикл – это накопление опыта, исправление ошибок. Анализ избирательных кампаний показал, что выборы становятся важным политическим процессом не только в России в целом, но и в отдельных регионах. Избирательная практика обогащается новыми явлениями, становятся востребованными традиционные и естественные для демократии механизмы конструирования политического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. О политических партиях : федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. М., 1997–2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 11.04.2017).
2. По итогам выборов // Звезда Алтая. 2014. 23 сент., № 216 (20 463).

3. Лыкова А.А. Тематический контент-анализ политической деятельности главы Республики Алтай А.В Бердникова накануне выборов 2014 г. (по материалам газеты «Звезда Алтая») // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сб. материалов XII междунар. молодежной науч. конф. Томск, 14–16 апреля 2016 г. Томск, 2016. Т. 1. С. 215–219.
4. Лыкова А.А. Тематический контент-анализ политической деятельности главы Республики Алтай А.В Бердникова (по материалам газеты «Алтайдын Чолмоны» за август–сентябрь 2014 г.) // Сб. материалов междунар. студенческой конф. Новосиб. гос. ун-та. Новосибирск, 15–20 апреля 2016 г. Новосибирск, 2016. С. 80–83.
5. Сведения, собранные автором в ходе интервью с лидерами региональных отделений политических партий // Личный архив автора.
6. О выборах депутатов Республики Алтай : закон Республики Алтай от 24.06.2003 № 12-15 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. М., 1997–2016. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4745/ (дата обращения: 05.02.2017).
7. Кто есть кто // Единая Россия : официальный сайт партии. М., 2017. URL: <http://altai-rep.er.ru/persons/council/> (дата обращения: 12.04.2017).
8. Депутаты муниципалитетов // Алтайское региональное отделение КИРПФ : официальный сайт. Горно-Алтайск, 2017. URL: <http://kprf04.ru/index.php/deputatskaya-vertikal/deputaty-munitsipalitetov/> (дата обращения: 15.04.2017).
9. Местные отделения // ЛДПР. Республика Алтай : официальный сайт. Горно-Алтайск, 2017. URL: <http://www.ldpr04.ru/mestnye-otdeleniya.html> (дата обращения: 16.02.2017).
10. Председатели советов местных отделений партии // Справедливая Россия в Республике Алтай : официальный сайт регионального отделения партии. Горно-Алтайск, 2011–2017. URL: <http://respaltai.spravedlivo.ru/001111-9992.html> (дата обращения: 16.02.2017).
11. Иван Белеков: Исполнение новых партийных проектов улучшит качество жизни на селе // Единая Россия : официальный сайт. М., 2011. URL: <http://altai-rep.er.ru/news/2017/1/23/ivan-belekov-ispolnenie-novyh-partijnyh-proektov-uluchshit-kachestvo-zhizni-na-sele> (дата обращения: 12.04.2017).
12. Партия Президента // Единая Россия : официальный сайт. М., 2011. URL: <http://altai-rep.er.ru/searchwhere=ALL> (дата обращения: 12.04.2017).
13. Об установлении общих результатов выборов депутатов Республики Алтай шестого созыва : постановление Избирательной комиссии Республики Алтай № 115/609 от 17.09.2014 // Избирательная комиссия Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2014. URL: <http://altai-rep избирком.ru/way/949882/sx/art/953242/cp/1/br/949881.html> (дата обращения: 12.04.2017).
14. На старт, внимание: обнародованы первые рейтинги партий и кандидатов по Республике Алтай // Банкфакс : информационное агенство. М., 1998–2017. URL: <https://www.bankfax.ru/news/101888/> (дата обращения: 03.03.2017).
15. Жизнь партии // Алтайское региональное отделение КИРПФ : официальный сайт. Горно-Алтайск, 2017. URL: <http://kprf04.ru/index.php/zhizn-partii> (дата обращения: 15.04.2017).
16. Эксперты выяснили, какие политические партии имеют шансы на выборах в Республике Алтай // Издательский дом altapress.ru. 2001–2017. URL: <http://altapress.ru/story/opros-reyting-partiy-i-politikov-nakanune-viborov-182548> (дата обращения: 16.02.2017).
17. Шапаров А.В. Политическая активность молодежи в избирательной кампании 14 сентября 2014 г. в Республике Алтай // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-aktivnost-molodezhi-v-izbiratelnoy-kampanii-14-sentyabrya-2014-g-v-respublike-altay> (дата обращения: 17.04.2017).
18. Депутатский корпус 6 созыва // Государственное собрание Эл-Курултай : официальный сайт. Горно-Алтайск, 2010. URL: http://elkurultay.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2937%3A-6-&catid=3%3A2010-11-01-04-41-16&Itemid=1 (дата обращения: 11.04.2017).
19. Региональные исследования: Республика Алтай // Политком.ру : информационный сайт политических комментариев. М., 2001–2007. – URL: <http://politcom.ru/13918.html> (дата обращения: 20.04.2017).

Lykova Alyona A. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: alena.lykova.1995@mail.ru

REGIONAL OFFICES OF POLITICAL PARTIES OF ALTAI REPUBLIC IN ELECTION CAMPAIGNS OF 2014: EXTENT OF THE POLITICAL COMPETITION

Keywords: political parties; regional offices; Altai Republic.

The main goal of any party, as we know, is receiving or preservation of the government. However, extent of the political competition in Russia remains low. The political competition directly influences the life of society. In this regard, studying of the reasons of low political activity of parties is very urgent.

Studying of regional political experience of competitive elections is especially interesting. In 2014 Altai Republic was recognized by the Center of regional researches “Civil Society Development Foundation” as one of the few regions where elections had taken place according to really competitive scenario.

The main objective of research is to reveal features of political activity of regional offices of parties and their influence on regional political process.

During the research the analysis of data on activity of political parties in the region has been carried out. Electoral laws and key parameters of an electoral system were studied; collecting electoral statistics on several last campaigns of federal and regional level was carried out; activity of the political parties and candidates going on elections and also statistics on promotion of candidates was investigated. For identification of priority activities of parties the content analysis of regional periodicals “The Star of Altai” and “Altaydyn Cholmony” had been carried out. For detailed studying of functioning of party offices in Altai Republic, interviewing of regional experts had been carried out.

The federal and regional normative legal acts containing standards of the suffrage, and also the norms regulating activity of political parties: charters, programs, official sites, documents of regional divisions of political parties have drawn up the base of sources for research. The websites of Central Election Commission and election commission of Altai Republic, statistics, the official information which is available on these websites and also periodicals materials had been subjected to the analysis.

In general the analysis of political struggle in Altai Republic on elections of 2014 has shown that extent of the competition of regional offices of political parties remains low. Only the office of United Russia really influenced regional political process. Offices of other political parties should draw conclusions and pay attention on: a) search of additional sources of financing means; b) use of various forms and methods of work with electorate not only during an election campaign, but also everyday life; c) need to have the specific and real program of activity in the republic taking into account her original features; d) orientation to groups of the population for the purpose of formation of stable list of voters.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2001) *Federal Law No. 95-FZ “On Political Parties” of July 11, 2001*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/. (Accessed: 11th April 2017)
2. *Zvezda Altaya*. (2014) Po itogam vyborov [The results of the elections]. 23rd September.

3. Lykova, A.A. (2016) [Thematic content analysis of the political activity of the head of the Altai Republic A.V. Berdnikov on the eve of the 2014 elections (based on "Zvezda Altaya")]. *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i dokumentovedeniya* [Questions of History, International Relations and Documentation]. Proc. of the 12th International Conference. Tomsk. April 14–16, 2016. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 215–219. (In Russian).
4. Lykova, A.A. (2016) [Thematic content analysis of the political activity of the head of the Altai Republic A.V. Berdnikov (based on "Altaydin Cholmony" for August – September, 2014)]. *Proc. of the International Student Conference of Novosibirsk State University*. Novosibirsk. April 15–20, 2016. Novosibirsk. pp. 80–83. (In Russian).
5. Lykova, A.A. (n.d.) *Svedeniya, sobrannye avtorom v khode interv'yu s liderami regional'nykh otdeleniy politicheskikh partiy* [Information collected by the author in the course of interviews with leaders of regional branches of political parties]. Author's Personal Archive.
6. The Altai Republic. (2003) *The Law of the Altai Republic of June 24, 2003 N 12-15 "On the Election of Deputies of the Altai Republic"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4745/. (Accessed: 5th February 2017). (In Russian).
7. The United Russia Party. (n.d.) *Kto est' kto* [Who is who]. [Online] Available from: <http://altai-rep.er.ru/persons/council/>. (Accessed: 12th April 2017).
8. The Altai Regional Branch of the Communist Party. (2017) *Deputaty munitsipalitetov* [Deputies of municipalities]. [Online] Available from: <http://kprf04.ru/index.php/deputatskaya-vertikal/deputaty-munitsipalitetov/>. (Accessed: 15th April 2017).
9. The LDPR Party of the Altai Republic. (2017) *Mestnye otdeleniya* [Local offices]. [Online] Available from: <http://www.ldpr04.ru/mestnye-otdeleniya.html>. (Accessed: 16th February 2017).
10. The Regional Branch of the Fair Russia Party in the Altai Republic. (n.d.) *Predsedateli sovetov mestnykh otdeleniy partii* [Chairmen of councils of the party local branches]. [Online] Available from: <http://respaltai.spravedlivo.ru/001111-9992.html>. (Accessed: 16th February 2017).
11. Belekov, I. (2017) *Ispolnenie novykh partiynykh proektov uluchshit kachestvo zhizni na sele* [New party projects will improve the quality of life in the countryside]. [Online] Available from: <http://altai-rep.er.ru/news/2017/1/23/ivan-belekov-ispolnenie-novyh-partiynyh-proektov-uluchshit-kachestvo-zhizni-na-sele>. (Accessed: 12th April 2017).
12. The United Russia Party. (2011) *Partiya Prezidenta* [The President's Party]. [Online] Available from: <http://altai-rep.er.ru/searchwhere=ALL>. (Accessed: 12th April 2017).
13. The Election Commission of the Altai Republic. (2014) *Resolution No. 115/609 of the Election Commission of the Altai Republic of September 17, 2014, "On Establishing the General Results of the Election of the Deputies of the Altai Republic of the Sixth Convocation"*. [Online] Available from: <http://altai-rep.izbirkom.ru/way/949882/sx/art/953242/cp/1/br/949881.html>. (Accessed: 12th April 2017). (In Russian).
14. Bankfaks Information Agency. (n.d.) *Na start, vnimanie: obnarodovany pervye reytingi partiy i kandidatov po Respublike Altay* [Ready, steady: the first ratings of parties and candidates in the Altai Republic published]. [Online] Available from: <https://www.bankfax.ru/news/101888/>. (Accessed: 3rd March 2017)
15. The Altai Regional Branch of the Communist Party. (2017) *Zhizn' partii* [The life of the party]. [Online] Available from: <http://kprf04.ru/index.php/zhizn-partii>. (Accessed: 15th April 2017)
16. Skalon, N. (2001) *Eksperty vyasnili, kakie politicheskie partii imeyut shansy na vyborakh v Respublike Altay* [Experts have figured out which political parties have chances at elections in the Altai Republic]. [Online] Available from: <http://altapress.ru/story/opros-reyting-partiy-i-politikov-nakanune-viborov-182548>. (Accessed: 16th February 2017)
17. Sharapov, A.V. (2014) *Politicheskaya aktivnost' molodezhi v izbiratel'noy kampanii 14 sentyabrya 2014 g. v Respublike Altay* [The youth political activity in the election campaign of September 14, 2014, in the Altai Republic]. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-aktivnost-molodezhi-v-izbiratel'noy-kampanii-14-sentyabrya-2014-g-v-respublike-altay>. (Accessed: 17th April 2017)
18. El-Kurultay. (2010) *Deputatskiy korpus 6 sozyva* [The deputy body of the sixth convocation]. [Online] Available from: http://elkurultay.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2937%3A6-&catid=3%3A2010-11-01-04-41-16&Itemid=1. (Accessed: 11th April 2017)
19. Politkom.ru. (n.d.) *Regional'nye issledovaniya: Respublika Altay* [Regional studies: the Altai Republic]. [Online] Available from: <http://politkom.ru/13918.html>. (Accessed: 20th April 2017)

УДК 94(47) "19-20"
DOI: 10.17223/19988613/58/7

Н.И. Скоробогач

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЭТНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

Рассматриваются этнические объединения Республики Хакасия и их роль в политической жизни региона. Основной вопрос исследования: «Могут ли этнические объединения, как транслятор мнений различных этнических сообществ, играть одну из ключевых ролей в политическом поле?». Основываясь на контент-анализе публикаций общественно-политической газеты «Хакасия», данных региональных министерств, а также на архивных материалах, автор выявляет механизмы взаимодействия государства и объединений этнического характера и их положение в политической структуре современной Хакасии. В заключение приведены причины снижения политической активности такого рода объединений.

Ключевые слова: Республика Хакасия; объединения этнического характера; Съезд хакасского народа.

На протяжении всей истории своего существования Российское государство является зоной тесного проживания и взаимодействия большого числа различных этносов. Незавершенность политики советского правительства по созданию единого «советского народа» вкупе с обострившимися экономическими проблемами усилила центробежные тенденции, которые после «ослабления хватки» со стороны центральных органов власти в середине 1980-х гг. стали одной из причин краха советского государства. Политика «снятия занавеса» окунула советское общество в мировые глобализационные процессы, и все это еще больше обострило желание этносов «взять столько суверенитета, сколько они смогут унести». Россия сегодня – такое же мультиэтническое государство, каким оно и было прежде, и национальный вопрос до сих пор является одним из ключевых для ее существования. Поэтому изучение взаимодействий этносов между собой и с государством как административной единицей никогда не потеряет своей актуальности. Начиная с середины 1980-х гг. на территории России точечно начинают появляться объединения, основной задачей которых является защита интересов этнических групп, проживающих на данных территориях.

Теоретической основой данного исследования являются работы представителей реалистической школы в этноконфликтологии Л. Коузера [1] и К. Боулдинга [2], которые, по всей видимости, вдохновлялись идеями, высказанными еще в конце XIX столетия В. Зомбартом [3]. Все они утверждали, что в основе любых социальных конфликтов (в том числе и этнических) лежит борьба за овладение ресурсами, а за любой формой социальной борьбы (в том числе национально-этнической) необходимо искать подлинные материальные мотивации. Мы в данном исследовании попытаемся сфокусировать внимание на изучении объединений этнического характера, действующих на территории Республики Хакасия, и их участии в политической жизни региона. Таким образом, нами будет рассмотрена модель конфликта «этнос vs государство».

Существует немало исследований по данной проблематике. Хакасские ученые Л.В. Анжиганова [4], Н.Я. Артамонова [5], В.Н. Тугужекова [6] изучили

роль и влияние представителей интеллигенции региона на формирование современной национальной идентичности. В статье сотрудников Института археологии и этнографии СО РАН И.В. Октябрьской и Е.В. Самушкиной выводится понятие «этнического ренессанса» как своего рода процесса суверенизации народов постсоветского пространства и роста их этнического самосознания [7]. Л.И. Шерстова исследует условия и механизмы формирования различных моделей коллективных идентичностей у тюркоязычных народов Сибири в конце XX – начале XXI в. и указывает на то, что инициаторами процесса выступали многочисленные национальные объединения, возникавшие в этот период [8]. Л.И. Шерстова, ссылаясь на хакасского исследователя Л.В. Анжиганову, упоминает о проведении 12 съездов хакасского народа, на которых ставились вопросы национального возрождения. Г.В. Грошева в своих статьях анализирует процессы формирования региональной идентичности на уровне этногосударственных субъектов Российской Федерации в контексте проблемы сохранения этнополитической и этносоциальной стабильности. На примере республик Южной Сибири исследователь определяет роль этнокультурного и этнополитического факторов формирования регионального самосознания населения [9, 10]. М.В. Белозерова рассматривает роль региональных национальных общественных организаций в формировании гражданского общества в Российской Федерации [11]. В статье определяются роль и место национальных общественных организаций в системе региональных связей и политической практике последних двух десятилетий. Участие граждан в национальных общественных объединениях рассматривается как возможность реализации общественных и культурных интересов и как механизм взаимодействия с органами власти, образовательными и культурными учреждениями.

Анализируя историографию по данной тематике в целом, можно заметить, что большинство исследователей изучая национальную идентичность хакасов, так или иначе ссылаются на мнение хакасских ученых – Л.В. Анжигановой и В.Н. Тугужековой, которые, безусловно, являются экспертами в данной области. Такая ситуация указывает нам на малоизученность тематики

и необходимость более детального, глубинного анализа. Целью данной работы стало определение роли общественных организаций этнического характера в политической системе Республики Хакасия, начиная с образования республики и по сегодняшний день.

Помимо стандартных методов исторического исследования – сравнительно-исторического, историко-генетического, анализа и синтеза, системного подхода, в статье был использован метод тематического контент-анализа, позволивший определить степень вовлеченности объединений этнического характера в политическую жизнь региона. За основу исследования взяты выпуски газеты «Хакасия» - ведущей общественно-политической газеты на русском языке, издающейся в республике и освещающей жизнь на территории всего субъекта. Существует она с ноября 1930 г. В газете «Хакасия» публикуются материалы на общественно-политические темы, материалы об истории Хакасии, ее культурной жизни. Учредителями газеты являются Правительство и Верховный Совет Республики Хакасия. Газета выходит четыре раза в неделю: во вторник, среду, четверг и пятницу. В субботу выходит приложение, где публикуются документы органов власти Республики Хакасия. Тираж номера в среду (с ТВ-программой) составляет 25 010 экземпляров, в остальные дни (кроме субботы) - 4 860 экземпляров.

Хронологические рамки исследования охватывают период с января 1992 г. по январь 2018 г. Было просмотрено 6 367 выпусков газеты за указанный период, в которых опубликовано 182 статьи с упоминанием общественных объединений этнического характера [12]. Таким образом, репрезентативная выборка данных составила 182 статьи. За единицу счета в данном исследовании была принята частота появления национальных организаций в контексте социального, политического и культурно-этнического развития. Тезаурус исследования: национальная организация; этническое объединение; национально-культурный центр; национальное движение; национально-этническая организация; хакасская общественная организация; региональная общественная организация; общественная организация этнического характера; землячество; диаспора. Маркерами для социальной тематики выбраны здравоохранение, спорт, социальные девиации (алкоголизм, наркомания, суицид), грамотность, социальное обеспечение, образование, трудоустройство, межнациональный конфликт. Для политической сферы – выборы, законодательная деятельность, парламент, Верховный Совет, Конституция Республики Хакасия, Правительство Республики Хакасия. Для культурно-этнической сферы – родной язык, праздники, фольклор, традиции, культура (таблица).

Упоминание общественных объединений этнического характера в газете «Хакасия» с января 1992 г. по январь 2018 г.

Год	Количество статей	Социальный контекст	Культурно-этнический контекст	Политический контекст
1992	4	0	1	3
1993	9	2	4	7
1994	5	2	0	5
1995	7	1	3	4
1996	6	3	5	1
1997	8	2	7	2
1998	9	3	7	3
1999	9	3	6	4
2000	12	4	11	2
2001	11	5	11	1
2002	4	1	2	2
2003	7	1	7	3
2004	4	1	3	0
2005	8	2	7	1
2006	4	3	2	1
2007	5	0	5	0
2008	6	2	5	2
2009	3	3	2	0
2010	8	1	6	1
2011	13	6	11	4
2012	9	4	9	0
2013	6	4	4	0
2014	4	2	4	0
2015	6	4	6	0
2016	9	4	8	1
2017	6	4	5	0

На сегодняшний день, по данным Министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия [13], на территории субъекта действует 27 зарегистрированных национальных общественных объединений этнической направленности и 15 объединений, действующих без образования юридического лица. В количественном отношении в газете упоминается 8 хакасских, 10 шорских, 6 немецких, 2 польских, 2 кыргызских, 2 азербайджанских организаций, по одной –

таджикская, таджико-узбекская, еврейская, корейская, славянская, армянская, чувашская, украинская, дагестанская, алтайская, тувинская и татарская организации. Из 27 зарегистрированных организаций за период с 1992 по 2018 г. упоминалась 21 организация, при этом чаще всех встречались «Республиканский Совет старейшин хакасского народа» (48 раз) и «Съезд хакасского народа» (30 раз), которые, по сути, являются единой организацией, ведь Совет старейшин – это ис-

полнительный орган Съезда [14]. Таким образом, можно сделать вывод, что данное общественное объединение реально имеет определенный вес в республике. Также очень часто в статьях встречались упоминания общественных организаций этнического характера в целом (27 раз), что было вынесено в отдельную категорию. В основном данные статьи были посвящены встречам участников объединений с представителями органов государственной власти и Общественной палаты Республики Хакасия. Это показывает, что власть в республике заинтересована в полноценном взаимодействии со всеми представителями национальных диаспор, землячеств и организаций.

Среднее количество публикаций, посвященных этническим организациям, в год за данный период – 7. Точки экстремума – 2000 и 2011 гг. – 12 и 13 статей соответственно. Нельзя утверждать, связано ли это каким-то образом с чисто внутренними региональными тенденциями, но то, что связано с общероссийскими, – является очевидным, так как 2000 и 2012 гг. – годы начала новых сроков президентства Владимира Путина. В 2000 г., когда он пришел к власти, был жесточайше обострен национальный вопрос, ярким примером чему является Вторая Чеченская кампания, основные военные действия которой приходились как раз на 1999–2000 гг. В 2012 г., накануне выборов президента, В.В. Путин публикует статью «Россия: национальный вопрос», в которой освещает национальные проблемы государства, говорит не только о «параде суверенитетов» [15] 1990-х гг., но и о едином прошлом многонациональной России. Очевидно, это и послужило причиной резкого увеличения количества публикаций в региональных СМИ, связанных с национальным вопросом и, соответственно, деятельностью национальных организаций. Конечно, не обошлось и без деятельности Главы Республики Хакасия Виктора Михайловича Зимины (2009–2018), который принял указ президента на вооружение и усилил работу с национальными объединениями.

Появление данных публикаций в первую очередь связано с государственной властью в стране и республике, а (как было сказано выше) учредителями газеты являются Верховный Совет и Правительство Республики Хакасия. Это указывает на то, что в газете преимущественно освещаются те проблемы, которые ставят перед собой правительство и парламент республики. В большей степени взаимоотношения общественных организаций и государственных структур Республики Хакасия носят культурно-этнический характер. О политических взаимоотношениях будет сказано ниже.

Чаще всего в статьях отмечен культурно-этнический контекст (141 раз), что неудивительно, потому что основной задачей любого этнического объединения является сохранение своих этнических традиций, верований, национальной культуры и языка. Кроме того, в статьях встречался социальный контекст (чуть больше чем в 1/3 случаев (67 раз)), что также логично, ведь именно в хорошем социальном самочувствии своего народа прежде всего заинтересованы организации этнического характера. Политический же контекст встречался в тексте статей 47 раз. Семь организаций было

упомянуто в статьях в политическом контексте, и еще семь раз политический контекст употреблялся в отношении общественных объединений этнического характера в целом. Интересно, что 4 из 7 организаций, упоминавшихся в статьях в политическом контексте, по сути, представляют одну организацию: это Ассоциация хакасского народа «Тун», которая является, так скажем, «дочерней», т.е. подотчетной Съезду хакасского народа; вторая и третья – «Чон Чобі» и Республиканский Совет старейшин хакасского народа – исполнительные органы Съезда хакасского народа разных лет; четвертый – непосредственно сам Съезд хакасского народа [14]. Таким образом, мы можем уверенно сказать, что единственная общественная организация, непосредственно участвующая в политической жизни республики в рассматриваемый период, – Съезд хакасского народа и его структуры. Если их объединить, то по упоминанию в газете «Хакасия» в политическом контексте Съезд занимает 76,6%.

Безусловно, Съезд хакасского народа оказывал большое влияние на формирование нового политического поля в Республике Хакасия в начале 1990-х гг., так как именно он стал первым объединением этнического характера на территории тогда еще Хакасской автономии в 1989 г. Позднее Съезд стал инициатором выхода Хакасии из состава Красноярского края, а также имел ключевые позиции при назначении руководителей республики [16].

Но как же обстоят дела сейчас? Рассмотрим частоту появления статей в политическом контексте с участием Съезда и его «дочерних организаций» в хронологической последовательности: после 2000 г. Съезды хакасского народа проводились в 2003, 2006, 2011 и 2016 гг. (рис. 1). Начиная именно с 2003 г. присутствие главы республики на Съездах в качестве почетного гостя было безоговорочным. Данную тенденцию мы и видим на рис. 1. При этом резкий рост количества статей в 2011 г. мы можем связать с участием Главы Республики Хакасия В.М. Зимины, присутствовавшего на Съезде впервые. Его имя упоминалось во всех статьях, касавшихся Съезда в 2011 г. Таким образом, мы видим, что точки экстремума использования политического контекста в отношении Съезда и его организаций приходится именно на годы проведения Съездов.

Так или иначе, мы наблюдаем снижение политической активности Съезда в силу многих причин. Основными из них, по нашему мнению, являются следующие.

Во-первых, укрепление вертикали власти со стороны федерального центра, что, безусловно, сказалось на ограничении участия различных этнических движений в политической жизни региона.

Во-вторых, конфликт между Главой Республики А.И. Лебедем (Глава Правительства Республики Хакасия с 1997 по 2009 г.) и «Чон Чобі» и появление взамен последнего нового органа – Республиканского Съезда старейшин хакасского народа, более лояльного к Правительству республики [14]. Все это привело к снижению влияния Съезда в регионе.

В третьих, с 2009 г., с приходом В. М. Зимины на пост Главы Республики Хакасия, отношения между

Советом старейшин и Правительством стали более тесными и дружественными. Каждый год Совет старейшин предоставляет Министерству национальной и территориальной политики республики план работ на год, в котором, помимо культурно-этнической деятельности (проведение праздников, создание «Энциклопедии родов хакасского народа» и т.д.), политическим можно

признать лишь один пункт: «Увеличение численности представительства хакасского народа в органах государственной власти» [17]. Ну и, конечно же, как Съезд, так и Совет старейшин находятся в своего рода «экономической зависимости» от Правительства Республики, что резко отличает их от Съезда образца начала 1990-х гг.

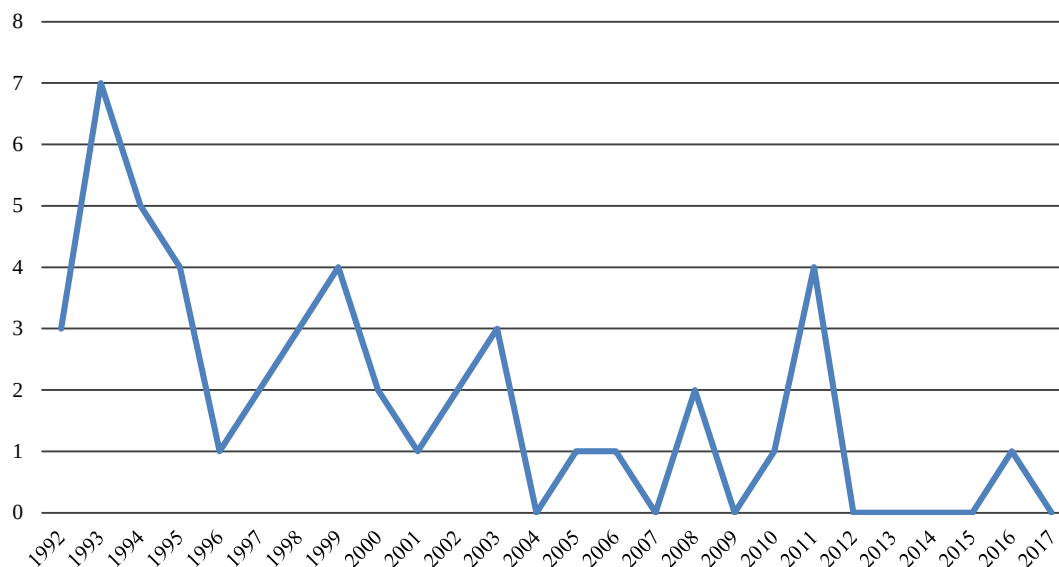

Рис. 1. Количество упоминаний политического контекста в статьях газеты «Хакасия»

В-четвертых, возможно предположить, что снижение участия Съезда в политическом поле Республики Хакасия связано с достижением планов Первого Съезда. Съезд добился получения необходимого статуса субъектом, принятия Конституции, удовлетворяющей Съезд, а также защиты своего языка и традиций. В Республике Хакасия стали проводиться национальные праздники, были созданы национальные школы и классы с изучением хакасского языка и т.п. В целом деятельность правительства республики способствует развитию культуры коренного народа Хакасии.

Резюмируя сказанное, можно сделать следующие выводы. Несмотря на широкий спектр общественных организаций этнического характера, существующих в республике, единственная организация, которая реально оказывала влияние на политическую жизнь ре-

гиона, — это Съезд хакасского народа. В период своего зарождения Съезд оказывал весомое влияние на политическую систему региона, зачастую даже находясь в оппозиции к действующей региональной власти, добивался определенных результатов, что, конечно же, формировало новую политическую конъюнктуру региона. Но постепенно, из-за достижения Съездом первичных целей (получение Хакасией статуса Республики, признание органами власти РХ Съезда как консультативного органа при Верховном Совете РХ) и некоторых конфликтов как внутри организации, так и за ее пределами участие Съезда в политическом процессе стало сходить на нет. Возможно, из-за политической нестабильности в регионе сегодня Съезд и возобновит свою реальную деятельность, но пока об этом говорить не приходится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Summary of The Functions of Social Conflict By Lewise Closer // Conflict Research Consortium Staff. Boulder : The Beyond Intractability Base Project of University of Colorado, 2003–2017. URL: <https://www.beyondintractability.org/bksum/coser-function> (access date: 10.03.2018).
2. Boulding KE. Conflict and defense: a general theory. New York : Harper & Brothers, 1962. 349 p. Access from «Garfield Library». URL: <http://garfield.library.upenn.edu/classics1986/A1986E391700001.pdf> (access date: 12.03.2018).
3. Зомбарт В. Социализм и социальное движение в XIX столетии. М. : Изд. Н.П. Карбасникова, 1905. 332 с.
4. Анжиганова Л.В. Родовое движение хакасов как фактор возрождения и развития этноса // Культура и социум : материалы межвуз. науч.-практ. конф. «Котожековские чтения, посвященные 60-летию со дня рождения Г.Г. Котожекова». Абакан, 2002. С. 124–127.
5. Артамонова Н.Я. Хакасские ученые о роли национальной интеллигенции в этнополитических процессах Республики Хакасия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. Вып. 12, ч. 3. С. 24–27.
6. Тугужекова В.Н. Развитие национальных отношений, национальных культур в Хакасии // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы : материалы третьей республ. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию Республики Хакасия. Абакан, 2001. С. 18–21.
7. Октябрьская И.В., Самушкина Е.В. Этнокультурный ренессанс в современной Сибири: общая характеристика и региональный опыт (на примере Республики Алтай и Республики Хакасия) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. Вып. 4. С. 73–79.
8. Шерстова Л.И. «Новые» идентичности современных тюркоязычных народов Сибири // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2016. Вып. 1. С. 62–73.
9. Грошева Г.В. Этничность в научном и политическом дискурсе современной Хакасии (конец XX – начало XXI в.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 61–68.

10. Грошева Г.В. Региональная идентичность на уровне этногосударственных субъектов Российской Федерации на рубеже XX–XXI веков (Республика Хакасия, Республика Алтай, Республика Тыва) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 9. С. 66–74.
11. Белозерова М.В. Региональные национальные общественные организации в структуре гражданского общества // Научный диалог. История: социология, этнография. 2013. Вып. 6. С. 137–150.
12. Хакасия : ежедн. респ. общ.-полит. газ. Абакан. 1992–2018.
13. Отчет министерства национальной и территориальной политики Республики Хакасия за 2017 год // Официальный сайт Правительства Республики Хакасия. Абакан. 2018. URL: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/251/54998.html> (дата обращения: 15.04.2018).
14. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив». Отдел документов новейшей истории (ГКУ РХ «Национальный архив» ОДНИ). Ф. 884. Оп. 1–46.
15. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. М., 1997–2018. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 25.04.2018).
16. Скоробогач Н.И. Предпосылки процесса «национального возрождения» в Республике Хакасия (на примере деятельности организации «Тун») // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения : сб. материалов XIII Всерос. науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 24–26 апр. 2017 г.). Томск, 2017. Вып. 13, т. 1. С. 219–223.
17. Выступление Главы Республики Хакасия В.М. Зимина на 12-м Съезде хакасского народа // Официальный сайт Правительства Республики Хакасия. Абакан. 2017. URL: <https://r-19.ru/authorities/glava/common/6111/56885.html> (дата обращения: 27.11.2018).

Skorobogach Nikita I. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: skorobogach_nikita@mail.ru

THE ROLE OF ETHNIC ASSOCIATIONS IN THE STATE SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

Keywords: the Republic of Khakassia; ethnic associations; the Congress of the Khakass people.

The main goal of this paper is to determine the role of ethnic associations in the political system of the Republic of Khakassia, starting with the formation of the republic in 1992 to the present day. The main method of the research was thematic content analysis of publications of the largest in the republic social and political newspaper “Khakassia”. The author has processed 6,367 newspaper editions, of which 182 articles were highlighted, in which ethnic social associations were mentioned. After the thesauruses (certain lexical markers) were compiled, three thematic categories were identified: social, political, and cultural-ethnic.

In this research, the author focused on the study of the political context. The political context was met in articles 47 times, 4 of the 7 mentioned in this context organizations actually represent one - the Congress of the Khakass people (the CKP). Among all the articles categorized with political context, the CKP and its “subsidiary” organizations were mentioned in 76.6% of cases.

Analyzing the archival materials of the meetings of the CKP, its executive bodies and accountable organizations, as well as quantitative data obtained as a result of content analysis, the author came to the conclusion that, despite the rather strong influence on the political situation in the early nineties, the gradual influence of the congress is lost. Proof of this is the reduction of the emergence of a political context in the articles of “Khakassia” newspaper. If in the early 1990s, non-governmental organizations were mentioned in the political context 4 times a year in average, in the last 5 years the political context was met only in one article.

The reason for this, according to the author of the research, could be: a) intensification of the vertical control from the federal authorities; b) excessive oppositional mood from executive body of the CKP “Chon Chobi” to the head of the Republic of Khakassia A.I. Lebed lead to replacing the “Chon Chobi” with the “Republican Council of Elders of the Khakass people”; c) the achievement of the goals set by the CKP, as well as the result of disagreements within the CKP on its further role and development.

Thus, today the CKP, although nominally existing, having an official status, does not lead to any real participation in the political life of the region.

REFERENCES

1. Conflict Research Consortium Staff. (n.d.) *Summary of The Functions of Social Conflict by Lewise Closer*. [Online] Available from: <https://www.beyondintractability.org/bksum/coser-function>. (Accessed: 10th March 2018).
2. Boulding, K.E. (1962) *Conflict and Defense: a General Theory*. New York: Harper & Brothers. [Online] Available from: <http://garfield.library.upenn.edu/classics1986/A1986E391700001.pdf>. (Accessed: 12th March 2018).
3. Sombart, W. (1905) *Sotsializm i sotsial'noe dvizhenie v XIX stoletii* [Socialism and the social movement in the 19th century]. Translated from German. Moscow: N.P. Karbasnikov.
4. Anzhiganova, L.V. (2002) Rodovoe dvizhenie khakasov kak faktor vrozozhdeniya i razvitiya etnosa [The Khakas patrimonial movement as a factor in the revival and development of the ethnic group]. In: Anzhiganova, L.V. (ed.) *Kul'tura i sotsium* [Culture and Society]. Abakan: Khakassia State University. pp. 124–127.
5. Artamonova, N.Ya. (2016) Khakass scholars about the role of the national intelligentsia in ethno-political processes of the republic of Khakassia. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 12(3). pp. 24–27. (In Russian).
6. Tuguzhekova, V.N. (2001) [The development of national relations, national cultures in Khakassia]. *Respublika Khakasiya kak sub"ekt Rossiyskoy Federatsii: opyt, problemy, perspektivy* [Republic of Khakassia as a subject of the Russian Federation: experience, problems, and prospects]. Proc. of the Third Republican Conference. Abakan. pp. 18–21. (In Russian).
7. Oktyabrskaya, I.V. & Samushkina, E.V. (2016) Ethnic-Cultural Renaissance in Siberia Nowadays: General Description and Regional Specificities (On the Materials from Altai and Khakassia Republics). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4. pp. 73–79. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/13
8. Sherstova, L.I. (2016) In search of yourself: “New” identities of modern Turkic language peoples of Siberia. *Tomskiy zhurnal LING i ANTR – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 1. pp. 62–73. (In Russian).
9. Grosheva, G.V. (2007) Etnichnost' v nauchnom i politicheskom diskurse sovremennoy Khakasii (konets XX - nachalo XXI vv.) [Ethnicity in the scientific and political discourse of contemporary Khakassia (the late 20th – early 21st centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 303. pp. 61–68.
10. Grosheva, G.V. (2012) The regional identity at the level of the Russian Federation ethnic nationhood constituent territories at the 20th –21st centuries (Republics of Khakassia, Altai and Tuva). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 9. pp. 66–74. (In Russian).
11. Belozzerova, M.V. (2013) Regional National Public Organizations in the Structure of Civil Society. *Nauchnyy dialog. Istoriya: sotsiologiya, etnografiya*. 6. pp. 137–150. (In Russian).
12. *Khakasiya*. (1992–2018).

13. Khakassia. (2018) *Otchet ministerstva natsional'noy i territorial'noy politiki Respubliki Khakasiya za 2017 god* [Report of the Ministry of National and Territorial Policy of the Republic of Khakassia for 2017]. [Online] Available from: <https://r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/251/54998.html>. (Accessed: 15th April 2018).
14. The National Archive of the Republic of Khakassia. The Department of Documents of Modern History. Fund 884. List 1–46.
15. Putin, V.V. (2012) *Rossiya: natsional'nyy vopros* [Russia: National question]. [Online] Available from: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html. (Accessed: 25th April 2018).
16. Skorobogach, N.I. (2017) [Prerequisites of the “national revival” in the Republic of Khakassia (a case study of “Tun”)]. *Voprosy istorii, arkhologii, politicheskikh nauk i regionovedeniya* [Problems of History, Archeology, Political and Regional Studies]. Proc. of the 13th All-Russian Conference. Tomsk. April 24–26, 2017. Vol. 13(1). Tomsk. pp. 219–223. (In Russian).
17. The Government of the Republic of Khakassia. (2017) *Speech of the Head of the Republic of Khakassia V.M. Zimin at the 12th Congress of the Khakass people*. [Online] Available from: <https://r-19.ru/authorities/glava/common/6111/56885.html>. (Accessed: 27th November 2018). (In Russian).

УДК 378.4(571.16).027.6
DOI: 10.17223/19988613/58/8

С.Ф. Фоминых, И.А. Дунбинский, С.А. Некрылов

К ИСТОРИИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КНИЖНЫХ ФОНДОВ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00121).

На основе материалов из фонда устроителя Сибирского университета В.М. Флоринского (Национальный музей Республики Татарстан) реконструируется хронология доставки в Томск первых книжных коллекций, заложивших основу будущей университетской библиотеки. Отмечается, что в литературе, посвященной истории этой библиотеки, начало комплектования фондов связывается с дарением собрания книг графа П.Г. Строганова (1880). Вводимые в научный оборот источники позволили установить, что комплектование библиотеки началось годом ранее.

Ключевые слова: Томский университет; библиотека; фонды; В.М. Флоринский.

Несмотря на то, что истории Научной библиотеки Томского государственного университета посвящена обширная литература, до последнего времени распространенной является точка зрения, согласно которой самая первая партия книг (библиотека графа Строганова) в количестве более 35 тыс. томов (264 ящика весом около 3 тыс. пудов), положившая начало библиотеке, была доставлена на лошадях из Петербурга в Томск весной 1880 г. «уже по последнему санному пути» [1. С. 16–17; 2. 24–28]. В.М. Флоринский же, судя по его воспоминаниям, уже 11 июня 1880 г., т.е. через 10 дней после приезда из Казани в Томск для организации закладки главного здания Сибирского университета, приступил к занятиям «по разборке

книг будущей библиотеки Сибирского университета» [3. С. 162].

В последнее время появилась возможность уточнить датировку этого важного для истории Научной библиотеки университета события и восстановить хронологию поступления в Томск первых книжных собраний. В фонде В.М. Флоринского, хранящемся в Национальном музее Республики Татарстан, недавно были обнаружены составленные рукой В.М. Флоринского «Реестр грузов, полученных в г. Томске для учебных пособий и принадлежностей Сибирского университета» (рис. 1) [4. Л. 493–497] и им же набро- санный краткий перечень грузов с книгами, достав- ленных в 1879 и 1880 гг. [5. Л. 600].

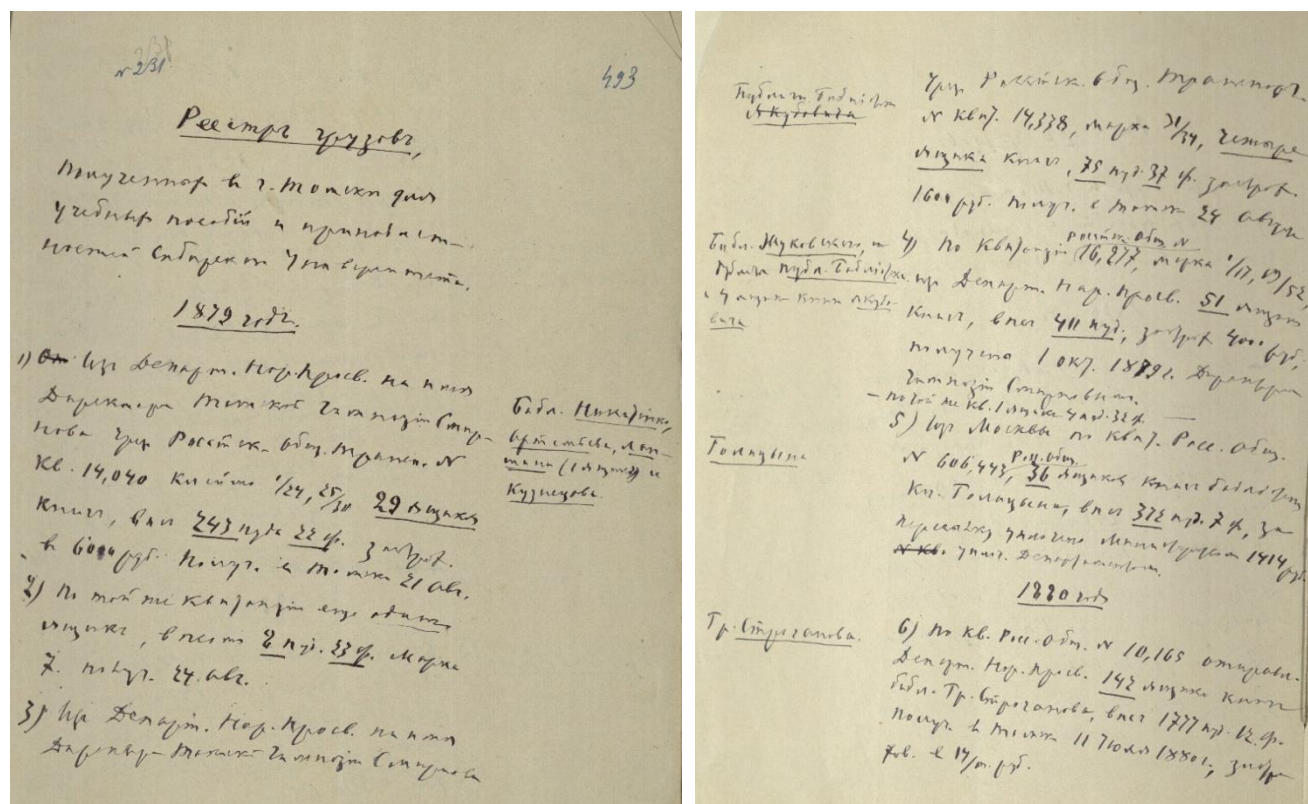

Рис. 1. Реестр грузов

Первый документ, судя по всему, появившийся на свет не ранее 1884 г., содержит датировку поступления в Томск пожертвованных или приобретенных книжных собраний за 1879–1884 гг. с указанием номеров квитанций, выданных Российским обществом транспортирования кладей, количества ящиков и их веса в пудах и фунтах, а также их страховой суммы. Вряд ли В.М. Флоринский, имея на руках сами квитанции, мог ошибиться при составлении реестра, в то время как сами воспоминания написаны им значительно позднее.

В недавней публикации, посвященной роли В.М. Флоринского в создании книжных фондов Научной библиотеки Томского университета, автор которой пользовался одним из названных выше источников, датировка поступлений в Томск первых книжных коллекций (за исключением библиотеки графа Строганова) указана неточно, что еще больше запутывает этот вопрос. Так, время доставки в Томск грузов с книгами из библиотек Никитенко, Артемьева, Лапшина и дублетами из Петербургской публичной библиотеки в ней датируется августом 1880 г., а книг из библиотек Жуковского, Якубовича, Голицына – октябрём того же года [6. С. 92].

Для реконструкции истории поступления в Томск книжных собраний важным источником, помимо вышеназванных, может также служить и обнаруженный в фонде В.М. Флоринского рукописный черновик его «Отчета о занятиях в г. Томске с 1-го июня по 1-е сентября 1880 года», датированный 30 ноября 1880 г. и предназначенный для управляющего Министерством народного просвещения тайного советника А.А. Сабурова. В этом документе есть раздел под названием «Отчет по университетскому имуществу и подготовке учебных пособий» [7. Л. 10 об.–18].

Вот что пишет В.М. Флоринский: ««Принятая мной в городе Томске библиотека Сибирского университета заключалась в 250 ящиках от 8 до 15 пудов весом каждый. В числе этих книг, препровожденных из Министерства народного просвещения, находились: 1) книги проф. Н.М. Якубовича и П.И. Кузнецова, доставленные мной в министерство в 1878 году; 2) книги, отобранные мной из числа дублетов, пожертвованных Публичной библиотекой в 1878 году (около 3 000 томов, приобретенных за 1 356 р.); 3) библиотека покойного академика Никитенко, приобретенная за 2 000 р.; 4) библиотека Артемьева, купленная Сибирским университетом за 900 р.; 5) библиотека В.А. Жуковского, пожертвованная Сибиряковым – 4 674 тома; 6) дублеты из библиотеки Московского музея кн. Голицына, пожертвованные Сибир[скому] университету в количестве около 8 000 томов; 7) библиотека графа А.Г. Строганова в 120 ящиках; 8) библиотека Лапшина в 5 ящиках; 8) книги, отобранные мной из дублета Публичной библиотеки в 1880 году» [Там же. Л. 11 об.–12]. Правда, как можно будет убедиться из дальнейшего изложения, цифры, приводимые в отчете, несколько отличаются от тех, которые приводятся в реестре.

Однако для раскрытия обозначенной выше темы настоящего исследования важно то, что в распоряжении В.М. Флоринского во время его первой поездки

в Томск весной–летом 1880 г. находились уже все перечисленные библиотеки, а не только книжное собрание Строганова.

Состав данных книжных собраний, пожертвованных или приобретенных для библиотеки Сибирского университета, достаточно подробно описан в целом ряде публикаций. Нет надобности еще раз на этом заострять внимание. Для нас важны время и последовательность их поступления в Томск. Безусловный интерес для этого представляет упомянутый выше «Реестр грузов». Самые первые записи в этом документе датированы 1879 г., а не 1880 г., как в упомянутой выше статье.

Реестр начинается с указания на то, что 21 августа 1879 г. из Департамента народного просвещения на имя директора Томской гимназии Смирнова через Российское общество транспортирования кладей (№ квитанции 14040, клейма 1/24, 25/311) было получено 29 ящиков книг весом 243 пуда 22 фунта (застраховано в 6 000 руб.). В тот же день из Департамента народного просвещения на имя того же директора Томской гимназии Смирнова доставили еще 4 ящика книг из Публичной библиотеки весом 75 пудов 37 фунтов (застрахованы на 1 600 руб.) по квитанции № 14338 [4. Л. 493–493 об.]. Это были библиотеки академика и цензора А.В. Никитенко, бывшего библиотекаря Казанского университета, затем редактора Центрального статистического комитета А.И. Артемьева и приобретенная на деньги сибирского купца П.И. Кузнецова библиотека профессора Санкт-Петербургской духовной академии В.Н. Карпова.

По той же квитанции 24 августа того же года был доставлен еще один ящик с книгами (библиотека Лапшина, а точнее, братьев С.И. и В.И. Лапшиных, бывших профессоров Харьковского университета) весом в 2 пуда 23 фунта.

Осенью того же года было еще два поступления книг. 1 октября по квитанции (№ 16277, марки 1/17, 19/52) Российского общества транспортирования кладей директором местной гимназии Смирновым были получены 51 ящик книг с библиотекой поэта В.А. Жуковского и дублетами из Санкт-Петербургской публичной библиотеки (411 пудов) и ящик с книгами из библиотеки профессора Санкт-Петербургской медицинской академии Н.М. Якубовича весом 4 пуда 32 фунта [4. Л. 493 об.].

Наконец, тогда же из Москвы (квитанция № 606443) в Томске была получена библиотека князя С.М. Голицына, упакованная в 36 ящиков общим весом 372 пуда 7 фунтов. За ее пересылку Департаментом народного просвещения было уплачено 1 414 руб. [Там же. Л. 493 об.].

Таким образом, всего в 1879 г. в Томск из Петербурга и Москвы было доставлено 122 ящика с книгами общим весом 1 110 пудов. Приблизительно такие же цифры приводятся и в кратком реестре, составленном В.М. Флоринским [5. Л. 600].

Чем можно объяснить такой выбор первого получателя книг, предназначенных для библиотеки Томского университета? Дело в том, что до весны 1880 г. еще не существовало Строительного комитета для возведения зданий основываемого в Томске Сибир-

ского университета, который был утвержден Александром II 15 марта. Поэтому все грузы с книжными собраниями адресовались на имя директора Томской губернской гимназии Смирнова. Несколько слов об этом человеке. Иван Кузьмич Смирнов окончил Московскую духовную академию, после этого служил учителем в Томской духовной семинарии, затем в местной гимназии. В 1868 г. он был назначен директором Иркутской гимназии, откуда в декабре 1873 г. переведен в Томск на ту же должность в губернскую гимназию, в которой состоял до середины 1880 г. Одновременно И.К. Смирнов до открытия Омской гимназии заведовал училищной частью в Семипалатинской области (Павлодарский, Каркаралинский, Семипалатинский и Аягузский округа) [8. С. XV]. Естественно, что ему как служащему Министерства народного просвещения последнее и поручило получение грузов с книгами для университета и организацию их временного хранения.

Лишь 11 июля уже следующего 1880 г. в Томск была доставлена библиотека графа П.Г. Строганова в 142 ящиках весом в 1 777 пудов 12 фунтов. Ее страховка была оценена в 14 тыс. руб. [4. Л. 493 об.] В то время получателем этого бесценного груза был уже Строительный комитет, членом которого от Министерства народного просвещения являлся В.М. Флоринский. Согласно инструкции Строительного комитета ему было поручено отвечать за подготовку учебно-вспомогательных учреждений, в том числе и университетской библиотеки. На этот счет инструкция гласила: «На обязанности члена Комитета, назначенного от Министерства Народного Просвещения, лежит наблюдение за правильным устройством специальных учебных и научных приспособлений в аудиториях, лабораториях, кабинетах, библиотеке и других помещениях Университета, требующих выполнения тех или других специально учебных целей» [9. Л. 20].

Таким образом, всего за 1879 и 1880 гг. в Томск из Петербурга и Москвы было транспортировано 267 ящиков с книгами общим весом 2 887 пудов. Упомянутый выше краткий реестр содержит приблизительно те же количественные данные (264 ящика, 2 880 пудов) [4. Л. 493–493 об.].

Отчет, составленный В.М. Флоринским для министерства и датированный 1880 г., дает представление и о том, как начиналась работа над каталогизацией поступавших для будущей университетской библиотеки книжных собраний. В нем сообщалось, что каталоги имелись только на библиотеки Жуковского, Никитенко и Артемьева, остальные же были доставлены в Томск без описей. Причем эти каталоги составлялись бывшими владельцами библиотек и «не были проверены с наличием книг», отправленных в Томск, а ящики с этими книгами «не имели никакой отличительной марки» [7. Л. 12]. Поэтому Флоринский, не обладая профессиональными навыками библиографа, «нашел необходимым переписать все эти книги на особые карточки, придерживаясь при этом одного для всех книг порядка и формы». Им при переписке на каждой карточке кроме подробного заглавия указывалось, из какой библиотеки была приобретена та или иная книга

и в «какой (по порядку нумерации) ящик снова уложена». Такая переборка и переписка книг была, по его мнению, необходима «не только для ознакомления с наличием библиотеки Сибирского университета, но и для того, чтобы убедиться в сохранности книг от сырости, так как при раскупорке некоторых ящиков (из библиотеки князя Голицына) книги оказались покрытыми плесенью, вероятно вследствие «подмочки во время транспортирования». Такие книги подверглись предварительно просушке, затем очищались от пыли и плесени и после переписки снова укладывались в ящики для хранения [Там же. Л. 12–12 об.].

Как писал В.М. Флоринский, лично им в течение лета 1880 г. были пересмотрены и переписаны 15 тыс. книг (названий), уложенных затем в 125 ящиков. Это количество, по его подсчетам, составило половину всех пересланных на то время в Томск книг. Перед его отъездом из будущего университетского города (3 сентября) оставались непереписанными почти все книги из библиотеки графа Строганова: за лето Флоринский успел разобрать только 7 ящиков из 142 [Там же. Л. 12 об.]. Этот факт, по нашему мнению, подтверждает более позднее, чем весна 1880 г., получение Строгановской библиотеки. Своего часа ждали еще книги из Публичной библиотеки. Завершение переписки полученных к тому времени книжных собраний Флоринский отложил на будущее лето.

Справедливости ради надо отметить, что в своих воспоминаниях он упоминает имена троих помощников, участвовавших вместе с ним в переписке книг. Это учитель местного реального училища Турнефор, выпускник Дерптского университета Дикгоф и бухгалтер Строительного комитета. Правда, Флоринский не называет его фамилии (он обозначен как некий О-ский) [3. С. 158, 162], но из журналов Строительного комитета выясняется, что это был польский ссыльный П.В. Ольшевский [10. 1880. 3 июня].

Переписанные карточки группировались Флоринским в «систематическом порядке по отделам содержания книг и по алфавиту авторов», что позволяло «определить дублиеты и дефекты имеющихся сочинений». Он полагал, что при последующем пополнении библиотеки перед открытием Сибирского университета это позволит уяснить, «какие сочинения нужно будет приобрести, какие недостающие тома дополнить». Кроме карточек им были заведены инвентарные книги, куда вносились данные карточек в «сокращенном виде, группируемые по источникам поступления книг (пожертвованным, приобретенным библиотекам)» [7. Л. 12 об.–13].

Наряду с каталогизацией В.М. Флоринский обеспокоился и сохранностью библиотечных коллекций. «Книги и другое университетское имущество, – отмечал он в отчете для министерства, – хранятся в пакаузах томского гостиного двора, в так называемом биржевом корпусе, назначенном для хранения товарных складов. По своему местоположению этот каменный корпус более чем другое место города защищен от опасности пожара, хотя и нельзя, безусловно, отрицать возможность этой опасности в случае сильного распространения огня на соседних деревянных кварталах

и деревянных лавках на площади гостиного двора». Он в целях «полной безопасности университетского имущества» предлагал застраховать его, но сокрушался о том, что для этого у Строительного комитета не было средств. Лишь в конце лета 1882 г. книги были перемещены в построенный каменный служебный корпус [10. 1882. 20 июня].

Требуется ответа, на наш взгляд, и вопрос о способе доставки грузов с книгами в Томск. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, судя по реестру, они прибывали в Томск в летнее время года (июль–август) или накануне закрытия навигации (октябрь). Поэтому вполне вероятно, что транспортировка их из Петербурга и Москвы могла идти самыми разными видами

транспорта: железнодорожным, речным, опять железнодорожным, затем гужевым и снова речным. Причем последний маршрут от Тюмени до Томска проходил по системе сибирских рек. Сам В.М. Флоринский подробно описал часть пути от Екатеринбурга, когда он впервые добирался от Казани до Томска в мае 1880 г. [З. С. 107–141].

Таким образом, нам удалось установить, что первые коллекции книжных собраний, пожертвованные или приобретенные для библиотеки Сибирского университета, были доставлены в Томск уже в 1879 г. Именно с них и начинается история комплектования библиотеки первого в Азиатской России университета в Томске, да и само начало существования этой библиотеки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филимонов М.Р. Книжная сокровищница : к 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета. 2-е изд., доп. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 198 с.
2. Колосова Г.И. Василий Маркович Флоринский – основатель библиотеки Томского университета. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2018. 128 с.
3. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания. 1875–1880 // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 13–230.
4. Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ). Ф. В.М. Флоринский. № 117959–822. Подшивка писем и черновых набросков В.М. Флоринского.
5. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–823. Подшивка писем и черновых набросков В.М. Флоринского.
6. Качин Н.А. Собирая «хранилище духовной пищи»: из истории создания В.М. Флоринским книжного фонда Научной библиотеки Томского университета // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 90–97.
7. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–216. В.М. Флоринский. Отчет за лето 1880 г. по Сибирскому университету управляющему Министерством народного просвещения.
8. Мисюрев А.А. Томская губернская гимназия в первое пятидесятилетие ее существования (1838–1888). Томск : губернская типография, 1894. 55, XXIV, [2] с.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1.
10. Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников. Журналы Строительного комитета.

Fominykh Sergey F. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Dunbinskiy Ilya A. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

Nekrylov Sergey A. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dunbunskiy@mail.ru

THE HISTORY OF ACQUISITION OF BOOK FUNDS OF THE SCIENTIFIC LIBRARY OF TOMSK UNIVERSITY

Keywords: Tomsk University; library; book collections; V.M. Florinsky.

In the literature on the history of the scientific library of Tomsk State University until recently it is maintained that the very first batch of books delivered to Tomsk and initiated the book fund of the Siberian University, was a book collection of count P.G. Stroganov in the amount of more than 35 thousand volumes Packed in 264 boxes weighing about 3 thousand pounds. It was this fund that the organizer of the first university in Siberia began cataloguing the future library. These books, according to the memoirs of the Florinsky were brought to Tomsk in the spring of 1880 "already on the last sledge way". Recently, it has become possible to specify the date of this important event for the history of the library and to restore the chronology of receipt of the first book collections in Tomsk. In the fund of V.M. Florinsky, stored in the National Museum of the Republic of Tatarstan, were recently discovered compiled by the hand of V.M. Florinsky "Register of goods received in Tomsk for textbooks and supplies of the Siberian University" and he sketched a short list of goods with books.

On the basis of the "Register" the article proves that the date of the first receipts refers to 21, 24 August and 1 October 1879. It was then that Tomsk received in the name of the director of the Tomsk provincial gymnasium Smirnov received goods from the libraries of academician and censor Nikitenko, Artemyev, professors Lapshin, Karpov (purchased with the money of P.I. Kuznetsov), poet V.A. Zhukovsky, professor Yakubovich, doublets from the Public library (St. Petersburg) and library of Prince Golitsyn.

For the reconstruction of the history of admission to the Tomsk book collections an important source, in addition to the above, can also be found in the collection of V.M. Florinsky. It is handwritten draft of his "Report on occupations in the city of Tomsk from 1st June to 1st September 1880", dated November 30, 1880 and intended for the control of the Ministry of education of the privy Councilor A.A. Saburov. It made it possible to trace the work on the cataloguing of books received in the summer of 1880.

It is suggested that their transportation from St. Petersburg and Moscow could go by a variety of modes of transport: rail, river, rail again, then horse-drawn and river again. And the last route from Tyumen to Tomsk passed through the system of Siberian rivers.

It is concluded that the first collections of books donated or purchased for the library of the Siberian University were delivered to Tomsk in 1879. It is these collections which begin the history of completing the library of the first University in Asian Russia in Tomsk, and the very beginning of the existence of this library.

REFERENCES

1. Filimonov, M.P. (1988) *Knizhnaya sokrovishchnitsa. K 100-letiyu so dnya otkrytiya Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta*. [Book Treasury. On the 100th anniversary of the Tomsk University Research Library]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University.

2. Kolosova, G.I. (2018) *Vasiliy Markovich Florinskiy – osnovatel' biblioteki Tomskogo Universiteta* [Vasily Markovich Florinskiy – the founder of the Tomsk University Library]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Florinsky, V.M. (2014) *Zametki i vospominaniya. 1875–1880* [Notes and memories. 1875–1880]. In: Fominykh, SF. et al. *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the memories of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13–230.
4. The National Museum of the Republic of Tatarstan. (n.d.) *Podshivka pisem i chernovykh nabroskov V.M. Florinskogo* [V.M. Florinsky's letters and draft sketches]. 117959–822.
5. The National Museum of the Republic of Tatarstan. (n.d.) *Podshivka pisem i chernovykh nabroskov V.M. Florinskogo* [V.M. Florinsky's letters and draft sketches]. 117959–823.
6. Kachin, N.A. (2016) Creating "spiritual food storage": from the history of collecting the book fund of Tomsk State University Research Library by V.M. Florinsky. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 90–97. (In Russian).
7. Florinskiy, V.M. (n.d.) *Otchet za leto 1880 g. po Sibirskomu universitetu Upravlyayushchemu Ministerstvom narodnogo prosvyashcheniya* [V.M. Florinsky. Report for the summer of 1880 on the Siberian University to the Manager of the Ministry of Public Education]. The National Museum of the Republic of Tatarstan. 117959–216.
8. Misyurev, A.A. (1894) *Tomskaya gubernskaya gimnaziya v pervoe pyatidesyatiletie ee sushchestvovaniya (1838–1888)* [Tomsk provincial gymnasium in its first fifty years (1838–1888)] Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
9. The State Archive of Tomsk Region. Fund 103. List 1. File 1.
10. Tomsk State University Research Library. (n.d.) *Zhurnaly Stroitel'nogo komiteta* [Construction Committee journals]. Department of Manuscripts and Rare Books.

УДК 902; 94 (47)
DOI: 10.17223/19988613/58/9

Н.С. Цинцадзе

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1917 г.: ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ НА ТРАНЗИТЕ МЕЖДУ «ЦАРИЗМОМ» И «БОЛЬШЕВИЗМОМ»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10032).

На основе архивных и опубликованных источников впервые рассматриваются социоприродные проблемы природопользования в позднем аграрном обществе России в период февраля–октября 1917 г. Изучены экологические аспекты аграрной политики Временного правительства, а также их обсуждение в Главном земельном комитете и Лиге аграрных реформ. Делается вывод об осознании властью проблемы истощения природно-хозяйственных ресурсов страны, попытках их минимизации на фоне приоритетного решения вопросов продовольственного и иного снабжения армии и тыла. Отмечается значение нереализованных предложений и мероприятий Временного правительства в сфере рационализации хозяйствования, продолженных впоследствии советским правительством.

Ключевые слова: экологическая история; социоприродные проблемы; Временное правительство; Главный земельный комитет; Лига аграрных реформ.

История существования Временного правительства была непродолжительной, но полной исторических перипетий и нереализованных перспектив. Не вдаваясь в подробный историографический обзор, отметим лишь, что по традиции в отечественной исторической науке большое внимание уделялось внутренней, в особенности экономической, а также внешней политике Временного правительства. Советские историки фокусировались на проблеме крестьянских движений в 1917 г. и неудачах внутренней политики Временного правительства, в особенности аграрной. В их поле зрения находилась деятельность Главного земельного комитета и региональных земельных комитетов [1]. В постсоветский период интерес к аграрной политике Временного правительства заметно упал по сравнению с предшествовавшими десятилетиями.

Одним из современных обобщающих исследований является монография Н.Е. Хитриной, в которой отмечается неудавшийся опыт аграрной политики всех составов Временного правительства [2]. Причины неудачи, по мнению историка, были обусловлены отсутствием реальной коалиции политических сил внутри правительства, невниманием к сложившимся разнообразным формам землепользования на территории страны, бюрократической запутанностью в системе государственных органов, определявших аграрную политику России [Там же. С. 373].

Интересны и фактологически насыщены новейшие исследования деятельности региональных земельных комитетов [3–7]. При этом экологические сюжеты во внутренней политике Временного правительства специально не рассматривались ни в обобщающих, ни в региональных работах.

Цель нашего исследования – изучить экологические аспекты аграрной политики Временного правительства в области регулирования хозяйственного использования природных ресурсов. Наше исследование выполнено в русле сравнительно нового междисци-

плинарного научного направления – социоестественной (СЕИ), или экологической истории (Environmental History), в центре внимания которой находятся проблемы взаимодействия природы и человека [8].

Разумеется, экологической проблематики в современном нам понимании в качестве самостоятельного направления государственной политики тогда не существовало, однако выявленные нами отдельные экологические сюжеты в политике Временного правительства позволяют составить представление о восприятии властью проблем природопользования. Изученные тренды в указанной политике Временного правительства помогут определить преемственность в государственном регулировании социоприродных проблем позднего аграрного общества в конце XIX – первой трети XX в., а также потенциал и причины нереализованных предложений.

Интересующие нас социоприродные аспекты аграрной политики Временного правительства выявлены нами в результате анализа деятельности Министерства земледелия, а также подведомственного ему Главного земельного комитета (далее – ГЗК) и сочувствующей Лиги аграрных реформ (далее – ЛАР). Известно, что для подготовки основ земельной реформы 21 апреля 1917 г. был создан Главный земельный комитет во главе с экономистом прогрессистом А.С. Посниковым. Его заместителями являлись эсер С.Л. Маслов и энес В.И. Анисимов; членами комитета в разное время были кадеты Н.Н. Черненко и А. А. Кауфман, радикал-демократ Б.Д. Бруцкус, представители организационно-производственной группы экономистов-аграрников А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, А.Н. Минин, А.А. Рыбников, эсеры Н.Я. Быховский, Н.Д. Кондратьев, Н.И. Ракитников, член ЦК РКП(б) И.Т. Смилга, энес Н.П. Огановский и др. Состав ГЗК к каждой сессии расширялся, и в него входили представители различных государственных ведомств и общественных организаций. Такой широкий состав ГЗК давал надежду на

действительно всеобщее обсуждение основ аграрной реформы в стране. ГЗК планировал подготовить основы будущей аграрной реформы в первую очередь в сфере землепользования, позже – лесо-, водопользования и эксплуатации недр [9. С. 4–5].

В ГЗК преобладали эсеры. Его печатным органом были «Известия Главного земельного комитета» (редактор – эсер С.Л. Маслов). Всего состоялось четыре сессии ГЗК: 1-я – 19–20 мая; 2-я – 1–6 июля; 3-я – 25–29 августа; 4-я – 16–23 декабря. 19 декабря 1917 г. постановлением СНК РСФСР ГЗК был распущен.

Наряду с работой ГЗК активное содействие в разработке проекта аграрной реформы оказывала неофициальная, но авторитетная научно-общественная организация – межпартийная Лига аграрных реформ. В состав этого объединения вошли Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства, Всероссийский земский союз, ряд других местных обществ и научных учреждений. Идейный костяк ЛАР составляли видные экономисты-аграрники: Б.Д. Бруцкус, Н.П. Огановский, А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров и др. Присутствовавшие на учредительном съезде министр земледелия кадет А.И. Шингарев и его заместитель А.Г. Хрущев приветствовали создание этой межпартийной организации. Степень доверия и лояльности к данному сообществу демонстрирует то, что Временное правительство вынесло на обсуждение делегатов съезда ЛАР проект «Положения о земельных комитетах». Высказанные замечания были учтены правительством при подготовке окончательной редакции документа [2. С. 52–54].

ЛАР имела 52 филиала, созданных преимущественно в губернских городах. Состоялись три ее съезда: 16–18 апреля, 23–26 июня и в 21–23 ноября 1917 г. ЛАР идейно подпитывала деятельность ГЗК и Министерства земледелия. Ее состав практически совпадал с составом ГЗК, что создавало основу для их сотрудничества. Проправительственный характер деятельности ЛАР вполне очевиден. Так, по просьбе руководителя распорядительного комитета ЛАР А.В. Чаянова, адресованной в апреле 1917 г. заместителю министра земледелия А.Г. Хрущову, Министерство финансов в июне выделило субсидию в размере 10 тыс. руб. на содержание секретариата ЛАР [10. Л. 1, 4].

Источниками исследования послужили, во-первых, фонды Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Материалы о деятельности Министерства земледелия Временного правительства, ГЗК, Предпарламента и канцелярии министра земледелия содержат протоколы, отчеты, обзоры заседаний отделов и комиссий министерства, ГЗК, различные проекты, в которых отражаются интенции и направления мероприятий Временного правительства. В структурном отношении Министерство земледелия было разветвленным, состоявшим из департаментов, отделов, а также многочисленных комиссий и подкомиссий.

Во-вторых, содержательное обсуждение проблем природопользования мы выявили в опубликованных журналах заседаний Временного правительства [11], в-третьих, в официальном печатном издании – еже-

дневной газете «Вестник Временного правительства», выходившей вместо «Правительственного вестника» с 5 марта по 24 октября 1917 г. В ней публиковались обращения правительства, законы и законопроекты, распоряжения, дипломатические ноты, отчеты о заседаниях правительства, Государственного совещания, Временного совета Российской республики (Предпарламента) и др., освещалось положение в стране, события на фронтах Первой мировой войны и за границей.

В-четвертых, нами изучены выпуски журнала «Известия Главного земельного комитета», в которых освещалась деятельность Временного правительства, ГЗК, местных земельных комитетов, публиковались указы и постановления крестьянских собраний, съездов и организаций. Во многом эти материалы восполнили информационные пробелы о деятельности Министерства земледелия. В-пятых, определенную долю информации мы почерпнули из иных опубликованных материалов ГЗК, ЛАР, Государственного совещания и Демократического совещания [23, 24, 28, 30–32].

Изучив названные источники, мы выявили следующие эконожуеты в аграрной политике Временного правительства: проблемы землепользования и мелиорации, лесопользования, водопользования, развития скотоводства и животноводства, вопросы рыболовства. Фрагментарно были представлены вопросы переселенческой и колонизационной политики.

Проблемы землепользования и мелиорации включали как текущие вопросы организации сельскохозяйственных работ, так и перспективные – подготовку основ аграрной реформы. Так, указом Временного правительства от 11 марта 1917 г. на Министерство земледелия возлагалась задача обеспечения семенами крестьянских хозяйств [12. С. 1]. Распорядительным комитетом железнодорожных перевозок ввиду близости начала полевых работ 14 марта была установлена внеочередность перевозок удобрительных туков [13. С. 2].

На заседании Временного правительства 5 апреля министр земледелия А.И. Шингарев озвучил решение о передаче крестьянам 108 тыс. пудов семян клевера, предназначавшихся для вывоза в Данию. Эта мера, как пояснил министр, была вызвана «настоятельной нуждой» России в росте площади кормовых трав. Дании за несвоевременную поставку семян клевера была обещана компенсация от правительства [14. С. 234, 263]. Этому предшествовало решение о реквизиции семян красного клевера, предназначавшихся для вывоза в Данию, в обмен на семена турнепса, поставленные датским Министерством земледелия [15. Л. 1–6 об., 12–15].

Временное правительство существенное внимание уделяло рационализации сельского хозяйства, сохранению и поддержанию начатых в царское время агрокультурных мер. На заседании 16 июня 1917 г. было решено создать с 1 июля Сельскохозяйственный ученый комитет и его особые научно-опытные и специальные отделы [16. С. 20, 23–26]. Особое внимание в их работе уделялось развитию опытного дела, сельскохозяйственного образования, научных основ ведения сельского хозяйства в стране [17. С. 1–2].

1 июля министр земледелия эсер В.М. Чернов написал обращение к населению с призывом не громить

и не расхищать так называемые культурные хозяйства, которыми «Россия чрезвычайно бедна». Подобные действия влекли бы ущерб всему народному хозяйству страны и препятствовали проведению земельной реформы. Он объявил о том, что культурные хозяйства, составляя «ценное достояние всего народа», находились на учете у Временного правительства, которое ставило цель сохранить их в целостности до созыва Учредительного собрания [18. С. 1–2].

В обращении заместителя министра земледелия Н.И. Ракитникова к волостным комитетам сообщалось о необходимости широкого знакомства крестьян с работами сельскохозяйственных опытных учреждений, достижениями агрономической науки с тем, чтобы полученные крестьянами в результате готовившейся аграрной реформы земельные участки можно было эффективно возделывать, поднять общую производительность сельского хозяйства. Н.И. Ракитников призывал волостные комитеты также всячески оберегать опытные поля от крестьянских разгромов [Там же. С. 2].

По поручению Министерства земледелия в связи с готовившейся земельной реформой на заседании Комиссии по организации мелиоративного дела 4 августа рассматривался проект мелиоративных работ. В работе приняли участие В.В. Никитин, Н.М. Тулайков, И.И. Москвитин. Члены Комиссии считали, что важной задачей государства являлось «коренное улучшение земель... проводимое в широком масштабе». При этом мелиорируемые земли не должны были поступать в разверстку крестьянам, а составляли бы запасной фонд. Имевшиеся участки частных земель, на которых были проведены значительные мелиоративные мероприятия, должны следовало взять под государственный контроль, а земельные комитеты перед их использованием должны были быть проинструктированы в целях бережного к ним отношения. К тому же необходимо было решить вопросы организации мелиоративного кредита, подготовки специалистов, устройства опытных полей и станций по мелиоративному делу, продумать конкретные меры землеустройства и мелиорации в небольших хозяйствах [19. Л. 10–12].

Мелиоративной комиссией рассматривался вопрос организации сбора данных для подготовки программы мелиоративных работ. Отмечалось, что решение аграрного вопроса лежало не в количественном наделении крестьян землей, а в качественном улучшении землепользования. «Прочное обеспечение народного благосостояния» могло быть достигнуто лишь «подъемом производительности хозяйства при помощи целого ряда культурных мер» – агрономических, мелиоративных, улучшением техники обработки почвы, организацией переработки сельскохозяйственной продукции. Площадь земель, которые после мелиорации могли быть обращены в поля, сенокосы и пастбища, в Европейской России составляла 30 млн дес. (за исключением тундр, болот, недоступных мест Севера). Еще больше земель могло быть вовлечено в хозяйственный оборот в Сибири, Туркестане, на Кавказе (около 17 млн дес.). Много удобных земель черноземных, южных, юго-восточных и северо-западных губерний нуждалось в мелиорации. Подготовка единой программы мелиора-

тивных мероприятий требовала проведения исследований территории страны, так как имевшиеся сведения были разрозненными и неполными. Предполагались сбор сведений с мест, обобщение региональных мелиоративных планов. По подсчетам составителей плана, общее финансирование этих мероприятий только на пять месяцев 1917 г. составило бы 2 млн руб. Итоговые сведения ожидалось получить к 1 января 1918 г. [19. Л. 16–27, 31, 33–34].

Департамент земледелия Министерства земледелия в связи с готовившейся аграрной реформой планировал создать новую почвенную карту европейской и азиатской частей России. Подготовленная в 1900 г. Н.М. Сибирцевым, Г.И. Танфильевым и А.Р. Ферхминым почвенная карта страны устарела. В 1915 г. составление новой почвенной карты началось под руководством П.С. Коссовича, заведующего Бюро по земледелию и почвоведению Ученого комитета Министерства земледелия. Однако после его смерти эта работа приостановилась и позже была продолжена почвоведом К.Д. Глинкой. Согласно его плану, на составление единой почвенной карты России требовалось не менее двух лет. Стоимость работ составила бы около 100 тыс. руб., из которых 50 тыс. руб. требовалось на первый подготовительный период 1917–1918 гг. Не располагая финансами, Департамент земледелия реализацию этого проекта отложил [20. Л. 1–2].

Проблемы мелиорации вновь обсуждались 25–26 августа в Петрограде на Всероссийском съезде деятелей агрономической помощи и сельского хозяйства. Председателем съезда был А.И. Угримов, его заместителем – Н.В. Чайковский, членами оргкомитета являлись В.Э. Брунст, В.В. Морачевский, А.С. Ершов. Работа оргкомитета была организована при Департаменте земледелия Министерства земледелия. На заседаниях оргкомитета съезда было принято решение о созыве в период 7–17 января 1918 г. в Москве очередного съезда с целью разработки комплексной программы основ аграрной реформы в части планирования единых агрокультурных мероприятий правительства, земств, общественных учреждений и организаций. Была подготовлена и предварительная программа работы съезда. Для ее разработки двумя месяцами ранее в Москве, Петрограде и Саратове были созваны предварительные совещания и съезды по отдельным отраслям сельского хозяйства [21. Л. 213–217 об.].

С необходимостью широкой мелиорации земель соглашались лидеры ГЗК. А.С. Посников на состоявшейся 19–20 мая I сессии ГЗК солидаризировался с мнением присутствовавшего министра земледелия В.М. Чернова о том, что прирезка земли крестьянам не решит аграрную проблему. В стране помимо возделываемого фонда земель был фонд неудобной, «абсолютно» непригодной для земледелия земли, которую можно было бы улучшить и вовлечь в хозяйственный оборот. А.С. Посников удерживал ГЗК от раздачи крестьянам «несбыточных обещаний» значительно расширить их землепользование. Важной задачей ГЗК А.С. Посников называл предупреждение и сдерживание самоуправления крестьян на местах, пресечение начавшихся силовых захватов земель [22. С. 5–11].

Член Совета ГЗК трудовик М.Е. Березин отмечал скептическое отношение крестьян к идее созыва Всероссийского Учредительного собрания – имелся неудачный опыт работы Государственной Думы. Он рекомендовал Временному правительству издать акт, который «категорически и ясно решил бы этот вопрос», закрепив недопустимость самовольных захватов земли. Отсутствие такой декларации, неопределенность ситуации влекли стремление крестьян решить аграрный вопрос по-своему, что порождало проблемы в работе земельных комитетов [22. С. 15–16]. Другой член Совета ГЗК, эсер Н.Я. Быховский, возражал и говорил о том, что размах крестьянского движения был невелик, самозахватов было немного, крестьянство было «далеко от вандализма и стихийных эксцессов», сдерживало тех, кто к этому стремился. При этом значение помещичьих культурных хозяйств крестьяне осознавали (были примеры в Киевской, Тульской, Воронежской губерниях). Он тоже призывал правительство издать декларацию по земельному вопросу, в которой объявлялось бы, что вся земля будет принадлежать народу. Это должно было успокоить и фронт, и тыл [22. С. 16–17].

В речи А.С. Посникова, открывшей 1 июля работу II сессии ГЗК, звучала мысль о стремлении ГЗК подготовить основы аграрной реформы, которая учитывала бы местные особенности, ведь Россия богата и разнообразна климатическими и почвенными условиями [23. С. 1–3]. Такой подход разделял и министр В.М. Чернов, всячески благоволивший ГЗК [23. С. 5–9]. Помимо общих принципов реформы, норм земельного обеспечения крестьян, финансовых условий отчуждения земель ГЗК на III сессии большое внимание уделил технической стороне будущей реформы – выяснению размера, состава и распределения земельного фонда страны [24. С. 3]. Для этого требовались проведение картографическо-учетных работ и обмер площади земель.

Примечательны отдельные мнения делегатов II сессии ГЗК. Так, крестьянин Нижегородской губернии Я.А. Пилецкий заявил, что «крестьяне устали ждать и требуют новой жизни». Без принятия временного аграрного закона крестьяне «не ручались за спокойное доведение аграрного вопроса до Учредительного собрания». От принятия ГЗК «огоульных и решительных резолюций» по аграрному вопросу в виде временного закона, который связал бы руки Учредительному собранию, удерживал А.А. Кауфман. Крестьянин Пензенской губернии П.А. Трушин возражал и говорил о том, что требование законодательного урегулирования земельных споров – это не пожелание крестьян, а «крик деревни». «У нас условия таковы, что нельзя ждать», – вторил представитель Курской губернии Н.И. Дорошев [23. С. 14–15]. Прислушаться к «голосу народного рассудка», выработать и принять справедливый закон о регулировании земельных отношений, успокоить крестьянство призывал Н.И. Огановский [Там же. С. 23]. Представитель от Нижегородской губернии К.И. Цыпленков говорил о том, что при отсутствии новых законов вся губерния вынуждена была руководствоваться аграрными постановлениями Всероссийского Совета крестьянских депутатов [Там же. С. 25].

В постановлениях II сессии ГЗК закреплялась необходимость передачи в ведение местных комитетов всех земель сельскохозяйственного назначения, лесов, вод местного значения. Земельные комитеты должны были устанавливать и регулировать правила их хозяйственного использования [18. С. 11–12]. Это предложение было подхвачено ГЗК от I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, принявшего 25 мая соответствующее постановление по аграрному вопросу [23. С. 142].

Такое крестьянское пожелание было оформлено властью 12 июля: оно закрепило правило о том, чтобы до созыва Учредительного собрания все сделки с землей и лесными угодьями осуществлялись с разрешения губернских земельных комитетов и утверждались министром земледелия [25. С. 1]. ГЗК в целом приветствовал этот закон, ограничивший частно-правовой оборот, называя его «предтечей грядущей земельной реформы» [9. С. 20].

Позже в циркуляре Управляющего Министерством внутренних дел И.Г. Церетели от 17 июля 1917 г. подчеркивалась недопустимость самочинного решения земельного вопроса на местах, рубок чужих лесов, запашек чужих сенокосов и пр. Это, как он выразился, «грозило неисчислимыми бедствиями армии, стране и существованию самого государства... голодом и продовольственным истощением». Любые самоуправные действия должны были караться по всей строгости закона [18. С. 4–5].

Однако ситуация на местах не поддавалась контролю власти. Совет ГЗК в преддверии работы III сессии ГЗК обращал внимание А.Ф. Керенского на сложные условия деятельности земельных комитетов, которые «ставят в самой острой форме вопрос о возможности каких-либо положительных результатов». Совет имел в виду «стихийные стремления населения к удовлетворению острой земельной нужды»: в Пензенской, Курской, Казанской и других губерниях в течение лета крестьяне запахивали владельческие поля, скашивали частные покосы и пр. Местные органы власти были не в состоянии противостоять этим действиям. Как отмечали члены Совета ГЗК, повсюду земельные отношения находились в «хаотическом состоянии». Они упрекали Временное правительство в нерешительности в деле упорядочивания возникших земельных отношений [26. С. 4–5].

Представители земельных комитетов на Демократическом совещании в Москве, проходившем 14–22 сентября, вновь заявили о необходимости до созыва Учредительного собрания передать земли сельскохозяйственного назначения, воды и леса местного значения в ведение земельных комитетов. Они настаивали на «немедленном издании временных земельных законов» в редакции ГЗК и усилении государственных полномочий земельных комитетов [27. С. 11].

В отношении культурных имений, питомников, рассадников и других образцовых хозяйств земельные комитеты осуществляли надзор и охрану, брали их в свое полное заведование. Наряду с этим земельные комитеты боролись с захватами земель и иных угодий, недосевами и др. [Там же. С. 12]. Член ГЗК и ЛАР

Н.Я. Быховский говорил о том, что культурные хозяйства, особо ценные лесные участки должны были образовать общегосударственный фонд, взяты на государственный контроль и не подлежать распределению среди крестьян. В процессе организации территории для будущей аграрной реформы важно было «приспособить» для нужд сельского хозяйства неудобные земли, проведя их мелиорацию. Малоземельные крестьяне подлежали переселению в многоземельные области страны [28. С. 11–13, 20–21]. О важности государственной мелиорации земель, проведения гидротехнических работ писал его коллега П.Н. Першин, который также считал необходимым сопровождать прирезку земли крестьянам рационализацией их хозяйств [28. С. 38]. С утверждением о том, что аграрная реформа должна повысить производительность сельского хозяйства, устранить чересполосицу и дальнотелье, соглашались многие члены Комиссии ГЗК о перераспределении земельного фонда: Н.П. Макаров, А.Н. Челинцев, Н.П. Огановский, С.Л. Маслов и др. [Там же. С. 44–52].

На заседании комиссии 20 октября А.Н. Челинцев говорил о возможной экстенсификации хозяйств крестьян, остерегал от расширения их площади, указывая, что оно «должно было парализоваться большей просвещенностью крестьянина и более усовершенствованными методами ведения хозяйства, а кроме того, и новой государственной сельскохозяйственной политикой» [29. Л. 16].

Идею об интенсификации сельского хозяйства развивали и члены ЛАР: на II Всероссийском съезде ЛАР Н.П. Огановский указал на необходимость «выработки и проведения в жизнь стройного плана земельной реформы, связанного с обширными работами по землеустройству, мелиорации и расселению крестьянских масс» [30. С. 11]. Такой план диктовался малоземельем и чересполосицей, на которые обратил внимание А.В. Чайнов на III съезде ЛАР [31. С. 4]. На перераспределение земельного фонда между крестьянами Н.П. Огановский закладывал два года, а на землеустроительные работы – два десятилетия. С ним соглашались Б.Д. Бруцкус, З.С. Каценеленбаум [30. С. 12, 31, 38, 41].

Проблемы лесопользования наряду с землепользованием являлись одними из острых вопросов проектируемой аграрной реформы. Главными вопросами были регулирование рубки лесов и обеспечение нужд армии и обороны лесными материалами.

О бесконтрольном уничтожении лесов Нижегородской губернии сообщал делегат II сессии ГЗК К.И. Цыпленков. Он указывал на родственника губернского комиссара, который рубил лес и заявлял: «Куй железо, пока горячо. С какой стати я не буду рубить лес, когда потом я за него ничего не получу, потому что вопрос предreshен Всероссийским съездом крестьянских депутатов». Леса активно перепродавались по фиктивным сделкам и хищнически истреблялись помещиками. В свою очередь, крестьяне запрещали истребление лесов, доверяя земельным комитетам регулировать лесопользование [23. С. 25–26]. По сообщению И.С. Кудрявцева, делегата от Новгородской губернии, много лесов рубили новгородские лесопромышленники. Крестьяне

вблизи своих сел рубить лес не давали, заявляя, что он им пригодится и что лес лучше рубить вблизи речных сплавов [Там же. С. 28].

Аналогичная картина наблюдалась в Костромской губернии: например, крестьяне Чухломского уезда протестовали против хищнической рубки леса помещиками на продажу и даже против лесных заготовок на оборону. Как отмечал представитель Костромской губернии С.И. Барыков, такие жалобы и протесты крестьян губернский земельный комитет признавал справедливыми, ведь крестьяне исходили из того, что лес надо охранять и нельзя его так беспощадно вырубать [Там же. С. 30].

19 апреля министр земледелия А.И. Шингарев поднял вопрос об упорядочении бесконтрольной рубки лесов в целях их сохранения от истребления. На общем заседании членов Временного правительства было решено поручить ему подготовить проект положения о введении специальных комитетов на местах для выдачи разрешений на рубку леса [14. С. 322]. 9 августа обсуждение разработанного Министерством земледелия проекта правил об охране лесов и их рубке решено было отложить [16. С. 273–274]. В Москве готовилось открытие Государственного совещания, что не позволило обсудить этот проект по существу.

Министр продовольствия С.Н. Прокопович, выступая на Государственном совещании, заявил о том, что законопроект об охране лесов содержал положение о передаче рубки леса для заготовки топлива в ведение Особого совещания по топливу, а регулирование лесов местного значения для удовлетворения крестьянских потребностей в лесных материалах – земельным комитетам. Таким образом, как считал С.Н. Прокопович, подготовленный законопроект учитывал общегосударственные и общественные интересы, так как был направлен и на сохранение лесных богатств, защиту лесов от расхищения, и на обеспечение нужд населения в лесе [32. С. 27].

Ранее, 1 и 4 августа, на заседаниях Лесной комиссии Министерства земледелия Д.И. Товстолес отметил, что для обеспечения целей и задач лесного хозяйства наилучшей формой его владения будет государственная, установленная после проведения национализации лесов. Именно национализация, по его убеждению, придавала бы устойчивость лесному хозяйству, обеспечила централизацию его управления, равномерное распределение лесных материалов по территории страны, эффективное лесоустройство. Д.В. Соммерс допускал переход лесов в земельный фонд для нужд пашенного хозяйства при условии соблюдения общегосударственных и общенародных интересов с опорой на данные статистики о площади подобных лесов, которые могли быть конвертированы в иные виды угодий, действительных потребностях населения, государства и промышленности в лесных материалах [33. Л. 9–11].

Проблемы лесопользования активно обсуждались и решались в земельных комитетах. На заседании Совета ГЗК I сессии обсуждался вопрос об охране лесов и их рубке, в результате чего были разработаны правила для внесения их на рассмотрение Временного правительства. Закреплялось, что надзор за сохранением и

правильным использованием лесов возлагался на земельные комитеты совместно с представителями лесоохранительных комитетов, Особого совещания по топливу и др. Уездные земельные комитеты санкционировали рубку леса в допустимых объемах, пресекали самочинные действия в лесах [22. С. 27].

На местах осознавали важность охраны от несанкционированного и бесхозяйственного использования не только земли, но лесов. Так, постановлениями Елецкого уездного земельного комитета от 2–3 июня помимо прочих его прав закреплялись полномочия по сохранению посевов, лугов, молодой лесной поросли от погубы скотом, наблюдению за правильной рубкой леса. Она разрешалась в объемах, установленных лесоохранительным комитетом. В экстренных случаях допускалась рубка леса сверх установленной нормы, но пропорционально площади леса по волостям [Там же. С. 21–22].

Земельные комитеты всячески сдерживали стремление населения к бесконтрольной рубке леса, пресекая и преследуя отдельные виды аграрных беспорядков: неправильное ведение лесного хозяйства и ненормальное пользование лесными угодьями. Они вводили запреты на повышенные лимиты рубки лесов, утверждали сделки по продаже казенных и частных лесов, наблюдали за правильностью рубки лесов, в том числе по ходатайствам крестьян, охраняли леса от повреждений, боролись с лесными пожарами. Несмотря на циркуляр Временного правительства от 19 апреля, разрешавший пастбу скота в казенных лесах бесплатно или за небольшую плату, Суздальский уездный земельный комитет запретил пастбу скота в лесных зарослях. Одновременно земельные комитеты содействовали в заготовке топлива для нужд промышленности и железных дорог [9. С. 23–24].

На II сессии ГЗК представитель Ярославской губернии И.П. Матвеев заявил о необходимости разграничения компетенций земельных комитетов и комитетов по топливу, так как между ними возникали разногласия о нормах лесозаготовок для нужд армии и промышленности, которые не учитывали лесистость региона и часто назначались наобум. Крестьяне не желали рубить леса в большом количестве и требовали принять закон об охране леса. Важно было четко определить деятельность лесоохранительных комитетов, которые «как будто бы и существуют, и как будто бы и нет» [23. С. 76–78]. В этом его поддержал представитель соседней Владимирской губернии М.П. Григорьев [Там же. С. 125].

10 августа председатель ГЗК А.С. Посников издал распоряжение № 209, адресованное губернским земельным комитетам, о недопустимости чинить препятствия в заготовке и вывозке дров. В своем стремлении к охране лесов земельные комитеты «совершенно приостановили производство заготовки дров, издавая распоряжения о воспрещении рубки лесов, препятствуя вывозу дров», что «ставило в угрожающее положение нашу промышленность и железные дороги». ГЗК предписывал не только не препятствовать заготовке топлива на местах, но и всячески содействовать ей, удовлетворяя запросы по топливу железных дорог, всех

предприятий и учреждений, работавших на государственную оборону. «Государственные интересы должны стоять на первом плане, и местные интересы необходимо подчинить интересам общегосударственным», – заявлял председатель ГЗК [26. С. 1–2].

На III сессии ГЗК в августе 1917 г. поднимался вопрос о лесах: члены совета ГЗК планировали выяснить мнение местных земельных комитетов о порядке эксплуатации лесов, об объемах нуждаемости в лесных материалах и возможности выделения лесных участков под расчистку [24. С. 4, 14]. По итогам работы совещания представителей губернских комитетов в Москве 16–17 сентября была разработана инструкция по применению «Временных правил об охране и рубке лесов» [9. С. 3].

24 августа состоялось первое заседание Лесной комиссии ГЗК под председательством экономиста А.А. Рыбникова. Член комиссии Н.И. Фалеев озвучил план развития лесного хозяйства, который предполагалось начать осуществлять с 1 января 1918 г. Он включал создание Главного лесного комитета и лесных комитетов в губерниях и уездах. Лесные комитеты совместно с земельными комитетами должны были составлять сметы «удовлетворения потребностей на древесину». Кроме того, планировалась создать Советы лесничеств и Лесные советы для научно-профессионального руководства лесной отраслью. На втором заседании, состоявшемся 7 сентября, были заслушаны доклады ряда членов комиссии о государственных лесах [27. С. 10].

В октябре ГЗК разработал Инструкцию уездным земельным комитетам об охране и эксплуатации лесов. В ней предписывалось запрещать в пределах уезда хищническую вырубку леса. Уездные земельные комитеты могли приостанавливать по своему усмотрению опустошительные и выборочные рубки леса. Запрещались рубка защитных лесов, признанных таковыми лесоохранительными комитетами, вырубка, скос, распашка молодняка и пастба скота по молодняку (молодняком признавался лес, не достигшей высоты 4 аршина). Не допускалось обращать лесные вырубки в другой вид угодий без разрешения лесоохранительных комитетов [34. Л. 1–1 об.].

В ответ на повторяющиеся требования крестьян о приостановлении или прекращении хищнического истребления лесов ГЗК и губернские земельные комитеты обратились к гражданам с воззванием, в котором говорилось, что условия войны вызвали усиленную рубку леса для нужд армии. При этом подчеркивалась значимость леса в развитии страны, укреплении песков и оврагов. Население уверялось в том, что вырубки леса проводились под контролем лесоохранительных и земельных комитетов, которые следили, чтобы они не переросли в опустошительные. «Верьте, граждане, что все совершается сейчас под контролем общественных органов, делается во имя блага народа и с соблюдением его прав и интересов», – этими словами завершалось воззвание [34. Л. 4–4 об.].

ГЗК на основе поступающих сведений от Штаба Верховного главнокомандующего о воспрепятствовании рядом волостных земельных комитетов заготовке лесных материалов для армии издал 18 октября 1917 г.

циркуляр № 239 губернским земельным комитетам о недопущении подобных действий на местах. Вновь повторялись положения циркуляра от 10 августа № 209, которым необходимо было следовать [34. Л. 5–5 об.].

Тогда же ГЗК разработал Наставление земельным комитетам по применению «Правил об охране лесов и их рубке». По сути, оно было основой лесоохранительного закона. Согласно этому документу все казенные леса изымались из ведения земельных комитетов, учреждался лесной надзор, в состав которого входили представители земельных комитетов из опытных лесоводов, лесничих и иных лесных специалистов, назначаемых при содействии Всероссийского союза лесоводов. Лесной надзор имел широкие полномочия при осмотре лесов, наблюдении за рубкой, заготовкой и вывозкой лесного материала, пресечении незаконных рубок [Там же. Л. 6–13].

Данные правила в виде отдельного «Положения об охране лесов и их рубке» были вынесены на повестку заседания Земельной комиссии Предпарламента 23 октября под председательством Н.Я. Быховского [35. Л. 28]. Правда, по существу этот документ комиссия так и не рассмотрела.

Участники II Всероссийского съезда ЛАР в июне 1917 г. высказались за национализацию лесов и передачу их в преимущественно кооперативное или земское пользование [30. С. 38].

Проблемы водопользования лишь изредка обсуждались Временным правительством. В продолжение работ, начавшихся еще в царский период, по использованию водной энергии р. Малая Иматра (Положение утверждено Советом министров от 23 декабря 1916 г.) 25 июля правительство издало постановление о распространении аналогичных мероприятий на р. Волхов и об улучшении судоходства по ней. На данные мероприятия из казны выделялось 32 млн руб. [36. С. 2].

9 сентября на заседании Комиссии Министерства земледелия по организации водного хозяйства обсуждался доклад профессора В.Г. Глушкова об учете и регулировании водных запасов страны. По его мнению, воды России представляли собой «национальное имущество громадной ценности и первостепенного значения для жизни и хозяйства населения». Они должны были находиться в публичной собственности. Комиссия дополнила рассуждения ученого выводами о важности составления водного кадастра, проведении единовременных обследований водных ресурсов и в дальнейшем постоянных наблюдений за их свойствами. Для государственных и общественных нужд водопользования необходимо было осуществлять мероприятия по сбережению и улучшению водных запасов, водного режима. Отдельного внимания заслуживали вопросы законодательного урегулирования водопользования и водосбережения, в том числе в связи с охраной лесов в верховьях и по берегам рек [33. Л. 12–12 об.].

На одном из заседаний комиссии видный специалист по водному праву Д.С. Флексор выступил с докладом о важности общего водного законодательства, которое бы охраняло воды от «хищнической их растраты», регулировало бы борьбу с оврагами. Большое значение юрист придавал популяризации идей береж-

ного отношения к водным источникам, практике подготовки кадров специалистов водного хозяйства и др. [9. С. 17–18].

ГЗК также предлагал поставить на обсуждение вопрос водопользования в стране. Планировалось на основе местных данных подготовить общероссийский проект правил водопользования [24. С. 4–5]. Первое заседание Комиссии о водах под председательством А.А. Леонтьева состоялось лишь 9 октября. Член этой комиссии Д.С. Флексор настаивал на государственной собственности на водные запасы страны, необходимости введения запретов на распашку склонов рек, балок и оврагов, рубку и корчевку лесов, пастьбу скота на склонах рек, создании водных товариществ для осуществления мероприятий в области водного хозяйства, специального регламентирования использования вод для мелиорации и рыбного хозяйства, привлечения виновных в нарушении правил водопользования к законной ответственности [9. С. 14].

Вопросы развития скотоводства и животноводства в связи с рационализацией сельского хозяйства лишь изредка попадали в поле зрения власти. Так, согласно постановлению от 16 июня 1917 г. о сохранении племенного скота от убоя вводились регистрация и клеймение скота, меры предотвращения его заболеваний [37. С. 1]. 27 июня был создан Отдел животноводства при Министерстве земледелия [38. С. 1]. В июле 1917 г. он подготовил проект постановления Временного правительства о продолжении начатых работ по регистрации и клеймению племенного скота в пределах Европейской России, контролю и наблюдению за этим местными продовольственными комитетами, возмездной реквизиции племенного скота у частных владельцев «для общегосударственных племенных целей», запрете сгона племенного скота на приемочные пункты в целях предотвращения его заболевания [39. Л. 1–2].

Вопросы рыболовства в условиях военнореволюционного времени приобрели особую актуальность. В области рыболовства Временное правительство шло на поводу требований с мест, легализовывая их явно незаконные действия по истощению рыбных запасов страны, обосновывая это продовольственными затруднениями. Интересен отчет Отдела рыболовства и охоты Министерства земледелия за период с 1 марта по 25 октября 1917 г., подготовленный по запросу А.Ф. Керенского, который в преддверии созыва Учредительного собрания готовил итоговый отчет о работе правительства. Составители отчета отмечали, что Временное правительство «в целях облегчения народного продовольствия и ввиду общего ослабления рыбного промысла призывом в армию наиболее работоспособных элементов населения» распоряжением от 8 марта 1917 г. разрешило рыболовство «без ограничения запретным временем» в бассейне р. Волги и ее притоков выше г. Саратова «впредь до изменения правил». Распоряжением от 10 марта того же года то же было сделано в отношении низовья р. Амура, Аральского моря, рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

Снятие запретных периодов и мер рыболовства (размеры ячей в сетях), ставших изъятием из ранее установленных правил, объяснялось поздним началом

весны, ослаблением интенсивности рыбного промысла, невозможностью использования специального рыболовного орудия. Было определено право министра земледелия издавать предписания и распоряжения по этому поводу, так как правительство не могло пересмотреть существовавшее законодательство, но лишь вводить временные отступления, которые фактически узаконивали самочинные действия на местах. Этим, с прискорбием отмечали чиновники ведомства, «принципу законности в рыбном промысле... был нанесен первый и, может быть, самый тяжелый удар, за которым уже и последовали другие». Постановлениями Временного правительства от 12 марта и 25 апреля в Каспийском море был сокращен запретный для лова рыбы период, разрешен лов рыбы неводами, ставными частиковыми сетями. 15 мая было утверждено постановление об отмене на 1917 г. запретного для лова рыбы пространства в проливе Каспийского моря между островом Сара и Куринской косой, о разрешении лова сельди неводами по всему западному берегу Каспийского моря до окончания ее хода без ограничения расстояния между тонями, о продлении весеннего лова на месяц, а в некоторых участках – на 15 дней, и разрешении рыболовства в море ставными сетями в течение года.

По просьбе Астраханского губернского исполнительного комитета 1 апреля 1917 г. Временное правительство утвердило постановление о временном продлении весеннего лова рыбы в Волжско-Каспийском бассейне на 10 дней и разрешении лова сетями в Волжском бакенном пространстве. 3 апреля последовало постановление о разрешении продажи рыболовных орудий, конфискованных при обнаружении нарушений рыболовных правил, хозяйственным способом (без торгов) ловцам и ловецким кооперативам.

По просьбе Аральского временного исполнительного комитета распоряжением министра земледелия от 11 апреля было продлено рыболовство в Аральском море до 1 мая. По ходатайству комиссара Терской области постановлением от 14 мая было разрешено продовольственное рыболовство в Каспийском море в запретное для лова рыбы время расположенным в Терской области военным служащим. 19 июля было расширено ранее запретное для рыболовства Волжское бакенное пространство перед устьем р. Волги.

Параллельно с санкционированием нарушений местным населением ранее принятых законов Временное правительство инициировало работу по подготовке реформы рыболовного хозяйства с целью рассмотрения ее основ Учредительным собранием. Временное правительство планировало обсудить вопросы рыболовства совместно с земельными комитетами, которым планировало передать функции контроля за ловом рыбы на местах. Для этого в начале мая Министерство земледелия с подачи ГЗК внесло на рассмотрение правительства проект возложения на земельные комитеты вопросов рыболовства. Однако в начале августа по настоянию «делегатов от астраханских организаций» проект был отклонен, «чем рыболовное хозяйство было поставлено в чрезвычайно трудное положение, близкое к полной анархии». Тогда, чтобы хоть как-то поддержать расшатанное рыболовное хозяйство

Волжско-Каспийского бассейна, Министерство земледелия с одобрения ГЗК 14 октября внесло проект о временной передаче Астраханскому губернскому земельному комитету на общем основании с земельными делами также и дела местного рыболовства. Данное представление к моменту составления отчета одобрения не получило. Подобного же разрешения не получил проект, предусматривавший распространить постановление Временного правительства от 12 июля об ограничении сделок с земельными угодьями и на сделки с рыболовными угодьями [40. Л. 3–10, 19–21].

Все эти меры свидетельствовали об игнорировании Временным правительством рекомендаций ученой общественности о недопустимости сокращения, а тем более полной отмены запретного периода лова рыбы в Волжско-Каспийском водном бассейне. Комиссия по изучению естественных производительных сил России передала министру земледелия свое заключение о недопустимости истощения природных ресурсов даже в затруднительные для страны времена [41. С. 22].

Комиссия Министерства земледелия по организации рыболовного хозяйства на заседании 9 августа наметила программу своей деятельности в области устройства рыболовного хозяйства, повышения его государственной доходности, организации земельной территории для нужд рыболовного хозяйства. Было решено уделить внимание в первую очередь вопросам, которые требовались для работы Учредительного собрания, а разработка рыбохозяйственной политики была отложена на потом. На заседании комиссии 19 августа обсуждался доклад В.К. Бражникова о рационализации рыболовного хозяйства. На заседании 24 августа И.Д. Кузнецов обратил внимание коллег на необходимость создания опытных рыбоводных учреждений с отдельным земельным обеспечением, для чего следовало учредить подкомиссию [33. Л. 7–9].

Временное правительство в сфере переселенческой политики продолжило аналогичную политику царской власти. В частности, на заседании Временного правительства 1 июля было внесено предложение об отпуске дополнительных финансовых средств на расходы Переселенческого управления по обводнению и обдоружению ранее заготовленного земельного фонда [16. С. 57–58].

Обсуждались перспективы колонизационной политики. Комиссия Министерства земледелия по вопросам переселения и колонизации на собрании 7 августа рассматривала необходимость создания проекта «плановой колонизации Зауралья», поземельного там устройства и разработки новых колонизационных правил. Для проведения подготовительных мероприятий были образованы подкомиссии. Член комиссии Л.К. Чермак предложил распространить переселение и колонизацию не только на Азиатскую Россию, но и на Кавказ и Юго-Восточную Россию. На заседании комиссии 22 августа в новом законе о переселении предлагалось закрепить его всеобщность и свободу, гарантии государственной компенсации затрат переселенцев на освоение труднодоступных районов [33. Л. 5–6].

В период бурных военно-революционных потрясений природа зачастую приносится в жертву экстре-

мальным обстоятельствам. Очевидно, говоря языком современного американского историка и экофилософа Р. Нэша [42], что права природы нарушаются одними из первых. Не стала исключением и Россия, где в период кризиса и разрухи 1917 г. хищническому истощению подверглись многочисленные природные ресурсы. Очевидно, что точный объем потерь установить невозможно. Помимо объективного урона природе в целом был нанесен серьезный удар по экоменталитету россиян. Экстраординарные условия закрепили в восприятии и поведении потребительское отношение к природным ресурсам, что в последующие, относительно мирные и спокойные периоды было сложно преодолеть.

В годы политической нестабильности и хозяйственной разрухи проблемы экологии явно не были для власти первоочередными. Да и в программатике политических партий периода февраля–октября 1917 г. экологические аспекты занимали скромное место [43]. Социоприродные проблемы российской провинции явно перекрывались по значимости и актуальности проблемами продовольственного и иного обеспечения армии и тыла, организации военных действий на фронте, устройства беженцев, сдерживания крестьянского аграрного движения, подготовки выборов в Учредительное собрание и пр. Основной заботой Министерства земледелия была «общая неустанная и самоотверженная работа» по устранению «тяжких продовольственных затруднений» [44. С. 2].

При этом самым актуальным хозяйственным ресурсом для позднего аграрного общества оставалась земля. Власть понимала ее количественную ограниченность для многомиллионного крестьянства, поэтому настаивала на продолжении широкой и планомерной мелиорации больших массивов неудобных земель, начатой еще в поздний пореформенный период, тем самым пытаясь решить проблему малоземелья. Однако в условиях 1917 г. долгосрочные меры по рекультивации явно не удовлетворяли ожиданиям основной массы населения. На фоне самочинного решения земельного вопроса путем самозахватов, стихийного нормотворчества, отсутствия реального контроля над ситуацией на местах, «обезвластия власти», как выразился один современник, правительство не могло продуманно готовить аграрную реформу, а крестьяне не могли спокойно ее ждать.

В обсуждение и решение аграрного вопроса и тесно связанных с ним социоестественных проблем села включилось слишком много политических и общественных сил. Каждая из них не желала поступиться своими амбициями, отбросить в сторону политические счеты, социальные обиды и пр. При таком развитии событий невозможно было достичь единства. По словам П.Г. Маслова, делегата от Самарской губернии на II сессии ГЗК, все тогда «болели очень больно болезнью неорганизованности и несогласованности» [23. С. 126]. Можно привести массу примеров в подтверждение его слов: административная неорганизованность в центре и на местах (несогласованность действий министерств и ведомств, дублирование комиссий и отделов в Министерстве земледелия, ГЗК и ЛАР); законодательно-

нормотворческий коллапс; административные раздоры между Министерством земледелия и ГЗК и др. Последний, не обладая законодательными полномочиями, стремился к законотворческой деятельности и активному влиянию на характер принимаемых министерством решений. Совет ГЗК настаивал на представительстве членов ГЗК на заседаниях Временного правительства [26. С. 9]. Такое стремление ГЗК не разделялось Министерством земледелия, и поэтому между ними не наблюдалось единства действий.

Временное правительство не стремилось решить острейший земельный вопрос, перепоручая его Учредительному собранию. Оно связало себе руки, заявив о временном характере своей власти, стремлении поддержать правопорядок до созыва Учредительного собрания, установив себе мораторий на решение коренного вопроса революции – аграрного. Приоритетность решения именно этой проблемы в понимании общества была выше, чем у государства. Об этом свидетельствовали самочинные захваты земель и иных угодий в регионах. С острой критикой нерешительности Временного правительства в решении аграрного вопроса выступил 15 августа на Государственном совещании в Москве Л.Н. Капацкий, представитель сельскохозяйственных обществ. Он заявил, что с момента революции в России «не было министерства земледелия, а было и есть министерство политической подготовки страны к проведению аграрной реформы». Земельные комитеты вместо урегулирования земельных отношений «внесли море распри, беззакония и смуты». За начавшиеся захваты и разгромы в деревне, дезорганизацию села, превращение крестьянина-землепашца в экспроприатора он обвинял Временное правительство, которое не могло согласовать действия отдельных министерств, осуществить «планомерную работу» [45. С. 241, 243]. Экономист И.Х. Озеров вторил Л.Н. Капацкому: «Власть, только говорящая, – не есть власть. Надо уметь, когда нужно, опираться на силу, на меч...» В сфере промышленности и сельского хозяйства, по его словам, проводилась «политика экономического поражения». При этом вину за кризис он распределял между всеми – и властью, и обществом [45. С. 248–249].

Земельный вопрос по своей остроте и значимости явно доминировал над иными проблемами природопользования. Это не означало, что правительство не знало о них – оно пыталось их решать по степени приоритетности. В работе Временного правительства отмечалась инертность в смысле огромной площади страны, невозможности наладить оперативную коммуникацию с местными земельными комитетами. Не последнюю роль в торможении решения аграрного вопроса и обсуждения проблем природопользования играл культурно-образовательный разрыв политической элиты и большей части общества. Так, председатель Комиссии по подготовке земельной реформы на местах А.А. Кауфман в докладе на III сессии ГЗК отмечал необходимость создания адаптированной для народа версии рассылаемого на места вопросника – «Общего плана деятельности комитетов по подготовке земельной реформы», так как существовавшую редакцию он считал труднодоступной для понимания населения [24. С. 5].

Вместе с тем большой заслугой Временного правительства было стремление сохранить от уничтожения и упадка рационально организованные хозяйства, опытные поля и различные питомники. В этом оно встречало понимание и поддержку местных земельных комитетов и части крестьянства. Важное значение имело учреждение специального Сельскохозяйственного комитета. Благодаря этой мере продолжали развиваться сельскохозяйственное образование и наука, сохранилась преемственность в научном сопровождении сельского хозяйства, были сохранены опытные станции, продолжена работа по популяризации травосеяния.

Относительно лесопользования у власти не было единой и однозначной позиции. С одной стороны, правительство всячески сдерживало хищнические рубки лесов, готовило проект нового закона о лесах, с другой – было вынуждено в ущерб бережному лесопользованию обеспечивать топливом промышленность и армию. Попытки законодательного регулирования объемов рубки лесов по всей стране, создания Главного лесного комитета по аналогии с ГЗК не увенчались успехом. Заинтересованную активность и инициативу в регламентировании разумного лесопользования проявляли местные земельные комитеты. Они преследовали цель сохранить леса от уничтожения. Вообще проблемой лесов и Министерство земледелия, и ГЗК занялись вплотную лишь с конца лета, всячески откладывая ее обсуждение и решение. При этом у власти и общества нарастало общее стремление к установлению государственного контроля над лесным хозяйством страны.

Вопросы водопользования в целом осознавались властью, но их регулирование также откладывалось на потом, после подготовки основ аграрной реформы и в связи с ее осуществлением. Отмечалась целесообразность государственного контроля водопользования и водосбережения.

Действия власти по сохранению племенного скота и либерализации рыболовства были продиктованы острой продовольственной проблемой в тылу и армии. Отступление от ранее принятых законодательных ограничений периода и способов лова рыбы было сделано исключительно в интересах голодавшего населения, что было объяснимо: в условиях разрухи и бескормицы это было вынужденной и необходимой мерой. Даже жесткие запреты власти на лов рыбы вряд ли соблюдались бы в условиях всеобщего коллапса, поэтому Временное правительство закрывало глаза на «рыбную вакханалию».

Итак, даже в непростое время революции и Первой мировой войны, в условиях жесткой политической борьбы, всеобщей дезорганизации Временное правительство пыталось хоть как-то регулировать вопросы природопользования. Об этом свидетельствуют специально создававшиеся властью для их обсуждения многочисленные комиссии и подкомиссии Министерства земледелия и ГЗК. (Правда, создавались они медленно и полноценно не функционировали, ограничиваясь учредительными и эпизодическими совещаниями.) В целом в политике природопользования в аграрной сфере Временное правительство сохраняло преем-

ственность с аналогичной политикой царского режима в смысле взвешенного, эволюционного подхода к вопросам рационального ресурсопользования [46].

Одобренное Временным правительством обсуждение научных основ рационального природопользования в рамках Лиги аграрных реформ, а также инициированное с ее подачи исследование состояния сельского хозяйства в стране были важными интенциями для их политических преемников. В этом и состоит заслуга Временного правительства – в сохранении кадровой и организационной преемственности с дореволюционным периодом и подготовке научных основ для советской политики природопользования. Именно дореволюционные специалисты стояли у истоков советской сельскохозяйственной науки.

Некоторые наработки и предложения, в основном сформулированные учеными-экономистами и аграрниками ЛАР, не претворенные на практике Временным правительством, в последующем были осуществлены большевиками в разные периоды преобразования сельского хозяйства. Самое главное – они воплотили артикулируемое многими политическими и общественными силами общее пожелание о национализации лесов, вод и других ресурсов. Помимо этого, ими были приняты декреты о запрете бесконтрольной вырубке лесов, расширении мелиоративных и иных работ в РСФСР, развитии опытного дела в стране, расширении агрономического просвещения крестьян [47, 48].

Не оконченные Временным правительством мероприятия также были подхвачены и развиты в последующем советским правительством. Например, решения о введении сельскохозяйственных предметов в общеобразовательные учреждения осенью 1917 г. [49], открытие в Москве курсов инструкторов и десятников сельского строительства при Министерстве земледелия [50] были закреплены советскими декретами о расширении агрономического образования, создании сети сельскохозяйственных учебных заведений [51. С. 204–207]. Мероприятия по охране племенного скотоводства, закупке скота в Монголии, развитию крестьянского животноводства и птицеводства [39, 52, 53] также были продолжены большевиками [54, 55].

Возлагать ответственность за крах либеральной альтернативы решения аграрного вопроса, а вместе с ним и социоприродных проблем деревни, лишь на Временное правительство было бы неверным, так же как и оправдывать его за это. Несомненно, в таком историческом фиаско были задействованы все: и власть, и политические партии, и общество. Провал приближался и становился неизбежным ввиду действия внутренних и внешних процессов, встретившихся в одной точке в октябре 1917 г.

Представленные результаты исследования не претендуют на полноту и исчерпанность: весьма перспективным, на наш взгляд, является изучение региональных особенностей регулирования земельными комитетами проблем хозяйственного природопользования и ответных действий крестьян. Именно материалы микро- и мезоуровня позволяют конкретизировать высказанные нами тезисы и увидеть в изучаемом процессе нюансы, не заметные на общероссийском фоне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малышева С.Ю. Российское Временное правительство 1917 года: отечественная историография : дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2000. 584 с.
2. Хитрина Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 г. Н. Новгород : Нижегородский гуманитарный центр, 2001. 383 с.
3. Погорелый Д.Н. Земельные комитеты Тамбовской губернии, 1917–1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002.
4. Диндаров А.И. Земельные комитеты Среднего Поволжья в 1917–1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002.
5. Артемов С.Н. Земельные комитеты на Юге России в 1917-первой половине 1918 года : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2008.
6. Пивоваров Н.Ю. Земельные комитеты в Сибири (апрель–декабрь 1917 г.) // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск : Сибпринт, 2014. С. 42–66.
7. Саблин В.А. Земельные органы в северной деревне в период аграрной революции 1917–1918 гг. // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2016. № 1. С. 18–24.
8. Кульпин Э.С. Бифуркация Запад–Восток. Введение в социоестественную историю. М. : Московский лицей, 1996. 200 с.
9. Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 7–8.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1796. Оп. 1. Д. 117.
11. Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года : в 4 т. М. : РОССПЭН, 2001–2004.
12. Вестник Временного правительства. 1917. № 7 (53). 12 марта.
13. Вестник Временного правительства. 1917. № 8 (54). 14 марта.
14. Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года : в 4 т. / отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько и О.В. Лавинская. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 1: Март–апрель 1917 года. 447 с.
15. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 622.
16. Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года : в 4 т. / отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 3: Июль–август 1917 года. 416 с.
17. Вестник Временного правительства. 1917. № 141 (187). 27 августа.
18. Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 2–3.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 47. Д. 605.
20. ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 69.
21. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 94.
22. Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 1.
23. Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания 1–2 июля 1917 г. Петроград : Тип. Мин. земледелия, 1917. 151 с.
24. Кауфман А.А. О работах по подготовке земельной реформы на местах (доклад III сессии Главного земельного комитета). Петроград : Тип. Министерства земледелия, 1917. 16 с.
25. Вестник Временного правительства. 1917. № 104 (150). 14 июля.
26. Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 4–5.
27. Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 6.
28. Труды комиссий по подготовке земельной реформы. Петроград : Типо-лит. акц. о-ва «Просвещение», 1918. Вып. V: Организация территории. 79 с.
29. ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 42.
30. Основные вопросы аграрной реформы на II Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. М. : Универсальная б-ка, 1917. 47 с.
31. Природа крестьянского хозяйства и земельный режим. Труды III Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ. М. : Изд. Лиги аграрных реформ, 1918. 47 с.
32. Государственное совещание : стеногр. отчет / предисл. Я.А. Яковлева. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. 372 с.
33. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 592.
34. ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 43.
35. ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 35.
36. Вестник Временного правительства. 1917. № 146 (192). 5 сентября.
37. Вестник Временного правительства. 1917. № 91 (137). 28 июня.
38. Вестник Временного правительства. 1917. № 96 (142). 5 июля.
39. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 519.
40. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 523.
41. Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России состоящей при Императорской Академии наук за 1916 г. Петроград : Тип. Имп. Академии наук, 1917. 52 с.
42. Нэш Р. Права природы: история экологической этики / пер. с англ. С. Колоса, В. Борейко. Киев : Киев. экол.-культур. центр, 2001. 178 с.
43. Цинцадзе Н.С. Экологические проблемы аграрной сферы в программах политических партий России в период февраля–октября 1917 г. // Человек и природа : материалы XXVII Междунар. междисциплинар. конф. «Проблемы социоестественных исследований» и Междунар. междисциплинар. молодежной школы «Стратегии экологической безопасности» / под ред. Н.О. Ковалевой, С.К. Костовска, А.С. Некрич, О.А. Салимгареевой. М. : МАКС-Пресс, 2017. С. 145–148.
44. Вестник Временного правительства. 1917. № 3 (49). 8 марта.
45. Государственное совещание : стеногр. отчет / предисл. Я.А. Яковлева. М.–Л. : Гос. изд-во, 1930. 372 с.
46. Цинцадзе Н.С. Социоприродные аспекты деятельности Министерства земледелия Российской империи в пореформенный период // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2017. № 46. С. 128–132.
47. Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Контент-анализ подходов советской власти к природно-экологическим проблемам 1917–1921 гг. // Социологические исследования. 2016. № 9 (389). С. 144–147.
48. Цинцадзе Н.С. Социоестественные проблемы позднего аграрного общества Европейской части РСФСР в восприятии партийно-политического руководства страны 1920–30-х гг. // Природа и общество: технологии обеспечения продовольственной и экологической безопасности. Сер. Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России / под ред. Н.О. Ковалевой, С.К. Костовска, Е.А. Борисовой. М. : МАКС Пресс. 2016. Вып. XL. С. 140–149.
49. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 95.
50. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 381.
51. Декреты Советской власти. М. : РОССПЭН, 2009. Т. 18: Август 1921 г. 671 с.
52. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 421.
53. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 522.
54. Декреты Советской власти. М. : Политиздат, 1976. Т. 8: Апрель–май 1920 г. 444 с.
55. Декреты Советской власти. М. : Политиздат, 1975. Т. 7: 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. 676 с.

Tsintsadze Nina S. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia). E-mail: NinaTsintsadze2010@yandex.ru

PROVISIONAL GOVERNMENT AND ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF RUSSIAN PROVINCE IN 1917: ATTEMPTS TO SOLVE ON THE TRANSIT BETWEEN «TSARISM» AND «BOLSHEVISM»

Keywords: Environmental History; socio-natural problems; The Provisional Government; The Chief Land Committee; League of Agrarian Reforms.

The aim of the research is to study the Russian socio-natural problems during February–October 1917 in the perception of the Provisional Government, the Chief Land Committee of the Ministry of Agriculture and the Governmental League of Agrarian Reforms. The sources of the research were the documents of the Russian State Historical Archive (RGIA) and the State Archive of the Russian Federation (GARF) funds, the journals of the Provisional Government meetings, the materials of the official publications – “The Provisional Government Review” and “The Chief Land Committee News”, – and other published documents.

In the article for the first time the environmental aspects of the agrarian policy of the Provisional Government were considered: land use and land reclamation, forest use, water use, cattle and livestock development, fishery issues. Fragmentary presents issues of the resettlement and colonization policy. In the first place for the authority and society were land use problems. In preparing the fundamentals of agrarian reform, the Provisional Government relied on the expansion of the land area by reclamation of both exploited and uncomfortable for agriculture lands. The achievement of the Provisional Government was the desire to preserve rationally organized farms, experimental fields and various nurseries from destruction and decline. In the sphere of forest management, Provisional Government varied between the desire to provide the forestry material to the defense industry and the army and the need to protect forests from illegal felling. Water use issues were periodically discussed, but were not prioritized. The authorities’ actions to preserve breeding stock and liberalize fishing were dictated by an acute food problem in the rear and the army.

It is concluded that in the extreme period of military-revolutionary devastation and political instability, the problems of ecology were clearly not top priorities for the Provisional Government. Despite this, the authority understood the problem of depletion of the country’s natural and economic resources, and tried to minimize them. The importance of unrealized proposals and activities of the Provisional Government in the sphere of economic activity rationalization, which were subsequently continued by the Soviet government, is noted.

REFERENCES

1. Malysheva, S.Yu. (2000) *Rossiyskoe Vremennoe pravitel'stvo 1917 goda: otechestvennaya istoriografiya* [Russian Provisional Government of 1917: Russian historiography]. History Dr. Diss. Kazan.
2. Khitrina, N.E. (2001) *Agrarnaya politika Vremennogo pravitel'stva v 1917 g.* [Agrarian Policy of the Provisional Government in 1917]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskiy gumanitarnyy tsentr.
3. Pogorelyy, D.N. (2002) *Zemel'nye komitety Tambovskoy gubernii, 1917–1918 gg.* [Land committees of the Tambov province, 1917–1918]. History Cand. Diss. Tambov.
4. Dindarov, A.I. (2002) *Zemel'nye komitety Srednego Povolzh'ya v 1917–1918 gg.* [Land committees of the Middle Volga region in 1917–1918]. Abstract of History Cand. Diss. Kazan.
5. Artemov, S.N. (2008) *Zemel'nye komitety na Yuge Rossii v 1917-pervoy polovine 1918 goda* [Land committees in the South Russia in 1917 and the first half of 1918]. Abstract of History Dr. Diss. Pyatigorsk.
6. Pivovarov, N.Yu. (2014) *Zemel'nye komitety v Sibiri (aprel'-dekabr' 1917 g.)* [Land committees in Siberia (April–December 1917)]. In: Ilinch, V.A. (ed.) *Sibirskaya derevnya: problemy istorii* [Siberian Village: Problems of History]. Novosibirsk: Sibprint. pp. 42–66.
7. Sablin, V.A. (2016) Land authorities in a northern village during the agrarian revolution of 1917–1918. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Gumanitarnyye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki*. 1. pp. 18–24. (In Russian).
8. Kulpin, E.S. (1996) *Bifurkatsiya Zapad-Vostok. Vvedenie v sotsioestestvennuyu istoriyu* [Bifurcation West-East. Introduction to the social history]. Moscow: Moskovskiy litsey.
9. *Izvestiya Glavnogo zemel'nogo komiteta*. (1917a). 7–8.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1796. List 1. File 117.
11. Dodonov, B.F. (ed.) (2001–2004a) *Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva: mart-oktyabr' 1917 goda: v 4 t.* [Minutes of the Provisional Government: March–October, 1917: in 4 vols]. Moscow: ROSSPEN.
12. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917a). 12th March.
13. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917b). 14th March.
14. Dodonov, B.F. (ed.) (2001–2004b) *Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva: mart-oktyabr' 1917 goda: v 4 t.* [Minutes of the Provisional Government: March–October, 1917: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 622.
16. Dodonov, B.F. (ed.) (2001–2004b) *Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva: mart-oktyabr' 1917 goda: v 4 t.* [Minutes of the Provisional Government: March–October, 1917: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: ROSSPEN.
17. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917c) 27th August.
18. *Izvestiya Glavnogo zemel'nogo komiteta*. (1917b) 2–3.
19. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 381. List 47. File 605.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1796. List 1. File 69.
21. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 94.
22. *Izvestiya Glavnogo zemel'nogo komiteta*. (1917c) 1.
23. The Main Land Committee. (1917) *Trudy vtoroy sessii Glavnogo zemel'nogo komiteta. Zasedaniya 1-2 iyulya 1917 g.* [Proceedings of the second session of the Main Land Committee. Meetings July 1–2, 1917]. Petrograd: Tip. Min. zemledeliya.
24. Kaufman, A.A. (1917) *O rabotakh po podgotovke zemel'noy reformy na mestakh (doklad III sessii Glavnogo zemel'nogo komiteta)* [On the work on the preparation of land reform (report of the 3rd Session of the Main Land Committee)]. Petrograd: Tip. Ministerstva zemledeliya.
25. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917d) 14th July.
26. *Izvestiya Glavnogo zemel'nogo komiteta*. (1917d) 4–5.
27. *Izvestiya Glavnogo zemel'nogo komiteta*. (1917e) 6.
28. The Commissions for the Land Reform. (1918) *Trudy komissiy po podgotovke zemel'noy reform* [Proceedings of the Commissions for Land Reform]. Vol. 5. Petrograd: Prosveshchenie.
29. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1796. List 1. File 42.
30. Anon. (1917) *Osnovnye voprosy agrarnoy reformy na II Vserossiyskom s'ezde Ligi agrarnykh reform* [The main issues of agrarian reform at the II All-Russian Congress of the League of Agrarian Reforms]. Moscow: Universal'naya biblioteka.
31. Anon. (1918) *Priroda krest'yanskogo khozyaystva i zemel'nyy rezhim. Trudy III Vserossiyskogo s'ezda Ligi agrarnykh reform* [The nature of the farm and land regime. Proceedings of the III All-Russian Congress of the League of Agrarian Reforms]. Moscow: Izdanie Ligi agrarnykh reform.
32. Anon. (1930) *Gosudarstvennoe soveshchanie* [State meeting]. Moscow; Leningrad: Gos. iz-vo.
33. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 592.
34. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1796. List 1. File 43.
35. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1799. List 1. File 35.

36. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917e). 5th September.
37. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917f). 28th June.
38. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917g). 5th July.
39. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 519.
40. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 523.
41. Imperial Academy of Sciences. (1917) *Otchet o deyatelnosti Komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii sostoyashchey pri Imperatorskoy Akademii nauk za 1916 g.* [Report on the activities of the Commission for the Study of the Natural Productive Forces of Russia of the Imperial Academy of Sciences in 1916]. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.
42. Nash, R. (2001) *Prava prirody: Istoriya ekologicheskoy etiki* [The Rights of Nature: A History of Environmental Ethics]. Translated from English by S. Kolos, V. Boreyko. Kyiv: Kiev. ekol.-kul'tur. Tsentr.
43. Tsintsadze, N.S. (2017) *Ekologicheskie problemy agrarnoy sfery v programmakh politicheskikh partiy Rossii v period fevralya-oktyabrya 1917 g.* [Ecological problems of the agrarian sphere in the programs of Russian political parties during February – October 1917]. In: Kovaleva, N.O., Kostovska, S.K., Nekrich, A.S. & Salimgareeva, O.A. (eds) *Chelovek i priroda* [Human and Nature]. Moscow: MAKSPress. pp. 145–148.
44. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917h). 8th March.
45. Anon. (1930) *Gosudarstvennoe soveshchanie* [State meeting]. Moscow; Leningrad: Gos. iz-vo.
46. Tsintsadze, N.S. (2017) *Sotsioprirodnye aspekty deyatelnosti Ministerstva zemledeliya Rossiyskoy imperii v poreformenny period* [Socio-natural aspects of the activities of the Ministry of Agriculture of the Russian Empire in the post-reform period]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii Istoriya i komp'yuter*. 46. pp. 128–132.
47. Kanishchev, V.V. & Tsintsadze, N.S. (2016) Content analysis in studying social and environmental problems of Soviet society 1917–1921. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9(389). pp. 144–147. (In Russian).
48. Tsintsadze, N.S. (2016) *Sotsioestestvennye problemy pozdnego agrarnogo obshchestva Evropeyskoy chasti RSFSR v vospriyatii partiynopoliticheskogo rukovodstva strany 1920–30-kh gg* [Socio-natural problems of the late agrarian society of the European part of the RSFSR in the perception of the party-political leadership of the country in the 1920–1930s]. In: Kovaleva, N.O., Kostovska, S.K. & Borisova, E.A. (eds) *Priroda i obshchestvo: tekhnologii obespecheniya prodovol'stvennoy i ekologicheskoy bezopasnosti* [Nature and society: technologies for food and environmental security]. Moscow: MAKSPress. pp. 140–149.
49. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 95.
50. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 381.
51. Anon. (2009) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Soviet Decrees]. Vol. 18. Moscow: ROSSPEN.
52. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 421.
53. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 522.
54. Anon. (1976) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Soviet Decrees]. Vol. 8. Moscow: Politizdat.
55. Anon. (1975) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Soviet Decrees]. Vol. 7. Moscow: Politizdat.

УДК 93 (091)

DOI: 10.17223/19988613/58/10

А.С. Шестопалова

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС» В РОССИЙСКОЙ АРМИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)

Раскрывается содержание «национального вопроса» в армии накануне Первой мировой войны. На основе изучения отечественной публицистики с помощью дискурс-анализа предпринята попытка реконструировать представления сторонников исключения инородцев из армии и их оппонентов.

Ключевые слова: императорская армия; публицистика; национальный вопрос.

В 1874 г. с введения Устава о всеобщей воинской повинности в Российской империи был сделан шаг к реализации идеи всенародной государственной защиты и национальной армии. Это поставило под одни знамена практически все многочисленные народности, проживающие на территории России, и стало началом создания национального государства. В связи с этим актуализировалась проблема лояльности только что принятых в армейскую семью инородцев. Эта проблема является органической частью национального вопроса в России, который особенно остро звучал в межреволюционный период и решение которого приобрело особую значимость в судьбоносном для России 1917 г.

В ситуации кризиса царского правительства, Первой русской революции, поражения в русско-японской войне, роста национально-освободительного движения национальный вопрос приобрел сугубо политический характер. Поиск виновных в сложившейся обстановке способствовал культивации мифа о внутреннем враге. На страницах отечественной периодики велось обсуждение степени благонадежности и пригодности для военной службы различных народов Российской империи, была выстроена своеобразная иерархия достойных и недостойных службы в императорской армии. Военно-государственной мыслью была выдвинута и активно пропагандировалась легенда о «необъявленной войне» инородцев против армии. Так кто же считался самым неблагонадежным и нежелательным элементом в армии и как это повлияло на решение национального вопроса в России?

При обсуждении национального вопроса в армии сформировалось два крупных противоборствующих лагеря сторонников и противников присутствия в армии инородцев. Через публицистические статьи они знакомили общественность со своими взглядами и отстаивали свои точки зрения, к которым, сделав свой выбор, должны были примкнуть все слои населения. В реконструкции взглядов представителей этих противостоящих групп заключается цель настоящей работы. Под публицистикой понимаются произведения, цель которых состоит в выражении и формировании общественного мнения по актуальным вопросам современной жизни. Анализ отечественной публицистики открывает перед нами возможность изучения мнений, сформированных в условиях кризиса представителями

различных социальных групп. Это обусловило выбор в качестве главного источника статей, опубликованных в «Русском богатстве», «Русском вестнике», «Военном сборнике» и др. Данные журналы в начале XX столетия приобрели публицистический характер, а на их страницах происходило осмысление событий внутренней жизни России. Для достижения поставленной цели мы обратились к дискурс-анализу, с помощью которого предполагается исследовать скрытые смыслы публицистических текстов, контекст создания и возможную их интерпретацию читателями.

По мнению публицистов, главными инициаторами «крестового похода» против величия русской армии стали евреи и поляки при своевременной поддержке финнов и латышей. На другом же полюсе, в качестве приверженных воинов и монархистов с благородным пониманием дисциплины, находились мусульманские подданные [1. С. 392]. Публицистика, прежде всего правового толка, в значительной степени потрудились над тем, чтобы донести до сознания общественности, офицеров, солдат, что главные внутренние враги отечества – это «бунтовщики, студенты, конокрады, жида и поляки» [2. С. 117]. Именно так ответил на занятиях рядовой Овечкин, герой повести «Поединок» А.И. Куприна, опубликованной в мае 1905 г.

Один из главных идеологов молодого русского национализма М.О. Меньшиков в серии публицистических работ, посвященных вопросам жизни и устройства армии, пропагандировал идею о том, что основой государственной армии должно быть только господствующее племя, а враждебных России инородцев, в частности евреев, поляков, армян, следовало бы обложить военной данью. М.О. Меньшиков утверждал, что «золотой век нашей военной славы был тогда, когда армия набиралась из чисто русских» [3. С. 107].

По мере усиления политического кризиса в стране в кругах политической элиты возобладали юдофобские настроения. Несмотря на негативное отношение в военной среде ко многим инородцам, именно евреев объявили главными врагами армии. Постепенно происходило некое отождествление «национального вопроса» и «еврейского вопроса» в армии. Вслед за этим последовал ряд ограничений в военной структуре для представителей еврейской диаспоры, в частности в 1910 г. было запрещено принимать в военные училища

и производить в офицеры крестившихся евреев [4]. Началась беспрестанная работа по разработке нового воинского Устава, главным достижением которого должно было стать исключение евреев из армии.

Своеобразной подготовкой общества к преобразованиям стала политическая кампания в прессе по дискредитации еврейского населения, его военных способностей. В 1909–1913 гг. выходит большое количество публицистических статей со стороны как явных поборников антисемитизма, так и защитников евреев.

Уже в преддверии Первой русской революции на страницах отечественных периодических изданий зарождались первые мифы о военной службе евреев. Одним из самых распространенных стало убеждение о том, что евреи – это этническая группа, наиболее уклоняющаяся от военной службы. Военный публицист Далинский в своей работе «Евреи в армии» утверждал, что евреи для уклонения от службы прибегали к членовредительству. Он приводил примеры того, как представители еврейской диаспоры за несколько дней до службы ничего не ели, кроме лимонов, пили уксус, вследствие чего принимали болезненный вид, а также вырывали себе нужное количество зубов [5. С. 85]. Эта статья, напечатанная в «Военном сборнике» исследователями признавалась как одна из самых слабых, плохо написанных, неаргументированных за всю историю журнала [6. С. 348].

В политическом руководстве и среди части военных получило признание представление о том, что именно евреи-новобранцы способствовали моральному разложению армии, росту уровня преступности в военной среде. В частности, командир 5-го армейского корпуса Н.В. Шутлеворт в докладе Военному совету 15 января 1908 г. писал, что в армии разрушителями дисциплины являются евреи. Генерал рассуждал так: «Да и какие это воины! В 1904–1905 гг. из всякой части, которая предполагалась к мобилизации, евреи почти все поголовно бежали» [7. Л. 78].

На страницах периодики активно разрабатывался образ евреев как самых ненадежных, плохо обучаемых военному ремеслу, трусливых, подверженных воздействию революционной идеологии [6. С. 15].

Стоит отметить, что эта кампания против евреев в печати касалась исключительно солдат, несмотря на то что среди офицерского корпуса имелись также выходцы из еврейской народности. В периодике некоему осуждению подвергались офицеры, которые снисходительно и сочувственно относились к евреям. М.О. Меньшиков в одной из своих статей упомянул об удачном назначении генерала Мартынова начальником корпуса, охраняющего Манчжурскую дорогу. Публицист так характеризовал генерала: «Он боевой офицер и, кажется, хороший администратор. У него есть драгоценное свойство – быстрота понимания и замечательная решимость. Немножко скомпрометировало его несчастное прикосновение к издательству одной жидо-кадетской газеты, но это было еще в те годы, когда газета, теперь покойная, казалась русской». [8. С. 16]

В межреволюционный период эти стереотипы никуда не ушли, получив лишь законченное оформление и повсеместное распространение. Из многочисленных

публикаций праворадикальной публицистики следовал только один вывод: евреев стоит удалить из армии. Приверженцы этой позиции называли евреев не иначе как «антимилитаристами», «анархистами по крови» [1. С. 392].

Острая полемика в Думе по поводу евреев в армии, подготовка нового устава способствовали консолидации лагеря, выступавшего против исключения евреев из армейской семьи. Попытки развеять мифы о военной службе евреев предприняли С. Гинзбург, М. Усов, С.М. Масловский и др. Публицисты с разных позиций пытались доказать необоснованность аргументации приверженцев исключения евреев из армии. В частности, С.М. Масловский (псевдоним С. Мстиславский) утверждал, что «новоявленный русский национализм» для пробы своих сил из многочисленных врагов и противников выбрал евреев как наиболее слабых. Он заявлял, что Военное министерство вопросом об исключении евреев из армии было захвачено врасплох, поскольку до последнего времени еврейского вопроса как такового в армии не существовало [9. С. 1]. Особенной критике публицист подверг стереотип о физической непригодности евреев. Длительное время главным критерием в определении физического развития считалось отношение окружности груди к росту, представители же еврейской диаспоры являлись самым узкогрудым племенем в Российской империи. Но, по мнению Масловского, единственно верным в этой формуле было то, что евреи действительно обладают более узкой грудью, чем другие племена [Там же. С. 5]. Однако тогда бы пришлось признать непригодными для военной службы и афганцев, туркменов и др. Автор призывал обратить внимание на такие характеристики при определении «годности» того или иного народа, как жизненная устойчивость, долголетие, естественный прирост, сопротивляемость болезням. С.М. Масловский подчеркивал, что по всем этим пунктам евреи выгодно отличались от не-евреев [Там же. С. 7].

Приверженцы этой точки зрения считали, что обвинения, выдвинутые против еврея как солдата, не имели реальных оснований и строились лишь на умозрительных заключениях. По их мнению, «еврейство несло свою повинность со всей тщательностью, которую допускал его ослабленный эмиграцией и бытовыми условиями состав» [Там же. С. 26]. Исключение же евреев из армии могло привести от армии государства российского к армии «русского племени».

Противники евреев и сами осознавали шаткость многих своих обвинений, поэтому предприняли попытку подкрепить свои доводы авторитетным мнением военачальников. Для этой цели Военное министерство в 1912 г. разослало анкеты по еврейскому вопросу высшей военной аристократии, знающей об отношении к евреям при дворе и в самом Военном министерстве [6. С. 343]. Большинство из них высказались за изгнание евреев из армии. Многие характеризовали евреев малопригодными либо вообще непригодными к службе в армии. Генералы отмечали физическую слабость и повышенную болезненность евреев, их непригодность к физическому труду и тяготам военной службы [4]. Стоит отметить, что материалы анкетиро-

вания были обработаны значительно позже, а военный устав 1912 г. был принят без их учета. Новый устав, вводивший ряд ограничений для евреев, не исключал их, однако, из армейской семьи.

Широко развернувшаяся кампания против изгнания представителей еврейской национальности из армии лишь с началом Первой мировой войны постепенно блекла, а затем вовсе приняла латентный характер. Взор русской общественности теперь был обращен не к внутреннему врагу, а к внешнему. Но безусловным является и тот факт, что в подсознании многих закрепился образ еврея, лишённого всякого патриотического чувства и желающего гибели для России. Об укреплении этой точки зрения в общественном сознании позаботился Главный штаб, запретив военным цензорам пропускать в печать информацию о подвигах военнослужащих евреев, которые с началом войны, как и все, были призваны на фронт.

Таким образом, активно обсуждавшийся национальный вопрос, частью которого была проблема благонадежности инородцев в российской армии, не был решен до Первой мировой войны. Несмотря на негативное отношение как в армии, так и в обществе к евреям, полякам, финнам, Военное министерство в новом Уставе 1912 г., опасаясь раскола в военной среде накануне мировой войны, не пошло по пути исключения инородцев из армии, в том числе и евреев.

Политическая кампания по исключению евреев и представителей других народностей из армии, развер-

нувшаяся на страницах отечественных периодических изданий, по многим параметрам была необоснованной. В военной семье национальный вопрос не стоял так остро, как это было представлено в печати. Но публицистические тексты, появившиеся в 1909–1913 гг., во время обострения политического кризиса, сыграли свою роль в конструировании взаимоотношений в российской армии. Использование дискурсивного анализа позволило установить, что все без исключения публицисты для подтверждения своей точки зрения использовали политический, научный и идеологический дискурсы.

Начало Первой мировой войны отодвинуло решение национального вопроса в армии. К тому же на первых порах реалии военного времени стирали национальную рознь и нетерпимость. Но в армии этот вопрос вспыхнул с новой силой еще до 1917 г., когда по различным соображениям началось создание национальных частей. С началом революции усилились центробежные силы. А.И. Деникин так характеризовал эту ситуацию: «Начались бесконечные национальные военные съезды, заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане... все они требовали немедленного формирования отдельных войск. Должен добавить, что только одна национальность не требовала самоопределения в смысле несения военной службы – это еврейская [10. С. 455]. Цитата А.И. Деникина как ничто другое опровергает тезис националистов о евреях как о неблагонадежном элементе в армии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евреи и войско // Русский вестник. 1903. № 3. С. 391–393.
2. Куприн А.И. Поединок. М.: Мир книги, 2003.
3. Меньшиков М.О. Из писем к ближним. М.: Воениздат, 1991. С. 105–112.
4. Гольдин С. Русская армия и евреи накануне Первой мировой войны URL: http://www.lechaim.ru/ARHIV/185/goldin.htm#_ftn23 (дата обращения: 13.03.2017).
5. Далинский. Евреи в армии // Военный сборник. 1911. № 10. С. 75–99.
6. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии: 1827–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 868. Оп. 1. Д. 822.
8. Меньшиков М.О. Крупные люди // Русский вестник. 1911. № 3. С. 13–18.
9. Масловский С.М. Без евреев // Русское богатство. 1912. № 2. С. 1–35.
10. Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Айрис-пресс, 2015. Кн. 1, т. 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917).

Shestopalova Anna S. Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: chestopalova94@mail.ru

«NATIONAL ISSUE» IN THE RUSSIAN ARMY (BASED ON DOMESTIC JOURNALISM MATERIALS)

Keywords: imperial army; publicism; national issue.

At the beginning of XX century the problems of everyday life, traditions and life of the imperial army were actively discussed on the pages of Russian periodicals. One of the debatable issues was theme of the degree of trustworthiness and devotion to the Fatherland and the Throne of non-Russians who served in the army.

The purpose of this article is to reconstruct views and arguments of supporters of expelling non-Russians from the army and their opponents. Through publicistic articles, they acquainted the general public with their views. In the present work, journalism is understood to mean works whose purpose is not only to express, but also to form public opinion on topical issues of modern life. The sources of the research were journalistic articles and notes published at the beginning of the XX century in “Russian Wealth”, “Russian Herald”, “Military Compendium”, “Russian Disabled” and other periodicals. One of the fundamental methods of this research is a discourse analysis, which made it possible to reveal the hidden meanings of journalistic texts and their purpose in specific historical conditions, and their possible interpretation by readers.

We found that the most unreliable elements in the army were Jews, Poles, Finns, Latvians and Armenians. But with a negative attitude to representatives of different nationalities, the Jews were declared the main enemies of the Russian army. This fact led to the identification of the “national issue” and “Jewish issue”. The article analyzed the myths about servicemen of Jewish origin. The pages of Russian periodicals actively cultivated the idea, that the Jews were the ethnic group, the most deviated from serving military service. Supporters of the expelling of Jewish nationality representatives out of their army characterized the Jewish soldier as poorly trained, unreliable, subject to the influence of revolutionary ideology, contributing to moral decay and increased crime in the troops. This work reconstructed the views of the Jews defenders, the discourse of their texts and rhetoric.

We came to the conclusion that all, without exception, publicists used political, scientific and ideological discourses to confirm their point of view. The combination of different types of discourse in the journalistic texts allowed them to strengthen their arguments and

influence the formation of public opinion. In many ways, the political campaign of excluding non-Russians from the army, unfolded on the pages of the civil and military periodicals, was not justified. In the army family, the “national question” was not as acute as it was presented in the press.

REFERENCES

1. Anon. (1903) Evrei i voysko [Jews and the army]. *Russkiy vestnik*. 3. pp. 391–393.
2. Kuprin, A.I. (2003) *Poedinok* [Duel]. Moscow: Mir knigi.
3. Menshikov, M.O. (1991) *Iz pisem k blizhnim* [From letters to neighbors]. Moscow: Voenizdat. pp. 105–112.
4. Goldin, S. (n.d.) *Russkaya armiya i evrei nakanune Pervoy mirovoy voyny* [Russian Army and Jews on the Eve of the First World War]. [Online] Available from: http://www.lechaim.ru/ARHIV/185/goldin.htm#_ftn23. (Accessed: 13th March 2017).
5. Anon. (1911) Dalinskiy Evrei v armii [Dalin Jews in the army]. *Voennyi sbornik*. 10. pp. 75–99.
6. Petrovskiy-Stern, Y. (2003) *Evrei v russkoy armii: 1827–1914* [Jews in the Russian army: 1827–1914]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA) Fund 868. List 1. File 822.
8. Menshikov, M.O. (1911) Krupnye lyudi [Big people]. *Russkiy vestnik*. 3. pp. 13–18.
9. Maslovsky, S.M. (1912) Bez evreev [Without Jews]. *Russkoe bogatstvo*. 2. pp. 1–35.
10. Denikin, A.I. (2015) *Ocherki russkoy smuty* [Sketches of Russian Distemper]. Vol. 1(1). Moscow: Ayris-press.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94/99

DOI: 10.17223/19988613/58/11

Т.А. Ахмедов

МНОГОХОДОВАЯ ОПЕРАЦИЯ В СУДЬБЕ ЗАПАДНОГО (СИРИЙСКОГО) КУРДИСТАНА В РАМКАХ БОЛЬШОЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ИГРЫ В 2011–2018 гг.

Рассматриваются роль и место сирийских курдов в общей борьбе против международного терроризма, с одной стороны, и собственная борьба курдов за создание автономии в Западном Курдистане в составе обновленной и децентрализованной Сирии после завершения гражданской войны в этой стране, с другой стороны. Автор также анализирует отношение западных стран к курдам как к союзникам в войне с ИГИЛ в контексте решения курдской проблемы в отдельно взятой стране ближневосточного региона, уделяя особое внимание политическому давлению Турции на своих союзников и на курдские военно-политические силы в Сирии.

Ключевые слова: Западный Курдистан; гражданская война в Сирии; Р. Эрдоган; Сирийские демократические силы.

Во втором десятилетии XXI в. в судьбе многомиллионного курдского народа в рамках ближневосточной военно-политической игры сложилась очень сложная картина. Жители Западного Курдистана получили небольшой, но все-таки шанс политическим путем урегулировать свой национальный вопрос в рамках единой, хотя и децентрализованной Сирии. Однако перспектива приобретения населением Западного Курдистана автономии в составе Сирии очень болезненно воспринимается Турцией. На это у Анкары есть весома причина – 30-миллионное курдское население Северного Курдистана, который на сегодняшний день является частью территории Турции, и она ведет бескомпромиссную военно-политическую борьбу с курдскими политическими силами, желающими парламентским или военным путем приобрести определенные права для курдов в Турции.

Курдский вопрос в Сирии, остро стоявший в 60-е гг. XX в., вновь актуализировался в связи с тем, что весной 2011 г. группа граждан Сирии, сама того не понимая, заложила мину замедленного действия под фундамент режима, существовавшего в Сирии с 1970 г., с момента прихода к власти Х. Асада [1]. С началом в 2011 г. мирных протестов с требованиями об отставке Б. Асада в среде курдской политической элиты снова популяризовалась идея автономного статуса Западного Курдистана, которая ранее находилась в латентном состоянии. В связи с этим начались приготовления к тому, чтобы открыто поставить перед центральной властью вопрос о положении курдского меньшинства в стране. Для решения этой сложной задачи в 2003 г. была учреждена Партия Демократического союза (ПДС), которую в разгар войны в Западном Курдистане возглавил С. Муслим. В этом же году ПДС вошла в систему общекурдской организации Ассоциация обществ Курдистана (АОК), которую учредили курд-

ские политические интеллектуалы, включая представителей РПК, в качестве единого центра координации политико-военной борьбы во всех четырех частях разделенного Большого Курдистана. Войдя в состав этой организации, ПДС не утратила своей самостоятельности, оставаясь суверенной организацией, однако за основу своей идеологии она взяла философские (и утопические) теории А. Оджалана о «демократической нации». В связи с этим многие ошибочно считают ПДС сирийским филиалом РПК, что в корне неверно. В начале борьбы с режимом Б. Асада, а затем и с ИГИЛ, РПК активно помогала ПДС в создании и укреплении вооруженных формирований Западного Курдистана, однако это не было поглощением одной организации Большого Курдистана другой.

В 2011 г., с началом конфликта оппозиции и Президента Сирии Б. Асада, турецкие власти начали активно вмешиваться во внутренние дела соседнего государства. Для реализации своих далеко идущих планов они хотели привлечь на свою сторону разрозненные мелкие курдские партии, чтобы выступить совместным фронтом против Б. Асада. Здесь следует отметить, что Анкара с первых же дней с опаской смотрела на ПДС, в отличие от других партий Западного Курдистана, но первоначально старалась этого не афишировать. Однако представители курдских партий отказались принять участие в конференции оппозиционных сил Сирии, которая проходила 31 мая 2011 г. в турецком городе Анталия. По словам курдского общественного деятеля С. Кадо, это решение было мотивировано тем, что сирийские курды не верят в мирные намерения Турции по отношению к курдам [2].

В следующем, 2012 г., оппозиция и власти Сирии перешли от мирных протестов к боевым столкновениям. Противники режима Б. Асада при помощи внешних сил создали Сирийскую свободную армию (ССА)

и начали отнимать у сирийского режима незначительные территории. Однако в скором времени Сирию захлестнули радикальные исламские группировки, в частности «Фронт ан-Нусра», «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), «Ахрар аш-Шам» и др. «Исламское государство Ирака и Леванта» обозначило себя на арене театра военных действий в начале 2013 г. С началом агрессии ИГИЛ, как, впрочем, и ранее, курдские политические силы не скрывали, что по отдельным экономическим и политическим вопросам они сотрудничают с режимом Б. Асада [3]. В том же 2013 г. для успешной борьбы с исламистами курдские добровольцы начали пополнять ряды Отрядов народной самообороны. На первоначальном этапе войны террористам из ИГИЛ удалось захватить обширную часть территории Сирии, и к концу 2013 г. они отрезали земли Западного Курдистана от основной части Сирии. При этом западная часть Сирийского Курдистана была отрезана от других сирийских территорий не только ИГИЛ, но и США. В сложных условиях курдским ополченцам приходилось противостоять нескольким противникам одновременно, мужественно защищая свои земли не только от исламистов и сирийского режима, но и от Турции, которая также желала воспользоваться сложившейся ситуацией и вернуть себе, как считала Анкара, часть «незаконно» потерянных земель Османской империи [4]. Под давлением европейских организаций турецкие власти в тот момент не пошли на оккупацию этих земель. Необходимо отметить, что в 2013–2016 гг. власти США негласно вели переговоры с региональными лидерами и руководителями курдских организаций о том, чтобы в будущем создать на землях Западного и Южного Курдистана суверенное государство под покровительством клана М. Барзани и протекторатом Турции [5]. Тогда Анкара, также негласно, была согласна на возникновение у своих границ независимого Курдистана, но с условием, что мировые державы и ДПК во главе с М. Барзани помогут Турции навсегда избавиться от РПК и ее вооруженного крыла.

Самым тяжелым временем для Западного Курдистана и вооруженных формирований правящей ПДС стали бои за Кобани, которые начались в сентябре 2014 г. В ходе битвы за город курдские вооруженные силы показали блестящую выучку и дали достойный отпор исламистам в этой неравной борьбе, несмотря на то что ИГИЛовцы имели техническое преимущество над курдскими Отрядами народной самообороны благодаря наличию вооружения, ранее захваченного в Ираке. Необходимо также отметить, что в начале войны с исламистами курдам небольшую помощь оказывала западная коалиция во главе с США. Однако Турция, на границе с которой расположен город Кобани, никакой существенной помощи курдам не оказала.

После того как объединенные силы ПДС и РПК при поддержке авиации США в первой половине 2015 г. отстояли Кобани, они начали успешное наступление на исламистов по всей линии фронта. В процессе постепенного освобождения захваченных территорий от террористов западная коалиция во главе США стала более активно помогать курдским вооруженным си-

лам, которые не только являлись верными союзниками, но и были в состоянии проводить успешные наземные операции.

Военные действия проходили на фоне сложных и запутанных политических событий. Партия Демократического союза устанавливала свои порядки на освобожденных от исламистов землях, не допуская к власти другие курдские силы, в частности, представителей КНС, подозревая их в сотрудничестве с Турцией, такой прямолинейной тактикой пресекая расчленение Западного Курдистана на несколько частей. С другой стороны, ПДС, с точки зрения автора, сама допускала грубейшие политические ошибки, например ставила баннеры с портретом лидера РПК А. Оджалана на освобожденных территориях [6], тем самым раздражая соседнюю Турцию. Но Анкара была недовольна не столько пропагандой идей Оджалана на территории Сирийского Курдистана, сколько регулярными поставками США оружия бойцам Отрядов народной самообороны. В ответ на претензии турецких властей администрация Президента США объясняла свои действия тем, что они ведут войну против терроризма, а после завершения конфликта поставленное курдским силам оружие будет изъято, и давала Анкаре стопроцентные гарантии того, что оружие не попадет к другим группировкам. В данном случае, очевидно, имелась в виду возможная передача оружия в руки вооруженного крыла РПК – Народных сил самообороны Курдистана (НССК).

Отношения ПДС с Турцией осложнились после того, как в июне 2015 г., после теракта в курдском городе Суруч [7], РПК приостановила перемирие и возобновила вооруженную борьбу с турецкими властями. Сразу после этого, летом и осенью 2015 г., в нескольких городах Турции произошли террористические акты. Несмотря на то, что ответственность за проведение этих акций взяла на себя малоизвестная группировка Соколы освободители Курдистана (СОК) [8], турецкие власти обвинили в организации и осуществлении терактов руководство Отрядов народной самообороны сирийских курдов, в частности самого С. Муслима, выдали ордер на его арест и объявили в международный розыск.

В середине 2015 г. Президент Сирии Б. Асад обратился к руководству России за военной помощью в борьбе с террористами, и 30 сентября того же года, после одобрения Советом Федерации Федерального Собрания, Президент России направил ограниченный контингент вооруженных сил в Сирийскую Арабскую Республику. В связи с вовлечением в сирийский конфликт еще одной стороны 11 октября 2015 г. западная коалиция во главе с США создала из курдских Отрядов народной самообороны и примкнувших к ним лояльных арабских оппозиционных сил Сирийские Демократические силы (СДС). Тем самым было положено начало открытого соперничества между Россией и США на Ближнем Востоке. Каждая из сторон преследовала собственные интересы, фактически игнорируя права народов, проживающих в этом регионе мира. Ни на одну международную встречу по урегулированию Сирийского кризиса не были приглашены представи-

тели курдских политических сил. Их организаторы объясняли это тем, что присутствие курдской стороны раздражает Анкару: турецкие власти категорически против участия курдов в переговорном процессе, потому что Анкара считает курдскую организацию ПДС филиалом РПК в Сирии и не желает вести с ней какие-либо переговоры, а без участия Турции международное решение сложной сирийской проблемы нереально.

Несмотря на то, что курдские вооруженные силы в течение 2016–2017 гг., составляя костяк Сирийских демократических сил, освободили треть территории Сирии от террористической организации ИГИЛ, включая провозглашенный ею своей сирийской столицей город Ракка, так называемые союзники не желают их видеть на переговорах по мирному урегулированию. В октябре 2017 г. западные страны во главе США позволили иракской армии оккупировать половину земель Южного Курдистана. Эти курдские территории, входящие в состав Ирака, были фактически брошены центральной властью во время наступления ИГИЛ на произвол судьбы и освобождены ценой жизни курдских бойцов Пешмарга. Но это не стало последним опрометчивым шагом «союзников» курдов в борьбе с ИГИЛ. Бездушные по отношению к курдам они в оче-

редней раз проявили через несколько месяцев, когда Турция под предлогом защиты своих территорий от якобы атаки ОНС [9] начала военную операцию под кодовым названием «Оливковая ветвь». Эту операцию Анкара проводила с 20 января по 18 марта 2018 г. в курдском кантоне Африн и на прилегающих территориях [10].

Резюмируя, можно сказать, что мировое сообщество в наши дни, как и до этого в течение всего XX в., не желает со всей серьезностью подойти к решению одной из сложнейших проблем Ближнего и Среднего Востока – курдской проблемы. Такое отношение показывает, что мировая политическая элита, по-прежнему опасаясь угрозы со стороны Турции, никак не хочет ни учитывать, ни уважать вклад курдов в региональную стабильность. А жертвы, понесенные курдским народом в процессе освобождения стран региона от радикального терроризма, расцениваются как обыденное явление, не заслуживающее того, чтобы вплотную заняться этой вековой проблемой и предоставить курдам под международные гарантии полноценную автономию в странах, где они проживают, если создание полноценного суверенного курдского государства на данном этапе исторического развития пока нереально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономическая и политическая линии Хафеза Асада и Башара Асада // Требуховская Е.С. Причины и особенности кризиса в Сирии. URL: https://studwood.ru/727132/ekonomika/ekonomicheskaya_politicheskaya_linii_hafeza_asada_bashara_asada
2. Конфликт в Сирийском Курдистане // News Directory. URL: <http://dir.md/wiki/TEV-DEM?host=ru.wikipedia.org>
3. Красный Д. Сирийский Курдистан. Конфликт в Сирийском Курдистане // FB.ru. URL: <http://fb.ru/article/227566/siriyskiy-kurdistan-konflikt-v-siriyskom-kurdistane>
4. Бельский А. Президент Османской империи: Эрдоган берет реванш за Первую мировую // Daily Storm : Сетевое издание. URL: <https://dailystorm.ru/vlast/prezident-osmanskoj-imperii-erdogan-beret-revansh-za-pervuyu-mirovuyu>
5. Киселев Д. США намерены создавать курдское государство // ВГТРК Россия – «Вести недели». 2015. Февраль.
6. Pery T. YPG fighters credit Ocalan with Syria victory // Thomson Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-raqqa/ypg-fighters-credit-ocalan-with-syria-victory-idUSKBN1CS1J7>
7. Кузнецова А. В Турции теракт: 18-летняя смертница взорвала 30 человек, еще 100 ранены // novayagazeta-ug.ru. URL: <http://novayagazeta-ug.ru/note/u6125/2015/07/20/122437>
8. Turkey bombing: Kurdish TAK group says it attacked Ankara // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-35617147>
9. Cavusoglu M. The Meaning of Operation Olive Branch // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/04/05/the-meaning-of-operation-olive-branch/>
10. Силы сирийской оппозиции при поддержке Турции вошли в Африн // ЗАО «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/world/604081>

Akhmedov Teub A. Technical Institute (branch) of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov (Neryungri, Russia)
COMPLICATED POLITICAL OPERATION IN THE WESTERN (SYRIAN) KURDISTAN WITHIN THE GREAT GAME IN THE MIDDLE EAST IN 2011–2018

Keywords: Western Kurdistan; Syrian Civil War; R. Erdoğan; Operation Olive Branch; Syrian Democratic Forces.

This article aims to evaluate the role and place of the Syrian Kurds in the common fight against international terrorism and their struggle for establishing autonomy in the Western Kurdistan as part of renewed and decentralized Syria. The research is based on the variety of sources including periodicals, analytical materials and electronic resources in Russian, Turkish, Kurdish and English. The author examines the political crisis in Syria and the ensuing civil war in the context of multi-decade desire of the Kurdish people to establish an independent state. The article shows the progress achieved by the Syrian Kurds in making the functional model of local governance amid the havoc and ethnic divisions. Newly established government structures proved their sustainability and effectiveness during direct confrontation with the ISIS military forces. The author reveals the problems faced by the local governance of the Western Kurdistan in the process of setting up. The greatest obstacle was the political fragmentation of the Kurdish people. This problem was finally resolved through domination by the single political force provided by Democratic Union Party (PYD). But the ideology of PYD, and its affinity to the doctrine of the leader of the Kurdistan Workers' Party (PKK) Abdullah Öcalan, emerged issues that extended beyond the domestic conflict in the Syrian Arab Republic. The author examines the importance of these circumstances at the international level, and particularly to relations between Syrian Kurds, Turkey and United States. Turkey considers Kurdish militia as a Syrian offshoot of the PKK, recognized terrorist organization in both Turkey and United States. The ties between United States and Syrian Kurds, and particularly supply of arms to Kurdish militia, are a matter of serious concern to Ankara, considering them as a threat to national security. The author emphasizes that a public demonstration of sympathy for the PKK by Kurdish political and governmental entities in Syria was actually a serious miscalculation, affected assistance and supplies. The author of the research concluded that the despite been regarded as allies in the global war on Islamic State, Kurds treated by the western powers as expendables. Uncertainties over the future of established institutions in Syrian Kurdistan forces Kurds to make alternative arrangements with different parties of the conflict. The Great Powers as well as regional Powers involved in the conflict are pursuing their own goals and have no interest in solving the Kurdish issue.

REFERENCES

1. Trebukhovskaya, E.S. (2013) *Prichiny i osobennosti krizisa v Sirii* [Causes and features of Syrian Crisis]. [Online] Available from: https://studwood.ru/727132/ekonomika/ekonomicheskaya_politicheskaya_linii_hafeza_asada_bashara_asada
2. Wikipedia.org. (n.d.) *Konflikt v Siriyskom Kurdistane* [The conflict in Syrian Kurdistan]. [Online] Available from: <http://dir.md/wiki/TEV-DEM?host=ru.wikipedia.org>.
3. Krasnyy, G. (2016) *Siriyskiy Kurdistan. Konflikt v Siriyskom Kurdistane* [Syrian Kurdistan. Conflict in Syrian Kurdistan]. [Online] Available from: <http://fb.ru/article/227566/siriyskiy-kurdistan-konflikt-v-siriyskom-kurdistane>.
4. Belenkiy, A. (2018) *Prezident Osmanskoy imperii: Erdogan берет реванш за Pervuyu mirovuyu* [President of the Ottoman Empire: Erdogan takes revenge for the First World War]. [Online] Available from: <https://dailystorm.ru/vlast/prezident-osmanskoy-imperii-erdogan-beret-revansh-za-pervuyu-mirovuyu>.
5. Kiselev, D. (2015) *SShA namereny sozdat' kurdscoe gosudarstvo* [The United States intend to create a Kurdish state]. *VGTRK – Vesti nedeli*. February.
6. Perry, T. (2017) *YPG fighters credit Ocalan with Syria victory*. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-raqqa/ypg-fighters-credit-ocalan-with-syria-victory-idUSKBN1CS1J7>.
7. Kuznetsova, A. (2015) *V Turtsii terakt: 18-letnyaya smertnitsa vzorvala 30 chelovek, eshche 100 raneny* [A terrorist attack in Turkey: the 18-year-old bomber blows up 30 people, another 100 injured]. [Online] Available from: <http://novayagazeta-ug.ru/note/u6125/2015/07/20/122437>.
8. BBC.com (2016) *Turkey bombing: Kurdish TAK group says it attacked Ankara*. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-35617147>.
9. Cavusoglu, M. (2018) *The Meaning of Operation Olive Branch*. [Online] Available from: <https://foreignpolicy.com/2018/04/05/the-meaning-of-operation-olive-branch/>.
10. Interfaks. (2018) *Sily siriyskoy oppozitsii pri podderzhke Turtsii voshli v Afrin* [The Syrian opposition supported by Turkey enters Afrin]. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/world/604081>.

А.Г. Данков

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КИТАЯ С РОССИЕЙ, УКРАИНОЙ
И РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ (1992–2018 гг.)**

Освещается развитие образовательного партнерства Китайской Народной Республики с Российской Федерацией, Украиной и Республикой Беларусь в постсоветский период через обучение китайских студентов в вузах этих стран. Анализируется динамика численности китайских студентов, а также наиболее популярные среди них специальности и направления подготовки. Отдельное внимание уделяется анализу причин сокращения числа китайских студентов в украинских и белорусских университетах с 2010 г. и взрывного роста их численности в российских вузах в последние годы. Даны общие выводы и рекомендации для дальнейшего развития полноценного образовательного партнерства с Китаем.

Ключевые слова: высшее образование; международное образовательное сотрудничество; Китай; Россия; Украина; Беларусь.

Россия традиционно рассматривается как основная наследница советской образовательной системы и инженерной школы, как наиболее привлекательный постсоветский научный и образовательный центр для динамично развивающихся стран Азии, которые стремятся получить доступ к технологическому наследию Советского Союза. Однако Россия не является единственным наследником СССР в области образования, науки и техники. Серьезными игроками на этом поле выступают Украина и Беларусь, которые после распада Советского Союза также получили в наследство сильную русскоязычную высшую школу и научные заделы в таких передовых областях, как авиакосмическая промышленность, судостроение, промышленное машиностроение и информационные технологии.

К сожалению, тема развития образовательного партнерства Китая с постсоветскими странами изучена очень слабо. Лучше всего представлены работы, рассматривающие образовательное сотрудничество России и Китая. Основная масса работ посвящена изучению взаимодействия в сфере высшего образования. Среди общих трудов, в которых анализируются процессы интернационализации высшего образования в Китае, стоит отметить исследования директора Института Конфуция Томского государственного университета И.А. Шведовой [1]. Также заслуживают внимания работы таких авторов, как Н.В. Карнаух, Ху Мин [2], К.А. Любская [3], А.Ю. Вихрова [4], А.В. Лейфа, Ю.П. Сергиенко, Е.Ю. Лукина, Лю Юйцзе [5], С.В. Коршунов, М.В. Кузнецов, В.Б. Тимофеев [6]. В то же время публикаций, посвященных изучению образовательного партнерства Китая с Украиной и Республикой Беларусь, практически нет. Лишь отдельные вопросы этого сотрудничества рассматриваются в общих работах, посвященных процессам интернационализации мировой системы высшего образования [7].

Распад СССР и экономический кризис привели к сокращению государственного финансирования системы высшего образования на всем постсоветском пространстве, что заставило вузы искать новые источники денег, одним из которых стало привлечение иностранных студентов. Не стали исключением и вузы России, Украины и Беларуси, которые во второй поло-

вине 90-х гг. XX в. поняли важность интернационализации образования и начали постепенно выходить на международный образовательный рынок.

Одной из наиболее привлекательных целевых аудиторий для экспорта образовательных услуг в конце прошлого века стала китайская молодежь. Бурно развивающаяся экономика Китая требует не только миллионов рабочих рук, но и сотен тысяч квалифицированных специалистов, поэтому получение высшего образования является реальным социальным лифтом, который может значительно повысить социальный статус и уровень доходов молодых людей. К тому же с конца 90-х гг. XX в. правительство КНР поощряло учебу молодежи за рубежом, рассматривая подготовку высококвалифицированных кадров как одно из приоритетных стратегических направлений в модернизации своей страны. В результате студенты из Китая буквально хлынули в зарубежные вузы, в первую очередь в развитых странах мира (США, Великобритания, Франция, Австралия, Япония и Южная Корея), где в скором времени стали самой многочисленной группой среди иностранных студентов. Часть китайских абитуриентов устремилась и на постсоветское пространство.

С конца 1990-х гг. численность иностранных студентов, в том числе и китайцев, в вузах России, Украины и Беларуси постоянно росла. Согласно статистическим данным, в 2016/2017 уч. году в этих странах обучалось почти 300 тыс. иностранных студентов, из которых 229 тыс. чел. – в России, более 52 тыс. – в Украине и более 15 тыс. – в Беларуси. Таким образом, эти государства составляют «большую тройку» стран постсоветского пространства, наиболее привлекательных для иностранцев с точки зрения получения высшего образования, хотя по количеству иностранных студентов на 100 тыс. населения Россия, Беларусь и Украина значительно уступают Германии или Финляндии, их показатели сопоставимы с Польшей (табл. 1).

При этом до сих пор вузы России, Украины и Беларуси в значительной степени ориентированы на страны бывшего СССР, на которые по данным на начало 2016/2017 уч. года приходилось 54% иностранных студентов в России, 43% – в Украине и 75% – в Беларуси [9. С. 112; 10. С. 41; 11. С. 23].

Таблица 1
Количество иностранных студентов в вузах
некоторых стран Европы в 2016/2017 учебном году
[8. С. 112; 9. С. 41; 11. Р. 6; 12. С. 72]

Страны	Количество иностранных студентов на начало учебного года	Количество иностранных студентов на 100 тыс. населения, чел.
Германия	340,3	410
Финляндия	20,4	374
Россия	229,0	158
Польша	57,1	149
Украина	52,0	123
Беларусь	15,0	159

Начало процессу активизации отношений России, Украины и Беларуси с Китаем в сфере образования было положено в ходе ряда официальных визитов правительственных делегаций в Пекин в середине 1990-х гг. Необходимость привлечения граждан КНР для обучения в российских, украинских и белорусских вузах поставила на повестку дня вопрос о признании документов об образовании. Было необходимо в короткие сроки разработать и принять межправительственные соглашения, которыми Россия, Украина, Беларусь и Китай взяли бы на себя обязательство признать документы об образовании, выданные органами образования. Пионером в этом процессе стала Россия, и соответствующее соглашение было подписано в Москве 26 июня 1995 г. [13]. К концу 1998 г. при активном участии китайской стороны аналогичные соглашения были подготовлены и подписаны в Пекине в октябре и декабре 1998 г. во время визита белорусской и украинской делегаций [14, 15].

С этого момента численность граждан Китая, обучающихся в России, Украине и Беларуси, начала быстро расти. К началу 2009/2010 уч. года там обучалось почти 26 тыс. китайских студентов. Главными конкурентными преимуществами вузов России, Украины и Беларуси была невысокая цена при достаточно высоком качестве образования.

Наиболее популярные направления подготовки среди выходцев из Китая – экономика, менеджмент и журналистика, а также инженерные специальности в области машиностроения, авиа- и судостроения, информационных технологий.

Однако начиная с 2010/2011 уч. года наблюдается расхождение траекторий численности китайских студентов в России, с одной стороны, и в Украине и Беларуси – с другой. В Украине и Беларуси наметилось устойчивое сокращение числа китайских студентов, хотя еще 9 лет назад Китай входил в тройку стран-поставщиков абитуриентов в вузы этих стран (табл. 2).

Таблица 2
Количество китайских студентов в вузах России,
Украины и Беларуси, на начало учебного года
[8. С. 112; 9. С. 41; 10. С. 25], чел.

Страны	2008/2009	2010/2011	2012/2013	2014/2015	2016/2017
Россия	16 798	16 486	16 385	20 209	26 775
Украина	7 020	5 202	3 180	2 388	1 252
Беларусь	1 725	1 227	1 146	801	759
Итого:	25 543	22 915	20 711	23 398	28 786

Причин тому несколько. Во-первых, это смена приоритетов для китайской стороны в развитии образовательного сотрудничества. В 2010 г. был принят Национальный план по среднесрочному и долгосрочному реформированию и развитию образования в КНР, который своей основной целью ставит не поддержку выезда китайских студентов для получения образования за рубежом, а развитие национальной системы высшего образования.

План утвердил следующие стратегические приоритеты в части экспорта образования: увеличение числа иностранных студентов в Китае; увеличение числа китайских государственных стипендий для иностранных студентов; субсидирование исследований, проводимых в Китае учеными и студентами из развивающихся стран; увеличение числа программ высшего образования, преподаваемых на иностранных языках в китайских университетах; повышение качества образования внутри Китая [16].

Китайцы сейчас предпочитают открывать «зеркальные кампусы» и филиалы зарубежных вузов на своей территории, поддерживают совместные образовательные программы по формату «2 + 2», «3 + 1» и «1 + 1», приглашают к себе иностранных профессоров и преподавателей, предлагают перспективным молодым ученым гранты для проведения исследований в Китае. Таким образом, КНР стремится стать одним из основных игроков на рынке международного образования не только в Азии, но и в мире.

Во-вторых, на снижение количества китайских студентов повлияло ухудшение политической и социально-экономической обстановки в Украине. Китайцы, как, впрочем, и большинство иностранных студентов, предпочитают русский язык обучения и в основном живут в Киеве и крупных городах юга и востока Украины – Харькове, Одессе и Днепрпетровске, который стал своеобразной «столицей китайских студентов», так как почти половина китайских студентов, проживающих в Украине, обучается в вузах этого города. Сокращение сферы применения русского языка в Украине, которое наметилось в последнее время, вызвало значительное снижение интереса к украинским вузам со стороны китайских студентов.

В-третьих, безусловно, огромную роль в снижении количества китайских студентов сыграла вспыхнувшая в Украине гражданская война. Боевые действия на востоке страны привели к тому, что правительство Китая отозвало на родину всех студентов, обучавшихся в Донецке и Луганске.

В-четвертых, в вузах Украины и Беларуси отсутствует четкая стратегия привлечения китайских абитуриентов. Инициатива в развитии взаимодействия, организации обмена студентами и привлечении китайских абитуриентов находится в руках китайской стороны, которая формирует повестку дня сотрудничества в образовательной сфере. Вузы Украины и Беларуси слабо представлены на крупных мероприятиях в области образования, которые проводятся в Китае, например на образовательной выставке ChinaEducationExpo, которая проходит уже более 15 лет в крупнейших городах КНР. С 2014 г. Украина и Беларусь вообще пре-

кратили участвовать в этой выставке. Как результат, статистика показывает, что на протяжении нескольких последних лет количество граждан КНР, которые поступили в вузы Украины и Беларуси, меньше количества граждан КНР, которые их закончили [8. С. 117].

Привлекательными для китайских абитуриентов остаются очень узкие специализированные сферы (судостроение, информатика, филология, музыка и изобразительное искусство) и отдельные университеты в Украине и Беларуси, которым сложно найти альтернативу в других странах. Например, Одесская национальная музыкальная академия имени А.В. Неждановой, в которой по данным Министерства образования и науки Украины в 2017 г. обучалось более 160 китайских студентов.

Напротив, в России после небольшого спада в 2010–2012 гг. с 2013 года наблюдается взрывной рост количества китайских студентов, численность которых к началу 2016/2017 уч. года превысила 26 тыс. человек и продолжает расти. Фактически Китай занимает второе место после Казахстана по количеству студентов, обучающихся в российских вузах [10. С. 25]. Причин тому несколько. Во-первых, в декабре 2012 г. принят десятилетний план действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере, составная часть которого – расширение для китайских студентов возможностей получения образования в России. Во-вторых, после охлаждения отношений с Западом в 2014 г. руководство России признает азиатский вектор развития приоритетным для России, что отразилось в том числе и на расширении образовательного сотрудничества с Китаем. В-третьих, в мае 2017 г. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам был утвержден приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Целью проекта является повышение привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг в целях увеличения доли сырьевого экспорта Российской Федерации. При этом Китай рассматривается как один из основных

рынков для экспорта российского образования. За прошедшие два года были сделаны серьезные шаги для того, чтобы упростить процесс приема китайских абитуриентов в вузы нашей страны.

На основании анализа динамики численности китайских студентов в российских, украинских и белорусских вузах, а также развития образовательного сотрудничества этих стран с Китаем можно сделать следующие выводы.

1. Развитие образовательного сотрудничества Украины и Беларуси с Китаем на протяжении всего постсоветского периода шло по инициативе китайской стороны и опиралось на стратегию развития образования в КНР. Пока китайское правительство поощряло выезд своих граждан за рубеж, контингент китайских студентов в университетах Украины и Беларуси увеличивался. Как только вектор политики руководства КНР сменился, поток китайской молодежи иссяк.

2. В Украине и Беларуси нет стратегии привлечения китайских студентов. Уверенность в привлекательности своих образовательных программ привела к стратегическому проигрышу на китайском рынке образовательных услуг. Численность китайских студентов сокращается, а часть потенциальных абитуриентов переориентировалась на российские университеты.

3. На данный момент единственной структурой, через которую осуществляется работа по развитию образовательного сотрудничества с Китаем, является сеть Институтов Конфуция, расположенных по всему миру, в том числе в России (22 института), Украине (6 институтов) и Республике Беларусь (3 института).

Анализ проблем, связанных с привлечением китайских абитуриентов в университеты Украины и Беларуси, может быть полезен при разработке стратегии набора граждан Китая на программы обучения в российских вузах. Реализация Национального плана по среднесрочному и долгосрочному реформированию и развитию образования в КНР будет продолжаться, а правительство Китая продолжит поддержку национальной образовательной системы. В этих условиях борьба за китайских студентов неизбежно обострится, и российским вузам предстоит отвечать на этот вызов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шведова И.А. Интернационализация высшего образования в Китае // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 132–138.
2. Карнаух Н.В., Ху Мин. Россия и Китай: исторические аспекты сотрудничества в области высшего образования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Педагогика, психология. 2011. № 2 (5). С. 234–237.
3. Любская К.А. Российско-китайский рынок образовательных услуг как площадка для установления долгосрочных деловых связей // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 150–156.
4. Ван Юймэн, Вихрова А.Ю. Сотрудничество в сфере образования как форма культурного обмена между Китаем и Россией // Проблемы науки. 2016. № 9 (10). С. 45–48.
5. Лейфа А.В., Сергиенко Ю.П., Лукина Е.Ю., Лю Юйцзе. Опыт международного сотрудничества Китая и России в сфере образования // Педагогика. 2015. № 5. С. 121–125.
6. Коршунов С.В., Кузнецов М.В., Тимофеев В.Б. Ассоциация технических университетов России и Китая – новый институт международного сотрудничества в области образования // Высшее образование в России. 2015. № 4. С. 97–104.
7. Каленюк И.С., Дьяков А.А. Развитие высшего образования в глобализованном мире // Демографія та соціальна економіка. 2014. № 1 (21). С. 24–36.
8. Основні показники діяльності вищих навчальних закладів України на початок 2016/17 навчального року : стат. бюллетень / Державна служба статистики України. Київ, 2017. 208 с.
9. Образование в Республике Беларусь (2016/2017 учебный год). Минск, 2016. 60 с.
10. Арефьев А.Л. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации : стат. сб. / М-во образования и науки РФ. М. : Центр социологических исследований, 2018. Вып. 15. 184 с.
11. Garam I. International mobility in Finnish higher education in 2015: degree students. Helsinki : Centre for International Mobility, 2016. 19 p.

12. Арефьев А.Л., Шереги Ф. Иностранные студенты в российских вузах. М., 2014. 228 с.
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях // Официальный сайт Федерального государственного бюджетного учреждения «Главный государственный экспертный центр оценки образования». URL: <http://nic.gov.ru/docs/foreign/confirmation>
14. Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании // Официальный сайт Министерства образования Республики Беларусь URL: <http://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/mezhdunar/mezhdunarodnye-soglasheniya/index.php>
15. Угода між Урядом України та Урядом Китайської Народної Республіки про взаємне визнання документів про освіту і наукові ступені. URL: http://library.sumdu.edu.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=81&Itemid=&lang=ru
16. Краснова Г. Великий китайский поход за иностранными студентами // Независимая газета. 2015. 28 окт.

Dankov Artem G. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: artemdankov2015@gmail.com

THE EDUCATIONAL PARTNERSHIP BETWEEN CHINA AND RUSSIA, UKRAINE AND BELARUS (1992–2018)

Keywords: Internationalization of higher education; Chinese students; international educational cooperation; China; Russia; Ukraine; Belarus.

The article focuses on the development of the educational partnership of the People's Republic of China with the Russian Federation, Ukraine and the Republic of Belarus in the post-Soviet period. Russia is traditionally regarded as the main heir to the Soviet educational system and engineering school, as the most attractive post-Soviet scientific and educational center for the dynamically developing countries of Asia, which are seeking access to the technological heritage of the Soviet Union. However, Russia is not the only heir to the USSR in the field of education, science and technology. Serious players in this field are Ukraine and Belarus, which after the collapse of the Soviet Union also received a legacy of a strong Russian-language high school and scientific background in such advanced areas as aerospace, shipbuilding, industrial engineering and information technology. The collapse of the USSR and the economic crisis led to a reduction in state financing of the higher education system in the entire post-Soviet space, which forced universities to look for new sources of money, one of which was the attraction of foreign students. The universities of Russia, Ukraine and Belarus, which in the second half of the 1990s were not an exception, understood the importance of internationalization of education and began to gradually enter the international educational market. One of the most attractive target audiences for the export of educational services has become the Chinese youth. The main focus of the article is on studying the policies of post-Soviet countries in recruiting Chinese students to study in the universities in these countries. The article analyzes the dynamics of the number of Chinese students, as well as the most popular specialties and areas of training among them. It considers the evolution of the strategy of internationalization of higher education in the People's Republic of China, which over the past 30 years has gone a long way from a strategy of orientation towards obtaining advanced knowledge in foreign universities to a strategy of attracting talents from abroad and turning China into an exporter of educational services. Special attention is paid to analyzing the reasons for the decline in the number of Chinese students in Ukrainian and Belarusian universities since 2010 and the explosive growth of their number in Russian universities in recent years. The article also discusses the impact of the priority project "Development of the export potential of the Russian education system", the goal of which is to increase the attractiveness and competitiveness of Russian education on the international educational market in order to increase the share of non-primary exports of the Russian Federation on Russian-Chinese educational cooperation. The article provides general conclusions and recommendations for the further development of a full-fledged educational partnership between the countries of the post-Soviet space and China.

REFERENCES

1. Shvedova, I.A. (2013) Party cleaning of rural organization of All-Union Communist Party (Bolsheviks) (VKP(b)) in Siberia (1933–1935). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(21). pp. 132–138. (In Russian).
2. Karnaukh, N.V. & Hu Min. (2011) Russia and China: historical aspects of cooperation in higher education. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya – Vector of Science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*. 2(5). pp. 234–237. (In Russian).
3. Lyubskaya, K.A. (2017) Russian-Chinese Educational Service Market as a Platform for Establishing Long-Term Business Relations. *Problemy Dal'nego Vostoka – The Far Eastern Affairs*. 3. pp. 150–156. (In Russian).
4. Wang Yumen & Vikhrova, A.Yu. (2016) Sotrudnichestvo v sfere obrazovaniya kak forma kul'turnogo obmena mezhdru Kitaem i Rossiei [Cooperation in education as a form of cultural exchange between China and Russia]. *Problemy nauki – Problems of Science*. 9(10). pp. 45–48.
5. Leyfa, A.V., Sergienko, Yu.P., Lukina, E.Yu. & Liu Yujie. (2015) Opyt mezhdunarodnogo sotrudnichestva Kitaya i Rossii v sfere obrazovaniya [International cooperation in education between China and Russia]. *Pedagogika*. 5. pp. 121–125.
6. Korshunov, S.V., Kuznetsov, M.V. & Timofeev, V.B. (2015) Association of Sino-Russian technical universities as a new institution for international cooperation in higher education. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 4. pp. 97–104. (In Russian).
7. Kalenyuk, I.S. & Dyakon, A.A. (2014) Razvitiye vysshego obrazovaniya v globalizovannom mire [The development of higher education in a globalized world]. *Demografiya ta sotsial'na ekonomika*. 1(21). pp. 24–36.
8. Garam, I. (2016) *International mobility in Finnish higher education in 2015*. Helsinki: Centre for International Mobility.
9. Arefiev, A.L. & Sheregi, F. (2014) *Inostrannyye studenty v rossiyskikh vuzakh* [Foreign Students in Russian Universities]. Moscow: Centre for Sociological Research.
10. State Statistics Service of Ukraine. (2017) *Osnovni pokazniki diyal'nosti vishchikh navchal'nikh zakladiv Ukraini na pochatok 2016/17 navchal'nogo roku. Statistichnyi byulleten'* [Key indicators of activity of higher educational institutions of Ukraine at the beginning of 2016/17 academic year. Statistical Bulletin]. Kyiv: State Statistics Service of Ukraine.
11. Belstat. (2016) *Obrazovanie v Respublike Belarus', (2016/2017 uchebnyy god)* [Education in the Republic of Belarus, (2016/2017 academic year)]. Minsk: Belstat.
12. Arefiev, A.L. (2018) *Obuchenie inostrannykh grazhdan v vysshikh uchebnykh zavedeniakh Rossiyskoy Federatsii* [Education of foreign citizens in higher educational institutions of the Russian Federation]. Vol. 15. Moscow: Centre for Sociological Research.
13. Main State Expert Center for Educational Evaluation. (n.d.) *Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Kitayskoy Narodnoy Respubliki o vzaimnom priznanii dokumentov ob obrazovanii i uchenykh stepenyakh* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the mutual recognition of education certificates and academic degrees]. [Online] Available from: <http://nic.gov.ru/docs/foreign/confirmation>.

14. Ministry of Education of the Republic of Belarus. (n.d.) *Soglashenie mezhdunarodnykh pravitel'stv Respubliki Belarus' i pravitel'stv Kitayskoy Narodnoy Respubliki o vzaimnom priznanii dokumentov ob obrazovanii* [Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the People's Republic of China on the mutual recognition of education certificates]. [Online] Available from: <http://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/mezhdunar/mezhdunarodnye-soglasheniya/index.php>.
15. Ukraine. (n.d.) *Ugoda mizh Uryadom Ukraïni ta Uryadom Kitays'koï Narodnoï Respubliki pro vzajemne viznannya dokumentiv pro osvitu i naukovu stupeni* [Agreement between the Government of Ukraine and the Government of the People's Republic of China on the Mutual Recognition of Education and Academic Degrees]. [Online] Available from: http://library.sumdu.edu.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=81&Itemid=&lang=ru.
16. Krasnova, G. (2015) Velikiy kitayskiy pokhod za inostrannymi studentami [The Great Chinese Campaign for Foreign Students]. *Nezavisimaya gazeta*. 28th October.

УДК 94(73)

DOI: 10.17223/19988613/58/13

Т.В. Красильщикова

ОБСУЖДЕНИЕ ЗАКОНОВ О БЮДЖЕТЕ В КОНГРЕССЕ США 106-го СОЗЫВА

Исследовано влияние ситуации разделенного правления на законодательный процесс в бюджетной сфере США в 1999–2000 гг., в период президентства У.Дж. Клинтона. Показана роль республиканской оппозиции в принятии законопроекта. На скорое принятие решения по бюджетному вопросу повлияли приближающиеся президентские выборы, а также стремление конгрессменов не вступать в конфронтации. Законодательной и исполнительной властям необходимо было прийти к компромиссу.

Ключевые слова: бюджет; демократическая партия; Конгресс; оппозиция; разделенное правление; республиканская партия; У.Дж. Клинтон.

Новый 1999 г. начался для президента У.Дж. Клинтона с планирования федерального бюджета на следующий финансовый год. Администрация исходила из того, что экономическое положение государства находилось на достаточно стабильном уровне. Достигнутый в прошлом году излишек был положительным моментом, на который президент опирался. Вместе с тем для поднятия своего авторитета в свете скандала администрация была заинтересована в представлении сбалансированного бюджета.

1 февраля 1999 г. У.Дж. Клинтон представил свою версию бюджетного проекта, отметив, что «с нашей расширяющейся экономикой и нашим увеличивающимся профицитом теперь мы уверены, что все американцы войдут в XXI в. счастливыми и обеспеченными» [1. Р. 132]. Для представителей обеих ведущих политических партий США грядущие дебаты по вопросу о бюджете на следующий год, о налогах и судьбе излишка становились главными вопросами на 1999 г. Представители политических кругов были уверены, что в последние года президентства У.Дж. Клинтона различия между партиями будут наиболее ярко выражены из-за будущих президентских выборов 2000 г.

По проекту бюджета предлагалась сумма расходов в 1,8 трлн долл., а профицит должен был достигнуть в течение следующих пяти лет размера 827 млрд долл. Предусматривалось сократить государственный долг, несмотря на то что администрация предполагала новые статьи расходов, особенно по своим приоритетным программам. Такое предложение вызвало критику республиканцев. «Это возврат к тем дням, когда правительство старалось решать проблемы путем увеличения налогов и выбрасыванием денег на проблемы», – высказал свое мнение председатель комитета по налогам и доходам Билл Арчер (Р., Техас) [2. Р. 6-3].

По проекту бюджета У.Дж. Клинтона на 2000 финансовый год была запланирована сумма в размере 1,77 трлн долл., что превышало прошлогоднюю сумму на 39 млрд долл. (2,2%). Большая часть должна была пойти на приоритетные программы Белого дома – социальное обеспечение (16 млрд долл.), программу «Медикейд» (6 млрд долл.) и программу «Медикэйр» (13 млрд долл.) [Ibid. Р. 6-4]. Также предполагалось снизить национальный долг на 12 млрд долл.

Республиканцы ответили на президентский проект предложениями сократить налоги на 10% и увеличить

бюджетный остаток. В этом случае законодательной и исполнительной властям необходимо было прийти к компромиссу. Главный вопрос, по которому им нужно было договориться, – это вопрос о государственном долге. Президент выступал за его сокращение путем использования бюджетного остатка, а Конгресс хотел направить его на другие нужды государства.

Администрация планировала за пять лет сократить налоги на 33 млрд долл., прежде всего за счет налоговых кредитов по уходу за ребенком, субсидий школам. Президент также желал направить 12% из излишка (около 96 млрд долл. в течение пяти лет) на формирование универсальных сберегательных счетов для оказания помощи гражданам с небольшими доходами.

С самого начала дебатов по бюджету У.Дж. Клинтон занял лидирующее положение. Избиратели отмечали, что если бы им пришлось выбирать между ключевыми программами, то они бы выбрали социальное обеспечение, а не программу «Медикэйр» или сокращение налогов.

Республиканцы отдавали приоритет сокращению налогов. Они соглашались, чтобы часть бюджетного излишка шла на социальное обеспечение, а оставшаяся, но не уточнялась какая, – на их предложение, в особенности на снижение государственного долга. Но к 1 февраля республиканская фракция так и не смогла договориться о том, какие налоги и в каком размере снижать. Это давало надежду демократам на то, что их главные соперники не смогут договориться, когда будет приниматься новая бюджетная резолюция. После того как республиканцы представили свой проект бюджета, стало ясно, что желаемого результата республиканцы смогут добиться только путем сокращения финансирования дискреционных программ, таких как образование, научные исследования и домашнее обустройство.

20 марта дебаты были продолжены, так как республиканцы не были согласны с проектом президента [3. Р. 57]. Бюджетный комитет Палаты представителей одобрил свой проект голосованием по партийной линии 17 марта 1999 г. (22–18) [2. Р. 6-1], и ожидалось, что обе палаты Конгресса обсудят его до 22 марта.

По плану республиканцев предполагалось сократить налоги на 800 млрд долл. за десять лет благодаря росту бюджетного остатка. Согласно запросу президента увеличивалось финансирование образовательных

программ, но в то же время росли ассигнования на нужды Пентагона (впервые после президентства Дж. Буша-ст.) [2. Р. 6-15].

Однако законодатели не смогли достичь общего соглашения, и было решено не подавать проект на подпись целиком, а постепенно, в течение нескольких месяцев, готовить предложения по отдельным статьям и только потом отправлять их президенту.

Единственное значимое изменение в проект бюджета было внесено республиканцами 18 марта, когда сенатский комитет одобрил (всего лишь одним голосом «против» – 19–1) [Ibid.] план Олимпии Дж. Сноу (Р., Мэн) об организации «резервного фонда», за счет средств которого можно было оплачивать необходимые для лечения наркотические средства (по программе «Медикэйр»). Она отказалась финансировать свой план путем увеличения налога на табак, так как в этом случае он не получил бы поддержку республиканской партии. Но президент и демократы предложили внести свои изменения в ее план [4. Р. 29746]. На это республиканцы ответили немедленными отклонениями поправок, исключая расширение финансирования социального обеспечения и программы «Медикэйр».

Нужно отметить, что республиканцы более тщательно и основательно подошли к решению бюджетной проблемы. Их план состоял в следующем:

1. Сократить налоги на 143 млрд долл. в течение пяти лет и на 779 млрд долл. за 10 лет.

2. По плану на 2000 г. выделить 571 млрд долл. на дискреционные расходы, что на 3 млрд долл. меньше, чем в предыдущем году. На оборону – 276 млрд долл. (увеличение на 2 млрд долл.), на внутренние нужды – 295 млрд долл. [2. Р. 6-16].

3. Сократить государственный долг с 3,6 трлн долл. до 1,9 трлн долл. благодаря доходам (1,8 трлн долл.) от социального обеспечения.

В конце марта произошли длительные беседы республиканцев и демократов по данному вопросу, в ходе которых выявился раскол среди республиканцев в Палате представителей и в Сенате. Именно в это время дебаты носили в большинстве своем политический, партийный характер. Палата представителей приняла проект H Con Res 68 25 марта (221–208), Сенат также проголосовал «за» (55–44) [Ibid. Р. 6-16, Р-30, S-18].

Демократы согласились с республиканцами по вопросу о снижении долга, но вступили в конфронтацию по вопросу об использовании 2,6 трлн долл. остатка (в течение следующих 10 лет) на нужды программы «Медикэйр» и фондов социального обеспечения. Президент же указал на тот факт, что тот проект, который был представлен республиканцами, имеет череду замечаний. Он не был уверен, что будет достигнуто снижение государственного долга, а также продолжено расширение финансирования программы «Медикэйр» и социального обеспечения [Ibid. Р. 6-16]. Демократы были уверены, что все эти приоритетные для республиканцев статьи финансирования оппозицией планировалось увеличить за счет снижения ассигнований на внутренние программы, в пользу которых и выступала администрация [4. Р. 29880]. Поэтому У.Дж. Клинтон не желал подписывать данный план.

Дебаты между двумя партиями показали, что они могли достичь договоренности по вопросам выплаты государственного долга, сокращения налогов и повышения финансирования оборонных и образовательных проектов [5. Р. 51]. Однако республиканцы были настроены на реализацию своего проекта.

В середине апреля республиканская фракция приняла свой проект бюджета на следующий финансовый год, поэтому он был принят (Палата представителей законопроект одобрила 14 апреля – 220–208, а Сенат на следующий день – 54–44 [2. Р. H-34, S-20]). В течение всего лета и начала осени конгрессмены разрабатывали законопроекты по отдельным вопросам. Снова здесь не обошлось без сопротивления ведущих политических партий [6. Р. 1]. Окончательно бюджет США на 2000 г. был подписан 30 ноября 1999 г.

Таким образом, данная бюджетная резолюция явилась официальным ответом республиканцев на февральское предложение У.Дж. Клинтона. По нему предполагалось сократить налоги на 142 млрд долл. в течение следующих пяти лет и на 778 млрд долл. – за десять лет. «Мы удовлетворены, что так хорошо поработали. Отличный проект для американского будущего. Мы также довольны тем, что Конгресс отлично сделал свою работу», – отметил спикер Палаты представителей Дж. Деннис Хастерт (Р., Иллинойс) [2. Р. 6-18].

2000 год был последним годом президентства У.Дж. Клинтона. В ноябре ожидалась новая кампания главы государства, поэтому огромное внимание уделялось предвыборной кампании, разработке программ ведущих политических партий. Неудивительно, что в этом году не было столь жесткой борьбы между законодательной и исполнительной ветвями власти, а также внутри палат Конгресса. Тем не менее федеральный бюджет на 2001 финансовый год был одобрен в середине года, но это не помешало законодателям ответственно отнестись к законопроекту. Тот факт, что бюджет был принят только летом, свидетельствовал, что законодатели часто откладывали его обсуждение в связи с предвыборной кампанией.

В начале февраля 2000 г. президент У.Дж. Клинтон отправил в Конгресс свой план федерального бюджета на 2001 г. По нему на медицинское страхование предполагалось потратить 110 млрд долл., 54 млрд долл. – на пенсионные счета для семей с низкими доходами [7. Р. 18]. На 30 млрд долл. должны были быть снижены налоги. Отмечалось, что все свои предложения президент выработал с учетом сохранения принципа сбалансированности федерального бюджета. Ожидался профицит бюджета в размере около 1 млрд долл., что должно было отразиться на взаимоотношениях президента и Конгресса по вопросу о распределении этих средств. Этот излишек должен был быть достигнут путем сокращения внутригосударственных расходов. Такого курса придерживались и президент, и Конгресс. И поэтому, в связи с тем что этот год был особенным для Америки, проект бюджета был принят довольно быстро. Конгрессмены одобрили версию, предложенную президентом, что свидетельствовало о стремлении партий в год президентских выборов снизить конфронтацию двух партий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Clinton W.J. Remarks on Submitting the Fiscal Year 2000 Budget // Public Papers of the Presidents of the United States. 1999. Washington, 2000. Vol. 1.
2. Congressional Quarterly Almanac. 1999.
3. Talking Peace, Preparing for War // The Economist. 1999. March, 13.
4. Congressional Record. Vol. 145. Pt. 23.
5. Budgetary Follies // The Economist. 1999. June, 5.
6. Clinton and Congress Agree on Federal Budget // News for You. 1998. Vol. 46, is. 42. October, 28.
7. U.S. News and World Report. 2000. February, 7.

Krasilshchikova Tatyana V. Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir, Russia). E-mail: skyskytter@yandex.ru

THE DISCUSSION ON BUDGET QUESTIONS IN THE 106TH U.S. CONGRESS

Keywords: budget; Democratic party; Congress; opposition; divided government; Republican party; W.J. Clinton.

The aim of this article is to consider the divided government situation on the budget legislative process in 1999-2000 in the U.S.A. during the presidency of W.J. Clinton. The salvation of next tasks is provided for getting this aim – to analyze the process of the federal budget approving on the years 2000 and 2001, to trace the Republican party influence on the final decision on budget question. The source base of the research was annual Congressional Records, Congressional Quarterly Almanac and information in American periodicals depicting the domestic policy of W.J. Clinton. During the research the author came to the next conclusions. The role of the Republican opposition in getting the final decision is shown in the article. The upcoming presidential elections influenced the conclusion on the budget question and the intention of the congressmen not to enter any confrontations. The amount of 1,8 bln. doll. was offered on the 2000 budget project, and the surplus must have been be about 827 bln. doll. in next five years. The republican's reaction on the presidential project was to reduce taxes and to increase the rest of the budget. In this case the legislative and the executive powers were to come to the compromise. Finally the U.S. budget for the year 2000 was signed on November, 30, 1999. It consisted of the Republican plan and the requirements of the president and the Democrats of using the surplus on foreign policy and social needs. Federal budget for the 2001 fiscal year was approved in the middle of the year. This fact showed that the legislators often postpone its discussion because of the 2000 presidential campaign. But despite this, the legislators decided not to postpone the discussion of the budget project thinking about the previous year debates and about the debates of the year 1995 when the so-called "budget war" was erupted. The president made his proposals according to the principal of balanced federal budget. The 1 bln. doll. surplus was expected and it should be a benefit for the president and Congress decision of its distribution. So the 2001 budget was approved fast enough. The opposing forces found possibilities in fast understanding of this question and in August, 2000 entered the active phase of the election debates.

REFERENCES

1. Clinton, W.J. (1999) *Remarks on Submitting the Fiscal Year 2000 Budget*. Public Papers of the Presidents of the United States. Vol. 1. Washington: US Government Publishing Office.
2. *Congressional Quarterly Almanac*. (1999).
3. *The Economist*. (1999a) Talking Peace, Preparing for War. 13th March.
4. Congressional Record. Vol. 145. Pt. 23.
5. *The Economist*. (1999b) Budgetary Follies. 5th June.
6. *News for You*. (1998) Clinton and Congress Agree on Federal Budget. 28th October.
7. *U.S. News and World Report*. (2000). 7th February

А.А. Сизова

«СМЕШАННЫЕ» ДЕЛА С УЧАСТИЕМ ПОДДАННЫХ РОССИИ И КИТАЯ В МОНГОЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ПРОБЛЕМЫ СЛЕДСТВИЯ И СУДОПРОИЗВОДСТВА

*Работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики
и мировой политики НИУ ВШЭ в 2018 г.*

Рассматриваются следственные и судопроизводственные практики российских официальных представительств в Монголии, монгольских и маньчжурских (позднее китайских) властей в регионе до 1917 г. в отношении дел, участниками которых становились подданные Российской и Цинской империй, а с 1912 г. – Китайской Республики и автономной Монголии, и получивших название «смешанные». На основе широкого круга источников, прежде всего, неопубликованных, освещаются специфика правовой основы, организации следствия и рассмотрения в суде гражданских и уголовных дел, имевших место на территории Монголии, проблемы, возникавшие в ходе следственных действий, разбора тяжб, вынесения наказаний и приведения их в исполнение, а также роль и место сложившихся практик в регулировании российско-китайско-монгольских взаимодействий.

Ключевые слова: Россия; Китай; Монголия; консульская юрисдикция; «смешанные» дела.

Активизация «восточного» вектора транснациональных контактов и внешней политики России в последние годы, углубление партнерства Российской Федерации с Китайской Народной Республикой и Монголией, создание новых форматов сотрудничества, таких как «Улан-Баторский диалог», придает исследованию слабоизученных вопросов истории и взаимодействия данных стран не только научную, но и общественную значимость. Одним из направлений, в которых продолжают открываться новые страницы, является история российско-китайских и российско-монгольских, а также трехсторонних отношений в период до 1917 г., разнообразных практик, составлявших их основу. Особым предметом изучения выступают вопросы разрешения споров между населением упомянутых стран в рамках хозяйственных и социальных взаимодействий, функционирования системы следствия и судопроизводства по так называемым «смешанным» делам.

Со второй половины XIX в. политика Цинской империи в отношении Монголии претерпела заметные изменения. Страна постепенно открывалась для китайского торгового капитала, колонизации, на пригодные для земледелия территории прибывало население из Внутреннего Китая. В частности, с конца XIX в. пастбища сдавались князьями в аренду китайцам, а с началом массовой колонизации земля стала продаваться. С этими процессами связывают усиление экономического давления на монгольские хозяйства и одновременно – интернационализацию и зарождение раннекапиталистических тенденций.

Включение Монголии в международные экономические процессы происходило в том числе благодаря развитию торговли с Россией. Товарный обмен через границу имел место и в раньше, однако со второй половины XIX столетия в нем стали принимать участие не только восточносибирские купцы, установился торг и по Чуйскому тракту с Западной Сибирью. До начала XX в. Россия среди всех европейских держав обладала фактически уникальным правом торговли с Монголией.

В Урге (Их-Хурээ) и крупных пунктах Западной Монголии сложились русские фактории, возрастало количество контактов через границу, а следовательно, и объем спорных ситуаций между их участниками. Все это обуславливало необходимость развитой системы разрешения противоречий как между подданными одной страны (например, Российской или Цинской империи), так и «смешанных», сторонами в которых выступали подданные разных государств.

По договорам между двумя империями в изучаемый период судебные полномочия на территории Китая и Монголии с российской стороны вменялись дипломатической миссии в Пекине и консулам в других городах и регионах империи, наделенных правом консульской юрисдикции. В эти годы в Монголии действовало четыре консульства: в Урге (открыто в 1861 г., позднее – генеральное консульство, с 1913 г. возглавлялось генеральным консулом и дипломатическим агентом), Улясутае (фактически работало с 1906 г., официально – с 1909 г.), Шара-Сумэ (с 1911 г.) и Кобдо (с 1913 г.). В 1916 г. открылось вице-консульство в Маймачзене. При всей своей важности консульский суд в Монголии всегда был уязвим для критики со стороны предпринимателей, государственных и академических кругов и самих дипломатов за «неэффективность» и «косность», что в полной мере относилось и к сфере «смешанных» дел.

Вопросам специфики следствия и судопроизводства по делам «смешанной» категории в старой Монголии ранее не уделялось пристального внимания в российской и зарубежной науке. Отдельные сведения о системе управления в Монголии, некоторых особенностях взаимодействия представителей МИД России с местными властями, в том числе по вопросам решения споров, в этот период были собраны А.М. Позднеевым [1], а также членами томской экспедиции 1910 г. [2]. Вклад в описание судебных процедур, в том числе «судов мулл», опиравшихся на шариат и народные обычаи, в пограничных регионах Цинской империи

(в основном в Западном Китае) сделал Н.В. Богоявленский [3, 4].

Предметно над проблемами судебной функции российских консульств на Востоке работал Ф.Ф. Мартенс [5], акцентировав, однако, внимание на ближневосточном регионе. Важными для исследования являются работы, посвященные вопросам развития консульской службы Российской империи, которые широко обсуждались на заре XX столетия. Отечественный консульский институт в это время, наряду с мировым, переживал сущностный кризис и все чаще подвергался критике деловых и государственных кругов. В рамках дискуссий изучалась его история [6], переосмыслилось его содержание, предпринимались попытки разрешить проблемы, проистекавшие из одновременного функционирования его в двух плоскостях – дипломатической и коммерческой. Среди таких публикаций следует отметить труды А.А. Гейкинга [7, 8], Э.Н. Берендтса [9], А.В. Сабанина [10, 11], но проблемы консульской юрисдикции в них рассматривались в основном с позиций экономических интересов России, а страновые тонкости, тем более в связи со «смешанными» делами, практически не попадали в фокус внимания.

На современном этапе некоторые вопросы реализации консульского суда в Китае в изучаемый период были затронуты Е.И. Сафроновой [12], применительно к Синьцзяну – Э. Мамедовой [13], В.В. Галиевым [14, 15]. Сюжет «международных съездов» в практике разрешения «смешанных дел» на центральноазиатских рубежах рассматривался в работах К.Ш. Хафизовой [16, 17], В.А. Моисеева [18], Ли Шэна [19]. Выводы данных исследований позволяют провести ряд параллелей между процессами, протекавшими в Восточном Туркестане и других регионах. В ряде наших предшествующих работ [20, 21] были изучены контекст и основные направления деятельности российских дипломатических и консульских сотрудников в области реализации консульской юрисдикции в пограничных с Россией регионах Китая и Монголии в позднecinский и раннереспубликанский периоды.

В данной статье предполагается осветить ключевые особенности судопроизводственных практик, существовавших в Монголии в период с 1860-х по 1910-е гг., связанных с делами, участниками которых являлись подданные России и Китая (с 1912 г. – и автономной Монголии). Рассмотрению подлежат специфика нормативной основы, форм и содержания следственных и судебных процедур по «смешанным» делам в разных регионах Монголии, основные типы исков, факторы, затруднявшие судопроизводство, и значение сформировавшихся практик для развития и регулирования контактов России с Китаем и Монголией. Анализ разрешения «смешанных» дел в Монголии осуществлялся исходя из комплексности предмета исследования, находящегося на стыке нескольких областей научного знания – истории, науки о международных отношениях и международного права. Наибольшую экспликативность при изучении данного феномена продемонстрировал синтез реалистической парадигмы и элементов цивилизационного подхода к международным и межкультурным взаимодействиям. Источниковая

база исследования в значительной степени представлена неопубликованными документами Архива внешней политики Российской империи, Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН, документальными публикациями, трудами путешественников и другими релевантными материалами.

Нормативно-правовая база следственной и судопроизводственной деятельности по так называемым «смешанным» делам была весьма ограниченной. С момента образования российского консульства в Урге до конца 1911 г. данная деятельность осуществлялась властями Монголии и официальными представителями России на основе договоров между Российской и Цинской империями, а после объявления Монголией «независимости» к данным документам добавились новые, связанные с закреплением автономного статуса Монголии. До создания консульства в Урге сношения российских пограничных властей (генерал-губернатора Восточной Сибири и градоначальника Кяхты) по данным вопросам с властями Монголии велись через кяхтинского пограничного комиссара, который передавал документы специальному чиновнику – царгучею. Ургинские же амбани передавали документы, адресованные российским властям, через кяхтинского царгучея, который доставлял их кяхтинскому пограничному комиссару.

В трактатах между Российской и Цинской империями (Кульджинском 1851 г., Тяньцзиньском 1858 г., Пекинском 1860 г. и Санкт-Петербургском 1881 г. [22. С. 59–62, 64–69, 71–79, 118–124] отражались наличие консульской юрисдикции и экстерриториальности, судебные обязанности консулов. Более поздние из них содержали разъяснения по следственным полномочиям и процедурам, в том числе по «смешанным» делам. Так, в ст. 7 Тяньцзиньского договора указывалось, что дела между подданными двух империй должны разбираться только совместно уполномоченными представителями России и Китая [Там же. С. 67]. Пекинский договор подтверждал это положение и закреплял норму принятия мер местным начальством и консульскими чинами только в отношении соотечественников, запрещал задержание и наказание подданных не своих государств [Там же. С. 75]. Спецификация процедур в Монголии была кратко озвучена лишь в Пекинском и Петербургском договорах, в которых фиксировались обязательства местных властей содействовать консульствам России в следствии и судопроизводстве по делам с участием подданных двух империй [22. С. 74–77, 122–124].

Вторая часть нормативной базы представлена национальным законодательством, в частности Сводом законов Российской империи и входящим в него Консульским уставом [23]. Раздел Устава 1903 г. по регулированию консульского суда преимущественно содержал положения, общие для всех консульских заграничных учреждений, с краткими разъяснениями по Китаю и Корее, без каких-либо специальных статей для таких регионов, как Монголия или Синьцзян. В «Руководстве для консулов» 1903 г. упоминается циркуляр Министерства юстиции от 3 октября 1882 г., в котором сделано уточнение к Уложению о наказаниях относительно следственных действий консульств

в Китае по делам в производстве российских судов, фигурантами которых являются лица, проживавшие в консульских округах [24. С. 475–476]. По конкретным случаям консульства напрямую получали распоряжения министерства. В регламентацию судебной деятельности консульств в Китае и Монголии также были внесены уточнения в связи с закреплением 16 марта 1911 г. Сенатом применения в регионе порядка персидских консульских судов. В 1913–1914 гг. межведомственной комиссией МИД, министерств юстиции, финансов, торговли и промышленности, государственной канцелярии, главами российских загранучреждений обсуждался проект реформы консульских судов, предложенный Б.Э. Нольде, которому так и не суждено было реализоваться [4. С. 403]. Специальный судебный устав для консулов Российской империи так и не был создан.

В свою очередь, национальная нормативная основа, которая использовалась при расследовании преступлений и назначении наказаний осужденным маньчжурскими, монгольскими и китайскими властями, была представлена Уложением Палаты внешних сношений (Лифаньюань) [25, 26], приказами и руководствами Цзунли-ямэня, а также нормами традиционного права, действовавшими в Монголии. Большое влияние во Внешней Монголии вплоть до начала XX в. имел свод правовых обычаев «Халха-Джирум», основная часть которого была создана в начале XVIII в. [27. С. 71]. За годы пребывания Монголии в составе Цинской империи местные право и судопроизводство существенно трансформировались под воздействием китайского права с его суровыми наказаниями и способами дознания. В период автономии Монголии доминирование кодифицированного китайского права сохранилось в уголовном судопроизводстве, в гражданском же повысилась роль обычного монгольского права. В районах Западной Монголии, где проживали киргизы, казахи, узбеки и другие этнические группы, исповедовавшие ислам, важной составляющей правового базиса также являлось традиционное мусульманское право. По словам П.Я. Пясецкого, совершившего путешествие через Монголию в Китай в 1874–1875 гг., «...от прежних воинственных и когда-то странных монголов не осталось ничего, кроме преданий; теперь они представляют совершенно мирный, добродушный и до известной степени забитый народ...» [28. Т. 1. С. 21]. Замечание путешественника о «забитости» населения Монголии характеризует степень давления, оказывавшегося на ее население как национальными, так и маньчжурскими властями, в том числе в правоохранительной и судопроизводственной сферах.

В период «независимости» и автономии Монголии документальная база, в соответствии которой отправлялось правосудие по делам с участием подданных России, Монголии и Китая, пополнилась соглашениями, протоколами и декларациями, подписанными в двух- или трехстороннем формате. Соглашение от 21 октября (3 ноября) 1912 г. определяло порядок работы судебных комиссий, в которые входили российские консулы и чиновники монгольского правительства [22. С. 556]. По тройственному Кяхтинскому соглашению, офор-

мившему широкую автономию Монголии, для разрешения споров между выходцами из России, Китая и подданными Богдо-гэгэна создавались уже трехсторонние комиссии [Там же. С. 422].

Кроме вышеуказанных компонентов стоит отметить важность обычая в процессе рассмотрения «смешанных» дел, который складывался постепенно, по мере развития отношений России с Китаем и Монголией и в каждом регионе и субрегионе имел свои особенности. При этом значение устных договоренностей и заведенных обычаев в реальной практике могло быть гораздо большим, нежели у закреплённых письменно положений, тем более принимая внимание их весьма свободную трактовку местными властями.

После Первой мировой войны прежняя система отношений Запада и Востока, предполагавшая консульский суд, потеряла актуальность. Однако в изучаемый период он являлся важной частью работы заграничных учреждений. При этом в Российской империи так и не было выработано четкой регламентации консульской юрисдикции, нормативных актов, учитывавших специфику работы в отдельных регионах Востока. В Монголии, где консульские штаты были немногочисленны, расстояния между населенными пунктами велики, население расселено крайне дисперсно, а также существовал целый ряд культурных, административных, климатических особенностей местного характера, выполнение следственных и судопроизводственных обязанностей являлось задачей высокой сложности.

Среди наиболее распространенных предметов «смешанных» дел в Монголии стоит выделить следующие: кража скота (баранта), кража иного имущества, порча имущества (в основном при караванной доставке товаров), уклонение от уплаты долгов, мошенничество, ростовщичество, хулиганство, мелкие проступки. Случаи тяжких уголовных преступлений, зафиксированных в документах, были достаточно редки, однако весьма сложны для расследования и судопроизводства. Рассмотрим некоторые из распространенных правонарушений и процедуры их разбора.

Часто встречающейся проблемой в отношении российских и монгольского пограничного населения была баранта (угон скота). Ярким примером такого хозяйственного конфликта был затяжной спор урянхайцев (сойотов) и русских, проживавших на границе Минусинского округа Енисейской губернии и Урянхайского края (современной Тывы) в 1860–1870-х гг. XIX в. В ходе данного конфликта сойоты в 1878 г. даже прибегли к насильственному отъему скота у русских, мотивируя это тем, что он был приобретен незаконно [29. С. 121–122]. В разрешении спора приняли участие местные урянхайские власти, сибирское пограничное начальство и российское консульство в Урге, представитель которого лично выезжал на границу для выяснения обстоятельств дела.

Развитие российско-китайской торговли чаем и другими товарами во второй половине XIX в., в которой Монголия играла важную транзитную роль, предопределяло появление противоречий между заказчиками – российскими предпринимателями – и доставщиками грузов – монголами. Практически круглый

год «смешанные» дела такого типа занимали торговых старшин и консулов. Подавляющее большинство исков составляли заявленные российскими купцами к монгольским возчикам по поводу невыполнения обязательств, взятых по сделкам, в частности затягивания сроков доставки или порчи имущества в пути. При неблагоприятных погодных условиях подрядчики не могли довести грузы в срок. Постоянные жалобы поступали по поводу подмочек чая, сваливаемого подрядчиками-монголами в степи. Подобные инциденты приводили к существенным финансовым потерям предпринимателей. В ургинском консульстве в 1860-х – первой половине 1890-х гг. количество таких дел ежегодно увеличивалось, и, несмотря на приложенные усилия, не все процессы приводили к удовлетворительным для истцов результатам [30. Л. 10–10 об.]. С 1895 г. чаоторговцы стали страховать грузы в Русско-Китайском банке, что постепенно снизило количество исков по материальному ущербу, причиненному в процессе доставки товаров [Там же. Л. 489].

Уклонение от уплаты долгов по кредитам, выданным русскими и китайцами монголам, также являлось распространенным предметом «смешанных» дел. В Монголии, где торг был в основном долговым, был широко распространен хошунный кредит. Последний был весьма выгоден российским и китайским фирмам, поскольку средства предоставлялись под высокие проценты. При этом порядок возвращения одолженных средств и процентов в Монголии был далек от юридического. Преимущественно он определялся фактическими отношениями кредитора и кредитуемого, и нередко заимодавцам приходилось оказывать давление на должников, просрочивших выплату. Китайские крупные фирмы, чьи кредитные условия были весьма жесткими, нередко применяли насилие по отношению к должникам-монголам, а иногда и разоряли целые хошуны. При высоких темпах обнищания Халхи как следствия роста налогов и поборов властей, а также ростовщичества китайских фирм, даже самые богатые хошуны за несколько лет могли стать неплатежеспособными. В этих условиях монгольские хозяйства вновь и вновь обращались за кредитами как к россиянам, так и к китайцам, несмотря на то, что это могло сделать кредиты невозвращаемыми и даже повлечь самоуправство заимодавцев.

Хошунное кредитование таило множество рисков для российских банков, в частности лишая банки серебра, поскольку монгольские князья брали займы под зачастую ненадежные гарантии. Например, деятельность Русско-Китайского банка в Монголии оказалась невыгодной из-за его приверженности европейским нормам работы финансовых учреждений [31]. Активно финансируя монгольских князей, банк, в силу неспособности местных правителей вернуть ссуды, получал взамен лишь множество долговых документов, в условиях Монголии не имевших ценности, нес убытки. Фактором неудачи Русско-Китайского банка в Халхе стало документирование сделок русских купцов, не знавших монгольской письменности, на монгольском языке, что открывало широкое поле для фальсификаций. Однако при помощи российских консульств удавалось

решить и некоторые почти безнадежные долговые дела. Так, летом 1910 г. консул в Улясутае оказал поддержку доверенному Русско-Китайского банка, закрывшего отделение в этом городе, взыскав с монголов долгов примерно на 70 тыс. руб. при реальной стоимости выданных векселей в 20–30 тыс. руб. [2. С. 229]

Решение «смешанных» долговых дел по частным искам было наиболее трудоемким. Российскую сторону в таких спорах представлял консул или его уполномоченный, монгольскую – в первой инстанции хошунные монгольские, во второй – маньчжурские (до конца 1911 г.) власти. Если ответчиком являлся подданный Цинской империи, который был признан несостоятельным, консул готовил представление о необходимости удовлетворить иск кредитора и на основании монгольских норм о несостоятельности должника взыскать долг с хошуна. В силу спорной юридической силы кредитных сделок, незнания большинством русских монгольского письменного языка, а монголами – русского (в то время как данные о долгах записывались только русскими купцами в их кредитные книги), дела могли приобретать трудноразрешимый характер. Важным условием успешного исхода таких споров являлась честность русских купцов, но случаев повторного и чрезмерного взыскания долгов с монголов, а также необъяснимых «конверсий» сумм долгов также было немало. В соответствии с российским законодательством по исковым претензиям консулы имели право взимать не более 12% суммы. В реальности кредиторы могли в разы увеличивать первоначальную сумму долга [Там же. С. 403]. Наблюдались случаи, когда российские коммерсанты требовали оплаты долга по завышенному курсу лана и прибегали к другим приемам получения выгоды, незаконность которых было сложно доказать, так как многие сделки заключались в устной форме.

Российские консульства не располагали юридическими инструментами воздействия на соотечественников в вопросе о суммах долгов – назначение первоначальной цены товаров и русскими, и монголами являлось делом частным – и тем самым не могли официально предотвращать подобное «ростовщичество» купцов-соотечественников [Там же. С. 402]. При этом в условиях отсутствия четко регламентированного порядка рассмотрения долговых претензий консульским сотрудникам при разборе «смешанных» дел помогали не только документы из хошунных управлений, фиксировавших сделки, но и собственно информация, извлеченная из бесед с участниками споров, опыт, интуиция и здравый смысл. Будучи не в состоянии запретить «конверсии» долговых сумм, они старались помогать снижать уровень конфликтности в коммуникации истца и ответчика, а также убеждать стороны приходить к компромиссу по суммам и условиям выплат. Для уменьшения рисков при заключении крупных международных кредитных сделок российские консулы настаивали на том, чтобы стороны подтверждали их документально у местных властей.

Другая разновидность «смешанных» дел была связана с занижением оплаты или неоговоренной реструктуризацией оплаты услуг монгольским возчикам

или поставщикам сырья (например, пушнины). В консульских отчетах содержатся свидетельства понижения некоторыми российскими закупщиками стоимости монгольского сырья, бартерной оплаты услуг испорченными или залежавшимися товарами и т.д. [32. Л. 136–137 об.]. Такие иски редко заявлялись монголами официально и, как правило, разбирались на уровне торговых старшин и нижних чинов монгольских управлений. Подобные дела было нелегко отследить, поскольку большинство сделок заключалось устно и нередко вне пределов пунктов пребывания консульств и управлений. При разборе споров стороны могли легко изменять свои показания, и тяжбы затягивались. В этих случаях аксакалы или консульские служащие могли назначать размеры взысканий по своему усмотрению на основе соглашения с местными властями.

На рискованность для консульского авторитета участия сотрудников МИД в решении вопросов по возвращению частных долгов не раз указывали сами дипломаты, а также ученые и предприниматели [2. С. 403]. С другой стороны, отказывая истцам в рассмотрении дел, консульства не могли дать гарантий, что противоречия не приобретут более острый характер, не последуют попытки взыскать долги незаконными способами, которые могли повлечь еще более негативные последствия для «русского имени». В связи с этим дипломатическая миссия в Пекине по требованию цинского правительства поднимала вопрос о прекращении кредитных сделок в Монголии. Однако данная мера не была реализована, так как не отвечала существовавшим в кочевой стране экономическим и социальным реалиям.

Распространенным типом происшествий в Монголии, требовавшим международного расследования, было исчезновение людей. Так, во время объезда консулом В.Ф. Любой Западной Монголии в 1904 г. была установлена вина киргизов Тарбагатайского и Кобдоского округов в пропаже служащего русского купца Аксенова. Виновные были оштрафованы на 3000 лан [33. Л. 26 об.]. В августе 1906 г. исполняющий обязанности консула В.В. Долбежев в Улясутае принял меры к расследованию исчезновения в киргизских кочевьях Кобдоского округа российского подданного Абду-Кадыра [Там же. Л. 26]. В производстве консульств подобные дела появлялись периодически, и на их расследование могли направляться усилия сразу нескольких российских представительств, местных управлений, хошунных дзасаков и русской колонии.

Расследование серьезных уголовных преступлений, в особенности совершенных в отношении российских подданных на территории Монголии, и разрешение судебных дел по ним обычно представляли существенные сложности. В первую очередь это было связано с неразвитостью в стране следственного института, стремлением ограничить влияние российских представителей со стороны маньчжурской администрации и укрывательством преступников в хошунах. Направлявшиеся амбанами следственные комиссии в своих заключениях нередко допускали ошибки и даже фальсификации. Так, в деле об убийстве иркутского мещанина Иннокентия Устюгова в июле 1894 г., умершего от травм на территории Монголии, чиновники мань-

чжурского управления в Урге, работавшие над делом по запросу консула Я.П. Шишмарева, привели очевидно ложную причину смерти [30. Л. 275–278]. Они пытались доказать, что смерть российского подданного наступила в результате злоупотребления алкоголем. Я.П. Шишмарев убедил амбаней в необходимости дополнительного расследования. Иркутский окружной врач И. Попов, осмотрев тело, пришел к заключению о возможности насильственной смерти, поскольку на теле жертвы присутствовали повреждения. Также следствие установило, что Устюгов был ограблен. По делу проводились многочисленные сыскные мероприятия, очные ставки подозреваемых, совместные заседания представителей российских и китайских властей. Однако за недостаточностью улик и невозможностью установления личности виновного дело было закрыто «по соглашению со здешними правителями», о чем генконсул донес в Азиатский департамент МИД в январе 1897 г. [Там же. Л. 228–230, 275–278, 279–284, 358–367, 489–489 об.].

Основными органами, разбиравшими «смешанные» дела в Монголии, в соответствии с трактатами являлись так называемые «двухсторонние комиссии», обязательными членами которых со стороны России являлись консулы, а со стороны империи Цин – маньчжурские наместники. По российско-монгольскому соглашению 1912 г. вместо последних правительством Богдо-гэгэна назначались его уполномоченные представители, по Кяхтинскому соглашению 1915 г. к ним добавлялись и представители Китайской Республики. Неразрешенные дела могли направляться в Пекин на рассмотрение российской миссии и цинского правительства.

В период с 1860-х гг. до начала XX в. со стороны России бремя разрешения обычных и «смешанных» дел на территории всей Монголии несло на себе ургинское консульство. Так как консул не имел возможности совершать частые поездки по стране, дела в Западной Монголии рассматривались им совместно со специальным чиновником-цзурганом, базировавшемся в Улясутае, преимущественно в переписке и через старшин торгового сообщества. Во время поездок по округу – в основном с середины весны по середину осени – консул и цзурган стремились разрешить максимальное количество накопившихся дел [1. Т. I. С. 250–251]. Между приездами консула Улясутай посещал драгоман консульства и работал над «смешанными» делами с местным чиновником более низкого ранга – мэрийном. С назначением улясутайского консула последний в следственной и судопроизводственной работе сотрудничал с указанными чиновниками, а также совместно с улясутайским цзянцзюнем (по крупным делам) [34. Л. 3–3 об.]. Решения двусторонних комиссий по хозяйственным спорам, долговым делам считались окончательными и предполагали расчет в зале суда.

В Алтайском округе, которому в 1913 г. был присвоен особый статус, решение «смешанных» споров было весьма проблематичным в связи с отсутствием в регионе российского официального представителя до 1911 г. и открытым противодействием местной власти. Со времени выделения данного округа из Кобдоского (1907) базировавшийся в Шара-Сумэ старший кобдоский амбань Си Хэн стремился максимально избегать

контактов с российским консульским институтом и рассмотрения любых дел с участием российских подданных [34. Л. 3 об.—4]. По сообщениям исполнявшего обязанности консула в Улясутае В.В. Долбежева, на начало февраля 1910 г. Си Хэном не был решен ни один торговый спор, так как он либо не отвечал на официальные бумаги, либо секретари ямыня присылали письма о сделанных распоряжениях, не существовавших в реальности. В связи с этим В.В. Долбежев призывал открыть в Шара-Сумэ отдельное консульство, которое бы контролировало ситуацию в Алтайском округе и перманентно воздействовало на старшего кобдоского амбана. После учреждения российского консульства в 1911 г., а затем в Кобдо в 1913 г., и реорганизации управления в округе в 1913–1914 гг. ситуация с разрешением «смешанных» дел улучшилась. Стоит отметить, что для данного региона было характерно активное использование формата «международных съездов» приграничного населения для разбора «смешанных» дел.

В сферу ответственности российских консулов в Урге входило также разрешение пограничных дел и за пределами Халхи, по которым они сносились с властями Цицикара, Барги, солонских земель [30. Л. 212]. Крайне редко в изучаемый период такие дела поступали на суд двусторонней комиссии в Ургу, они, как правило, решались на съездах караульных властей и местного населения [Там же. Л. 213 об.]. Ответственность работавших в Монголии консулов в отношении Урянхайского края (Сойотии) не была четко определена, и «смешанные» дела в этом районе рассматривались чиновниками Усинского пограничного округа и местными урянхайскими правителями с учетом особенностей местных обычаев.

Отдельно стоит отметить роль в решении «смешанных» российско-китайских дел торговых старшин (аксакалов). Как и в Синьцзяне, институт старшин в Монголии был первой инстанцией в большинстве хозяйственных споров и имел важнейшее организационное значение для русской колонии. Это было особенно характерно для запада страны, где консульские учреждения появились лишь в 1900–1910-х гг., и можно согласиться с тем, что аксакалы оказывали ощутимую помощь консульствам [13. С. 309]. Как правило, старшины избирались из наиболее авторитетных представителей торгового сообщества. По функциям, в зависимости от региона, они могли быть близки вице-консулам (например, в Синьцзяне), иногда нештатным консулам, консульским агентам, но в строгом смысле параллели со сферой ответственности аксакалов и статусом названных консульских чинов провести трудно, кроме того, они не утверждались министерством официально. В Монголии наиболее широкие полномочия у торговых старшин наблюдались в Улясутайском, Кобдоском, Алтайском округах.

С начала XX в. на западном и северном рубежах империи ввиду активизации торговых контактов с Россией Пекин создал специальные «комиссии по русско-китайским делам», которым были вменены полицейские, административные и судебные полномочия [35. С. 297]. Уже в 1902–1903 гг. в Кобдо и Улясутай

были назначены так называемые «русские цзурганы» [36. Л. 161–161 об.]. С этого времени, благодаря договоренностям консула в Урге с кобдоским амбаном и улясутайским цзянцзюнем об упорядочении документооборота и сотрудничеству с чиновниками управлений, при рассмотрении «русских дел», прежде всего экономических, удавалось избежать многих недоразумений и проволочек.

Если дела принимали затяжной характер, для принятия решений созывались так называемые «международные съезды» [30. Л. 278]. Как и в Западном Китае, такие съезды предполагали судебные разбирательства приграничного населения. Выработка приемлемых решений в Улясутайском, Ургинском округах Монголии могла затрудняться в силу долгого обсуждения квалификации правонарушений, определения принадлежности истца или ответчика к тому или иному хошуну, а также собственно содержания противоправного деяния, оценка степени серьезности которого у маньчжурских, монгольских и российских чиновников могла отличаться. Вполне объяснимо, что на «международных съездах» в Монголии для ускорения завершения слушаний российские консулы максимально использовали свой авторитет, поскольку количество дел на одном съезде могло насчитывать несколько десятков. В самых сложных случаях стороны практиковали обращение к вышестоящим властям – российские представители направляли реляции в миссию в Пекине или непосредственно в Министерство иностранных дел, а маньчжурские амбаны входили с докладами в Цзунли-ямэнь. С конца 1911 г. до середины 1915 г., когда маньчжурские чиновники покинули Монголию, а китайские еще не прибыли, российские представители имели большое влияние при разрешении дел на подобных съездах, однако в этот период осложнилась сама имплементация решений.

Сфера разрешения «смешанных» дел являлась одной из самых насыщенных в практике российских консулов, торговых старшин, маньчжурских и монгольских властей в изучаемый период. Находясь в тесной зависимости от внешних факторов – общего состояния дипломатических связей двух империй, региональной архитектоники международных отношений на Дальнем Востоке, – она одновременно испытывала влияние внутривнутриполитических и экономических трансформаций в данных странах, а также различных ситуационных факторов, в том числе характера коммуникации консульских сотрудников с отдельными местными правителями. Одновременно результаты правоохранительной и судопроизводственной деятельности отражались на взаимодействиях представителей России с монгольской и маньчжурской администрациями.

Отсутствие единой системы российских консульских судов и регламентирующих их деятельность документов затрудняло деятельность «восточных» консулов в области осуществления правосудия. Проходивший службу в Западном Китае Н.В. Богоявленский отмечал, что «в каждом консульстве... установились особые порядки», и сотрудники руководствуются в основном «не законом, а собственным разумом» [4. С. 402–403]. Приводя пример разбора «смешанных» дел в Чугучак-

ском консульском округе, он упоминал, что каждая из сторон комиссии прилагала усилия скорее для защиты соотечественника, чем для выяснения истины в конкретном деле. Указывая на несовершенство правовой основы этой деятельности, консул писал: «...у нас нет никакой общей с китайцами почвы, на которую могли бы опереться как на юридическую норму... Становясь на строго юридическую точку зрения, этот порядок решения нельзя назвать и судом» [4. С. 405].

Работа со «смешанными» делами включала производство следствия по инцидентам, происходившим не только в Монголии, но также и в России и других странах, если это касалось российских подданных, проживающих в данный момент в Монголии. В следственном процессе могли принимать участие консульские чины не только одного, но и нескольких округов, старшины, а также представители пограничных администраций. В отношениях сибирского начальства и представителей МИД, чьи полномочия в отдельных сферах могли пересекаться, нередко существовали свои сложности, о чем свидетельствуют различные жалобы в донесениях данных должностных лиц. В частности, консулы могли отказываться проводить те или иные следственные процедуры с вовлечением китайских подданных, ссылаясь на ограничения своей юрисдикции по межгосударственным трактатам. В свою очередь, российские местные администрации не всегда могли или желали оказывать содействие в расследовании дел, причастными к которым были выходцы из их регионов, в силу дефицита средств, кадров и других причин. В циркуляре Министерства юстиции 1882 г. подчеркивались «значительные затруднения» в ведении следствия в Китае, и российским судебным органам рекомендовалось обращаться к консулам за содействием только в случае крайней необходимости. Допросы подданных Цинской империи разрешалось требовать только после направления запросов Министерства юстиции в Пекин через МИД [24. С. 475–476].

Неподсудность выходцев из России местным судебным органам являлась важнейшим условием применения принципа экстерриториальности в Китае и Монголии. Следовательно, для российских представителей в Монголии была актуальной задача по защите соотечественников от незаконного преследования маньчжурских и монгольских властей, которое практиковалось в отдаленных районах страны. Например, некоторые русофобски настроенные маньчжурские правители Внешней Монголии время от времени в нарушение трактатов принимали решения в одностороннем порядке. Так, в декабре 1896 г. ургинский амбань Гуй Бин предъявил претензии торговому дому «П.А. Бадмаев и Ко» о «неправильных действиях» его поверенных в Монголии, минуя консульство в Урге, чем нарушил ст. 7 Тяньцзиньского трактата [30. Л. 467]. В таких далеких от пунктов базирования консульств районах, как Прикосоколье, Алтайский округ, произвол местных властей приобретал и другие формы. При подобных инцидентах российскими дипломатами заявлялись протесты маньчжурским чиновникам как лично, так и посредством обращений к посланнику в Пекине, который направлял протесты в пекинское ведомство внешних

сношений. Дипломатическая миссия также помогала оказывать воздействие на местные власти в случае настойчивого саботажа совместного с российскими представителями проведения следственной и судопроизводственной работы Там же. Л. 475–476].

При совместном проведении следствия по «смешанным» делам проявлялся целый ряд особенностей поведения цинских чиновников. Наблюдались промедление в ответах на письма, небрежное отношение к документам и частая их утеря, затягивание дел, неспособность найти ответчиков на обширных пространствах степной страны [37. Л. 14 об.], пристрастное отношение к подозреваемым на допросах, смещение фокуса внимания с существа дела на нерелевантные детали, запугивание подсудимых. Кроме того, предварительное следствие, принятое в России, в Китае, как правило, не выделялось в отдельный этап, маньчжурские и китайские чиновники пытались интегрировать его в судебное следствие. Эти обстоятельства порождали сложности в принятии и исполнении судебных решений и нередко обрекали истцов на многолетнее ожидание торжества правосудия. Однако, что ярко иллюстрирует дело о сожжении в 1885 г. в пустыне Гоби крупной партии чая купца Шевцова, по которому ответчики не были найдены в течение более чем 10 лет [30. Л. 212 об., 233–238, 263–263 об.], разрешение сложных и затянувшихся «смешанных» дел происходило посредством дипломатического воздействия. В указанном деле по настоянию консульства Урге и миссии в Пекине убытки российской фирме были возмещены из государственного бюджета империи Цин. Таким образом, результатом «смешанных» процессов, особенно при отсутствии достаточных доказательств, как правило, становилось не установление истины, а компромисс русской и китайской сторон, достижение которого требовалось от сопредседателей комиссий.

Сложности в решение «смешанных» дел добавляла специфика китайских и монгольских законов и ведения следствия и судебной деятельности местными правителями в отношении китайских подданных. Суд в Китае и Монголии представлял собой весьма жесткую процедуру, наказания были суровыми [27. С. 97–101], степень коррумпированности чиновников, особенно маньчжурских, – высокой, и подданные Цинской империи стремились всячески избегать участия в каких-либо тяжбах, поскольку ущерб могли понести не только ответчики, но и истцы. Монголы и китайцы испытывали искренний страх перед дачей показаний, подписанием любых бумаг [4. С. 377–378], не говоря о том, что при установлении вины даже за незначительное правонарушение их могло постигнуть серьезное наказание. Участие в «международных» комиссиях представляло определенные риски для престижа российских консульских сотрудников. Защищая интересы соотечественников и требуя наказания виновных, в глазах местного населения они могли ассоциироваться с той жестокостью, которой отличались наказания в «старой» Монголии [26. Т. II. С. 75–175], следовательно, в определении размеров ущерба также требовалось найти баланс. Тем не менее, несмотря на просьбы рос-

сийских консулов о замене маньчжурских следователей и делопроизводителей монгольскими [2. С. 147–148], маньчжуры, как правило, сохраняли свои должности, до конца 1911 г.

Назначение и исполнение наказаний по «смешанным делам» подданным России составляло другую нетривиальную задачу для служащих МИД в Монголии. С одной стороны, ввиду необходимости поддерживать престиж России в глазах местного населения и соотечественников, они, как правило, стремились не смягчать наказания. Строгая политика в отношении вредных для «русского имени» преступных и неэтичных действий должна была не только обеспечивать национальную безопасность, но и производить определенное внешнее впечатление. При консульстве в Урге содержалось тюремное помещение [38. Л. 65], в котором могли отбывать наказание российские подданные, осужденные за нетяжкие уголовные преступления или получившие в качестве меры пресечения административный арест. В случае установления вины в более серьезных преступлениях или для проведения прокурорского расследования лица могли быть высланы в российские пределы с запретом на последующий въезд [2. С. 406].

В силу дисперсного проживания населения на территории Монголии, неразвитости коммуникаций и климатических особенностей страны осуществление следствия, особенно в период с поздней осени до середины весны, представляло существенные трудности. При этом, если правонарушения со стороны выходцев из России усилиями консульств, торговых старшин и пограничных властей устанавливались и пресекались более организованно и успешно [30. Л. 141–142 об.], то отмеченная выше специфика работы маньчжурских, а впоследствии монгольских и китайских служащих предполагала дополнительную нагрузку при расследовании дел, совершенных подданными Цинской империи. Для проведения судебно-медицинской экспертизы консульства приглашали специалистов из Сибири, в чем проявлялось сотрудничество учреждений МИД и пограничных администраций России [Там же. Л. 279–284].

Современниками отмечалось, что одной из слабых сторон организации консульской защиты российских интересов являлась перегруженность канцелярской работой, в частности перепиской с местными властями [Там же. Л. 10–10 об.]. Региональные черты деловой коммуникации – промедление с ответами, туманность формулировок, пространность сообщений контрагентов, перекладывание ответственности – определяли значительные объемы переписки и перевода с восточных языков и обратного перевода. Особенно интенсивным в этом отношении стал период с начала 1880-х по начало 1910-х гг. Поскольку консульства в Монголии постоянно сталкивались с проблемой малочисленности штатов, в переписку были вовлечены все сотрудники, зачастую в ущерб решению других задач. Внештатным же переводчикам в силу финансовых затруднений консульств и дороговизны жизни в Монголии консулам приходилось доплачивать из собственных средств.

В разборе «смешанных» дел существовала и лингвистическая проблема. На обширной территории Монголии для решения хозяйственных и других противо-

речий требовалось знание не только монгольского, маньчжурского, китайского и русского языков. В Кобдоском и Алтайском округах, где проживали киргизы, казахи, узбеки, татары, существовала необходимость в переводчиках тюркских языков. Несмотря на то, что в данных округах, как и в Синьцзяне, на помощь приходили представители российского торгового сообщества, являвшиеся носителями этих языков или владевшие ими на достаточном уровне, в практике неизбежно возникали трудности перевода и недоразумения. В свою очередь, данными языками владели не все уполномоченные представители цинской (впоследствии китайской) власти. В Западной Монголии среди всех чиновников со стороны Китая русским языком в основном владели только «русские цзурганы», а следствие и судебные заседания, как правило, проводились на монгольском языке [34. Л. 3–3 об.].

Изменение с середины 1900-х гг. стратегической обстановки на Дальнем Востоке, активизация китайского, японского и европейского капитала и последовавший в конце десятилетия кризис российской торговли в Монголии предопределили более напряженный фон для работы в стране. До 1912 г. консулы были единственными представителями Российской империи в Монголии, и недовольство по поводу упущения экономических выгод на Востоке, несовершенства российской бюрократии, звучавшее в отношении правительства, адресовалось и им. Начавшаяся в 1909 г. подготовка реорганизации консульской службы не завершилась в связи с началом первой мировой войны [39. С. 20–21].

Критика в отношении консульского института в Монголии, высказанная членами торговых экспедиций – московской [40] и томской [2], направленных в страну в 1910 г., касалась в том числе и практики решения торговых споров. М.И. Боголепов и М.Н. Соболев делали акцент на кадровом дефиците, бюрократизированности, плохой информированности, недостаточной подготовке консульских сотрудников в области права и других обстоятельствах, препятствовавших профессиональной защите ими отечественных экономических интересов. Отмечалось, что при такой постановке дела чиновнику МИД в Монголии «...довольно трудно быть полезным для русских даже при добром желании» [Там же. С. 400]. Они указывали на то, что контроль за исполнением трактатов и жизнью диаспоры затрудняло дисперсное расселение русских по обширной территории страны при малом количестве консульств и скудости их штатов [Там же. С. 396–398]. В результате работа консулов, требовавшая частых выездов и осмотров, превращалась, по их мнению, в бумажное дело-производство. Очевидными были трудности с распространением информации, коммуникацией с местными властями, координацией деятельности сотрудников. Эти и другие обстоятельства служили факторами падения авторитета консульской власти, свободной трактовки цинским чиновничеством положений договоров, укрывательства правонарушений, распространения коррупции, самоуправства как со стороны маньчжурских чиновников, так и иногда – русских торговцев, когда консульская помощь была недоступна.

1 декабря 1911 г. Монголия объявила о независимости и создании теократического государства под управлением духовного главы Джебдзун-Дамба-хутухты. До конца мая 1915 г. российская дипломатия прилагала значительные усилия для урегулирования политического конфликта Монголии и вновь образовавшейся Китайской Республики, не признававшей независимость Монголии, которые увенчались подписанием трехстороннего Кяхтинского соглашения об автономии Монголии. В этот период уровень сношений консульств с монгольскими властями повысился, они стали взаимодействовать непосредственно с правительством Богдо-гэгэна, а представители Пекина вернулись в страну только во второй половине 1915 г. Российский консул в Урге получил статус дипломатического агента, расширились штаты консульств, открылись новые учреждения в Западной Монголии. При этом разрешение «смешанных», особенно долговых, дел приобрело более затяжной характер, так как монгольские князья и простые араты отказывались выплачивать долги потерявшим, по их мнению, легитимность китайским фирмам. В период падения торговых оборотов и некоторого охлаждения отношений с Россией после подписания российско-китайской декларации 1913 г. подобная ситуация коснулась и российских фирм. Неотлаженные управленческие механизмы автономной Монголии, в особенности в западных регионах, в свою очередь, не позволяли эффективно решать задачи по понуждению к выплате долгов, проведению следственных действий. Так, если за 1910 г. большая часть долгов по ургинскому консульскому округу была взыскана (на общую сумму около 200 тыс. руб.), то уже 1911 г. показатели резко снизились. В своем отчете управляющий генеральным консульством в Урге В.Н. Лавдовский отмечал, что при отсутствии в городе полицейского учреждения, а у консульства – средств на поиск должников, а также при нежелании русской колонии тратить на организацию полиции в округе деятельность консульства в сфере взимания долгов, следственных и судопроизводственных действий осуществлялась крайне проблематично [41. Л. 76].

В автономной Монголии появились новые сложности, относящиеся к организации суда и следствия. Например, из-за сужения полномочий представителя богдо-гэгэновского правительства в Улясуае в период автономии Монголии в его обязанности перестал входить разбор споров между россиянами и монголами в Дзасакту-ханском и Сайн-нойон-ханском аймаках, в то время как они относились к Улясуйскому консульскому округу [42. Л. 21–24]. В донесении от 30 мая 1915 г. консул А.А. Вальтер констатировал, что таким образом монгольский чиновник отказывался от решения дел и в отдаленном Прикосогольском районе, в котором издавна происходили конфликты российских подданных с местным населением. А.А. Вальтер предлагал генеральному консульству воздействовать на монгольское правительство с целью расширения полномочий местных правителей для совершенствования системы взаимодействия по правовым вопросам.

Понимая суть проблем в решении своих задач, связанных со «смешанными» делами, сотрудники кон-

сульств и миссии в Пекине прилагали серьезные усилия для борьбы с ними. На уровне стандартизации процедур в отдельных районах страны Министерством иностранных дел это допускалось, поскольку для центрального аппарата была очевидной большая осведомленность консульств о местной обстановке. Однако проводить существенные изменения в процедурах было нелегко. Так, консулы в Урге на протяжении длительного периода пытались добиться упрощения подачи исков китайских подданных, прежде всего мотивируя это тем, что маньчжурские управления в ответ будут охотнее участвовать в разборе «русских дел» [30. Л. 489]. Другим примером является инициатива о внедрении обязательной фиксации сделок между российскими и китайскими подданными в письменной форме в консульстве или ямэне, призванная повысить гарантии выполнения договоренностей и облегчить судопроизводство [38. Л. 123]. Некоторые из выдвигаемых инициатив отклонялись российскими министерствами – иностранных дел, финансов или торговли и промышленности, некоторые не находили поддержки цинской или монгольской администрации, а также предпринимателей. Так, письменная фиксация сделок, повышая прозрачность отношений участников экономической деятельности, ограничивала возможности спекуляций, раскрывала информацию об оборотах фирм, что предопределяло непопулярность этой меры в торговом сообществе. Стоит отметить и фактор бюрократизированности в работе заграничных учреждений и пограничных администраций, находящихся на большом удалении от центральных ведомств и вынужденных порой годами ожидать согласования инициатив и предложений по оптимизации своей деятельности.

Следствие и судопроизводство по делам с участием подданных Российской и Цинской империй (с 1912 г. – Китайской Республики и автономной Монголии) являлись многомерной и комплексной сферой российско-монгольско-китайских взаимодействий, участниками которой были как официальные, так и неофициальные институты. Несмотря на попытки реформирования в 1910-х гг., российская консульская юрисдикция не получила окончательного оформления и ушла с исторической сцены с распадом системы заграничных учреждений Российской империи после Октябрьской революции. Принцип суверенного равенства государств внедрялся в отношения со странами Востока неравномерно и постепенно, утвердившись только с окончанием эры колониализма. Практики разрешения «смешанных» дел на монгольской территории, введенные в период функционирования императорских консульств, сохранялись в неофициальном виде практически до конца 1920 г., когда бывшие дипломаты, после революции действовавшие от лица белогвардейских властей, вынуждены были покинуть страну.

Работа по «смешанным» делам в Монголии демонстрировала разницу норм, традиций, менталитетов представителей нескольких миров: российского, монгольского, мира маньчжурской власти и собственно китайской цивилизации, в рамках которой в изучаемый период и существовала маньчжурская администрация, во многом впитавшая ее ценности и обычаи,

а также представленная большим контингентом китайских торговцев, а после 1915 г. и комиссарами, сменившими цинских наместников. На западно-монгольских рубежах данное межцивилизационное взаимодействие становилось еще более разнообразным за счет мира мусульманских народов России и Китая, контакты которых через границу в отдельных аспектах могли протекать мирно и конструктивно (например, именно здесь эффективно работал институт «международных съездов»), но при определенных условиях и взаимодействиях с другими «мирами» способны были порождать трудноразрешимые проблемы. Несомненно, все эти цивилизационные особенности, противоречия и интересы необходимо было принимать во внимание при реализации следствия и судопроизводства, а также регулирования транснациональных взаимодействий в Монголии в целом.

Вместе с непроработанностью юридической базы, спецификой местных правовых традиций и во многом прецедентного характера суда, удаленностью региона, особенностями его климата и бытовых условий, неполной координацией с приграничными администрациями, личностными особенностями местных правителей расследование и суд по «смешанным» процессам были весьма трудоемкими. При подробном изучении существовавших практик и отдельных кейсов очевидным становится то, что жесткая критика в адрес организации российской юридической деятельности в Монголии, особенно со стороны академических кругов, учитывала не всю упомянутую специфику. Представляется, что в силу особенностей региона и протекавших в нем процессов наличие консульского судебного устава или специального юридического образования у сотрудников заграничных учреждений не гарантировало бы принципиального повышения качества процесса разрешения «смешанных» дел. Характер этой деятельности предопределял целый ряд структурных факторов, не связанных собственно со степенью филигранности ведения документооборота или артикулированности уставных процедур. Основные трудности были связаны с принятием и практической имплементацией решений в специфических и меняющихся обстоятельствах. При этом консульства продлевали значительную работу для обеспечения «цивилизованности» суда и поддержания своего высокого статуса в регионе прохождения службы, не воспринимая его как априорный.

Касательно действенности механизма разрешения дел с участием подданных разных государств документы свидетельствуют о том, что до конца 80-х гг. XIX в. консульство в Урге успешно закрывало большинство поступавших в его производство дел.

Всплеск деловой активности в конце XIX в. – первой декаде XX в., повлекший увеличение трансграничных торговых потоков, вызвал большое напряжение сил сотрудников единственного консульства, и только после официального открытия консульств в Улясутае, Шара-Сумэ и Кобдо, совпавшего с постепенным уменьшением числа операций российских подданных в Монголии, следственная и судопроизводственная деятельность в остальных регионах страны приобрела более адекватный поставленным задачам характер.

Проведенное исследование позволило установить, что, невзирая на многочисленные трудности реализации следствия и судопроизводства по «смешанным» делам, в изучаемый период в Монголии была выработана регионально-специфическая система их разрешения, относительно адекватная местным условиям. Ее институциональной основой являлась совместная деятельность местной маньчжурской (впоследствии китайской), монгольской администрации и официальных представителей России – консулов, управляющих консульствами, дипломатических агентов (с 1913 г.), а также торговых старшин. В рамках упомянутой системы сложился комплексный механизм, функционировавший на нескольких началах: положениях международных договоров, соглашений и национального права; нормах и принципах традиционного права и морали, существовавших в Китае и Монголии; системе прецедентов и неписаных соглашений между официальными лицами, а также отдельными группами населения двух государств империй, сложившихся в определенные местные практики.

Деятельность, связанная со «смешанными» делами, в каждом из регионов Монголии требовала учета их исторической, культурно-духовной, хозяйственной специфики, глубокого понимания особенностей межэтнических и межкультурных взаимодействий, применения целого ряда особых профессиональных компетенций. Сотрудничество представителей России, Китая и Монголии, их совместные усилия по совершенствованию работы двусторонних и трехсторонних комиссий, документооборота за более чем полвека послужили развитию российско-монгольско-китайских отношений, модернизации суда и смягчению наказаний в местном судопроизводстве, распространению среди населения и властей некоторых современных эпохе социальных норм и ценностей. Сформировавшиеся следственные и судопроизводственные практики стали неотъемлемой частью нормативного, организационного и культурного базиса международных взаимодействий в Монголии во второй половине XIX – начале XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Позднеев А.М. Монголия и монголы. СПб., 1896. Т. I; 1898. Т. II.
2. Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. Томск, 1911.
3. Богоявленский Н.В. Юрисдикция русских консулов в Западном Китае и судебная деятельность Чугучакского консульства // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 3. С. 28–70.
4. Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб., 1906.
5. Мартенс Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. СПб., 1873.
6. Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М., 1899. Ч. I, II.
7. Гейкинг А.А. Консульская служба России и в других странах // Море. 1907. № 19–20.
8. Гейкинг А.А. Четверть века на российской консульской службе. Берлин, 1921.

9. Берендтс Э.Н. Соображения о срочной необходимости переработать заново Российский устав консульский. СПб., 1913.
10. Сабанин А.В. К вопросу о положении консульской службы // Известия МИД. 1913. Кн. II. С. 139–160.
11. Сабанин А.В. Еще к вопросу о задачах консульской службы // Известия МИД. 1916. Кн. V–VI. С. 279–291.
12. Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII – начале XX в. СПб., 2002.
13. Мамедова Э. Из истории развития консульских отношений между Туркестанским генерал-губернаторством и Синьцзяном // Научные работы и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук. Ташкент, 1963. Кн. 7.
14. Галиев В.В. «Смешанные дела» в деятельности российских консулов в Синьцзяне (конец XIX – начало XX вв.) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2010. 8 апр. URL: <http://journal.org/articles/2010/hist15.html>
15. Галиев В. В. Русские консульства в Синьцзяне (конец XIX – начало XX в.). Алматы, 2011.
16. Хафизова К.Ш. Международные съезды как новая форма регулирования отношений между Россией и Китаем во второй половине XIX в. // Из истории международных отношений Центральной Азии. Алма-Ата, 1990. С. 153–176.
17. Хафизова К.Ш. Международные русско-китайские съезды на границе // Мысль. 2015. 18 июня. URL: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=6157>
18. Моисеев В.А. Новые данные о международных съездах на русско-китайской границе в Центральной Азии в 80-х годах XIX – начале XX вв. // Центральная Азия и Сибирь : первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда : материалы конф. (Барнаул, 14 мая 2003 г.). Барнаул, 2003. С. 167–171.
19. 历史, 哈萨克斯坦及其与中国的关系 (15世纪-20世纪中期) (Казахстан и его отношения с китайским Синьцзяном (XV – середина XX вв.)). Харбин, 2004.
20. Сизова А.А. Особенности и проблемы реализации консульской юрисдикции России в Монголии во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Монголия на рубеже XIX – XX веков: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. Иркутск ; Улан-Батор, 2013. С. 134–142.
21. Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М., 2015.
22. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. В.С. Мясникова. М., 2004.
23. Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, изданными в порядке ст. 87 законов основных, и позднейшими узаконениями. Изд. неоф. / сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В. Герценберг; под ред. И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб., 1912. Кн. 1–5.
24. Руководство для консулов / сост. С.М. Горяинов. СПб., 1903.
25. Бичурин И. Записки о Монголии. СПб., 1828. Т. 1, 2.
26. Уложение Китайской Палаты внешних сношений / пер. с маньчжур. С.В. Липовцов. М., 1828. Т. I, II.
27. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное) : исторический очерк. Харбин, 1931.
28. Пясецкий П.Я. Путешествие в Китай в 1874–1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай) : из дневника члена экспедиции : в 2 т. СПб., 1880.
29. Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск, 2003.
30. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 562.
31. Старцев А.В. Российский кредит в русско-монгольской торговле (вторая половина XIX – начало XX в. // Восточный архив. 2000. № 4–5. С. 86–91.
32. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564.
33. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616.
34. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638.
35. Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М., 2007.
36. Долбежев В.В. Русская торговля в Халхаской Монголии // Сб. консульских донесений. 1907. Год десятый. СПб., 1907. Вып. IV. С. 291–297.
37. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563.
38. АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 139.
39. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565.
40. Ильин Ю.Д. Основные тенденции в развитии консульского права. М., 1969.
41. Московская торговая экспедиция в Монголию в 1910 г. М., 1912.
42. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566.
43. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 623.

Sizova Alexandra A. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). E-mail: sayun@yandex.ru
“MIXED” CASES INVOLVING THE RUSSIAN AND CHINESE SUBJECTS IN MONGOLIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – THE EARLY 20TH CENTURY: THE ISSUES OF INVESTIGATION AND LEGAL PROCEEDINGS

Keywords: Russia; China; Mongolia; consular jurisdiction; “mixed” cases.

The specific features of the investigation and legal proceedings on “mixed” cases in Mongolia remains one of the understudied issues of the history of Russian-Mongolian-Chinese relations, Russia’s diplomatic and consular service, as well as the history of Russia, Mongolia and China in the second half of the 19th – the early 20th centuries. This article presents the results of the interdisciplinary study of this problem, based on a wide range of published and unpublished sources, including those from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire and the Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts (RAS). The research is aimed at the comprehensive analysis of the legal basis of the law enforcement and judicial activities of Russian consulates and local Mongolian and Manchurian (from 1915 – Chinese) authorities, the most common types of offenses and suits, the features of the institutions involved in the resolution of civil and criminal cases, the investigative and judicial procedures in different regions of Mongolia, as well as the main difficulties in the work on “mixed” processes. Practices of investigation and litigation are examined in the context of international and inter-civilizational interactions in the region.

The research demonstrates that the most serious problems in investigative and judicial activities included Russian government’s uncertainty about the strategy toward Mongolia until the early 1910-s, the lack of a legal framework for the implementation of consular jurisdiction in the East and special instructions related to the region, and a whole number of organizational and cultural issues. The delay in opening consulates in Western Mongolia left numerous Russian traders without reliable protection from arbitrary actions of the local officials. Among other difficulties, there are the opposition of the Qing authorities, their permissive interpretation of the Russian-Chinese treaties as well as their poor investigative work, severity of punishments imposed and corruption that made the local population fear any court procedures and adversely affected the reputation of the “mixed” commissions. Nevertheless, the region-specific system of resolving “mixed” cases based on the cooperation of the local administration and Russian official representatives, the border authorities and heads of the Russian trade communities, despite its weaknesses, can be called functional for the local conditions. The complex mechanism relying on Russia’s treaties and agreements with China and Mongolia, the local traditional norms and principles as well as the system of precedents and informal agreements between Russian, Manchu, Chinese and Mongolian officials and between the certain groups of the population, was preserved some time after the Russian Revolution of 1917 and contributed to the regulation of international interactions in Mongolia, even in the face of the large-scale historical transformations.

REFERENCES

1. Pozdneev, A.M. (1896) *Mongoliya i mongoly* [Mongolia and the Mongols]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Russian Geographical Society.
2. Bogolepov, M.I. & Sobolev, M.N. (1911) *Ocherki russko-mongol'skoy trgovli. Ekspeditsiya 1910 g.* [Essays on Russian-Mongolian trade. Expedition of 1910]. Tomsk: Sib. t-vo pech. dela.
3. Bogoyavlensky, N.V. (1898) *Yurisdiksiya russkikh konsulov v Zapadnom Kitae i sudebnaya deyatel'nost' Chuguchakskogo konsul'stva* [Jurisdiction of Russian consuls in Western China and judicial activities of the Chuguchak consulate]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 3. pp. 28–70.
4. Bogoyavlensky, N.V. (1906) *Zapadnyy Zastennyi Kitay. Ego proshloe, nastoyashchee sostoyanie i polozhenie v nem russkikh poddannyykh* [Western Inner China. Its past, present and position of Russian subjects there]. St. Petersburg: A. Suvorin.
5. Martens, F. (1873) *O konsulakh i konsul'skoy yurisdiksii na Vostoke* [About the consuls and consular jurisdiction in the East]. St. Petersburg: A. Benke.
6. Ulyanitsky, V.A. (1899) *Russkie konsul'stva za granitseyu v XVIII veke* [Russian consulates abroad in the 18th century]. Moscow: G. Lissner & A. Geshel.
7. Gaiking, A.A. (1907) *Konsul'skaya sluzhba Rossii i v drugih stranakh* [Consular service of Russia and in other countries]. *More*. 19–20.
8. Gaiking, A.A. (1921) *Chetvert' veka na rossiyskoy konsul'skoy sluzhbe* [Twenty five years in the Russian consular service]. Berlin: Puttkammer & Muhlbrecht.
9. Berendts, E.N. (1913) *Soobrazheniya o srochnoy neobkhodimosti pererabotat' zanovo Rossiyskiy ustav konsul'skiy* [Considerations about the urgent need to re-consider the Russian Consular Charter]. St. Petersburg: [s.n.].
10. Sabanin, A.B. (1913) *K voprosu o polozhenii konsul'skoy sluzhby* [On the consular service]. *Izvestiya MID*. 2. pp. 139–160.
11. Sabanin, A.B. (1916) *Eshche k voprosu o zadachakh konsul'skoy sluzhby* [Again on the tasks of the consular service]. *Izvestiya MID*. 5–6. pp. 279–291.
12. Safronova, E.V. (2002) *Stanovlenie i razvitie konsul'skoy sluzhby Rossiyskoy imperii v XVIII – nachale XX v.* [Formation and development of the Russian consular service in the 18th – early 20th century]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr.
13. Mamedova, E. (1963) *Iz istorii razvitiya konsul'skikh otnosheniy mezhdru Turkestanskim general-gubernatorstvom i Sin'tsyanom* [From the history of the development of consular relations between the Turkestan Governor-General and Xinjiang]. *Nauch. raboty i soobshcheniya AN UzSSSR*. 7.
14. Galiev, V.V. (2010) *“Smeshannye dela” v deyatel'nosti rossiyskikh konsulov v Sin'tsyanе (konets XIX – nachalo XX vv.)* [“Mixed cases” in the activities of Russian consuls in Xinjiang (the late 19th – early 20th centuries)]. [Online] Available from: <http://jurnal.org/articles/2010/hist15.html>.
15. Galiev, V.V. (2011) *Russkie konsul'stva v Sin'tsyanе (konets XIX – nachalo XX v.)* [Russian consulates in Xinjiang (the late 19th – early 20th centuries)]. Almaty: [s.n.].
16. Khafizova, K.Sh. (1990) *Mezhdunarodnye s"edzy kak novaya forma regulirovaniya otnosheniy mezhdru Rossiei i Kitaem vo vtoroy polovine XIX v. Iz istorii mezhdunarodnykh otnosheniy Tsentral'noy Azii* [International congresses as a new form of regulation of relations between Russia and China in the second half of the 19th century. From the history of international relations in Central Asia]. Almaty: Gylym. pp. 153–176.
17. Khafizova, K.Sh. (2015) *Mezhdunarodnye russko-kitayskie s"edzy na granitse* [International Russian-Chinese congresses at the border]. *Mysl'*. 18th June. [Online] Available from: <http://mysl.kazgazeta.kz/?p=6157>.
18. Moiseev, V.A. (2003) *[New data on international congresses on the Russian-Chinese border in Central Asia in the 1880s – early 20th century]. Tsentral'naya Aziya i Sibir': Pervye nauchnye chteniya pamyati E.M. Zalkinda* [Central Asia and Siberia: The First E.M. Zalkind Readings]. Proc. of the Conference. Barnaul. May 14, 2003. Barnaul. pp. 167–171. (In Russian).
19. Anon. (2004) *厉声, 哈萨克斯坦 及其 与 中国 新疆 的关系 (15 世纪 -20 中期)* [Kazakhstan and its relations with Chinese Xinjiang (the 15th – mid 20th centuries)]. Kharbin: [s.n.].
20. Sizova, A.A. (2013) *Osobennosti i problemy realizatsii konsul'skoy yurisdiksii Rossii v Mongolii vo vtoroy polovine XIX-nachale XX veka* [Features and problems of the implementation of the Russian consular jurisdiction in Mongolia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: *Rossiia i Mongoliya na rubezhe XIX–XX vekov: ekonomika, diplomatiya, kul'tura* [Russia and Mongolia at the turn of the 20th century: economics, diplomacy, culture]. Irkutsk, Ulan-Bator: Baikal State University of Economics and Law. pp. 134–142.
21. Sizova, A.A. (2015) *Konsul'skaya sluzhba Rossii v Mongolii (1861–1917)* [Consular Service of Russia in Mongolia (1861–1917)]. Moscow: Nauka.
22. Myasnikov, V.S. (ed.) (2004) *Russko-kitayskie dogovorno-pravovye akty. 1689–1916* [Russian-Chinese legal acts. 1689–1916]. Moscow: Pamyatniki ist. mysli.
23. Mordukhay-Boltovsky, I.D. (ed.) (1912) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Polnyi tekst vseh 16 tomov, soglasovannykh s poslednimi prodolzheniyami, izdannymi v poryadke st. 87 zakonov osnovnykh, i pozdneyshimi uzakonenyami* [The Code of Laws of the Russian Empire. The full text of all 16 volumes, consistent with the latest sequels, published in the order of Art. 87 of the laws of the basic and later laws]. St. Petersburg: [s.n.].
24. Goryainov, S.M. (1903) *Rukovodstvo dlya konsulov* [A Guide for Consuls]. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
25. Bichurin, I. (1828) *Zapiski o Mongolii* [Notes on Mongolia]. St. Petersburg: Karl Krai.
26. China. (1828) *Ulozhenie Kitayskoy Palaty vneshnikh snosheniy* [The Code of the Chinese Chamber of Foreign Relations]. Translated from Manchu S.V. Lipovtsov. Moscow: [s.n.].
27. Ryazanovsky, V.A. (1931) *Mongol'skoe pravo (preimushchestvenno obychnoe). Istoricheskiy ocherk* [The Mongolian Law (with special reference to the customary law)]. Kharbin: N.E. Chinarev.
28. Pyasetsky, P.Ya. (1880) *Puteshestvie v Kitay v 1874–1875 gg. (cherez Sibir', Mongoliyu, Vostochnyy, Sredniy i Severo-Zapadnyy Kitay). Iz dnevnika chlena ekspeditsii* [Travel to China in 1874–1875 (via Siberia, Mongolia, East, Middle and North-West China). From the diary of a expedition member]. In 2 vols. St. Petersburg: M. Katkov.
29. Edinarkhova, N.E. (2003) *Russkie v Mongolii: osnovnye etapy i formy ekonomicheskoy deyatel'nosti (1861–1921 gg.)* [Russians in Mongolia: the main stages and forms of economic activity (1861–1921)]. Irkutsk: Ottisk.
30. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 562.
31. Startsev, A.V. (2000) *Rossiyskiy kredit v russko-mongol'skoy trgovle (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russian credit in the Russian-Mongolian trade (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vostochnyy arkhiv*. 4-5. pp. 86–91.
32. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 564.
33. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 616.
34. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 638.
35. Obukhov, V.G. (2007) *Skhvatka shesti imperiy. Bitva za Sin'tsyan* [The Fight of Six Empires. The Battle for Xinjiang]. Moscow: Veche.
36. Dolbezhev, V.V. (1907) *Russkaya trgovlya v Khalkhaskoy Mongolii* [Russian trade in Khalkha, Mongolia]. *Sbornik konsul'skikh doneseniya*. 4. pp. 291–297.
37. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 563.
38. Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Fund 44. List 1. File 139.
39. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 565.
40. Ilin, Yu.D. (1969) *Osnovnye tendentsii v razvitiu konsul'skogo prava* [The main trends in the development of consular law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
41. Popopov, V.L. et al. (1912) *Moskovskaya trgovaya ekspeditsiya v Mongoliyu* [Moscow Trade Expedition to Mongolia]. Moscow: P.P. Ryabushinsky.
42. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 566.
43. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund 143. List 491. File 623.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 94(571.1)

DOI: 10.17223/19988613/58/15

О.Г. Климова

ВКЛАД ПРОФЕССОРА В.П. БОЙКО В ИЗУЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИСТОРИИ КУПЕЧЕСТВА СИБИРИ

Статья посвящена известному историку предпринимательства и купечества в Сибири – Владимиру Петровичу Бойко. Принята попытка анализа научной деятельности ученого, рассмотрена проблематика публикаций. Исследователь проделал значительный путь по изучению истории сибирского купечества, и сегодня при характеристике его творчества можно констатировать многочисленность публикаций, их жанровое многообразие, огромное увеличение источниковой базы и документов, вовлеченных в научный оборот, поиск новых методологических подходов. В.П. Бойко удалось собрать большой фактический материал, проанализировать структуру, деятельность, численность, социокультурный облик купцов Томска и других сибирских городов.

Ключевые слова: купечество; история предпринимательства; историография; Сибирь; XIX век.

История сибирского купечества в конце 1880-х гг. стала приоритетным направлением в отечественной историографии. Показателем актуальности и степени изученности данной проблематики следует считать большое количество проведенных конференций, издание серий сборников научных статей, монографий, энциклопедий, значительное количество защищенных докторских и кандидатских диссертаций. В исследовании истории регионального предпринимательства проявили большую активность историки Сибири. Очевидно, настало время историографического осмысления истории сибирского купечества и предпринимательства. Поэтому весьма важным является обращение к персоналиям – ученым, внесшим наиболее существенный вклад в развитие темы.

Цель работы – рассмотреть научное творчество сибирского ученого В.П. Бойко, которое посвящено отечественному предпринимательству и истории купечества. Профессор В.П. Бойко в свое время писал, что «всестороннее изучение купечества России в целом и в отдельных ее регионах еще только начинается» [1. С. 14]. Тем не менее самим историком опубликовано большое количество научных трудов, которые представлены различными жанрами. Это и монографии, и учебные пособия, и научные статьи, и тезисы конференций. Достигнутые на сегодняшний день результаты нуждаются в осмыслении и подведении некоторых итогов.

Доктор исторических наук, профессор Владимир Петрович Бойко – известный исследователь и организатор исторической науки в Томске – родился 29 февраля 1952 г. в селе Шегарка Шегарского района Томской области. В биографическом очерке, посвященном 60-летию профессора, отмечено: «Отец Петр Павлович происходил из большой крестьянской семьи, которая была выселена в период коллективизации из благодатного Алтая в болотистые места Бакчарского района». Александра Ивановна Сваровская, мать Владимира

Петровича, была родом из поляков, которые переселились в начале XVII в. на земли современной Томской области. И далее из биографического очерка: «На реке Оби Сваровские основали село, получившее название Богородское в связи с тем, что якобы напротив будущего села была поднята проплывавшая икона Богородицы» [2. С. 3].

В.П. Бойко учился в нескольких сельских школах Шегарского района. В последние годы учебы в средней школе села Шегарка он серьезно занялся лыжным спортом и легкой атлетикой, что позволило ему поступить в общеобразовательное командное училище в Ленинграде. Через два года В.П. Бойко ушел служить в Советскую Армию, а через год вернулся домой. Прежде чем поступить в Томский государственный университет, он сменил несколько профессий: работал рабочим на заводе железобетонных конструкций, преподавателем физкультуры и военного дела, два года служил матросом на различных судах Мурманского тралового флота.

В декабре 1974 г. он стал студентом подготовительного отделения (которое именовали рабфаком), а с 1975 по 1980 г. обучался на историческом факультете Томского государственного университета, где запомнился своей настойчивостью и самостоятельностью суждений. В.П. Бойко повезло с педагогами – А.А. Говорковым, Н.В. Блиновым, Г.Х. Рабиновичем, Б.Г. Могильницким, И.М. Разгоном и др., которые оказали влияние на его интерес к истории, профессиональные навыки, нравственные принципы.

После окончания вуза Владимир Петрович работал инженером Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, которой руководил Н.В. Блинов. В.П. Зиновьев вспоминает: «Определить степень зрелости капитализма без знаний истории буржуазии было никак нельзя. В Проблемной лаборатории образовалась группа научных сотрудни-

ков под руководством профессора Г.Х. Рабиновича, которая и занималась историей буржуазии в Сибири и на Дальнем Востоке...» [3. С. 19]. Научные сотрудники В.А. Скубневский, Б.К. Андрущенко, Н.М. Дмитриенко, В.Н. Большаков, В.П. Зиновьев занимались исследованием истории буржуазии по принципу отраслевой деятельности. Научные исследования В.П. Бойко были направлены на изучение крупной буржуазии XIX в. в Западной Сибири, которые потом и стали темой кандидатской диссертации, успешно защищенной в 1986 г. [4]. Историком были установлены численность, источники, процесс и степень формирования буржуазии как социального слоя, основные сферы деятельности буржуазии. Его научными руководителями после смерти Г.Х. Рабиновича, с которым Владимир Петрович начал работать еще в студенчестве, были А.А. Говорков, участник и инвалид Великой Отечественной войны, и родоначальник отечественной исторической науки в Сибири И.М. Разгон. Следует отметить, что советские историки периода 1970-х – начала 1990-х гг. изучали преимущественно вопросы социально-экономической истории, роль и значение российского и иностранного капитала. В.П. Бойко в ранних трудах и кандидатской диссертации обратился к теме морали, социально-психологических особенностей [5], культуры, быта буржуазии [6], которая в советские годы очень мало исследовалась. Как отмечает В.П. Зиновьев, «здесь лежала интереснейшая, но практически запрещенная к исследованию еще в начале 1970-х гг. тема социального облика классов российского общества» [3. С. 20].

Для советской историографии было характерно изучение классов и вопросов классовообразования, а не сословий. В отечественной историографии 1990-е гг. стали переломными для многих историков и обществоведов. Ученых начинает интересовать не столько история буржуазии, сколько история предпринимательства. Перестает присутствовать односторонний взгляд на буржуазию как на классового врага пролетариата, происходит отказ от негативного отношения к предпринимательству как социально-экономическому явлению, при этом эксплуатация перестает рассматриваться как сущностный элемент. Поэтому можно утверждать, что диссертация В.П. Бойко «Крупная буржуазия Западной Сибири во второй половине XIX в., 1861 – середина 1890-х гг.» внесла новое слово в историческую науку и послужила основой для будущих работ по истории предпринимательства и купечества.

С 1986 по 2007 г. Владимир Петрович работал в Томском педагогическом университете, продолжая изучение истории купечества и предпринимательства Западной Сибири. В 2000 г. он защитил докторскую диссертацию «Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии» (научный консультант В.П. Зиновьев) [7].

Безусловной заслугой историка является вовлечение в научный оборот новых источников и их тщательная обработка. Так, он обратился к сведениям из Городовых обывательских книг, из «купеческих», или «капитальных» (записи купцов в гильдии), книг, церковных и государственных актов учета населения,

списков избирателей в городские органы самоуправления, Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Российской империи и др. Ученым были исследованы количественные и качественные изменения в составе купечества Западной Сибири, социокультурный облик, значение купечества в хозяйственной и общественной жизни региона, а также генеалогическая продолжительность купеческих родов. Так как в 1990-е гг. в историографии шло восполнение сюжетов истории России и ее регионов, которые были мало изучены в советское время, то тема изучения купечества и предпринимательства стала актуальной и, безусловно, попала в конъюнктуру. Владимир Петрович начинает активно заниматься разработкой этой проблематики, в том числе и многочисленных аспектов деятельности купечества.

В связи с этим внимание исследователя сосредоточивается на сюжетах о численности, составе, происхождении, социально-психологическом облике и менталитете, торговле, кредитовании, видах деятельности купечества. В ряде статей он обращается к проблеме формирования сибирского купечества, взаимоотношениях буржуазии, государства, городского общества [8, 9]. Историк проводит анализ типологических черт социальной психологии купцов, их роли в экономической и общественной жизни города [10].

В 1990-х гг. в научном творчестве В.П. Бойко появляются статьи, посвященные отдельным купеческим фамилиям. Например, он рассматривает характерные черты деятельности П.Ф. Шумилова и М.А. Мыльниковых [11], предпринимательство дворян Базилевских в Сибири [12], золотопромышленника Ф.А. Горохова [13] и др. Ученым подготовлено 17 статей по истории купцов для «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири», ставшей уникальным изданием [14]. Профессор пишет о предпринимателях дореволюционной Сибири: «Это очень интересные и оригинальные люди, которые оставили свой след в социально-экономической жизни Сибири и вне ее...» [15].

Как и другие сибирские историки, В.П. Бойко достаточно много работ посвятил купеческой благотворительности [16–18]. Он выделил следующие ее причины: «...глубокая религиозность купцов, которые пользовались возможностью заслужить прощение своих грехов за свои добрые дела... тщеславие купцов: за наиболее крупные пожертвования правительство награждало орденами, жаловало чинами и званиями, крупные жертвователи имели возможность занимать почетные должности в городском самоуправлении», местный патриотизм купцов, которые «...не могли допустить, чтобы в соседних городах, примерно равных по численности населения и экономической мощи, что-то было лучше...», принуждение местной администрации делать значительные пожертвования на какие-либо крупные проекты [19]. При этом профессор предостерегал от односторонней трактовки, когда некоторые исследователи делали акцент преимущественно только на положительных сторонах купеческой благотворительности.

Общие итоги изучения томского купечества были подведены в монографии «Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования российской

буржуазии», вышедшей в 1996 г. и посвященной изучению сущностных черт томских купцов, а также условий, в которых происходило формирование и развитие томского купечества. Ученый отмечает: «...купечество концентрировало в себе наиболее активных и предприимчивых членов общества, отсеивая постепенно случайных, несостоятельных и малосостоятельных, которые приписывались в купечество для получения различных сословных льгот... оно оказывало сильное влияние на все стороны городской и региональной жизни» [20. С. 263]. Следует отметить, что исследование хоть и было посвящено томскому купечеству, однако выходило за местные рамки. Ученому удалось показать, что Томск и купечество города являлись центром торговой и промышленной деятельности предпринимателей Западной Сибири.

Продолжая исследование указанных историографических сюжетов, используя богатый эмпирический материал, В.П. Бойко обращается к купечеству уже Западной Сибири, тем самым расширяя научную проблематику. Так, в монографиях «Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в.» [19] и «Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории» [1] купеческо-предпринимательская составляющая содержит обобщающие характеристики этой сословной группы многих сибирских городов. Ученый фокусирует большее внимание на сильных и слабых сторонах купечества, эволюции социального, отраслевого облика.

Отдельные главы монографий посвящены торговле и кредитованию, промышленности как сфере приложения капиталов. Историком определена роль сухопутного и водного транспорта в формировании и развитии сибирского купечества. Транспортная составляющая исследуется В.П. Бойко как важнейший фактор развития Сибири: «В соответствии с уровнем развития транспорта складывается система связей производства с рынком» [19. С. 272]. Также автором глубже и подробнее исследованы вопросы роли религии в формировании менталитета купечества Западной Сибири. В частности, профессор обращает внимание то, что «...широкая благотворительность была распространена в старообрядческой среде, являвшейся одной из национальных особенностей русского предпринимательства» [Там же. С. 394], а «...благотворительность купцов-старообрядцев была направлена прежде всего на то, чтобы устроить приюты для гонимых властями единоверцев» [Там же. С. 395].

В 2007 г. В.П. Бойко перешел работать на кафедру истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета, которую впоследствии возглавил. С этого времени начинается новый этап его научной биографии. Самостоятельным объектом изучения становится архитектурный облик сибирских городов. Однако, изучая историю архитектуры сибирских городов, он не перестает заниматься исследованием купечества. Историк отмечает: «...сибирские купцы оказали огромное влияние на формирование архитектурного облика сибирских городов, и их вклад здесь трудно переоценить» [21. С. 3]. Уже на новом уровне исследователь обращается к изу-

чению развития купеческого предпринимательства, а также влиянию отдельных его представителей на планировку, застройку и архитектуру городов.

В.П. Бойко активно сотрудничает с учеными архитектурного и дорожно-строительного факультетов, результатом чего стало издание коллективных монографий «Сибирское купечество и формирование архитектурного облика города Томска в XIX – начале XX в.» [22], «Архитектура городов Томской губернии в XVII – начале XX в. Томск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Колывань, Новониколаевск, Камень-на-Оби, Мариинск, Нарым» [21], «Очерки истории строительства сухопутных путей сообщения. Дороги и их строительство как средство хозяйственного и социокультурного развития общества и государства» [23]. Ученица профессора Л.Б. Щавинская в своей кандидатской диссертации отмечает: «На примере девяти городов губернии показано участие купеческого сословия в процессе строительства зданий путем вложений в недвижимость как средства реализации предпринимательской и благотворительной деятельности. Этот труд, помимо решения конкретных исследовательских задач, призывает к бережному отношению и сохранению бесценного архитектурного наследия Сибири» [24. С. 12].

Участие профессора В.П. Бойко в подготовке коллективных монографий и опубликованные статьи, посвященные архитектуре сибирских городов, свидетельствуют о концептуальном осмыслении истории сибирского города и деятельности сибирского купечества в сфере проектирования, строительства и благоустройства городов.

Ученый исследует процесс создания архитектурного облика городов, а также городской менталитет, вклад отдельных купцов в архитектурный облик сибирских городов. Он рассматривает сибирское купечество как крупного архитектурного заказчика и отмечает его значимую роль в формировании архитектурной среды городов в дореволюционный период: «Многие пожертвования сибирских купцов на строительные цели были следствием глубокой религиозности... Одним из мотивов строительства красивых и больших зданий для проживания и ведения торгово-промышленной деятельности было во многом ущемленное властями и социально-политической обстановкой честолюбие и тщеславие купцов» [21. С. 31–32]. М.В. Шиловский в рецензии на монографию отмечает: «Купеческо-предпринимательская составляющая книги содержит обобщающие характеристики этой сословной группы сибирских городов в избранных хронологических рамках, дополняемые красочными зарисовками-портретами отдельных видных представителей регионального купеческого сообщества (Н.И. Асанов, П.И. Макушин, В.А. Горохов, И.Д. Асташев, Е.Г. Морозова, Д.Н. Сухов, Ф. Д. Маштаков и многие другие)» [25. С. 173].

Таким образом, появление новой проблематики в творчестве ученого – истории архитектурного формирования западносибирских городов – существенно расширило изучение предпринимательства и купечества региона.

Еще одной самостоятельной темой ученого стали историографические сюжеты, связанные с изучением

предпринимательской деятельности и образом жизни декабристов в дореволюционной Сибири. Так, он указывает: «В последнее время проблема предпринимательской деятельности декабристов, их роли в хозяйственном и культурном пробуждении Сибири становится все более актуальной, так как в их теоретическом наследии, в их практической деятельности можно найти ответы на многие вопросы сегодняшнего дня» [26. С. 60]. – И далее: «Вопрос о предпринимательстве был для декабристов в Сибири весьма принципиален. Он обсуждался в письмах и очных дискуссиях, делил декабристов на сторонников и противников занятий коммерцией декабристами» [Там же. С. 65]. Внимание историка сосредоточивается на исследовании социально-психологического облика декабристов, их участия в общественной и культурной жизни сибирских городов. Важно отметить, что в монографии «Декабристы в Сибири: предпринимательство, образ жизни, социокультурный облик», опубликованной в 2013 г. [26] и ряде статей предметом исследования выступают предпринимательская деятельность декабристов и их взаимоотношения с сибирскими купцами.

В 2014 г. профессор стал инициатором проведения Первой всероссийской конференции «Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие» [27], в которой приняли участие не только известные историки России, но и потомки сибирских купцов. В 2016 г. состоялась вторая конференция, а в 2018 г. – третья.

Под руководством ученого было защищено 5 кандидатских диссертаций. Профессор В.П. Бойко с 2002 г. является Почетным работником высшего профессионального образования РФ. В 2009 г. он стал победителем конкурса «Лучшая книга десятилетия Томской области», в 2010 г. – лауреатом конкурса в сфере образования, науки, здравоохранения и культуры в Томской области. Имеет больше двух десятков грамот и дипломов, в том числе от архиепископа Томского и

мэра г. Томска, Академии архитектуры и строительных наук, различных конкурсов и фестивалей.

Таким образом, В.П. Бойко как представитель новейшей сибирской историографии расширил и углубил проблематику исследований. На сегодняшний день Владимир Петрович является известным историком, посвятившим свое научное творчество истории купечества и предпринимательства. Исследователем проделан значительный путь по изучению истории сибирского купечества, и сегодня можно констатировать многочисленность публикаций, жанровое многообразие, увеличение источниковой базы и документов, поиск новых методологических подходов.

Достижениями историографического анализа можно считать исследования профессором количественных, социальных характеристик сибирских купцов и других предпринимателей как г. Томска, так и в целом Западной Сибири. Особенностью его изданий всегда является привлечение большого количества иллюстративного материала. Он охотно публикует старые фотографии, картины, карты, планы зданий сибирских городов, достоверно передающих время, о котором он пишет.

Владимир Петрович Бойко определил наиболее актуальные задачи дальнейшего изучения истории купечества и предпринимательства, такие как обнаружение и публикация новых источников, «...расширение круга персоналий, т.е. купцов, которые оказались вне поля исследователей или их имена только намечены... переход от региональных аспектов на общероссийские» и другие, «...что уже достаточно полно изучено, но перспективы сделать свое открытие в этой области еще остаются» [28. С. 26].

Не подлежит сомнению, что доктор исторических наук, профессор Владимир Петрович Бойко много сделал и еще много сделает для изучения истории купечества и предпринимательства в Сибири и в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории / под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 2009. 308 с.
2. Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. : сб. науч. трудов / под ред. К.В. Фадеева. Томск, 2012. Вып. 4. 278 с.
3. Зиновьев В.П. О Владимире Петровиче Бойко // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. : сб. науч. трудов / под ред. К.В. Фадеева. Томск, 2012. Вып. 4. С. 19–23.
4. Бойко В.П. Крупная буржуазия Западной Сибири во второй половине XIX в., 1861 – середина 1890-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. 224 с.
5. Бойко В.П. К вопросу о социальной психологии российской буржуазии второй половины XIX в. : по мемуарным источникам // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982. С. 33–46.
6. Бойко В.П. Социально-психологические особенности российской буржуазии второй половины XIX в. // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 99–106.
7. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии : дис. ... д-ра. ист. наук. Томск, 1999.
8. Бойко В.П. Происхождение и состав томского купечества в конце XVIII–XIX вв. : тезисы // Российское купечество от средних веков к новому времени. М., 1993. С. 92–93.
9. Бойко В.П. Численность томского купечества в конце XVIII–XIX вв. // Из истории Сибири : сб. статей. Томск, 1997. С. 81–91.
10. Бойко В.П. О менталитете западносибирского купечества в конце XVIII–XIX вв. // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. Т. 2. С. 66–69.
11. Бойко В.П. Характерные черты деятельности томских купцов П.Ф. Шумилова и М.А. Мыльниковых в конце XVIII – начале XIX вв. // Предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1994. С. 17–22.
12. Бойко В.П. Предпринимательская деятельность дворян Базилевских в Сибири // Исторический опыт хозяйственного освоения Сибири. Томск, 1994. С. 52–63.
13. Бойко В.П. Первый сибирский олигарх: предпринимательство и образ жизни чиновника и золотопромышленника Ф.А. Горехова // Человек–текст–эпоха. Томск, 2011. Вып. 4: Аналитические практики и перспективы современного источниковедения. С. 249–285.
14. Бойко В.П. 17 статей по истории сибирских купцов и их коммерческой деятельности, в том числе 12 в соавторстве // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири : в 4 т. Новосибирск, 1994–1999.

15. Бойко В.П. История изучения сибирского купечества на современном этапе // Сибирское купечество: истоки, деятельность, современность : материалы Первой Всерос. науч. конф. Томск, 2014. С. 21–26.
16. Бойко В.П. Основные причины благотворительности сибирского купечества в XIX в. // Третьи стахеевские чтения : материалы междунар. науч. конф. Елабуга, 2008. С. 230–238.
17. Бойко В.П. Истоки благотворительности сибирского купечества в XIX в. : тезисы. // Актуальные вопросы истории Сибири : Шестые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2007. С. 243–250.
18. Бойко В.П. Благотворительность томского купечества на церковные нужды в XIX в. // Православие и развитие российской духовной культуры в Сибири : материалы духовно-исторических чтений в честь св. Кирилла и Мефодия. Томск, 2004. С. 9–16.
19. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. / под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 2007. 424 с.
20. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. : из истории формирования российской буржуазии. Томск, 1996. 320 с.
21. Бойко В.П., Ситникова Е.В., Шагов Н.В., Богданова О.В., Залесов В.Г., Манонина Т.Н. Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX в.) / под ред. В.П. Бойко. Томск, 2011. 480 с.
22. Бойко В.П., Ситникова Е.В. Сибирское купечество и формирование архитектурного облика города Томска в XIX – начале XX в. Томск, 2008. 180 с.
23. Бойко В.П., Ефименко В.Н., Кадесников А.П. Очерки истории строительства сухопутных путей сообщения. Дороги и их строительство как средство хозяйственного и социокультурного развития общества и государства / отв. ред. Л.С. Ляхович. Томск, 2010. 136 с.
24. Щавинская Л.Б. История формирования строительных и инженерно-технических кадров Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2015. 225 с.
25. Шиловский М.В. Рец.: Бойко В.П., Ситникова Е.В., Шагов Н.В., Богданова О.В., Залесов В.Г., Манонина Т.Н. Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX века). Томск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Колывань, Камень-на-Оби, Нарым, Мариинск, Новоноколевск / под ред. В.П. Бойко. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2011. 480 с., 156 л. ил., 500 экз. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2 (18).
26. Бойко В.П. Декабристы в Сибири: предпринимательство, образ жизни, социокультурный облик. Томск, 2013. 269 с.
27. История изучения сибирского купечества на современном этапе // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие : материалы Первой Всерос. науч. конф. / под ред. В.П. Бойко, В.В. Безходарнова, Е.В. Ситникова. Томск, 2014. 368 с.
28. Бойко В.П. История изучения сибирского купечества на современном этапе // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие : материалы Первой Всерос. науч. конф. / под ред. В.П. Бойко, В.В. Безходарнова, Е.В. Ситникова. Томск, 2014. С. 21–26.

Klimova Olga G. Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russia). E-mail: climovolga@yandex.ru

THE CONTRIBUTION OF THE PROFESSOR V.P. BOIKO IN THE STUDY OF THE ENTREPRENEURSHIP AND THE HISTORY OF SIBERIAN MERCHANTS

Keywords: merchants; history of entrepreneurship; historiography; Siberia; 19th century.

The history of Siberian merchants and entrepreneurship in the late 1980s became a priority in the Russian historiography. Historians of Siberia showed great activity in the study of the history of regional entrepreneurship. Today, it is becoming urgent to study the scientific works of individuals-scientists involved in the historical problems of the formation and development of merchants and businesses in Russia and Siberia. The aim of the paper is to consider the scientific work of the Siberian professor V. P. Boyko, which is devoted to domestic entrepreneurship and the history of the merchants. The article presents the historiographical analysis of scientific works of doctor of historical sciences, Professor V. P. Boyko, famous researcher and organizer of historical science in Tomsk. The problems of the historian's scientific works are quite wide. He studied various historiographical subjects: the dynamics of the population, social, national and sectoral composition of the Tomsk merchants, its socio-psychological appearance and mentality. An attempt was made to show the strengths and historical limitations of the merchants for more than a century. Scientists have determined the role of trade, land and water transport in the formation of Siberian entrepreneurship. One of the stages of his scientific biography is devoted to the architecture of Siberian cities. And already at the new level, the researcher turns to the study of Siberian entrepreneurship and the influence of some of its representatives on the planning, construction and architecture of cities. Significantly expanded the study of entrepreneurship problems associated with the activities and lifestyle of the Decembrists in pre-revolutionary Siberia. He considered the role of Decembrists, including those engaged in entrepreneurship, in the economic and cultural development of Siberia. V. P. Boyko's participation in the preparation of collective monographs, edited collections, preparation and holding of conferences testifies to the conceptual understanding of the role of Siberian entrepreneurs in the improvement of cities and other areas of activity. The peculiarity of his publications is the attraction of a large illustrative material. The researcher has come a long way to study the history of Siberian merchants, and today when describing the work of the scientist, it is possible to state the number of publications, their genre diversity, a huge increase in the source base and the documents involved in the scientific circulation, the search for new methodological approaches. V. P. Boyko, as a major researcher, managed to accumulate a huge factual material, to analyze the structure, activity, number, socio-cultural image of the merchants of Tomsk and other cities in Western Siberia.

REFERENCES

1. Boyko, V.P. (2009) *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII–XIX v. Ocherki sotsial'noy, otraslevoy i mental'noy istorii* [West Siberian merchantry in the late 18th–19th centuries. Sketches of social, industrial and mental history]. Tomsk: Vodoley.
2. Fadeeva, K.V. (ed) (2012) *Khozyaystvennoe i kul'turnoe razvitie Urala i Sibiri v XIX–XXI vv.* [Economic and cultural development of the Urals and Siberia in the 19th–21st centuries]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
3. Zinovev, V.P. (2012) O Vladimire Petroviche Boyko [About Vladimir Petrovich Boyko]. In: Fadeeva, K.V. (ed) *Khozyaystvennoe i kul'turnoe razvitie Urala i Sibiri v XIX–XXI vv.* [Economic and cultural development of the Urals and Siberia in the 19th–21st centuries]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building. pp. 19–23
4. Boyko, V.P. (1982) *Krupnaya burzhuziya Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v., 1861 – seredina 1890-kh gg.* [The big bourgeoisie of Western Siberia in the second half of the 19th century, 1861 – mid 1890s]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
5. Boyko, V.P. (1982) K voprosu o sotsial'noy psikhologii rossiyskoy burzhuzii vtoroy poloviny XIX v.: po memuarnym istochnikam [On the social psychology of the Russian bourgeoisie in the second half of the 19th century: according to memoirs]. In: Rabinovich, G.Kh. (ed.) *Iz istorii burzhuzii v Rossii* [From the History of Russian Bourgeoisie]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 33–46.
6. Boyko, V.P. (1983) *Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti rossiyskoy burzhuzii vtoroy poloviny XIX v.* [Socio-psychological features of the Russian bourgeoisie of the second half of the 19th century]. In: Boyarshchinova, Z.Ya. (ed.) *Voprosy istorii dorevolutsionnoy Sibiri* [History of pre-revolutionary Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 99–106.
7. Boyko, V.P. (1999) *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII - XIX vv. Iz istorii formirovaniya sibirskoy burzhuzii* [Merchantry of Western Siberia in the late 18th – 19th centuries. From the history of the Siberian bourgeoisie formation]. History Dr. Diss. Tomsk.

8. Boyko, V.P. (1993) Proiskhozhdenie i sostav tomskogo kupechestva v kontse XVIII–XIX vv. [Origin and composition of Tomsk merchantry in the late 18th–19th centuries]. In: Semenova, A.V. (ed.) *Rossiyskoe kupechestvo ot srednikh vekov k novomu vremeni* [The Russian merchantry from the Middle Ages to the New Age]. Moscow: RAS. pp. 92–93.
9. Boyko, V.P. (1997) Chislennost' tomskogo kupechestva v kontse XVIII – XIX vv. [The number of Tomsk merchants in the late 18th – 19th centuries]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 81–91.
10. Boyko, V.P. (1999) O mentalitete zapadnosibirskogo kupechestva v kontse XVIII–XIX vv. [On the mentality of the West Siberian merchantry at the end of the 18th–19th centuries]. In: *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov* [Historical Science at the Turn of the Century]. Vol. 2. Tomsk: [s.n.]. pp. 66–69.
11. Boyko, V.P. (1994) Kharakternye cherty deyatel'nosti tomskikh kuptsov P.F. Shumilova i M.A. Mylnikova v kontse XVIII – nachale XIX vv. [Characteristics of the activity of Tomsk merchants P.F. Shumilov and M.A. Mylnikov in the late 18th – early 19th centuries]. In: *Predprinimatel'stvo v Sibiri* [Entrepreneurship in Siberia]. Barnaul: [s.n.]. pp. 17–22.
12. Boyko, V.P. (1994) Predprinimatel'skaya deyatel'nost' dvoryan Bazilevskikh v Sibiri [Entrepreneurship of the Basilevskys aristocratic family in Siberia]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo osvoeniya Sibiri* [History of economic development in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 52–63.
13. Boyko, V.P. (2011) Pervyy sibirskiy oligarkh: predprinimatel'stvo i obraz zhizni chinovnika i zolotopromyshlennika F.A. Gorokhova [The first Siberian oligarch: entrepreneurship and way of life of the official and gold miner F.A. Gorokhov]. In: Zinoviev, V.P. & Dutchak, E.E. (eds) *Chelovek-tekst-epokha* [Human – Text – Era]. Issue 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 249–285.
14. Boyko, V.P. (1994–1999) 17 statey po istorii sibirskikh kuptsov i ikh kommercheskoy deyatel'nosti, v tom chisle 12 v soavtorstve [17 articles on the history of Siberian merchants and their commercial activities, including 12 in the co-authorship]. In: Rezun, D.Ya. (ed.) *Kratkaya entsiklopediya po istorii kupechestva i kommersii Sibiri* [A Brief Encyclopedia on the History of Merchantry and Commerce in Siberia]. In 4 vols. Novosibirsk: Ripel Plyus.
15. Boyko, V.P. (2014) Istoriya izucheniya sibirskogo kupechestva na sovremennom etape [History of the study of the Siberian merchantry at the present stage]. In: Boyko, V.P. et al. (eds) *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', sovremennost'* [Siberian merchantry: origins, activity, modernity]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building. pp. 21–26.
16. Boyko, V.P. (2008) Osnovnye prichiny blagotvoritel'nosti sibirskogo kupechestva v XIX v. [The main reasons for the charity of Siberian merchantry in the 19th century]. In: Boyko, V.P. et al. *Tret'i stakheevskie chteniya* [The Third Stakheev Readings]. Elabuga: Elabuga State Pedagogical University. pp. 230–238.
17. Boyko, V.P. (2007) Istoki blagotvoritel'nosti sibirskogo kupechestva v XIX v. [The origins of the charity of the Siberian merchantry in the 19th century]. In: Skubnevsky V.A. & Goncharov Yu.M. (eds) *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Topical Problems of Siberian History]. Barnaul: Altai State University. pp. 243–250.
18. Boyko V.P. Blagotvoritel'nost' tomskogo kupechestva na tserkovnye nuzhdy v XIX v. // *Pravoslavie i razvitie rossiyskoy dukhovnoy kul'tury v Sibiri. Materialy dukhovno-istoricheskikh chteniy v chest' sv. Kirilla i Mefodiya*. Tomsk, 2004. pp. 9–16.
19. Boyko, V.P. (2004) *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII – XIX v.* [The Western Siberian merchantry in the late 18th – 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Boyko, V.P. (1996) *Tomskoe kupechestvo v kontse XVIII – XIX vv. Iz istorii formirovaniya rossiyskoy burzhuazii* [Tomsk merchantry in the late 18th–19th centuries. From the history of the formation of the Russian bourgeoisie]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Boyko, V.P., Sitnikova, E.V., Shagov, N.V., Bogdanova, O.V., Zalesov, V.G. & Manonina, T.N. (2011) *Arkhitektura gorodov Tomskoy gubernii i sibirskoe kupechestvo (XVII – nachalo XX v.)* [Architecture of Tomsk cities and Siberian merchants (the 18th – early 19th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
22. Boyko, V.P. & Sitnikova, E.V. (2008) *Sibirskoe kupechestvo i formirovanie arkhitekturnogo oblika goroda Tomsk v XIX – nachale XX v.* [Siberian merchant class and the formation of Tomsk architectural appearance in the 18th – early 19th centuries]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
23. Boyko, V.P., Efimenko, V.N., Kadesnikov, A.P. & Lyakhovich, L.S. (2010) *Ocherki istorii stroitel'stva sukhoputnykh putey soobshcheniya. Dorogi i ikh stroitel'stvo kak sredstvo khozyaystvennogo i sotsiokul'turnogo razvitiya obshchestva i gosudarstva* [Essays on the history of the land rout construction. Roads and their construction as a means of economic and socio-cultural development of society and the state]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
24. Shchavinskaya, L.B. (2015) *Istoriya formirovaniya stroitel'nykh i inzhenerno-tehnicheskikh kadrov Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [The formation of construction and engineering personnel in the Tomsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Tomsk.
25. Shilovsky, M.V. (2012) Review: Boiko V.P., Sitnikova E.V., Shagov N.V., Bogdanova O.V., Zalesov V. G., Manonina T. N. Townsarchitecture in Tomsk region and siberian merchants (XVII - beginning of XX centuries). Tomsk, Biisk, Barnaul, Kolivan, Kamen-na-Obi, Narim, Mariinsk, Novonikolaevsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(18). (In Russian).
26. Boyko, V.P. (2013) *Dekabristy v Sibiri: predprinimatel'stvo, obraz zhizni, sotsiokul'turnyy oblik* [Decembrists in Siberia: entrepreneurship, way of life, socio-cultural appearance]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Boyko, V.P. (2014) Istoriya izucheniya sibirskogo kupechestva na sovremennom etape [History of the study of the Siberian merchantry at the present stage]. In: Boyko, V.P., Bezhodarnova, V.V. & Sitnikova, E.V. (eds) *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie* [Siberian merchantry: sources, activities, heritage]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
28. Boyko, V.P. (2014) Istoriya izucheniya sibirskogo kupechestva na sovremennom etape [History of the study of the Siberian merchantry at the present stage]. In: Boyko, V.P., Bezhodarnova, V.V. & Sitnikova, E.V. (eds) *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie* [Siberian merchantry: sources, activities, heritage]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building. pp. 21–26.

УДК 930

DOI: 10.17223/19988613/58/16

А.А. Непомнящий

**«МНОГИЕ ТЕПЕРЬ ПРЯЧУТСЯ...»:
Б. Д. ГРЕКОВ И КРЫМОВЕДЕНИЕ 30-х гг. XX в.**

Опираясь на данные официальной переписки Историко-археографической комиссии при АН СССР и личной переписки крупного деятеля научного крымоведения Арсения Ивановича Маркевича рассмотрены научные связи Б.Д. Грекова с крымоведами в противоречивый период советской истории – 30-е гг. XX в. Показано неоднозначное отношение в это время Б.Д. Грекова к коллегам, с которыми он работал в предыдущие периоды своей жизни, – А.И. Маркевичу и Н.Д. Полонской-Василенко. Выявление и изучение содержательного эпистолярного наследия исследователей Крыма позволило восстановить информацию о проектах по изданию документов, связанных с историей Крыма средневекового периода и Нового времени, которые не были осуществлены по ряду субъективных причин, основной из которых стали массовые репрессии деятелей науки и культуры Крыма.

Ключевые слова: Б.Д. Греков; крымоведение; А.И. Маркевич; Н.Д. Полонская-Василенко.

Закрытые ранее крымские страницы биографии крупнейшего советского историка Бориса Дмитриевича Грекова (1882–1953) только в последнее десятилетие приобрели известность [1. С. 209–118]. В 1917 г. Б.Д. Греков был командирован Санкт-Петербургским университетом в недавно открытый Пермский филиал, где должен был работать в должности ординарного профессора. Начавшаяся Гражданская война вытолкнула бежавшего от красных Грекова на юг страны. Он оказался в Крыму, где после кратковременного установления советской власти вернулись старые порядки. В августе 1918 г. он был избран ординарным профессором по кафедре русской истории Таврического филиала Университета Св. Владимира, который был открыт в Ялте и Симферополе, а уже в октябре преобразован в самостоятельный университет. Ученый принимал активное участие в работе Таврической ученой архивной комиссии, где неоднократно выступал с докладами, стал одним из организаторов местного архива. Его активное участие в крымском краеведческом движении и университетской жизни отразилось на страницах региональных периодических и научных изданий [2. С. 32, 82–83, 89, 92, 133–135, 137]. Естественными в таких обстоятельствах были его частые контакты с представителями местных «белых» администраций, которые одна за одной сменяли друг друга на полуострове.

Поспешно уехавший из Крыма после окончательного установления советской власти и разразившегося тут голода Греков не мог полностью обрезать установившиеся контакты со многими местными деятелями. Он понимал, насколько опасно упоминание им в любых анкетах и справках, которые в это и последующее время массово заполнялись, о его «крымской эпопее». Между тем научные и личные контакты Б.Д. Грекова с Крымом продолжались.

В 1930 г. в Историко-археографической комиссии при АН СССР, которая работала в Ленинграде, разрабатывался план издания ряда письменных памятников, связанных с историей Крыма. Такое направление исследований Комиссии было неслучайным, так как во

многом оно направлялось работавшим там Борисом Дмитриевичем Грековым. В это время окончательно оформляется главное направление научных интересов ученого: история Древнерусского государства, история русского крестьянства. Б.Д. Греков в это время был хорошо известен в научных кругах как сложившийся ученый с разнообразными исследовательскими интересами. Он оставался среди сотрудников Историко-археографической комиссии едва ли не единственным человеком, обеспечившим профессиональный подход к делу и олицетворявшим преемственность в работе учреждения, которому был без малого век. В условиях «повального обыска» и кадрового разгрома члены Историко-археографической комиссии продолжали кропотливую повседневную работу по выявлению, изучению и публикации исторических источников.

Ученый хорошо знал содержание симферопольского архива. Именно он совместно с председателем Таврической ученой архивной комиссии Арсением Ивановичем Маркевичем и еще несколькими подвижниками стоял у истоков официального оформления крымского архива. Архивариус Б.Д. Греков занимался в грозные годы политической нестабильности в стране формированием фондов местного хранилища документов и составлением первых описей. Ему была известна бедность местных документальных коллекций, одной из причин которой стала практика передачи наиболее ценных бумаг в досоветское время в Публичную библиотеку и Библиотеку Академии наук. Понимая информативное значение этих исторических источников, исследователь предпринял шаги к их публикации.

От имени Историко-археографической комиссии АН СССР Б.Д. Греков обратился в КрымЦИК с просьбой профинансировать публикацию источников по истории народов Крыма. 14 января 1930 г. Борис Дмитриевич специальным письмом ознакомил местных чиновников с планами Комиссии: «Археографическая комиссия Академии наук СССР в целях содействия изучению истории народов, входящих в состав Союза, предпринимает ряд изданий материалов, относящихся к истории отдельных частей СССР.

История Крыма входит... в число предметов, поставленных на первую очередь в работе Комиссии, которая предполагает посвятить два тома своей Русской исторической библиотеке специально изданию крымских дел, часть коих, причем не наиболее интересная, напечатана была в Сборниках Русского исторического общества (тт. 9–12, 14, 15, 39, 50), частично в Записках Одесского общества истории и древностей и др.

Основная масса документов, чрезвычайной важности остается еще не изданной. Здесь можно назвать: 1. Крымские посольские книги с 1523 по 1695 г.; 2. «Крымские дела» (столбцы) с 1579 по 1701 г.; 3. Посольские Ногайские книги и столбцы... 4. «Дела Турецкие и книги». Последние две категории материалов имеют очень большое отношение к истории Крыма, несмотря на то что как будто к нему прямо не относятся; 5. Записные посольские книги Литовской метрики по отношениям Литвы с Крымом в XVI веке» [3. Л. 1].

Предложение Б. Д. Грекова встретило поддержку в Совнаркоме Крымской АССР. Управляющий делами Совета Народных Комиссаров сообщил в Ленинград, что крымское правительство согласно отпускать для этих целей две тысячи рублей ежегодно [Там же. Л. 2]. Вскоре был подписан договор между Историко-археографической комиссией АН СССР (подписал директор Семен Григорьевич Томсинский) и Наркоматом по просвещению Крымской АССР (подписал нарком Али Асанович Асанов) на три года на оплату работ ленинградских археографов (общая сумма – 6 тыс. руб.) [Там же. Л. 6].

Казалось бы, и желание издать важные документы по истории Крыма, и специалисты, которые могут это достойно сделать, есть. Как видим, нашлись и средства. Однако именно в это время в СССР начался широкомасштабный поход против ведущих историков Академии наук. Разгромная вакханалия в Археографической комиссии продолжалась весь 1930 год. 8 сентября был арестован и Борис Дмитриевич Греков. Непосредственным поводом как раз и стали обвинения в сотрудничестве с «белыми» режимами во время его «крымской эпопеи». Как оказалось, о его пребывании в Крыму и контактах тут было хорошо известно и коллегам, и соответствующим органам. Один месяц и шесть дней пребывания в заключении в тюрьме на Шпалерной сказались на желании ученого в дальнейшем свести до минимума свои контакты с крымскими краеведами [4. С. 70–72, 82, 84]. В этих обстоятельствах столь серьезный «кадровый» удар, а также дальнейшая реорганизация Комиссии в Историко-археографический институт АН СССР сначала отодвинули уже подписанные проекты издания интереснейших ориенталистических источников по истории средневекового Крыма, а позднее вообще свели на нет реализацию данного проекта.

О постоянных контактах Б.Д. Грекова с крупнейшим крымоведом А.И. Маркевичем (1855–1942) свидетельствуют письма 1930-х гг. Арсения Ивановича к коллегам. Непосредственно переписки двух ученых не сохранилось. Из эпистолярного наследия А.И. Маркевича данного периода наиболее репрезентативными, по нашему мнению, являются его письма к известному

украинскому историку Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко (1884–1973). Эти материалы позволяют ощутить интеллектуальную напряженность эпохи, значительно дополняя официальную переписку научных и государственных учреждений о крымоведческих проектах эпохи. Греков фигурирует в нескольких письмах среди разных новостей и упоминаниях общих знакомых. Однако данные ему историками красноречивые характеристики ярко демонстрируют как линию поведения Бориса Дмитриевича по отношению к коллегам из провинции, так и их реакцию на его действия.

В 30-е гг. XX в. Н.Д. Полонская-Василенко продолжала разрабатывать сюжеты, связанные с изучением и публикацией источников по истории Новороссии и Крыма, значительная часть которых была выявлена ею во время разысканий в симферопольских и феодосийских архивах в 1916 г. [5. С. 29–48]. Она предпринимала попытки опубликовать ордера Г.А. Потемкина и П.А. Зубова, касающиеся управления Новороссией и Крымом. В этой связи продолжалось ее научное сотрудничество с Арсением Ивановичем, завязавшееся еще в досоветское время, когда исследовательница штудировала под руководством знатока крымских архивов бумаги в Симферополе. 13 февраля 1934 г. А.И. Маркевич писал Наталии Дмитриевне из Ленинграда, где гостил у дочери: «Свои материалы по ордерам Потемкина и Зубова, т.е. гл[авным] обр[азом] копии Ваших, я, как писал Вам, еще два года назад переслал сюда в Историко-археографический институт Академии наук (б[ывшая] Археографич[еская] Комиссия) на имя профессора Ленингр[адского] Унив[ерситета] Бориса Дмитриевича Грекова, состоящего в этом Институте Ученым Секретарем» [6. Л. 6]. При этом А.И. Маркевич советовал Н.Д. Полонской-Василенко лично обратиться к Борису Дмитриевичу и справиться о судьбе переданных ему крымоведческих материалов: «А я предупрежу Б.Д. Грекова при первом свидании с ним. Он бывает у меня и моих, мы с ним в очень хороших отношениях» [Там же. Л. 6 об.].

Очевидно, Наталия Дмитриевна, как и советовал ей А.И. Маркевич, обратилась в Б.Д. Грекову с просьбой помочь опубликовать ее материалы в одном из ленинградских археографических сборников. Однако, зная об увольнении Н.Д. Полонской из Всеукраинской академии наук, негативное отношении к ней советских властных структур, Б.Д. Греков дипломатично затягивал с положительным ответом, ссылаясь на ряд объективных причин.

Н.Д. Полонская-Василенко, не зная, конечно, о нюансах ареста Б.Д. Грекова, эмоционально изложила свои комментарии «дипломатичного» поведения Бориса Дмитриевича в письме к А.И. Маркевичу. 16 апреля 1934 года Арсений Иванович отвечал ей: «Относительно Б.Д. Гр[екова] Вы совершенно правы. Таково же и по той же причине его отношение ко мне, несмотря на наши очень близкие и давнишние связи. Многие теперь прячутся, если не хотят или не могут притворяться. Или таково наше время! Я только жалею, что Вы не отослали ему своих копий ордеров. Но это Ваше дело» [Там же. Л. 12 об.]. Тема Б.Д. Грекова

была продолжена и в послании от 26 апреля 1934 г. А.И. Маркевич писал из Ленинграда:

«Дорогая Наталия Дмитриевна.

С радостью получил я позавчера Ваше письмо от 19-го, а читал и перечитывал его с большим волнением. Прежде всего благодарю Вас за дружеское ознакомление меня с попыткой Вашей связаться с здешним (ленинградским. – *А.Н.*) Инст[орико]-арх[ивным] Инст[итут]ом и в частности с отношением к ней Б.Д. Гр[екова]. Вы оценили его вполне правильно. Этот человек “сдавшийся” (его выражение), два раза вошедший в новую роль и ставший ученым чиновником, притом трусливый, – старается снять с себя всякую инициативу и быть всегда в тени, – хотя в существе своей природы человек неплохой. В Вашем деле он прав только в том, что директор Инст[итута] Томсинский был действительно болен. Ко мне Гр[еков] отнесся так же, как и к Вам, несмотря на наши приятельские отношения, и был у меня только один раз, затем все собирается прийти, при крайней перегруженности работой... Крайне удручен я Вашим сообщением о Киеве. Ужас, ужас, ужас!.. Какая тьма упала на бедную нашу родину, и просвета не видно. То же и в Москве. Вчера я слышал, что предложено “перенести на другое место” Храм Василия Блаженного (!!). То есть проще – разорвать его, разрушить – и только» [6. Л. 14–15].

Между тем Б.Д. Греков именно в это время действительно ничем не мог помочь Н.Д. Полонской-Василенко. Киевский историк не знала, что он передал коллегам и руководству Института все бумаги, присланные Наталией Дмитриевной. Вот строки из его письма от 8 апреля 1934 г. известному медиевисту Дмитрию Моисеевичу Петрушевскому (1863–1942), работавшему тогда научным сотрудником Института истории АН СССР: «...Что касается Полонской-Василенко, то она предлагает ряд работ своих для печатания у нас, конечно, на русском языке (ей придется переводить). С.Г. Томсинский в принципе не возражает против возможности печатания ее работ у нас, но просит их прислать для ознакомления. Я ей не писал ничего, п[отому] что С.Г. Томсинский был болен, а без моего мнения не имеет для нее никакого практического значения» [4. С. 227]. Уже 22 мая 1934 г. Б.Д. Греков сообщал тому же адресату: «...Полонской я ответил, чтобы она присылала свои работы» [Там же. С. 228]. Н.Д. Полонская-Василенко отказалась в итоге от идеи публикации данных материалов в Ленинграде. Рукописи подготовленных ею к печати документов сохранились в ее личном фонде в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского.

Осторожность Б.Д. Грекова не была каким-то исключением из сложившихся в то время в академической науке правил игры. Аналогичная обстановка царила во всей стране. В 1933–1934 гг. ОГПУ было сфабриковано так называемое «Дело славистов», по которому «под нож» пошли как известные ученые, так и скромные музейные работники, краеведы, врачи, агрономы, обвиненные в участии в Российской национальной партии. Целью этой репрессивной кампании было не столько уничтожить людей, сколько запугать, унижить ту часть общества, которая была воспитана в

иной системе ценностей по сравнению с господствовавшей. Среди крымоведа по этому делу проходили Н.К. Гудзий, Н.С. Державин, Б.А. Куфтин [7]. Царившую в обществе атмосферу хорошо характеризует письмо А.И. Маркевича Н.Д. Полонской-Василенко, отправленное после отстранения ее от работы во Всеукраинской академии наук из Ленинграда 26 марта 1934 г., где вновь не обошлось без упоминания Б.Д. Грекова. Приведем его содержание полностью:

«Дорогая Наталия Дмитриевна.

Меня глубоко тронуло Ваше письмо от 20-го числа с теплыми, ласковыми словами по моему адресу, но и сильно взволновало Ваше сообщение о том тяжелом, незаслуженно обидном положении, в котором Вы очутились после 23-летней прекрасной научной работы, заслуживающей всяческой похвалы и признательности. Тверда надежда, что это положение только временное, и прошу Вас от всей души сохранить спокойствие духа и твердо, с достоинством преодолевать постигшие Вас, как и очень многих других, невзгоды. Я их испытывал на себе (на своей шкуре), испытываю и теперь и вижу конфуз тех, кто причинил мне их, но вследствие моей старости и дряхлости я уже не могу продолжать своей работы. Вы же, Наталия Дмитриевна, полны сил и душевных, и физических, и я прошу Вас не оставлять, не бросать начатых работ, не опускать руки перед дальнейшим и задуманным. Думаю, что так смотрит и глубокоуважаемый Николай Прокопьевич (Василенко. – *А.Н.*). Получать из Академической библиотеки необходимые Вам книги и материалы на его имя не так затруднительно, а пользоваться ими дома даже удобнее. Платные занятия Вы, несомненно, получите, и вопрос о пенсии, надо думать, разрешится благоприятно. Мы живем в переходное время, охватившее полмира, и надо покоряться его требованиям. Много теперь страдающих и здесь (в Ленинграде. – *А.Н.*), и в Симферополе: испытывают невзгоды Лукьяненко, Деревницкий, Эрнст и мн[огие] др[угие]. И прежде всего, пользуйтесь наступающим теплом, солнцем, отдыхайте хорошенько и не волнуйтесь. Меня и Анну Николаевну не забывают и пишите нам о своих переживаниях. Знайте же, как дороги нам Ваши душевные письма, наше заочное общение с Вами.

Мы пробудем здесь, по всей вероятности, до 20-х чисел апреля и на лето вернемся в Симферополь. А что будет дальше, не знаем. Здоровье Анны Николаевны очень тревожит нас, особенно, конечно, меня. Быть может, на следующую зиму снова вернемся сюда, где ей покойнее, и чего желают Катя и зять, а может быть, останемся дома, если сил на поездку не хватит. Я чувствую себя в силах прожить еще год, а относительно Анны Николаевны нельзя быть уверенным в этом, так как ее сердце внушает самые тревожные опасения...

Грекова я видел всего раз, а затем он отделяется одними обещаниями приехать ко мне. Правда, он очень занят, но думаю, и затрудняется невозможностью помочь мне в печатании кое-каких моих работишек, хотя я махнул на них рукой и головой. Мне дороги теперь только беседы, общение с людьми, которых я уважаю, люблю. Ваши материалы и работы он, несомненно, получил, и, может быть, Вы получили

уже его уведомление об этом, если он успел рассмотреть их. Вероятно, его затрудняют обстоятельства переживаемого времени, необходимость неуклонно подчиняться его крайне стеснительным требованиям. Тут ничего не поделаешь. Я забываюсь за пасьянсами да за чтением. Читая новые книги, не забываю и старых – прочитал от доски [до] доски еще раз “Дневник писателя” Достоевского, а сейчас читаю “Тараса Бульбу” Гоголя, имея в перспективе и другие его творения. Ну довольно, простите великодушно мое писание. Хотел бы сообщить Вам несколько новых анекдотов и фактов жизненных – до другого раза. Примите мои и всех нас приветствия и пожелания всего лучшего Вам, Николаю Прокопьевичу, которому я низко кланяюсь.

Сердечно преданный А. Маркевич»
[6. Л. 27–28 об.].

В связи с тем, что в эпистолярном общении Арсения Ивановича с Наталией Дмитриевной Полонской-Василенко в эти годы постоянно присутствуют упоминания Бориса Дмитриевича Грекова, эти документы приобретают особенный интерес для историков науки и историографии данного периода. Тем более что в вышедшей в 1999 г. в Москве монографии Н.А. Горской «Борис Дмитриевич Греков» вообще отсутствует информация о научных и дружеских контактах Б.Д. Грекова как с А.И. Маркевичем, так и с другими крымоведами. В письмах прослеживается волнообразное отношение А.И. Маркевича к Б. Д. Грекову, что было связано с обидами за невнимание к нему, и почти везде негативное – у Н.Д. Полонской-Василенко. Так, 25 декабря 1934 г. уже из Ленинграда А.И. Маркевич писал в Киев: «А Греков и мне не пишет и, хотя обещал Ник[олаю] Серг[еевичу] [Кошлякову (мужу дочери А.И. Маркевича. – А.Н.)] прийти ко мне, но я не льщу себе этой надеждой, а только выцарапаю у него одну нужную мне книгу для прочтения. Он совсем “сдался”, как когда-то писал мне, за то получит чечевичную похлебку» [Там же. Л. 36 об.].

В достаточно хорошо сохранившейся переписке А.И. Маркевича с Н.Д. Полонской-Василенко Борис

Дмитриевич Греков в последний раз упоминается 14 июля 1935 г. Маркевич тогда писал: «Живу прошлым, “перевариваю воспоминания”, как сказал Пушкин в одном из своих писем. Здесь (в Симферополе. – А.Н.) началась кое-какая краеведческая суeta, но я, как “чуждый элемент”, стою совершенно в стороне от этого quasi “большого света”. К этому положению я уже привык и переносу его со стоическим равнодушием, предвидя только, что из этой суety “все равно ничего не выйдет”, как говорил близкий мне однофамилец, Алексей Ив[анович] Маркевич. Впрочем, серьезно поставлен вопрос об издании Археологической карты (или атласа, чему я особенно сочувствую) Крыма. Вчера из письма С.А. Жебелёва я узнал, что собирается в Крым на отдых Греков, – интересно, соблаговолит ли он повидаться со мною, хоть вызовом на вокзал к поезду... В скором времени начнутся в разных местах Крыма археологические раскопки целым рядом “экспедиций”, многочисленных, но кратковременных, от которых ввиду этого много ожидать не приходится. Будут, если не начались уже, раскопки и в Ольвии. “Шумим” мы, но “только шумим”...» [Там же. Л. 38, 39].

Фрагменты официальной и личной переписки 1930-х гг. свидетельствуют о достаточно регулярных научных и личных контактах Б.Д. Грекова не только с лидером научного крымоведения Арсением Маркевичем, но и с отдельными деятелями, разрабатывавшими крымоведческие источники, например с Н.Д. Полонской-Василенко, работавшей в Киеве. Почерпнутые из эпистолярия сведения противоречивы и в большей части свидетельствуют об осторожном отношении Грекова, ставшего тогда уже известным историком, не столько ко всему, связанному с Крымом, сколько к отдельным научным деятелям, которые могли быть под пристальным контролем репрессивных органов. Вместе с тем в оценках коллег относительно Грекова, выявленных в письмах, значителен субъективизм. Ученый уже не мог уделять им, как ранее, того внимания, к которому они привыкли, из-за занятости или изменения приоритетного круга общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филимонов С.Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь : Н. Оріанда, 2010. 408 с.
2. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. 408 с. (Сер. Биобиблиография крымоведения; Вып. 3).
3. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФРАН). Ф. 133. Оп. 1. Д. 1251.
4. Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков / Ин-т российской истории РАН. М., 1999. 272 с.
5. Непомнящий А. А. Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 29–48.
6. Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины (ЦГАМЛИУ). Ф. 542. Оп. 1. Д. 193. Л. 6.
7. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы / отв. ред. Н. И. Толстой. М. : Наследие, 1994. 286 с.

Nepomnyashchy Andrey A. V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia). E-mail: dr.aan@mail.ru

«MANY ARE NOW HIDING...»: B.D. GREKOV AND CRIMEAN LOCAL HISTORY IN 1930s

Keywords: B.D. Grekov; Crimean local history; A.I. Markevich; N.D. Polonskaya-Vasilenko.

The unknown nuances of scientific and personal contacts of the major Soviet historian B.D. Grekov (1882–1953) around the plots, connected with the study of the Crimea, were disclosed. The documents of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Central State Archives-Museum of Literature and Art of Ukraine (Kiev) were used as a source base. Based on data of the official correspondence of the Historical and Archaeographic Commission at the Academy of Sciences of the USSR and the personal correspondence of the leader of scientific Crimean local history Arseny Ivanovich Markevich, the scientific connections of the prominent Soviet historian Boris Grekov with Crimean scholars in the controversial period of Soviet history in the 1930s were analysed. The problem of Grekov's personal contacts with the local historians, which became especially interesting to researchers, in connection with his long stay on the peninsula during the years of civil hard times, about which the scientist was silent, if possible, until the last days of his life was considered. An ambiguous attitude at this time of Grekov to colleagues with whom he

worked in previous periods of biography, such as A.I. Markevich and N.D. Polonskaya-Vasilenko was shown. The identification and study of substantial epistolary heritage of researchers of Crimea allowed to restore the project information on the publication of documents on the history of the Crimea of the medieval period and the New Times, which were not implemented for a number of subjective reasons, the main of which became mass repression of the figures of science and culture of the Crimea. In particular, the idea of the publication of two volumes of sources of local history as part of the multi-volume of the "Russian Historical Library" proposed by B.D. Grekov to the Crimean authorities, as well as the proposal of N.D. Polonskaya-Vasilenko, who worked in the All-Ukrainian Academy of Sciences, to publish the documents in Leningrad at the expense of the Institute of History and Archeography on the settlement of Novorossia and the Crimea in the late XVIII century were reviewed. The article colorful noteworthy personal assessments by B.D. Grekov's colleagues were reproduced. It demonstrated that Boris Dmitrievich, occupying high positions continued active personal and official communication with colleagues from the Crimea including about the Crimean subject, that refutes judgments about what existed with this scientist ban on this topic. In addition, Grekov's active contacts with Arseny Markevich were demonstrated. The information extracted from the epistolary is contradictory and in the greater part testifies to the cautious attitude of Grekov, who at that time became a well-known historian to everything connected with the Crimea and to individual scientists, which have been under the attention of security agencies were illustrated. Subjectivity in relation to B.D. Grekov, desire to see to his former attention and receive assistance in publications in the estimates of scientists were identified.

REFERENCES

1. Filimonov, S.B. (2010) *Iz proshlogo russkoy kul'tury v Krymu: poiski i nakhodki istorika-istochnikoveda* [From the past of Russian culture in the Crimea: search and discoveries of historian]. Simferopol: N. Orianda.
2. Nepomnyashchy, A.A. (2005) *Arseniy Markevich: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya* [Arseny Markevich: pages of history of the Crimean local history]. Simferopol: Biznes-Inform.
3. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPFARAN). Fund 133. File 1251.
4. Gorskaya, N.A. (1999) *Boris Dmitrievich Grekov* [Boris Dmitrievich Grekov]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
5. Nepomnyashchy, A.A. (2018). Arseniy Ivanovich Markevich [Arseny Markevich]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 29–48.
6. The Central State Archive-Museum of Literature and Art of Ukraine (TsGAMLIU). Fund 542. File 193.
7. Ashnin, F.D. & Alpatov, V.M. (1994) "Delo slavistov": 30-e gody ["The Case of Slavists": the 30s]. Moscow: Nasledie.

УДК 930.1, 172
DOI: 10.17223/19988613/58/17

В.Н. Сыров

К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-511-00001 «Моральная составляющая исторической рефлексии и коммеморативных практик исторической культуры».

Предпринят анализ моральной ценности исторического знания. Утверждается, что определение форм и способов моральной вовлеченности историков предполагает критическую рефлексию по поводу предпосылок, связанных как с некоторыми допущениями по поводу объекта исторического интереса и ценности исторического знания, так и с определенными сложившимися представлениями о содержании и статусе моральных требований, а также о способах их реализации. Предполагается, что современная историческая культура требует пересмотра унаследованных от XVIII–XIX вв. представлений о формах моральной ценности такого знания и моральной вовлеченности члена профессионального сообщества.

Ключевые слова: историческое познание; исторический нарратив; моральное суждение; моральные ценности; моральная вовлеченность; моральные оценки.

По мнению американской исследовательницы Edith Wyschogrod, историческое исследование, по сути, есть обещание не забывать, и этот акт, первичный по отношению к созданию исторического нарратива, носит характер этический, а не эпистемологический [1. Р. 30]. С этой точки зрения моральную составляющую исторического познания следует считать не следствием, зачастую необязательным, исторического предприятия, а его необходимым условием. Резонно также предполагать, что такое обещание надлежит трактовать не как внешнее условие производства исторических нарративов, а как имманентный принцип их порождения и конституирования. Наконец, поскольку автор использует для характеристики таких обещаний термин «императив», это подразумевает наличие обязательств, причем таких, что конституируют самого историка. Тогда историк есть тот, кто берет на себя обязательство не забывать. По сути, реализация такого требования предполагает формирование определенной исторической культуры.

Встает вопрос: как возможно продуктивно интерпретировать эти идеи, поскольку как сама тема моральной вовлеченности, так и обсуждаемые варианты ее решения остаются традиционными в литературе по историческому познанию. Достаточно устоявшимся и сохраняющим свою значимость является утверждение, что определяющей задачей историка как исследователя было и остается получение знания. «“Поиск истины”, реконструкция прошлого таким, каким оно было в действительности – вот та единственная вещь, на которой историки должны сконцентрироваться» [2. Р. 52]. Американский историк Питер Гей (Peter Gay) в несколько афористичной манере сформулировал это кредо: «Я могу обобщить мое мнение по поводу смысла общественной ответственности историков в трех словах: “Говорить истину. Все остальное – только комментарии”» [3. Р. 33]. В более мягкой форме известный британский историк Ричард Эванс (Richard J. Evans) выразил сомнение по поводу иных форм моральной вовлеченности историков в следующих словах: «Исто-

рики... не обучены делать моральные суждения или искать признаки вины или невинности: у них просто нет опыта в таких вещах» [4. Р. 330]. Правда, Эванс высказал это суждение по более конкретному поводу, а именно по поводу правомерности участия историков в судебных процессах о военных преступлениях в XX в. С другой стороны, ирландский исследователь Джона-тан Горман (Jonathan Gorman) справедливо отмечает, что вопрос «Должны ли историки как историки нести моральную ответственность и если да, то по отношению к кому?» выражается с такой точностью, которая показывает, что она недостаточно точна. «Подобно словам “право” и “долг” “ответственность” представляет собой трехместный предикат: нам необходимо указать, кто должен, какой долг и кому он обязан, и вопрос должен быть соответствующим образом изменен. Что такое этические обязанности историков, как историков? И кому они должны?» [5. Р. 104].

Мы можем воспользоваться этим методологическим указанием и начать не с поиска приемлемого ответа, а с рефлексии над характером вопроса. Для начала возможно предположить, что направление поиска продуктивных ответов на вопрос о моральной вовлеченности историков смещено как минимум двумя типами предпосылок, содержащимися имплицитно в вопросе. Первая связана с некоторыми допущениями по поводу объекта исторического интереса и ценности исторического знания. Вторая – с некоторыми сложившимися представлениями о содержании и статусе моральных требований, а также о способах их реализации.

Поэтому попробуем реализовать композицию текста следующим образом. Темы этики расположим на входе и выходе текста, а его сердцевину свяжем с обсуждением вопросов о природе исторического познания. На этом этапе рискуем утверждать, что в какой бы форме ни ставился вопрос о моральной вовлеченности историка, приемлемый ответ должен отталкиваться от различения как минимум двух типов морального дискурса. Проще говоря, речь должна идти о разведении этики профессиональной и обычной морали.

По поводу статуса профессиональных этик существует немало дискуссий. Достаточно распространенным является тезис, что профессии по своей природе являются этическими практиками, поскольку они организованы так, чтобы заслужить доверие клиентов [6. Р. 7]. Однако мы можем столкнуться и с другой позицией, если не эксплицитно выраженной, то имплицитно подразумеваемой. Вспомним известный тезис Роберта Мертона о природе научного этоса. «Институциональная задача науки – приумножение достоверного знания... Институциональные императивы (нравы) вытекают из этой задачи... Вся структура технических и моральных норм служит достижению конечной цели... Они в такой же степени моральные, в какой и технические предписания» [7. С. 770]. Нечто подобное мы можем обнаружить в рассуждениях по поводу этики бизнеса. Так, известный британский экономист Брайан Гриффитс (Brian Griffiths) отмечает, что в принципе можно согласиться с тезисом о возможности корпорации обойтись без наличия моральных стандартов. В краткосрочной перспективе такая корпорация вполне могла бы функционировать, но трудно себе представить ее жизнеспособность в долгосрочной перспективе [8. Р. 20]. «Поэтому корпорация с эффективным моральным стандартом будет иметь не только низкие транзакционные издержки, но разовьет с течением времени сильную культуру, основанную на доверии, так что внедрение морального стандарта станет источником конкурентных преимуществ» [Ibid. Р. 24–25].

О чем идет речь? Нетрудно заметить, что цитированные выше рассуждения предполагают оправданность правил (и действий) лишь в свете их интерпретации как оптимальных средств достижения поставленной цели, а именно максимизации прибыли или роста знания. Если использовать кантовскую терминологию, то можно назвать их гипотетическими императивами, повелевающими, как известно, совершать действия как средства достижения тех или иных целей. Необходимость средств оправдывается допущением необходимости цели. Но тогда резонно предположить, что подобного рода правила либо вообще не имеют отношения к обычной морали, либо приобретают инструментальный характер. Если опорой для моральной оценки и морального действия является предпочтительность тех или иных действий для достижения частного или публичного блага по целям или производимым последствиям, то при всей неопределенности представлений о благе различие целей кажется очевидным, а вот связь между ростом знания или прибыли и благом – нет. В любой версии морали – деонтологической, консеквенциалистской или теории добродетели – очевидно, что цели данных видов профессиональной деятельности автоматически к благу не ведут.

Наша задача в данном случае не в том, чтобы осуждать профессиональную этику. К тому же возможно, что такое положение дел характерно лишь для определенных видов профессиональной деятельности. Но если вышеописанное верно, то тезис о том, должен ли историк давать моральные оценки, требует как минимум прояснения положения дел: о чем идет речь, с каким типом морального дискурса мы имеем дело.

Тогда чисто теоретически можно утверждать, что на уровне этики профессиональной историк, или выступающий как историк, не должен осуществлять моральные суждения, но он может или даже обязан предпринимать их на уровне обычной морали. Вопрос тогда заключался бы в возможности проведения (автором) и идентификации (читателем) продуктивной демаркационной линии между этими типами морального дискурса.

Здесь возникает еще один аспект. Известно, что Мертоном был сформулирован набор положений, которые должны были составить суть этического кодекса для научного сообщества. «Этос современной науки образуют четыре набора институциональных императивов: универсализм, коммунизм, бескорыстность и организованный скептицизм» [7. С. 770]. Предложенные Мертоном критерии неоднократно ставились под сомнение и оспаривались. Достаточно обратиться к статье английского исследователя Джона Зимана (John Ziman) об усиливающемся разделении на так называемые «академическую науку» и «индустриальную науку», или «постакадемическую науку», где последняя начинает регулироваться иным этическим кодом [9. Р. 1813–1814]. Но рискнем утверждать, что при всей неопределенности идеи «объективности» трудно представить себе требование намеренного искажения процесса и результатов исследования в угоду корпоративным интересам. Осмелимся предположить, что даже в сфере гуманитарного знания в профессиональной среде пока еще вряд ли кто рискнет открыто ставить под сомнение требования доказательности и аргументированности тех или иных высказываний.

Тезис о необходимости различать обычную мораль и профессиональную этику, а также допущение о сохранении ценности надежного знания (при всех расхождениях между реалистами и конструктивистами в его трактовке) как базисной профессиональной этической нормы позволяют предпринять интерпретацию выше приведенных рассуждений Wyschogrod и реакции на них Алана Мегилла.

Если когда-то Артур Данто подчеркивал, что первоочередной задачей историка является не объяснение, а полное историческое описание, то Wyschogrod указывает на первичность этического акта по отношению к эпистемологическому. Суть его в имплицитном обещании не забывать исчезнувшее прошлое, сделать его открытым настоящему и будущему [1. Р. 130]. Причем, как подчеркивает автор, дается это обещание не современному читателю, а тем, кто уже больше не имеет голоса [Ibid.]. Резонно полагать, что такое обещание должно выступить основанием для конституирования исторических нарративов, определяя, что писать и как.

Как отмечает Мегилл, своими размышлениями «она [Wyschogrod] привлекает внимание к тем жертвам геноцида, что были лишены возможности самими выступить в роли истца» [10. Р. 65]. Метафора голоса стала привлекательной для возможной интерпретации работы историка особенно в том, что касается социально-культурной значимости его деятельности. Американский исследователь Фред Эванс (Fred Evans) по этому поводу замечает, что «истории, которые мы пи-

шем, имеют политический аспект, решая, какие голоса слышать, а какие нет» [11. Р. 362]. Идея голоса была выдвинута, в частности, Жаном-Франсуа Лиотаром и применительно к теме этической ответственности историка актуализирована британским исследователем Китом Дженкинсом (Keith Jenkins) [12. Р. 52–56]. Она предполагает, что даже радикальное неприятие чьей-либо позиции так или иначе подразумевает признание ее значимости или права на существование. Тогда абсолютной несправедливостью становилось бы даже не столько нежелание выслушать аргументы другой стороны, сколько игнорирование самого ее права и возможности высказаться. В том, что касается истории, интерпретация метафоры голоса как призыва выслушать чужие голоса предполагала бы способность историка расширить горизонт своего видения путем экспликации всего многообразия позиций, которые могли бы занимать те, кто так или иначе могли быть затронуты тем или иным историческим событием, но которые могли не артикулироваться в силу господства тех или иных социально-культурных стандартов.

Прежде всего Мегилл полагает, что статус жертвы не может быть приписан, а должен быть установлен посредством исследовательских процедур [10. Р. 65]. Иначе говоря, нет прямой однозначной связи между призывом к историкам стать представителям неслышных или неслышанных голосов и приписыванием им статуса жертвы. Свою позицию по данному вопросу Мегилл формулирует в тезисе о том, что «историк – судья, а не адвокат» [Ibid. Р. 66]. И дело здесь не только в адекватности трактовки роли историка, что функция, конституирующая, так сказать, его деятельность заключается в том, чтобы воздать всем справедливость или правильно определить, какие из неслышанных голосов достойны получить статус жертвы, а какие – нет. Дело здесь также не в том, что возможность реализации такой задачи обуславливается наличием надлежащих источников. Последнее позволяло бы утверждать: нет источников – нет голоса [Ibid. Р. 67].

В первую очередь Мегилл подчеркивает, что подход, аналогичный подходу Wyschogrod, строится, по сути, на смешении этики памяти и этики истории, что, в свою очередь, предполагает смешение памяти и истории [Ibid. Р. 48–49]. Стоит полностью согласиться со статусом памяти в эпистемологическом плане. Она является лишь сырым материалом для истории [Ibid. Р. 49]. Поэтому, согласно Мегиллу, работа историка имеет двойную ориентацию: одну – в отношении к универсальному, другую – в отношении к особенному. Это суждение означает, что как член профессионального сообщества историк обязан стремиться к истине. Именно стремление к истине, а не обещание не забывать, конституирует историка и воплощает его отношение к универсальному. Это требование также можно считать именно этическим требованием. Мегилл полагает, что, помимо прочего, этический статус ему придает определение в данном контексте статуса читателя. Иначе говоря, лгать читателю – значит демонстрировать в его лице неуважение к человеческому достоинству. Кроме того, стремиться к поиску истины – значит сохранять уважение к предмету своей деятель-

ности, а именно не превращать его в простой пропагандистский инструмент [Ibid. Р. 55].

Если это так, то, по мнению Мегилла, для историка этика заключается не в тексте, а в производстве текстов [Ibid. Р. 53]. Иначе говоря, расспыть моральные суждения по тексту сомнительно или спорно как минимум в двух отношениях. Во-первых, если моральные оценки носят конвенциональный характер, то вряд ли они нужны, а если специфичны – то сомнительны в своей обоснованности [Ibid. Р. 50]. Во-вторых, они стирают грань между историей как исследованием и историей как инструментом пропаганды. Соответственно, тезис об этичности, которую следует искать в создании текста, тогда может быть понят как требование стремления к истине как принципа его производства и организации.

Если вернуться к метафоре голоса, то в свете тезиса Мегилла он может быть проинтерпретирован следующим образом. Эту же интерпретацию можно рассматривать как конкретизацию этического требования стремиться к истине. Суть в том, что историк должен быть чувствителен к источникам. Он должен быть максимально открыт к их разнообразию и многообразию. Можно назвать такую чувствительность воплощением справедливости, которая заключалась бы в воздании должного всему тому, что обеспечивает взвешенность и аргументированность высказываний историка, хотя на первый взгляд может показаться несущественным или противоречащим сложившимся представлениям о тех или иных исторических явлениях.

Если подойти к рассуждениям Мегилла с позиций профессиональной этики, то нельзя не признать их убедительности. Видимо, так и должна прочитываться фраза о том, что надлежит делать историкам как историкам. Однако очевидно и другое. Те, кто настаивает на необходимости моральной вовлеченности историка, вряд ли будут дискутировать по поводу необходимости профессиональной честности. Поэтому резонно полагать, что выдвигаемый ими тезис о правомерности моральных оценок в истории подразумевает ее возможность быть чем-то более этически ценным, чем только соответствие профессиональным стандартам.

На этом этапе рискуем повторить и дополнить тезис, что ряд дискуссий по поводу такой моральной вовлеченности вызван не столько спорностью самой идеи, сколько сохраняющимися представлениями как о природе и статусе моральных требований, так и о характере исследовательской деятельности и социально-культурной ценности истории в целом.

В свое время Джон Ролз справедливо отметил, что «справедливость – это первая добродетель общественных институтов» [13. С. 19]. Поэтому как бы ни были эффективно и успешно устроены законы и институты, они «должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы» [Ibid.]. Этот тезис американского мыслителя можно было бы развивать в следующих направлениях. Прежде всего очевидно, что теория Ролза и ей подобные обогащают и конкретизируют наш моральный словарь не только тем, что переводят наши интуиции в артикулированную форму, но и тем, что структурируют и детализируют его. Тогда

мысль британского исследователя Беверли Саутгейта (Beverley Southgate), что суть вопроса о моральной вовлеченности не в том, должны ли историки принять «неизбежность своей этической вовлеченности, а в том, в чем такая вовлеченность должна состоять» [2. Р. 56], можно понять следующим образом. Возможно, что одна из причин неудовлетворенности моральными суждениями историков состоит в бедности их этического словаря. Отчасти, конечно, это связано с общим характером рассуждений о моральной вовлеченности, присущим общетеоретическим рассуждениям по этому поводу и потому не позволяющим вдаваться в детали. Но возможно, что причина глубже.

Изошренность рассуждений Ролза подталкивает к еще одному возможному выводу, отчасти вытекающему из предшествующего рассуждения. Резонно предположить, что моральные теории, как и проблемы, которые в них обсуждаются, становятся все более сложными. Дело, конечно, не в их растущей неразрешимости, а в необходимости специальной подготовки, что характерно для эпохи всеобщей специализации. Очевидно тогда, что одними моральными интуициями, сформированными общекультурным опытом, здесь уже не обойтись.

Однако рискуем утверждать, что решение вопроса не сводится к простому расширению профессиональной компетентности специалистов, в данном случае историков. Дело в том, что меняется сам способ обсуждения и решения моральных проблем. Речь идет о распределении ответственности за выносимые суждения. Очевидно, что обсуждаемые темы, как правило, носят публичный и потому болезненный характер, поэтому их обсуждение не может сводиться к вынесению персональных оценок. Оно предполагает коллективную дискуссию и выработку консенсуса, субъектом которых может и должно быть не только узкопрофессиональное сообщество.

Тезис о публичном характере тем и способов их обсуждения подталкивает к экспликации еще одного аспекта ролзовской теории. Дело в том, что теория справедливости позволяет расширить масштабы моральной оценки. Она предоставляет возможность давать моральную оценку не только людям, но и институтам и социально-экономическим процессам. Мораль очень часто сводят к оценке людей и их поступков, но не устройства институтов или принципов общественной жизни в целом. Это приводит к тому, что моральная критика затрагивает в основном приватную жизнь. Общественно значимые проблемы, как правило, сводятся к персональной ответственности тех или иных должностных лиц. Обыденные представления часто сводятся к убеждению, что плохи люди с их жадностью, корыстью, а не устройство институтов. Такое понимание, по сути, затемняет природу общественной жизни. Оно лишает индивида возможности установить каузальную связь тех или иных ситуаций с принципами сложившегося общественного устройства (и даже видеть проблематику в таком свете) и дать критическую оценку самим этим принципам. Так создается иллюзия, что достаточно сменить людей, и все будет хорошо. Поэтому теория справедливости заставляет

видеть социальную ситуацию если не глубже, то с иной позиции. Она требует обратиться к обсуждению моральной ценности институтов и принципов общественной жизни в целом. Дело, конечно, не в избавлении от персональной ответственности, но в изменении направленности этического дискурса.

Тезис Ролза о приоритете справедливости над эффективностью позволяет поставить вопрос об эпистемологическом статусе морали. Дело в том, что в рамках ролзовского рассуждения моральная составляющая становится не простым внешним добавлением к социальным институтам, а принципом их устройства. Тогда изучение институтов уже не может сводиться к их моральной оценке, осуществляющейся, как правило, задним числом, а предполагает такой их анализ, в котором моральный дискурс начинает играть определяющую методологическую роль. Он становится условием понимания их устройства.

Это, конечно, не означает, что историк должен задаваться такими вопросами в исследовании социальных институтов прошлого. В таком виде исследовательский подход грешил бы презентизмом. Скорее, ролзовский тезис обеспечивает более тонкое понимание столь распространенных представлений о влиянии моральных и политических ценностей на изучение прошлого, он ориентировал бы отвечать на вопрос, почему мы изучаем это, но не как мы это должны изучать.

Можно утверждать, что такое смещение в обсуждении этических проблем коррелирует со смещением в сфере собственно исторического дискурса. Прежде всего стоит предполагать, что образ историка, творящего в одиночестве, создающего большие (не обязательно философско-исторические) в своей сюжетной и моральной завершенности полотна и выносящего их затем на суд общественности, отходит в прошлое. Сегодня историческое исследование есть плод узкопрофессионального и потому коллективного творчества. Это означает, что какими бы ни были результаты исследовательской деятельности, они зачастую остаются там же, где и возникли, а именно в профессиональных журналах. Тогда встает резонный вопрос о значимости моральных оценок, в каком бы виде они ни делались. В этом аспекте вышеприведенный тезис Гормана «Должны ли историки как историки нести моральную ответственность и если да, то по отношению к кому» приобретает специфическое звучание.

Тезис о коллективном творчестве не означает, конечно, коллективной работы в том смысле, в каком она понимается в естественных науках. Речь о том, что сегодня отдельный текст вряд ли может быть трактован как искомая единица методологического и эпистемологического анализа. Читатель, пожелавший ознакомиться с плодами обсуждения какой-либо темы, вынужден включить творческое воображение, но не с целью интерпретации (как мечтали некоторые категорически настроенные постмодернистские авторы), а с целью связывания в целое всего комплекса тех аспектов и дискуссий, на которые распадается целое той или иной тематики. Тогда встает другой резонный вопрос, а именно вопрос о соотношении частей и целого. Применительно к моральной вовлеченности он подра-

зумекает наличие оправданного сомнения в том, не подменяет ли моральная оценка частей моральной оценки целого.

Стоит обратить внимание на один аспект, связанный с профессиональной этикой исследовательского сообщества. Вышеупомянутый Мертон отмечал, что «нравы науки имеют методологическое рациональное оправдание... Они в такой же степени моральные, в какой и технические предписания» [7. С. 770]. Этим он хотел подчеркнуть их функциональное значение, выходящее, в частности, за пределы субъективной честности исследователей. Ученый, согласно тезису Мертона, будет вынужден следовать требованиям профессиональной этики, поскольку они выступают гарантией возможности получения надежного знания.

Добавим к этому, что одним из способов обеспечения такой гарантии является соответствующая организация исследовательской деятельности. Резонно предположить, что исторический нарратив должен конституироваться не литературными жанрами в духе Хайдена Уайта, а логикой исследовательских процедур: постановкой проблемы, гипотезой и совокупностью доказательств и опровержений. Как отметил нидерландский историк Antoon de Baets, «я твердо верю, что историческую правду ищут, а не навязывают, и что мы должны использовать силу аргументов, а не принуждения, для реализации наших целей. Я вижу три существенных основания для такого подхода: во-первых, он усиливает автономию и саморегулируемую функцию нашей профессии; во-вторых, он создает ясность в отношении его оснований для членов сообщества, а также для студентов-историков, судей, потенциальных заявителей, владельцев исторических данных или источников и общества в целом; в-третьих, это повышает уверенность окружающих в нашей работе. Это наша профессиональная экспертиза – наш доступ к экспертным знаниям о прошлом и обладание ими, что отличает нас от остальных, интересующихся прошлым» [15. С. 155].

Очевидно, конечно, что никакая процедура сама по себе не может дать окончательной гарантии обеспечения исследовательской честности. Но стоит предполагать, что она создает благоприятные условия для ее реализации, в частности способствует повышению чувствительности историка к многообразию источников. Полагаем, что реализация данного формата обладает еще одним свойством. Она способствует нейтрализации традиционных форм моральной вовлеченности историка. В свое время Габриэль де Мабли подчеркивал, что история украшается моралью в искусных руках [Там же. С. 164]. Искусность заключалась в том, что «историк должен дать мне возможность заранее почувствовать в этом благоденствии причины упадка. Тогда все разворачивается само собой, факты естественно проистекают одни из других, и именно в этом и состоит все искусство изложения всеобщей истории» [Там же. С. 167]. Можно назвать такой подход умением подвести читателя к пониманию, которое достигается не назойливым навязыванием своих оценок, а мастерской организацией текста в желаемом направлении. Поэтому тот же Мабли утверждал, что «мораль тем естественнее соединяется с историей, что благодаря

вечным законам Провидения добродетель несет мир в сердца людей, а порок вселяет в них смущение и страх» [Там же. С. 164]. Подобные мысли о роли историка как морального наставника воспроизводятся и по сей день. Так, Адриан Олдфилд (Adrian Oldfield) полагает, что историк «мог бы это сделать, не нарушая течения своего повествования, рассказывая нам о моральных дилеммах, с которыми сталкивались люди прошлого, и о путях решения этих дилемм и позволяя современникам говорить самим за себя» [16. Р. 275].

Позволим утверждать, что вышеописанный формат организации исторического повествования беззащитен перед вторжением в него самых разнообразных идеологических установок. Путь их преодоления заключается, конечно, не в поиске новой возможности обеспечить способы выражения правильных ценностей. Этот путь дискредитирует как ценности, так и историческое знание. Поэтому вышеупомянутый Мегилл правомерно полагает, что историк должен занять двойную дистанцию: как по отношению к прошлому, так и по отношению к настоящему [10. Р. 61]. Суть этой мысли не в определении возможности занять отстраненную позицию, ограждающую как от влияния прошлого, так и от стереотипов современности в надежде на обретение вневременной объективности. Резонно предположить, что двойная дистанция подразумевает концентрацию внимания на поиске доказательств и опровержений и организации исторического текста как доказательства или опровержения той или иной гипотезы, затрудняет возможность воспроизведения традиционных форм связи истории и морали.

Вопрос о смене исследовательского интереса от истории людей и событий к истории структур и процессов позволяет двинуться еще в одном направлении. Это означает, что меняются не только сюжеты, но и представление о целостности и завершенности исторических нарративов. Тогда видение прошлого должно стать иным. Не действия людей становятся форматом создания и критерием определения целостности исторических повествований, а завершенность процессов. Резонно, что соответствующим образом должна измениться расстановка моральных акцентов. Дело здесь не в снятии моральной ответственности с индивидов, а в исчезновении смысла моральных оценок исторических персонажей. Суть даже не в том, что моральные мерки современности становятся иными, а в том, что к получению знания они ничего не прибавляют, а определение моральной ценности исторического знания только запутывают.

В той мере, в какой история приобретает облик исследования, а не повествования, снова встает вопрос о культурной ценности исторического мероприятия или, так сказать, о пользе истории. Представляется, что роль истории в вопросе формирования идентичности, в обосновании тех или иных притязаний, в ее способности быть иллюстрацией пороков и добродетелей должна быть пересмотрена. Конечно, историческое знание все это делает и продолжает делать. Все это продолжают делать историки. Но должны ли они это делать? Рискнем утверждать, что в той мере, в какой история продолжает претендовать на решение таких задач, она

изменяет себе как виду знания. Если это так, то стоит снова предположить, что пересмотр вопроса о пользе истории влечет и пересмотр традиционных форм моральной вовлеченности историка и исторического знания.

Вышеописанное не означает, что тот облик, который приобретает современное историческое знание, обеспечивает его моральную нейтральность. Приведенный в начале статьи тезис Эванса о том, почему историки не делают моральных суждений, можно было бы тогда истолковать следующим образом. Проблема не в том, что у них нет навыка в таких вещах, а в том, что сложившиеся формы моральной ценности исторического знания потеряли кредит доверия, а существующие формы исследовательской деятельности мало способствуют актуализации интереса к общественной ценности исторического знания.

Здесь стоит утверждать, что историческое знание может носить только публичный характер в том смысле, что оно имеет значение только для жизни сообществ (речь, конечно, не о травматическом значении исторических событий). Для приватной жизни историческое знание вряд имеет значение. Но тогда резонно полагать, что моральные суждения по поводу тех или иных исторических явлений не могут быть плодом индивидуальных предпочтений. Наличие морального консенсуса следует считать необходимым условием функционирования публичных ценностей.

Думается, что такой консенсус может быть достигнут только в публичной дискуссии. Причем одним из важных вопросов должен быть вопрос о том, в чем же должна заключаться моральная ценность исторического знания. В частности, если моральные оценки являются компонентом такой ценности, то по отношению к чему стоит их предпринимать? Должны ли такие оценки делаться по поводу исторических персонажей или такой род моральной вовлеченности следует считать некритически унаследованным стереотипом?

Очевидно и другое. Такая публичная дискуссия не может быть достоянием только профессионального сообщества историков, а требует привлечения более широкого круга специалистов. Как следствие, такое положение дел предполагает более отчетливое проведение границы между поиском знания и определением его моральной ценности. Понятно, что темы и проблемы социально-гуманитарных дисциплин в конечном счете задаются импульсами из окружающей социально-культурной среды. По этому поводу Франклин Анкерсмит резонно заметил, что историки, возможно, столь чувствительны к влиянию политических и моральных ценностей, поскольку чувствуют их опасность для получения исторической истины, но не потому что они сдвигают ее поиск в сторону, а потому что трудноотличимы от ее поиска [17. Р. 4]. Но, может быть, такая боязнь связана не столько со статусом исторического знания как такового, сколько с теми конкретными формами моральной вовлеченности историков, которые приобрели облик стереотипов и поистине превращают гуманитарное знание в вид моральной риторики.

Если процедура такой демаркации и выработка форм, в которых она будет воплощаться, возможна, то

подобное положение дел ставит вопрос о месте историка в этом процессе. Соблазнительно было бы утверждать, что дело профессионального сообщества – заботиться об истине, подразумевая, что вопрос о том, как ею распорядиться, остается вне компетенции данного сообщества. Поэтому правомерно полагать, что если историк выносит моральные суждения, то делает это не как исследователь, а скорее как заинтересованный или обеспокоенный гражданин. Но, с другой стороны, резонно предположить, что поскольку историк является не только заинтересованным, но и компетентным гражданином, то его участие в моральной дискуссии можно считать не следствием субъективного желания, а моральным долгом.

Вышеупомянутый Эванс в своей статье обсуждает вопрос о компетентности историков в экспертной деятельности, в частности в судебных процессах о военных преступлениях. Особое внимание он уделяет аргументам, связанным с проведением радикальных различий между работой историка и характером судебной процедуры [4. Р. 333–345]. Можно полностью согласиться с тем, что знание не должно быть инструментом манипуляций в любом направлении. Возможно, характер работы историка и природа судебной процедуры существенно различаются. Но, с другой стороны, в чем еще может проявляться общественная активность исследователя как не в экспертной работе? К тому же несомненно, что моральная дискуссия обладает некоторыми специфическими чертами, отличными от судебного процесса. Поэтому, если оставить в стороне социально-культурные обстоятельства, препятствующие или благоприятствующие общественной вовлеченности профессионального сообщества, то экспертную деятельность, связанную с определением морального статуса либо собственно исторических явлений, либо современных общественных институтов и форм жизни следует считать как общественной ценностью исторического знания, так и своеобразной формой общественного долга историка.

По сути, речь идет о формировании определенной исторической культуры. Резонно, что она не может сводиться только к совокупности символов, ритуалов, сложившихся форм увековечивания исторической памяти, а предполагает, помимо прочего, еще и выработку тех или иных форм нормативности. К их числу можно отнести требования, предъявляемые к профессиональному сообществу. Бесспорно, что требование стремиться к истине остается конституирующим такое сообщество. Но возможно, что иногда оно заслоняет социальную специфичность социально-гуманитарного знания. В отличие от естественнонаучного знания, как правило, востребованного узкими специалистами, социально-гуманитарное знание является необходимым условием и компонентом формирования современного гражданина. Представляется очевидным также, что именно этическая наполненность такого знания делает его понятным и приемлемым для широкой публики. Если это так, то современная историческая культура требует пересмотра унаследованных от XVIII–XIX вв. представлений о формах моральной ценности такого знания и моральной вовлеченности члена профессионального сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wyschogrod E. Representation, Narrative, and the Historian's Promise // *The Ethics of History* / ed. by D. Carr, T.R. Flynn and R.A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 28–44.
2. Southgate B. «A pair of white gloves»: Historians and ethics // *Rethinking History: the Journal of Theory and Practice*. 2006. Vol. 10, № 1. P. 49–61.
3. Gay P. «Do Your Things» // *Historians and Social Values* / ed. by J. Leerssen and A. Regney. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2000. P. 33–45.
4. Evans R.J. History, Memory, and the Law: the Historian as Expert Witness // *History and Theory*. 2002. Vol. 41. P. 326–345.
5. Gorman J. Historians and Their Duties // *History and Theory*. V. 43, 2004. P. 103–117.
6. Koehn D. *The Ground of Professional Ethics*. Routledge, 1994. 224 p.
7. Мертон П. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
8. Griffiths B. The business corporation as a moral community // Griffiths B., Sirico R.A., Barry N., Field F. *Capitalism, Morality and Markets*. The Institute of Economic Affairs, 2001. P. 17–40.
9. Ziman J. Why Must Scientists become More Ethically Sensitive Than They Used to be? // *Science. New Series*. 1998. Vol. 282, № 5395. P. 1813–1814.
10. Megill A. Some aspects of Ethics of History-Writing: reflections on Edith Wyschogrod's *An Ethics of Remembering* // *The Ethics of History* / ed. by D. Carr, T.R. Flynn and R.A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 45–75.
11. Evans F. Response: Essay Ethics and the voices of the Past // *Postmedieval: a Journal of medieval cultural Studies*. 2014. Vol. 5. P. 359–373.
12. Jenkins K. Ethical Responsibility and the Historian: On the Possible End of a History «Of a Certain Kind» // *History and Theory*. 2004. Vol. 43, № 4, P. 43–60.
13. Полз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 536 с.
14. Baets A. de A Declaration of the Responsibility of Present Generations toward Past Generations // *History and Theory*. 2004. Vol. 43. P. 130–164.
15. Мабли Г.-Б. де. О том, как писать историю // Мабли Г.-Б. де. Об изучении истории. О том, как писать историю. М. : Наука, 1993. С. 150–234.
16. Oldfield A. Moral Judgments in History // *History and Theory*. 1981. Vol. 20. P. 260–277.
17. Ankersmit F.R. In Praise of Subjectivity // *The Ethics of History* / ed. by D. Carr, T.R. Flynn and R.A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 3–26.

Syrov Vasily N. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: narrat59@gmail.com

ABOUT THE MORAL COMPONENT OF HISTORICAL CULTURE

Keywords: historical knowledge; historical narrative; moral judgment; moral values; moral involvement; moral evaluation.

The article discusses the potential of the philosophical approach, carried out by the English researcher Patrick J. Bracken, to the study of the trauma, namely the concept of posttraumatic stress disorder (PTSD). I believe that his work, namely “Trauma: Culture, Meaning and Philosophy”, can be considered as a good example of the using of a philosophical approach to a specific research problem. Bracken argues that the dominant research approaches to the study of trauma are unsatisfactory. It is about the boundaries and possibilities of cognitive psychology. As the author writes, its aim is to restore meanings by therapies that focus on the intrapsychic worlds of individual people. Cognitivists insist on its scientific character; independence from one or another philosophical reason. The author claims that this approach is based on certain philosophical assumptions. He connects these philosophical assumptions with the domination of the heritage of Cartesianism, Enlightenment and positivism. Bracken argues that there are two important consequences result from psychiatry's adoption of the positivist position in both its medical and non-medical forms are, first, the conclusion that psychological problems have the same basic form cross-culturally and, second, that the history of psychiatry can be seen as a progressive identification of the true nature of mental illness. Opponents criticized this position to identifying the symptoms of PTSD, and, second, the ways of working out the trauma.

But philosophy, as Bracken's book amply illustrates, also offers a positive agenda for change. The author connects such role of philosophy with the sort of hermeneutic phenomenology developed by Heidegger. Heidegger's phenomenology, as Bracken supposes, provides the theoretical framework for an alternative approach to trauma management, one which in being interpersonal rather than intrapsychic, and social rather than individual in orientation, is better suited to the needs of very many victims of trauma, particularly those in the non-Western world. Bracken argues that Heidegger's philosophy opens up opportunities for using a context-centered approach. If the trauma leads to a loss of meaning, then from context-centered approach loss of meaning occurs in a broken world, not a broken mind. Bracken also indicates that from a phenomenological point of view anxiety should be interpreted not only as a symptom of PTSD, but also as a consequence of the general state of modern society. As author says, in a society in which the background metaphysics does not function to create a strong sense of life's coherence and continuity, severe trauma or loss can more easily lead to the sort of post-traumatic anxiety.

In the final of his discussions, the author links productive methodological approaches with postpsychiatry. It incorporates evidence, individual therapy, and impersonal diagnostic categories, the tools of traditional medical psychiatry. But postpsychiatry, as Bracken argues, de-centres these tools and instead foregrounds questions of values, social contexts and, perhaps most important of all, personal meanings.

REFERENCES

1. Wyschogrod, E. (2004) Representation, Narrative, and the Historian's Promise. In: Carr, D., Flynn, T.R. & Makkreel, R.A. (eds) *The Ethics of History*. Northwestern University Press. pp. 28–44.
2. Southgate, B. (2006) “A pair of white gloves”: Historians and ethics. *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*. 10(1). pp. 49–61. DOI: 10.1080/13642520500474816
3. Gay, P. (2000) Do Your Things. In: Leerssen, J. & Regney, A. (eds) *Historians and Social Values*. Amsterdam University Press. pp. 33–45.
4. Evans, R.J. (2002) History, Memory, and the Law: the Historian as Expert Witness. *History and Theory*. 41. pp. 326–345. DOI: 10.1111/1468-2303.00209
5. Gorman, J. (2004) Historians and Their Duties. *History and Theory*. 43. pp. 103–117. DOI: 10.1111/j.1468-2303.2004.00300.x
6. Koehn, D. (1994) *The Ground of Professional Ethics*. Routledge.
7. Merton, R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Translated from English from E.N. Egorova, Z.V. Kaganova, V.T. Nikolaev, E.R. Cheremissina. Moscow: AST.
8. Griffiths, B. (2001) The business corporation as a moral community. In: Griffiths, B., Sirico, R.A., Barry, N. & Field, F. (2001) *Capitalism, Morality and Markets*. The Institute of Economic Affairs. pp. 17–40.
9. Ziman, J. (1998) Why Must Scientists become More Ethically Sensitive Than They Used to be? *Science. New Series*. 282(5395). pp. 1813–1814.

10. Megill, A. (2004) Some aspects of Ethics of History-Writing: reflections on Edith Wyschogrod's An Ethics of Remembering. In: Carr, D., Flynn, T.R. & Makkreel, R.A. (eds) *The Ethics of History*. Northwestern University Press. pp. 45–75.
11. Evans, F. (2014) Response: Essay Ethics and the voices of the Past. *Rostmedieval: A Journal of Medieval Cultural Studies*. 5. pp. 359–373.
12. Jenkins, K. (2004) Ethical Responsibility and the Historian: On the Possible End of a History “Of a Certain Kind”. *History and Theory*. 43(4). pp. 43–60.
13. Rolls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Translated from English by V. Karpovich, A. Shevchenko. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
14. Baets, A. de (2004) A Declaration of the Responsibility of Present Generations toward Past Generations. *History and Theory*. 43. pp. 130–164.
15. Mabli, G.-B. de. (1993) *Ob izuchenii istorii. O tom, kak pisat' istoriyu* [On the study of history. How to write a story]. Moscow: Nauka. pp.150–234.
16. Oldfield, A. (1981) Moral Judgments in History. *History and Theory*. 20. pp. 260–277.
17. Ankersmit, F.R. (2004) In Praise of Subjectivity. In: Carr, D., Flynn, T.R. & Makkreel, R.A. (eds) *The Ethics of History*. Northwestern University Press. pp. 3–26.

УДК 321.1 + 141.7
DOI: 10.17223/19988613/58/18

В.В. Шмидт, Ш.Х. Ризоев

ВЛАСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания РАНХиГС-2018 г. № АААА-А18-118013190105-2 по теме «Система экспертно-аналитического обеспечения религиозно-политических процессов на региональном и муниципальном уровнях органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации».

Статья посвящена проблеме природы и дефиниции власти. Феномен власти рассматривается как продукт социальной интеграции, в основе которой – механизм отчуждения. Авторы считают, что власть – это способность актора к отчуждению своего права на волеопределение в пользу субъекта более высокого уровня с целью распределения объемов и полномочий для всех видов акторов, образующих систему – общество. В процессе делегирования и социального взаимодействия власть приобретает характер динамической институциональной системы, находящейся в состоянии непрерывного развития.

Ключевые слова: власть; власть как социальное явление; власть в системе политики; философия власти; аксиология власти.

Власть является центральным понятием в политической науке и обществоведческом знании в целом; оно, как правило, оформлено и выражено в рамках предметно-отраслевых категоризаций, образующих полисемантические «кусты» понятий [1. С. 418; 2]. В системе российской политологической школы существует отдельная дисциплина – кратология, рассматривающая власть в самом широком контексте ее проявлений [3, 4]. При этом проблема общей теории власти и проблема универсальной дефиниции в условиях нарастающей глобализации, тенденций к универсализации национальных систем права обостряют проблему понимания и интерпретаций, которые во многом зависят от методологических подходов, онтогносеологических принципов и метафизических оснований данного феномена, его историко-политических, философско-культурологических контекстов¹.

В нашей работе мы исходим из того, что политическая власть является продуктом социальных отношений, а цель данной статьи – сконструировать понятие, отражающее концепт власти как многофакторного, диалектического взаимодействия.

Политическую власть невозможно исследовать в отрыве от таких понятий, как «государство» и «общество» (группа), «система» и «отчуждение». Первый элемент первой пары есть выражение (развитие) власти в системе (структуре) институциональных отношений, а второй – общество – порождающее данный феномен условие; начало же власти – в способе отчуждения того, что мы привыкли именовать фундаментальным, базовым условием «Я» (субъектности) – явлением, рождающим конвенциональную универсалию и право как таковые, в его непосредственном отпавлении – возникновении из неотчуждаемого² качества / признака быть самой способностью к бытийствованию, наличному и опосредующих его элементов³ – тех базовых индивидуальных потребностей, которым надлежит быть удовлетворенными, поскольку они есть тут же как всеобщее – ценность [6]. Возникшее таким образом базовое противоречие между

индивидуальным (конкретным, частным) и всеобщим (единым, целым) не только явилось формой межсубъектного взаимодействия – пра-системой, пра-эпистемой, но и обострило проблему ограниченности (исчерпаемости) ресурсов, распределение, воспроизводство которых стало источником всех иных форм бытия субъекта – социального и экономического, культурного и технологического, этико-правового, институционально-формационного, информационно-политического и т.п. [7].

В истории проблема исчерпаемости нашла свое решение в опыте договора – установлении достаточности общих оснований и условий их применения, что привело к формированию, с одной стороны, системы аскетических практик частного (индивидуального) уровня, а с другой – системы универсалий, нормативности, в числе которых базовыми стали понятийно-категориальные и аксиологические системы [8, 9]. Как видно, природа политики есть инверсивный, приращаемый за счет аксио- и телео-логии коммуникативный акт, образующий социальность – поле общих (индивидуальных как коллективных, социумных) значимостей, смыслов и ценностей, в котором политика это техно-логия – особый вид социальных отношений, реализующихся как взаимодействие суверенов (политических субъектов) в отношении объектов, составляющих общую значимость, включая и самих себя – условия социальности [10. С. 18]. И если исходить из субстанционального подхода к определению *власти*, то искать первопричину, давшую толчок биному «власть / право» как фундаментальному (онтологическому) феномену и явлению, необходимо в следующем уровне бытия картины мира – не из ее предельного основания (философско-онтологического и / или религиозного), которое оказывает предопределяющее значение, но все же из общественных связей и социальных практик – их характера и качеств – в типе метафизической системы: понятие власти / права, всегда имея единое основание, не только выступает универсальной категорией⁴ для конкретной культуры, но и требует своего обеспечения – всякий нормативно-

правовой акт должен проверяться на онтологическую достаточность – способность обеспечивать логическую непротиворечивость системы права как условие баланса для правового регулирования прав, свобод и обязанностей граждан с учетом национальных (историко-культурных, духовно-нравственных) традиций и ценностей народа в целях социальной справедливости и устойчивого развития общества и государства [11].

Методологический (онтологический) плюрализм, характерный большинству исследований о власти второй половины XX – начала XXI в., позволяет исследовать ее с различных, порой неожиданных, сторон. Так, в социологических концепциях власть приобретает символический характер [12], а в политических доминирующими являются исследования власти через призму воли, насилия, силы и могущества [13, 14]. Неопределенность и / или неразборчивость многих авторов в философско-методологических основаниях и стремление к междисциплинарности приводят к конструированию диковинных систем, вплоть до историсофских или геософских (см., напр.: [15–20]), отличительной особенностью которых становятся вильгаризированные межотраслевые дискурсы, где даже базовые отраслевые понятия выступают метафорами-аллюзиями, что позволило С.С. Хоружему заметить: «Общим свойством всей этой линии является отсутствие дисциплины мышления и познания, элементарной методологической культуры и, как следствие этого, интеллектуальная второсортность...» [21].

Итак, среди явлений, имеющих социальную природу, власть является феноменом, обеспечивающим конституирование и конструирование структуры и системы организации общества – задает не только уровни институционализации, но и уровни взаимоотношений, в свою очередь, влияющих на традицию как таковую, ее этико-правовую систему. Власть, будучи изначально индивидуально-общественным «институтом», в своем пределе формирует два типа нормативной институционализации – аксиолого-эсхатологическую систему и гражданско-политическую (этатистскую), что обеспечивает несколько видов иерархизации и субординации – родо-видовую и иерократическую, реализующихся в истории как этно-культурная, национальная традиция. Таким образом, власть как функциональное и как институциональное есть процесс воспроизводства, суть которого – реализация в бытии принципов сакрализации, кодификации, легитимации и управления. Все это в комплексе и определяет статус власти – ее место (положение) в социальной системе-пространстве, также имеющей непосредственное выражение и в образе ее отправителя – актора / субъекта, действующего ее именем и / или от ее лица.

Высшие проявления власти в демократических политических системах воспроизводятся в системе государства в виде (форме) законодательной, исполнительной и судебной властей, а также общественными формами контроля за ней – институтами публичной и медийной сферы. Таким образом, можно говорить о дуально-диалектической природе не только власти как существенного элемента духовно-нравственной системы (культуры), но и социума, онтологическое проти-

воречие (= единство) которых становится движущей силой, преобразующей формы их взаимоотношений в гражданско-политические институты – общественные и государственные.

При дальнейшем рассмотрении феномена власти – анализе объема и содержания этого понятия – возникает проблема выделения и качественного семантического (генетического) ее / его признака. Как уже было отмечено, таким значимым признаком мы считаем *отчуждение*⁵. Даже если в семантическом поле они не всегда совпадают, между ними прослеживаются отношения соподчинения, где отчуждению будет отводиться роль причины.

Под отчуждением мы подразумеваем процесс ограничения индивидуальных (частных) потенций индивида в пользу иного актора, в том числе и более высокого порядка, что в итоге приводит к формированию базового условия для проявления социального, его структуры и возникающих в них традиций – воспроизводства всех видов субэлементов как единой системы. Так одновременно рождаются отношения субординативного характера / порядка – базовый элемент (фрактал) общественной системы [22, 25].

М. Хайдеггер, например, в отчуждении видел «...способ бытия в условиях общественности, в мире повседневных забот; оно обезличивает человека, превращая его в функциональную единицу общества; происходит растворение человеческой экзистенции в отчужденных общественных нормах поведения и образе мыслей; используются общественные средства сообщения, связь (газеты), каждый уподобляется другому...» [26. С. 139].

Очевидно, что вне и без отчуждения невозможен процесс формирования социальной ткани как отношений институционального характера, наивысшие формы которых проявляются в государстве и политике, политической культуре. Этот процесс сводится к постепенному отрыву и господству над индивидом сил, которые он сам и создает: как гражданская единица, человек перестает контролировать движение продуктов своей деятельности – Левиафана, по замечанию Т. Гоббса, – государство и господствующую в нем идеологию [27. С. 63].

Отношения такого порядка реализуемы только в рамках социального поля, в структуру которого тот же Бурдьё включает государство и политические партии. Опираясь на институт права, политическая подсистема в общественной системе способна обеспечить солидаризацию – организацию коллективных действий граждан для достижения эффективного результата. И вновь мы подчеркнем: в контексте философского (философско-религиоведческого) дискурса этот политический результат неизбежно свидетельствует о его онтологическом начале: его следует понимать как событие – конечную единицу природного явления и выражение процесса, которое, актуализируясь, обретает вою индивидуальность [28].

В исторической же парадигме (подходе) под событием может выступать как стечение обстоятельств, так и личность или конкретная группа лиц, институция, инициирующая конкретные виды процессов, в первую

очередь социально-политических и хозяйственно-политических (экономических). Соединение концептов «власть» и «событие» дает возможность обратить внимание на еще одну особенность – телеологическую проекцию, поскольку власть, как и событие, выступает не только средством, но и целью – стремится к завершенности, а потому мы имеем все основания также разделять и способы достижения политического результата в системе социальных полей как минимум на две группы – кратократические (силовые, волюнтаристские) и идеократические (символические, герменевтические).

Государство, государственная власть посредством силы – монополии на насилие – устанавливает, как было отмечено выше, порядок. С. Льюкс, выводя вслед за Дж. Локком наиболее общее понятие власти, приравнивает ее к силе – акцентирует внимание на том, что обладание властью есть способность производить или воспринимать какие-либо перемены либо сопротивляться им [29. С. 103]. Будучи и атрибутом власти и ее инструментом, сила имеет конечной целью нивелирование всякого сопротивления, осуществляя подчинение, которое в масштабах государства (государственной машины, аппарата) становится психологическим механизмом, связывающим индивидуальное действие с политической целью. Образуется мощь.

Физическое принуждение часто определяют как подчинение «обезличенной власти традиции», которая проявляется и воспринимается в форме обычаев, ритуалов, этикета, выступавших в качестве императива по отношению к индивиду, где власть – ценность, притом ценность высшего порядка [30. С. 15]. Согласно М. Фуко, власть выступает в качестве механизма тотального контроля: множественные отношения силы, которые образуются и действуют в трудовых коллективах и институтах, в семье и иных малых группах, служат опорой для обширных последствий распределения, которые пронизывают все целое социального тела [31]. Такая власть определяется как дисциплинарная, опирающаяся на этический и нормативный капитал общества.

Власть как ценность, вплоть до ее сакрализации, представляет собой цивилизационный социокультурный институт. Ее функция проста – легитимация иерархий и поддержание процесса воспроизводства человеческих сообществ – его формальных / неформальных политических процессов. Так она становится гарантом существования и развития других социальных институтов, процессов и ценностных практик [32].

На когнитивную природу власти указывает и В.В. Бочаров, связывая ее происхождение с формиро-

ванием норм поведения человека [33. С. 173]. В модели Н. Лумана она приобретает символическое значение и становится главным средством связи, обеспечивающим непрерывный процесс коммуникации – медиатизация власти заменяет структурное насилие господством в семиотическом поле [34, 35]. В связи с этим обратим внимание и на понятие «габитус» [36. С. 103], которым обозначается инкорпорированное поведение индивидов. Как отмечает П. Бурдьё, габитус представляет собой систему диспозиций, порождающую и структурирующую практику и представления субъекта, благодаря чему субъект имеет возможность спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на происходящие в нем события и возникающие ситуации. Габитус, таким образом, выступает как своеобразный посредник власти – избавляет индивида от необходимости снова и снова затрачивать интеллектуальные усилия на поиск оптимального поведения, в том числе и в малых группах.

В условиях усложняющейся реальности власть как система социокультурного управления вынуждена расширять и свои функции – заниматься не только обеспечением безопасности, но и поддерживать, упрочивать свой авторитет, нередко прибегая к присвоению несвойственных ей функций, как, например, сакрализующей в дополнение к идеократической, – конструирует мировоззренческие установки и ценности в виде идеологем. Внедряя их в массовое сознание посредством утверждения, в том числе и своего авторитета, она выступает своего рода модернизированной сверхсущностью – квази-религиозной системой, структурные элементы которой – все те же идеологемы (см. примечание 5, а также: [8, 9, 24]).

Заключая, в качестве апробации мы выдвигаем следующее определение:

власть – это способность актора к отчуждению своего права на волеопределение в пользу субъекта более высокого уровня с целью распределения объемов и полномочий для всех видов акторов, образующих систему – общество. В процессе делегирования и социального взаимодействия власть приобретает характер динамической институциональной системы, находящейся в состоянии непрерывного развития. Эта система в рамках эпистемы предстает также и в роли функции, обеспечивающей диалектическое единство своих элементов посредством непрерывной коммуникации через сакрализацию / принуждение, легитимацию / диффамацию, удостоверение (санкцию) / ограничение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рассматривая власть как модель (подсистему) общественного взаимодействия, принято выделять следующие ее виды: волюнтаристскую; коммуникативную, или герменевтическую; структуралистскую; постмодернистскую. Существующие же концепции и подходы к интерпретации можно разделить на две больших группы: трактующие власть как атрибут, субстанциональное свойство субъекта и как самодостаточный «предмет» или «вещь» – атрибутивно-субстанциональная группа; описывающие власть как социальное отношение / взаимодействие на элементарном / усложненном коммуникативном уровне – реляционная группа. Ярким примером анализа и постановки задач в части развития политической теории могут служить «Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь» [5].

² P.S.: Возможно ли с феноменологической и / или философско-гносеологической точки зрения отчуждение качества / состояния «быть» – «Dasein»? – Безусловно: весь экзистенциализм, аналитическая философия и постмодернизм есть следствие. Данный опыт, расширенная его практика обеспечили закат эпохи моноцентричных систем с их индустриально-технологическим прогрессом и переход к полионтологизму –

новой эпохе истории человечества, характерными признаками которой становятся относительность (множественность) истины и виртуализация пространств – конструирование «природ». Главный вызов «Dasein» новой эпохи – верифицируемость оснований и их достаточность: возможно ли целое / единое и если да, то как – произойдет ли трансформация базового бинама «бытие и ничто» и, как следствие, сообразных ему антиномий?

³ Среди них – метафизическая (доктринально-мировоззренческая), социокультурная (этно-языковая и трудовая), биологическая (поло-видовая / -ролевая) определенности, включая неопределенность, соотносимые с условиями их реализации – отсутствием ограничений (свободы) на их реализацию, включая возможность выбора.

⁴ В каждой и для каждой конкретной культурной традиции данная универсалия-категория будет иметь свой уникальный объем – различное содержание. В системе традиционных (классических) бинарных пар-оппозиций власть противостоит хаосу, структурируя социальное поле: установленный властью политический порядок противодействует анархии. Таким образом, власть как феномен, возникающий в системе отношений политических субъектов, становится элементом социальной системы и реализуется в пределах социальности как уникальное – институциональное, политическое.

⁵ Обратим здесь особое внимание на результат этой универсальной функции «Я» (субъектности / суверена), ее направленности «на», стремлению «к», – ее потенции становиться / открывать универсалию и / или категорию [22, 23]. Учитывая, что на каждом уровне бытия образуются / открываются свои особенные универсалии, и все эти уровни бытия во «взрослых» культурах бытуют одновременно, зачастую «филогенетически» вступая в противоречия, перед академическим сообществом неизбежно встают сложнейшие задачи охранения и инкультурации (воспитания) – обеспечивать методологическую чистоту воспроизводства, систематизацию и ревизию отраслевых тезаурусов и предотвращение их смешения.

Проиллюстрируем. Так, например, *религия* – простейшее явление действительности – явление природы, включая социальную, экзистенциально-трансцендентального порядка и / или феномен обособленной, уникальной реальности – явление духовного-трансцендентного, номиналистического порядка. Религия – возникающий на фидеистских интенциях (и / или эмпатии) субъекта опыт отчуждения модели отношений с миром (А – не-А), включая собственное Я, и предстающий в форме метафизической системы, в которой ино-бытие (трансцендентное) и его проекции (сакральное, ценностное, включая механизм взаимодействия) довлеют наличному (профанному) и переживаются (непосредственно / прямо [катафатически] или инверсивно [апофатически]) в категориях долженствования, субординации и трансгрессии. Религия, таким образом, оказывается сложным (полифункциональным) объектом: 1) моделью бытия с ин-вариантами миропорядка, 2) миропорядком, принцип организации которого соответствует типу / модели онто(аксиоматика)-логики(логики) и эксплицируется в социальных функциях и аксиологии, 3) системой миропредставлений (мировоззренческая система с уровнями спецификациями) с ин-вариантами причинно-следственных отношений (праксиологии – виды логик и типы аксиологий). Как и *власть* (увидим это несколько позже), понятие *религия* в своем формальном, пустом изводе также есть не что иное как (суть) противоречие, снимаемое / выражающееся в культе (его форме), который есть (суть) установление тождества между сформированной в результате снятия новой реальностью (= природа) и условиями ее появления. Да – природ может быть множество – все зависит от противоречия, способного быть снятым, и его уровня – задавать реальность, реализоваться как сущность. И каждое новое воплощение / становление / разворачивание реальности есть не что иное, как взыскание себя – вхождение в свою полноту, полноту себя – соотнесение себя в умопостижении с умопостижимым умопостигаемым (умопостижением) – именем. А это не что иное как неизменно повторяющийся праксео-гносеологический акт: мифология извечно «беременна» – вынашивает метафизику (религию и философию), из которой рождается «пожирающая» их наука, – и так до бесконечности, на фоне которых Власть – способ и форма управления ими...

Р.С.: Вероятно, именно в силу этой «природной» схожести обусловлены процессы сакрализации / клерикализации власти и религиозации политики, как и идеологизации и политизации (этатизации) религии – по сути, диффамации каждой, если в культуре институты науки и образования не обеспечивают онто-аксиологического удостоверения их оснований, а законодательные и правоохранительные органы не обеспечивают разделения властей и развития гражданско-государственных процессов и институтов [24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.А. Власть // Новая философская энциклопедия : в 5 т. М., 2010. Т. 1. 504 с.
2. Власть (Authority). URL: http://economic-definition.com/Politics/Vlast_Authority_eto.html или <https://investments.academic.ru/800/Власть> (дата обращения: 25.07.2018).
3. Халипов В.Ф. Власть: основы кратологии. М., 1995. 304 с.
4. Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. М., 2005. 1054 с.
5. Методическое руководство подготовкой проектов правовых актов // Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. URL: <http://center.gov.by/normotvorcheskaya-deyatel-nost/podgotovka-proektov-normativny-h-pra/metodicheskoe-rukovodstvo-podgotovko/> (дата обращения: 25.07.2018).
6. Шмидт В.В. «Старый» Сократ и «новый» Платон: хочешь иметь Мир – будь его Творцом // Миссия конфессий. 2018. № 32 (5).
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М., 1986. Т. 3. 639 с.
8. Шмидт В.В. Религия: определенность как проблема безопасности (философский, теологический, религиоведческий контекст) // Религия как фактор взаимодействия цивилизаций : материалы IV Конгресса российских исследователей религии (24–26 сент. 2018 г., г. Благовещенск). Благовещенск, 2018.
9. Аллаhverдян Я.О., Шмидт В.В. Религия в системе гражданских и государственных отношений: вызовы, контекст, задачи // Религия как фактор взаимодействия цивилизаций : материалы IV Конгресса российских исследователей религии (24–26 сент. 2018 г., г. Благовещенск). Благовещенск, 2018.
10. Категории политической науки / рук. авт. кол. А.Ю. Мельвил. М., 2002. 656 с.
11. Выдрина О.В. «Философский и культурно-исторический контексты определения понятия власти» // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 69–71.
12. Попов В. Особенности системно-теоретической проблематики власти в социологии Т. Парсонса, Н. Лумана и Р. Мюнха // Социологическое обозрение. 2008. № 2. С. 69–85.
13. Канетти Э., Московици С. Моностр власти. М., 2009. 240 с.
14. Арент Х. О насилии / пер. с англ. Г.М. Дашевского. М., 2014. 148 с.
15. Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 2000. 928 с.
16. Дугин А.Г. Социология русского общества: Россия между Хаосом и Логосом. М., 2010. 583 с.
17. Дугин А.Г. Международные отношения: парадигмы, теория, социология. М., 2013. 348 с.
18. Дугин А.Г. Философия войны. М., 2004. 256 с.
19. Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004. 614 с.
20. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М., 2006. 560 с.
21. Хоружий С.С. Злоключения традиции, или Почему нужно защищать традицию от традиционалистов // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 104–120.
22. Харитонов А.С., Шмидт В.В. Практикующая философия: к обоснованию телеологического подхода // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3. 15–38.

23. Шмидт В.В. Религиоведение в системе вызовов и народохозяйственных задач России начала XXI в. // Религиоведческие исследования. 2015. № 1. С. 167–186.
24. Козлов М.В., Шмидт В.В. Религиозный фактор и идеология: проблемы метода социально-политического моделирования // Евразия: духовные традиции народов. 2013. № 3-4. С. 85–98.
25. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Альманах THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2.
26. Хайдеггер М. Время картины мира: новая технократическая волна на Западе. М., 1986. 453 с.
27. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избранные произведения : в 2 т. М., 1991. Т. 2. 731 с.
28. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / сост. И.Т. Касавина, общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. М., 1990. 720 с.
29. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд / пер. с англ. А.И. Кырлежева. М., 2010. 240 с.
30. Милгрэм С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль. М., 2016. 282 с.
31. Фуко М. Интеллектуалы и власть / пер. с франц. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М., 2002. 384 с.
32. Чернышов А.Г. Власть как ценность // Власть. 2014. № 9. С. 42–49.
33. Антропология власти : хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. / сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. СПб., 2006. Т. 1: Власть в антропологическом дискурсе. 491 с.
34. Луман Н. Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М., 2001. 256 с.
35. Шмидт В.В. О знаке и символе в религии и обществе в аспектах межинституционального диалога // Религиоведение. 2011. № 3. С. 69–74.
36. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб., 2001. 562 с.

Schmidt William V. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: william@list.ru

Rizoev Shamsiddin Kh. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: rizoye@gmail.com

POWER: ON THE ISSUE OF DEFINING IT

Keywords: power; power as a social phenomenon; power in the system of politics; philosophy of power; axiology of power.

Among the phenomena having the social nature, the power is the phenomenon providing institutionalization and designing of structure and the system of the organization of society. It sets not only the levels of institutionalizing, but also the levels of the relationship influencing the tradition per se, its ethic and legal system. The power, being initially individual and public “institute”, also forms two types of standard institutionalization – axiological eschatological system and civil and political (etatist) system, which provides several types of hierarchization and subordination: generic / specific and hierocratic, implemented in the history as ethnocultural national tradition.

Thus, the power as a functional and institutional phenomenon represents itself as a reproduction process the essence of which is realization of sacralization, codification, legitimation and management principles. All this in complex also defines the status of the power – its place in the social system which also has direct expression in the image of its sender – the actor/subject acting on its behalf.

While analyzing the phenomenon of power, namely the volume and the essence of this notion the article emphasizes/highlights its qualitative semantic (genetic) characteristic – alienation, which at the same time serves as the fundamental platform for forming the sovereign – “I” (subjectivity). The nature of “alienation” as the basic function is unique in its ability to reveal, provide manifestation of universals and/or categories, the most basic of which are binomials, such as: “being and nothingness”, “sacred – profane”, “spiritual – material”, “ideal – real”, “The god / Absolute – a person”, “transcendent – transcendental / immanent”, “the power – a right / duty”, “one whole – concrete / individual”, “common – private”, etc.

The hypothesis is made that it is due to this “natural” similarity that processes of sacralization/clericalisation of power and religization of policy, as well as ideologization and politicization (etatization) of religion, occur (being, in fact, defamation of each category) if the institutes of science and education do not provide the onto-axiological grounds, and legislative and law enforcement agencies do not provide separation of powers and development of civil and state processes and institutes.

In conclusion, the following author’s definition is put forward: power is the actor’s ability to alienate the right of self-determination in favor of a subject of a higher level, for the purpose of distribution of powers for all types of the actors forming the system (society). In the course of delegation and social interaction the power gains the nature of the dynamic institutional system which is in a condition of continuous development. This system within an episteme appears as well as the function providing dialectic unity of the elements by means of continuous communication through sacralization/coercion, legitimation/defamation, certification (sanction)/restriction.

REFERENCES

1. Alekseeva, T.A. (2010) *Vlast'* [Authority]. In: Stepin, V.S. (ed.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 5 t.* [New philosophical encyclopedia: In 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
2. Dic.academic.ru. (n.d.) *Vlast'* [Authority]. [Online] Available from: <https://investments.academic.ru/800/Vlast'>. (Accessed: 25th July 2018).
3. Khalipov, V.F. (1995) *Vlast': Osnovy kratologii* [Power: The Basics of Cratology]. Moscow: Luch.
4. Khalipov, V.F. (2005) *Entsiklopediya vlasti* [Encyclopedia of Power]. Moscow: Akademicheskii proekt.
5. National Centre for Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus. (n.d.) *Metodicheskoe rukovodstvo podgotovkoy proektov pravovykh aktov* [Methodological guidance in the preparation of draft legal acts]. [Online] Available from: <http://center.gov.by/normotvorcheskaya-deyatelnost/podgotovka-proektov-normativny-h-pra/metodicheskoe-rukovodstvo-podgotovko/>. (Accessed: 25th July 2018).
6. Shmidt, W.V. & Sapan, I.E. (2018) “Old” Socrates and “New” Plato: you want to have the World – be its Creator. *Mir konfessiy*. 32(5). (In Russian).
7. Engels, F. (1986) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. In: Marx, K. & Engels, F. *Izbrannyye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works. In 3 vols]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: [s.n.].
8. Shmidt, W.V. (2018) [Religion: Certainty as a Security Problem (Philosophical, Theological, Religious Context)]. *Religiya kak faktor vzaimodeystviya tsivilizatsiy* [Religion as a factor in the interaction of civilizations]. Proc. of the Fourth Congress of Russian Researchers of Religion. Blagoveshchensk. September 24–26, 2018. Blagoveshchensk. (In Russian).
9. Allakhverdyan, Ya.O. & Shmidt, W.V. (2018) *Religiya v sisteme grazhdanskikh i gosudarstvennykh otnosheniy: vyzovy, kontekst, zadachi* [Religion in the system of civil and state relations: challenges, context, tasks]. *Religiya kak faktor vzaimodeystviya tsivilizatsiy* [Religion as a factor in the interaction of civilizations]. Proc. of the Fourth Congress of Russian Researchers of Religion. Blagoveshchensk. September 24–26, 2018. Blagoveshchensk. (In Russian).
10. Melville, A.Yu. (2002) *Kategorii politicheskoy nauki* [Categories of political science]. Moscow: ROSSPEN.
11. Vydrina, O.V. (2009) *Filosofskiy i kulturno-istoricheskiy konteksty opredeleniya ponyatiya vlasti* [Philosophical and cultural-historical contexts of the definition of the concept of power]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 322. pp. 69–71.

12. Popov, V. (2008) Features of a system-theoretical problematic of power in sociology of T. Parsons, N. Luhmann and R. Munch. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 2. pp. 69–85. (In Russian).
13. Kanetti, E. & Moscovici, S. (2009) *Monstr vlasti* [Monster of Power]. Translated from English by R. Karalashvili, T. Emelyanova, G. Diligensky. Moscow: Algoritm.
14. Arendt, H. (2014) *O nasilii* [About violence]. Translated from English by G.M. Dashevsky. Moscow: Novoe izdatelstvo.
15. Dugin, A.G. (2000) *Osnovy geopolitiki* [Basics of geopolitics]. Moscow: Arktogetya-tseentr.
16. Dugin, A.G. (2010) *Sotsiologiya russkogo obshchestva: Rossiya mezhdu Khaosom i Logosom* [Sociology of Russian society: Russia between Chaos and Logos]. Moscow: Akademicheskii proekt.
17. Dugin, A.G. (2013) *Mezhdunarodnye otnosheniya: paradigmy, teoriya, sotsiologiya* [International relations: paradigms, theory, sociology]. Moscow: Akademicheskii proekt.
18. Dugin, A.G. (2004a) *Filosofiya voyny* [Philosophy of War]. Moscow: Kniga po trebovaniyu.
19. Dugin, A.G. (2004b) *Filosofiya politiki* [Philosophy of Politics]. Moscow: Arktogetya.
20. Panarin, I.N. (2006) *Informatsionnaya vojna i geopolitika* [Information warfare and geopolitics]. Moscow: Pokolenie.
21. Khoruzhiy, S.S. (2017) Zloklyucheniya traditsii, ili Pochemu nuzhno zashchishchat' traditsiyu ot traditsionalistov [Misadventures of tradition, or Why do we need to protect the tradition from traditionalists]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 104–120.
22. Kharitonov, A.S. & Shmidt, W.V. (2012) *Praktikuyushchaya filosofiya: k obosnovaniyu teleologicheskogo podkhoda* [Practicing philosophy: to justify the teleological approach]. *Evrasiya: dukhovnye traditsii narodov*. 3. pp. 15–38.
23. Shmidt, W.V. (2015) Religiovedenie v sisteme vyzovov i narodokhozyaystvennykh zadach Rossii nachala XXI v. [Religious studies in the system of challenges and economic tasks of Russia in the early 21st century]. *Religiovedcheskie issledovaniya*. 1. pp. 167–186.
24. Kozlov, M.V. & Shmidt, W.V. (2013) Religioznyy faktor i ideologiya: problemy metoda sotsial'no-politicheskogo modelirovaniya [Religious factor and ideology: problems of the method of socio-political modeling]. *Evrasiya: dukhovnye traditsii narodov*. 2013. № 3–4. pp. 85–98.
25. Bourdieu, P. (1993) Sotsial'noe prostranstvo i simvolicheskaya vlast' [Social Space and Symbolic Power]. *TESIS – THESIS*. 1(2).
26. Heidegger, M. (1986) *Vremya kartiny mira* [Time for a Picture of the World]. Translated from German by V. Bibikhin. In: Gurevich, P.A. (ed.) *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [A New Technocratic Wave in the West]. Moscow: Progress.
27. Hobbes, T. (1991) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected works in 2 vols]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Mysl'.
28. Whitehead, A.N. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress.
29. Lukes, S. (2010) *Vlast': radikal'nyy vzglyad* [Power: A radical look]. Translated from English by A.I. Kyrlezhev. Moscow: HSE.
30. Milgram, S. (2016) *Podchinenie avtoritetu: nauchnyy vzglyad na vlast' i moral'* [Submission to authority: a scientific view of power and morality]. Translated from English by G. Yastrebov. Moscow: Al'pina non-fikshn.
31. Foucault, M. (2002) *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and Power]. Translated from French by S.Ch. Ofertas. Moscow: Praxis.
32. Chernyshov, A.G. (2014) Vlast' kak tsennost' [Power as a value]. *Vlast'*. 9. pp. 42–49.
33. Bocharov, V.V. (2006) *Antropologiya vlasti: khrestomatiya po politicheskoy antropologii: v 2 t.* [Anthropology of power: anthology on political anthropology: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
34. Luhmann, N. (2001) *Vlast'* [Power]. Translated from German by A.Yu. Antonovsky. Moscow: Praxis.
35. Shmidt, W.V. (2011) O znake i simvole v religii i obshchestve v aspektakh mezhinstitutsional'nogo dialoga [On the sign and symbol in religion and society in the aspects of interinstitutional dialogue]. *Religiovedenie*. 3. pp. 69–74.
36. Bourdieu, P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical sense]. Translated from French by A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteya.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 39: 069.5:779
DOI: 10.17223/19988613/58/19

Ю.А. Абсалямова, Р.Х. Исламова

ОБЪЕКТЫ САКРАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА БАШКИР В МАТЕРИАЛАХ ФОТОТЕКИ ОТДЕЛА ЭТНОЛОГИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УФИМСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ОТ 1960-х ДО 2010-х гг.)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ И РБ в рамках научного проекта № 17-11-02010 «Ландшафт в традиционных представлениях башкир».

Предпринята попытка на основе материалов фототеки ИИЯЛ УНЦ РАН проследить развитие практики паломничества башкир к целебным источникам в период с 1960-х гг. по настоящее время. Для сравнения выбраны два объекта: источник у горы Нарыстау в Миякинском районе и Ассинский целебный родник в Белорецком районе Республики Башкортостан. На данных примерах прослеживается характерная для первой четверти XXI в. трансформация практики паломничества от локальных форм к более масштабным вариантам.

Ключевые слова: фототека; сакральный объект; ландшафт.

Сакральный ландшафт башкир весьма богат и разнообразен: практически каждый населенный пункт имеет или имел в прошлом свои почитаемые объекты: горы, родники, ущелья, скалы. В данной статье мы остановимся на двух разных по содержанию объектах почитания: источнике у горы Нарыстау в Миякинском районе и Ассинском целебном роднике в Белорецком районе Республики Башкортостан. В фонде фототеки отдела этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (ИИЯЛ УНЦ РАН) содержатся их фотографии, сделанные разными поколениями этнографов с полувековой разницей: в 1960–1970-е и 2010-е гг. [1].

Культ водных источников – родников, ключей, колодцев, рек, озер – явление, распространенное во всем мире. У башкир он также получил широкое распространение и, трансформируясь, продолжает существовать в настоящее время [2. С. 26]. Одно из его проявлений – почитание святых источников с целебной, исцеляющей водой.

Повсеместно на территории проживания башкир имелись, а зачастую сохранились и до наших дней, родники, вода которых наделялась особыми, сверхъестественными исцеляющими свойствами. Как правило, каждый из них имеет легенду, предание, объясняющие святость его происхождения. Так, источник под горой Ауштау в Учалинском районе республики считается забившим после трагической гибели на этом месте миссионера из восточных стран, распространявшего ислам. Минеральный источник, на базе которого возник санаторий Танып в Аскинском районе, по преданию, возник в конце XVIII в. у могилы паломника, который, возвращаясь из хаджа в Мекку, умер на этом месте. Он издавна почитался местным населением, а впоследствии выяснилось, что его вода по химическим свой-

ствам идентична термальным источникам чешских Карловых Вар. В полуверсте от известного мавзолея средневекового мусульманского миссионера Хусейнбека в Чишминском районе в начале прошлого века также существовал святой родник под названием Сынтау. Современник оставил описание колодца: «Из высокой травы выходит небольшой сруб, обшитый досками; к задней стороне сруба прикреплен столб, а на нем доска с арабской надписью. Ключ закрыт сверху доской, на которой стоит ведро, а на самом вершине столба хранится железный ковшик. Правовверный, побывав на могиле святого, считает своим долгом испить целебную для души воду ключа... В начале лета здесь бывает масса паломников-мусульман» (фото 1) [3. С. 84–85]. В целом большая часть историй о происхождении святости таких источников так или иначе имеет исламский характер и связана с мусульманскими святыми, направлением течения воды на Киблу (Мекку) и прочими обстоятельствами.

Первый из рассматриваемых нами объектов – источник под названием Зыяратлы койо (*Зыяратлы койо* – от башкирского *зыярат* (могила) и *койо* (источник, родник); другое название Изге Гали (*Изге Ғәле* – *Святой Гали*)) – на сегодняшний день, пожалуй, самый популярный источник у мусульманского населения края. Родник бьет рядом с горой Нарыстау в долине реки Демы, в 1,5 км от деревни Ильчигулово. Он известен в первую очередь по захоронению святых (аулия (*әүлиә*)), находящемуся на вершине горы. Среди материалов фототеки отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН имеется фотография источника, датированная 1963 г. (фото 2). Снимок черно-белый, сделан в ходе I этнографической экспедиции ИИЯЛ С.Н. Шитовой. На фотографии видно, что родник обнесен кладкой из камня-плитняка. С одной стороны каменной конструкции из-под не-

большого отверстия выходит вода. Судя по изображению, она сверху закрывалась плетнем, который можно было убрать; видимо, для того, чтобы набирать воду

Фото 1. «Священный колодец Сынтар» [3. С. 84]

В настоящее время это место изменилось до неузнаваемости. О причинах этого речь пойдет ниже. Сейчас здесь расположен целый комплекс, включаю-

Фото 3. Родник у деревни Ильчигулово Миякинского района Республики Башкортостан. Общий вид. 2017 г.

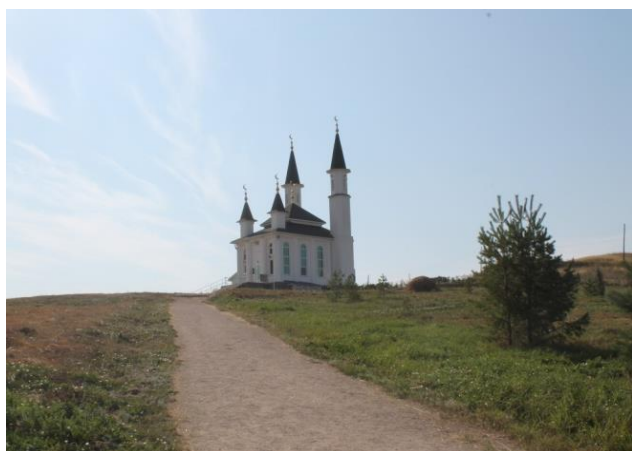

Фото 5. Мечеть рядом с горой Нарыстау. 2017 г.

Место это издавна почиталось, причем не только среди местного населения. По словам информаторов, еще в 1920–1930-х гг. сюда на верблюдах приезжали

из колодца, находящегося внутри. Сам источник расположен в открытой местности, рядом в кадре не видно никаких сооружений, деревьев, домов и пр.

Фото 2. Родник у деревни Ильчигулово Миякинского района БАССР. 1963 г. Фото С.Н. Шитовой

щий сруб над источником, купальню, мечеть, а также металлическое сооружение в форме шатра на вершине горы над самым захоронением святых (фото 3–6).

Фото 4. Родник у деревни Ильчигулово Миякинского района Республики Башкортостан. 2017 г.

Фото 6. Шатер с надгробием над могилой святых на горе Нарыстау. 2017 г.

паломники из Казахстана и Средней Азии [4. С. 138]. Здесь, на площадке высокого сырта, расположен целый средневековый некрополь Ильчигулово–IV, куда

входят Нарыстау и близлежащие горы [5. С. 103]. Это место, известное также как Ногайское кладбище, состоит из раннемусульманских захоронений XII–XV вв. Большинство курганов сейчас уже сравнялось с землей, а ранее они были обложены камнями [4. С. 14]. В народной памяти сведения о принадлежности могил несколько противоречивы. Первая версия – наиболее популярная до недавнего времени – приписывает могилы на горе Нарыс эпическим героям Идукаю (*Изүкай*), за образом которого кроется легендарный темник Золотой Орды Едигей (1352–1419) и его сыну Мурадыму (*Морадым*; исторический Нураддин († 1440). Некоторые считают, что на горе Нарыс погребен Идукай, а на соседней – Мурадым [Там же. С. 138]. Однако, несмотря на растиражированность данного варианта, по нашим материалам, Идукаю и Мурадыму местное население отводит не основную гору, рядом с которой выходит родник, а соседнюю, находящуюся в полукилометре к западу. По другим сведениям, на горе Нарыстыу находится захоронение святой женщины (аулия) с ребенком; при этом на соседнюю гору информаторы помещают могилу двух батыров (записано в 2011 и 2017 гг.).

Первая версия подкрепляется самим текстом башкирского эпоса «Идукай и Мурадым», в котором повествуется о борьбе башкир за освобождение от монгольского владычества. Главный герой Идукай предстает объединителем башкирских племен, бесстрашным батыром. Он погибает после многочисленных битв, а перед смертью завещает положить свое тело на белого верблюда и похоронить в том месте, куда он его привезет. Таким образом, Идукай хоронят на горе Нарыс:

<i>«Изүкәйҙең кәүҙәһен</i>	После того как тело Идукай
<i>Аҡ нарына асқан һуң,</i>	Повесили на его белого верблюда,
<i>Аҡ нары алып киткән һуң</i>	После того как белый верблюд увез его
<i>Күп каялар үткән, ти,</i>	Прошел много скал, говорят,
<i>Күп һыуҙарҙы кискән, ти,</i>	Перешел много рек, говорят,
<i>Бөтә яуҙы эйәртеп</i>	Повлекши за собой все войско,
<i>Нарыс тауға еткән, ти.</i>	Дошел до горы Нарыс, говорят,
<i>Шунда туктап, қаранып,</i>	Остановившись там, осмотревшись,
<i>Нарыс тауың итәге</i>	На подножье горы Нарыс
<i>Бер түбәгә сүккән, ти»</i>	Побежал галопом на одну из вершин,
	говорят» [6. 1695-се бит].

Его сын Мурадым пал от рук врагов на р. Сакмара, что находится по другую сторону Уральских гор. Но завещал похоронить себя рядом с отцом [4. С. 138].

Еще одна версия, записанная башкирскими языковедами А.А. Камаловым и Ф.У. Камаловым, приписывает захоронение на горе Нарыс Гали-батыру (*Ғали-батыр*), образ которого восходит к историческому Али ибн Абу Талибу, сподвижнику Пророка Мухаммада, его зятю и двоюродному брату. Али – широко распространенный во всем исламском мире персонаж преданий, легенд, сказок. В башкирском фольклоре он предстает как красивый юноша, батыр, сражающийся против врагов своего народа, обладающий волшебной саблей. Его верный конь по имени Дуль-дуль умеет летать. Однажды Гали-батыра смертельно ранят, и конь уносит его, чтобы тело хозяина не досталось врагам. Хоронят батыра на горе Нарыстау со всеми почестями, а у подножья горы на месте следов Дуль-дуля начинает бить родник с целебной водой, который называют *Изге Ғәле* (Святой Гали). Больные, испив воды из род-

ника, выздоравливают, уставшие наполняются силой [7. С. 249–250].

Первые археологические исследования здесь были проведены во второй половине XIX в. Н.М. Малиевым. В 1986 г. башкирским археологом Г.Н. Гарустовичем в ходе археологической разведки было обнаружено семь новых курганов и могильников разных эпох. В ходе исследования выяснено, что выкладка на вершине Нарыстау являлась пустой, а на соседней находилось захоронение мужчины-воина со следами рубленой раны. Оно отнесено к кочевникам XIV в. [5. С. 103].

Но уже в 2010-х гг. появилась новая версия, которая сразу же вытеснила предыдущие. Ее авторами стали местные последователи суфизма: по сведениям, полученным от своего духовного наставника с Северного Кипра – главы суфийского ордена Накшбандийа шейха Назима Адиль аль-Кубруси аль-Хаккани, – которому было ниспослано откровение, они озвучили версию о принадлежности захоронения двум сподвижникам Пророка Мухаммеда (сахабам), посланным в 630-х гг. для проповедования ислама башкирам [8]¹. Версия была очень быстро растиражирована в СМИ, Интернете. С этого времени начинается новый всплеск интереса к памятнику. Популяризации памятника способствовали сооружение над могилой красивого металлического шатра при поддержке республиканского благотворительного фонда [9], установление надмогильных плит с именами сподвижников. Впоследствии рядом была построена мечеть, подсобные помещения, в том числе комната для совершения омовения. Сегодня территория, на который находится родник, ограждена забором.

Сам родник, как было уже сказано, почитался издавна и славился целебной водой. По преданию, местному жителю в Мекке во время совершения хаджа (конец XIX в.) сказали, что ему нет надобности набирать воду из священного источника Зам-зам, так как источник на его родине обладает такими же чудодейственными свойствами. Здесь надо отметить, что традиция наделения воды из почитаемых источников свойствами воды Зам-зам распространена у башкир и встречается применительно и ко многим другим объектам. Несмотря на известную сакральность, в советские годы родник использовался большей частью с утилитарными целями. В 1980-х гг. над ним поставили небольшой сруб, внутри которого сделали колодец для охлаждения молока из находившейся поблизости молочной фермы деревни Ильчигулово. Однако он по-прежнему наделялся особыми свойствами. Когда в начале 2000-х гг. вода в роднике стала убывать, местное население объяснило это тем, что местный предприниматель собирался организовать продажу воды и даже установил там насос. Только после того, как он оставил свою затею, уровень воды поднялся вновь [10]. Сакральность места выражается также в распространенном поверье о том, что человеку с недобрыми помыслами в роднике показывается жаба либо змея. И наоборот – те, кто приходит с чистой душой, видят там золотую рыбку. В 2010-е гг., когда паломничество к источнику приобрело республиканский масштаб, рядом с источником построили купель с разделением

на мужскую и женскую половины. Считается, что трехкратное окунание в воду источника позволяет излечиться от многих болезней.

В настоящее время к источнику приезжают со всей республики и из соседних регионов, причем часто встречаются и паломники-немусульмане. Более того, сюда организуются как религиозные, так и обычные туристические однодневные туры из Уфы, находящейся в 160 км. Причиной такого массового паломничества стало несколько факторов: во-первых, новая версия происхождения, которая связывает объект с одними из самых уважаемых в исламе личностей – сахабами, во-вторых, возможность широкой пропаганды благодаря Интернету (так, Google на запрос «Нарыстау сахабы» выдает 1 280 результатов) и, наконец, существенная финансовая поддержка благотворительного фонда, благодаря которой место паломничества превратилось в целый мемориальный комплекс с мечетью, купелью, облагороженным родником и прочей инфраструктурой.

Другой объект, рассматриваемый нами, – целебный родник в селе Ассы Белорецкого района республики, в предгорьях хребта Зилмердак. Ассинские минеральные источники в настоящее время являются гидрогеологическим памятником федерального уровня. Ассы – древняя башкирская деревня, в конце XVIII в. в ней прожива-

ли 168 жителей, в середине XIX в. – 420, в 1920 г. – 708. Целебные источники издавна использовались местным населением. Они выходят из-под земли на месте впадения речки Туз-елга (*Тоз-йылга*, башкирское *Соленая река*) в реку Большой Инзер. На протяжении двух километров по левому берегу реки на поверхность выходят 17 родников, в 14 из них – минерализованная вода. Впервые свойства источников описал академик Ф.Н. Чернышев в 1889 г., исследовав их воду в Петербургском горном институте. В 1901 г. проба воды была выслана в Берлинский университет для анализа, по результатам которого оказалось, что по химическому составу она близка к водам Киссенгокских источников. В 1953 г. здесь начинает работать водолечебница, минеральную воду стали использовать при заболеваниях желудочно-кишечного тракта [13. С. 88]. В 1991 г. был налажен разлив минеральной воды «Ассинская». А в 2001 г. на базе источников был основан известный бальнеотерапевтический курорт «Ассы», который специализируется на лечении заболеваний костно-мышечной системы, заболеваний кожи, нервной системы.

В фототеке ИИЯЛ УНЦ РАН хранится фотография колодца с лечебной водой и грязью, находившегося в селе Ассы. Фотография датируется 1975 г., сделана в ходе полевого выезда сотрудником сектора этнографии М.Г. Муллагуловым (фото 7).

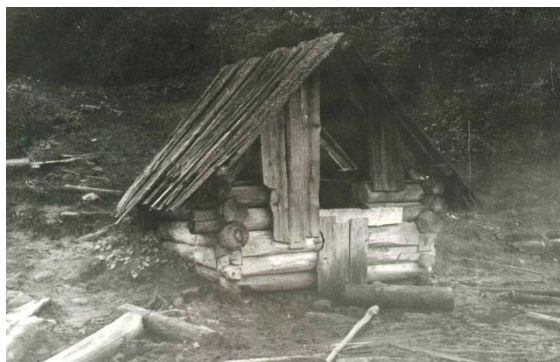

Фото 7. Источник с целебной водой и грязью. С. Ассы, 1975 г. Фото М.Г. Муллагулова

Фото 8. Ассинский минеральный источник. С. Ассы, 2016 г.

Как было отмечено выше, местные жители с давних пор использовали эту минеральную воду источника при желудочно-кишечных заболеваниях. Кроме того, ее применяли в виде ванн при заболеваниях опорно-двигательного аппарата. По сравнению с ильгигуловским родником ассинский источник в прошлом веке был обустроен более основательно, над ним имелся

Фото 9. Бетонный колодец внутри сруба

небольшой бревенчатый сруб. На территории республики вдоль трасс можно встретить много родников, над которыми для удобства сооружены схожие строения, которые защищают их от мусора. Родники в целом при полукочевом образе жизни были важным источником воды, и за ними всегда был налажен уход. До настоящего времени в отдельных деревнях сохра-

няется традиция ухода за родниками, хотя и не в той степени, в какой она была распространена в прошлом. Истоки родника очищаются от ила, камней, мусора, над ними устанавливаются срубы. Руслы родников также регулярно очищаются от упавших веток, крупных камней. В целом традиционное отношение к воде было более трепетным. По сообщениям информаторов, в недавнем прошлом ее расходовали довольно экономно. И это несмотря на обилие воды – башкиры, как известно, всегда выбирали место для деревень по берегам рек и озер. Расточительное использование воды (*сарыф итеү*) приравнивалось к греху: «*Һыуҙың хаҡы зур, артығын тотонорға ярамай*» (Цена воды велика, ее нельзя тратить больше необходимого); «*Һыу алтындан да киммәт*» (Вода дороже золота). Не разрешалось попусту ее выливать, использовать сверх необходимого. Грязную воду после стирки выливали в определенное место во дворе (*кеше аяғы басмаған урын* – там, куда не ступает нога человека), иначе земля «обижалась» (*ер рәнйей*). В прошлом, исключая период половодья, башкиры часто использовали в качестве питьевой речную воду. И это было одной из причин того, что запрещалось в реку выбрасывать мусор, стирать, загрязнять ее, плевать или сморкаться в нее.

На фото 8, сделанном в 2016 г., бревенчатый сруб стоит уже в другом месте (как отмечалось выше, минеральных источников всего четырнадцать). Если на фото 7 вода явно пробивается у подножья горы, то здесь источник выходит на ровной местности, причем

посреди населенного пункта. Сам сруб выглядит намного более ухоженно, выкрашен, декорирован. На нем висит табличка, указывающая, что внутри находится выход минерального источника. Внутри для удобства набирания воды поставлен бетонный круг, на нем закреплен ковш (фото 9). Таким образом, источник пригоден для круглогодичного использования.

После того как на базе источника был построен санаторий и он приобрел известность в республике, местные жители также стали использовать эту целебную воду в коммерческих целях. Они предоставляют места для проживания и устраивают у себя во дворе ванны для желающих полечиться. Во многих дворах имеются специальные домики для постояльцев. По словам жителей, желающих лечиться в таких условиях много.

Таким образом, оба объекта в течение полувека претерпели существенную трансформацию. Если раньше их почитание / использование носило местный характер, то сейчас оба памятника известны на всю республику. Первый стал местом массового паломничества и приобрел республиканское значение. Неузнаваемо преобразился он и внешне: на некогда пустом поле с мало заметной каменной конструкцией над родником сейчас расположился целый комплекс с надгробным шатром, мечетью, купальней и прочими сооружениями.

Второй объект также сильно преобразился, однако его изменения связаны с тем, что источник стали использовать в медицинских целях не только в республиканском, но и во всероссийском масштабе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На надмогильных плитах написаны имена сахабов (сподвижников пророка Мухаммада) – Зубаир бин Зайт и Абдуррахман бин Зубаир. Основанием для этого стали сведения из сочинения «Таварих-и Булгария» под авторством Хисамутдина бин Шарафутдина Булгари Муслими. В нем называются имена сахабов (Абд ар-Рахман бин Зубаир, Зубаир бин Джада, Талха бин Усман), посланных в Булгар с миссионерской целью. Однажды зимой заболела дочь булгарского царя Туй-бике, и миссионеры при помощи венка из веток березы, выросшей из посоха, вылечили ее, выпарив в бане. Увидев такое чудо, булгары приняли ислам; двое из сподвижников уехали в Аравию, а Зубаир бин Джада женился на Туй-бике [11. С. 142]. При этом посетивший Булгар в XII в. Абу Хамид ал-Гарнати записал у булгар схожее предание, но там уже речь шла о бухарском купце, излечившем булгарского царя и его жену [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фототека Отдела этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН: собиратели, коллекции / сост. Р.Х. Исламова; отв. ред. А.В. Псянчин. Уфа, 2016.
2. Абсальмова Ю.А. Вода и святые источники в системе традиционных религиозных представлений башкир // Этногенез. История. Культура : Юсуповские чтения : материалы междунар. науч. конф. Уфа, 2011. С. 26–29.
3. Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909.
4. Миякинский район – родина Акмуллы / сост. Р.М. Валиахметов, Р.З. Шакуров. Уфа, 2006.
5. Бахшиев И.И., Тузбеков А.И. Археологические памятники как объекты сакрализации // Известия Уфимского научного центра РАН. 2015. № 4.
6. Башкорт халык ижады. Тарихи кобайырзар, хикәйттәр (иртәктәр). Өфө, 2000. 5-се том.
7. Камалов А.А., Камалова Ф.У. Башкорт теленең тарихи-этимологик топонимик һүзлеге. Өфө, 2007.
8. Башкортостан – әүлиәләр иле. Өфө, 2012.
9. Новая мечеть у горы Нарыстау // Урал : благотворительный фонд. URL: <http://xn--80ab5asof.xn--p1ai/news/248/>
10. Полевые материалы. Миякинский район РБ, д. Ильчигулово. Информатор: Расаева Найля, 1958 г.р.
11. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. : «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. Казань, 1972.
12. Абу Хамид ал-Гарнати. Ясное изложение некоторых чудес Маргиб. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frames1.htm>
13. Геологические памятники природы России. М., 1998.

Absalyamova Yulia A. Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre, Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia).
Islamova Rezeda H. Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre, Russian Academy of Sciences. (Ufa, Russia).

OBJECTS OF THE SACRED LANDSCAPE OF THE BASHKIRS IN THE MATERIALS OF THE PHOTOGRAPHIC LIBRARY OF THE DEPARTMENT OF ETHNOLOGY OF THE INSTITUTE OF HISTORY, LANGUAGE AND LITERATURE, UFA SCIENTIFIC CENTRE, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (FROM THE 1960-s TO THE 2010-s)

Keywords: phototech; sacred object; landscape; holy sources.

In this paper two objects of worship of natural origin of Bashkirs which had undergone the transformation during the last half century are compared. The purpose of the paper is to study the forms of transformation that are typical to the pilgrimage practice of the last

decades and their causes using the example of these objects. As an example, two objects are taken – revered sources in Miyakinsky and Beloretsky districts of the Republic of Bashkortostan. In the photo of the Department of Ethnology of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences are stored photos taken with half a century intervals. On the basis of which is made the comparison.

The first object of investigation is a source at the foot of the Narystau mountain in the valley of the Demä river in the Miyakinsky district of the republic. On the photo of 1963 it stands out only by a low masonry built with stone-flagstone. On top the construction was closed with a wattle protecting it from litter. This place has been the object of pilgrimage for several centuries till present. It has long been known far beyond the boundaries of this region, at the end of the XIX century pilgrims from the Kazakh steppes came to see him. Water from the source is considered to possess supernatural healing properties. In Soviet times, for understandable reasons, the scales of veneration changed, pilgrims to the graves became much less. The understanding of the source's sacredness persisted, but the water from it was mostly used for utilitarian purposes. The veneration of the source is connected with the proximity to the burial of the saints (auliya) at the top of the neighboring mountain. According to the most common version, the graves were attributed to the epic heroes Idukai and Muradym, on the other, on the mountain is the burial of the holy woman by the child. A recently published version of the ownership of graves by the companions of the Prophet Mohammad (Sahab) practically supplanted the previous ones. Thanks to the Internet it was quickly replicated. With the support of the local charitable foundation the territory near the source is refined: was built the mosque, the tombstone on the mountain, where the names of the Sahabs are indicated. According to the photo of 2017, the place has changed beyond recognition. The pilgrimage received a new impulse, here again comes people from neighboring regions.

Another object is the mineral springs in the village of Assy Beloretsky district, also long revered and used by the local population. In the photo of 1975 a small frame was placed above the source. In 2001 on the basis of sources was founded the well-known balneotherapeutic resort "Assy". Accordingly, the popularity of sources has increased, it is still used by local residents, but on a larger scale. They provide beds and medical baths for a fee in their yards.

Thus, the forms of veneration of these objects took a broader scope. This was facilitated in one case by a new version of the origin of the burial sites of saints and the possibility of mass dissemination of information via the Internet, in the other - the development of the sanatorium-resort industry on the basis of sources.

REFERENCES

1. Islamova, R.Kh. (2016) *Fototeka Otdela etnologii Instituta istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN: sobiratel'i, kollektsii* [Photo library of the Department of Ethnology of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: collectors, collections]. Ufa: [s.n.].
2. Absalyamova, Yu.A. (2011) Voda i svyatyie istochniki v sisteme traditsionnykh religioznykh predstavleniy bashkir [Water and holy sources in the system of traditional religious ideas of the Bashkirs]. In: *Etnogenez. Istoriya. Kul'tura. I Yusupovskie chteniya* [Ethnogenesis. History. Culture. The First Yusupov Readings]. Ufa: RAS. pp. 26–29.
3. Krukovsky, M.A. (1909) *Yuzhnyy Ural. Putevye ocherki* [Southern Urals. Travel essays]. Moscow: [s.n.].
4. Valiakhmetov, R.M. & Shakurov, R.Z. (2006) *Miyakinskiy rayon – rodina Akmully* [Miyakinsky district – Akmulla's birthplace]. Ufa: Skif.
5. Bakhshiev, I.I. & Tuzbekov, A.I. (2015) Archaeological sites as objects of sacralization (Ilchigulovo Iv burial ground). *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra – Proceedings of the RAS Ufa Scientific Centre*. 4. (In Russian).
6. *Bashkort khalyk izhady*. (2000). Tarikhi kobayyrzar, khikayettar (irtaktar). Ufa: [s.n.].
7. Kamalov, A.A. & Kamalova, F.Y. (2007) *Bashkort teleneñ tarikhi-etimologik toponimik hyzlege*. Ufa: [s.n.].
8. *Bashkortostan – alyialar ile*. (2012) Ufa.
9. Ural Charity Foundation. (n.d.) *Novaya mechet' u gory Narystau* [New mosque at the mountain Narystau]. [Online] Available from: <http://xn--80ab5asof.xn--p1ai/news/248/>.
10. Anon. (1958) *Polevye materialy. Miyakinskiy rayon RB, d. Il'chigulovo. Informator: Rasaeva Naylya, 1958 g.r.* [Field materials. Miyakinsky district of the Republic of Belarus, the village of Ilchigulov. Informant: Naylya Rasaeva, born 1958].
11. Usmanov, M.A. (1972) *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.: "Sbornik letopisey", "Daftar-i Chingiz-name", "Tavarikh-i Bulgariya". Tatarskie shadzhara* [Tatar historical sources of the 17th – 18th centuries: "Collection of Chronicles", "Daftar-i Chingiz-name", "Tavarih-i Bulgari". Tatar shadzhara]. Kazan: [s.n.].
12. Abu Hamid al-Garnati. (n.d.) *Yasnoe izlozhenie nekotorykh chudes Magrib* [Clear presentation of some of Maghrib wonders]. [Online] Available from: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Garnati/frameset1.htm>.
13. Karpunin, A.M., Mamonov, S.V., Mironenko, O.A. & Sokolov, A.R. (1998) *Geologicheskie pamyatniki prirody Rossii* [Geological monuments of Russian nature]. Moscow: F.N.Chernyshev Central Research Exploration Museum.

УДК 392 + 398
DOI: 10.17223/19988613/58/20

Ван Гохун

ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ МИРОВ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ СКАЗКАХ

Исследуются тексты русских и китайских народных сказок, проводится их сравнительно-этнографический анализ с целью выявления национальных народных ценностей и культурных смыслов. Особое внимание уделено определению общих оснований фольклора, различиям мышления и творчества двух народов на основе их представлений о мире и человеческой жизни.

Ключевые слова: сказки; духовно-нравственные ценности; нравственное воспитание.

Сказки – древнейший жанр устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое произведение волшебного, авантюрного или бытового характера [1. С. 562]. Они являются одним из самых популярных и любимых жанров фольклорного творчества народа: во-первых, отражают интересный сюжет или описание важного события – приключения культурных героев; во-вторых, выступают поучительным повествованием – показывают борьбу добра и зла, а значит, борьбу ценностей, и, следовательно, выполняют воспитательную функцию морализаторства. Сказки тесно связаны с культурой, отражая мудрый опыт народа и определенной культурно-исторической эпохи, они открывают читателю (слушателю в устной традиции) мир, наполненный образами национальных культурных героев, тем самым утверждая вечные ценности добра и справедливости. С древних времен сказки выполняют активную и незаменимую функцию воспитания человека, участвуют в формировании необходимых нравственных качеств и ценностей у детей и даже у взрослых, успешно прошедших начальные этапы социализации.

Выдающийся советский педагог В.А. Сухомлинский писал: «Без сказки, без игры воображения ребенок не может жить, без сказки окружающий мир превращается для него в красивую, но все же нарисованную на холсте картину; сказка заставляет эту картину ожить» [2. С. 7]. А.С. Пушкин говорил: «Слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» Сказка играет значительную роль в формировании ценностной системы детей и взрослых, помогает сформировать собственное мировоззрение и картину мира личности, вырабатывает адекватные представления о жизни. Являясь механизмом сохранения культурной памяти народа, сказка выступает важнейшим и необходимым элементом воспитания детей в школе и в семье.

Сказка как популярная художественная форма народного творчества является сокровищем народной культуры, средством обучения, воспитания и трансляции национальных ценностей. Сказка отличается глубиной национальных идей, она непременно наделена богатством содержания – архетипами, ценностями и культурными смыслами, поэтичным языком и высокой воспитательной / морализаторской направленностью. Используя разные образные реалистичные и фантастические сюжеты, она отражает реальную жизнь народа с погруже-

нием в определенные культурно-исторические эпохи. Во всех сказках мира, народных и авторских, всегда дается возможность раскрыть глубину жизненных явлений и правду человеческого бытия, в сказках народные мудрецы-сказители делятся опытом и знаниями о мире и человеческой жизни, что представляет собой своеобразное отражение целостного бытия человека в культуре.

Сказка может как являться продуктом коллективного творчества определенного народа, так и иметь авторское происхождение. Но в любом варианте ее задача очевидна. Приобщение человека к фольклорному творчеству своего народа очень важно для осуществления процедуры культурной идентификации личности – ребенка или взрослого, который погружен в пространство определенных культурных традиций. Обладая богатым социальным и нравственно-педагогическим потенциалом, сказка базируется на народно-этической культуре, на фольклорных корнях, способствует формированию и развитию представлений о мире в глазах и миропонимании ребенка.

Этимологическая и культурно-содержательная трактовка сказки в русской и китайской культурах

Ученые полагают, что в народе слово «сказка» употреблялось много раньше, чем этот термин оформился и стал активно использоваться в научно-исследовательском лексиконе. Талантливые люди разных эпох, мудрецы и сказители, собирали и рассказывали истории, которые впоследствии вошли в сокровищницу устного народного творчества. В русском языке слово «сказка» известно с XVII в. Впервые оно было использовано в грамоте воеводы Всеволожского, где осуждались люди, которые «сказки сказывают небывалые». К слову «сказка» можно подобрать много однокоренных слов: сказка – рассказывать – сказывать. Для определения термина «сказка» мы приведем несколько определений, взятых из разных источников И.В. Вачковым. Сказка – это повествовательное, обычно народно-поэтическое, произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил; сказка – повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных событиях, иногда с участием волшебных фантастических сил; сказка – один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного,

авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел; сказка – это вымышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть, сказание; сказка – краткая поучительная, чаще оптимистическая история, включающая правду и вымысел [3. С. 51–64].

И это далеко не полный перечень определений сказки. Выдающийся российский исследователь Л.С. Выготский писал о том, что сказка помогает уяснить сложные житейские отношения: ее образы как бы освещают жизненную проблему; чего не могла бы сделать холодная прозаическая речь, то сделает сказка своим образным и эмоциональным языком [4. С. 138].

В России изучением волшебных сказок занимался В.Я. Пропп. Он писал: «Универсальность сказки, ее повсюдность столь же поразительна, как и ее бессмертие. Все виды литературы когда-нибудь отмирают. Между тем сказку понимают решительно все. Она беспрепятственно переходит все языковые границы от одного народа к другому и сохраняется в живом виде тысячелетиями. Это происходит потому, что сказка содержит какие-то вечные, неувядаемые ценности. Сказка поэтична, задушевна, красивы и глубоки ее правдивость, веселость, жизненность, сверкающее остроумие; в ней сочетается детская наивность с глубокой мудростью и трезвым взглядом на жизнь» [5. С. 106]. Проанализировав огромное количество сказок, В.Я. Пропп пришел к следующему выводу: сказки отличаются от других жанров общностью своего строения. Все сказки начинаются однотипно и так же заканчиваются, но имеют самое разнообразное содержание [6. С. 164].

В. Оклендер считал, что сказки уникальны не только как литературный жанр, но и как произведение, которое полностью понятно ребенку, как никакая другая форма искусства. Сказки обладают глубочайшим знанием, смыслом, они действительно попадают в самую точку, когда речь идет об основных всеобщих эмоциях: любви, ненависти, страхе, гневе, чувстве одиночества, изоляции и утраты. Сказки и народные сказания, подобно народной музыке, имеют глубокие корни в истории человечества и заключают в себе борьбу, конфликты, печаль и радость, с которыми люди сталкивались веками [7. С. 34–37].

В Китае термин «сказка» (童话) (Словарь современного языка, 现代汉语词典) связан со следующим объяснением: сказка является одной из форм или одним из жанров детской литературы. Она носит простой и живой характер, наделена фантазией, гиперболой и описывает события жизни, которые обладают культурным смыслом. Сказка отражает природу и жизнь теми способами, которые легко распознаются детьми (童话是儿童文学的一种。浅显生动, 富于幻想和夸张, 多作拟人化描写, 以适合儿童心理的方式反映自然和人生, 达到教育的目的。).

В древности слово «сказка» имело собственные названия в разных странах и в разных культурах мира. В настоящее время термин «сказка» – «*maechen*» – стал общепринятым в немецком языке. По содержательному семантическому значению это слово близко английскому слову «*wonder-tale*» (чудесная сказка). В широком смысле сказка не ограничивается причудливостью и фантазией. Что касается слова «*faïry tale*» (волшебная

сказка), оно до сих пор употребляется в Англии и Америке. В китайских языке и народной культуре сказки как выражение народной мудрости существовали с древности, но, к сожалению, тогда не было найдено подходящего термина, равноценного европейскому. Сказка – это то особое творчество, которое распространялось в народной традиции и было посвящено вопросам правды и справедливости бытия. Именно поэтому важно определить термин «сказка» с точки зрения фольклористики [8. С. 58].

Как известно, в начале XX в. в конфуцианской цивилизации / культуре слово «сказка» (童话) было использовано японскими исследователями. Первый раз его упомянул японский романист Шань Дун Цзин Чжуань в своем произведении «Античная коллекция». Литературоведы и фольклористы Китая провели серию дискуссий, в результате которых в начале XX в. оформилась теория сказки. Основателями и представителями концептуальных исследований по теории сказки стали Чжоу Цзожэнь и Чжао Цзиншэн. Их теория сказки носит систематический характер.

На основе своего исследования Чжао Цзиншэн дал собственное авторское определение сказки, и оно считается наиболее точным научным определением в современной китайской фольклористике. Во-первых, сказка – это не обязательно и непременно проза со сверхъестественными силами. Несмотря на то, что сказка представляет собой историю (рассказ) с фантазией, мы не можем сказать, что все фантастические рассказы считаются сказками. Во-вторых, сказка не равноценна детскому произведению, т.е. не все произведения для детей могут называться сказками. Таким образом, сказка может быть присуща не только детскому возрасту. Сказка обладает тайным характером, а детские произведения или романы не всегда носят такой характер [Там же. С. 56]. Чжао Цзиншэн объяснил сказку как «последнюю форму мифа и начальный вид романа» (童话是神话的最后形式, 小说的最初形式) [9. С. 4]. Сказка является историей, в которую первобытные народы верят, а современники считают ее формой развлечения. (童话是原始民族信以为真而现代人视为娱乐的故事) [10. С. 267].

Сказки всегда представляют собой самый ценный подарок для детей. Не обойдется детство без повествования сказок, детский характер не может сформироваться без их чтения. Таким образом, классические сказки обладают вечным очарованием, в них передается философия жизни и любви, сказки привлекают человека к доброте и справедливости. Важнейшие идеи, основная проблематика, сюжетные стержни и, главное, расстановка сил, осуществляющих добро и зло, по сути, едины в сказках разных народов. В этом смысле любая сказка не знает границ, она создана для всего человечества [11. С. 1].

Что касается классификации сказок, то ее можно представить, используя разные критерии. Русские сказки бывают народными и авторскими. У народных сказок нет конкретного автора – они являются продуктом коллективного творчества, а авторская – это сказка, у которой есть определенный автор – конкретное лицо. По содержанию сказки можно разделить на: сказки о

животных, волшебные сказки и бытовые сказки. В китайских сказках для создания классификации используется принцип разделения по методу изображения (выразительному приему): во-первых, волшебные сказки, в которых главный герой – человек, проявляющий сверхъестественные способности; во-вторых, антропоморфные сказки, в которых все действующие персонажи уподоблены человеку; в-третьих, бытовые сказки, фиксирующие описание сюжетов повседневной жизни человека. Но между ними нет четкой границы, и они связаны друг с другом.

Культурные смыслы и ценности китайских и русских сказок

Как известно, ценностями для определенной социальной группы и культуры считаются представления, определяющие истину и ложь / заблуждения. Ценности выполняют решающую функцию для формирования мировоззрения – представлений о мире и цели развития социальной группы людей или целого народа. У каждой социальной группы есть свои основные универсальные ценности. Лучшие художественные произведения всегда отражают универсальные представления – культурные ценности, идеалы и духовные смыслы общества. Они играют значительную роль для роста и социализации личности.

Сказки считаются одним из самых традиционных и древних средств нравственного воспитания человечества. Главной функцией сказки является формирование поведенческих стереотипов будущих членов взрослого общества, поддерживающих твердые убеждения и усиливающих нравственные ценности. В большинстве случаев детские сказки содержат в своих образах и сюжетах самую необходимую информацию и мудрость жизни, а значит, сказки отражают живой человеческий опыт: в них представлены жизненные ситуации и основные схемы поведения в чувственно-образной форме повествования.

Сказки помогают детям эффективно и легко воспринять основные постулаты духовно-нравственного воспитания. Знаменитый русский детский писатель К.И. Чуковский считал, что цель сказки «заключается в том, чтобы воспитать в ребенке человечность – эту дивную способность волноваться чужим несчастьям, радоваться радостям другого, переживать чужую судьбу, как свою. Ведь сказка совершенствует, обогащает детскую психику, так как слушающий сказку ребенок чувствует себя ее активным участником и всегда отождествляет себя с теми из ее персонажей, кто борется за справедливость, добро и свободу» [12. С. 2].

Ценность сказок, как русских, так и китайских, заключается в том, что в них демонстрируются лучшие качества народа: добро, справедливость, настойчивость, упорство, трудолюбие. Через сказки дети могут получить знания о мире, природе, взаимоотношениях между людьми. Через сказки они могут научиться преодолевать трудности и препятствия, искать выход из сложных жизненных обстоятельств, понимать и уважать старших и других, любить свою родину, стать храбрым. Хорошие сказки внушают детям уверенность

в победе Добра над Злом. Нравственные ценности, представленные в образах национальных культурных героев, отражаются в реальной жизни и отношениях с близкими людьми. Они превращаются в нравственные стандарты, регулирующие поступки и желания детей.

Сравнительный анализ русских и китайских детских сказок

В качестве основных сказок для русскоязычных детей были выбраны сказки, наиболее часто используемые в системе дошкольного образования – в детских садах. Также учитывались возрастные группы обучающихся детей по «Программе воспитания и обучения в детском саду» под редакцией М.А. Васильевой, В.В. Гербовой, Т.С. Комаровой [13]. Эта программа была одобрена Министерством образования РФ и рекомендована для реализации во всех дошкольных образовательных учреждениях Российской Федерации. Источником изучения основных сюжетов китайских сказок выступают «Лучший сборник китайских сказок» (中国童话故事精选) [14] и «Книга китайских классических сказок» (中国经典童话) [15].

Попытаемся представить краткое сравнение десяти наиболее популярных русских и китайских народных сказок и определить заложенные в них ценности.

Русская народная сказка № 1 «Курочка Ряба»:

Жили-были дед да баба, и была у них курочка ряба. Снесла курочка яичко, не простое – золотое. Дед бил, бил – не разбил. Баба била, била – не разбила. Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось. Дед плачет, баба плачет, а курочка кудахчет: «Не плачь, дед, не плачь, баба: снесу вам яичко не золотое – простое!»

В настоящее время это одна из первых сказок, которые родители читают детям. Это короткий рассказ о курочке, которая снесла золотое яичко для бабы и деда, но оно не принесло им радости.

Ценности: ценность жизни и ее даров; ценность доверия к естеству жизни; ценность простоты бытия: сказка учит ценить то, что уже есть у человека. Бывает, что дается что-то большее в жизни, но это не ценится. Но как только это теряешь или оно исчезает, и самому простому будешь рад. Так и в сказке: было дано золотое яичко, а дед и баба хотели его просто разбить.

Китайская сказка № 1 «Жеребенок перешел через реку»:

Жеребенок с мамой жил на берегу красивой реки, все свое время он проводил рядом со своей мамой, раставаясь, только когда мама перевозила через реку хлеб в деревню. Он рос счастливым. Однажды мама просила его перевезти мешок хлеба в деревню. Он с радостью согласился, но, подойдя к реке, сразу пожалел об этом. Ведь нет моста, а он не знает, глубока ли река. Жеребенок спросил у быка. Высокий и крепкий бык сказал: «Нет, очень мелкая». Однако едва жеребенок решил перейти реку, его остановила белка: «Река очень глубокая». Услышав это, жеребенок не знал, что делать дальше. Он заплакал и прибежал к маме. Мама предложила ему попробовать самому перейти через реку.

Ценности: ценность веры в самого себя; ценность жизненных испытаний, которые необходимы для взросления: в жизни часто бывают случаи, когда трудно сделать выбор. В безвыходном положении надо опираться на себя, лучше верить в свои силы – попробовать самому справиться с трудностями.

Русская народная сказка № 2 «Репка» (обр. К. Ушинского):

Дед вырастил репу. Выросла репа большая. Самостоятельно вытянуть ее не смог. Позвал на помощь бабу. Но вдвоем они не справились, поэтому позвали внуку... и т.д. Только вместе они смогли вытянуть репу.

Ценности: ценность коллективизма и взаимопомощи; ценность многообразия бытия – единства всех сфер и уровней жизни; ценность традиций и передачи знаний поколениям: коллективный труд и взаимопомощь очень важны. Сказка показывает, что любую проблему легче решить сообща, чем в одиночку, и даже вклад самых маленьких в общее дело приносит пользу. Сказка – это пример добрых семейных взаимоотношений, взаимопомощи.

Китайская сказка № 2 «Три монаха»:

Давным-давно стояла гора, а на горе – храм. Однажды в храм пришел монах. Каждый день он усердно носил воду, читал молитвы, наливал воду в бутылку, стоящую на столе для Бодхисаттвы, защищал дом от крыс, которые все норовили украсть вещи, – жил спокойно и счастливо. Через некоторое время пришел в храм второй монах, художник. Он сразу выпил много воды и попросил принести еще. Первый монах так и сделал. Но, увидев, что художник ничего не делает, почувствовал себя обиженным, требуя от художника вместе с ним выполнять всю работу. Когда третий, полный монах, пришел в храм, они заставили его тоже носить воду. С тех пор никто из них не носил воду, более того, они даже выпили воду в бутылке. Цветы завяли, и когда крысы, украв хлеб, перевернули подсвечник и произошел сильный пожар, монахи наконец-то поняли свою ошибку и совместными усилиями потушили огонь.

Ценности: ценность искренней веры, любви и доверия; ценность общности усилий и духа коллективизма; ценность свободы и ответственности. Во-первых, человек должен нести свою ответственность и никогда перекладывать на других свой долг. Во-вторых, в каждом коллективе и в каждом деле выполнять задачи нужно общими усилиями.

Русская народная сказка № 3 «Козлятки и волк»:

Коза строит себе в лесу избушку, позже рождаются у нее детки. Когда она уходит из дому, козлята запираются и никуда не выходят. Волк выжидает, когда коза уйдет, и пытается съесть козлят. Не сразу, но все же это у него получается. Когда коза возвращается домой, то находит только одного козленка. В конце сказки коза обманом предлагает волку прыгать через яму, и тот падает прямо в огонь. От жара у волка лопается брюхо, а оттуда выпрыгивают козлята – живые и невредимые.

Ценности: ценность жизни; ценность доверия; ценность послушания. Эта сказка учит послушанию родителям. Яркий пример того, как надо поступать, и по-

следствия этого возможного послушания или непослушания, где все закончилось благополучно.

Китайская сказка № 3 «Лис и обезьяна»:

Раньше лис и обезьяна были соседями. Около их домов текла речка, посреди которой был пышный оазис, где росли персики. Каждый день лис думал о том, как бы заполучить персики. Однажды ему пришла в голову идея, и он обратился к обезьяне, попросив ее помочь с постройкой моста. Обезьяна, которой тоже хотелось отведать персиков, согласилась. Они с трудом нашли дерево и построили мост. Но стало понятно, что по мосту пройдет только кто-то один. Лис прошел первым. Перейдя, он сбросил дерево в реку и сказал, смеясь: «Ты глупая, теперь все персики мои». Обезьяна, улыбаясь, ответила: «Да, я, конечно, не смогу попробовать персики, а вот ты как вернешься?» Услышав, лис жалостно запросил: «Сестричка, мы большие друзья, помоги мне!». Но обезьяна лишь посмотрела и ничего не ответила. Она больше ему не верила.

Ценности: ценность доверия; ценность честности и простоты; ценность ответственности за собственные поступки: никогда не верить пышным фразам и красивым словам, следует доверять действиям и поступкам.

Русская народная сказка № 4 «Теремок»:

Сюжет сказки развивается вокруг небольшого сказочного домика – теремка. Разные звери, пробегающие мимо домика, интересуются, а чей же он, и постепенно заселяются. Первым обитателем чудесного жилища стала мышка-норушка, затем лягушка-квакушка, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка, а потом волчок-серый бочок. Но далее теремок замечает косопланный медведь. Он тоже хочет жить в теремке, но никак не может влезть внутрь. Он решает жить снаружи – на крыше – и разваливает домик. Другие звери успевают выскочить наружу и остаются живы. А затем решают построить новый домик, больше предыдущего, способный вместить всех.

Ценности: ценность единства бытия и жизни; ценность взаимопомощи и духа коллективизма; ценность прощения и понимания. Данная сказка учит нас тому, что все мы разные, но принимая, прощая других, все вместе, сообща мы сможем решить любую сложную задачу. Сказка учит миру и согласию.

Китайская сказка № 4 «Разноцветный олень»:

В древние времена в глухой пустыне Гоби персидский караван верблюдов заблудился из-за метели, и им указал дорогу разноцветный олень. В лесу он спас утопающего. Утопающий был очень признателен и пожелал отблагодарить оленя. А олень только хотел, чтобы тот не рассказывал людям, что видел его. Утопающий пообещал и даже поклялся Небесами. Когда караван авернулся в Персию, погонщики рассказали государю о приключении в лесу, а государыня услышала и стала настаивать, чтобы из шкуры оленя ей сшили платье. Утопающий ради выгоды забыл чувство долга, рассказал государю обо всем и предал оленя. Олень же раскрыл государю, как утопающий позабыл о добре и презрел долг. Государь раскаялся и решил наказать утопающего. Тот очень испугался и, упав в глубокий пруд, погиб.

Ценности: ценность доверия и любви; ценность человечности и милосердного отношения к миру; цен-

ность ответственности за свои слова и поступки: человек должен держать свое слово, иначе он будет наказан из-за нарушения обещания и платы злом за добро.

Русская народная сказка № 5 «Маша и медведь»:

Жила-была девочка Маша. Заблудилась. Встретила медведя. Попросила его отнести пироги Бабушке и Деду. Сама тайно пробралась в короб с пирогами. Когда медведь садился на пенек, чтобы съесть один пирожок, Маша ему этого не позволяла. Медведь наконец дошел до дома Бабушки и Деда. Как только короб поставили, Маша оттуда выпрыгнула, а медведя прогнали.

Ценности: ценность послушания; ценность внимательности и ответственности. Эта сказка рассказывает о том, к чему может привести забывчивость и невнимательность. Но даже если ты ошибся, необходимо уметь признать свою ошибку. Нужно включить свою смекалку, чтобы вернуться домой, туда, где тебя все любят и простят.

Китайская сказка № 5 «Ворона отблагодарила своих родителей»:

Маленькая ворона с детства помнила, как родители хлопотали. Каждый день они улетали далеко, чтобы поймать свежих насекомых и кормить детей. Бывали случаи, когда родителям удавалось поймать совсем мало насекомых, но они продолжали кормить детей, голодая сами. Когда было холодно или шли дожди, родители всегда распластывали крылья, чтобы защищать птенцов от ветра и дождя. Маленькая ворона была счастлива под защитой родителей. Постепенно она росла и замечала, что родители стареют. Ей стало их очень жалко. Она потихоньку начала тренироваться летать, пробовала ловить насекомых. Она так старательно работала, что скоро поймала несколько насекомых. Она принесла их в гнездо и положила в рот родителям, так же как родители в свое время кормили ее.

Ценности: ценность почитания и заботливого отношения к родителям; ценность ответственности перед близкими людьми; ценность взаимопомощи: ни в коем случае людям нельзя забывать своих родителей и тех, кто помогал человеку в жизни, человек должен сохранять уважение и благодарность.

Русская народная сказка № 6 «Колобок»:

Жили были бабка да дед. И решили они испечь колобок, ибо есть им было нечего. Поскребли по сусекам, собрали немного муки, испекли колобок и поставили его на окно остывать. Дед и бабка моргнуть не успели, как Колобок ожил, выскочил в окно и покатился по лесной тропинке. Повстречался ему заяц, который хотел его съесть, но Колобок убежал от него. Затем встретился ему волк, тоже хотел его съесть, но Колобок убежал и от волка. И медведь хотел его съесть, и от медведя Колобок ушел. Повстречалась Колобку хитрая лисица, тоже решила его съесть и сказала ему: «Спой-ка, Колобок, мне песенку!». Забрался Колобок ей на нос песню спеть... А лисица взяла и съела его.

Ценности: ценности послушания и простоты; ценность ответственности. Эта сказка посвящена человеческим качествам – гордости и непослушанию. Колобок возгордился, что он такой хитрый и умный. Но в жизни всегда найдется тот, кто захочет обмануть тебя. Нужно всегда здраво рассуждать в своей жизни.

Китайская сказка № 6 «Котенок ловит рыбу»:

Кот и котенок вместе пришли к реке для того, чтобы рыбу ловить. Когда они сели и приготовились ловить, над ними пролетела стрекоза, котенок увидел ее, сразу положил удочку и начал ловить стрекозу. К сожалению, стрекозу он не поймал и вернулся к реке с пустыми руками. А кот в это время уже поймал большую рыбку. Через минуту к ним прилетела бабочка. Котенок опять положила удочку и бросился за ней, опять вернувшись с пустыми руками. Кот уже поймал вторую рыбку. Котенок спросил: «Почему же я ни одну рыбку не поймал?». Кот посмотрел на него и ответил: «Ловить рыбу – это рыбу ловить, нельзя делать несколько дел одновременно, то бежать за стрекозой, то за бабочкой. Как ты можешь поймать рыбу?» Через несколько минут котенок наконец-то поймал большую рыбку.

Ценности: ценность внимательного отношения к любому делу; ценность ответственности: будь внимателен к любой работе – если заниматься делом, надо сосредоточиться на нем, нельзя делать несколько дел одновременно.

Русская народная сказка № 7 «Гуси-лебеди»:

Родители уходят на работу, велев дочке не ходить со двора и беречь младшего братца. Но девочка сажает братца под окошком, а сама бежит на улицу. Гуси-лебеди тем временем уносят братца на крылышках. Сестра бежит догонять гусей-лебедей. По дороге она встречает печку, яблоню, молочную речку – кисельные берега. У них девочка спрашивает о братце, но печка просит ее отведать пирожка, яблоня – яблочка, речка – киселька с молоком. Привередливая девочка не соглашается. Она встречает ежика, который указывает ей дорогу. Приходит к избушке на курьих ножках, заглядывает туда – а там Баба Яга и братец. Девочка уносит братца, а гуси-лебеди летят за нею в погоню. Девочка просит речку спрятать ее и соглашается поесть киселька. Потом ее прячет яблонька, причем приходится девочке поесть лесного яблочка, затем она прячется в печке и ест ржаной пирожок. Гуси не видят ее и улетают ни с чем. Девочка с братцем прибегает домой, а тут как раз отец с матерью приходят.

Ценности: ценность послушания; ценность доверия и любви. Эта сказка про послушание / непослушание и гордость. Сначала сестрица не послушала родителей, поэтому брата своего не сберегла. Но смогла признать свою ошибку и решила ее исправить. Однако когда она искала брата, то гордо отвергала чью-либо помощь. А когда домой возвращалась, уже поняла, что одной просто не справиться, поэтому приняла помощь от других.

Китайская сказка № 7 «Куафу (мифическое племя великанов)»:

В древние времена в глубине леса жили очень сильные великаны. Их главу звали Куафу. Тот держал в руках двух золотых змей, и еще два золотых змея висели на его ушах. Все великаны племени очень добрые, смелые и трудолюбивые. Они жили свободными.

В какой-то год было слишком жарко. Раскаленное солнце пекло землю, деревья и реки высохли. Люди не могли терпеть такую жару, многие великаны погибли. Куафу очень расстроился, он посмотрел на солнце и

сказал: «Я обязательно побегу за солнцем и поймаю его, чтобы оно послушало людей». Все его уговаривали не делать этого, но он настаивал, потому что хотел, чтобы люди жили спокойно. Он начал гоняться за солнцем, перевернул горы и реки, преодолел много трудностей. И скоро он уже мог догнать его, хотел его обнять, но солнце было очень жарким, и, почувствовав жажду и усталость, в конце концов он погиб. Ему было очень жалко, что не смог догнать солнце, он не мог забыть свой народ. И вытащив трость, он бросил ее. В том месте, где лежала трость, выросли персиковые деревья. Эти деревья всегда зеленые и всегда плодоносили для людей.

Ценности: ценность добра и любви; ценность веры в собственные силы; ценность целеустремленности: перед сильными никогда не подать духом, на пути к своей цели нельзя терять веру в собственные силы.

Русская народная сказка № 8 «Кот, петух и лиса»:

Глупый петушок под действием сладких речей лисы попал ей в лапы, и она унесла его из дома. Но петух успел позвать на помощь кота, который выручил его из беды. Однажды кот вернулся домой, а петушка дома нет. Тогда он пошел к лисе и ее же хитростью спас петушка от верной гибели.

Ценности: ценность правды жизни; ценность справедливости; ценность веры в собственные силы. Сказка показывает, сколько бы хитростей ни было, справедливость всегда восторжествует, вместе даже слабые могут победить коварный замысел и лукавство.

Китайская сказка № 8 «Малян с волшебной кистью»:

С детства Малян был очень трудолюбивым, добрым и целеустремленным. Он давно потерял родителей и жил только сбором хвороста и работой на поках. Но он никогда не подал духом, ему очень хотелось научиться рисовать. Каждый день он практиковался, рисовал на песке, на стене, на скале. Однажды он получил волшебную кисть. Птица, нарисованная волшебной кистью, ожила. Жадный богач узнал об этом и позвал его, чтобы он рисовал ему золото. Малян отказался. Его закрыли в конюшне. Он нарисовал лестницу, лошадь и убежал. Государь позволил ему рисовать только то, что он хочет. Он тоже отказался. Его арестовали. Тогда Малян нарисовал остров, на нем денежное дерево, а на море корабль. Государь и солдаты поплыли на корабле за деньгами к острову, и море поглотило корабль. С тех пор Малян своей кистью рисует для простых людей то, что им нужно.

Ценности: ценность достоинства человеческой жизни независимо от происхождения и родovitости; ценность веры в собственные силы; ценность целеустремленности и свободного творчества человека: человек должен быть целеустремленным, несмотря на свою бедность, сохранить в себе достоинство. Он добьется успеха, только будучи верным своей мечте.

Русская народная сказка № 9 «У страха глаза велики»:

Бабушка с внучкой пошли за водой. Вместе с ними отправились курочка и мышка. Набрали они воды в колоде и обратно пошли через огород. В огороде стояла яблоня, а под яблоней сидел, притаившись, заяц.

Тут яблоко с ветки сорвалось и упало на зайца. Заяц с перепугу на тропинку выскочил, прямо под ноги идущим с ведрами бабушке, внучке, курице и мышке. Те испугались, ведра бросили и в дом убежали. Бабушка решила, что на нее медведь напал. Внучке волк почудился. Курочка на лису подумала, а мышке кот привиделся. А заяц, когда в лес прибежал, подумал, что еле от четырех охотников ноги унес.

Ценности: ценность внимательного отношения к делу; ценность сосредоточенности усилий и ответственности. Часто что-то внезапное кажется намного больше, чем есть на самом деле. Но стоит это дело или событие рассмотреть, как все встает на свои места.

Китайская сказка № 9 «Волшебная тыква»:

Жили давным-давно два брата. Родители оставили сыновьям хорошее хозяйство. Старший брат был очень ленив, а младший брат, наоборот, трудолюбив. Старший брат с женой выгнали его из дому. Младший брат в горах увидел большую поляну и подумал: «Ведь я умею обрабатывать землю, не поселиться ли мне здесь и не засеять ли эту поляну?» Однажды, когда он обрабатывал землю, наткнулся на тыкву. Вдруг из нее выскочил маленький старичок и предложил выполнить его просьбу. Он попросил у старика мотыгу, пару кукурузных лепешек, кружку воды и шалаши для ночлега. И его желание было исполнено. Он старательно работал и скоро обзавелся всем необходимым в хозяйстве. Не прошло двух лет, как у старшего брата ничего от богатства не осталось. Он попросил у младшего волшебную тыкву. Они с женой пожелали слишком много золота и серебра и из-за своей жадности потеряли жизнь.

Ценности: ценность собственных труда и усилий; ценность щедрости и взаимопомощи: человек добьется успехов своим трудом, никогда не следует становиться жадным.

Русская народная сказка № 10 «Иванушка-дурачок»:

Было у родителей три сына, старшие два – умные, а младшенький – Иванушка-дурачок. Какие бы ему задания ни давали – он все плохо выполнял, глупый совсем. И по хозяйству все испортил, и в поле, и на базар его не отправить. И все ему говорят, какой он дурачок. Схитрил как-то раз Иванушка и избавился от барина, а заодно и от братьев своих.

Ценности: ценность простоты и искренности; ценность доброты и взаимопомощи. Описываемый в русских сказках Иванушка-дурачок – не просто парень недалекого ума, как это можно предположить из прозвища. Иванушка – непохожий ни на кого, простодушный, добрый, искренний герой, поэтому ему многие помогают (и люди, и звери, и природа), и он находит свое счастье.

Китайская сказка № 10 «Как проучили лисицу»:

Не стало лесным зверям покоя от лисицы, и обезьяна думала долго и нашла способ наказать лисицу. От радости она рассказала обо всем зайцу. Обезьяна нашла лисицу и предложила ей самое вкусное на свете – лошадиное мясо. Чтобы попробовать этого мяса, надо сперва связать свой хвост с хвостом лошади... Выслушав обезьяну, лисица тихонько подкралась по лугу к спящей лошади и осторожно связала свой хвост

с ее хвостом. А потом выбрала место пожирнее и впилась зубами в круп лошади. Почувствовав боль, лошадь мигом вскочила на ноги и пустилась вскачь по полю... На бегу она сбросила с себя лисицу и поволокла ее по траве. Все это время за лисицей наблюдала с дерева обезьяна. От радости она оступилась и так сильно ударилась задом о землю, что у нее на этом месте вскочила большая красная шишка! Заяц так смеялся, так хохотал, что даже верхнюю губу порвал. Вот с той поры и по сей день у обезьяны красный зад, у зайца рваная верхняя губа, лошадь никогда не осмеливается спать лежа и спит только стоя, а у лисицы на рыжем меху бурые пятна.

Ценности: ценность простоты; ценность доверия – за зло тебе злом и заплатят, об опасности и во сне не забывай, а удаче радуйся в меру, иначе можно и оступиться.

Выводы

Из сравнительного анализа ценностей русских и китайских сказок можно сделать следующие выводы.

1. Сказка для детей – это не просто фантазийное повествование, игра или литературное произведение. Она представляет собой целую жизнь, развивает у детей эстетическое начало и моральные чувства, раскрывает прекрасное в природе человека, осуществляет единство эстетического и морального, реального и вымысла. И в русских, и в китайских сказках многие герои оказываются способными преодолеть самые невероятные препятствия и стать победителями. В их поведении показывается противостояние трудолюбия – лени, добра – злу, храбрости – трусости. Эти сказки привлекают детей лучшими качествами героев, такими как добро, отзывчивость, любовь к труду, смелость. Ценности русских и китайских сказок состоят прежде всего в том, что они в какой-то степени отражают реальную жизнь и дают обширные знания о природе, мире, жизни и характере людей, об истории общественных отношений, а также дают представление о мировоззрении и психологии народов.

2. В русских и китайских сказках детям передаются четыре основные группы ценностей: а) нравственные ценности, включающие оказание помощи другим, добро, честность, справедливость; б) ценности уверенности в себе, учат детей никогда не падать духом, всегда иметь свою мечту, надежду и веру в собственные силы; в) общественные ценности – значимость настоящей дружбы и сохранения мира и согласия; г) ценности личности. И русские, и китайские сказки воспитывают в детях эти четыре основные группы ценностей. Китайские сказки отличаются от русских тем, что китайцы уделяют большое внимание коллективным нравственным ценностям, а русские – ценностям личности.

3. В русских и китайских сказках действуют герои со сверхспособностями или боги. В сказках используются приемы гиперболизации повествования. Но нужно отметить, что в русских сказках делается акцент на существовании свободы, равновесия и человеколюбия с личной свободой характера, а в китайских сказках чаще всего боги сами обладают наилучшими качествами.

4. В сказках двух народов образы животных являются важной частью повествования, что отражает определенную общность их культур. С одной стороны, животные представляют собой хороших друзей человека, через них сказители наглядно демонстрируют нравственные ценности людей. Для детей образы животных являются более приемлемыми и понимаемыми, доступными для восприятия. Разница состоит в том, что в русских и китайских сказках существуют разные точки зрения на качества животных, например лиса в китайских сказках всегда выполняет отрицательную функцию, она обозначает хитрость, а в русских сказках хитрость лисы – это просто ее способ существования и выживания. Русские сказки обращают внимание на развитие индивидуальности.

5. Финалы сказок отражают мечты, которые не могут осуществиться в реальной жизни. Русские сказки отличаются от китайских тем, что в них герои обычно сами выбирают свою судьбу, а в китайских сказках пассивно принимается фатальность событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сказка фольклорная // Словарь литературоведческих терминов / под ред. С.П. Белокуровой. М.: Паритет, 2005. С. 562–563.
2. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. URL: <https://libking.ru/books/home-/home/54797-v-suhomlinskiy-serdse-otdayu-detyam.html> (дата обращения: 21.11.2018).
3. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.: Союз, 1997. 96 с.
4. Запорожец А.В. Психология восприятия сказки ребенком дошкольником // Психология дошкольника: хрестоматия / сост. Г.А. Урунтаева. М.: Педагогика, 1998. 138 с.
5. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1992. 458 с.
6. Расскази мне сказку / сост. Э.И. Иванова. М.: Просвещение, 1993. 464 с.
7. Калунина Е. Воспитание сказкой // Дошкольное воспитание. 2008. № 7. С. 34–37.
8. Чжао Цзиншэн. Теория сказки. М.: Изд-во имени Каймин, 1929. 116 с.
9. Чжао Цзиншэн. Сказки ABC. М.: Изд-во Мира, 1929; Шанхайская фотолит., 1990. 116 с.
10. Чжун Цзинвэнь. Введение в фольклористику. М.: Шанхайское изд-во литературы и искусства, 2005. 482 с.
11. Классификация сказок. Характерные черты каждого вида. URL: <http://detskie-skazki.com/stati/klassifikaciya-skazok-harakternye-cherty-kazhdogo.html>
12. <http://www.pedagogynflow.ru/flowens-361-2.html>
13. Программа воспитания и обучения в детском саду / под ред. М.А. Васильевой, В.В. Гербовой, Т.С. Комаровой. URL: http://baby-school.narod.ru/media/prog_vas.html
14. Сяо Сюй. Лучший сборник китайских сказок. М.: Китайское детское издательство, 1999. 628 с.
15. Цуй Чжунлэй. Книга китайских классических сказок. Цилинь: Цилиньское художественное издательство, 2010. 160 с.

Wang Guohong. Shenyang Polytechnic University (Shenyang, China); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: wangguohong@mail.ru

VALUES OF CULTURAL WORLDS IN RUSSIAN AND CHINESE TALES

Keywords: tales; values; Russia; China; moral education.

Fairy tales express collective memory of the peoples' folk art and folklore, they are one of the main parts of national culture. Fairy tales are deeply national: creating national images of the world, life and people, fairy tales recreate a picture of the world and the image of a person, and they are aimed at the broadcast of spiritual and moral values. The article explores Russian and Chinese popular folk tales. Author conducts their comparative ethnographic analysis in order to identify national values and cultural meanings. In this paper, the author pays special attention to the definition of the general foundations of folklore, the differences in the types of thinking and creativity of the two nations on the basis of their notions of peace and human life.

Relying on the basis for the definition and classification of fairy tales, the author emphasizes the importance of the etymological and cultural - content interpretation of the fairy tale in Russian and Chinese culture. Fairy tales through different subjects and situations open a new world for children, give them knowledge and life experience, help them create certain ideas about the world and human life. One of the main functions of a fairy tale is the formation of behavioral stereotypes of future members of an adult society that support firm convictions and strengthen moral values. The value of fairy tales, both Russian and Chinese, is to demonstrate best qualities of the peoples of the world. Moral values, represented in the images of national cultural heroes, are reflected in real life. They turn into moral standards of life, regulating the actions and desires of children.

The author compares 10 popular Russian and Chinese tales, and, on the basis of a comparison of the main plots and fairy-tale characters, reveals typical systems of life values, focusing on the key attitudes of the character and behavior of two peoples and two cultures: Russia and China. During the analysis, the author makes an assumption about the similarities and differences in the values of Russian and Chinese tales. As a result of the research, the author comes to the conclusion that national or folk tales play an important role in the upbringing of children. They serve as an example of moral education and become a precious spiritual gift for children in Russia and China. Since each nation has its own unique culture, we must learn from each other.

REFERENCES

1. Belokurova, S.P. (2005) *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of Literary Terms]. Moscow: Paritet. pp. 562–563.
2. Sukhomlinsky, V.A. (n.d.) *Serdtshe otdayu detyam* [I give my heart to children]. [Online] Available from: <https://libking.ru/books/home-/home/54797-v-sukhomlinskiy-serdtse-otdayu-detyam.html>. (Accessed: 21st November 2018).
3. Vygotskiy, L.S. (1997) *Voobrazhenie i tvorchestvo v detskom vozraste* [Imagination and creativity in childhood]. St. Petersburg: Soyuz.
4. Zaporozhets, A.V. (1998) *Psikhologiya vospriyatiya skazki rebenkom doshkol'nikom* [Psychology of perception of a fairy tale by a preschooler]. In: Uruntaeva, G.A. *Psikhologiya doshkol'nika* [Psychology of a preschooler]. Moscow: Pedagogika.
5. Propp, V.Ya. (1992) *Morfologiya skazki* [Morphology of the Tale]. Leningrad: Academia.
6. Ivanova, E.I. (1993) *Rasskazhi mne skazku* [Tell me a tale]. Moscow: Prosveshchenie.
7. Kalunina, E. (2008) *Vospitanie skazkoy* [Education through tales]. *Doshkol'noe vospitanie*. 7. pp. 34–37.
8. Zhao Jingsheng. (1929) *Teoriya skazki* [Theory of the Fairy Tale]. Moscow: Izdatel'stvo imeni Kaymin.
9. Zhong Jingwen. (1990) *Skazki AVS* [Tales ABC]. Moscow: Shanhayskaya fotolitografiya.
10. Zhong Jingwen. (2005) *Vvedenie v fol'kloristiku* [Introduction to folklore studies]. Moscow: Shanhayskoe izdatel'stvo literatury i iskusstva.
11. *Classification of fairy tales. Characteristic features of each species* [Klassifikatsiya skazok. Harakternye cherty kazhdogo vida]. [Online] Available from: <http://detskie-skazki.com/stati/klassifikatsiya-skazok-harakternye-cherty-kazhdogo-vida.html>.
12. [Online] Available from: <http://www.pedagogynow.ru/flowens-361-2.html/>.
13. Vasilieva, M.A., Gerbova, V.V. & Komarova, T.S. (eds) *Programma vospitaniya i obucheniya v detskom sadu* [Program of education and training in kindergarten]. [Online] Available from: http://baby-school.narod.ru/media/prog_vas.html.
14. Xiao Xu. (1999) *Luchshiy sbornik kitayskikh skazok* [The Best Collection of Chinese tales]. Moscow: Kitayskoe detskoe izdatel'stvo.
15. Cui Zhonglei. (2010) *Kniga kitayskikh klassicheskikh skazok* [Book of Chinese classic tales]. Jilin Art Publishing House.

УДК 94(32).04

DOI: 10.17223/19988613/58/21

К.Ф. Карлова

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОЧИТАНИЯ СЕТА В ОАЗИСАХ (НА ПРИМЕРЕ «МАЛОЙ СТЕЛЫ ИЗ ДАХЛЫ»)

Статья посвящена некоторым аспектам бытования образа Сета в оазисах на примере так называемой «Малой стелы из Дахлы» (Музей Ашмолиан, № 1894.107.b), датирующейся III Переходным периодом. Автор рассматривает трансформацию, которая произошла в образе Сета в оазисах. Изображение Сета на стеле нетипично – здесь изображен Сет (Сутех) с головой сокола, на которой помещен солнечный диск, что связано с эволюцией его образа, начавшейся с периода Нового царства.

Ключевые слова: Сет; стела; оазисы; Дахла; сокологоловый; солнечный диск.

Период процветания и развития культа бога Сета в эпоху Нового царства сменился его упадком, начавшимся в III Переходный период. Формирование образа Сета с этого времени во многом определялось локальными особенностями территории страны. В этот период внутри Египта образ Сета был полностью демонизирован и его культ перестал развиваться. Основными причинами, послужившими поводом негативного восприятия образа Сета после периода Нового царства, стали отождествление с Сетом иноземных завоевателей Египта и отрицательная роль Сета в мифе об Осирисе [1. Р. 141–151; 2. Р. 59–68; 3. Р. 19–40; 4. Р. 396–430]. Но в оазисах Западной пустыни Дахла (*Dzdz*) [5. Р. 976–979; 6] и Харга (*Knmt*) [5. Р. 907–910; 6] он продолжал свое развитие, претерпевая определенную трансформацию. Ее черты прослеживаются, начиная с III Переходного периода, на протяжении которого главным центром почитания Сета являлся город Мут (Мут эль-Хараб) – столица оазиса Дахла с периода Нового царства. Его древнегреческое обозначение звучит как Μῶθις, а древнеегипетское название точно не установлено [6. S. 189–190]. В период Нового царства Мут эль-Хараб развивался достаточно интенсивно [7]. Здесь находился посвященный Сету храм, который, возможно, являлся важнейшим культовым местом этого оазиса [8. Р. 35; 9. Р. 158]. Как можно установить по фрагментам храмовых рельефов Тутмоса III, Хoremхеба и династии Рамессидов, а также по другим материальным свидетельствам, храм существовал уже в период Нового царства [10. Р. 3–6]. В III Переходный период храм продолжал функционировать и был дополнен новыми декоративными элементами [Ibid. Р. 4–6]. Что касается культа Сета, то имеются свидетельства, доказывающие попытки вычеркивания имени Сета путем замены на имена других богов уже в Поздний период [Ibid. Р. 5].

К памятникам, отражающим высокую степень почитания Сета в оазисе Дахла, относится так называемая «Малая стела из Дахлы» – иератическая стела периода XXV династии (времени правления фараона Пианхи (рис. 1) [11. Р. 165–172], которая содержит сообщение оракула Сета во время 10-го дня 3-го месяца на 24-м году правления Пианхи. В верхнем регистре стелы помещено изображение Сета с головой сокола и с уреем на лбу.

Над головой Сета изображен солнечный диск, в руках он держит скипетр-*w3x*. Слева от Сета стоит божество, которое невозможно идентифицировать из-за повреждений стелы, но предположительно это может быть Амон-Ра, о котором также упоминается в тексте стелы. Справа от Сета стоит даритель, подносящий Сету цветы и благоуханную воду. Текст стелы сообщает, что некто Та-биа, сын Паи (*P3y*), состоящий на служебной должности, совершает ежедневные подношения пяти хлебов в честь своего отца. Это подношение от его имени выполняет жрец, сын Анх-хор (*Ḥh-Hrw*). Сет наделяется следующими эпитетами: *Swth 3 phty z3 Nwt* – «Сет, великий силой, сын Нут».

«Малая стела из Дахлы» является очень показательным памятником, который демонстрирует, какие изменения стали происходить в развитии образа Сета начиная с III Переходного периода. Содержание стелы интересно прежде всего тем, что отражает почитание двух богов – не только Сета, но и Амона-Ра, о котором в тексте стелы упоминается несколько раз как о чтимом боге. Амон, равно как и Сет, являлся очень значимым божеством в оазисах – в Сиве и Бахарии он почитался как верховный бог [12. Р. 423–425], в Дахле наряду с Сетом являлся одним из верховных богов [12. Р. 435–437], а храм в Хибисе, в оазисе Харга, был посвящен непосредственно ему. Характерно, что это не первый памятник, где Сет и Амон (или Амон-Ра) оказываются связанными. В храме Сета в Омбосе [13. Pl. LXXIX] времени Нового царства, частично реконструированном при Рамсесе III, жрец Усер-хат (*Wsr-ḥ3t*) добавил дверную перемычку, на которой изображены Амон и Сет, сидящие спинами друг к другу, причем Сет изображен в двойной короне Верхнего и Нижнего Египта. Над ними помещено изображение крылатого солнечного диска, а под ними – изображение переплетенных нильских растений. Надпись с левой стороны: «[...] в Карнаке для *ка* этого, жреца Сета, Усер-хата, праведного голосом...» ([...] *m 1pt n k3 pn hm ntr n Stḥ Wsr-ḥ3t m3c ḥrw*...). Надпись с правой стороны: «Сет Омбосский, владыка Верхнего Египта, бог великий, владыка неба, чадо прекрасное Ра. Дает восхваление *ка* твоему, Сет великий силой...» (*Stḥ nbwt nb Sm3w ntr 3 nb pt sfy nfr r3c rdi i3w n k3.k Stḥ 3 phty*...). Таким образом, связь Сета с Амоном объясняется их

статусом государственных богов в период Нового царства. В оазисах эта связь сохраняла актуальность вплоть до греко-римского периода.

Другой памятник, где сообщается о наличии культа Амона-Ра и Сета, но уже в оазисе Харга, происходит предположительно из Фив. Это кубическая статуя, датирующаяся временем от Позднего периода до раннептолемеяского периода [14. Р.158–160]. Владелец статуи – Па-ди-имен-неб-несут-тауи (*P3-di-Imn-nb-nswt-t3wy*), который в числе прочего являлся жрецом Амона-Ра Южного (*hm(-ntr) Imn-R^cnsw-ntrw*) и Сета – жрец Сета в южных оазисах (*hm-ntr n Swth n wh3t-rsy*) и жрец жезла Сета (*hm-ntr n p(3) mdw n Swth*) в южном оазисе. Примечательно, что владелец статуи относился к фиванскому жречеству, как об этом сообщают надписи

на статуе, и занимался административными вопросами в качестве писца Амона (*sš Imn*), писца казны (*sš pr-hd*) и царского счетного писца в южном оазисе, в Хибисе (*wh3t-rsy Hb*), т.е. в оазисе Харга. Как отмечает Д. Клотц, наличие таких титулов у одного лица подтверждает существование тесных экономических связей между Фивами и оазисом Харга, которые были засвидетельствованы в период от XXX династии до раннептолемеяского времени [15. Р. 901–909]. Владелец статуи руководил хозяйственной деятельностью в оазисах, служа в качестве храмового писца Амона в Карнаке, и в то же время являлся жрецом Сета. Это свидетельствует о том, что культ Сета в оазисах имел официальный статус, в отличие от того процесса по вымещению его культа, который происходил в государстве.

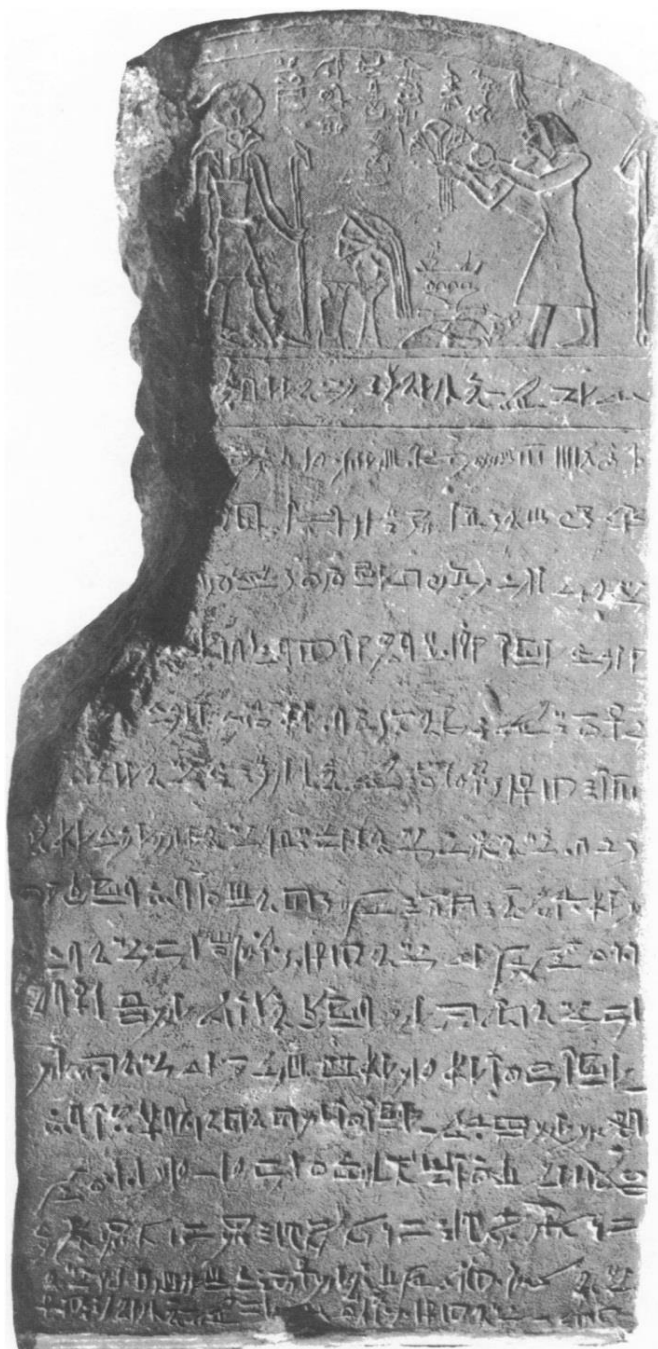

Рис. 1. «Малая стела из Дахлы»

Однако определенная трансформация культа Сета все же происходит, и это выражается в первую очередь в изменениях его иконографии, поскольку изображение на «Малой стеле из Дахлы» не совсем типично – помимо того что Сет изображается с головой сокола, над ним помещен солнечный диск, что указывает на связь Сета с солнечным культом. Эта связь не является случайной и получает особенное развитие в период Нового царства. Ближайшей иконографической аналогией является антропоморфное изображение Сета с солнечным диском на голове, помещенное на колонне, относящейся к гелиопольскому храму времени правления Мернептах, фараона XIX династии [16. Р. 84]. Фараон подносит Сету две вазы-*ни*. Сет держит в руках хопеш и скипетр-*и3б*, его эпитет – владыка XIX нома *W3bw*. Главная особенность этого изображения Сета, как и в случае со стелой из Дахлы, – помещение солнечного диска на его голове. Такая связь Сета с солнцем может объясняться особенностями развития его образа в период, предшествовавший эпохе Нового царства. Э. эль-Банна полагает, что распространение культа Сета в северо-восточной Дельте стало возможным после экспансии гиксосов, среди которых Сет пользовался особым почитанием [Ibid. Р. 83]. Однако о возможном наличии культа Сета до прихода гиксосов может свидетельствовать упоминание храма Сета в Гелиополе. От периода Среднего царства известен скарабей принца Ни-маат-ра (*Ny-m3ʿt-Rʿ*), на котором помещена следующая надпись: «Князь Гелиополя, Ни-маат-ра, в храме Сета» (*h3ty-ʿ n Twnw Ny-m3ʿt-Rʿ m hwt-ʿ3t Stḥ*) [Ibid. Р. 84]. Другое упоминание о храме Сета в Гелиополе относится к периоду Нового царства. В надписи на кубической статуе Хапи-ха (*Hʿpy-hʿ*) говорится: «...для *ка*, посвященного в тайны Гелиополя, надзирателя дома Ра, писца жертвенного стола, владыки обеих земель, жреца Хапи-ха, сына Небхотепа в доме Сета в (?) Гелиополе» (...*n k3 n snṯr ḥry sṣt3 n Twnw imy-r pr Rʿ-sṣ wdhw n nb t3yw ḥm-nṯr Hʿpy-hʿ z3 Nbw ḥtp n pr Stḥ m (?) Twnw*) [17. Р. 41:4].

Связь Сета с солнцем выражается также в том, что на стеле он изображен с головой сокола. До этого Сет в антропоморфном облике и с головой сокола изображался только однажды – на фаянсовой печати времени Нового царства, где он в двойной короне стоит в паре с Хором, также увенчанным двойной короной [18. Р. 40–41]. Оба божества заключены в картуш и стоят на знаке золота – *nbw*. Однако это не изображение на памятнике, а третье имя-титул, так называемое «золотое» имя египетского царя, поэтому изображение на стеле из Дахлы все же можно считать первым памятником, изображающим Сета с соколиной головой. Окончательная трансформация Сета в сокологолового бога на памятниках из оазисов происходит при XXVII династии. На рельефе из храма Хибиса в оазисе Харга времени правления Дария I [19. Pl. 43, 77:b] изображен сокологоловый Сет в двойной короне, в килте *šndyt* и с двумя крыльями, пронзающий копьем Апопа. Надпись, сопровождающая изображение, следующая: «Произнесение слов Сутехом, богом, великим силой, богом великим, находящимся в Хибисе. Сделал он даяние жизни подобно Ра, навечно» (*ḏd mdw n Swṯh nṯr ʿ3 pḥty nṯr ʿ3 ḥr-ib Ḥbt ir-n.f di ʿnh mi Rʿ ḏd*). Начиная с конца

III Переходного периода и вплоть до греко-римского времени в оазисах Сет изображается с соколиной головой [20. Р. 64]. Его культ по-прежнему сохраняет свое значение, но при этом «Сетово» животное оказывается окончательно вытесненным из оформления памятников. Кроме того, на всех рассмотренных памятниках, связанных с оазисами, имя Сета выписывается

как *S(w)th* в алфавитной форме, без детерминатива «Сетово» животного, которое присутствовало в написании имени Сета на более ранних памятниках, происходящих из оазисов. В основе вымещения животного Сета из изобразительной программы памятников могут лежать две причины, которые и обуславливали развитие образа Сета в указанное время. С одной стороны, происходила негативизация образа Сета, что вызывало изменение его статуса и приводило к запрету на изображение «Сетова» животного и попыткам избежать прямого написания имени Сета. Так, на победной стеле Пианхи Сет упоминается в положительной коннотации, но не прямо, а как сын Нут. Употребление эпитета *z3 Nwt* не является случайным, а связано с его применением к Сету в период Нового царства: «...сын Нут, дает он тебе руки свои» (...*z3 Nwt di.f n.k ʿy.f*) [21. S. 24:79]. В письменных источниках Позднего периода образ Сета демонизируется, а сам Сет подвергается воздействию различных магических практик. Это прежде всего такие тексты, как «Книга победы над Сетом» и «Книга отражения зла», и тексты, содержащие описание так называемого «ритуала четырех шаров» [22; 23. Р. 349–399; 24; 25]. С другой стороны, параллельно с процессом демонизации образа Сета актуализировалось представление о нем как об одном из двух богов-покровителей царской власти, имеющим, наряду с Хором, соколиную природу.

В оазисах утвердилась особая традиция почитания Сета как Сутеха. Сама форма написания имени *S(w)th* получила распространение с периода Нового царства как локальная (нижнеегипетская) форма почитания Сета [1. Р. 2–3]. Традиционными эпитетами Сета в период Нового царства стали: *nṯr ʿ3* («бог великий»), *ʿ3 pḥty* («великий силой»), *nb pt* («владыка неба»). Особое значение в контексте возвышения культа Сета приобретает эпитет *nṯr ʿ3* – «бог великий», который может употребляться по отношению к разным богам, но с древности связывался прежде всего с солнцем, что подчеркивает первоначальное употребление этого термина наряду с эпитетом *nb pt* – «владыка неба» [26. Р. 7]. Особое внимание стоит обратить на то, в какой форме выражается почитание Сета на «Стеле 400-го года» – памятнике Рамессидов, избравших Сета своим богом-покровителем: «...царя Верхнего и Нижнего Египта, великого силой, сына Ра, любимого его, Омбосского, любимого Ра-Хорахте, да существует вечно-вековечно... Сутех, сын Нут, великий силой в ладье миллионов лет, повергающий врагов перед ладьей Ра, великий ревом...» (...*nsw-bity Swṯh ʿ3 pḥty z3 Rʿ mry.f nbty mry Rʿ-Hrw 3ḥty wnn.f r nhḥ ḏt... Swṯh z3 Nwt ʿ3 pḥty m wi3 n ḥḥw ḥr ḥfty m-ḥ3t wi3 n Rʿ ʿ3 hmḥmt...*) [27. Р. 288: 6–7, 9–10]. С помощью эпитетов подчеркивается природа Сета (Сутеха) как бога-покровителя

царской власти и владыки Египта, который получает эту власть через свою связь с солнечным богом или посредством уподобления ему.

Таким образом, та форма, в которой выражается почитание Сета на «Малой стеле из Дахлы», демонстрирует проявление ипостаси его образа как солнечного бога. Это связано с той значимой ролью, которую приобрел культ Сета в эпоху Нового царства. В условиях негативизации образа Сета эта базовая ипостась оказалась затененной, но не забытой. В рамках культовой традиции оазисов происходит трансформация мотива связи Сета с солнцем, в ходе которой Сет как защитник Ра и покровитель царской власти приобрета-

ет Хоровы черты. Однако образ Сета был многоаспектным, и его иконографическое тождество с Хором объясняется представлением о нем как о крылатом боге неба и солнца, парным Хору. Эти качества Сета могли актуализироваться в определенные периоды египетской истории и способствовать процветанию его культа в оазисах в поздний период египетской истории, независимо от процесса демонизации его образа в официальной идеологии. По-видимому, такое разграничение двух ипостасей одного бога было необходимо ввиду укорененности традиции почитания культа Сета в Дахле и Харге и могло поддерживаться на государственном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Velde te H. Seth, God of Confusion. Leiden : Brill, 1967. XI + 168 p.
2. Soukiasian G. Une étape de la proscription de Seth // Göttinger Miszellen. 1981. Hf. 44. S. 59–68.
3. Fabre D. Le dieu Seth. De la fin du Nouvel Empire à l'époque gréco-romaine. Entre mythe et histoire // Egypte, Afrique & Orient. 2001. № 22. P. 19–40.
4. Smith M. The Reign of Seth: Egyptian Perspectives from the First Millennium B C E // Egypt in Transition: Social and Religious Development of Egypt in the First Millennium B C E / L. Bareš, F. Coppens, K. Smoláriková, eds. Prague : Czech Institute of Egyptology, Charles University in Prague, 2010. P. 396–430.
5. Porter B., Moss R.L.B. Topographical bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings. Oxford : At the Clarendon press, 1995. Vol. VII: Nubia, the Deserts, and Outside Egypt. 453 p.
6. Wagner G. Les oasis d'Égypte à l'époque grecque, romaine et byzantine d'après les documents grecs (recherches de papyrologie et d'épigraphie grecques) I. Le Caire : Bibliothèque d'Études, 1987. XXVI + 434 p.
7. Hope C.A., Capel O.E. Egyptian Interest in the Oases in the New Kingdom and a New Stela for Seth from Mut el-Kharab // Ramesside Studies in Honour of K. A. Kitchen / M. Collier, S. Snape, eds. Bolton : Rutherford, 2010. P. 219–236.
8. Hope C.A. Egypt and Libya: The excavation at Mut el-Kharab in Egypt's Dakhleh Oasis // The Artefact: the Journal of the Archaeological and Anthropological Society of Victoria. 2001. Vol. 24. P. 29–46.
9. Kaper O.E. Epigraphic Evidence from the Dakhleh Oasis in the Lybian period // The Libyan Period in Egypt, Historical and Cultural Studies into the 21st–24th Dynasties : Proceedings of a Conference at Leiden University, 25–27. October 2007 (Egyptologische Uitgaven 23) / G.P.F. Broekman, R.J. Demarée, O.E. Kaper, eds. Leiden : Netherlands Institute for the Near East and Louvain – Peeters Publishers, 2009. P. 149–159.
10. Hope C.A. Mut el-Kharab: Seth's city in Dakhleh Oasis // Egyptian Archaeology: the Bulletin of the Egypt Exploration Society. 2005. Vol. 27. P. 3–6.
11. Janssen J.J. The Smaller Dakhla Stela (Ashmolean Museum no. 1894.107b) // The Journal of Egyptian Archaeology. 1968. Vol. 54. P. 165–172.
12. Guérmeur I. Les cultes d'Amon hors de Thèbes: recherches de géographie religieuse. Brepols : Brepols Publishers, 2005. XI + 664 p. XXI pl.
13. Petrie W.M.F., Quibell J.E. Naqada and Ballas. London : British School of Archaeology in Egypt, 1895. X + 71p. LXXXVI pl.
14. Klotz D. A Theban Devotee of Seth from the Late Period – Now Missing: Hannover, Ex-Museum August Kestner, Inv. S. 0366 // Studien zur altägyptischen Kultur. 2013. Bd. 42. S. 155–180.
15. Klotz D. Administration of the Deserts and Oases: first millennium B.C.E. // Ancient Egyptian Administration (HdO 104) / J.C. Moreno Garcia, ed. Boston and Leiden : Brill, 2013. P. 901–909.
16. Banna el E. À propos de quelques cultes peu connus à Héliopolis // Annales du Service des Antiquités de l'Égypte. 1993. № 72. P. 83–94.
17. Bergmann E. Inedite inschriftliche Denkmäler der kaiserlichen Sammlung in Wien // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1882. Bd. 20. S. 36–43.
18. Rinsveld van B. Goden en godinnen van het Oude Egypte – Dieux et déesses de l'Ancienne Égypte. Bruxelles : Koninklijke Musea voor Kunst en Geschiedenis, 1994. 63 p.
19. Davies N. de G. The Temple of Hibis in Khargeh Oasis. Pt. III. The Decoration. New-York : The Metropolitan Museum of Art, 1953. XI + 36 p. 80 pl.
20. Kaper O.E. Temples and Gods in Roman Dakhleh: Studies in the Indigenous Cults of an Egyptian Oasis. Ph.D. Groningen : University of Groningen, 1997. 216 p.
21. Schäfer H. Urkunden der älteren Äthiopienkönige. Leipzig : J.C. Hinrichs., 1905. Heft 1: Urkunden des ägyptischen Altertums III. 152 S.
22. Schott S. Urkunden mythologischen Inhalts. Leipzig : J.C. Hinrichs, 1939. Heft 1: Urkunden des ägyptischen Altertums VI. 144 S.
23. Goyon J.-C. Textes mythologiques II. Les révélations du mystère des quatre boules // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1975. № 75. P. 349–399.
24. Altmann V. Die Kultfrel des Seth. Die Gefährdung der göttlichen Ordnung in zwei Vernichtungsritualen der ägyptischen Spätzeit (Urk.VI) Wiesbaden : Harrasowitz Verlag, 2010. XIV + 227 S. (Studien zur spätägyptischen Religion 1).
25. Fiedler N. Sprüche gegen Seth. Bemerkungen zu drei späten Tempelritualen. Ph.D. Heidelberg : Universität Heidelberg, 2011. 498 S. URL: <http://www.ub.uni-heidelberg.de/archiv/13643>
26. Берлев О.Д. Два царя – два солнца: к мировоззрению древних египтян // Discovering Egypt from the Neva: the egyptological legacy of Oleg D. Berlev / S. Quirke, ed. Berlin : Achet-Verlag, 2003. P. 1–18
27. Kitchen K.A. Ramesside Inscriptions. Oxford : B.H. Blackwell LTD, 1971. Vol. 2. XXXII + 928 p.

Karlova Ksenia F. Moscow State Regional University (Moscow, Russia); Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: kseniadom87@mail.ru

ON SOME ASPECTS OF THE VENERATION OF SETH IN THE OASES (ON THE EXAMPLE OF THE SMALLER DĀKHLA STELA)

Keywords: Seth; stela; oases; Dakhla; falcon-headed; sun-disk.

The article is devoted to some aspects of the image of Seth in the oases on the example of the smaller dākhla stela (Ashmolean museum no. 1894.107b) dating from the Third Intermediate Period (XXV Dynasty). The text of stela informs that a certain official in the oases, called Ta-bia (T3-bi3), donated in a temple a daily offering of five breads in favour of his father. In this top register, on the left, is a representation of the falcon-headed god Setekh with a sun-disk on his head. In front of him are the words: *Swth 3 phty z3 Nwt* – «Utterance by

Setekh, great of strength, the son of Nut». Seth (Setekh) is here a principal god, because he was the lord of the oases. The image of Seth on the stela is untypical – he is represented as the falcon-headed god with a sun-disk. This unusual image of Seth is associated with the evolution of his image since the New Kingdom. The closest iconographic analogy is the anthropomorphic image of Seth with a sun-disk on his head that placed on a column of temple of Heliopolis of the reign of Merneptah, the pharaoh of the XIX dynasty. This connection between Seth and sun can be explained by the existence of Set's cult in Heliopolis. This is evidenced by a scarab of Ny-maat-ra (Ny-m³t-R⁷) (Middle Kingdom) and cube statue of Hapi-ha (H⁷py-h⁷) (New Kingdom) where is mentioned the temple of Seth in Heliopolis. The image on the dākhla stela can be considered also as the first monument where is depicted a falcon-headed Seth. Until then falcon-headed Seth was depicted only once – on the faience seal of the time of the New Kingdom, where Seth in a double crown stands paired with Horus, also crowned with a double crown. But this is not an image on the monument, but the third name-title, the so-called «Golden» name of the Egyptian king. From the early dynastic period Seth was a patron of king's power what made him a pair of Horus. Through this connection with Horus and the royal power, Seth could be given the falcon features. The final transformation of Seth into a falcon-headed god on monuments from oases take place during the XXVII dynasty. On the relief from the temple of Hibis in the oasis of Kharga (XXVII Dynasty) Seth appears with falcon's head in a double crown and with two wings. He wields a spear against serpent Appophis. At the end of the Third intermediate period and until the Ptolemaic period Seth in oases is represented only as falcon-headed god. The name of Seth is written as S(w)th without Seth animal appears in the hieroglyphs. During the XXV Dynasty the iconography of Seth in Dakhleh underwent some changes as a result of official policy in the Nile Valley. The Seth animal no longer used, neither as a hieroglyph nor in the iconography of the god.

REFERENCES

1. Velde, te H. (1967) *Seth, God of Confusion*. Leiden: Brill.
2. Soukiasian, G. (1981) *Une étape de la proscription de Seth*. Göttinger: Miszellen. pp. 59–68.
3. Fabre, D. (2001) Le dieu Seth. De la fin du Nouvel Empire à l'époque gréco-romaine. Entre mythe et histoire. *Egypte, Afrique & Orient*. 22. pp. 19–40.
4. Smith, M. (2010) The Reign of Seth: Egyptian Perspectives from the First Millennium BCE. In: Bareš, L., Coppens, F. & Smoláriková, K. (eds) *Egypt in Transition: Social and Religious Development of Egypt in the First Millennium BCE*. Prague: Czech Institute of Egyptology, Charles University in Prague. pp. 396–430.
5. Porter, B. & Moss, R.L. (1972) *Topographical bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Reliefs and Paintings*. Vol. VII. Oxford: Clarendon Press.
6. Wagner, G. (1987) *Les oasis d'Égypte à l'époque grecque, romaine et byzantine d'après les documents grecs (recherches de papyrologie et d'épigraphie grecques)*. Le Caire: Bibliothèque d'Études.
7. Hope, C.A. & Caper, O.E. (2010) Egyptian Interest in the Oases in the New Kingdom and a New Stela for Seth from Mut el-Kharab. In: Collier, M. & Snape, S. (eds) *Ramesside Studies in Honour of K.A. Kitchen*. Bolton: Rutherford. pp. 219–236.
8. Hope, C.A. (2001) Egypt and Libya: The excavation at Mut el-Kharab in Egypt's Dakhleh Oasis. The Artefact. *The Journal of the Archaeological and Anthropological Society of Victoria*. 24. pp. 35.
9. Kaper, O. E. (2009) Epigraphic Evidence from the Dakhleh Oasis in the Libyan period. In: Broekman, G.P.F., Demarée, R.J. & Kaper, O.E. (eds) *The Libyan Period in Egypt, Historical and Cultural Studies into the 21st – 24th Dynasty*. Leiden: Netherlands Institute for the Near East and Louvain – Peeters Publishers. pp. 149–159.
10. Hope, C.A. (2005) Mut el-Kharab: Seth's city in Dakhleh Oasis. *Egyptian archaeology: The Bulletin of the Egypt Exploration Society*. 27. pp. 3–6.
11. Janssen, J.J. (1968) The Smaller Dakhla Stela. *The Journal of Egyptian Archaeology*. 54. pp. 165–172.
12. Guerneur, I. (2005) *Les cultes d'Amon hors de Thèbes: recherches de géographie religieuse*. Brepols: Brepols Publishers.
13. Petrie, W.M.F. & Quibell, J.E. (1895) *Naqada and Ballas*. London: British School of Archaeology in Egypt.
14. Klotz, D. (2013) A Theban Devotee of Seth from the Late Period – Now Missing. Hannover, Ex-Museum August Kestner, Inv. S. 0366. *Studien zur altägyptischen Kultur*. 42. pp. 155–180.
15. Klotz, D. (2013) Administration of the Deserts and Oases: first millennium B.C.E. In: Moreno Garcia, J.C. (ed.) *Ancient Egyptian Administration (HdO 104)*. Boston and Leiden: Brill. pp. 901–909.
16. Banna, el E. (1993) À propos de quelques cultes peu connus à Héliopolis. *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*. 72. pp. 83–94.
17. Bergmann, E. (1882) Inedirte inschriftliche Denkmäler der kaiserlichen Sammlung in Wien. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 20. pp. 36–43.
18. Rinsveld, van B. (1994) *Goden en godinnen van het Oude Egypte – Dieux et déesses de l'Ancienne Égypte*. Bruxelles: Koninklijke Musea voor Kunst en Geschiedenis.
19. Davies, N. de G. (1953) *The Temple of Hibis in Khargeh Oasis*. Pt. III. New-York: The Metropolitan Museum of Art.
20. Kaper, O.E. (1997) *Temples and Gods in Roman Dakhleh: Studies in the Indigenous Cults of an Egyptian Oasis*. Ph.D. Groningen: University of Groningen.
21. Schäfer, H. (1905) *Urkunden der älteren Äthiopienkönige*. Heft 1. Leipzig: J.C. Hinrichs.
22. Schott, S. (1939) *Urkunden mythologischen Inhalts*. Heft 1. Leipzig: J.C. Hinrichs.
23. Goyon, J.-C. (1975) Textes mythologiques II. Les révélations du mystère des quatre boules. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 75. pp. 349–399.
24. Altmann, V. (2010) *Die Kultfrevl des Seth. Die Gefährdung der göttlichen Ordnung in zwei Vernichtungsritualen der ägyptischen Spätzeit (Urk.VI)* (Studien zur spätägyptischen Religion 1). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag.
25. Fiedler, N. (2011) *Spprüche gegen Seth. Bemerkungen zu drei späten Tempelritualen*. Ph.D. Heidelberg: Universität Heidelberg. [Online] Available from: <http://www.ub.uni-heidelberg.de/archiv/13643>. (Accessed: 23rd September 2018).
26. Berlev, O.D. (2003) Dva tsarya – dva solntsa: k mirovozreniyu drevnikh yegiptyan [Two kings – two suns: to the worldview of the ancient Egyptians]. In: Quirke, S. (ed.) *Discovering Egypt from the Neva: the egyptological legacy*. Berlin: Achet-Verlag. pp. 1–18.
27. Kitchen, K.A. (1971). *Ramesside inscriptions*. Vol. 2. Oxford: B.H. Blackwell LTD.

УДК 947 (470.11) + 39 (470.11)
DOI: 10.17223/19988613/58/22

А.Б. Пермиловская

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБРЯДНОСТЬ СЕВЕРНОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания по научной теме № 0409-2018-0147 «Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этно-социальной динамике Европейского Севера и Арктики».

На основе 34 архитектурно-этнографических экспедиций, архивных и музейных источников проанализированы строительные традиции и плотницкое мастерство северного деревянного зодчества. По мнению автора, в XVII–XIX вв. на Русском Севере сформировалась уникальная строительная культура, включавшая в себя технические и художественные способы обработки дерева. Делается вывод, что семантика строительной обрядности выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне Севера оберегали свои сакральные ценности. Большое значение для строительства имел выбор деревьев, он определялся бытовыми, прагматическими свойствами в сочетании с мифопоэтическими и христианскими представлениями о жизни как конкретного человека, так и социума.

Ключевые слова: строительная обрядность; плотницкое мастерство; священные деревья; Русский Север; Арктика.

История русской деревянной архитектуры в значительной степени является историей деревянного зодчества Европейского (Русского) Севера. В исследовании автор исходит из синонимического значения: Русский и Европейский Север [1. С. 57–59]. Арктическое побережье, с древних времен заселенное русскими поморами и коренными малочисленными народами Севера, входит в состав Русского Севера. В рамках данного исследования нужно оговорить, что в современной науке при определении южных границ Арктики учеными наряду с политико-правовым и административным подходами широко используются также физико-географический, биоклиматический, культурно-этнический подходы. Согласно Указу Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 Российская Арктика включает следующие территории Архангельской области: Мезенский, Приморский, Онежский районы, Новую Землю, города Архангельск, Новодвинск, Северодвинск. Поморская культура – русский вариант морской культуры в Арктике [2].

«Страной зодчих» называл Русский Север И.Э. Грабарь. Эта метафора точно характеризует высокую крестьянскую строительную культуру. «Чутье пропорций, понимание силуэта, декоративный инстинкт, изобретательность форм – словом, все архитектурные добродетели встречаются на протяжении русской истории так постоянно и повсеместно, что наводят на мысль о совершенно исключительной архитектурной одаренности русского народа. И если бы у кого-нибудь могло возникнуть сомнение насчет возможности приписывать эти свойства народу, среди которого работало так много иностранцев, то достаточно указать на Русский Север с его деревянным зодчеством, созданным исключительно русскими мастерами. Самобытность его форм не может вызывать никаких сомнений... И до сих пор дерево там единственный строительный материал, и поэтому на Русском Севере можно составить себе несравненно более близкое представление о внешнем

облике деревянной Руси былых времен, нежели в центральных губерниях, в которых дерево давно уже вытеснено камнем. Человек, бывший на Севере, ездивший по Северной Двине, Онеге, Мезени или по Олонецким озерам, на всю жизнь сохраняет воспоминание об этих сказочно прекрасных церквях-грезях, поднимающихся то тут, то там среди густого елового леса» [3. С. 4–11].

Издавна на Руси плотничать умел каждый крестьянин. Древесина была универсальным материалом. Сосна, ель, лиственница, осина – каждая порода обладала присущими только ей свойствами и особенностями, цветом, строением, которые хорошо знали и учитывали при обработке мастера. В дело шла не только древесина, но также луб, корни, кора молодой берёзы – береста. Народные зодчие ценили качества древесины как строительного материала, ее обилие и дешевизну, способность сохранять в доме тепло, сравнительную долговечность и, наконец, «спорость» – возможность возводить деревянные строения в короткие сроки и практически в любое время года. Конечно, век деревянных строений был короче, чем каменных, жилые постройки стояли не более 200 лет, культовые – 400 лет. Плотницкое ремесло требовало больших знаний, опыта и таланта. При строительстве мастера обходились небольшим количеством инструментов, основным из которых был топор. Топором плотник мог сделать практически все, недаром говорились: «Дай крестьянину топор, и он починит даже часы».

Большое внимание семантическому статусу топора в жизни северного крестьянина уделено в русской фольклорной традиции, в частности в пословицах и поговорках В.И. Даля: «Без топора не плотник, без иглы не портной. С топором весь свет пройдеши. Топор всему голова» [4. С. 784]. Поэтому не случайно плотников в Древней Руси называли «рубленниками». Именно это название использовалось для определения роли искусных новгородских ушкуйников, которые

были не только воинами и торговцами, но и замечательными плотниками. Высокая плотницкая культура Русского Севера берет свои истоки в плотницкой традиции Древнего Новгорода. Уже в начале XI в. новгородские «топорные» плотницкие артели славились на всю Русь. В Новгородской летописи 1016 г. зафиксирован эпизод при встрече ратей: «...воевода Святполчъ именем Волчий хвост езда подле реку, укоряти нача новгородци: почто прийдосте с хромчем тем? А вы плотнице суще, а пиставим вы хором рубити» [5. С. 22–23].

Даже в XIX в. топором производилось около 90% всех строительных работ: тесались бревна, вырубались в них чаши для связи конструкций сруба, тесались доски кровли, которые так и назывались «тес», а также выполнялись декоративные элементы. Форма древнерусского топора сохранилась до XIX в. Плотницкий топор имел широкое овальное лезвие и по конструкции напоминал секиру. Топорище – длинное и прямое, на конце утолщенное, чтобы не выскальзывало из рук. Длина топорища зависела от роста плотника и поэтому была различной [6. С. 7–9]. В архивных материалах XVII в. можно встретить описание различных типов топоров: «широких», «мастерских», «дровосечных» для рубки дров. По размерам их подразделяли на «большой», «средней» и «малой руки», а по форме все топоры были примерно одинаковыми [7. С. 46, 48]. При строительстве использовали только рубленый, а не пиленный лес, хотя пила на Руси была известна с глубокой древности.

В документах XVI–XVII вв. сведения об употреблении ручных пил встречаются довольно часто, распиловка бревен в то время называлась «перетиркой» дерева. Использовались пилы «большие», «одноручные», «двуручные». Однако этот инструмент не получил широкого распространения, так как давно было замечено, что пиленые доски и бревна легко впитывают влагу, быстрее разбухают и гниют. Рубленые конструкции были долговечнее: от удара топора поры бревна становились как бы закупоренными. Отсутствие пилы в строительной культуре можно проследить повсюду. Выходящие концы бревен не отпилены, а обрублены, но обрублены так мастерски, что на первый взгляд они кажутся отпиленными. Между тем поперечная рубка, т.е. перпендикулярная слою дерева, самая трудная. Все брусья и доски галерей, крылец, а также косяки окон и дверей, доски потолка, пола и крыши обтесаны одним топором. Приготовить из срубленного бревна простую доску составляло немалый труд, нужно было посредством клиньев расщепить бревно на слои и затем обтесать каждый слой со всех сторон. Слово «тес» нужно понимать в буквальном смысле, да и слово «доска» происходит от одного корня: «дска, тска, цка» [8. С. 171].

Кроме топора в набор плотницких инструментов входили скобель для ошкуживания бревен, тесло для выемки пазов, долото и просека для пробивания отверстий в бревнах и брусках. При строительстве использовали также молоток, кувалду, циркуль и черту. Применявшийся в деревянном зодчестве инструмент был хорошо закален и наточен. Употребляли также довольно разнообразный ассортимент гвоздей и ско-

бяных изделий. Но их стоимость была довольно высока, поэтому крестьяне применяли деревянные гвозди – «нагели», или использовали минимальное количество железных гвоздей.

С конца XIX в. кроме перечисленных инструментов в крестьянском строительстве для ошкуживания бревен и досок стали применяться рубанок, фуганок и др. На рубеже XIX–XX вв. прослеживается различие между инструментами рядового плотника и квалифицированного мастера, который работал по строительным подрядам. Последний наряду с плотницкими работами выполнял более тонкую столярную отделку, декоративное убранство крестьянских домов [1. С. 124–125].

«Деревянное зодчество растет и развивается в лесной стране, а таковой издревле и поныне является Русский Север. Обитатели этого края с малых лет знакомились с плотницким делом» [3. С. 336]. Северные плотники не знали себе равных по мастерству. Об этом свидетельствует то, что их приглашали для работы в столицы и другие города России. В 1724 г. «приехал на Двину к городу Архангельскому для набора плотников капитан Преображенского полка». В 1712 г. Петр I вызвал из Архангельска 250 лучших плотников. Среди северных плотников лучшей славой специалистов своего дела пользовались плотники Двины, Ваги, Каргополья, Мезени, Сольвычегодска, Вятки. Уже с XVI в. существовали артели плотников, которые подражались на различные работы. Многие деревенские плотники, например из Тотемского уезда, готовили срубы изб и детали построек для продажи и сплавляли их в города на плотах. На торжках и ярмарках продавались целые дома, а также «курицы», «скала» (береста), «дранницы» (дранка) [9. С. 58–70].

Уже в Древней Руси существовали специальные «щепные базары», где продавали в разобранном виде дома, амбары, бани. Эта традиция сохранялась на Русском Севере, где плотницкое мастерство и строительная обрядность имели глубокий культурный смысл с явным сакральным вектором.

Заготовки для домов продавались на ярмарках. Все бревна были плотно пригнаны друг к другу, оставалось лишь собрать их на новом месте и проконопатить, что занимало не более двух дней. Мох для конопатки срубов, измерявшийся связками и возами, продавался здесь же. В лесном ряду можно было приобрести и отдельные части зданий: потоки, дверные и оконные колоды, декоративные элементы.

О высоком уровне организации плотницких работ свидетельствует также распространение на Руси «обыденных церквей», т.е. церквей, строившихся по обету «во один день». Подобный подход к строительству заключал в себе глубокую сакральную семантику. Обыденность несет в себе временную ограниченность: на изготовление определенного предмета (чаще всего им выступало полотенце) отпускается один день или одна ночь. Среди этих ритуальных символов особое значение в контексте нашего исследования имеет строительство «обыденных» храмов и часовен. От начала их постройки и до освящения должны пройти только один день и одна ночь (одни сутки), но с соблюдением всего технологического процесса.

В семантике «обыденности» заложен признак спрессованного времени. В знаковости временной шкалы основными являются макроединицы – век, год, день. Именно такое время занимают описанные тексты или воспроизводимые в ритуале события. Однако в реальности текста и ритуала время спрессовывается в масштабе «день за год». Это характерно для магических ритуалов охранительного характера. Компрессия времени является главным магическим приемом действий по изготовлению обыденных, в один день или одну ночь, предметов – полотна, рубахи, полотенца, креста, часовни, храма [10, С. 109–110, 126.]. «В севернорусской народной медицине используются и другие обыденные вещи, например пиво, творог» [11. С. 100.].

Существовали обыденные (и посему – деревянные) церкви различного времени: год, 23, 25 и 40 лет, иные и более 150 лет. Конечно, это требование обуславливает простоту (если не примитивность) архитектуры храма / часовни и, возможно, его относительную недолговечность. Позднее такие деревянные «обыденные» храмы заменялись каменными с сохранением названия «обыденный». Д.К. Зеленин называет этот обычай чисто историческим: «Но живые свидетели, обязанные ему своим существованием, стоят целы и невредимы до наших дней и служат нам живой летописью. Таковы “Илья Обыденный” в Москве, Спасопробоинский обыденный храм в Ярославле, “Спас Обыденный” в Вологде, “Екатерининская обыденная церковь” в селе Екатерининском, что на реке Вятке, в Слободском уезде Вятской губернии... Величина указанной вятской церкви около полутора квадратных сажен; престолом ее служит простой пенек; царские врата – две простые доски, привязанные веревками» [12. С. 1–20.].

Техническая возможность скоростного строительства обыденных церквей и часовен свидетельствует о высоком уровне плотницкого мастерства на Руси. В военное время строительство деревянных оборонительных сооружений могло занимать один месяц. Примером этому служит постройка во время войны с Казанским ханством деревянного города Свияжска с крепостными стенами, башнями, церквями. Для этого зимой 1550–1551 гг. в лесах вблизи города Углича была произведена заготовка и пробная сборка этого деревянного города-крепости. Затем все части были тщательно помечены, в разобранном виде сплавлены на плотах по Волге за 1 000 км от города Углича к устью р. Свияга. Здесь на территории 150 га в течение четырех недель совершенно неожиданно для татар были воздвигнуты укрепления для наступательных операций русских войск при взятии Казани.

В XIV в. в течение нескольких месяцев ставились огромные деревянные кремли в Москве, Серпухове, Твери. На Русском Севере, в низовьях Северной Двины, мы находим примеры «путешествующих» деревянных церквей: из д. Орлец в Панилово перевезли Никольскую церковь; в начале XVIII в. в Кузнечевской слободе Архангельска собрали две гарнизонные церкви, вывезенные из с. Холмогоры; в середине XVIII в. из Холмогор продали церковь в с. Конецдворье. Домик Петра I в Архангельске несколько раз «менял прописку», пока не был включен в состав музея

Коломенское. Своеобразная «монтажность» бревенчатых срубов не только делает возможной перевозку деревянных построек, но и всемерно облегчает ее техническую сторону. Подтверждением этому является успешное путешествие в 1973 г. деревянной Михайло-Архангельской часовни из Кировской области в Париж: разобранная на родине и собранная на Елисейских полях под руководством известного архитектора Б.В. Гнедовского деревянная часовня стала ведущим экспонатом международной выставки, после чего успешно возвратилась на родину [13. С. 71–72.]. Создание значительного количества музеев под открытым небом также стало возможным за счет удивительной монтажности деревянных построек.

Конструктивно деревянные сооружения представляли срубную систему. Бревна связывались между собой в венцы. Наибольшее распространение получили типы рубок: «в обло» – с остатком на концах (это наиболее архаичный и простой способ соединения), «в лапу» – без остатка на конце сруба, такой способ появился в более позднее время, был более экономичен. Последний способ использовался чаще при строительстве культовых построек. На Русском Севере повсеместно получила распространение безгвоздевая конструкция кровли «по потокам и курицам». Минимальное количество гвоздей использовалось для прибивания декоративных досок – причелин, полотенца, наличников.

В XVII–XIX вв. на Русском Севере сформировалась высокая строительная культура со своими техническими и художественными способами обработки дерева. Строительные традиции в культовом зодчестве достигли своего расцвета в XVII–XVIII вв., в гражданской архитектуре к середине–концу XIX в. Высокая строительная культура Русского Севера берет свои истоки в плотницкой традиции Древнего Новгорода.

В традиционной культуре дерева, используемые для строительства, имели особый сакральный статус. Семантика строительной обрядности выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне Русского Севера оберегали свои сакральные и ритуальные ценности и своеобразие традиционной народной культуры, ее связь с окружающим миром. Дерево – один из основных элементов традиционной картины мира, моделирующий ее пространственный и временной образы.

Мировое дерево (древо жизни) в славянской мифологии – мировая ось, центр мира и воплощение мироздания в целом. Крона мирового дерева достигает небес, корни – преисподней. В заговорах мировое дерево помещается в центре мира, на острове посреди океана («пуповине морской»), где на камне Алатыре стоит «булатный дуб» или другое священное дерево: кипарис, береза, яблоня. Мировое дерево соединяет и воплощает не только пространственные (вертикальные и горизонтальные), но и временные координаты мира. Например, загадка «Стоит дуб, на дубу 12 сучьев, на каждом сучке по 4 гнезда» отражает год, 12 месяцев, 4 недели [14. С. 299–300.].

В традиционной культуре образ дерева использовался в свадебном и похоронном обрядах, при возве-

дении нового дома – в обряде строительной жертвы (обрядовое дерево помещалось в центр планируемой постройки) вплоть до позднейших обычаев устанавливать рождественскую новогоднюю елку и др. [14. С. 300]. Следы культа деревьев можно обнаружить в Библии: «И насадил Авраам при Вирсавии рощу и призвал там имя Господа. Бога вечного» [15. С. 62]. Дерево в традиционной картине мира выступает в функции универсального медиатора, посредством которого человек (бог, святой, демон, смерть, душа, хтоническое существо) попадает в мир людей и покидает его, перемещаясь на небо, в потусторонний мир, на тот свет [14. С. 133].

Существует корпус исторических преданий и легенд о выборе места для храма на Русском Севере. Часто этот выбор определялся с помощью гаданий. В ритуале использовались живые священные животные (конь) и предметы (дерево, икона, крест, свеча), имевшие сакральный статус в традиционной крестьянской культуре и обладающие высокой степенью семiotичности. Религиозно-мифологическая семантика выбора места строительства храма с помощью священного животного (коня), дерева и иконы отражена в легендах об основании церквей в д. Владимирской и д. Паданы (Карелия). «Крестьяне д. Владимирской долго бесплодно спорили о месте, где поставить церковь. Не раз сходились они для обсуждения этого вопроса и не раз расходились с враждою в сердце друг против друга. И этому не было бы конца, если бы неожиданно не появился созревший на этот случай в чьей-то крестьянской голове такой план: запрячь молодого неезженого жеребца в сани, направить в лес, вырубить там строевое дерево, положить дерево на сани и пустить жеребца на свободу: где он остановится – на том месте и быть церкви». В д. Паданы Медвежьего района Карельской АССР «...лошадь запрягали на дровни, на дровни клали бревно, ставили икону и пустили лошадь, а где она встала, там и церковь строили» [16. С. 41].

Большое значение для строительства дома имел выбор деревьев не только в практическом, но и в сакральном значении. Существовали деревья, которые нельзя было использовать для строительства. К ним относилась большая группа «священных деревьев». Священными считались как отдельно стоящие деревья, так и целые «священные рощи», особенно часто встречаемые на Русском Севере. Они росли на месте разрушенной церкви, часовни или на кладбище [17. С. 28]. Священные рощи как культовые места сохранились в XIX–XXI вв. Это участки леса, состоящие из очень старых деревьев; иногда они были обнесены оградой, внутри которой помимо деревьев находились святыни: часовня, крест, особо почитаемое дерево, дерево с явленной на нем иконой, целебный источник. Сюда приходили лечиться, пить воду, молиться. При этом оставляли на деревьях вблизи источников, на иконах и крестах одежду, ткань, ленты, деньги и другие приношения. Здесь же совершались крестные ходы в праздники, особенно в дни освящения местных часовен. Рощи считались неприкосновенными. В такой священной роще нельзя было не только рубить деревья, но и просто сломать ветку, а нарушивших запреты

настигали наказания, рассказы о которых формировали корпус местных легенд.

В Ошевенской слободе Каргопольского района сохранился ряд священных деревьев, которые расположены у источников; как правило, это были деревья с какими-либо аномалиями. Например, на берегу оз. Валдово стоит раздвоенная сосна, на которой развешана одежда; по существу, это дерево выполняло функции обетного креста и несло человеку избавление от болезней [18. С. 15].

Сакральный статус имели некоторые «придорожные» деревья и рощи. Многие из них отмечали границу своей территории, располагаясь за околицей селения, у дороги или на перекрестке дорог. В Заонежье и на Каргополье у развилки и перекрестков стояли «дорожные» деревья, преимущественно сосны и ели, с которыми были связаны особые верования и обряды. Дорожная сосна у начала большой дороги за д. Мягрозера – это старое дерево с дуплом, в котором находился крест, а прежде была икона. Помолвившись, путники оставляют в дупле монеты или тряпочки или развешивают куски материи на ветвях сосны [19. С. 275; 20. С. 64]. У дороги на Почозера Плесецкого района (Кенозера) стоит большая многоствольная «придорожная» сосна с обетными приношениями. Деревья в некоторых регионах сажали у дорог по случаю рождения ребенка. На Кенозере зафиксирован обычай – сажать ель, если родится мальчик, иву – если девочка. Деревьям рябины и можжевельника («вереса») поверья приписывали особое свойство открывать человеку дорогу, выводить из леса, когда заблудится.

Запрет что-нибудь брать у священных колодцев, деревьев, камней, часовен мотивировался неминуемым наказанием за святотатство. Старые большие деревья, растущие в деревнях или в непосредственной близости от них и почитаемые неприкосновенными, служили местом сбора во время больших празднеств. Здесь водили хороводы и устраивали игры, жгли обрядовые костры, отсюда начинались обрядовые процессии и ритуальные обходы дворов.

К специфической категории следует отнести так называемые «буйные» деревья. «Им приписывались особые свойства – разрушительная сила, скрытая и тайная, угадать и указать которую могут лишь одни колдуны. Такое дерево, с корня срубленное и попавшее между двумя бревнами в стены избы, без всяких причин рушит все строение и обломками давит насмерть неопытных и недогадливых хозяев. Даже щепка от таких бревен, положенная со зла лихим человеком, ломает и разрушает целые мельницы» [21. С. 287]. По отношению к «буйным» деревьям существенными для их смысла могли оказаться такие значения слова «буй», как «церковная ограда», «кладбище», «межа», «грань» [22. С. 41–43], «погост», – место, где стоит церковь, с пониманием их общей негативной семантики как границы.

К «буйным», нечистым деревьям относилась осина. Природные свойства осины, ее практическая непригодность, а также тяготеющее над ней проклятие (по христианскому преданию на осине повесился Иуда-предатель) немало способствовали своеобразному

«избранничеству» этого дерева в славянской и русской традиционной культуре и фольклоре. На Русском Севере в большом почете у пастухов были осиновые барабаны, звуки которых в лесу помогали пастуху держать все стадо поблизости и при необходимости быстро собрать его. Для изготовления такого барабана выбирали осину из самых густых зарослей на болоте; делали барабан ночью при свете костра, разведенного из осиновых поленьев. Считалось, что использование осинового барабана угодно лешему и другой нечистой силе, обитающей в лесу и на болотах. Это скрепляет договор пастуха с лешим и одновременно усиливает магические свойства самого инструмента. При таком отношении к осине становятся понятными касающиеся ее бытовые предписания и запреты. «Грешное» дерево запрещалось вносить в дом и даже сажать вблизи человеческого жилья, иначе в нем поселятся черти и будут буйствовать. В доме внезапно станет биться посуда, будут слышаться беспричинные звуки, буря снесет крышу, из стен начнут выпадать бревна [23. С. 116]. Запрещалось использовать при строительстве, рубить очень старые деревья, которые, по поверьям, должны были умереть своей смертью. Непригодным считалось дерево, на котором ворон свил гнездо, и любое бревно с места пожара (для предохранения будущего дома от пожара) [24. С. 80].

На Русском Севере в XIX – начале XX в. существовала традиция не сажать деревья около дома. Местные жители считали, что ветви деревьев закрывают окна избы от солнца, т.е. от тепла и света, которые так ценились на Севере.

Кроме того, ради благополучия дома и его обитателей существовал обычай, запрещающий сажать деревья вблизи дома, чтобы не вымерла семья: «...у дома куст – настоится дом пуст» [14. С. 118]. Также в этом ритуальном контексте нужно сказать о другом запрете, связанном с деревьями, который получил распространение в средней полосе России, а позднее и на Севере, – не использовать при строительстве деревья, выращенные человеком и находящиеся в пределах усадьбы. Дерево, посаженное около дома, воплощает идею непрерывности рода, как и сам дом: если что-то одно перестает существовать, другой объект отчасти компенсирует утрату.

К малоизученным явлениям культуры прибалтийско-финских народов относится феномен дерево-знака «карсикко». Сам термин происходит от карельского *karsie* – «обрубать ветки, карзать». Карсикко – это преимущественно хвойное дерево с ветками, обрезанными определенным образом. У него обрублена вершина, после чего на хвойном дереве, как правило, вырастает две или три верхушки. Дерево имеет затесанный или зарубленный ствол. Затес может быть площадкой, поверхностью, на которой вырезаются другие знаки, например родовые или семейные клейма, знаки собственности, инициалы и даты. Или же зарубка может иметь свою форму: изображение человеческого лица, птицы.

Дерево-знак карсикко делали по десяткам поводов – от смерти родственника до удачной рыбалки и охоты. В местах погребения появлялись целые рощи обруб-

ленных деревьев. Карелы приходили туда поклониться духам предков, а заодно приносили разные жертвенные подношения. Дерево-знак используется в ритуалах жизненного цикла человека, а также в календарной и промысловой обрядности как символ духа-охранителя. Карсикко в обрядности представляет собой ипостась мирового дерева с функциями оберега и медиатора между мирами, маркируя сакральные границы.

По мнению ведущего специалиста по этой теме А.П. Конкка, это явление фиксируется в финно-карельском пограничье, в таежной зоне от Северной Швеции и Норвегии до Уральских гор и генетически восходит к культуре финно-угорских сообществ лесных охотников и рыболовов. Экспедиционными исследованиями были зафиксированы сходные явления на Верхней Вычегде и Мезени. В Архангельской области это районы НП «Кенозерский» (Плесецкий район). В Котласском и Вилегодском районах были собраны данные по корсикко у русского населения на «святых» местах и обнаружена развитая традиция вырубания деревьев-знаков на кладбищах и в церковных рощах. А.П. Конкка во время экспедиционного обследования зафиксировал это явление у южных вепсов, тихвинских карел (Ленинградская область), в арктической культуре поморов Поморского, Карельского и Кандалакшского берегов Белого моря [25. С. 10]. Нанесение знака, метки, изменение природного состояния объекта переводит карсикко в область культуры. Здесь проявляется адаптивная функция традиционной этнической культуры (финно-угорской, севернорусской) обеспечивать приспособление человека к окружающей среде, выполняя защитно-сакральную миссию. Карсикко делается в ситуациях кризиса, нарушения обычного хода и состояния вещей. Карсикко кроме защитной и охранной функции одновременно выполняет роль медиатора между мирами.

Например, в похоронной обрядности «дерево-знак служило местом привязки бродячей души умершего, местом ее обитания и одновременно инструментом для ее будущего возрождения» [Там же. С. 16]. В связи с пограничным характером дерева-карсикко (дерево как знак границы) выделяется несколько территориальных локусов для его местоположения: «гора, мыс, остров, линия берега, опушка леса, надпорожье, росстань, лесная (промысловая) изба, кладбище и его окрестности, отдельное захоронение, жертвенная роща, культовое место (например, территория «священного» родника) [Там же. С. 14].

На этих культовых местах, кладбищах в попытке нейтрализации православием сакральной силы языческих символов могли быть поставлены и деревянные кресты. Во время экспедиционного обследования уникального исторического поселения с. Кимжа Мезенского района (2004–2007) автором исследования было обнаружено и введено в научный оборот именно такое сакральное место. Оно находится в районе кладбища в Белой Виске. «Виска» означает протоку между озерами, в данном случае это расстояние между Белым озером и р. Кимжа. Это сакральное место для жителей Кимжи. Здесь протекает Чертов ручей. «Это было страшное место. Люди его боялись, пугались, здесь какая-то

дьяволица виделась. Детей туда не пускали. Поэтому люди поставили здесь обетный крест» (рис. 1) [26].

Крест «спрятан» между старыми елями и не виден с расположенной рядом дороги. С одной стороны – лес, с другой – сенокосные угодья. В качестве места установки выбрана необычная многоствольная ель с четырьмя стволами и обрубленными нижними ветками. Автором была зафиксирована именно такая ель в 2004 г. В настоящее время осталось два ствола, остальные высохли и аккуратно обрезаны. Между ними расположен крест без перекладины, вероятно, она была утрачена. Крест традиционной восьмиконечной формы, покрашен в красный цвет и имеет характерные для православной культуры Русского Севера, надписи. Здесь находятся приношения: монетки, конфеты, к веткам дерева привязаны разноцветные тряпочки. Воду из ручья использовали для лечения маленьких детей [27. С. 307–309].

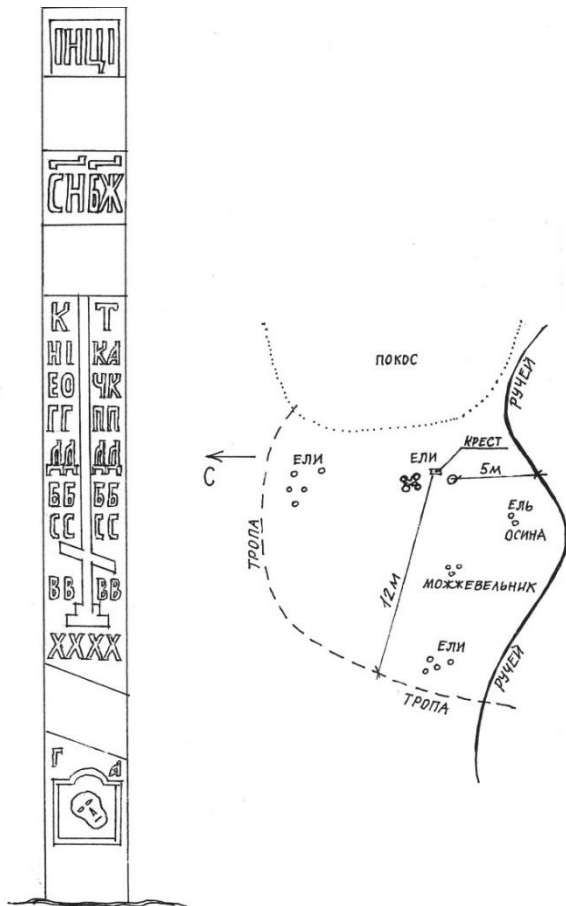

Рис. 1. Крест в сакральном месте вблизи Чертова ручья

Широта ритуально-символической парадигмы священных, буйных, придорожных деревьев, деревьев-знаков - карсикко, различные формы и способы обработки дерева связаны, прежде всего, с мифологическими представлениями о дереве и его роли в жизни человека. Отдельной темой исследования может стать взаимоотношение карсикко к жертвенным, священным деревьям и рощам. А также дальнейшим формам их существования (обетные и намогильные кресты, часовни, священные камни, источники и др.).

Пространство, осененное христианской святыней (крестом, часовней, церковью), считалось святым и поэтому относительно безопасным для человека. В Мезенском и Пинежском культурном ландшафте значительная часть крестов и часовен расположена на окраинах поселений, в непосредственной близости к лесу. Тем самым срабатывала инерция культурной традиции нейтрализовать опасное место путем возведения христианской святыни [28. С. 187]. Например, идентичная ситуация сопровождала постановку обетного («оветного») креста в д. Лавела Пинежского района. «У нас по дороге в Лавелу в одном месте все пугало. Дьявол человеком покажется и заставит молотить: кичигу в руки даст и хлеба нет, а молотишь. Многие видели. И вот дали ответ: «Поставим крест на этом месте и будем ходить к нему с молебнами». И что ты думаешь? Тихо стало. А потом крест убрали, и опять дьявол объявился. Хошь верь, хошь не верь, а че-то есть» [29. С. 66].

В свете особенностей ментальности крестьянства Русского Севера необходимо также рассматривать устойчивые метафоры, отражающие ценности народного самосознания. «Мера и красота» – эта метафора характеризует единство усилий в борьбе за материальное начало и торжество духа в Древней Руси. Эту сопряженность материального и духовного лучше всего демонстрируют два предмета, традиционно присутствующие в каждой крестьянской избе: топор и икона. Культурные смыслы народной архитектуры, найдя

отражение в плотницком мастерстве, коснулись сакрализации как самого ремесла, так и его главного инструмента – топора. Топор был главным и незаменимым орудием, с его помощью человек подчинял себе лес. Икона как священный образ являлась хранителем крестьянина: ее несли впереди, когда шли с топорами в лес – валить деревья или отражать нападение врага [30. С. 56–57]. Топор – это универсальный инструмент в руках северного плотника, с помощью которого *«можно и дом построить, и ложку вырезать»* [4. С. 784]. Сакрализация плотницкого ремесла порождала оппозицию «святое / нечистое». Это зависело от специализации плотницкой артели. Плотники, строившие дома или хозяйственные постройки, наделялись нечистой, колдовской семантикой: *«с плотниками, которые избу рубят, надо честно обходиться, чтобы они не заговорили избы на голову хозяина»* [Там же. С. 109]. Строители храмов, напротив, считались святыми людьми, наделенными божественной силой.

Такое противопоставление двух ипостасей сакрального по своей природе плотницкого мастерства основано также на оппозиции «дом / храм», что соразмерно микрокосмосу / макрокосмосу. При строительстве храмов и часовен северные плотники готовились к работе заранее в плане духовного очищения от мирской скверны. Накануне они мылись в бане, воздерживались в еде, не употребляли спиртные напитки, не использовали в своей речи бранные выражения и, когда приступали к работе, надевали чистую одежду.

Оппозиция «дом / храм» позволяет объяснить глубинную семантику мотива священного топора. Предание о построении Преображенской церкви на острове Кижи гласит, что построил ее легендарный мастер Нестер и *«на одном бревне он вырубил: “Церковь эту построил мастер Нестер, не было, нет, и не будет такой...” Нестер со священным топором поднялся до последней главки, привязал до креста алую ленту, а топор закинул в озеро и поклялся, что такого чудесного храма нет нигде, и не будет больше никогда, и топор этот никто не найдёт. И тогда начали святить церковь, а Нестера больше никто не видел»* [16. С. 45–46].

Мотив заброшенного священного топора раскрывает глубоко укорененную в массовом сознании мифологическую идею завершенности храма, его уникальности и неповторимости. Храм устремлен к небу, к горнему духу, он всегда закончен в строительстве. Это подчеркивает различие между сакральным характером строительства храма и профаническим характером строительства дома. Последнее не знает конца, никогда не достигает завершенности, поскольку окончание строительства дома знаменует смерть главы семьи или кого-либо из домочадцев [31. С. 101].

По воззрениям русского крестьянства, плотники, как и представители других древнейших профессий, обладали не только производственными функциями.

Им приписывались тайные способности, знания, контакты с нечистой силой, лесом, причем считалось, что чем выше их мастерство, тем сильнее их скрытые способности [17. С. 56]. В с. Кимжа Мезенского района в интерьере крестьянской избы автором исследования было зафиксировано *«злыднево дерево»* – нарост на бревне, использованном для строительства дома в 1909 г. По воспоминаниям хозяйки, он приносит несчастье его владельцам. *«Два их в доме – над печкой и за печкой. Это злыднево место. Люди не живут. У кого купили дом, были бездетны. И у нас дочь умерла»* [1. С. 107].

О плотниках и печниках распространены в народе многочисленные рассказы, свидетельствующие о том, насколько мстительны и недоброжелательны эти люди, когда им недоплачивают условленной суммы хозяева и подрядчики. Плотники могли сделать так, что построенный ими дом оказывался непригодным для проживания, так как в нем «поселялась нечистая сила». «Особенно дурной славой пользовались те из плотников, которые известны своим мастерством, вроде костромских галичан, знаменитых владимирских “аргунов”, вологодских, вохомских» [21. С. 186]. Существует много рассказов о том, как плотники, если хозяева их недостаточно ублажили, в отместку делали так, что при ветре в избе выло и стонало. Для этого они вставляли между стен бутылочное горлышко или прилаживали под коньком кровли длинный ящичек, набитый берестой, – и в ветреную погоду слышался плач и вой, вздохи и крики. Или засыпали в пазы между венцами сруба щепочки, которые мешали плотной осадке бревен, и в этих местах всегда продувало и промерзало.

Деревянное зодчество – особое, самостоятельное направление традиционной архитектуры. В своем уникальном качестве и разнообразии оно представлено в России, которая всегда была «лесной, таежной» страной. Это поистине общенациональная архитектура, которая впитала в себя мировоззрение всех слоев русского общества. Русский Север в истории и современном опыте отечественной культуры – хранитель памятников древней народной культуры, где они создавались на протяжении нескольких столетий в условиях стабильности, патриархального образа жизни и непрерывности художественных традиций. Традиционная строительная обрядность выступала как целостная знаковая система, с помощью которой крестьяне Севера оберегали свои сакральные ценности. Выбор деревьев, которые использовались в народной архитектуре, определялся бытовыми, прагматическими свойствами тех или иных пород в сочетании с мифопоэтическими и христианскими представлениями о сакрально-символических «влияниях» этих пород или знаковых деревьев на жизнь как конкретного человека, так и сообщества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург : УрО РАН ; Архангельск : Правда Севера ; Ярославль : ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. 608 с.
2. Пермиловская А.Б. Культурное пространство Русский Арктики // Ярославский педагогический вестник : научный журнал. 2015. № 3. С. 362–365.

3. Грабарь И.Э. История русского искусства : в 6 т. М. : И. Кнебель, 1910. Т. 1: Архитектура. До-петровская эпоха. 508 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / совмещ. ред. В.И. Даля, И.А. Бодуэна де Куртенэ в соврем. написании. М. : Олма-Пресс, 2002. Т. 2. 1118 с.
5. Евдокимов И.В. Север в истории русского искусства. Вологда : Изд. Союзов сев. кооп. союзов, 1921. 224 с.
6. Попов А., Шургин И. О воссоздании русской плотничной технологии XVII–XVIII вв. при реставрации церкви Дмитрия Солунского в селе Верхняя Уфтюга. М. : Мастерская архитектора-реставратора А. Попова, 1993. 17 с.
7. Милославский М.Г. Инструмент для обработки дерева // Труды Института истории, естествознания и техники АН СССР. М., 1956. С. 44–48.
8. Грабарь И.Э. О русской архитектуре: Исследования. Охрана памятников. М. : Наука, 1969. 423 с.
9. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М. : Искусство, 1974. 191 с.
10. Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира: исследования по структуре текста. М. : Индрик, 1999. 375 с.
11. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М. : Гл. ред. вост. лит., 1991. 511 с.
12. Зеленин Д.К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы // Живая старина. 1911. Вып. 1/2. С. 1–20.
13. Пермиловская А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера. Архангельск : Правда Севера, 2005. 312 с.
14. Славянская мифология : энциклопедический словарь / под ред. С.М. Толстой. М. : Междунар. отношения, 2002. 512 с.
15. Копалинский В. Словарь символов. Калининград : Янтар. сказ, 2002. 267 с.
16. Кричинная Н.А. Предания Русского Севера. СПб. : Наука, 1991. 325 с.
17. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л. : Наука, 1983. 190 с.
18. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Каргопольский район // Архив АГМДЗНИ «Малые Корелы». № 1134. Архангельск, 1984. Т. 1. С. 15.
19. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М. : Индрик, 2003. 528 с.
20. Логинов К.К. О жертвоприношениях в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск : КНЦ РАН, 1992. 185 с.
21. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб. : Т-во Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с.
22. Зеленин Д.К. Тотемы деревьев в сказаниях и обрядах европейских народов. М., 1937. 78 с.
23. Агапкина Т. О «чертовом» дереве осине... // Родина. 1995. № 5. С. 115–117.
24. Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. 157 с.
25. Конка А.П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
26. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Мезенский р. // Личный научный архив А.Б. Пермиловской. Информант Дерягина Евлалия Михайловна, г.р. 1921, м.р. и м.п. – с. Кимжа, Мезенский район, запись 2004.
27. Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск : Правда Севера ; Екатеринбург : УрО РАН, 2010. 552 с.
28. Иванова А.А., Калущков В.Н. Святые места в культурном ландшафте Пинежья // Поморские чтения по семиотике культуры : сб. науч. ст. / сост. Н.М. Теребихин [и др.]. Архангельск : Помор. университет, 2008. Вып. 3 : Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России. С. 180–196.
29. Иванова А.А., Калущков В.Н. Светлое Пинежье: путешествие по краю : справочник-путеводитель. Архангельск : Правда Севера, 2008. 165 с.
30. Биллингтон Д.Х. Икона и топор : опыт истолкования истории русской культуры : пер. с англ. М. : Рудомино, 2001. 880 с.
31. Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск : Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1993. 223 с.

Permilovskaya Anna B. N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk, Russia). E-mail: annaperm@fciarctic.ru

CONSTRUCTION TRADITIONS AND RITUAL OF THE NORTHERN WOODEN ARCHITECTURE

Keywords: construction ritual; carpentry craftsman; sacred trees; Russian North; Arctic.

The empirical base of this work was the material of 34 expeditions, which were surveyed 368 settlements of the Arkhangelsk, Vologda regions, Karelia. The history of the Russian wooden architecture is largely the history of the wooden architecture of the European (Russian) North. The author proceeds from the synonymous meaning: Russian and European North. “The country of architects” in such a way Igor Grabar called the Russian North. Pine, spruce, larch, aspen were the main construction materials used. Folk architects highly valued wood as a building material, its abundance and cheapness, its ability to keep heat in the house, its durability and, at last, its ability to be used for erecting wooden structures within a short period of time and practically in any season. The carpenter could make practically everything with an axe: “Let a peasant have an axe and he will fix even a clock”. Besides an axe, a scraper for dressing logs, an adze for grooving, a chisel and glade for punching logs and bars entered a set of carpenter tools. A hammer, a sledge hammer and a line bar were also used in a building practice. Besides, rather diverse nail tools and hardware were used. But their cost was high enough, therefore peasants preferred building without nails, applying wooden nails – “dowels”, or using a minimum number of iron nails. From ancient times there existed special “wood-chip bazaars” in Russia where dismantled houses, barns and bath-houses, small church buildings were sold. The socialization of carpentry, which took place in the North, gave rise to opposition: holy/evil. Representations of carpenters who built dwelling or outbuildings included unclean, “witchcraft” semantics: “with the carpenters who cut the house, we must be honestly, so that they “don’t speak” the houses on the owner head”. On the contrary, the temples builders were considered holy people, endowed with divine power. The choice of trees was great importance for construction not only in practical, but also in its sacred meaning. There were a whole series of trees not used for construction. Cultured trees, groves and stones were the object of veneration and sacrifice, the place of sacral rites and the analogue of the temple. The trees grown by man and located within the farmstead carried a sacred meaning, it was forbidden to use them during construction. The tree planted near the house embodied the idea of continuity of the family, as well as the house itself. If one thing ceases to exist, the other object partially compensates for the loss. Traditional construction rituals acted as an integral sign system, it helped the Northern peasants to preserve their sacred values. The choice of trees was determined by every day, pragmatic property of various breeds with the mythological and Christian beliefs combination.

REFERENCES

1. Permilovskaya, A.B. (2013) *Kul'turnye smysly narodnoy arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural meanings of the Russian North folk architecture]. Ekaterinburg: Urb RAS; Arkhangel'sk: Pravda Severa; Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
2. Permilovskaya, A.B. (2015) Russian Arctic Cultural Space. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 3. pp. 362–365. (In Russian).
3. Grabar, I.E. (1910) *Istoriya russkogo iskusstva*. V 6 t. [History of Russian art. In 6 vols]. Vol. 1. Moscow: I. Knebel.
4. Dal, V.I. (2002) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Olma-Press.
5. Evdokimov, I.V. (1921) *Sever v istorii russkogo iskusstva* [North in the history of Russian art]. Vologda: Izd. Soyuzov sev. koop. Soyuzov.

6. Popov, A. & Shurgin, I. (1993) *O vossozdanii russkoy plotnichnoy tekhnologii XVII – XVIII vv. pri restavratsii tserkvi Dmitriya Solunskogo v sele Verkhnyaya Uftyuga* [On the re-creation of Russian carpentry technology of the 17th – 18th centuries during the restoration of the Dmitry Solunsky Church in Verkhnyaya Uftyuga]. Moscow: A. Popov's Workshop.
7. Miloslavsky, M.G. (1956) Instrument dlya obrabotki dereva [A tool for wood processing]. In: *Trudy Instituta istorii, estestvoznaniya i tekhniki AN SSSR* [Proceedings of the Institute of History, Natural Sciences and Technology of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow: [s.n.]. pp. 44–48.
8. Grabar, I.E. (1969) *O russkoy arkhitekture: Issledovaniya. Okhrana pamyatnikov* [On Russian architecture: Research. Protection of monuments]. Moscow: Nauka.
9. Chekalov, A.K. (1974) *Narodnaya derevyannaya skul'ptura Russkogo Severa* [Folk wooden sculpture of the Russian North]. Moscow: Iskusstvo.
10. Tsivyan, T.V. (1999) *Dvizhenie i put' v balkanskoj modeli mira: issledovaniya po strukture teksta* [Movement and path in the Balkan model of the world: research on the structure of the text]. Moscow: Indrik.
11. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavjanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. Moscow: Gl. red. vost. lit.
12. Zelenin, D.K. (1911) "Obydennye" polotentsy i obydennye khramy ["Ordinary" towels and ordinary temples]. *Zhivaya starina*. 1/2. pp. 1–20.
13. Permilovskaya, A.B. (2005) *Krest'yanskiy dom v kul'ture Russkogo Severa* [The peasant house in the Russian North culture]. Arkhangel'sk: Pravda Severa.
14. Tolstaya, S.M. (2002) *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
15. Kopalinsky, V. (2002) *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Kaliningrad: Yantar. Skaz.
16. Krinichnaya, N.A. (1991) *Predaniya Russkogo Severa* [Legends of the Russian North]. St. Petersburg: Nauka.
17. Bayburin, A.K. (1983) *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the rites and performances of the Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka.
18. Permilovskaya, A.B. (1984) Otchet po ekspeditsii v Kargopol'skiy rayon [Report on the expedition to Kargopol region]. Archive AMMDZNI "Small Korely". №1134. Arkhangel'sk. pp. 15
19. Shchepanskaya, T.B. (2003) *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX–XX vv.* [The culture of the road in the Russian mythological tradition of the 19th – 20th centuries]. Moscow: Indrik.
20. Loginov, K.K. (1992) O zhertvoprinosheniyakh v Zaonezh'e [On the sacrifices in Zaonezhie]. In: Fishman. O.M. (ed.) *Obryady i verovaniya narodov Karelii* [Rites and beliefs of the peoples of Karelia]. Petrozavodsk: KSC RAS.
21. Maksimov, S.V. (1903) *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [Undead, unknown and godmother power]. St. Petersburg: T-vo Golike i A. Vil'borg.
22. Zelenin, D.K. (1937) *Totemy derev'ev v skazaniyakh i obryadakh evropeyskikh narodov* [Totems of trees in the legends and rites of European nations]. Moscow: [s.n.].
23. Agapkina, T. (1995) O "chertovom" dereve osine... [On the "goddamn" aspen tree]. *Rodina*. 5. pp. 115–117.
24. Loginov, K.K. (1993) *Material'naya kul'tura i proizvodstvenno-bytovaya magiya russkikh Zaonezh'ya* [Material culture and industrial magic of Russians in Zaonezhie]. St. Petersburg: Nauka.
25. Konkka, A.P. (2013) *Karsikko: derev'ya-znaki v obryadakh i verovaniyakh pribaltiysko-finskikh narodov* [Karsikko: sign trees in the rituals and beliefs of the Baltic-Finnish peoples]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
26. Permilovskaya, A.B. (2004) *Otchet po ekspeditsii v Mezenskiy r.* [Report on the expedition to Mezensky District]. Personal archive of A.B. Permilovskaya. Informant Deryagina Evlalia Mikhailovna, born 1921. Recorded in Kimzha, Mezensky District.
27. Permilovskaya, A.B. (2010) *Russkiy Sever kak osobaya territoriya naslediya* [Russian North as a special territory of heritage]. Arkhangel'sk: Pravda Severa.
28. Ivanova, A.A. & Kalutskov, V.N. (2008) Svyatye mesta v kul'turnom landshafte Pinezh'ya [Holy Places in the Cultural Landscape of Pinezhie]. In: Terebikhin, N.M. et al. *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury* [Pomorje Readings on the Semiotics of Culture]. Arkhangel'sk: Pomor. Universitet. pp. 180–196.
29. Ivanova, A.A. & Kalutskov, V.N. (2008) *Svetloe Pinezh'e: puteshestvie po krayu* [Light Pinezhie: a trip around the edge]. Arkhangel'sk: Pravda Severa.
30. Billington, J.H. (2001) *Ikona i topor: opyt istolkovaniya istorii russkoy kul'tury* [The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture]. Translated from English by V. Skorodenko. Moscow: Rudomino.
31. Terebikhin, N.M. (1993) *Sakral'naya geografiya Russkogo Severa* [Sacred Geography of the Russian North]. Arkhangel'sk: Pomor International Pedagogical University.

УДК 902/904 + 902.1
DOI: 10.17223/19988613/58/23

Р.Р. Русланова, Е.В. Русланов, О.С. Белявская (Крапачева)

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА УФА-II В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИУРАЛЬЕ

На основе анализа ряда металлических изделий (элементов костюмного комплекса, конской упряжи, бытовых предметов, предметов вооружения, орудий труда, монет и т.д.) уточнено время функционирования городища Уфа-II в лесостепном Приуралье. Городище расположено в г. Уфа Республики Башкортостан, на возвышенном и широком мысу коренного правого берега р. Белой. Открытое еще в середине XX в., городище Уфа-II представляет собой крупное поселение с мощным культурным слоем и разнообразным массовым и индивидуальным материалом. Первый период функционирования памятника авторами статьи определяется в рамках IV – первой половины IX в. Этот период связан с бахмутинскими, турбаслинскими, именковско-романовскими, кушнареновскими и кара-якуповскими племенами. На втором этапе (XI–XIV вв.) площадка памятника была занята «чиялыкским» населением, к этому времени городище уже прекратило свое существование.

Ключевые слова: металлические изделия; хронология; городище Уфа-II; Приуралье; эпоха Средневековья; пряжки.

Лесостепная территория Уфимско-Бельского междуречья была особым локальным регионом обширного евразийского пространства, куда в случае серьезных военных или политических конфликтов из степных зон происходила миграция населения, ведущего кочевой или полукочевой образ жизни. Здесь оно вступало в контакты с местными земледельческими племенами. В середине I тыс. н.э., в период постгуннских и тюркских миграций, происходят трансформация этнической карты региона и формирование нового поликультурного населения. На протяжении всего периода Раннего Средневековья в исследуемом регионе наблюдаются ассимиляционные процессы, в которые было вовлечено и население, занимавшее территорию Уфимского полуострова. Результаты данных процессов нашли отражение в археологическом материале опорного памятника этого периода – средневекового городища Уфа-II.

Памятник расположен в г. Уфа Республики Башкортостан (рис. 1). Территория поселения располагается на возвышенном и широком мысу коренного правого берега р. Белой. По краям мыса фиксируется разветвленная овражная система, образованная двумя небольшими безымянными притоками р. Белой, спадающими с северо-запада на юго-восток.

Городище открыто в 1953 г. П.Ф. Ищериковым, в 1957 г. им был заложен небольшой раскоп, в 1958 г. раскопки памятника проводил Н.А. Мажитов. Исследования на городище также вели М.Х. Садыкова (1968), Н.Г. Рутто (1974), В.В. Овсянников (1990). В 2006–2008 гг. раскопки городища проводились объединенной экспедицией БашГУ и Научно-производственного центра при Министерстве культуры Республики Башкортостан, в 2009–2011 гг. – экспедицией БашГУ (раскопки Ф.А. Сунгатова, Р.Б. Исмагилова, В.И. Мухаметдинова). С 2012 г. и по настоящее время изучение городища ведется силами музея-заповедника «Древняя Уфа» (раскопки Р.Р. Руслановой (Тамимдаровой), И.А. Шутелевой, М.Р. Шамсутдинова, Е.В. Русланова, О.С. Белявской (Крапачевой)) [1. С. 140–150; 2. С. 5–11]. В работе рассмотрен

материал раскопок 2006–2017 гг., так как раскопки предыдущих лет не дали репрезентативного металлического инвентаря.

В разные годы исследователями был проведен радиоуглеродный анализ органических остатков, рассмотрены стеклянные, каменные изделия, бусы, костяные накладки на лук, костяные подпружные пряжки, металлическая ременная гарнитура, керамический и остеологический материал, определен состав металлических изделий и заготовок. Уточнение хронологических позиций металлических изделий представляется нам важной и актуальной задачей для южноуральской и евразийской археологии, так как этот памятник является своего рода эталонным для эпохи Раннего Средневековья Приуральской лесостепи.

Без установления относительной и абсолютной хронологии памятника невозможно говорить о начальном и конечном этапах его функционирования, определении места и значения его среди древностей Южного Урала [3. С. 44; 4. Р. 1278–1285]. Металлокомплекс городища вполне отвечает поставленной задаче, хотя он довольно однообразен и представлен в основном элементами костюмного комплекса. Ниже мы постараемся проанализировать все имеющиеся на данный момент металлические изделия с точки зрения морфологии, типологии и датировки для уточнения относительной хронологии памятника.

Металлические изделия, обнаруженные на городище Уфа-II, по функциональному назначению можно разделить на несколько категорий: 1) элементы костюмного комплекса – ушные украшения (серьги, височные подвески), наручные украшения (кольца, перстни, браслеты), украшения одежды (фибулы, пронызи, подвески, нашивки), ременная гарнитура (пряжки, накладки, наконечники); 2) конское снаряжение – сбруйные принадлежности (накладка); 3) бытовые предметы (зеркала, пинцеты, копоушки); 4) предметы вооружения (наконечники стрел); 5) орудия труда (ножи, серпы). Отдельной категорией находок, зафиксированной на городище, являются монеты эпохи Золотой Орды.

Обнаруженные на городище дисковидные зеркала (рис. 2, 1–2) с ячеистым орнаментом и центральной петелькой относятся к типу Х по А.М. Хазанову [5. С. 58–72]. В Южном Приуралье и Зауралье зеркала этой разновидности датируются в основном в рамках III в. н.э. и доживают до V в. н.э. [6. С. 92]. Близкое по морфологии изделие обнаружено в погр. 75 Бирского могильника [7. С. 129. Табл. 10, 5].

Серебряная копоушка (уховертка) (рис. 2, 14) относится к среднеазиатскому кругу древностей. В погребальных комплексах Нижнего Дона, Дагестана и боспорских склепах позднеримского времени аналогичные изделия встречены с вещами III–IV вв. н.э. [8. С. 140. Рис. 17, 11].

Два морфологически близких друг другу косметических пинцета (рис. 2, 3–4) по аналогиям в материалах бродовской стадии неволинской культуры датируются концом IV–V в. н.э. [9. С. 151. Рис. 38, 68].

Браслет (рис. 2, 15) с прямыми несомкнутыми концами из круглого в сечении дрота имеет аналогии в Бирском (погр. 7, погр. 81, погр. 88 и др.) [10]. Датировка изделия представляется достаточно широкой и может быть определена в пределах V–VII вв. н.э. [10, 19].

Датировка полой подвески в виде стилизованного изображения медведя (рис. 2, 9) на сегодняшний день представляется неоднозначной. Одни исследователи появление таких подвесок в мазунинской (раннебахмутинской) культуре относят к IV в. н.э. [11, 12], в то время как другие датируют данные изделия концом IV–V в. н.э. [13. С. 39. Рис. 7, 57] и даже V в. н.э. [14. С. 105]. По мнению Т.И. Останиной, пронизки-медведи характерны для башкирской группы памятников, содержащих комплексы мазунинской культуры (Югомаш, Старая Мушта, Мало-Качак, Кара-Тамак, Бахмутино, Бирск и др.). Но, по данным Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц, они известны и за пределами Башкирии: в Нивском, Тарасовском (Удмуртия), Красноярском и Кудашевском (Пермский край), Первомайском (Кировская область) могильниках, а также в бескурганной части Тураевского могильника и среди материалов Именьковского I городища (Татарстан) [13. С. 39–40].

Обе фибулы, рассматриваемые в данном очерке, обнаружены в 2008 г. [15. С. 108. Рис. 161, 6, С. 119. Рис. 3].

Фибула № 1, изготовленная из бронзы (рис. 2, 7), сохранилась частично – отсутствуют игла и иглоприемник. Длина сохранившейся части 5,2 см, ширина 3,7 см, диаметр ножки 0,4 см. По конструктивным особенностям застежка относится к группе 17 двучленных «воинских» фибул [16. С. 70–72].

Фибула № 2, также изготовленная из бронзы, к сожалению, депаспортизирована (рис. 2, 8). Сохранилась полностью: длина изделия 6 см, ширина 1,2 см. Для изготовления использовался прут диаметром 0,4 см. Учитывая конструктивные особенности, фибула отнесена к варианту 2 с широким кольцом для оси пружины подгруппы 1 группы 17 двучленных воинских фибул с узкой ножкой [Там же. С. 71. Табл. 10, 16].

Ближайшие аналогии «уфимским» фибулам можно найти в материалах Бирского (III–VIII вв. н.э.) [11], Тураевского I (IV–V вв. н.э.) [9], Тарасовского мо-

гильников (I–V вв. н.э.) [17, 18] – реперных памятников для рассматриваемого периода и региона.

Опираясь на имеющиеся аналогии и датировки [11. С. 73–74; 16. С. 70; 19. С. 28; 20. С. 143; 21. С. 28–85; 22. С. 117–129; 23. С. 172; 24. С. 80] и учитывая запаздывания в появлении импортных вещей в лесостепном Приуралье, появление застежек типа Амброз 17 на территории Уфимско-Бельского междуречья следует относить ко времени не ранее конца IV – первой половины V в. н.э. [25. С. 148–153.]

Колесовидная подвеска (рис. 2, 5) имеет аналогии в Бирском (погр. 148), Бахмутинском (подъемный материал) могильниках, в кург. 54/1 Верх-Саинского могильника и может быть датирована в пределах VI в. н.э. [7; 26; 27. С. 118, 128].

Пронизка с вздутием и прорезьями (рис. 2, 10) по аналогиям, обнаруженным в комплексах неволинской культуры, может быть датирована концом VII–VIII в. н.э. [27. С. 151. Рис. 41, 36].

Аналогии сергам с многогранником на конце (рис. 2, 16–17) на территории Уфимско-Бельского междуречья были определены в погребениях Бирского (погр. 78, погр. 80, погр. 84, погр. 108, погр. 125, погр. 128, погр. 137, погр. 166 и др.) [7], в кург. 12/4, кург. 14/5 и кург. 22/1 Ново-Турбаслинского [28], в комплексах Дежневского [29. С. 201–210; 30. С. 118–137; 31. С. 84–86], в погр. 8 Кушнаренковского [32] могильников, в ряде раннесредневековых погребений на территории Уфы [33] и др. По мнению исследователей, серги с многогранниками датируются IV–VII вв. н.э. и имеют широкое распространение от Кавказа до Паннонии [34. С. 53–56; 35. С. 45; 37; 36. С. 41–45]. Бытование подобных серег на территории Южного Приуралья определяется в рамках VI–VII вв. н.э. и, судя по всему, связано с появлением турбаслинской культуры в регионе [37].

В 2015 г. в ходе раскопок была обнаружена коньковидная подвеска (рис. 2, 6). Размеры изделия 3,7 см, высота 2,3, толщина 0,5 см. Ушко обломано. Аналогии представлены в материалах погр. 112 Бирского могильника [2. С. 43–44. Рис. 14, 1; 7. С. 126. Табл. 7, 20; 38. С. 23–28. Рис. 13, 40–41], среди случайных находок с территории Бахмутинского могильника [26]. Подвеска датируется VII в. н.э.

Пронизка (рис. 2, 18). Длина 4,2 см, ширина 0,6 см. Изготовлена из свернутой по кругу бронзовой пластины, украшена двумя параллельными прорезанными полосами в верхней широкой части. По типологии Р.Д. Голдиной и В.А. Кананина данная пронизка относится к Отделу А. Типу 1. Прямые. Подтипу а. Средних и крупных размеров с поперечными утолщениями на одном или обоих концах, иногда украшенных поперечными насечками. Аналогии пронизке можно найти в материалах погр. 2, погр. 76, погр. 135, погр. 264 Аверинского могильника. Пронизка датируется VI в. н.э. [2. С. 43. Рис. 64, 1; 10. Табл. XXII, 1–2; 39. С. 179. Рис. 54, 1–2, С. 189. Рис. 67, 17; 6].

Обнаруженные на городище Уфа-II элементы ременной гарнитуры ранее были подробно рассмотрены в статье О.С. Крапачевой и М.Р. Шамсутдинова [40. С. 69–77]. Исходя из формы рамки, авторы разделили

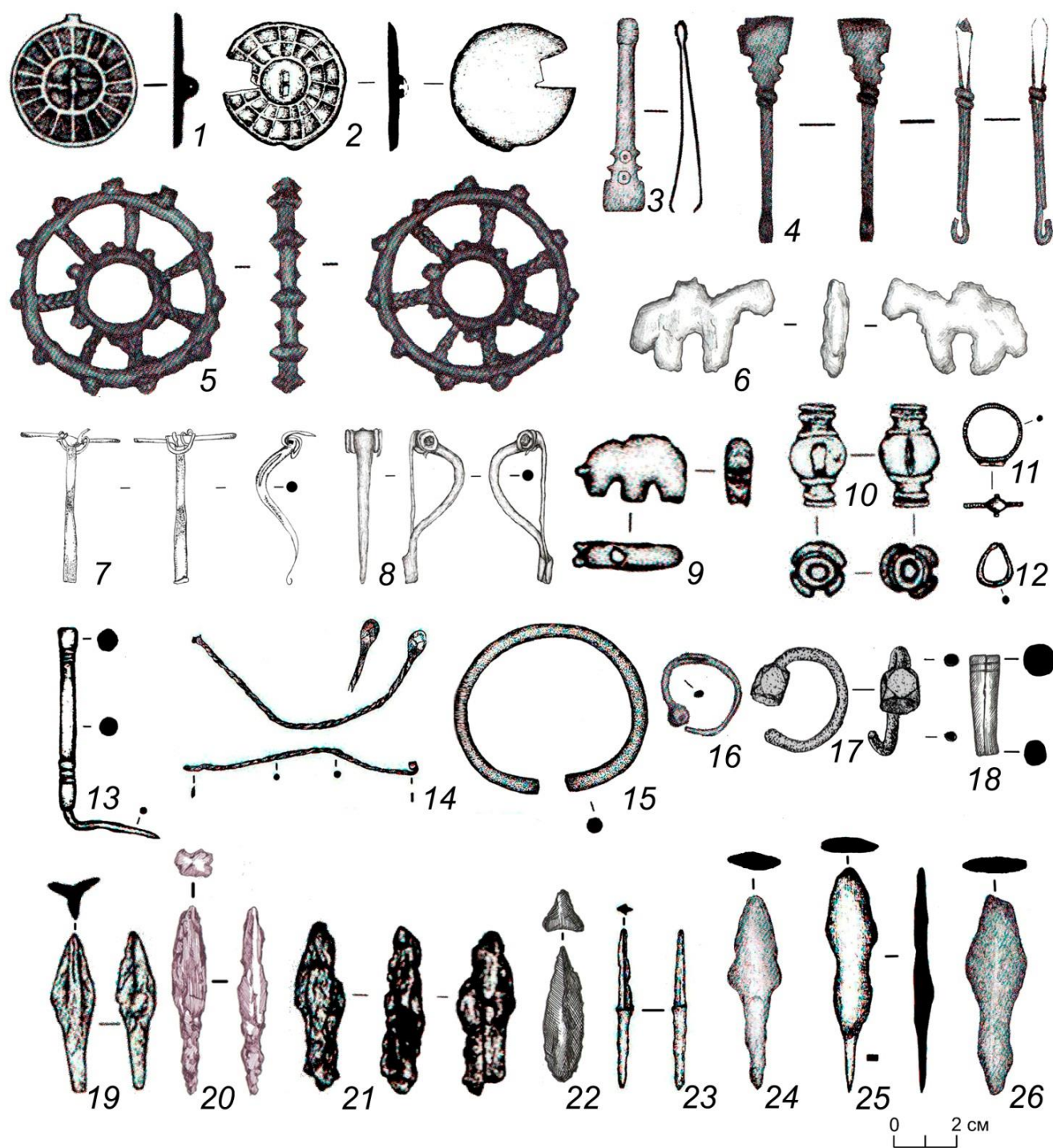

Рис. 2. Городище Уфа-II. Изделия из металла:

1–2 – зеркала; 3–4 – пинцеты; 5 – колесовидная подвеска; 6 – коньковидная подвеска; 7–8 – фибулы; 9 – подвеска в виде медведя; 10, 18 – пронизки; 11–12 – кольца; 13 – писало; 14 – копоушка; 15 – браслет; 16–17 – серьги с многогранником на конце; 18–25 – наконечники стрел.
1–10, 12–17 – бронза; 11, 14 – серебро; 18–26 – железо

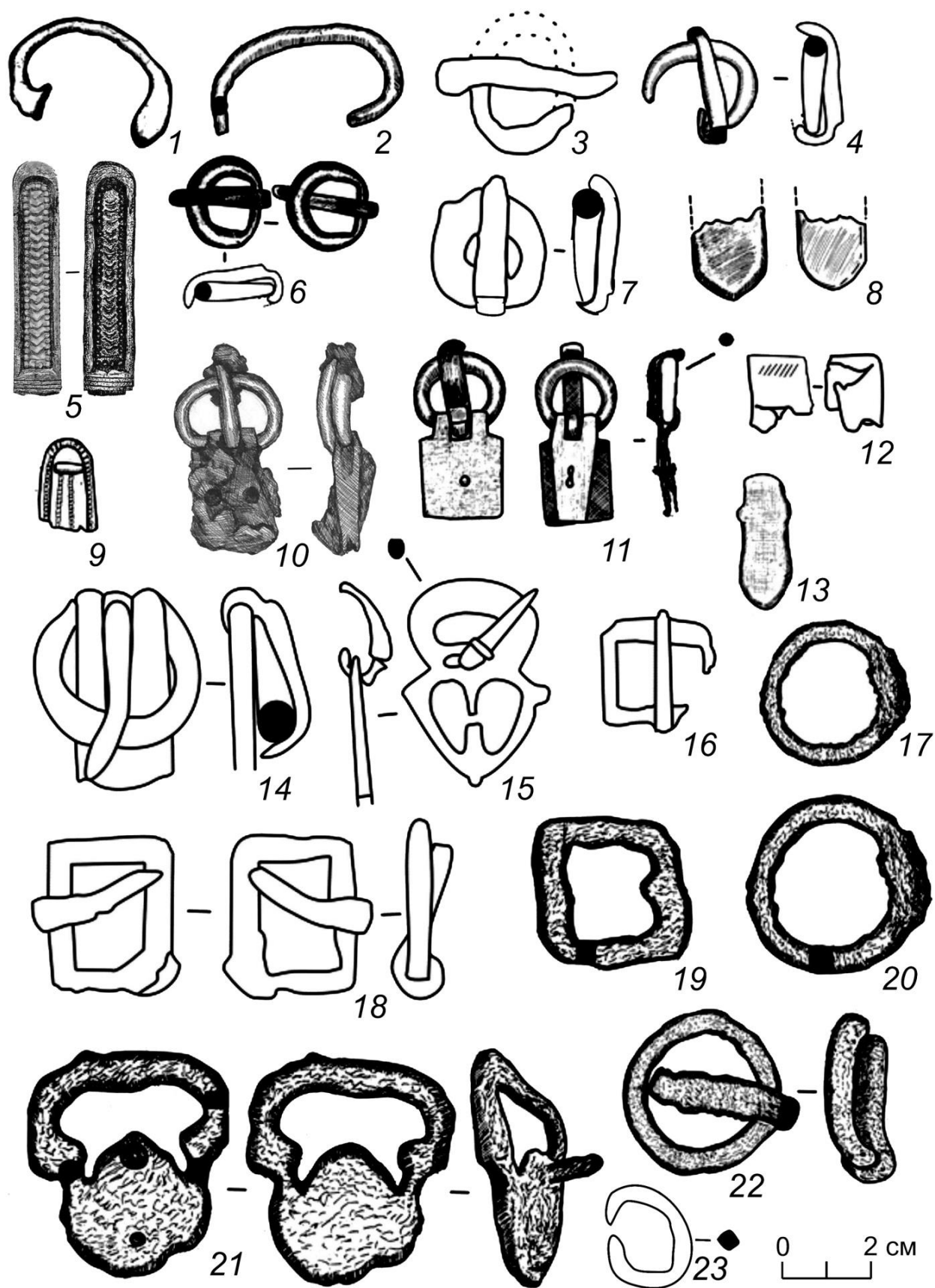

Рис. 3. Металлическая ременная гарнитура городища Уфа-II:

1–4, 6–8, 11–13, 16, 17, 19–22 – по О.С. Крапачевой, М.Р. Шамсутдинову, 2017; 5 – по Н.А. Мажитову, Ф.А. Сунгатову и др., 2007; 9 – по Н.А. Мажитову, Ф.А. Сунгатову и др., 2007; 10 – по Е.В. Русланову, 2016; 14 – по М.Р. Шамсутдинову, Е.В. Русланову, 2015; 15 – по Ф.А. Сунгатову, 2009; 18 – по Е.В. Русланову, 2016; 23 – по Р.Р. Руслановой, 2017.
1–4, 6–8, 10–15, 23 – бронза; 5 – железо, серебро, золото; 9 – серебро, позолота; 16–22 – железо

все имеющиеся пряжки на круглорамчатые (рис. 3, 17, 20, 22), овалнорамчатые (рис. 3, 1–4, 6, 7, 10, 11, 14, 23), прямоугольнорамчатые (рис. 3, 16, 18, 19), с В-образной рамкой (рис. 3, 21).

Овалнорамчатые пряжки, бесщитковые и с щитками прямоугольной формы (рис. 3, 10), в некоторых случаях с хоботковыми язычками и имеющие уступчик у основания (рис. 3, 4, 6, 7, 14), датируются IV – первой половиной VI в. н.э., аналогии им встречены в Тураевском, Бродовском, Бирском могильниках [41. С. 28, 44; 42. С. 141–150]. Также V–VI вв. н.э. датирована пряжка (рис. 3, 11), язычок которой имеет выступ-площадку у основания [43. С. 163. Табл. LXVI, 9]. Примечательна литая пряжка с рамчатым щитком треугольной формы и характерными выступами по краям щитка. Прямых аналогий данному изделию не обнаружено, но можно предположить, что пряжка близка по морфологии находкам V–VII вв. н.э. с территории Крыма и Северного Кавказа (Мокрая Балка, Лермонтовская Скала, Борок II и др.). Прямоугольнорамчатые пряжки датированы в пределах VII–IX вв. [44. С. 119–120. Рис. 49, 1–2], они могли употребляться в конской сбруе в качестве седельных и подпружных [43. С. 87]. Похожие пряжки встречаются в тюркских погребальных комплексах могильников Юстыд I (кург. 8), Ак-Кобы III (кург. 2), Талдуаир I (кург. 7) [45. С. 135, 197, 276–277, 283–284. Табл. 15–16, 94–95, 101–102]. Для некоторых экземпляров пряжек (рис. 3, 1–3, 19–20, 23) в силу их плохой или неполной сохранности сложно найти аналогии и определить хронологические позиции. Неполная сохранность В-образной пряжки также затрудняет ее датировку, но, по всей видимости, она относится к более позднему хронологическому диапазону, нежели остальные типы пряжек.

Среди материалов городища Уфа-II выделено три типа наконечников ремней [40. С. 69–77]. Один из них (рис. 3, 9) представляет собой пластину вытянуто-прямоугольной формы с округленным окончанием, из серебряной позолоченной фольги, с тисненым декором из «псевдозерни» по краю и центру [46]. Наконечники, аналогично украшенные «псевдозернью», но уже с иными орнаментальными мотивами, на территории Башкирии обнаружены в погребениях Бирского (погр. 77, погр. 83, погр. 88, погр. 111, погр. 123, погр. 130, погр. 156, погр. 165 и др.), Ново-Турбаслинского (кург. 15/1), Дежневского (кург. 9/2) могильников, а также в погребении на ул. Тукаева (Уфа). Полные же аналогии данному типу обнаружены в погр. 1 Галановского могильника, кург. 30/1 Ново-Турбаслинского могильника [7; 28. С. 128; 37. С. 65–70; 46. С. 41–55; 47. С. 110–120]. На территории Южного Приуралья они появляются с приходом турбаслинских племен. Ряд исследователей связывает турбаслинцев с поздними сарматами, участвовавших в военных походах гуннов и вернувшихся в Южное Приуралье после распада гуннского союза; по мнению других, турбаслинская культура сложилась в результате взаимодействия гунно-сармат и местного финно-угорского населения [35, 48].

Особый интерес вызывает наконечник (рис. 3, 5), состоящий из железной основы с серебряной окантовкой и золотой пластины, с орнаментом в виде «елоч-

ки» в центре и «псевдозернью» по краям, все три элемента наконечника соединялись при помощи двух серебряных штифтов [46]. Практически полные аналогии изделию – накладки портупей меча, по Н.А. Мажитову – зафиксированы в погр. 1 Маняжского могильника. В данном погребении также обнаружены геральдические Т-образные накладки со «сросшейся перекладной» и «пламеневидной» пластиной и литая лировидная пряжка с прямоугольным щитком. Аналогичные изделия, происходящие из комплексов неволинской культуры, датированы концом VI–VII в. н.э. [45]. Е.П. Казаков выделяет несколько этапов (кушнаренковский, маняжский, хусаиново-большетиганский, танкеевский) переселения кушнаренковских племен с востока (с территории Западной Сибири) на запад (в Приуралье). Вполне возможно, что рассматриваемый наконечник мог попасть на городище Уфа-II во время «маняжского этапа», датированного, по Е.П. Казакову, второй третью VII–VIII в. н.э. [49. С. 174].

Третий ременной наконечник (рис. 3, 8) представлен пластиной вытянуто-подпрямоугольной формы с заостренным окончанием. По аналогиям в памятниках бартымской стадии неволинской культуры Верхнего Прикамья данное изделие может быть датировано в пределах VI–VII вв. н.э. [43. С. 164. Табл. LXVII, 15, 18, 43, 45–47].

Единственная ременная накладка, найденная в слоях городища (рис. 3, 13) имеет мечеобразную / ланцетовидную форму. Аналогии накладке представлены в погр. 25 (р. I), погр. 12 (р. II) Маняжского могильника [38. С. 10. Рис. 4, 22, С. 14. Рис. 6, 19], кург. 27/5 Ново-Турбаслинского могильника [28. С. 128–129]; погр. 6, погр. 22, погр. 57, погр. 89, погр. 196 Неволинского, погр. 51 Верх-Саинского могильника Верхнего Прикамья (бартымская стадия неволинской культуры, VI–VII вв. н.э.) [43. С. 126. Табл. XXIX, С. 162. Табл. LXV]; в кург. 7/1 могильника Новинки II (Среднее Поволжье) VII–VIII вв. н.э. [50. С. 28–29]. Данный тип накладок датируется В.Б. Ковалевской и Ф.А. Сунгатовым в рамках VII–VIII вв. н.э. [51. С. 107. Рис. 8; 36. С. 87]. По А.К. Амброзу, подобные изделия относятся к наиболее позднему и уже деградировавшему типу накладок, входивших в состав геральдических наборных поясов и бытовавших в удаленных районах (Приуралье, Алтай). Датировка их приходится на VIII в. н.э. [52. С. 96–123. Рис. 5, 61].

К принадлежностям уздечного набора отнесена серебряная бляшка-тройник с выделенными лопастями, выпуклая и полая внутри (рис. 4, 5). На центральной полусферической части тройника имеются рельефные изогнутые линии (геометрический орнамент). Верхняя часть каждой лопасти уплощена, а окончания имеют небольшие выступы. Размеры изделия – 4,9 см, датировка VIII – середина IX в. н.э. [53. С. 39–40]. Идентичные «уфимскому» тройники выявлены в кург. 17/4 могильника Чулым-2, кург. 5 могильника Узунтала материалы которых относятся к VIII–IX вв. н.э. [Там же. С. 102–122. Рис. 13, 4; 54. С. 26. Рис. 15, 11].

Металлические элементы вооружения

Обнаруженные на городище металлические наконечники стрел относятся к проникателям двух типов.

Тип I. Черешковые железные трехгранные наконечники (рис. 2, 19–23). Ф.А. Сунгатов при рассмотрении материалов турбаслинской культуры подобные наконечники стрел относит к КСП-3 и датирует их 2-й половиной VI–VII в. н.э. [34. С. 86. Рис. 15]. Аналогии данным наконечникам можно встретить в материалах Бирского могильника (погр. 99, погр. 156, погр. 165) [7. С. 153. Табл. 29, 14, Табл. 31, 9; 34. С. 3–56. Рис. 5, 4]. Длина изделий от 4 до 7,5 см.

Тип II. Ланцетовидные (плоские) железные наконечники стрел (рис. 2, 24–26). Длина изделий варьирует от 7 до 8 см. Подобные стрелы найдены в погребениях Бирского могильника, отнесенных А.К. Амброзом к IV периоду бытования некрополя [34. С. 3–56.

Рис. 5, 5, 25]. Этот период датирован исследователем в пределах всего VII в. н.э., к этому же времени стоит относить и плоские проникатели II типа.

Кроме описанных выше изделий в слоях городища найдены разнообразные кольца (рис. 2, 11, 12) и, возможно, бронзовое писало (?) (рис. 2, 13). Однако большинство этих находок не имеет каких-либо датированных аналогий, за исключением серебряного кольца XI – нач. XIII в. н.э. (рис. 2, 11).

Таким образом, первый период функционирования памятника по элементам костюмного комплекса, пряжкам и фибулам датируется в рамках IV – первой половины IX в., что полностью подтверждается данными радиоуглеродного анализа [3. С. 44].

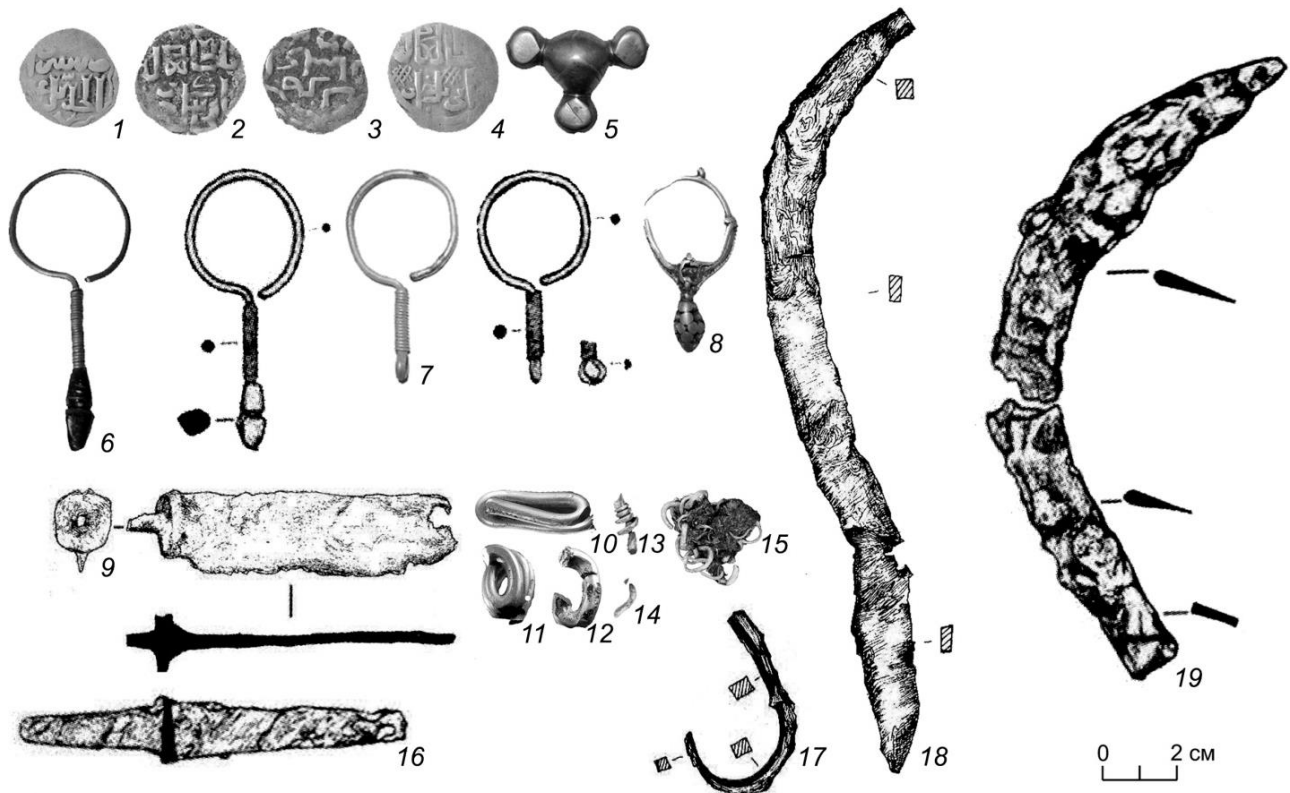

Рис. 4. Городище Уфа-II. Металлические изделия эпохи Золотой Орды. Остатки ювелирного производства: 1–4 – монеты; 6–8 – серьги; 9, 16 – ножи; 10–15 – золотой лом и фрагменты цепочки; 17 – гвозди; 18, 19 – серпы

Следующий этап в существовании поселения на площадке раннесредневекового городища Уфа-II связан с эпохой Позднего Средневековья. С момента начала изучения городища получено небольшое количество предметов материальной культуры домоногольского и золотоордынского времени, т.е. первой половины II тыс., а именно: серебряная серьга в виде «знака вопроса» XIII–XIV вв. (рис. 4, 7) [55. Рис. 71, 4–5; 56. С. 250–251; 57. С. 112], серебряная серьга с грузиком: XI – начало XIII в. (рис. 4, 6) [58. С. 34–46], височная подвеска с напускным полым шариком XII–XIII вв. (рис. 4, 8) [55. Рис. 122, 12; 59. С. 29], серебряный перстень XI – начала XIII в. (рис. 2, 11) [15. Рис. 132, 2–3; 55. Рис. 81, 3], серебряные дирхемы XIV в. золотоордынских ханов Узбека, Джанибека, Бердибека в количестве 19 экз. (рис. 4, 1–4) [60. С. 44–52], ножи (рис. 4, 9, 16), серпы (рис. 4, 18, 19). Следовательно, этот этап относится к хронологическому периоду в рамках XI–XIV вв.

Еще один хронологический отрезок, выделенный по обнаруженному металлическому инвентарю, связан с хозяйственной деятельностью русского населения на площадке памятника в этнографическое время. К этому времени относятся находки элементов портупейного набора XVIII–XIX вв. (рис. 3, 20–22), нательные кресты, жетоны, монеты, ножи, гвозди (рис. 4, 1–4, 16–17) и другие вещи связанные с хозяйственной деятельностью либо костюмным комплексом.

Подводя итог проделанной работе, стоит отметить, что человеческие коллективы заселяли площадку памятника три раза. С первым этапом (IV – первая половина IX вв.) связано функционирование самого городища Уфа-II. Металлокомплекс этого времени сочетает как местные формы украшений (колесовидные подвески, пронизки с вздутием, полые подвески в виде медведя и т.д.), так и пришлые (зеркала, пинцеты, фибулы и др.). Данные находки говорят о взаимодействии в пределах

Уфимского полуострова пришлого (степного) и местного (оседлого) населения в указанный период.

На втором этапе (XI–XIV вв.) площадка памятника была занята «чиялыкским» населением. Вероятно, в это время основная часть площадки городища была

давно заброшена, а обжитая часть представляла собой небольшое поселение, возможно, сезонное. Третий этап (XVIII–XIX вв.) – это время включения площадки памятника в общегородскую застройку расширяющегося уездного города Уфы.

ЛИТЕРАТУРА

- Ищериков П.Ф., Мажитов Н.А. Городище Уфа II // Археология и этнография Башкирии. Уфа : Изд-во БФ АН СССР, 1962. Т. I. С. 145–150.
- Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А. Городище Уфа-II – раннесредневековый памятник на реке Белой. Материалы раскопок 2015 года. Уфа : Древняя Уфа, 2016. 266 с.
- Сунгатов Ф.А., Левченко В.А. Хронология средневекового городища Уфа-II по данным радиоуглеродного датирования культурных отложений // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2014. Т. 19, № 1. С. 44–56.
- Levchenko V.A., Sungatov F.A. Building the radiocarbon chronology for the archeological site Ufa-II, Bashkortostan, Russia: is this the elusive «Bashkort» of medieval sources? // Radiocarbon. 2013. Vol 55, № 2-3. P. 1278–1285.
- Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. 1963. № 4. С. 58–72.
- Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 207 с.
- Мажитов Н.А. Бахмутинская культура: этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М. : Наука, 1968. 161 с.
- Берестнев Р.С. Сарматы в междуречье Хопра и Волги : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. 323 с.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) : материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск : Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2010. Т. 17. 499 с.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
- Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 202 с.
- Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2004. 172 с.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. Казань : ФЭН, 2016. № 3 (17). С. 26–41.
- Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск : Изд-во Удмурт. ин-та истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.
- Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Исмагилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II : материалы раскопок 2008 года. Уфа : ГУП РБ УПК, 2009. Т. III. 368 с.
- Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. М.-Л. : Наука, 1966. Вып. Д1-30. 142 с.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск : Удмуртия, 2003. Т. I. 721 с.
- Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск : Удмуртия, 2004. Т. II. 318 с.
- Казанский М.М. Германцы в юго-западном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. Киев : Стило, 2006. С. 26–41.
- Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Гл. 3: Раннеславянский мир. М. : Изд-во ИА РАН, 2007. Вып. 9. С. 133–273.
- Гавритухин И.О., Воронцов А.М. Фибулы Верхнеокско-Донского водораздела: двучленные прогнутые подвязыные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Тула : Изд-во гос. музея-заповедника «Куликово поле», 2008. Вып. 1. 397 с.
- Красноперов А.А. Бирский и Тарасовский могильники: сравнительная характеристика датирующих возможностей комплексов с фибулами // Уфимский археологический вестник. Уфа : Гилем, 2008. Вып. 8. С. 117–129.
- Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) : материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск : Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2014. Т. 27. 472 с.
- Русланова Р.Р. Бусы могильников Уфимско-Бельского междуречья III–VIII вв. : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2016. 218 с.
- Русланов Е.В., Русланова Р.Р. Фибулы эпохи переселения народов с городища Уфа-II // Уфимский археологический вестник. Уфа : Гилем, 2015. Вып. 15. С. 148–153.
- Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук (предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. № 8–9. С. 16–27.
- Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск : Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2010. 264 с.
- Мажитов Н.А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа : Изд-во ИИЯЛ БФ АН СССР, 1959. С. 117–121.
- Сунгатов Ф.А. Керамика Дежневских курганов // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 201–210.
- Сунгатов Ф.А. Погребальные комплексы Дежневского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем, 1995. С. 118–137.
- Перевозчикова С.А. Височные украшения Верхнего Прикамья конца IV–IX вв. (историко-генетический подход) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2009. 218 с.
- Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII в. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа : Изд-во ИИЯЛ БФ АН СССР, 1977. С. 90–135.
- Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения IV–VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М. : Наука, 1970. С. 161–193.
- Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М. : Наука, 1980. С. 3–56.
- Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). Уфа : Гилем, 1998. 168 с.
- Хайретдинова Э.А. Женский костюм варваров юго-западного Крыма в V – первой половине VI вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии : сб. / ред.-сост. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. Симферополь : Изд-во КФУ им. В.И. Вернадского, 2002. Вып. IX. С. 53–118.
- Крапачева О.С. Серьги с многогранником на конце (по материалам раскопок городища Уфа-II) // Международная полевая школа в Болгаре : сб. материалов итоговой конференции. Казань ; Болгар, 2016. С. 41–45.
- Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 164 с.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 216 с.
- Крапачева О.С., Шамсутдинов М.Р. Металлическая ременная гарнитура городища Уфа-II // Этности и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Уфа : Изд-во ИЭИ УНЦ РАН, 2017. С. 69–77.

41. Комар А.В. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк : Изд-во ДонГУ, 2000. Т. 1. С. 19–54.
42. Богачёв А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара : Артефакт, 1992. С. 141–150.
43. Голдина Р.Д., Водолога Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. 176 с.
44. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. 223 с.
45. Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
46. Беляевский А.А., Крапачева О.С. Ременная гарнитура с полихромным декором «шиповского горизонта» на территории Башкортостана (к вопросу о морфологии и технологии изготовления) // Международная археологическая школа : сб. материалов конф. «Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы». Казань ; Болгар, 2017. С. 41–55.
47. Ахмеров Р.Б. Древние погребения в Уфе // КСИИМК. М. : Изд-во АН СССР, 1949. Вып. 10. С. 110–120.
48. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Рифей, 2000. 265 с.
49. Казаков Е.П. Мадьяры и волжские болгары: этапы взаимодействия // II-й Международный Мадьярский симпозиум : сб. науч. тр. / отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск : Рифей, 2013. С. 173–181.
50. Лифанов Н.А. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Донецк : Изд-во ДонГУ, 2005. Т. 4. С. 28–29.
51. Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов). М. : Наука, 1972. 112 с.
52. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I. // Советская археология. 1971. № 2. С. 96–123.
53. Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1994. 215 с.
54. Молодин В.И. Бараба в тюркское время. Новосибирск : Наука, 1988. 176 с.
55. Мажитов Н.А., Саттаров Т.Р., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Городище Уфа-II : материалы раскопок 2007 года. Уфа : Башкортостан, 2009. Т. II. 224 с.
56. Вактурская Н.Н. О серьгах средневекового городища Шехрлик // История, археология и этнография Средней Азии. М. : Наука, 1968. С. 250–251.
57. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во МГУ, 1966. 274 с.
58. Руденко К.А. Торевтика Волжской Булгарии и Болгарского Улуса Золотой Орды: проблемы преемственности // Поволжская археология. Казань : ФЭН, 2013. № 4 (6). С. 34–46.
59. Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Сер. Археология евразийских степей / отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань : Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. Вып. 16. 212 с.
60. Акбулатов И.М., Гарустович Г.Н., Сунгатов Ф.А. Клад серебряных дирхемов золотоордынского времени с территории городища Уфа-II в Республике Башкортостан // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2016. Т. 21, № 3. С. 44–52.

Ruslanova Rida R. National Museum of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia). E-mail: ridushka@mail.ru

Ruslanov Evgeniy V. Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia). E-mail: butleger@mail.ru

Beljanskaja (Krapacheva) Olga S. Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia). E-mail: krapacheva.olya@mail.ru

METAL PRODUCTS AND RELATIVE CHRONOLOGY OF THE MEDIEVAL SETTLEMENT UFA-II IN THE FOREST-STEPPE URALS

Keywords: metal products; chronology; the ancient settlement Ufa-II; Urals; the Middle Ages; buckles.

In the middle of the 1st millennium AD the ethnic situation in the steppes of Eurasia was radically changing. The Iranian-speaking nomads of the early Iron Age were replaced by the Turkic and Ugra-speaking nomadic and semi-nomadic tribes of the Huns, Oguzes, Bulgarians, Kimaks, Kipchaks, Magyars, etc. This movement was the result of a global process, called the era of the Great Migration of Nations, as a result of which a modern ethnic map of a significant part of Eurasia began to form.

In the medieval period, the steppe and forest-steppe areas of the Southern Urals also experienced numerous waves of population migration, moving from Central Asia to the west to Europe and backwards. These include the tribes of Turbaslinskaya, Kushnarenkovskaya, Karayakupovskaya, and Bakalskaya archaeological cultures.

On the territory of the forest-steppe Ufa-Belsky interfluvium, one of the most striking monuments of that period, reflecting the interaction of an alien and sedentary population for almost half a millennium, is the ancient settlement Ufa-II. This interaction is manifested in mixed forms of ceramics, imported things, as well as in accessories of the suit complex, which are reliable markers and allow separating the alien component from the local population.

In the article, based on the analysis of a number of metal products (elements of a suit complex, horse harness, household items, armament, tools, coins, etc.), the time of the Ufa-II fortification was specified. The settlement is located in the Kirov district of Ufa, on the elevated and wide promontory of the radical right bank of the river White. Opened in the middle of the 20th century, the settlement of Ufa-II is a large settlement with a powerful cultural layer and various mass and individual materials. According to the researchers, this monument fully reflects the processes of ethno-cultural interaction in the territory of the Southern Urals in the 1st millennium AD and therefore is a reference for both South Ural and Eurasian archeology. The first period of functioning of the monument by the authors of the article is determined within the framework of the IV–first floor IX centuries and is closely connected with the Bakhmutinskaya, Turbaslinskaya, Imenkov-Romanovskaya, Kushnarenkovskaya and Karayakupovskaya tribes. At the second stage (XI–XIV centuries), the site of the monument was occupied by the “chilyaks” people, by this time the settlement had already ceased to exist. Another chronological segment (XVIII–XIX centuries), distinguished by the discovered metal inventory, is associated with the economic activities of the Russian population on the site of the monument in ethnographic time.

REFERENCES

1. Icherikov, P.F. & Mazhitov, N.A. (1962) *Gorodishche Ufa-II* [The ancient settlement Ufa-II]. In: Kuzeev, R.G. (ed.) *Arheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archeology and Ethnography of Bashkiria]. Vol. I. Ufa: USSR AS. pp. 145–150.
2. Ruslanov, E.V., Shamsutdinov, M.R. & Romanov, A.A. (2016) *Gorodishche Ufa-II – rannesrednevekovyy pamyatnik na reke Beloy. Materialy raskopok 2015 goda* [The ancient settlement Ufa-II – an early medieval monument on the Belaya river. Materials of excavations in 2015 year]. Ufa: Drevnyaya Ufa.

3. Sungatov, F.A. & Levchenko, V.A. (2014) Building the radiocarbon chronology for the archaeological site Ufa-II. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan – The Herald of the ASRB*. 19(1). pp. 44–56. (In Russian).
4. Levchenko, V.A. & Sungatov, F.A. (2013) Building the radiocarbon chronology for the archeological site Ufa-II, Bashkortostan, Russia: is this the elusive “Bashkortof of medieval sources”? *Radiocarbon*. 55(2–3). pp. 1278–1285. DOI: 10.1017/S0033822200048189
5. Khazanov, A.M. (1963) Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [The genesis of the Sarmatian bronze mirrors]. *Sovetskaya arkheologiya*. 4. pp. 58–72.
6. Malashev, V.Yu. (2013) *Pozdnesarmatskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya vo II–III vv. n.e.* [The late Sarmatian culture of the Southern Urals in the 2nd – 3rd centuries AD]. History Cand. Diss. Moscow.
7. Mazhitov, N.A. (1968) *Bakmutinskaya kul'tura: etnicheskaya istoriya naseleniya Severnoy Bashkirii serediny I tysyacheletiya nashey ery* [The Bachmutinsk culture: ethnic history of the North Bashkirian population in the middle of the 1st Millennium BCE]. Moscow: Nauka.
8. Berestnev, R.S. (2017) *Sarmaty v mezhdurech'e Khopra i Volgi* [The Sarmatians between the Koper and the Volga]. History Cand. Diss. Voronezh.
9. Goldina, R.D. & Bernits, V.A. (2010) *Turaevskiy I mogil'nik – unikal'nyy pamyatnik epokhi velikogo pereseleniya narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaya chast')* [Turaevsky I cemetery – a unique monument of Great Resettlement in the Middle Kama region (barrow-free part)]. Vol. 17. Izhevsk: Udmurt State University.
10. Goldina, R.D. (1985) *Lomovatskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e* [Lomovato culture in the Upper Kama region]. Irkutsk: Irkutsk State University.
11. Sultanova, A.N. (2000) *Birskiy mogil'nik: istoriko-arkheologicheskaya kharakteristika* [The Birsk burial ground: historical and archaeological characteristics]. History Cand. Diss. Ufa.
12. Sungatov, F.A., Garustovich, G.N. & Yusupov, R.M. (2004) *Priural'e v epokhu velikogo pereseleniya narodov (Staro-Mushtinskii kurganogruntovyi mogil'nik)* [The Urals during the Great Migration (the Staro-Mushta burial mounds)]. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat.
13. Goldina, R.D. & Bernits, V.A. (2016) Chronology of the Third – Fifth Centuries Male Graves from the Tarasovo Burial Ground. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 3(17). pp. 17–58. (In Russian).
14. Ostanina, T.I. (1997) *Naselenie Srednego Prikam'ya v III–V vv.* [The Population of the Middle Kama region in the 3rd – 5th centuries]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, UB RAS.
15. Mazhitov, N.A., Sungatov, F.A., Sultanova, A.N., Ismagilov, R.B. & Bakhsheva, I.R. (2009) *Gorodishche Ufa-II. Materialy raskopok 2008 goda* [The ancient settlement Ufa II. Excavations in 2008]. Vol. 3. Ufa: GUP RB UPK.
16. Ambroz, A.K. (1966) *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e.–IV v. n.e.* [Fibulae of the south of the European part of the USSR in the 2nd century BCE – 4th century CE]. Archeological sources. Issue D1-30. Moscow; Leningrad: Nauka.
17. Goldina, R.D. (2003) *Tarasovskiy mogil'nik I–V vv. na Sredney Kame* [The Tarasovo burial ground of the 1st – 5th centuries in the Middle Kama]. Vol. 1. Izhevsk: Udmurtiya.
18. Goldina, R.D. (2004) *Tarasovskiy mogil'nik I–V vv. na Sredney Kame* [The Tarasovo burial ground of the 1st – 5th centuries in the Middle Kama]. Vol. 2. Izhevsk: Udmurtiya.
19. Kazansky, M.M. (2006) *Germantsy v yugo-zapadnom Krymu v pozdnerimskoe vremya i v epokhu Velikogo pereseleniya narodov* [Germans in the south-western Crimea in the late Roman times and in the era of the Great Migration]. In: Terpilovskiy, R.V. (ed.) *Goty i Rim* [Goths and Rome]. Kyiv: Stilos. pp. 26–41.
20. Akhmedov, I.R. & Belotserkovskaya, I.V. (2007) *Kul'tura ryazano-okskikh mogil'nikov* [Culture of Ryazan-Oka burial grounds]. In: Gavritukhin, I.O. & Oblomsky, A.M. (eds) *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e.* [Eastern Europe in the middle of the 1st millennium CE]. Moscow: Institute of Archeology, RAS. pp. 133–273.
21. Gavritukhin, I.O. & Vorontsov, A.M. (2008) *Fibuly Verkhneoksko-Donskogo vodorazdela: dvuchlennyye prognutyye podvyeznye i so sploshnym priemnikom* [Fibulae of the Upper Oka – Don watershed: double-stranded, bent underhook and with a solid receiver]. In: Gavritukhin, I.O. & Vorontsov, A.M. (eds) *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and forest-steppe zones in Eastern Europe under Roman influences and during the Great Migration]. Tula: Kulikov pole.
22. Krasnoperov, A.A. (2008) *Birskiy i Tarasovskiy mogil'niki: sravnitel'naya kharakteristika datiruyushchikh vozmozhnostey kompleksov s fibulami* [Birsk and Tarasovo burial grounds: a comparative description of the dating capabilities of complexes with fibulae]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik*. 8. pp. 117–129.
23. Leshchinskaya, N.A. (2014) *Vyatskiy kray v p'yanoborskuyu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov I–V vv. n.e.)* [Vyatka region in the Panyan Bor era (based on the burial monuments of the 1st – 5th centuries CE)]. Izhevsk: Udmurt State University.
24. Ruslanova, R.R. (2016) *Busy mogil'nikov Ufimsko-Bel'skogo mezhdurech'ya III–VIII vv.* [Beads of burial grounds in the Ufa-Belsk interfluvium of the 3rd – 8th centuries]. History Cand. Diss. Izhevsk.
25. Ruslanov, E.V. & Ruslanova, R.R. (2015) *Fibuly epokhi pereseleniya narodov s gorodishcha Ufa-II* [Fibulae dated by the Resettlement of Peoples from Ufa-II]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik*. 15. pp. 148–153.
26. Shmidt, A.V. (1929) *Arkheologicheskie izyskaniya Bashkirskoy ekspeditsii Akademii Nauk (Predvaritel'nyy otchet o rabotakh 1928 g.)* [Archaeological Surveys of the Bashkir Expedition of the Academy of Sciences (Preliminary Report on the Work of 1928)]. *Khozyaystvo Bashkirii*. 8–9. pp. 16–27.
27. Goldina, E.V. (2010) *Busy mogil'nikov nevolinskoy kul'tury (konets IV–IX vv.)* [Beads from the burial grounds of the Nevolinsk culture (the late 4th – 9th centuries)]. Izhevsk: Udmurt State University.
28. Mazhitov, N.A. (1959) *Kurgannyi mogil'nik v derevne Novo-Turbasly* [Burial mound in Novo-Turbasly]. In: Smirnov, A.P. & Kuzeev, R.G. (eds) *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik* [Bashkir Archaeological Collection]. Ufa: USSR AS. pp. 117–121.
29. Sungatov, F.A. (1993) *Keramika Dezhnevskikh kurganov* [Ceramics of Dezhnevo mounds]. In: *Novoe v srednevekovoy arkheologii Evrazii* [New in the Medieval Archeology of Eurasia]. Samara: [s.n.]. pp. 201–210.
30. Sungatov, F.A. (1995) *Pogrebal'nye komplekсы Dezhnevskogo i Novo-Turbaslinskogo mogil'nikov (po materialam raskopok 1989–1992 gg.)* [Funerary complexes of Dezhnevo and Novo-Turbaslinsk burial grounds (based on excavations of 1989–1992)]. In: *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Mounds of the Southern Urals nomads]. Ufa: Gilem. pp. 118–137.
31. Perevozchikova, S.A. (2009) *Visochnye ukrasheniya Verkhnego Prikam'ya kontsa IV–IX vv. (istoriko-geneticheskiy podkhod)* [Temporal ornaments of the Upper Kama region in the late 4th – 9th centuries (historical-genetic approach)]. History Cand. Diss. Izhevsk.
32. Gening, V.F. (1977) *Pamyatniki u s. Kushnarenkovo na r. Beloy (VI–VII v. n.e.)* [Monuments near Kushnarenkovo on the river Belaya (6th – 7th century AD)]. In: Kuzeev, R.G. (ed.) *Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala* [Studies on the archeology of the Southern Urals]. Ufa: USSR AS. pp. 90–135.
33. Akhmerov, R.B. (1970) *Ufimskie pogrebeniya IV–VII vv. n.e. i ikh mesto v drevney istorii Bashkirii* [Ufa burials of the 4th – 7th centuries AD and their place in the ancient history of Bashkiria]. In: Smirnov, A.P. (ed.) *Drevnosti Bashkirii* [Antiquities of Bashkiria]. Moscow: Nauka. pp. 161–193.
34. Ambroz, A.K. (1980) *Birskiy mogil'nik i problemy khronologii Priural'ya v IV–VII vv.* [Birsk burial ground and problems of chronology of the Priurals in the 4th – 7th centuries]. In: Pletneva, S.A. (ed.) *Srednevekovyye drevnosti evraziyskikh stepey* [Medieval antiquities of the Eurasian steppes]. Moscow: Nauka. pp. 3–56.
35. Sungatov, F.A. (1998) *Turbaslinskaya kul'tura (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov V–VIII vv. n.e.)* [Turbasly culture (based on the funeral monuments of the 5th – 8th centuries AD)]. Ufa: Gilem.
36. Khayretidinova, E.A. (2002) *Zhenskiy kostyum varvarov yugo-zapadnogo Kryma v V–pervoy polovine VI vv.* [The female costume of the barbarians of the south-western Crimea in the 5th – 6th centuries]. In: Aybabin, A.I. & Zinko, V.N. (eds) *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archeology, History and Ethnography of Tavria]. Vol. 9. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University. pp. 53–118.

37. Krapacheva, O.S. (2016) Ser'gi s mnogogrannikom na kontse (po materialam raspokop gorodishcha Ufa-II) [Earrings with a polyhedron at the end (based on excavations of Ufa-II)]. In: Sitdikov, A.G. (ed.) *Mezhdunarodnaya poleyaya shkola v Bolgare: sbornik materialov itogovoy konferentsii* [International Field School in Bolgar]. Kazan: Bolgar. pp. 41–45.
38. Mazhitov, N.A. (1981) *Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv.* [Mounds of the Southern Urals of the 8th – 12th centuries]. Moscow: Nauka.
39. Goldina, R.D. & Kanarin, V.A. (1989) *Srednevekovye pamyatniki verkhov'ev Kamy* [Medieval Monuments of the Upper Kama]. Sverdlovsk: Ural State University.
40. Krapacheva, O.S. & Shamsutdinov, M.R. (2017) Metallicheskiye remennaya garnitura gorodishcha Ufa-II [Metal belt set from Ufa-II]. In: *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzh'ya: istoriya i sovremennost'* [Ethnic groups and cultures of the Ural-Volga region: history and modernity]. Ufa: RAS. pp. 69–77.
41. Komar, A.V. (2000) Aktual'nye problemy khronologii material'noy kul'tury gunnskogo vremeni Vostochnoy Evropy [Topical problems of the chronology of the Hunnic material culture in Eastern Europe]. In: Evglevsky, A.V. (ed.) *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [European Steppes in the Middle Ages]. Vol. 1. Donetsk: Donetsk State University. pp. 19–54.
42. Bogachev, A.V. (1992) *Protsedurno-metodicheskiye aspekty arkheologicheskogo datirovaniya (na materialakh poyasnykh naborov IV–VIII vv. Srednego Povolzh'ya)* [Procedural and methodological aspects of archaeological dating (on the materials of belt sets of the 4th – 8th centuries of the Middle Volga region)]. Samara: Artefakt. pp. 141–150.
43. Goldina, R.D. & Vodolago, N.V. (1990) *Mogil'niki nevolinskoy kul'tury v Priural'e* [The burial grounds of the Nevolinsk culture in the Urals]. Irkutsk: Irkutsk State University.
44. Ovchinnikova, B.B. (1990) *Tyurkskiye drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekakh* [Turkic antiquities of the Sayano-Altai in the 6th – 10th centuries]. Sverdlovsk: Ural State University.
45. Kubarev, G.V. (2005) *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [The culture of the ancient Turks of the Altai (according to the materials of funerary monuments)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS.
46. Belyavskiy, A.A. & Krapacheva, O.S. (2017) Remennaya garnitura s polikhromnym dekorom “shipovskogo gorizonta” na territorii Bashkortostana (k voprosu o morfologii i tekhnologii izgotovleniya) [Belt headset with polychrome decoration “Shipovo horizon” in Bashkortostan (on the morphology and manufacturing technology)]. In: Sitdikov, A.G. (ed.) *Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya shkola* [Bolgar International Archaeological Field School]. Kazan: [s.n.]. pp. 41–55.
47. Akhmerov, R.B. (1949) Drevnie pogrebeniya v Ufe [Ancient burial in Ufa]. *KSIIMK*. 10. pp. 110–120.
48. Botalov, S.G. & Gutsalov, S.Yu. (2000) *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [Hun-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppe]. Chelyabinsk: Rifev.
49. Kazakov, E.P. (2013) Mad'yary i volzhskie bolgary: etapy vzaimodeystviya [The Magyars and Bulgarians of the Volga: stages of cooperation]. In: Botalov, S.G. & Ivanova, N.O. (eds) *II-y Mezhdunarodnyy Mad'yarskiy simpozium* [The Second International Magyar Symposium]. Chelyabinsk: Rifev. pp. 173–181.
50. Lifanov, N.A. (2005) K voprosam periodizatsii i khronologii pamyatnikov novinkovskogo tipa [On the chronology of the Novinkov-type monuments]. In: Evglevskiy, A.V. (ed.) *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [European steppes in the Middle Ages]. Vol. 4. Donetsk: Donetsk State University. pp. 28–29.
51. Kovalevskaya, V.B. (1972) *Bashkiriya i evraziyskiye stepi IV–IX vv. (po materialam poyasnykh naborov)* [Bashkiria and Eurasian steppes of the 4th – 9th centuries (based on the belt sets)]. Moscow: Nauka.
52. Ambroz, A.K. (1971) Problemy rannesrednevekovoy khronologii Vostochnoy Evropy [Problems of early medieval chronology of Eastern Europe]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 96–123.
53. Savinov, D.G. (1994) *Gosudarstva i kul'turogenez na territorii Yuzhnoy Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ya* [States and cultural genesis in southern Siberia in the early Middle Ages]. Kemerovo: Kemerovo State University.
54. Molodin, V.I. (1988) *Baraba v tyurkskoe vremya* [Baraba in Turkic time]. Novosibirsk: Nauka.
55. Mazhitov, N.A., Sattarov, T.R., Sungatov, F.A. & Sultanova, A.N. (2009) *Gorodishche Ufa-II. Materialy raspokop 2007 goda* [Ufa-II Settlement. Excavations in 2007]. Vol. 2. Ufa: GRI “Bashkortostan”.
56. Vakturskaya, N.N. (1968) O ser'gakh srednevekovogo gorodishcha Shekhrlik [On the medieval Shekhrlik earrings]. In: Vinogradov, A.V. (ed.) *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Sredney Azii* [History, Archeology and Ethnography of Central Asia]. Moscow: Nauka. pp. 250–251.
57. Fedorov-Davydov, G.A. (1966) *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Eastern European Nomads under the Golden Horde]. Moscow: Moscow State University.
58. Rudenko, K.A. (2013) Art metal of the Volga Bulgaria and Bolgar ulus of Golden Horde: succession of traditions. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 4(6). pp. 34–46. (In Russian).
59. Karimova, R.R. (2013) Elementy ubranstva i akssessuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordyy (tipologiya i sotsiokul'turnaya interpretatsiya) [The Golden Horde elements in nomadic costumes and accessories (socio-cultural typology and interpretation)]. In: Mirgaleev, I.M. (ed.) *Arkheologiya evraziyskikh stepey* [Archeology of Eurasian steppes]. Vol. 16. Kazan: Sh. Mardzhani Institute of Archeology.
60. Akbulatov, I.M., Garustovich, G.N. & Sungatov, F.A. (2016) Silver dirham hoard of the golden horde period from Ufa 2 ancient town site in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan – The Herald of the ASRB*. 21(3). pp. 44–52. (In Russian).

УДК 35 + 571.1/5
DOI: 10.17223/19988613/58/24

Л.И. Шерстова

ДВИЖЕНИЕ РУССКИХ ЗА УРАЛ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОСА В XVII–XIX вв.

*Результаты получены в рамках выполнения государственного задания
Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.*

Рассматриваются направленность и содержание этнических процессов, протекавших в русском этносе в результате миграции его части за Урал, следствием чего стало формирование русского субэтноса – сибиряков. Делается вывод о том, что если первоначально преобладали процессы ассимиляции аборигенных народов Сибири, то к XIX в. они сменились аккультурационными процессами. Благодаря сложению нового субэтноса в Сибири русские расширили свою этническую территорию и обогатили свой культурный потенциал.

Ключевые слова: русские; аборигенные народы Сибири; этнические процессы; субэтнос.

Этническое состояние русских XVII в. и позже можно определить как «открытое», которое характеризуется такими признаками, как аморфность и размытость этнического сознания, слабость коммуникационных связей внутри этноса, культурное разнообразие в повседневной жизни и вариативность праздничной культуры. Уже на европейской территории России в силу ее обширности, разнообразия природных зон и региональных особенностей культуры и занятий русского этноса протекали процессы формирования этнографических групп – субэтносов русского этноса.

Специфические природно-климатические условия Севера России существенно изменили облик культуры северных русских и сместили доминанты их хозяйственной деятельности. Отход от пашенного земледелия или даже полный отказ от него, в ряде случаев – переход к морскому зверобойному промыслу и рыболовству, вообще промыслово-животноводческая направленность хозяйства, постоянная и тесная взаимосвязь с местным населением стали причиной и условием формирования одной из этнографических групп великороссов – поморов [1. С. 75–78].

Значение промысла, в первую очередь охоты (особенно пушной), было изначально велико как у архангелогородцев и поморов, так и у всего населения Русского Севера. Поэтому уже с XI в. осваивалась не только сухопутная дорога, но чуть позже и морской путь за Урал. Русские промышленники вместе с коми-зырянами начали осваивать богатую пушиной Мангазею гораздо раньше «государевых людей» [2. С. 67–69]. Власти знали об этом, поэтому после первой неудачной попытки заложить Мангазейский острог, в 1601 г., отправляя с этой целью воевод Василия Мосальского и Савлука Пушкина, им приказали «взять в Березове у воеводы... в вожи зырян торговых людей и вы(мич) на все суды... которые от Мангазейской и Енисейской ход знали и толмачить умели», а придя к «Мангазейской и Енисейской самояди» сказать им «жалованное слово, что преж сего приходили к ним в Мангазею и в Енисею вымичи и пустозерцы, и многих государевых городов люди и дань с них имали воров-

ством на себя»; теперь же построенный острог защитит их «ото всяких обид» [3. С. 388–389].

Некоторые русские субэтносы проживали в европейской части компактно – поморы, группы терских, донских, астраханских казаков, мещера в Рязанском крае, другие – старообрядцы, однодворцы (юго-западные районы московских земель) – как компактно, так и дисперсно.

В ходе освоения сибирских пространств этнические процессы в русской среде еще сильнее интенсифицировались и непрерывно протекали в разных сочетаниях в зависимости от природно-климатических условий, разноточности сибирского окружения, отношения с которым могли быть как очень тесными и постоянными, так и временными и краткими, т.е. продолжалось дальнейшее формирование русского этноса, вернее, одного из его субэтносов – русских сибиряков.

Начало консолидационных процессов великорусского этноса, т.е. начало его этногенеза, относится примерно к XI в., когда мигрировавшая в междуречье Оки и Волги часть восточнославянского (древнерусского) этноса ассимилировала местные финноязычные группы (мурома, мещера, меря). Результатом оседания переселенцев на новых территориях, где их соседями сделались прежние «хозяева», стала своеобразная «этническая сетка»: расселение первых налагалось на расселение вторых, повседневные бытовые и хозяйственные контакты закономерно приводили к этническому взаимодействию [4. С. 8], и процессы аккультурации и ассимиляции разворачивались достаточно интенсивно. В конечном итоге формирующийся великорусский этнос уже к XV в. в числе прочих растворил в себе финно-угорский субстрат [5. С. 55].

С другой стороны, древние и постоянные контакты восточных славян с Диким Полем, а с XIII в. – с Золотой Ордой, т.е. с тюрко-монгольским миром, этнополитическим фрагментом Центральной Азии, также существенно повлияли на этнокультурный комплекс будущих великороссов, на их вкусы и пристрастия [6. С. 46–50; 7]. Колонизация Прикамья, Приуралья, а затем и Западной Сибири столкнула русских с местными

аборигенами – финно-уграми, тюрками, самодийцами. И поскольку финно-угорский и тюркский субстраты уже органично вошли в состав великороссов, участвуя когда-то в их этноформировании, постольку русским и на индивидуальном, и на групповом уровне было привычным общение с неславянскими народами.

Оказавшись в Сибири, русские принесли туда евразийское этногенетическое субстратное наследие, которое ментально не противопоставляло их этносам Северной Евразии, не предполагало «национального высокомерия» по отношению к ним. К тому же постоянное расширение территории обитания, за которым не поспевал естественный рост численности русской этнопопуляции, и включение в нее все новых неславянских этнических компонентов препятствовали ее прочной внутренней консолидации, постепенно размывая ее, создавая все новые, достаточно нестабильные этнолокальные группы, не позволяя, таким образом, «замкнуться на себе и в себе». Следствием процессов миграции, аккультурации и ассимиляции стали нечеткие этнографические признаки, обилие региональных специфических культурных черт и довольно аморфное этническое самосознание.

Поэтому в сознании людей XVI–XVII вв. и даже позднее понятие «русский» было равнозначно категории «православный» [8. С. 737], т.е. собственно этническая идентификация подменялась «конфессиональной» и подкреплялась последней. Это обстоятельство является наглядным выражением незавершенности этнической консолидации русского этноса, свидетельством отсутствия в этнониме жестко определенного внутреннего этнографического содержания накануне прибытия русских в Сибирь. Последнее обусловило отсутствие пренебрежения, высокомерия, ненависти к «чужим», к нерусским народам. Ксенофобия (во всяком случае по отношению к сибирским аборигенам) не являлась и не могла являться ментальной чертой русских периода освоения Сибири.

К тому же следует отметить, что наиболее ранняя волна русских мигрантов в Сибирь была связана с северорусскими областями, прежде всего с Поморьем и Приуральем. Северные русские к XVII в., как уже отмечалось, имели навыки общения с финно-угорским и самодийским населением не только Прикамья-Приуралья, но и Зауралья. Они серьезно расширили и оптимизировали систему своего жизнеобеспечения за счет пушной охоты, торговли и постоянных контактов с аборигенами. Для представителей этой русской этнопопуляции продвижение за Урал явилось всего лишь естественным продолжением приуральской колонизации – еще и потому, что она проходила в той же самой географической зоне – зоне тайги и лесотундры. И лишь много позднее – в лесостепи.

Отсюда следует, что «покорение» Сибири можно и нужно рассматривать как растянутую во времени «пульсирующую» миграцию русского этноса. В ней поход Ермака выглядит только частным эпизодом, а пространственным выражением «ударов пульса» являются три линии русских крепостей и городов: северная (Пелым, Березов, Обдорск и далее до Анадыря), средняя (Верхотурье, Тобольск, Сургут. Нарым,

Кетск, Енисейск и далее до Якутска) и южная (Тара, Ишим, Томск, Кузнецк, Красноярск и далее до Верхнеудинска и Албазина) [9. С. 13–20].

П.Н. Милуков связал все этапы колонизации русскими земель в единой процесс и пришел к выводу о закономерности ее завершения у берегов Тихого океана [10. С. 470–488]. Это была колонизация, к тому же подкрепляемая и амбициозными претензиями московских правителей на «ордынское наследие».

Взаимное «открытое состояние» русских и аборигенов упрощало и облегчало межэтнические контакты, обусловило не только успешность политики скорого и массового объясачивания аборигенов, но и налаживание тесных русско-аборигенных отношений. Следствием этих процессов стал пролонгированный этногенез русских за Уралом, который выразился в образовании микрогрупп русского этноса, которые во второй половине XIX в. получили обобщенное название «русских сибиряков» (старожилов).

На бытовом уровне этот процесс обеспечивался за счет распространенности русско-аборигенных браков. Ситуация облегчалась тем, что в XVII в. в Сибири было очень мало русских женщин. Поэтому большинство походов в «немирные земли» заканчивалось захватом детей и женщин. Так, во время похода 1641 г. Якова Тухачевского в Киргизскую землю «...жен их и детей взяли 130 человек, да верблюдов 150, да лошадей с 300...» [11. С. 103–104]. Женщин, как правило, быстро крестили, и они становились женами русских людей. Как отмечал С.В. Бахрушин, «учесть даже приблизительно количество крещеных туземок не представляется возможным» [12. С. 98].

По данным Б.О. Долгих, в середине XVII в. 10% юкагирских женщин были женами и наложницами служилых и промышленных людей [13. С. 171, 186]. Таким образом, закладывались условия для интенсивных процессов ассимиляции и формирования отдельной этнографической группы русского этноса – сибиряков. Но формирование этого субэтноса не привело к появлению однородной в культурном и бытовом плане общности, что определялось обширностью территории расселения русских, к тому же обладавшей разнообразием природно-климатических зон и географических ландшафтов, слабостью коммуникационных связей между русскими городами и острогами, взаимодействием с разнотническим аборигенным населением Сибири и, следовательно, включением в свою культуру разнородных элементов. В XVII–XVIII вв. основным фактором его формирования были русско-аборигенные браки, что, как уже отмечалось, провоцировалось в основном «мужским» характером раннего этапа освоения Сибири. Характер формирования русского субэтноса сибиряков носил «очаговый» характер, концентрируясь вокруг русских поселений в Сибири, между которыми сохранились обширные территории, населенные аборигенами.

В 1697 г. пятидесятник В. Атласов с 60 казаками и таким же числом юкагиров двумя отрядами «огнем и мечом» прошел по западному и восточному побережьям Камчатки, разрушая городки камчадалов и объясачивая их, а также основал Верхне-Камчатское ясажное зимовье.

Численность коряков и камчадалов к приходу русских составляла примерно 6 900 человек. В течение первых 18 лет после начала их объясачивания вследствие столкновений со служилыми людьми и участвовавших междоусобиц их численность сократилась на 20–23%. Достаточно благоприятные природные условия полуострова привлекали сюда промышленников, разночинцев, крестьян. В 1730-е гг. численность русского населения вместе с членами их семей составляла не менее 1 400 человек. Большая часть служилых людей и промышленников находилась в сожительстве с местными женщинами, так как и в начале XVIII в. недостатка в плененных женщинах не было [13. С. 217–218].

Вследствие злоупотреблений камчатских властей и восстаний численность камчадалов уменьшалась. Не менее серьезные демографические изменения произошли в 1768–1769 гг., когда среди камчадалов распространилась оспа. В результате эпидемии численность коренного населения Камчатки сократилась на 65% и упала до 2 600 человек обоего пола. Такие разрушительные последствия эпидемии объяснялись тем, что камчадалы вели оседлый образ жизни в многонаселенных острожках. Как отмечает И.С. Гурвич, «после эпидемии в конце XVIII в. на Камчатке резко изменилась этническая ситуация... Численность камчадалов составляла около 3 000 человек, т.е. всего на 1 тысячу превышала численность русского населения. Смешанные в национальном отношении браки в этих условиях получили широкое распространение. Как отмечал Ж. Лесепс после посещения камчадалских острожков, “природных жителей, которых кровь не смешана, очень мало”. Новая эпидемия 1799 г. вновь прервала начавшийся демографический рост камчадалов. В начале XIX в. их насчитывалось примерно 2 000 человек обоего пола» [13. С. 217–219].

Политические события XVIII в. предопределили особенности этнического состава населения Камчатки. В течение всего XIX в. камчадалам так и не удалось восстановить свою численность, соответствующую концу XVII в., т.е. накануне русской колонизации. К тому же увеличивающееся русское население полуострова усиливало ассимиляционные процессы, следствием чего стало складывание метисированной русскоговорящей новой этнической общности, принявшей самоназвание дорусского населения полуострова – «камчадалы». Небольшая часть аборигенов, сохранившая свой язык, в этих условиях получила этноним «ительмены». Таким образом, этническая история Камчатки показывает, как в течение двухсот лет в результате русско-камчадалских контактов сформировался новый русский субэтнос, сохранивший аборигенный этноним, но существенно изменивший хозяйственный и культурный облик. Собственно же остатки камчадалов стали именоваться ительменами [12. С. 218].

Не останавливаясь на вопросе складывания группы сибирских линейных казаков, следует отметить, что в их формировании участвовали донские и запорожские казаки, переселенные со своих исконных земель, крестьяне, которых неоднократно поверстывали в казаки. Например, в 1846 г. появился указ, по которому «киргизам (казахам), проживающим в (казачьих) станицах,

велено было выселиться из них или поступить в казаки» [14. С. 544].

Однако формирование смешанного населения Сибирской линии началось еще в XVIII в., что было связано с обычной для Сибири той поры практикой торговли ясырем (рабами из плененных). Неудивительно, что заметной статьей ойратско-русской торговли были рабы. Ш.Б. Чимитдоржиев отмечал, что в документах того времени часто встречаются такие выражения, как «ясырь из колмаков», «полоненный мунгальский ясырь». Основная масса купленных рабов уходила в Европейскую Россию [15. С. 34–35], поскольку уже к концу XVII в. все сибирские сословия, включая местных аборигенов, обзавелись собственными холопами.

Новым толчком к развитию работорговли в Сибири послужили события 1753–1758 гг., когда Китай разгромил, наконец, Джунгарское ханство. Чтобы каким-то образом отрегулировать вопросы торговли людьми, в 1756 г. появились правила покупки у казахов пленников. При этом сибирский губернатор Мятлев, ссылаясь на Уложение, объяснял это необходимостью «для преумножения домочадцев в сибирских городах, малолюдных и недостаточных: купцы и юрточные бухарцы, выменивая или покупая невольников, обязаны были обращать их в христианство» [9. С. 17].

Отношение властей к работорговле оставалось двойственным вплоть до первой половины XIX в. С одной стороны, присутствовало понимание недостойности распространения такого явления для просвещенной страны. Отсюда – указы 1818, 1822, 1825, 1826 гг., направленные на ограничение торговли невольниками в Сибири, хотя это было время расцвета крепостничества в Европейской России. Однако если там владельцами крепостных могли быть лишь дворяне, то в Сибири, как отмечалось, холопами владели представители всех свободных сословий, прежде всего купечество.

То, что центральная и местная власти резко не ограничивали работорговлю в XVII–XVIII вв., определялось сохранением евразийской традиции русской государственности, направленной на увеличение численности русских подданных в Сибири. Тезис московских царей «полнить волости» своеобразно трансформировался в стремление увеличивать число подданных и за счет невольников. Такой подход к иноэтничным пленникам способствовал их быстрой ассимиляции, особенно на линии. В 1818 г. в Томской казенной палате рассматривалось дело пятидесятника Сибирского линейного казачьего войска Федора Бедрина. Выяснилось, что у него «принят за сына» крещеный калмык Антон Бедрин, а также на воспитании находятся «таковые же» Василий и Михаил. Все трое «пользуются наравне с прочими Казачьему войску присвоенными выгодами и ни в какой другой род жизни, кроме казачьего сословия, поступать не желают» [16. Л. 2]. Уже современники отмечали чрезвычайно смешанный состав сибирских казаков, в частности их «калмыковатость» [17. С. 433]. Согласно данным Ж.О. Артыкбаева, в состав казаков, кроме русских, вошли украинцы, мордва (до 7%), белорусы (до 3%), казахи (до 3%), татары, калмыки, башкиры, чуваш и т.д. [18. С. 167].

Таким образом, линия превратилась в один из мощных узлов этногонии. Однако процесс ассимиляции не мог завершиться сложением какого-либо нового этноса, ибо метисные потомки автоматически вливались прежде всего в казачье сословие. Они могли выделяться внешним обликом, сохранять некоторую культурную специфику, но, как правило, говорили только по-русски и, будучи православными, оказывались лишь этническим компонентом русского этноса в Сибири – этнографической группой сибирских казаков.

Аналогичным образом в Забайкалье в результате русско-бурятских и русско-тунгусских браков шло формирование еще одной группы сибирского субэтноса русских – карымов [17. С. 435]. Процессам русско-аборигенных ассимиляционных процессов, помимо «открытого» этнического состояния русских и аборигенов, отсутствия ксенофобских настроений, способствовал и сословный принцип организации московской, а затем и имперской государственности. В соответствии с ним потомки от смешанных браков записывались в сословие своих, как правило, русских отцов – служилых, казаков, крестьян, позже мещан, купцов. Более того, как уже отмечалось, с начала XIX в. бывшие холопы или вызволенные из рабства аборигены могли сами выбирать сословие. В результате в Сибири не сложилась значительная метисированная общность, чей социальный статус не был бы определен. Соответственно, это закрепляло включение этнически и культурно смешанных групп в социальную структуру Российского государства, пополняя уже существовавшие сословия, а на этническом уровне потомки смешанных браков пополняли русское население Сибири.

Если в XVII–XVIII вв. складывание русских сибиряков шло в основном вследствие ассимиляционных процессов, то с XIX в. усиливается значимость процессов аккультурации, что было связано с ростом численности прибывающих из-за Урала новых русских переселенцев. С 1719 по 1792 г. русское население увеличилось с 169 тыс. до 412 тыс.; численность же аборигенов-мужчин к концу XVIII в. составила 183 тыс. человек [19. С. 139–152].

Новые русские миграции также приводили к образованию зон интенсивных этнокультурных контактов, где зарождались смешанные и новые этнические общности. В середине XVIII в., после гибели Джунгарского ханства, начинают быстро заселяться русскими крестьянами степная и лесостепная зоны Иртышско-Енисейского междуречья.

Росло количество русских поселенцев, вместе с этим увеличивалось число смешанных поселков. С преобладанием денежных выплат все больше сибирских аборигенов становилось в русских деревнях, где они нанимались на разные работы. В результате тесных контактов усиливались аккультурационные процессы, и часть аборигенного населения постепенно переходила на русский язык и русскую культуру, а некоторые меняли и сословную принадлежность. Так, в Кизильской степной думе (Енисейская губерния) с 1837 по 1850-е гг. в крестьяне Ужурской и Балахтинской волостей Ачинского округа перешло 86 аборигенных семей. С 1833 по 1860 г. крестьянское сословие только

одной Ужурской волости пополнилось 113 домохозяевами-инородцами [20. С. 187–189].

Особое место среди аборигенных административных образований степного Алтая занимала Кумышская инородная управа Барнаульского округа, преобразованная из одноименной ясачной волости в результате реформ М. Сперанского. Эта волость возникла на р. Бурле в 1764 г. (1769 г.) по Указу Екатерины II как ответ на просьбу десяти «ясашных» семей Орской волости Колыванского округа о переселении на «пустопорожние» земли. Основная масса кумышей расселялась в Обь-Томском междуречье, образуя две многонаселенные Кумышские волости (позднее – управы) в Кузнецком и Томском округах.

В 1820-е гг. кумыши проживали на р. Бурле в пяти деревнях – Хабаровой (119 д.м.п.), Половинной (44 д.м.п.), Подогревке (22 д.м.п.), Осиновой (6 д.м.п.) и Котешной (23 д.м.п.). Среди фамилий кумышей часто встречались Холкины, Миловановы, Калачиковы, Мальцовы, Мурашкины, Парфеновы, Малышевы, Ключиковы, Пискуновы [21. Л. 49 об.]. По мнению Н.М. Ядринцева, во второй половине XIX в. население Кумышской инородной управы Барнаульского округа внешне не отличалось от местных крестьян, занималось земледелием, по благосостоянию не уступало русским крестьянам, было зажиточным – в Хабарках проходила ярмарка и была открыта школа. Кумыши проживали в семи деревнях, их управа была приписана к Барнаульскому округу, а сами они фактически слились с русскими крестьянским культурным миром [22. С. 94–95].

Такая интенсивная русификация протекала в зонах тесных русско-аборигенных контактов всего степного земледельческого пояса от Урала до Амура. В результате русское население Сибири пополнялось аборигенным компонентом не только в ходе ассимиляции, что было характерно для XVII–XVIII вв., но и в процессе аккультурации. Показательно, что наиболее ранние группы русских сибиряков складывались, как правило, в доземледельческий период русской истории Сибири в результате ассимиляции. Это – камчадалы, карымы, линейные казаки, возможно, колымчане на Колыме и ее притоках, марковцы на Анадыре, русско-устыинцы в низовьях Индигирки, «затундренные крестьяне» на реках Пясины и Анабара, на востоке Таймыра, якутяне по берегам Лены, вплоть до Алдана (следствие русско-якутских браков). С усилением русской, уже земледельческой колонизации, когда переселялись из-за Урала семьями и проблема нехватки русских женщин исчезла, возрастала значимость аккультурационных процессов в среде аборигенного населения от Урала до Амура.

В начале XIX в. не только кумыши степного Алтая, но и многочисленные инородные управы междуречья Оби и Енисея были полностью русифицированы, не столько вследствие русско-аборигенных браков, сколько в результате проведенной в XVIII в. христианизации и благодаря постоянным русско-аборигенным контактам в совместной бытовой, повседневной жизни. К этому времени основная масса аборигенного населения была уже настолько русифицирована, что безболезненно пе-

ретекала в русское крестьянство степной Сибири. И только фамильный состав части сибирского русского крестьянства сохранял память о его дорусских истоках.

Характеристика сибирского субэтноса русских будет неполной без учета многочисленных старообрядческих общностей, расселенных по всей Сибири как компактно, так и дисперсно с конца XVII в. Компактные группы старообрядцев состояли из переселенных Екатериной II беглецов старой веры на р. Ветку в Польше, но после ее раздела вновь оказавшихся под русской властью. В 1760-е гг. они двумя большими группами были переселены в Сибирь. Одна, оказавшаяся на Алтае, стала известна, как «поляки». Другая группа, высленная в Забайкалье, получила название «семейских». Это были достаточно замкнутые общности, хранившие допетровские традиции в религиозной и бытовой культуре, которые сознательно изолировались от всякого общения не только с аборигенами, но и с переселенцами-никонианами, что позволяло им выделяться из основной массы европейских переселенцев [23. С. 2, 47–48.].

Следует заметить, что появление русских поселений в Сибири было связано не только с деятельностью центральной и местной русской власти. Изначально присутствовала и вольная русская земледельческая колонизация, которая в Сибири приобрела своеобразные черты. В некоторых случаях вольная земледельческая колонизация опережала государственное закрепление новых земель.

Здесь показательна история заселения земель по р. Бухтарме и Нарыму. В отечественной литературе эта группа поселенцев известна, как «каменщики», т.е. «живущие в камне» – «в горах». Вопрос о дате ее формирования может решаться только предположительно, так как архивные данные отсутствуют. Первые сведения об этой группе поселенцев за пределами Колывано-Воскресенской линии фигурируют в донесениях коменданта «пограничной» Усть-Каменогорской крепости Густава Штрэндмана в Коллегию иностранных дел графу А. Безбродко. Он сообщал, что по «его прибытию в сибирский корпус» в 1787 г. он «часто получал сообщения из разных источников, что по рекам Иртышу и Бухтарме, в горах, прилегающих к китайской границе, находится немалое число российских беглецов с женами и детьми, имеющих там хлебопашество и прочее домашнее обзаводство, которых якобы китайцы, как они около их постов находятся, весьма приветствуют... и в нуждах не оставляют». Несмотря на то, что из Усть-Каменогорской крепости не раз отправлялись военные команды, чтобы найти и вернуть этих русских беглецов, «по причине непроходимости тех мест и ущелий, команды без успеха возвращались» [24. Л. 5].

Следует полагать, что общество «каменщиков» было достаточно неоднородно в сословном отношении – помимо приписных крестьян, рабочих и мастеровых с заводов и рудников в него входили беглые военные, причем не только простые солдаты или казаки. Большая его часть состояла, видимо, из мужчин разных сословий, среди которых, безусловно, было достаточно много людей с авантюрным характером, смелых и уверенных в себе. Характеристика «каменщиков» бу-

дет неполной без учета конфессиональных особенностей беглецов. Известно, что среди первых рабочих и мастеровых, привезенных А. Демидовым с Урала, было достаточное количество старообрядцев. Видимо, этот конфессиональный компонент увеличивался и за счет тех старообрядцев, которые отправлялись на поиски Беловодья – «земли обетованной» – не только из Сибири, но и из европейской части, так как один из путей проходил через Горный Алтай. Не случайно среди условий, на которых «каменщики» вновь стали бы российскими подданными, была и такая просьба – «чтобы у них не разоряли раскольниковую веру и священников к ним не определяли» [Там же. Л. 8 об].

Несмотря на сословную, конфессиональную, а возможно, и этническую неоднородность, это общество «беглецов» было хорошо организовано и, видимо, имело свою систему управления. Оно сохраняло традиции самоуправлявшихся северорусских общин, независимый дух «казацкого круга», старообрядческую замкнутость. Будучи сплоченным, оно оказывалось неуязвимым для воинских команд, посылаемых с линии, которые не могли обнаружить их поселения, а значит система связи между деревнями действовала постоянно, предупреждая об опасности. Имея для защиты достаточное число вооруженных людей под командованием профессионального военного, оно могло защитить крестьян от угрозы китайских или казахских нападений, и последние, видимо, осознавали это. В то же время «каменщики» сумели наладить с ними отношения, занимаясь торговлей, в том числе охотничьими трофеями. Они были прекрасными следопытами, изучив не только горные районы, прилегающие к Бухтарме и Иртышу, но и осваивали долину Коксы.

Одним из условий возвращения вновь в российское подданство была просьба исключить «каменщиков» из «прежних подушных податей и чтобы приказано им было плату в казну производить зверьями» [Там же. Л. 5 об., 6, 7 об., 8 об., 10]. Они прекрасно понимали, что в этом случае их положение будет тождественно положению «иноверских», т.е. аборигенных народов Сибири, чье тягло определялось ясаком, а в сословном смысле они образовывали бы сословие «ясачных», в котором можно было только родиться. Определяя для себя вид повинности в виде пушнины (звериных шкур), «каменщики» – русские по происхождению люди – по своей воле уравнивались с коренным населением Сибири.

Фактически все условия принятия вновь российского подданства, на которые указывали «каменщики», были выполнены. В 1792 г. они в качестве «ясачных» официально заняли свое место в сословной структуре империи. После образования в 1804 г. Томской губернии Бухтарминская ясачная волость была причислена к Бийскому округу. Согласно Уставу об управлении инородцев (1822), «ясачные», бывшие «каменщики», официально стали именоваться по названию сословия – «инородцами», а Бухтарминская ясачная волость была переименована в Бухтарминскую инородную управу и в 1824 г. насчитывала 275 р.д. [25. Л. 62]. Решением Второй ясачной комиссии (1830-е гг.) сословный статус и название органа управления были

сохранены. Русские по происхождению – бухтарминцы – официально считались «инородцами», так как сохранялся вид их тягла – ясак. Несмотря на законодательно запрещенную возможность включения в свой состав новых беглецов, в 1849 г. они насчитывали уже 411 р.д. [26. Л. 1167], а к концу XIX в. – 872 р.д. Они расселились в основном в бассейне Бухтармы, в деревнях Сенной, Быковой, Малонарымской, Верх-Бухтарминской, Язовой, Фыкальской и т.д.

К этому времени было восстановлено соответствие сословного состояния этой группы и их этнической принадлежности. В 1876 г. Бухтарминская инородная управа была преобразована в Верх-Бухтарминскую крестьянскую волость [27. Л. 280], а «инородцы» Бухтармы официально стали именоваться крестьянами, так как на них были распространены обязанности и виды податей, определенные для русских крестьян Сибири. Так закончился интересный период истории одной из русских групп – части сибирского субэтнуса, начавшей свою историю за пределами российской территории, но своим расселением определившей границы Российской империи.

«Каменщики» и старообрядцы – «поляки» и «семе́йские», – хотя и имели некоторые культурные и бытовые особенности, были частью крестьянского и городского старожильского населения Сибири, у которого также шло формирование специфических черт в образе жизни, отличных от европейских русских. Поэтому наряду с оформившимися уже в Сибири вследствие русско-аборигенных процессов аккультурации и ассимиляции метисными группами они составили новую этническую общность – субэтнос русского этноса – сибиряков.

Пролонгированный процесс дальнейшего развития русского этноса за Уралом во второй половине XIX в. очень образно представил А.П. Щапов: «Русское народонаселение еще переживает непосредственно-натуральный процесс национального образования, зарождения, нарастания в нацию или народ. Еще не сложился и не определился во всей ценности и опре-

деленности его национально-физиологический тип. Еще слишком явственно и грубо выступают в этнографическом составе русского народа разнообразные, разнородные контингенты, не организованные в одно целостное тело». И далее: «В Сибири не мог образоваться и не образовался новый народ или новая нация... [Здесь]... развивается довольно заметная областная разновидность великорусского народа...» [17. С. 402, 432].

То, что А.П. Щапов называл «областным типом», в этнографической науке получило название «субэтнуса». Следует добавить, что формирование субэтнуса в рамках любого этноса – явление универсальное, присущее всем народам, которое демонстрирует уникальные возможности человеческих популяций осваивать разные природные зоны, адаптироваться к непривычным природно-климатическим условиям, менять традиционные занятия, приобретать новые культурные черты, в том числе и в результате взаимодействий с аборигенным населением. И русский этнос не является исключением – расселившись от Балтийского моря до Тихого океана, контактируя с разными народами, он показал свою жизнеспособность, с одной стороны, а с другой – сохранил этническое единство, язык, общую русскую культуру, единое самосознание.

Однако следствием столь масштабной колонизации стало наличие в его составе различных субэтнуса со специфическими культурными чертами, одним из которых и являются сибиряки, которые также не являются однородными. Важным представляется то, что и для них (по крайней мере большей части) именно принадлежность к русскому этносу, а не к своему субэтносу, является определяющей, что доказывает наличие единой русской идентичности, в которой имеются различные субэтнические уровни. Именно они придают разнообразие, мозаичность русской культуре в целом, обеспечивая ее жизнеспособность и огромный потенциал адаптационных возможностей как к иному природному окружению, так и к различным культурным, социально-экономическим новациям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштам Т.А. Поморы. Л., 1978. 175 с.
2. Бахрушин С.В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. М., 1929. С. 67–69.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. I. 607 с.
4. Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М., 1997. 827 с.
5. Ключевский В.О. Русская история. Ростов н/Д., 1998. Кн. I. 608 с.
6. Гумилев Л.Н. От Руси к России : очерки этнической истории. СПб., 1992. 384 с.
7. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993. С. 59–75.
8. Александров В.А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII в. М., 1964. 320 с.
9. Словцов П. Историческое обозрение Сибири. М., 1838. 590 с.
10. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. I. 528 с.
11. Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв. // под ред. В.Я. Бутанаева, А. Абдыкалыкова. Абакан, 1995. 250 с.
12. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII веке // Научные труды. М., 1959. Т. IV. 257 с.
13. Этническая история народов Севера / под ред. И.С. Гурвича. М., 1982. 262 с.
14. Щеглов И.П. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1832. Иркутск, 1833. 778 с.
15. Чимитдорджиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987. 239 с.
16. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. I. Оп. 1. Д. 273.
17. Щапов А.П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения // Щапов А.П. Сочинения. СПб., 1906. Т. II. С. 435–458.
18. Артыкбаев Ж.О. Этнология. Алматы, 2006. 316 с.
19. Кабузан В.Т., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII веке // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1962. Вып. I. С. 139–152.
20. Ярилов А.А. Кизильцы и их хозяйство. Юрьев, 1899. 366 с.
21. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 54.

22. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891. 308 с.
23. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. 460 с.
24. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 24. Оп. 1. Д. 65.
25. ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 54.
26. ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 56.
27. ГАТО. Ф. 3. Оп. 49. Д. 289.

Sherstova Lyudmila I. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sherstova58@mail.ru

RUSSIAN MOVEMENT BEYOND THE URALS: ETHNO-CULTURAL TRANSFORMATIONS OF THE ETHNOS IN THE XVII–XIX CENTURIES

Keywords: the Russians; aboriginal peoples of Siberia; ethnic processes; sub-ethnos.

The article observes the ethnic processes and ethnic status of Russians on the eve and during the colonization of the territory beyond the Urals by them. It is concluded that also in the European territory of Russia, due to its vastness, diversity of natural zones and regional features of culture and occupation of the Russian ethnos, in the Russian ethnos the processes of formation of ethnographic groups – sub-ethnoses of the Russian ethnos (Cossacks, Pomors, Old Believers) – took place. During the development of the Siberian space, ethnic processes among Russians intensified even more and went on continuously in different combinations, depending on the climatic conditions, the heterogeneity of the Siberian society. A consequence of these processes was the prolonged ethnogenesis of Russians beyond the Urals, which manifested itself in the formation of microgroups of the Russian ethnos. These microgroups in the second half of the 19th century were called sub-ethnos of Russian Siberians (old-term residents).

The formation of this sub-ethnos did not lead to the formation of cultural and economic homogeneous community (“Kamenshchiks” – Bukhtarman, Karyms, Kamchadals, Siberian Cossacks, etc). The reason was the vastness of the territory of the resettlement of Russians in Siberia. This territory had a variety of climatic zones and geographical landscapes. Also the reason was the weakness of communication links between Russian cities and fortress, the communication with heterogeneous aboriginal population of Siberia and therefore the inclusion of heterogeneous elements in culture. In the 17–18th centuries the main factor in the formation of the sub-ethnos of “Russian Siberians” was Russian-aboriginal marriages, which is explained mainly by the “masculine” character of the early stage of the development of Siberia. The formation of the sub-ethnos was “focal”, concentrating around Russian settlements in Siberia, between which were preserved vast territories inhabited by aboriginal population.

The expansion of agricultural colonization of Siberia in the second half of the 18th century, the intensification of communication between Russians and aboriginal population in everyday life had a strong influence to the processes of acculturation. Part of the aboriginal population gradually began to use the Russian language and to adopt Russian culture and some people changed their class status. By the end of the 19th century a significant part of the aboriginal population of the steppe zone of Siberia had already been so russified that became a part of Russian peasantry of the steppe Siberia.

The consequence of the large-scale colonization of northern Eurasia by Russians was the presence in their composition of various sub-ethnoses with specific cultural features. One of sub-ethnos is “Russian Siberians” which are also not homogeneous. It should be noted that for them (at least for the most part of them) belonging to the Russian ethnos not to their sub-ethnos was more important. This fact proves the existence of one Russian identity which has various sub-ethnic levels. These sub-ethnic levels add variety and “mosaic structure” to Russian culture, ensure its viability and huge potential for adaptation to a different natural environment and to various cultural, social and economic innovations.

REFERENCES

1. Bernshtam, T.A. (1978) *Pomory* [Pomors]. Leningrad: Nauka.
2. Bakhrushin, S.V. (1929) *Sibirskie tuzemtsy pod russkoy vlast'yu do revolyutsii 1917 g.* [Siberian indigenous peoples under Russian rule before the revolution of 1917]. *Sovetskiy Sever*. 1. pp. 67–69.
3. Miller, G.F. (1999) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura.
4. Aleksandrov, V.A., Vlasova, I.V. & Polishchuk, N.S. (eds) (1997) *Russkie* [The Russians]. Moscow: Nauka.
5. Klyuchevsky, V.O. (1998) *Russkaya istoriya* [Russian History]. Vol. 1. Rostov-on-Don: [s.n.].
6. Gumilev, L.N. (1992) *Ot Rusi k Rossii: ocherki etnicheskoy istorii* [From Rus to Russia: essays on ethnic history]. St. Petersburg: Ekopross.
7. Trubetskoy, N.S. (1993) O turanskom elemente v russkoy kul'ture [About the Turanian Element in Russian Culture]. In: Novikova, L.I. & Sizemskaya, I.N. (eds) *Rossiya mezhdru Evropoy i Aziei: Evraziyskiy soblazn* [Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation]. Moscow: Nauka. pp. 59–75.
8. Aleksandrov, V.A (1964) *Russkoe naselenie Sibiri v XVII – nachale XVIII v.* [Russian population in Siberia in the 17th – early 18th century]. Moscow: Nauka.
9. Slovtsov, P. (1838) *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [Historical Review of Siberia]. Moscow: A. Semen.
10. Milyukov, P.N. (1993) *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. Vol. 1. Moscow: Progress-Kul'tura.
11. Butanaev, V.Ya. & Abdykalykov, A. (eds) (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVII–XVIII vv.* [Materials on the History of Khakassia in the 17th – 18th centuries]. Abakan: N.F. Katanov Khakassia State University.
12. Bakhrushin, S.V. (1959) *Ocherki po istorii Krasnoyarskogo uезда v XVII veke* [Essays on the history of the Krasnoyarsk district in the 17th century]. In: *Nauchnye trudy* [Research Materials]. Vol. 4. Moscow: [s.n.].
13. Gurvich, I.S. (ed.) (1982) *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnic History of the Northern Peoples]. Moscow: Nauka.
14. Shcheglov, I.P. (1833) *Khronologicheskii perechen' vazhneyshikh dannykh iz istorii Sibiri. 1032–1832* [Chronological list of the most important data from the history of Siberia. 1032–1832]. Irkutsk: East-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society.
15. Chimidordzhiev, Sh.B. (1987) *Rossiya i Mongoliya* [Russia and Mongolia]. Moscow: Nauka.
16. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 1. List 1. File 273.
17. Shchapov, A.P. (1906) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. St. Petersburg: M.V. Pirozhkov. pp. 435–458.
18. Artykbaev, Zh.O. (2006) *Etnologiya* [Ethnology]. Almaty: Kazak Universiteti.
19. Kabuzan, V.T. & Troitskiy, S.M. (1962) *Dvizhenie naseleniya Sibiri v XVIII veke* [The movement of Siberian population in the 18th century]. In: Shunkov, V.I. (ed.) *Sibir' perioda feodalizma* [Siberia during Feudal Period]. Issue 1. Novosibirsk: USSR AS. pp. 139–152.

20. Yarilov, A.A. (1899) *Kizil'tsy i ikh khozyaystvo* [Kyzyl people and their economy]. Yuriev: K. Mattison.
21. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 144. List 1. File 54.
22. Yadrintsev, N.M. (1891) *Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie* [Siberian non-Russian, their way of life and their current situation]. St. Petersburg: I.M. Sibiryakov.
23. Blomkvist, E.E., Grinkova, N.P (1930) *Bukhtarminskie staroobryadtsy* [Bukhtarma Old Believers]. Leningrad: USSR AS.
24. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 24. List 1. File 65.
25. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 144. List 1. File 54.
26. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 2. List 2. File 56.
27. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 49. File 289.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 929

DOI: 10.17223/19988613/58/25

И.А. Крайнева, С.А. Некрылов

О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А.А. ЛЯПУНОВА

*Результаты получены в рамках выполнения государственного задания
Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.*

На основе научного наследия члена-корреспондента АН СССР А.А. Ляпунова, его педагогической концепции дифференцированного подхода к образованию актуализируется апробированная в Новосибирском Академгородке практика математического образования. Установлена родовая связь между дифференцированным подходом к преподаванию не только математики, но и других предметов в современной России с идеями академических ученых позднесоветского периода.

Ключевые слова: А.А. Ляпунов; А.Н. Колмогоров; онтодидактика; реформа математического образования в СССР; дифференцированный подход.

Целью статьи является выявление роли А.А. Ляпунова в реформировании математического образования как составляющей части его обширного наследия в области педагогики. Педагогическое наследие ученого включает результаты теоретической и практической деятельности в области воспитания подрастающего поколения, преподавания математики и естествознания на всех уровнях возрастной лестницы. Оно складывалось по нескольким направлениям теоретического и практического характера.

Получивший блестящее домашнее, школьное и постшкольное образование, Ляпунов высоко ценил его и стремился привить молодежи схожее отношение к знаниям. Работая с разновозрастной аудиторией, Ляпунов особенно тяготел к подрастающему поколению. Он внимательно следил за образованием дочерей, их друзей, а затем и воспитанников Новосибирской физико-математической школы (ФМШ) и студентов Новосибирского государственного университета (НГУ), выявлял талантливых молодых людей, вовлекая их в круг своих интересов.

Отечественные реалии в науке и образовании в период после Великой Отечественной войны находились под влиянием веяний научно-технического прогресса и идеологических императивов. Печально известная сессия ВАСХНИЛ 1948 г. закрыла дорогу генетике, только что заявившая о себе кибернетика также попала в разряд идеологически вредных наук, была предпринята попытка «идеологической» дискуссии в физике. В отстаивании идей кибернетики, как известно, Ляпунов сыграл важную роль. Большой кибернетический семинар в МГУ, многочисленные выступления в печати и на кафедрах вузов способствовали позитивному восприятию кибернетики в обществе, что дало импульс развитию электронной вычислительной техники [1].

Требованиям прогресса науки и техники должно было соответствовать и народное образование на всех

его уровнях. Идеи реформирования образования в новой ситуации, прикладные аспекты науки, сокращение пути от научного открытия до его практической реализации Ляпунов, как и другие сторонники этих идей, видели в математизации знаний, применении расчетов, моделирования, а не в создании образцов новой техники в «полупроизводственных» условиях, а затем их серийном выпуске. Это одно обстоятельство, с которым Ляпунов связывал возрастание роли современной математики, автоматизации, программирования и пр.

Сама математика в это время значительно расширила свой научный аппарат. Дифференциальное и интегральное исчисления, основы математического анализа (математика непрерывного), получившие свое начало в конце XVII века, в последующем привели к разработке методов решения задач механики, математической физики, геометрии. Появление вычислительной техники актуализировало математику дискретного. Математическая логика использовалась при решении задач дискретного характера, методы дискретной и непрерывной математики совместно применялись в экономике, методы теории множеств и теории автоматов в начале 1960-х гг. позволяли надеяться на возможность общения с ЭВМ на естественном языке, т.е. развивать проблематику искусственного интеллекта. Кроме того, возникли новые разделы математики: теория информации, теория алгоритмов, теория игр, линейное и динамическое программирование. Таким образом, развитие математики, новые области ее применения, появление ЭВМ – вот вызовы, которые должны были повлечь за собой реформирование преподавания математики на всех уровнях: пересмотр школьных и вузовских программ, создание специализированных средних школ с углубленным преподаванием математики, подготовку специалистов для обеспечения кадрами научного сообщества и производства.

В своих философских работах конца 1960-х – начала 1970-х гг. А.А. Ляпунов, рассматривая всю систему человеческих знаний и образование как взаимозависимые сущности, заметил, что система человеческих знаний развивается более стремительно, чем на это развитие успевает отреагировать народное образование. Консерватизм образования он объяснял тем, что преподаватель работает по инерции, на основе апробированного материала, часто не обращая должного внимания на новые явления науки и техники. Кроме того, процесс перехода нового знания в образовательные курсы требует времени [2. С. 38].

Идея математизации знаний занимает ведущее место в работах Ляпунова. Поместив математику в центр научной кооперации, ученый придает ей значение интертеории, которая применима к любому системному объекту. Он писал: «При системном подходе объект сложной природы разбивается на относительно автономные составляющие, описывается их взаимодействие. Далее возникает чисто математическая задача: отправляясь от начальной структуры объекта в целом и актов взаимодействия между его составляющими, описать глобальный режим поведения этого объекта и выяснить в случае необходимости как изменяется его структура. Членение объекта на составляющие не формализуется. В то же время изучение поведения сложных систем при заданном их членении во многих случаях осуществляется формальными методами» [3. С. 52].

Реформистские идеи в области преподавания математики носили международный характер. В 1950-е гг. активизировалась деятельность Международной комиссии по народному образованию ЮНЕСКО. На математических конгрессах (Амстердам, 1954; Стокгольм, 1962; Москва, 1966) обсуждались проблемы радикальной реформы математического образования на всех уровнях образовательной системы на основе понятий множества, преобразования и структуры, вопросы модернизации математической терминологии и символики, сокращения традиционных разделов элементарной математики [4. С. 7]. Этот процесс затронул и СССР.

С 1957 г. Ляпунов становится членом редакционной коллегии тематического сборника «Математическое просвещение». Выпуск этого сборника инициировали такие энтузиасты реформирования школьной математики, как Яков Семенович Дубнов (1887–1957) и Алексей Семенович Маркушевич (1908–1979). Они ратовали за обновление школьного курса математики, который до сих пор преподавался на уровне идей, вошедших в обиход в XVII–XVIII вв. В 1959 г. в сборнике была опубликована статья, в которой предлагалась новая программа по математике, вмещающая в себя такие понятия, как производная, интеграл, геометрические преобразования, векторная алгебра, комбинаторика, теория вероятностей и статистика, теоретико-множественный подход и математическая логика [5]. Но это были лишь первые подступы к реформированию школьной математики.

На протяжении 1960-х–1970-х гг. шла идейная подготовка, а затем реализация реформы преподавания

школьной математики как основы достижений в области науки и техники. Эта реформа названа «колмогоровской», поскольку выдающийся отечественный математик академик А.Н. Колмогоров занимал в ней ключевые позиции: с 1964 г. он возглавил математическую секцию Комиссии Академии наук СССР и Академии педагогических наук СССР по реформе школьного образования. Цель Комиссии – приведение содержания образования в соответствие с современными научными достижениями, в том числе введение преподавания математики на основе новейших веяний – аксиоматики, что включало изучение простейших аксиоматических систем: группы, кольца, поля; и теоретико-множественного подхода – математический анализ, теория множеств, математическая логика, общая алгебра [6. С. 114–135]. До сих пор результаты этой реформы школьной математики остаются предметом дискуссий, порой они оцениваются негативно, как «трагедия» [7] и «сотрясение системы образования» [8].

Самым непримиримым критиком реформы был другой выдающийся математик – академик Лев Семенович Понтрягин (1908–1988) [9]. Поддерживали реформу академики С.Л. Соболев (1908–1989), Л.В. Канторович (1912–1986), Б.В. Гнеденко (1912–1995). «Колмогоровская» реформа проходила в 1970–1978 гг. и завершилась после ее сокрушительной критики в декабре 1978 г. на заседании Отделения математики АН СССР [4. С. 23–84]. В 1980-е гг. «контрреформу» возглавил академик Андрей Николаевич Тихонов (1906–1993). Тем не менее определенная модернизация школьной математики состоялась, изучение элементов дифференциального и интегрального исчисления с тех пор прочно вошло в школьную практику.

Провести реформирование школьной математики можно было безболезненно для всех сторон, но и администраторы, и ученые не соблюли в тот момент некоторых важных условий, таких как более тщательное и длительное экспериментальное апробирование новых учебников, на что было отведено мало времени, учет неоднородности школьной аудитории, более тесное сотрудничество с учительской общественностью, переподготовка учителей. Кроме того, сами реформаторы, как правило, не обладали опытом работы в обычной школе, имели слабое представление о квалификации учителей, уровне развития детей и родителей. Последние также оказались в сложной ситуации, поскольку не могли помочь детям в освоении нового материала. Были и разночтения в проведении реформы: для Министерства просвещения СССР она должна была носить фронтальный характер, тогда как Колмогоров более рассчитывал на эксперимент и математическую специализацию как разновидность производственного обучения. Известно сдержанное отношение к реформе Министерства просвещения РСФСР во главе с А.И. Даниловым (пост министра занимал в 1967–1980 гг.). В работах А.А. Ляпунова не встречается оценок деятельности А.Н. Колмогорова в связи с реформой, хотя они состояли в переписке и в одном из писем Колмогоров рассказывал Ляпунову, что он ведет в обычной школе подмосковного Болшева экспе-

риментальное преподавание начал анализа в классе «среднего состава» [10].

По мнению одного из учеников А.Н. Колмогорова, весьма болезненно переживавшего коллизии реформы, глубинные причины ее неудачи крылись в идеологии общества, основанной на примате интересов государства (а не личности), что определяло цели и смысл образования на основе единого подхода. Другая причина заключалась в идеализме самого Колмогорова, который прожил жизнь в творческом окружении и «исходил из идеального образа советского школьника» [6. С. 57]. Подготовку к поступлению в вуз Колмогоров полагал целью школьного образования, а задачей математического просвещения видел поиск соответствующих талантов. В ранней молодости А.Н. Колмогоров разрабатывал конституцию идеального государства, основанного на свободе. Если в таком государстве установить примат личности, то она должна сама выбирать то образование, к которому склонна: цель образования в развитии личности, поиске способностей и таланта в каждом человеке. Следовательно, образование не может быть единым, а должно быть дифференцированным, о чем писали и говорили М.А. Лаврентьев и А.А. Ляпунов. Колмогоров также понимал необходимость дифференцированного подхода, но в существовавших условиях он был не в состоянии что-либо изменить [Там же. С. 99–147].

Ход рассуждений Ляпунова относительно уровня математической подготовки школьников прослеживается в нескольких направлениях: общие идеи, организационное воплощение, методика. Он был, несомненно, сторонником обновления, но придерживался того мнения, что, хотя математическая подготовка нужна всем, более сложная математика доступна лишь немногим. Поэтому он видел решение в специализации (фуркации, по его выражению) школы. Еще в 1959 г. Ляпунов настаивал на необходимости разделения старших классов на три типа: физико-математические, гуманитарные и сельскохозяйственные. В этот период он предлагал введение аксиоматики и теоретико-множественного подхода в средней школе [11. С. 153], тогда как позже уже считал, что это можно сделать и в начальной, но на основе эксперимента и тесного сотрудничества с педагогами [12. С. 77–78].

Обосновывая необходимость реформирования преподавания математики, Ляпунов возражал против его фронтального характера не по содержанию реформы, а в подходе к ней. Реформа, по Ляпунову, должна была строиться на основе дифференцированной системы школьного образования в соответствии со склонностями учащихся, учитывать потребности производственно-технических учебных заведений, вузов и непременно – педагогических вузов. Эти его идеи были существенно подкреплены опытом работы в Физико-математической школе НГУ (ФМШ НГУ), где он был председателем Ученого совета в 1963–1971 гг. Точку зрения А.А. Ляпунова разделял и председатель СО АН академик М.А. Лаврентьев, который говорил об индивидуальном подходе к образованию, выступая на Пленуме ЦК КПСС в июне 1963 г. В этом выступлении он решительно настаивал на том, чтобы в бли-

жайшие три года все образование сделать специализированным в духе предложений Ляпунова [13. Л. 2–3.].

Научно-педагогические центры при крупных научных центрах, по мнению Ляпунова, должны были обеспечить подлинно научную разработку современных принципов обучения на новой основе. В системе таких центров, работа которых должна была регулироваться учеными советами, он предполагал наличие экспериментальных учебных заведений различной специализации, вычислительных центров учебного назначения и других подразделений (станция юных техников, станция юннатов, планетарий, система кружков, издательство и т.д.), проведение олимпиад. Он подчеркивал также, что такие центры должны быть тесно связаны с научно-педагогической общественностью [12. С. 71]. Основные пункты этой программы были реализованы основателями Академгородка: помимо ФМШ здесь появились Клуб юных техников, который поддерживал академик Лаврентьев (с кружком по астрономии в том числе), Станция юных натуралистов (СЮН); кроме летней школы при ФМШ с 1977 г. действовали Летняя школа юных программистов, заочные школы по естественным наукам, научные кружки.

Ляпунов открыто говорил об элитарности научно-педагогических центров, их идейной привязке к потребностям науки: «Назначение таких центров состоит в том, чтобы некоторой части школьников как можно раньше дать полноценное математическое образование и ускорить их вхождение в науку. Ясно, что к работе в этих школах нужно привлечь наиболее подходящих школьников... в начальных классах достаточно сводить отбор к удалению некоторых детей, отстающих или обладающих замедленным ритмом развития» [12. С. 74]. В целом для всех школ Ляпунов полагал приемлемой программу математики, основанную на теоретико-множественном подходе, который следует вводить уже в начальных классах, при этом учитывая уровни школ, т.е. дифференцировать их на базе профориентации и возможностей учащихся. В этом его точка зрения совпадает с мнением, высказанным одним из докладчиков на XIX международной конференции по народному просвещению в Женеве (1956), который призывал поднять уровень обучения лучших, смягчая обучение слабых учеников: «Для последних лучше скромная математика, хорошо усвоенная, чем недоступная математика, которую ненавидят, что хуже, чем полное отсутствие математики» [14. С. 26].

Методика преподавания Ляпунова основана на требовании большей самостоятельности учащихся: в отсутствии этого требования он видел существенную разницу между школой и вузом. Чтобы ее сократить, он предлагал наряду с классными занятиями вводить потоковые лекции, на которых разбирались бы принципиально новые вопросы, дополняющие и развивающие содержание учебника. Практические занятия должны быть посвящены трудным задачам, а домашние задания – развитию практических навыков в решении типовых задач [12. С. 85]. Ляпунов аргументированно подошел и к проблеме времени, необходимого для усиления курсов математики в школах и вузах.

Он подсчитал, что из 50-часовой подготовки в пятилетнем обучении студента-математика, например, на профилирующие предметы отведено не более 20 часов, остальные 30 – непрофилирующие предметы и занятия, включая сельхозработы (!) [12. С. 90]. Нужно сказать, что цитированная статья вышла в сборнике, который издавал Научный совет по проблемам образования СО АН СССР, где сотрудничали представители академической науки и педагогической общественности, к наиболее активной части которой принадлежали заведующий кафедрой педагогики Новосибирского университета Ю.И. Соколовский, завуч ФМШ физик С.И. Литерат и директор школы № 130 математик Н.Ф. Дедов.

В декабре 1958 г. Верховным Советом СССР был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Главной целью реформы, которая предусматривалась законом, была подготовка грамотных специалистов для промышленности и сельского хозяйства. Вводилось обязательное восьмилетнее обучение, расширялась сеть вечернего и заочного образования, в старших классах вводилась обязательная производственная практика с получением свидетельства о профессиональной подготовке. Но эта реформа содержала и опасную тенденцию: в обсуждаемом проекте предлагалось ввести для выпускников школ требование обязательной работы на производстве в течение двух лет, и только после этого они могли поступать в вузы. Академики Я.Б. Зельдович и А.Д. Сахаров резко критиковали это положение, разрывающее связь между школой и вузом, предлагали создать сеть специализированных школ для одаренных детей [15. С. 22]. В более завуалированной форме высказался М.А. Лаврентьев, который сместил акценты в сторону повышения требований к наиболее сильным ученикам и поддержки их стремления к научной деятельности, предложил вузам отбирать способных школьников через систему олимпиад. Требование обязательного двухлетнего производственного стажа какое-то время существовало, абитуриенты, отработавшие два года на производстве, имели преимущество при поступлении в отдельные вузы и на отдельные специальности, но вскоре от этого требования отказались. Предлагаемого перерыва в обучении удалось избежать.

В Новосибирском Академгородке, руководство которого в ту пору обладало правом самостоятельно принимать некоторые организационные решения, были сделаны практические шаги в подготовке кадров для науки. Они выразились в организации Всесибирской физико-математической олимпиады школьников (председатель оргкомитета академик-физик Г.И. Будкер), которая проводилась в два тура в 1961–1962 гг., затем был проведен и третий тур – Летняя школа (1 июля – 24 августа 1962 г.) [Там же. С. 24–32]. В ходе проведения олимпиад созрело предложение об организации физико-математического училища-интерната при Новосибирском государственном университете. Как следует из документов, это училище должно было готовить «техников в области математики и физики» [16. Л. 39], т.е. специалистов со средним

специальным образованием из числа школьников, окончивших 8 классов. Это предложение было выдержано вполне в духе партийно-правительственного постановления «Об укреплении связи школы с жизнью». Новосибирские исследователи истории ФМШ считают, что московские математики во главе с А.Н. Колмогоровым могли бы подхватить идею создания образовательного учреждения нового типа и настоять на статусе школы для него, а не училища. Известно, что интернат для победителей III Всероссийской олимпиады школьников при МГУ по инициативе Колмогорова был создан в августе 1963 г. в подмосковном Красновидове. 19 декабря 1962 г. вышло постановление СМ РСФСР об организации физико-математической школы в Новосибирске, а в августе 1963 г. – постановление СМ СССР «Об организации специализированных школ-интернатов физико-математического и химико-биологического профиля» в Новосибирске, Киеве, Москве и Ленинграде [15. С. 55].

Занятия в новосибирской ФМШ начались 21 января 1963 г. лекцией А.А. Ляпунова в конференц-зале Института математики Сибирского отделения Академии наук СССР: «На первых двух лекциях в физико-математической школе А.А. Ляпунов поразил всех тем, что за три часа успел полностью воспроизвести идеологию математического анализа, начиная с производных и интегралов и заканчивая дифференциальными уравнениями и разложением функций в ряды Фурье. При этом он обращал внимание на прикладное значение всех рассматриваемых понятий, приводя примеры из физики, химии, биологии, экономики и даже социологии», – так вспоминали эту первую лекцию ее тогдашние слушатели, многие из которых ныне сами преподают в физматшколе: Ю.В. Михеев, В.Г. Харитонов, В.П. Голубятников, А.С. Марковичев и др. [Там же. С. 58]. В этой лекции математика была представлена Ляпуновым как интертеория, поскольку он считал осознание ее сути задачей первостепенной важности. В дальнейшем Ляпунов разработал программу по математике для физико-математической школы, она была обсуждена и утверждена на совместном заседании ученых советов Института математики и физико-математического факультета НГУ в мае 1963 г. [17. Л. 71–77].

В начале 1970-х гг. А.А. Ляпунов совместно с заведующим кафедрой педагогики НГУ Ю.И. Соколовским разрабатывал оригинальное направление педагогической дидактики – концепцию онтодидактики. Онтодидактика мыслилась ими как часть дидактики, занимающаяся проблемами обучения с учетом возможностей базисной науки [18. С. 4–5], как методика «сжатия» информации в условиях все возрастающего объема знаний, который трудно будет усваивать обучающимся различных ступеней и типов образования. Задача онтодидактики заключается в научной переработке основного материала дисциплины, придании ему более компактной формы, «концентрации, генерализации и более рационального изложения» в разумные сроки. Таким образом, как считали авторы концепции, различаются стратегические и тактические подходы к исследованиям в области онтодидактики.

Стратегически она была нацелена на перестройку всей системы народного образования в сторону его систематизации и большей компактности, предполагала постоянное внимание к успехам научно-технического прогресса, выявление глубоких взаимосвязей между дисциплинами, обеспечение преемственности в преподавании, в частности в средней школе и вузе. Тактические цели онтодидактики – совершенствование системы изложения учебных дисциплин, согласование строгости изложения с профилем специальности, переподготовка преподавательского состава с целью овладения методикой изложения [19]. Наглядный пример концентрации учебной информации приведен в статье-рецензии на одно из новых учебных пособий по физике для 9-го класса: «Как необъятные в их разрозненности химические факты лаконично отражены в менделеевской таблице, так и все богатое разнообразие физических газовых законов сконцентрировано в одном единственном уравнении Менделеева–Клапейрона. В пособии же рассматривается семь (!) газовых законов, каждый из которых должен заучиваться отдельно, что приводит к ничем не оправданной перегрузке школьников» [20]. Эта концепция не нашла всеобщей поддержки и дороги в специальные журналы. Академик-секретарь отделения дидактики и частных методик АПН СССР И.Д. Зверев в ответ на присланную ему статью Ю.И. Соколовского написал: «Проблема соотношения науки и учебного предмета давно обсуждается в дидактике и частных методиках... нет необходимости в самостоятельной надстройке “онто” над дидактикой» [21].

В рамках своей концепции Ляпунов категорически возражал против стандартизации математических программ в вузах, поскольку, по его мнению, это сдерживало их обновление [22]. Но главное, что отличало онтодидактику от традиционной дидактики, на наш взгляд, состояло в поиске и установлении межпредметных связей различных наук. Об этом предполагалось написать подробнее в сборнике «Проблемы онтодидактики», который планировали Ляпунов и Соколовский в 1973 г., но проект так и не был реализован. В настоящее время онтодидактика получает глубокое философское обоснование, которое вскрывает семантическую глубину понятия, введенного Ляпуновым, и трактуется в качестве «теории образования, смысл и содержание которой выводятся из онтологии человека, т.е. наиболее существенных модусов человеческого бытия (антропогенности, культурогенности, идеалогенности и природосообразности)» [23. С. 2–5].

Проблемы учительства постоянно находились в центре внимания педагогической рефлексии Ляпунова. С одной стороны, удручающее несоответствие учительского корпуса современным требованиям к преподаванию крайне заботило ученого, с другой стороны, он с энтузиазмом относился ко всему новому, нетрадиционному в преподавании и воспитании. Ляпунов и его соратники считали, что учитель должен в равной степени обладать как педагогическим мастерством, так и знанием своего предмета. При активном участии Ляпунова в СО АН были организованы курсы переподготовки для учителей-предметников старших клас-

сов из районов Сибири и Дальнего Востока, где методические и педагогические приемы рассматривались вместе с новым содержанием предмета. В помощь учителю предлагались конкретные методики преподавания школьных предметов, которые не всегда давали педагогические вузы. Большое значение Ляпунов придавал научно-популярным передачам на радио и телевидении, научно-популярной литературе и даже личной переписке: он считал, что если каждый ученый-математик будет поддерживать переписку с учителями, а «сильные» студенты – со школьниками, то можно получить хороший результат в плане повышения уровня образования в области математики [24. Л. 101–103]. В этом убеждал его опыт переписки со своими детьми в бытность его на фронте.

Популяризация научных идей на разных уровнях сложности всегда входила в круг занятий Ляпунова: он составлял задачи для турнира юных математиков, организованного «Пионерской правдой» [25], читал лекции в обществе «Знание». В первых двух номерах сборника «Математическое просвещение» появились статьи, посвященные актуальной проблеме 1950-х гг. – автоматическим быстродействующим цифровым вычислительным машинам (АБЦВМ), их устройству, применению, типам решаемых с их помощью задач (вычислительных и логических) [26], а также кибернетическим проблемам, связанным с появлением этих машин. Речь шла об основных понятиях кибернетики, определяющих новый общий подход к различным областям науки и техники, таких как управляющая система и процесс управления. Авторы изложили сущность специального математического аппарата для описания строения алгоритмов – логических схем, которые предшествуют процессу составления программ для ЭВМ, т.е. программированию [27]. Популярно излагая для широкой аудитории теорию схем программ по мере ее развития, Ляпунов со временем получил возможность вывести ее из закрытых отчетов Отдела прикладной математики МИАН.

Образовательные новации Новосибирского Академгородка получили международный резонанс. В конце 1967 г. Ляпунову поступило предложение главы Департамента ЮНЕСКО по применению достижений науки в образовании Альберто Баеза (Alberto Baez, UNESCO's Division of Science Teaching) поделиться своим представлением о системе народного образования, способной воспринять в своей практике научные достижения современности. Ляпунов написал «Некоторые соображения об общественном образовании». Текст в ЮНЕСКО был воспринят с энтузиазмом, судя по письму нового главы этого департамента Г.Б. Гресфорда (G.B. Gresford) [28]. Ляпунов коротко изложил цели и задачи создания города науки в Сибири и более подробно остановился на складывающейся здесь системе образования. Суть подхода к педагогическому эксперименту, осуществленному в физматшколе, по мнению Ляпунова, в том, что он дает подготовительное научное образование. Ляпунов привел в пример опыт экспериментального преподавания математики в младших классах (подкрепляя его опытом французских школ), где вводили элементы алгебры, логиче-

ского и теоретико-множественного аппарата, элементы интуитивной геометрии. Эксперимент проводили сотрудники Ляпунова А.А. Зыков и И.Е. Ермаков в школе № 130, расположенной в Новосибирском Академгородке. Естественно, преподавание математики Ляпунов ставил в центр проблемы, считая, что «нужно пользоваться математическим языком и понятиями при преподавании естественных и, вероятно, даже гуманитарных наук» [29]. Доклад Ляпунова был переведен на английский, немецкий и французский языки.

В заключении скажем, что Алексей Андреевич Ляпунов определил свои основные научные приоритеты, которым всегда следовал, приобрел научный вес и авторитет еще в Москве, в борьбе за основания науки, и приумножил свой лидерский капитал в Новосибирском Академгородке. Его педагогическая концепция –

раннее интеллектуальное развитие, личный пример, свободный обмен мнениями, онтодидактика для всех уровней образования и его дифференциация – принесла ощутимые плоды. В 1990-е гг. открылись границы, началась миграция специалистов. Они смогли встроиться в новую для себя систему отношений, нашли работу за рубежом вследствие принадлежности к отечественным научным школам, в том числе к сибирским. Это убеждает и в качестве системы образования, сложившейся в Новосибирском Академгородке, и в квалификации воспитанных в ней ученых. Дифференциация образования вошла в современную практику школы. Весомый вклад здесь принадлежит академическим ученым: Колмогорову, Лаврентьеву, Ляпунову и др. Опыт Сибири заинтересовал международное сообщество в лице ООН и ЮНЕСКО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соболев С.Л., Китов А.И. Ляпунов А.А. Основные черты кибернетики // Вопросы философии. 1955. № 4. С. 136–148.
2. Ляпунов А.А. Система образования и систематизация наук // Вопросы философии. 1968. № 3. С. 38.
3. Ляпунов А.А. К вопросу об интертеории математики // Вопросы философии. 1970. № 5. С. 52.
4. Колягин Ю.М., Саввина О.А. Бунт российского министерства и отделения математики АН СССР. 1960–1970-е гг. Елец : ЕГУ им. И. Бунина, 2012. 153 р.
5. Болтянский В.Г., Виленкин Н.Я., Яглом И.М. О содержании курса математики в средней школе // Математическое просвещение. 1959. Вып. 4. С. 131–143.
6. Явление чрезвычайное : книга о Колмогорове / под ред. В.М. Тихомирова. М. : Фазис. 1999. 256 с.
7. Арнольд В.И. О печальной судьбе «академических» учебников. [М.], 2018. URL: http://scepsis.ru/library/id_652.html (дата обращения: 28.01.2018).
8. Неретин Ю. Записки по истории Колмогоровской реформы школьной математики. [М.], 2017. URL: <http://mat.univie.ac.at/~neretin/misc/reform/reforma1965.html> (дата обращения: 28.01.2018).
9. Понтрягин Л.С. О математике и качестве ее преподавания // Коммунист. 1980. № 14. С. 99–112.
10. Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu_pavl_634993802223476562_12197&eid=Ly_0002_0921
11. Ляпунов А.А. О роли математики в среднем образовании // Математическое просвещение. М. : Гостехиздат, 1959. Вып. 4. С. 152–154.
12. Ляпунов А.А. Наболевшие вопросы математического образования // Наука и просвещение. Новосибирск, 1965. Вып. 1. С. 65–98.
13. Научный архив Сибирского отделения Российской академии наук (НАСО). Ф. 10. Оп. 3. Д. 404.
14. Сервз В. Преподавание математики в средних школах // Математическое просвещение. М. : Гостехиздат, 1957. Т. 1. С. 26.
15. ФМШ–СУНЦ НГУ. 50 лет: пять шагов в будущее / под ред. Н.И. Яворского. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2013. 240 с.
16. НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 318.
17. НАСО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 95.
18. Соколовский Ю.И. Задачи и перспективы онтодидактики // За науку в Сибири. 1972. № 28. С. 4–5.
19. Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_2404&eid=Ly_0003_0870
20. Ляпунов А.А., Соколовский Ю.И. Как стать эрудитом? // Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_2414&eid=Ly_0003_0873
21. Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_2784&eid=Ly_0004_0034
22. Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_14593&eid=Ly_0010_0779
23. Новичков В.Б. Онтодидактика и образовательные стандарты // Среднее профессиональное образование. 2010. № 1. С. 2–5.
24. НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 698.
25. Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_18644&eid=L1_0001_0996
26. Ляпунов А.А., Шестопал Г.А. Начальные сведения о решении задач на электронных вычислительных машинах // Математическое просвещение. 1957. Вып. 1. С. 57–74.
27. Ляпунов А.А., Шестопал Г.А. Об алгоритмическом описании процессов управления // Математическое просвещение. 1957. Вып. 2. С. 81–95.
28. Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_14432&eid=Ly_0009_0143
29. Открытый архив СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635513015734375000_11872

Krayneva Irina A. A.P. Ershov Institute of Informatics Systems SB RAS (Novosibirsk, Russia); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: cora@iis.nsk.su

Nekrylov Sergey A. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: san_hist@sibmail.com

ON A.A. LYAPUNOV'S PEDAGOGICAL HERITAGE

Keywords: A.A. Lyapunov; A.N. Kolmogorov; ontodidactics; reform of mathematical education in the USSR; differentiated approach. The paper is devoted to the pedagogical heritage of Alexey Andreyevich Lyapunov (1911–1973). Lyapunov himself received an excellent general scientific education. His pedagogical heritage includes the results of his theoretical and practical achievements in educating younger generations, teaching mathematics and natural science to all ages. Lyapunov taught mathematics in various institutions. The paper focuses on the differentiated approach to teaching any disciplines. The approach developed by Lyapunov was implemented by

him and other Russian scientists in specialized secondary schools. A generic connection has been established between the differentiated approach applied to teaching mathematics and other subjects in modern Russia and the ideas of academic scientists of the late Soviet period. Lyapunov set his main scientific priorities, to which he adhered, and gained a solid reputation as a scientist in Moscow, during his struggle for the foundations of science. He developed his leadership abilities in the Akademgorodok of Novosibirsk. His pedagogical concept – early intellectual development, personal example, free exchange of opinions, and ontodidactics for all levels of education – produced tangible results. Today, when national pedagogical experience is rejected, it would not hurt to remember that Lyapunov's approach to education made it possible to implement a number of important programmes on the national scale. His system was in demand not only in the USSR, but also abroad. In the 1990s, the borders opened and many specialists emigrated. The fact that they successfully integrated into the new system of relations and sometimes found work owing to their background, namely, national scientific schools including Siberian ones, clearly reflects the quality of the educational system in the former USSR, including the Akademgorodok of Novosibirsk, and the level of the scientists educated within this system. Differentiated education has become established practice in modern schools, which is largely due to the academic scientists A.N. Kolmogorov, M.A. Lavrentiev, A.A. Lyapunov, and others. As we can see, the development of the Siberian territories in the late Soviet period set not only economic, but also social and cultural tasks. The relative freedom of Akademgorodok made it possible to attract talented young people to science and education through summer schools, the Physics and Mathematics School of the Novosibirsk State University, scientific olympiads, and to use non-standard programs and teaching methods. The intellectual influence of Lyapunov extended to a variety of theoretical and practical spheres. Education, teaching various disciplines, primarily mathematics, always remained his top priority. He found support in the academic circles and among teachers. The international community, represented by the United Nations and UNESCO, also appreciated the cumulative pedagogical experience implemented in Akademgorodok with Lyapunov's help and sought to spread

REFERENCES

1. Sobolev, S.L., Kitov, A.I. & Lyapunov, A.A. (1955) Osnovnye cherty kibernetiki [The main features of cybernetic] *Voprosy filosofii*. 4. pp. 136–148.
2. Lyapunov, A.A. (1968) Sistema obrazovaniya i sistematizatsiya nauk [Education system and systematization of sciences]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 38–50.
3. Lyapunov, A.A. (1970) K voprosu ob interteorii matematiki [On the issue of the theory of mathematics] *Voprosy filosofii*. 5. pp. 48–56.
4. Kolyagin, Yu.M. & Savvina, O.A. (2012) *Bunt rossiyskogo ministerstva i otdeleniya matematiki AN SSSR. 1960–1970-e gg.* [Revolt of the Russian Ministry and the Department of Mathematics of the USSR Academy of Sciences. 1960–1970s]. Elets: Elets State University.
5. Boltyskiy, V.G., Vilenkin, N.Ya. & Yaglom, I.M. (1959) O soderzhanii kursa matematiki v sredney shkole [On the content of the course of mathematics in the secondary school]. *Matematicheskoe prosveshchenie*. 4. pp. 131–143.
6. Tikhomirov, V.M. (ed.) (1999) *Yavlenie chrezvychaynoe. Kniga o Kolmogorove* [An extraordinary phenomenon. The book about Kolmogorov]. Moscow: Fazis.
7. Arnold, V.I. (2018) *O pechal'noi sudbe "akademicheskikh" uchebnikov* [On the sad fate of "academic" textbooks]. [Online] Available from: http://scepis.ru/library/id_652.html. (Accessed: 28th January 2018).
8. Neretin, Yu. (2018) *Zapiski po istorii Kolmogorovskoy reformy shkolnoy matematiki* [Notes on the history of the Kolmogorov's reform of school mathematics]. [Online] Available from: <http://mat.univie.ac.at/~neretin/misc/reform/reforma1965.html>. (Accessed: 28th January 2018).
9. Pontryagin, L.S. (1980) O matematike i kachestve ee prepodavaniya [About mathematics and the quality of its teaching]. *Kommunist*. 14. pp. 99–112.
10. The Open Archive of the SB RAS. [Online] Available from: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu_pavl_634993802223476562_12197&eid=Ly_0002_0921. (Accessed: 28th January 2018).
11. Lyapunov, A.A. (1959) O roli matematiki v srednem obrazovanii [On the role of mathematics in secondary education]. *Matematicheskoe prosveshchenie*. 4. pp. 152–154.
12. Lyapunov, A.A. (1965) Nabolevshie voprosy matematicheskogo obrazovaniya [Urgent problems of mathematics education]. *Nauka i prosveshchenie*. 1. pp. 65–98.
13. The Academic Archive of the SB RAS. Fund 10. List 3. File 404.
14. Serve, V. (1957) *Prepodavanie matematiki v srednikh shkolakh* [Teaching mathematics in secondary schools]. *Matematicheskoe prosveshchenie*. 1. pp. 22–31.
15. Yavorsky, N.I. (2013) *FMSH–SUNTC NGU. 50 let: pyat' shagov v budushchee* [PMS–SESC NSU. 50 years: five steps into the future]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
16. The Academic Archive of the SB RAS. Fund 10. List 3. File 318.
17. The Academic Archive of the SB RAS. Fund 36. List 1. File 95.
18. Sokolovsky, Yu.I. (1972) Zadachi i perspektivy ontodidaktiki [Tasks and prospects of ontodidactics]. *Za nauku v Sibiri*. 28. pp. 4–5.
19. The Open Archive of the SB RAS. [Online] Available from: http://odasib.ru/openarchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_2404&eid=Ly_0003_0870. (Accessed: 28th January 2018).
20. Lyapunov, A.A. & Sokolovsky, Yu.I. (1972) Kak stat' eruditom? [How to become a scholar?]. *Sovetskaya Rossiya*. 223. p. 5.
21. The Open Archive of the SB RAS. [Online] Available from: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_2784&eid=Ly_0004_0034. (Accessed: 28th January 2018).
22. The Open Archive of the SB RAS. [Online] Available from: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_14593&eid=Ly_0010_0779. (Accessed: 28th January 2018).
23. Novichkov, V.B. (2010) Ontodidaktika i obrazovatelnye standarty [Ontodidaktika and educational standards]. *Srednee professionalnoe obrazovanie*. 1. pp. 2–5.
24. The Academic Archive of the SB RAS. Fund 10. List 3. File 698.
25. The Open Archive of the SB RAS. [Online] Available from: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635513015734375000_7316&eid=L2_0001_0780. (Accessed: 28th January 2018).
26. Lyapunov, A.A. & Shestopal, G.A. (1957) Nachal'nye svedeniya o reshenii zadach na elektronnykh vychislitelnykh mashinakh [Initial information about solving problems on electronic computers]. *Matematicheskoe prosveshchenie*. 1. pp. 57–74.
27. Lyapunov, A.A. & Shestopal, G.A. (1957) Ob algoritmicheskom opisani protsessov upravleniya [On the algorithmic description of management processes]. *Matematicheskoe prosveshchenie*. 2. pp. 81–95.
28. The Open Archive of the SB RAS. [Online] Available from: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635212335135781250_14432&eid=Ly_0009_0143. (Accessed: 28th January 2018).
29. The Open Archive of the SB RAS. [Online] Available from: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635513015734375000_11872. (Accessed: 28th January 2018).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(571.1) "16/19"
DOI: 10.17223/19988613/58/26

Е.Н. Косых

**РЕЦЕНЗИЯ: БОЙКО В.П., СИТНИКОВА Е.В., БОГДАНОВА О.В., ШАГОВ Н.В.
ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В XVII – НАЧАЛЕ XX в. И МЕСТНОЕ КУПЕЧЕСТВО (ТОБОЛЬСК, ТЮМЕНЬ,
ТОМСК, ТАРА, ОМСК, КАИНСК). ТОМСК : ИЗД-ВО ТГАСУ, 2017. 324 с.**

Данное издание, как отмечают авторы, является продолжением выпущенной в 2011 г. книги «Архитектура городов Томской губернии и сибирское купечество (XVII – начало XX в.). Томск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Колывань, Камень-на-Оби, Нарым, Мариинск, Новониколаевск», получившей широкое признание в виде высших премий ряда конкурсов, положительных отзывов в периодических изданиях, предложений продолжать начатое авторским коллективом дело [1. С. 3]. Поэтому, как отмечают авторы новой монографии, было решено рассказать об архитектуре других крупных городов Западной Сибири, изначально относившихся к Томской губернии: Тобольска, Тюмени, Тары, Омска, Каинска (ныне г. Куйбышев), а также дополнить и расширить очерк, посвященный Томску.

Со своей стороны, рецензент предложил бы продолжить исследование рассмотрением архитектуры Восточной Сибири и Дальнего Востока этого же периода, тем более что взаимовыгодная торговля россиян с коренными сибирскими народами, которая стала одной из главных причин строительства первых русских городов в Сибири, осуществлялась и восточнее, вплоть до Тихого океана [2. С. 187–193].

Авторы во всех шести главах книги подробно, доступно и достаточно квалифицированно повествуют о том, что сибирское купечество, составляя 4% купечества страны и от 2 до 4% городского населения Зауралья, занимало в XVII – начале XX в. видное место в социально-экономической жизни региона и оказывало сильное влияние на все стороны городской жизни.

Сибирское купечество было национально неоднородным, включало в свои ряды кроме русских торговцев и предпринимателей татар, евреев, поляков, немцев, представителей аборигенных народов. Несомненно, костяк местного купечества являлся к концу XIX и началу XX столетия основой для формирования в регионе торгово-промышленной буржуазии. Однако, как верно отмечают авторы, на всем протяжении исследуемого периода в Зауралье господствующим оставался торговый капитал, по сумме капиталовложений

и прибылей с них в сибирских городах преобладали торговцы. В течение XIX в., на протяжении жизни трех поколений, происходит становление и обособление купеческого самосознания, а затем постепенно начинается его растворение в формирующемся менталитете региональной буржуазии.

В исследовании наглядно показано, что в конце XIX – начале XX в. застройка городов Западной Сибири в градостроительном отношении стала носить стихийный частновладельческий характер. Не только жилые дома, но и крупные объекты постепенно переходят в руки частных лиц, банков и торговых фирм. Новый богатый социальный слой – купечество, со своими вкусами и взглядами на городскую жизнь – оказывает теперь значительное влияние на формирование планировочной и пространственной организации города.

Западносибирское купечество финансировало строительство не только собственных жилых зданий, торговых и складских сооружений, производственных и промышленных предприятий, но и общественных зданий и сооружений, таких как культовые постройки, культурно-просветительные и образовательные учреждения, учреждения здравоохранения. Они, как видно по фотографиям и рисункам, помещенным в конце глав, весьма органично вписывались в структуру городов, имели четкую планировку. Авторами книги достаточно квалифицированно указывается, что разнообразие архитектурно-планировочных решений общественных зданий в Тобольске, Томске, Омске и других крупных городах обусловлено местом расположения сооружений в структуре города, конфигурацией отведенного под застройку участка, замыслом архитектора, объемом финансирования и вкусовыми предпочтениями местного купечества.

Как свидетельствуют несколько сотен фотографий и рисунков в исследовании В.П. Бойко, Е.В. Ситниковой, О.В. Богдановой, Н.В. Шагова, многие здания построены по проектам высококвалифицированных архитекторов (К.А. Тон, К.К. Лыгин и др.) и отражают новейшие достижения в архитектуре и строительстве

Сибири и России этого периода. Кстати, многие из них имеют статус памятников федерального и местного значения [1. С. 25–64, 83–122, 141–172, 187–212, 225–268, 279–308].

Большинство зданий, построенных в дореволюционное время на средства купцов и предпринимателей – социально ответственного бизнеса, активно задействовано в современной жизни крупных старинных городов и используется, как верно отмечают авторы монографии, как по своему прямому назначению, так и под необходимые для городов функции – административные, общественные, культурно-просветительные и др. Кроме того, предреволюционные здания формируют центры сибирских городов, определяют их своеобразный индивидуальный облик. Построенные сто и более лет назад, оригинальные здания и сооружения привлекают к себе внимание по техническим и художественным характеристикам. Как уже отмечалось нами выше, высокое архитектурно-художественное качество исторической застройки было обеспечено не только высококлассной работой архитекторов, но и инвестициями сибирского купечества.

В то же время анонимная благотворительность среди западносибирских купцов почти отсутствовала. Местные предприниматели благодаря целевым пожертвованиям укрепляли свои позиции в обществе, создавали рекламу себе, своим предприятиям и товарам, налаживали тесные формальные и неформальные связи с местной администрацией. Так называемые «набожные купцы» через благотворительность старались обрести внутренний покой, заглушить угрызения совести, замолить грехи. Нельзя исключать и искреннего желания части купцов удовлетворить общественные нужды за свой счет, но такие случаи, скорее всего, были исключениями в общей практике благотворительности.

На протяжении предреволюционного периода в сознании местного купечества происходил массовый переход от веры в удачу и «божье благословение» к точному расчету. В своей коммерческой деятельности к началу XX в. купцы перешли к прогнозированию и планированию предпринимательских операций [3. С. 217–223]. Именно тогда неоклассицизм вошел в архитектуру Томска, Омска, Тобольска, Тюмени и других крупных городов региона. Но, как видно по иллюстрациям,

расположенным в конце глав исследования, неоклассицизм в местной архитектуре часто сочетался со стилем модерн как в отдельности, так и в смешении друг с другом. Как отмечает историк западносибирской архитектуры В.Т. Горбачёв, особое внимание уделялось отделке и декоративным деталям: их качество должно было быть безупречным [4. С. 279].

В отличие от других общероссийских и сибирских научных и научно-популярных исследований, авторы данной монографии доступно, подробно и достаточно квалифицированно повествуют о достижениях и проблемах влияния купеческого предпринимательства на планировку, застройку и архитектуру крупных региональных городов. Кстати сказать, многочисленные рисунки и фотографии в этой прекрасной и весьма поучительной книге играют не только информационную и социокультурную роль, они могут значительно расширить и поднять образовательно-познавательный уровень как историков, архитекторов и реставраторов, так и массового читателя. В то же время, на наш взгляд, монография В.П. Бойко, Е.В. Ситниковой, О.В. Богдановой, Н.В. Шагова излишне насыщена иллюстративным материалом: достаточно сказать, что он занимает в книге 214 страниц, а текст – 96 страниц. Кроме того, текст в некоторых главах, как, например, в главе 5 «Омск купеческий» и главе 6 «Каинское купечество и его вклад в историю города», видимо, излишне краток.

В целом же еще раз необходимо подчеркнуть, что рецензируемая монография является новой и очень удачной попыткой комплексно решить большинство проблем, поднятых в предисловии книги. Она насыщена без преувеличения огромным фактическим материалом, литературно и стилистически прекрасно оформлена и может являться ценным пособием для историков России и Сибири, архитекторов, реставраторов, специалистов по дизайну архитектурной среды, региональных администраторов, студентов, а также для массового читателя, интересующегося историей местной архитектуры и купечества.

Видимо, поэтому монография получила диплом в номинациях «Высокая культура издания» и «Лучшее научное издание по архитектуре, искусству и дизайну» на VIII Общероссийском конкурсе изданий для вузов «Университетская книга – 2018».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В.П., Ситникова Е.В., Богданова О.В., Шагов Н.В. Формирование архитектурного облика городов Западной Сибири в XVII – начале XX в. и местное купечество (Тобольск, Тюмень, Томск, Тара, Омск, Каинск). Томск : Изд-во ТГАСУ, 2017.
2. Шахеров В.П. Каменное строительство в городах Байкальской Сибири в XVIII – первой половине XIX века // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX – начале XXI века. Томск, 2015. Вып. 6.
3. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири XIX – начала XX в. Томск, 2009.
4. Горбачёв В.Т. Архитектура торговых зданий в купеческих городах Сибири // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978.

Kosykh Evgenii N. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian federation). E-mail: history@tsuab.ru

REVIEW: BOYKO V.P., SITNIKOVA E.V., BOGDANOVA O.V., SHAGOV N.V. FORMATION OF THE ARCHITECTURAL APPEARANCE OF THE CITIES OF WESTERN SIBERIA IN THE XVII – EARLY XX CENTURY AND THE LOCAL MERCHANTS (TOBOLSK, TYUMEN, TOMSK, TARA, OMSK, KAINSK). TOMSK : IZDATELSTVO TGASU, 2017. 324 p.

REFERENCES

1. Boyko, V.P., Sitnikova, E.V., Bogdanova, O.V. & Shagov, N.V. (2017) *Formirovanie arkhitekturnogo oblika gorodov Zapadnoy Sibiri v XVII – nachale XX v. i mestnoe kupechestvo (Tobol'sk, Tyumen', Tomsk, Tara, Omsk, Kainsk)* [The formation of the architectural appearance of Western Siberian cities in the 17th – early 20th centuries and local merchantry (Tobolsk, Tyumen, Tomsk, Tara, Omsk, Kainsk)]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
2. Shakherov, V.P. (2015) *Kamennoe stroitel'stvo v gorodakh Baykal'skoy Sibiri v XVIII – pervoy polovine XIX veka* [Stone construction in the cities of Baikal Siberia in the 18th – first half of the 19th century]. In: Fadeev, K.V. (ed.) *Khozyaystvennoe i kul'turnoe razvitie Urala i Sibiri v XIX – nachale XXI veka* [Economic and cultural development of the Urals and Siberia in the 19th – early 21st centuries]. Vol 6. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
3. Zinoviev, V.P. (2009) *Ocherki sotsial'noy istorii industrial'noy Sibiri XIX – nachalo XX v.* [Essays on the social history of industrial Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Gorbachev, V.T. (1978) *Arkhitectura torgovykh zdaniy v kupecheskikh gorodakh Sibiri* [Architecture of commercial buildings in Siberian merchant cities]. In: Vilkov, O.N. (ed.) *Goroda Sibiri (epokha feodalizma i kapitalizma)* [Siberian cities (feudalism and capitalism)]. Novosibirsk: USSR AS.

УДК 94(470.5+571)“185/189”:821.161.1-94
DOI: 10.17223/19988613/58/27

Н.П. Матханова

**РЕЦЕНЗИЯ: КЛЕВАКИН Е.П. ЗАПИСКИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ВОСПОМИНАНИЯ И РАССКАЗЫ О ЖИЗНИ
И СЛУЖБЕ НА УРАЛЕ И АЛТАЕ : СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ : в 2 т. / ИЗД.
ПОДГОТ. П.А. АФАНАСЬЕВ. БАРНАУЛ : АлтГПУ, 2017. Т. 1. 420 с.; Т. 2. 458 с.**

Рассматривается новая публикация источников мемуарного характера, созданных уральским, а затем сибирским чиновником Е.П. Клевакиным. Дана характеристика издания по основным параметрам: уровень вводной статьи, комментария и других частей научно-справочного аппарата, принципы и качество передачи текста, информационный потенциал. Делается вывод, что работа публикатора, П.А. Афанасьева, заслуживает высокой оценки.

Ключевые слова: эдиционная археография; мемуаристика; провинциальное чиновничество; Е.П. Клевакин; П.А. Афанасьев.

Фундаментальная публикация, подготовленная молодым историком, посвящена теме, актуальность которой в России неизменна. Административный аппарат играл и играет важнейшую роль в судьбе страны, в жизни миллионов ее граждан. Это относится и к местной власти – в повседневной жизни население имеет дело с органами и деятелями местного управления. В последние годы исследователи все больше проявляют внимания к истории провинциальной администрации Российской империи; сибирские историки достигли в этом отношении заметных успехов.

В рецензируемом издании впервые так полно представлено письменное наследие провинциального чиновника невысокого ранга. До сих пор исследователи могли лишь сетовать на незначительное по количеству и качеству мемуарно-эпистолярное наследие сибирских купцов и чиновников. Правда, по мере изучения вопроса оказывалось, что их не так уж мало и они не так уж малосодержательны. Некоторые из записок Евгения Поликарповича Клевакина были известны историкам и даже от случая к случаю использовались ими. Однако рецензируемое издание наглядно и убедительно показывает, насколько неполным и неточным было представление об их объеме, значении и информационном потенциале.

Осуществление научного издания исторических источников, да еще и значительного объема, требует огромной кропотливой работы, далеко не всегда справедливо оцениваемой коллегами, незнакомыми на собственном опыте с таким видом профессиональной деятельности. В данном случае П.А. Афанасьев выступает в роли не только публикатора, но и исследователя.

В обширной вводной статье П.А. Афанасьеву удалось реконструировать биографию изучаемого персонажа и убедительно показать действие механизма социальной мобильности. В публикуемых источниках представлены подробности повседневной жизни горнозаводского населения, значение существовавшей системы образования для судеб обычных людей. Упоминается главный начальник Уральских горных заводов В.А. Глинка, сыгравший важную роль в судьбе мальчика, – крупный чиновник обратил на него внимание и распорядился перевести в окружное училище.

Может быть, это не случайный поступок бывшего декабриста и человека, отличавшегося либеральными взглядами [1]. Во всяком случае, историки получили новый источник, дополняющий образ Глинки.

По мнению Афанасьева, в основе успешной карьеры Е.П. Клевакина, вышедшего «из мастеровских детей», лежат знание дела, честность, добросовестность, следование закону. Конечно, подобная карьера и ее основания противоречат устойчивому представлению о чиновниках, однако если бы эти стереотипы соответствовали действительности, само существование и функционирование государства было бы невозможно. Исследователь сумел проникнуть в смысл и содержание деятельности чиновника. Разнообразие занятий и мест службы Клевакина, подробная характеристика автором своей деятельности позволяет увидеть «изнутри» реальную жизнь, «подноготную» и казенной, и частной управленческой службы. Подчеркивается значение для успешной профессиональной и общественной деятельности коммуникативных практик, хотя в этой сфере Клевакин действовал неоднозначно: с одной стороны, он часто менял места работы, ссорился с начальниками и сослуживцами, с другой – умел «устанавливать контакты и ладить с разными людьми», в том числе с представителями враждовавших «партий» алтайской горнозаводской администрации. Упоминается о «могучем телосложении и силе» как об одном из факторов, поднимавших авторитет чиновника среди населения. Источники позволили выявить и охарактеризовать мотивы перемены мест службы: желание обеспечить материальное благополучие собственное и семьи, самолюбие и стремление достичь успеха, «быть всегда на виду», а также и сам характер работы. Не случайны такие замечания: «и здесь служить можно»; «как машина работаешь»; «должность очень занимательная». Клевакин, бесспорно, обладал незаурядными способностями, что проявлялось и в том, как быстро и успешно он осваивал новые обязанности и адаптировался к новым местам службы. Из публикуемых текстов обнаруживается и довольно широкий круг чтения этого человека.

Не менее важны выявленные и опубликованные источники, характеризующие участие Клевакина во

многих обществах – потребительских и научно-краеведческих, в ссудо-сберегательных кассах и клубах, пожарно-добровольческом движении и тюремном попечительстве, наконец, в «Союзе русского народа». Можно согласиться с объяснением монархизма чиновника архаичной тождественностью в его восприятии и понимании службы государству и государю, наград и поощрений, получаемых за службу, – благоволением императора.

Особую ценность публикуемым эго-текстам придаст принадлежность мемуариста к нижнему, самому многочисленному слою провинциального чиновничества. Думаю, что не вполне правомерно считать Клевакина «человеком второго плана» в соответствии с концепцией ростовских историков и их терминологией. Его место по классификации Н. А. Мининкова и его коллег, скорее, находится между второй и третьей категориями. Напомню, что к первой отнесены «выдающиеся личности», («фигуры первой величины»)… экстраординарность личных качеств которых создавала у современников и потомков впечатление их исключительности»; члены второй характеризуются так: «человек второго плана», который «в большей мере интегрирован в социальный контекст и в этом смысле – типичен», он «выделяется из толпы, но в то же время “не дотягивает”... до масштаба “творца истории” и “вершителя судеб”»; в третью входят лица «“третьего плана” (исторического фона, единиц социального ландшафта) – безымянные, вербально и визуально не представленные как индивидуумы». И наконец, вне этих категорий и за пределами объекта «персональной истории» остается «молчаливое большинство» – те, «кто составлял... социокультурный фон» эпохи [2. С. 23–25]. Почти по всем параметрам Клевакин ближе всего к третьей категории, его выделяет из тысяч мелких провинциальных чиновников факт создания многочисленных мемуарно-эпистолярных и беллетризованных текстов, охватывающих – и это действительно уникальное явление, – всю его жизнь.

П.А. Афанасьев расположил 46 публикуемых текстов в пяти разделах в соответствии с хронологией и основными этапами биографии Клевакина, разделы поделены на главы, следующие одна за другой «в хронологической последовательности описываемых событий», каждая глава «представлена обособленным завершенным... тематически самостоятельным очерком-воспоминанием». В ряде случаев выделены отдельные сочинения, входившие в состав общих, более крупных рукописей. Составитель поставил перед собой цель максимально полной публикации мемуарного наследия, включив и те сочинения, которые были написаны в «беллетризованной манере», но «по характеру описания, стилистике, упоминаемым фактам и героям», мало отличались от «собственно воспоминаний». Не случайно в названии появилось многозначное понятие «записки». Пришлось решать сложную задачу отграничения мемуаристики от беллетристики – «за рамками издания оставлены тексты, написанные на реальной основе, но созданные как художественные произведения с изменением имен действующих лиц». В этом отношении Афанасьев следует принципу,

сформулированному классиком отечественной истории и источниковедения П.А. Зайончковским [3. С. 10].

Само обилие и объем письменного наследия автора, имевшего невысокий социальный статус и не очень серьезный официальный образовательный уровень, вызывает несколько настороженное отношение, и Афанасьев понимает это, задаваясь даже вопросом о возможной графомании. Убедительными и обоснованными представляются соображения составителя о мотивах столь интенсивного мемуарного творчества: профессиональная привычка к письменной работе, удовлетворение собственного самолюбия, желание «подчеркнуть свою необычность среди большинства грамотных обывателей-современников», стремление сохранить и передать общественно значимую информацию, в чем, очевидно, проявлялось историческое самосознание. Все это позволило отказаться от подозрения в графомании. П.А. Афанасьев определил особенность мемуарного творчества Клевакина: «близость к форме очерка», беллетризация (наличие диалогов и прямой речи, эмоциональность), разрозненность и мозаичность. Им отмечена и такая черта, как ориентация на публикацию, особенно в поздний период и при создании крупных текстов, но она, скорее, отражает не индивидуальную специфику, а соответствует общей тенденции развития мемуаристики конца XIX – начала XX в. [4. С. 49].

При подготовке подлинно научного издания источников, как правило, встает вопрос о принципах публикации. К сожалению, в последнее время все чаще игнорируются «Правила издания исторических документов», – к рецензируемому изданию это не относится. Хотя мы видим отступления от правил, но в сторону более точного и полного соблюдения духа и сути археографии и текстологии. В данном случае отрефлексированы и четко сформулированы избранные публикатором правила передачи текста, в этом он следует серьезным образцам. В отличие от многих современных публикаций источников, археографическая характеристика рукописей выполнена на высоком профессиональном уровне. Дается описание носителя информации («конторская книга с твердой обложкой и тканевым корешком», «линованные листы писчей бумаги» и т.п.), указываются формат, поля, цвет чернил, надписи и пометы. Текстуальные подстрочные примечания позволяют судить о ходе и сути работы автора – исправления, дописки, переработка и пр. Правка наглядно показывает отношение автора к тексту.

Научно-справочный аппарат носит подлинно исследовательский характер. Из общего объема издания тексты Клевакина занимают более 70%, тексты составителя (введение, комментарии, именной указатель) – около 30%. Во вступительной статье представлены результаты большой и удачной аналитической работы. Однако правильно было бы при цитировании здесь публикуемых документов ссылаться не на архивное дело, а на собственную, вошедшую в данное издание публикацию. Комментарий основан на изучении многочисленных разнообразных документов. Как это и должно быть в хорошей, высокопрофессиональной работе, комментарий – настоящий кладезь информа-

ции по истории чиновничества и управления, об общественной и повседневной жизни многих слоев населения региона, о судьбах конкретных людей.

Составитель обоснованно включил во второй том «Перечень документального наследия Е.П. Клевакина», который стал результатом серьезной работы по выяснению судьбы фонда; ему удалось проследить перипетии движения документов.

Самостоятельную и весьма серьезную ценность имеет аннотированный именной указатель и приложение,

включающее восемь делопроизводственных документов, важных не только для реконструкции биографии самого Клевакина, но и для просопографических исследований чиновничества.

Основательность, исследовательский характер вступительной статьи и научно-справочного аппарата, качество передачи текста – все это отличает рецензируемое издание и позволяет поздравить составителя и читателей с появлением хорошего серьезного научного труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шкерин В.А. Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург : УрО РАН, 1998. 345 с.
2. Мининков Н.А., Корневский А.В., Иванеско А.Е. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя // В тени великих: образы и судьбы. СПб. : Алетейя, 2010. С. 19–28.
3. Зайончковский П.А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях : аннотированный указатель книг и публикация в журналах : в 5 т. / под ред. П.А. Зайончковского. М. : Книга, 1976. Т. 1: XVI–XVIII века. С. 3–15.
4. Тартаковский А.Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 35–55.

Matkhanova Natalya P. Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: istochnik_history@mail.ru

REVIEW: KLEVAKIN E.P. NOTES OF THE PROVINCIAL OFFICIAL OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: MEMOIRS AND STORIES ABOUT LIFE AND SERVICE IN THE URALS AND ALTAI: COLLECTION OF DOCUMENTS: IN 2 V. / THE EDITION IS PREPARED BY P.A. AFANASYEV. – BARNAIL: ALTAI PEDAGOGICAL UNIVERSITY, 2017. Vol. 1. 420 p.; Vol. 2. 458 p.

Keywords: edition archaeography; memoirs; provincial bureaucracy; E.P. Klevakin; P.A. Afanasyev.

A new publication of memoirs written by the Ural and then Siberian official E.P. Klevakin is considered. The characteristic of the publication according to the main parameters is given: the level of the introductory article, commentary and other parts of the scientific reference apparatus, the principles and quality of text transmission, the information potential. It is concluded that the work of the publisher, P.A. Afanasyev, deserves high evaluation.

REFERENCES

1. Shkerin, V.A. (1998) *General Glinka. Lichnost' i epokha* [General Glinka. Personality and era]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
2. Mininkov, N.A., Korenevskiy, A.V. & Ivanenko, A.E. (2010) Chelovek "vtorogo plana" v kontekste sovremennoy istoriografii: pyat' let spustya [The back-burner man in the context of modern historiography: five years later]. In: Repina, L.P. (2010) *V teni velikikh: obrazy i sud'by* [In the shadow of the great: images and destinies]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 19–28.
3. Zayonchkovsky, P.A. (1976) Vvedenie [Introduction]. In: Zayonchkovsky, P.A. (ed.) *Istoriya dorevolutsionnoy Rossii v dnevnikh i vospominaniyakh* [History of pre-revolutionary Russia in diaries and memoirs]. Vol. 1. Moscow: Kniga. pp. 3–15.
4. Tartakovsky, A.G. (1999) Memuaristika kak fenomen kul'tury [Memoirs as a phenomenon of culture]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 35–55.

УДК 94(57)

DOI: 10.17223/19988613/58/28

Л.И. Шерстова

**РЕЦЕНЗИЯ: КИМЕЕВ В.М., КОПЫТОВ А.И. ГОРНАЯ ШОРИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ. ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ :
МОНОГРАФИЯ. КЕМЕРОВО : ПРИМУЛА: 2018. 600, 24 с.**

Современная отечественная историография пополнилась новой монографией, которая дает полное и всестороннее представление об одном из регионов Сибири – Горной Шории. Один из ее авторов – В.М. Кимеев – является признанным этнографом, посвятившим свою жизнь изучению этнографии и истории коренного населения этого региона Сибири. Данная монография, написанная в соавторстве с А.И. Копытовым, раскрывает природное, историческое, этнографическое своеобразие Верхнего Притомья.

Актуальность подобных исследований не вызывает сомнений, поскольку процессы, протекающие в современном мире, направленные на унификацию и нивелирование культур, обостряют вопрос о сохранении культурной идентичности как на уровне отдельной личности, так и касаются народов в целом. Включения новаций – неизбежный и объективный процесс развития этноса и культуры. Всякая ныне существующая традиция когда-то была новацией. Проблема заключается в том, что современные процессы глобализации не признают права народа на выбор новации или отказ от нее. Процесс глобализации рассматривается как универсальный, прогрессивный ход истории, на пути которого нет места для сохранения самобытности. Европейская ментальность, построенная на отрицании «чужого», опирающаяся на модель черно-белого восприятия мира, казалось бы, не дает шансов культурам «незападного» типа не только для развития, но хотя бы для сохранения.

Однако, как показывают исследования, в том числе и данная монография, традиционные культуры, даже серьезно трансформированные, как, например, шорская, сохраняют потенциал адаптации и продолжают воспроизводить себя хотя бы в форме культурного явления, которое названо авторами термином «неотрадиционализм». К нему можно относиться по-разному, но не признать его существования невозможно. В монографии убедительно показано, как шорцы-горожане, имеющие образование, в том числе и высшее, отправляются в сельскую местность, на природу, чтобы вновь надеть на себя шорский костюм и устроить моление «родовой» горе или провести другой обряд, чтобы вновь стать «шорцем». При этом неважно, что костюм нельзя назвать традиционным, так как он вновь «изобретен», а проведение обряда – это своеобразный спектакль. Важно другое. На глазах исследователей идет процесс «создания традиции». И возможно, спустя несколько лет что-то из сконструированных элементов «новой» культуры передастся потомкам как шорская традиция и ею станет.

Авторы монографии полно показывают этот процесс не только в разделе о современной духовной культуре шорцев, но и в разделе, посвященном сохранению их культурного наследия, через описание этнографических коллекций, через их фольклор. Именно великолепное знание шорской этнографии позволило исследователям понять суть процессов конструирования «шорской» культуры. По своей сущности современный «неотрадиционализм» – это, с одной стороны, реакция деформированной в советское время традиционной культуры, а с другой – своеобразный ответ народа и культуры на рыночную экономику и глобализацию.

Монография написана на достаточной источниковой базе, а список литературы включил в себя фактически все исследования по истории Горной Шории. Благодаря этому данная работа – настолько полный и обобщающий труд, что вряд ли по этой теме в ближайшее время могут быть написаны еще какие-то сочинения.

Как и любое историческое исследование, данное издание предваряет раздел по истории изучения Шории, в котором авторы не только выделяют пять его этапов, дают глубокий анализ трудов предшественников, отдают им дань уважения, что, безусловно, подчеркивает их высокую профессиональную культуру, но на соответствующих страницах помещают их фотографии. Это очень важно, так как наука должна ассоциироваться с конкретными людьми, а не быть обезличенной, как это часто бывает.

Особый научный интерес вызывают главы, посвященные проблемам этногенеза и формирования шорского этноса. Авторы исследования стоят на позициях примордиалистского подхода в понимании сложения этносов. Следует отметить, что в связи с кризисом отечественной этнологии в 1990-е гг., когда беспощадно критиковалась теория этноса и этнических процессов, а сам этнос объявлялся «конструктом» некоей «элиты», даже если речь шла о народах, у которых ее и не существовало, поскольку это явление модернизированного общества, произошел отказ от того уникального научного наследия, которое было создано поколениями отечественных этнографов. При этом часто основными аргументами против примордиализма были тезисы о том, что это «неправильная» и «устаревшая» концепция.

Главным в этой дискуссии была не столько критика концепции Ю.В. Бромлея, труды которого, как правило, критики не читали, и уж тем более не пытались их использовать в собственных штудиях, сколько полное

отрицание ее права на существование в «современной» науке. И это неудивительно, так как чтобы исследовать этногенез конкретного народа, нужно не просто знать «правильную» теорию, но и владеть обширными познаниями конкретного фактического материала по истории, этнографии, политике, экономике, необходимо вести многолетние полевые работы. Все это слишком затратно, а подчас и некомфортно. Поэтому проще всего было объявить примордиализм «устаревшим» и, ссылаясь на «передовые» теории западных исследователей, сделать все, чтобы дискредитировать его в отечественной этнологии. Одно время даже употребление термина «этнос» считалось недопустимым в постсоветской науке.

Между тем именно интерпретации своего происхождения, своей истории являются основой для создания «этнических» мифов в национальной идеологии любого этноса, что особенно ярко проявилось в период «возрождения национального самосознания» в постсоветский период. Именно «великое прошлое», «великие предки» не просто демонстрировали деформированное этническое сознание, но и становились «ориентирами» для настоящего. В результате осложнились и без того непростые межэтнические отношения, доставшиеся от советской эпохи. Не избежал этого соблазна и шорский народ. Однако время существования таких мифов было ограничено, и серьезных последствий они не имели. Почему? Да потому, что задолго до их появления В.М. Кимеевым в его многочисленных исследованиях не только был прослежен этногенез шорцев, но и были выделены их основные этнические субстраты, их взаимопроникновение, показана гетерогенность населения Верхнего Притомья на момент появления у них этнонима «шорцы» и образования Горно-Шорского национального района.

Именно его концепция шорского этногенеза, аргументированные выводы, касающиеся этнических процессов, протекавших в среде аморфного тюркоязычного населения региона, базирующиеся на глубоком знании их истории и этнографии, стали той основой, которая не позволила укрепиться в сознании шорцев «мифическим» сюжетам. Ведь подчас именно незнание, невежество даже истории собственного народа – вот то поле, на котором «произрастает» этническое мифотворчество.

В данной монографии В.М. Кимеев вернулся к основополагающей проблеме отечественной этнологии – этногенезу народа. Можно согласиться с автором относительно того, что не стоит называть современными этнонимами те общие этнические компоненты, которые могут встречаться у разных народов Саяно-Алтайского нагорья. Исходя из того, что этнонимика здесь сложилась во многом в результате политики национального строительства, не может, например, род карга быть «хакасским» или «шорским», а род «чедыбер» шорским или кумандинским до появления и закрепления этнонимов «шорцы», «хакасы», «кумандинцы». Следует помнить одну особенность социального структурирования народов Южной Сибири и Центральной Азии: то, что мы по привычке называем родами, – это осколки ранее существовавших этносов,

которые в результате этнических процессов приобретали экзогамность и встраивались в социально-экономическую структуру нового этноса. Поэтому в силу различных причин они могли стать и становились этническими компонентами разных современных народов. Отсюда бессмысленно считать какой-то род изначально шорским, хакасским или кумандинским. И этот вывод – серьезный удар по этническим мифам, в которых присутствует стремление противопоставить внутри современных народов Саяно-Алтая «своих» «чужим».

Не менее интересны и содержательны материалы по материальной и духовной культуре шорцев, приведенные в монографии. Это полное описание традиционного образа жизни, занятий, жилищ, поселений, одежды шорцев. Рассмотренные сюжеты имеют большое научное значение, так как авторы везде приводят шорскую терминологию, что может стать дополнительным предметом исследований по сравнительной этнографии, в частности с этнографическими материалами народов таежной зоны Сибири. Данную монографию отличает и разнообразный иллюстративный материал, что дает возможность визуально познакомиться с основными предметами материальной культуры шорцев. Шорская терминология и фотографии очень важны для реконструкции этнических процессов, протекавших в древности как в горно-таежной, так и в таежных зонах Сибири. Именно они могут стать дополнительным материалом для реконструкции прасамодийских, енисейских, древнеиранских субстратов в этногенезах современных народов региона.

Монография «Горная Шория» дает полное представление и о современном развитии региона. В последней главе подробно рассматривается процесс его превращения в развитый промышленный край. Очень важно, что показана преемственность в этом развитии – от металлургии дорусского периода до мощных производственных предприятий современности. Благодаря этому Горная Шория предстает не только как регион, сохранивший культурное, «этнографическое» своеобразие, не как застывший музей под открытым небом, но и как край, который интенсивно развивается. И это еще одна проблема, поднятая в монографии – сохранение этнических традиций в условиях индустриального развития. При этом, кажется, в Кузбассе выход был найден: через развитие туризма, в том числе и этнического, что позволяет коренному населению ощущать значимость своей культуры, а значит и ощущать свою причастность к современности.

Рассматривая монографию В.М. Кимеева и А.И. Копытова как глубокое многоплановое исследование Горной Шории, тем не менее следует отметить, что, на мой взгляд, непонятно почему из сферы внимания авторов выпала история и культура нешорского населения региона. Возникнув в 1618 г., Кузнецкий острог первоначально не имел постоянного гарнизона, его обслуживали «годовальщики» из Томска. Но постепенно в остроге складывается свое общество казаков и служилых людей, подселяются крестьяне, т.е. с XVII в. формируется собственное старожильское население. В отдельные периоды истории казаки Кузнецкого

острога не только возмущались своими воеводами, но и грозились уйти «за Бию-реку, на Дон», т.е. отличались свободолюбивым нравом. И это была не простая угроза, так как вплоть до середины XVIII в. часть аборигенного населения Кузнецкого уезда была русско-джунгарскими двоеданцами, а западные и южные его границы были открыты.

Поэтому территория, слабо контролируемая властью, была притягательной для различных беглецов, в том числе и старообрядцев. В результате из казаков, служилых людей, крестьян и различных беглых, а также за счет включения в их состав части русифицированных аборигенов, в Горной Шории шел процесс формирования и русского старожильского населения. Думается, его культура, образ жизни, механизмы адапта-

ции в горно-таежной зоне также могли бы стать предметом исследования и войти самостоятельным разделом в данную монографию. Не менее интересно было бы исследовать и поздние миграции, в частности переселения крестьян в Столыпинскую реформу, а также процесс усложнения национального состава в годы первых пятилеток, в военный и послевоенный периоды. Стоит надеяться, что эти сюжеты будут включены специальными разделами при переизданиях данной монографии. Что такие переиздания будут, я не сомневаюсь. Этот труд, безусловно, окажется нужным не только для профессиональных историков и этнографов, он будет интересен и для жителей Горной Шории, и для многочисленных туристов, приезжающих в этот удивительно сказочный, добрый край.

Sherstova Lyudmila I. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sherstova58@mail.ru

REVIEW: KIMEEV V.M., KOPYTOV A.I. MOUNTAIN SHORIA: HISTORY AND MODERNITY. HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC ESSAYS. KEMEROVO : PRIMULA: 2018. 600, 24 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 001-057.85(045)
DOI: 10.17223/19988613/58/29

В.И. Рогачев, С.И. Шубин

АРКТИЧЕСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ РОССИИ И НОРВЕГИИ РАСШИРЯЮТ СОТРУДНИЧЕСТВО В БАРЕНЦЕВОМ ЕВРО-АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Анализируется роль арктических университетов Архангельска (Россия) и Тромсе (Норвегия) в развитии трансграничного сотрудничества в рамках Баренцева Евро-Арктического региона. Двадцать пять лет назад, в январе 1993 г., была подписана Киркинеская декларация, положившая начало новому этапу баренцева сотрудничества. Юбилейные мероприятия 2018 г. стали заметным импульсом в развитии сотрудничества «соседей на крыше Европы», как нередко называют приарктические государства Скандинавии и регионы Европейского Севера России, входящие в БЕАР. Этому событию в Архангельске 8 ноября 2018 г. были приурочены очень содержательная дискуссия на тему «Северные вузы как центры развития регионов» и V международная научно-практическая конференция «Русский Север и Арктика: фундаментальные проблемы истории и современности».

Ключевые слова: Россия; Норвегия; арктические университеты; международное и трансграничное сотрудничество; публичная дипломатия.

В дискуссии «Северные вузы как центры развития регионов» обсуждались итоги, результаты и перспективы сотрудничества университетов Архангельска (САФУ и СГМУ) и Тромсе (Университет Тромсе), а также Университета Арктики, объединяющего международную сеть университетов, колледжей, научно-исследовательских институтов и других организаций, занимающихся вопросами образования и исследований на Севере, в контексте укрепления и расширения приграничного сотрудничества в Баренц-регионе. В обмене мнениями приняли участие: ректор Северного (Арктического) федерального университета Елена Кудряшова, ректор Университета Тромсе Анне Хусебекк, президент Университета Арктики Ларс Куллеруд, проректор по научно-инновационной работе Северного государственного медицинского университета Светлана Малявская, заместитель министра образования и науки Архангельской области Юрий Гнедышев, заместитель главы Архангельска Даниил Шапошников, советник Посла Норвегии в России по вопросам науки и образования госпожа Раина Тренгерид, представитель МИД России в Архангельске Дмитрий Каменный. Модератором встречи выступила советник ректора САФУ по международному сотрудничеству, вице-президент Университета Арктики Марина Калинина.

В ходе дискуссии был отмечен неуклонный рост влияния арктических университетов на процесс развития северных территорий и местных сообществ. Очевидным подтверждением этому, как отметил Даниил Шапошников, явилось заключение в 2011 г. между Архангельском и Тромсе межмуниципального соглашения об установлении побратимских связей. Ректор САФУ указала на очевидный факт широкого и всевозрастающего участия преподавателей, студентов, общественных деятелей и политиков в двусторонних про-

ектах. В связи с этим, как заметила Елена Кудряшова, «не заключить побратимское соглашение было уже невозможно».

Анализируя возможности арктических университетов во взаимодействии с региональной властью и органами местного самоуправления, участники отметили накопление положительного опыта. Даниил Шапошников заметил, что удалось многого достигнуть для развития Архангельска в рамках привлечения инвестиций, развития туризма, знакомства с зарубежным опытом в самых разных сферах общественной жизни.

При рассмотрении реализации научно-образовательных проектов университетов Архангельска и Тромсе представителями региональных властей, университетов и дипломатических ведомств было высказано общее удовлетворение их результатами. Заместитель министра образования и науки Архангельской области Юрий Гнедышев отметил, что именно арктические университеты в рамках инновационных проектов выдвигали инициативы по улучшению экологии, развитию молодежной политики, науки и образования на Севере и в Арктике, реализовывали исследования, востребованные социально-экономическим развитием Архангельской области.

Представитель Северного государственного медицинского университета Светлана Малявская подчеркнула важность сотрудничества научных сообществ России и Норвегии в сфере медицины, что взаимно обогащало наши страны. Особых успехов благодаря обоюдному сотрудничеству удалось достичь в борьбе с туберкулезом в Архангельской области, сердечно-сосудистыми заболеваниями, наркоманей, алкоголизмом и другими негативными факторами жизнедеятельности северян. Важную роль в мониторинге здоровья северян сыграло развитие телемедицины, где опять же серьезную поддержку оказали норвежские

коллеги. Так, центр телемедицины в Тромсе помог создать сеть телемедицинских центров в Архангельской области.

Ректор Университета Тромсе Анне Хусебекк отметила высокую эффективность объединения усилий университета и местных властей. Она оценила результативность трансграничного сотрудничества северных регионов Норвегии, Швеции и Финляндии и выразила готовность более подробно поделиться положительным опытом с российской стороной в рамках Баренц-региона.

В этом же контексте высказался президент Университета Арктики Ларс Куллеруд. Он заявил, что университеты должны работать на благо и развитие общества сообща, а если каждый университет будет выполнять свою миссию, изолируясь от других, то результаты не будут иметь ожидаемого эффекта. Поэтому Ларс Куллеруд особое внимание обратил на поиск приемлемых механизмов коллективного финансирования в реализации идей сотрудничества. «Все страны, которые участвуют в арктическом диалоге, хотят мира и развития. И мы надеемся разработать проекты, которые обеспечат долговременную стабильность в арктической зоне», – подчеркнул он.

Дипломаты России и Норвегии раскрыли проблемы межрегионального сотрудничества в условиях нарастания общей напряженности международной обстановки. Так, Дмитрий Каменный обратил внимание на то, что несмотря на замедление темпов сотрудничества на высшем уровне между Россией и Норвегией, их региональное измерение имеет устойчивый рост и характеризуется расширением связей, в чем, несомненно, значительную роль играют университеты.

Советник Посла Норвегии в России по вопросам науки и образования госпожа Раина Тренгерид подчеркнула в ходе дискуссии, что важнейшая задача – это сохранение экологии Арктики для будущих поколений. Санкции, как отметила норвежский дипломат, не мешают и не могут помешать научно-образовательному сотрудничеству, что сегодня очень важно. «Мы вместе живем в одной географической зоне, мы должны внимательно относиться к нашим природным ресурсам. Важно делать наши регионы экологически чистыми, для этого нужны новые исследования, хорошие кадры. Мы должны обеспечить стабильное развитие в регионе», – подчеркнула советник Посла Норвегии в России. Подобное мнение было поддержано и другими участниками дискуссии. Анне Хусебекк выразила общую позицию, указав на то, что «никакие политические санкции не нанесут удар по нашей дружбе, мы продолжим понимать друг друга и будем работать в атмосфере взаимного уважения и сотрудничества».

Важным результатом плодотворного сотрудничества российских и норвежских университетов явилась совместная работа над книгой «Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах», переведенной на русский язык и вышедшей в московском издательстве «Весь Мир» объемом более 70 печатных листов под общей редакцией профессора Арктического Универ-

ситета Норвегии Йенса Петтера Нильсена. Главный редактор и несколько авторов этого издания приняли участие в презентации книги на пленарном заседании V международной научно-практической конференции «Русский Север и Арктика: фундаментальные проблемы истории и современности». Коллективный труд шестнадцати ученых России и Норвегии представляет собой фундаментальное исследование, иллюстрированное большим количеством выразительных рисунков и фотографий, раскрывающих широкий спектр проблем «от варварства к симбиозу». В структуре книги более двадцати глав, раскрывающих историю векового сотрудничества норвежцев и россиян. Понятно, что для этого авторам потребовалось делать серьезные хронологические отступления от дат, обозначенных в названии.

В основу книги, получившей диплом на общероссийском конкурсе изданий для вузов «Университетская книга – 2018» в номинации «Лучшее переводное издание», положены исследования, опирающиеся на источники норвежских и российских архивохранилищ. Особенностью издания является то, что изложение содержания исследований носит по-настоящему коллективный характер: восемнадцать глав из двадцати одной написаны в соавторстве. Причем, как отмечают сами исследователи, «...книга представляет собой связанное, хронологически организованное повествование», раскрывающее не только политические, экономические отношения, но и взаимные представления друг о друге, складывающиеся у норвежцев и русских на различных этапах развития.

Широкий спектр проблематики презентационного издания стал хорошим фундаментом состоявшегося двухдневного обсуждения проблем арктического сотрудничества в контексте истории и современности. О многогранности обсуждаемых проблем свидетельствуют некоторые темы из почти сорока сделанных участниками конференции докладов. Например, Виолета Кононова (САФУ) поделилась результатами исследования о молодежном сотрудничестве в БЕАР, Таира Соколова (МГУ) проанализировала роль премьер-министра Швеции Улофа Пальме в разрешении международных конфликтов, София Макеева (ГАУГН) попыталась раскрыть причины и последствия теракта Брейвика в Норвегии, Марина Икаева (САФУ) представила сообщение «Участие женщин в арктических экспедициях как феминистский вызов», а Евгений Морозов (САФУ) в своем докладе показал угрозы современной милитаризации Арктики и т.д.

Таким образом, по окончании напряженной двухдневной работы участники выразили удовлетворение результатами двадцатипятилетнего баренцева сотрудничества, отметив, что только понимание необходимости сотрудничества, а не противостояние может явиться залогом устойчивого развития арктического мегарегиона и мира в целом. Приближающийся V Международный форум «Арктика – территория диалога», который в очередной раз пройдет в Архангельске в апреле 2019 г., станет проверкой воплощения в жизнь высказанных идей и надежд.

Rogachev Ivan V. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. (Archangelsk, Russia) E-mail: i.rogachev@narfu.ru
Shubin Sergei I. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. (Archangelsk, Russia) E-mail: serg1946@atknet.ru

ARCTIC UNIVERSITIES OF RUSSIA AND NORWAY EXPAND COOPERATION IN THE BARENTS EURO-ARCTIC REGION

Keywords: Russia; Norway; Arctic universities; international and cross-border cooperation; public diplomacy.

The article analyzes the role of the Arctic universities of Arkhangelsk (Russia) and Tromsø (Norway) in the development of cross-border cooperation within the Barents Euro-Arctic region. 25 years ago, in January 1993, The Kirkenes Declaration was signed, marking the beginning of a new phase of Barents cooperation. The anniversary events of 2018 became a noticeable impulse in the development of cooperation between the “neighbors on the roof of Europe”, as the Arctic States of Scandinavia and the regions of the European North of Russia included in the BEAR are often called. This event in Arkhangelsk on November 8, 2018 were timed with a very meaningful discussion on the topic “Northern universities as centers of regional development” and the V international scientific-practical conference “Russian North and the Arctic: fundamental problems of history and modernity”.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБСАЛЯМОВА Юлия Аликовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: yuli81@mail.ru

АНДРЕЕНКОВ Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН), E-mail: andreennkov_sn@mail.ru

АХМЕДОВ Теюб Ахмед оглы, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин Технического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. E-mail: RSevoi@yandex.ru

БАДМАЕВА Екатерина Николаевна, доктор исторических наук, директор Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве» Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова. E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

БЕЛЯВСКАЯ (КРАПАЧЕВА) Ольга Сергеевна, аспирант Института истории, языка и литературы Уфимского исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: krapacheva.olya@mail.ru

ВАН Гохун, директор Института Конфуция, Национальный исследовательский Томский государственный университет. E-mail: wangguohong@mail.ru

ДАНКОВ Артем Георгиевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: artemdankov2015@gmail.com

ДУНБИНСКИЙ Илья Александрович, ассистент кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: dunbunskiy@mail.ru

ЗОРИКТУЕВ Булат Раднаев, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: enhe_z@mail.ru

ИСЛАМОВА Резеда Харисовна, аспирант отдела этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. E-mail: isrezeda@gmail.com

КАРЛОВА Ксения Федоровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Московского государственного областного университета; научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения Российской академии наук. E-mail: kseniadam87@mail.ru

КЛИМОВА Ольга Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения и политологии Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. E-mail: climovolga@yandex.ru

КОНЧАКОВСКАЯ Наталия Борисовна, соискатель, инженер кафедры истории России департамента «Исторический факультет» Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: natalia_konchak@mail.ru

КОСТЕРЕВ Антон Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы гуманитарного факультета Томского университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: antonkosterev@rambler.ru

КОСЫХ Евгений Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: history@tsuab.ru

КРАЙНЕВА Ирина Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института систем информатики Сибирского отделения Российской академии наук; старший преподаватель кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: cora@iis.nsk.su

КРАСИЛЬЩИКОВА Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. E-mail: skyskytter@yandex.ru

ЛЫКОВА Алена Алексеевна, аспирант кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: alena.lykova.1995@mail.ru

МАТХАНОВА Наталья Петровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: istochnik_history@mail.ru

НЕКРЫЛОВ Сергей Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: san_hist@sibmail.com

НЕПОМНЯЩИЙ Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, E-mail: dr.aan@mail.ru

ПЕРМИЛОВСКАЯ Анна Борисовна, доктор культурологии, главный научный сотрудник, заведующая Научного центра традиционной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. акад. Н.П. Лаверова Российской академии наук, E-mail: annaperm@fciactic.ru

РИЗОЕВ Шамсиддин Хуршедович, аспирант кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: rizoye@gmail.com

РОГАЧЕВ Иван Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: i.rogachev@narfu.ru

РУСЛАНОВ Евгений Владимирович, младший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: butleger@mail.ru

РУСЛАНОВА Рида Раисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального музея Республики Башкортостан. E-mail: ridushka@mail.ru

СИЗОВА Александра Александровна, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: sayun@yandex.ru

СКОРОБОГАЧ Никита Игоревич, аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: skorobogach_nikita@mail.ru

СЫРОВ Василий Николаевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета; профессор кафедры истории Древнего мира и Средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: narrat59@gmail.com

ФОМИНЫХ Сергей Федорович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ЦИНЦАДЗЕ Нина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г.П. Державина. E-mail: NinaTsintsadze2010@yandex.ru

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: sherstova58@mail.ru

ШЕСТОПАЛОВА Анна Сергеевна, аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: chestopalova94@mail.ru

ШМИДТ Вильям Владимирович, доктор философских наук, Советник Российской Федерации 1 класса; профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: william@list.ru

ШУБИН Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: serg1946@atknet.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2019 № 58

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – В.С. Воробьева

Подписано к печати 18.04.2019 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 23,25. Тираж 50 экз. Заказ № 3750. Цена свободная.

Дата выхода в свет 30.04.2019 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь В.С. Воробьева
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Veronica Vorobyeva
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru